СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXVII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора
А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь
И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:
А. Л. Монгайт, Б. Б. Пиотровский, Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, XXVII, 1957

А. Я. БРЮСОВ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДВИЖЕНИЯХ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН В ЭПОХУ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Особенности археологического материала затрудняют выяснение по нему производственных отношений. По найденному при раскопках предмету нельзя непосредственно заключить, кем он был сделан, при каких условиях труда он попал в руки своего владельца, а в большинстве случаев и кто был его владельцем. За редкими исключениями, все такие вопросы приходится решать на основании косвенных данных, при помощи выводов из наблюдений за обстановкой находок. Понятно, что выводы о древних производственных отношениях неизбежно ограничены количественно и качественно и тем больше, чем дальше отстоит от нас изучаемое время.

Археологический материал показывает, что та этническая общность, которая в неолитическую эпоху была представлена племенами, составляла почти замкнутую экономическую группу. Сношения между племенами были случайными, если исключить сравнительно редкий обмен некоторыми породами камня, возможно, солью и др., а также примитивные войны.

При этом выделение по археологическому материалу племенной группы может быть сделано только с оговоркой, что эта группа представляет собою, возможно, не одно племя, а несколько родственных племен. Только первое великое общественное разделение труда — выделение скотоводческих племен из остальной массы охотников и рыболовов, а позднее — открытие металлургии бронзы, обусловившие более широкий и регулярный обмен сначала на границах соприкосновения племен, а затем и внутри племени, дают возможность сделать значительно больше выводов о межплеменных и отчасти о внутриплеменных отношениях.

На первом месте при анализе производственных отношений стоит, конечно, вопрос об имущественных различиях между различными группами людей внутри древних племенных организаций. Основное средство производства — земля — находилось, как известно, в нераздельном владении общины, родовой или племенной, продукты производства, охоты и рыбной ловли составляли собственность группы семей, которые вели общее, коммунистическое хозяйство. Следовательно, для ранних этапов речь может идти только о предметах, составлявших личное владение, по большей части изготовленных самим их владельцем. Об этих предметах мы можем судить почти исключительно по погребальному инвентарю.

В археологической литературе чрезвычайно употребительны выражения «богатое» и «бедное» погребения. Для погребений эпохи первобытной

общины (за исключением сравнительно короткого периода ее распада) эти термины отражают, однако, только нашу современную субъективную оценку богатства и бедности. Но их применение неизбежно влечет за собою представление о положении данного человека в общине. Все такого рода предположения чрезвычайно спорны. Конечно, нахождение среди вещей, положенных с покойником, каких-либо предметов церемониального назначения (фигурные каменные молоты, булавы, скульптурные жезлы и т. п.), а отчасти даже большого количества украшений и предметов вооружения может служить некоторым основанием для предположения об особом положении данного лица Но это отнюдь не обязательно. Может случиться, что не менее выдающееся положение занимал человек, в погребении которого не было найдено никаких вещей. В этом отношении очень показательны описания Л. И. Шренком самых разнообразных типов погребений, обследованных им в середине прошлого века на Амуре. Многие из этих типов захоронений зависели не от положения человека в обществе, а от характера его смерти (естественная, насильственная, убийство, самоубийство, гибель на охоте и т. д.)[1]. Вероятно, такими же различными по форме были погребения в неолитическую эпоху.

По крайней мере в Оленьеостровском могильнике на Онежском озере в одной и той же серии погребений встречены погребения, вытянутые на спине, сидячие и даже стоячие, с обилием положенных при покойнике вещей и вовсе без вещей, вне зависимости от того, были ли то мужские или женские погребения. Различные типы погребений были обнаружены также в неолитическом могильнике в местности Караваиха, на севере Вологодской области. В одних случаях покойник был положен лицом вниз, в других случаях — на спине, были и сидячие погребения, умершего то засыпали охрой, как на Оленьеостровском могильнике, то слегка посыпали охру у головы и в ногах, то охра совсем отсутствовала. Возможно, что некоторые из таких обрядов отмечали положение погребенного в обществе, а возможно, только указывали на род смерти.

Неоднократно делались попытки определить отношение друг к другу положенных в одну могилу мужчины и женщины. При погребении женщины с ребенком можно с большой долей уверенности сказать, что мы имеем дело с погребением матери и ее сына. Но при парном захоронении взрослых мужчины и женщины нередко встречающееся предположение, что похоронены вместе муж и жена, невероятно: при родовом строе муж и жена обязательно должны были принадлежать к разным родам и, следовательно, быть похороненными на различных кладбищах. Даже при патриархальном родовом строе мало вероятно совместное погребение мужа и жены в одной и той же могиле.

Таким образом, могильные памятники неолита и эпохи бронзы не дают достаточно данных для выяснения положения отдельных родичей внутри родовой общины.

Также мало данных для разрешения подобных вопросов можно извлечь из наблюдений за обстановкой жилищ. Инвентарь, находимый в жилищах, поразительно беден и однороден. Главную массу находок составляют обычно черепки разбитых сосудов. Можно с уверенностью сказать, что до развитого неолита включительно и, вероятно, на всем протяжении эпохи бронзы первобытная община не знала имущественного неравенства между отдельными семьями и отдельными лицами. Если и

[1] Л. [И.] Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 3, СПб., 1903, стр.136—145. См. также кн.: А. Эльскин. Коренное население Австралии. М., 1952. стр. 237—242 и др.

существовало какое-либо различие, то оно носило, по-видимому, самый поверхностный характер. Производительные силы общества были еще настолько неразвиты, что никакое накопление богатств, как правило, не было возможно. А низкая ступень производства приводила вместе с тем к отсутствию потребности в таком накоплении. Только переход к скотоводству и появление металлургии, эти два великих достижения человечества, открыли путь к ускоренному прогрессу во всех отношениях и к накоплению благ, положившему начало имущественным различиям между различными группами общинников.

Эти краткие соображения показывают, что в отношении ранних эпох развития человеческого общества мы можем говорить не о различиях в общественном положении отдельных групп населения в среде родовых и племенных организаций, а только о медленном прогрессивном улучшении жизненных условий для всего коллектива в целом.

Никто не мог занять особого общественного положения в том смысле, который придается этому выражению при описании классового общества. Именно пренебрежение этим различием между общественным положением человека при родовом строе и в классовом обществе позволяет буржуазным археологам и историкам фальсифицировать древнейшую историю, вплоть до утверждения о существовании при первобытно-общинном строе классовых различий. Классовые различия, основанные прежде всего на имущественных различиях, были невозможны в родовом обществе. При родовом строе, каким мы его наблюдаем в неолитическую эпоху, можно было получить лишь «средства к существованию», «...когда в скудном объеме, когда в изобилии; но непредвиденные общественные перевороты были тогда невозможны, невозможны были разрывы родовых связей, разделение сородичей и соплеменников на противоположные, борющиеся друг с другом классы»[1].

Но если археологический материал позволяет говорить о внутриплеменных отношениях в неолитическую эпоху, до возникновения скотоводства и металлургии, не более того, что известно по классическим трудам Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, то тем не менее он дает возможность судить в ряде конкретных случаев о различных междуплеменных отношениях.

Эти междуплеменные отношения уже тесно связаны с конкретной историей племени, и потому в дальнейшем оба эти вопроса придется главным образом рассматривать совместно.

Возможность постановки и решения таких вопросов на материале ранненеолитического времени весьма ограничена. На далеком севере эти материалы в виде так называемого «арктического палеолита» еще очень сомнительны в смысле их датировки, а главное—их мало в пределах СССР и они весьма невыразительны. Несколько южнее памятники «докерамического» неолита насчитываются также единицами (Кунда, Пярну, Ягорба, Погостище I, Нижнее Веретье, могильник на Южном Оленьем острове на Онежском озере и ряд случайных находок у озера Лубана в Латвийской ССР, на Шигирском торфянике на Урале и в некоторых других местах). Анализ вещей, найденных на этих стоянках, и стратиграфия этих стоянок свидетельствуют об их относительно большой древности и об этническом единстве племен, оставивших в виде стоянок следы своего пребывания от Урала до Прибалтики[2]. Но только такой общий вывод, притом все еще имеющий гипотетический характер, и по-

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 115.

[2] А. Я. Брюсов. К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

зволяют сделать материалы с этих стоянок[1]. В области Волго-Окского междуречья памятники раннего неолита исследованы еще меньше (Скнятино, Елин Бор, дюна Красные Кусты, Гремячево, Буреломка и др.). Только южнее памятники такого рода известны в довольно большом количестве (в Крыму, в долине Северного Донца, на Среднем Днепре и т. д.) и, возможно, позволяют проследить образование в ряде таких областей приблизительных границ территорий, занятых, по-видимому, группами родственных племен. Возникающие и все более утверждающиеся различия в формах бытовых вещей[2] свидетельствуют об относительной изолированности этих племенных групп; с другой стороны, единичные сходные приемы обработки кремня и формы орудий могут служить доказательством некоторой связи между этими группами племен.

В позднем неолите и особенно в энеолите на юге картина резко меняется. Оформление почти на всей территории европейской части СССР так называемых археологических культур поздненеолитического времени означает, что в IV—III тысячелетиях до н. э. процесс расселения людей на освободившемся от ледника пространстве в основном закончился. За исключением далекого северо-востока и Кольского полуострова на европейской территории СССР почти нельзя найти более или менее значительный участок, где бы не были обнаружены стоянки этого времени. Вся Восточная Европа оказалась более или менее равномерно заселенной.

Значение этого факта обращало на себя слишком мало внимания, хотя он прежде всего означает значительный рост населения, несомненно, вызванный развитием производительных сил общества. Вместе с тем здесь, как мне кажется, вполне применима формула К. Маркса, характеризующая отношение возросших, но все еще слабо развитых производительных сил и численности населения[3]. Увеличение населения, при существовании примитивной родо-племенной организации, по самому своему существу охватывающей небольшое число людей, и при потребности в большой охотничьей площади на каждого члена племени, вызывало расселение и в первую очередь на никем не занятом, освободившемся от ледяного покрова широком пространстве средней и северной частей европейской территории СССР.

Одна из задач археологии — проследить пути и время этого расселения, что имеет большое значение для разрешения вопроса этногенеза народов СССР. Надо, однако, сказать, что сделано в этом отношении очень мало. Старые буржуазные теории миграций и переселений, как и марристская вульгаризаторская теория всеобщей автохтонности, приводили к чисто механическому и неисторическому решению проблемы. В первом случае, собственно говоря, только констатировался факт (если он правильно доказывался) смены населения в той или иной области; в редких случаях строились гипотезы для объяснения, откуда пришел новый народ; совсем не ставился вопрос о том, что стало с коренным населением, или же удовлетворялись стереотипным предположением, что местное население было уничтожено или куда-то оттеснено. Во втором

---

[1] В этом материале существуют некоторые черты, которые позволяют ожидать, что в будущем появится возможность и здесь выяснить не только время и путь расселения первобытного человека за 60° с. ш., но и последующие связи и отношения между слагавшимися там племенными организациями.

[2] А. Я. Брюсов. Очерки истории племен на европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 195, рис. 55.

[3] Ср. К. Маркс. Вынужденная эмиграция. К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Госполитиздат, М., 1952, стр. 333.

случае без всяких оснований вся проблема решалась простым утверждением, что произошел стадиальный скачок в развитии населения, в результате которого это население мгновенно изменило свой физический, культурный и этнический облик.

За последние десятилетия работами советских археологов в некоторых случаях установлен характер таких передвижений и смен населения. Так, М. Е. Фосс, изучая коллекции с наиболее ранних стоянок беломорского побережья (например, стоянки на шестом ряду дюн у реки Галдареи), обратила внимание на близкое сходство найденных там глиняных сосудов с сосудами из Волго-Окского междуречья. То же было впоследствии отмечено ею и другими советскими археологами в отношении большинства северных стоянок III тысячелетия до н. э. в Карелии, в Вологодской и Архангельской областях. Постоянство этого явления позволило достаточно обоснованно предположить, что север европейской части СССР был заселен выходцами из средней полосы, причем М. Е. Фосс сделала даже попытку наметить пути этого расселения по рекам, текущим в меридиональном направлении[1].

Подобные же выводы были сделаны в отношении заселения во II тысячелетии до н. э. бассейна р. Печоры с востока из Западной Сибири и западной части Карелии в начале третьего тысячелетия до н. э. с запада, из Восточной Финляндии. В некоторых случаях эти гипотезы были отчасти подтверждены данными палеоантропологии и лингвистики.

Изучение материалов с более поздних стоянок тех же областей показало, что в силу изоляции от исходной области это северное население постепенно выработало в своей материальной культуре новые черты, отличные от черт, свойственных материальной культуре той группы племен, из которой это население выделилось. С археологической точки зрения, на севере возникли, таким образом, как бы новые археологические культуры, которые получили новые названия.

Позднее этот метод был применен к анализу процесса расселения племен волосовской культуры по среднему течению р. Оки[2]. При этом невольно возникает вопрос, каким термином следует называть подобные видоизмененные — вследствие ли расселения и изоляции или вследствие ассимиляции одного племени другим — культуры: считать ли их новыми самостоятельными культурами или только разновидностями, вариантами исходной или ассимилирующей археологической культуры.

Принимая во внимание прочность сложившихся в науке традиций и большое неудобство менять уже установившиеся термины и названия культур, всякая коренная ломка в этом отношении была бы неприемлемой. Тем не менее нельзя не отметить некоторых несообразностей, вытекающих из присвоения преобразованным археологическим культурам новых названий, на что уже указывалось некоторыми археологами[3].

М. Е. Фосс совершенно закономерно возражала, например, против распространяющегося термина «поздняковская культура»[4], который прилагается к археологической культуре, возникшей на Средней Оке во

---

[1] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 1952, № 29, стр. 176 и сл.

[2] И. К. Цветкова. Волосовская культура. Кандидатская диссертация (см. кн.: И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена, стр. 21 и сл. Труды ГИМ, вып. 22, Археологический сборник. М., 1953).

[3] Например, М. Е. Фосс и П. Д. Степановым на заседании секции неолита, бронзы и раннего железа отчетного пленума ИИМК 31 марта 1953 г.

[4] Ср. у О. Н. Бадера в статье «К вопросу о балановской культуре». СЭ, 1950, № 1.

второй половине II тысячелетия до н. э. благодаря продвижению сюда с юга части племен срубной археологической культуры[1]. В этом случае поздняковская культура является, конечно, только вариантом срубной культуры.

Однако так же, как это происходило и с языками, одна и та же археологическая культура или разные варианты одной археологической культуры могли в процессе дальнейшего их развития, особенно в условиях широкого расселения, дать начало нескольким новым археологическим культурам, которые с течением времени могли значительно отличаться от первоначальной культуры. Так, например, было с беломорской, карельской и другими культурами. Возникнув на основе расселения волго-окских племен, новые племенные организации, находившиеся в значительном удалении от материнской группы племен, выработали свою своеобразную материальную культуру. Для более близкого к нам времени хорошей этнографической иллюстрацией такого явления может служить пример образования ирокезских племен, как ответвления алгонкинского племени Онейда[2].

Вопрос о наименовании археологических культур сложен и в разных случаях может быть решен различно. Принцип таких наименований должен быть установлен на одной из археологических конференций.

Советскими археологами практически доказана возможность проследить на археологическом материале расселение древних племен и образование новых племенных организаций, причем на том же материале устанавливаются иногда случаи ассимиляции одних племен другими[3].

Гораздо слабее разработаны другие вопросы, связанные с этой проблемой, в частности важный вопрос о судьбе древних племен, которые были сменены на месте своего обитания новыми племенами, т. е. вопрос о характере смены культур в одной и той же области. В редких случаях, как, например, при перемещении племен среднеднепровской культуры, сдвинутых племенами трипольской культуры, ответ достаточно ясен: появление памятников трипольской культуры в области среднеднепровской культуры и отсутствие более поздних памятников среднеднепровской культуры в этой области, появление в то же самое время ряда памятников среднеднепровской культуры по берегам Десны и Клязьмы отчетливо характеризуют уход племен среднеднепровской культуры в Волго-Окское междуречье. Одновременное прекращение существования стоянок с ямочно-зубчатой керамикой на Десне и Клязьме и вообще на пути движения племен среднеднепровской культуры, а затем в Клязьминско-Волжском междуречье, где возникает на их месте иная культура, доказывает, в свою очередь, вытеснение местного населения пришедшими сюда племенами среднеднепровской культуры. Это местное население, характеризуемое ямочно-зубчатой керамикой, частично было сдвинуто к югу и северу, что усилило начавшийся ранее процесс расселения этих племен к северу.

Однако в других местах картина бывает не столь ясна. Так, например, несомненно, что племена срубной культуры, двигаясь с востока, занимали земли племен катакомбной культуры на пространстве от Волги до Днепра и от границ лесостепи до черноморского побережья. В кандидатской

---

[1] Возможно, что «поздняковская культура» является вариантом не срубной, а какой-то другой южной культуры.

[2] См. Mc Neish. Irokois pottery types. A technique for the study of irokois prehistory. Ottawa, 1952.

[3] См., например, кн.: М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера...; А. Я. Брюсов. Очерки истории племен...

диссертации Т. Б. Поповой достаточно убедительно показано, что это продвижение шло медленно, постепенно охватывая южные степи[1]. Но что происходило с местным населением и всюду ли происходило одно и то же, мы еще сказать не можем. Если принять гипотезу Т. Б. Поповой о том, что племена катакомбной культуры являются предками киммерийцев, а племена срубной культуры предками скифов, то на основании письменных данных античных авторов, писавших о древних преданиях скифов, надо полагать, что племена катакомбной культуры (киммерийцы?) были вытеснены с занимавшихся ими мест.

Слабо разработан также вопрос о расселениях и передвижениях древних племен Сибири. Даже одна из лучших работ по древней истории южной Сибири — обширная монография С. В. Киселева[2] — далеко не вполне освещает этот вопрос. Так, например, описывая бронзовые орудия карасукского типа, С. В. Киселев отмечает их «существенное» отличие от орудий андроновской культуры, существовавшей перед тем в той же самой области, отсутствие в них признаков связей с западом и значительное сходство с изделиями Забайкалья и Китая. Далее он приводит историческую справку о движении племен на север вследствие «непрерывных войн и разорений, наносимых им шаньскими отрядами», а заканчивает все это выводом об «этническом скрещивании» пришельцев-карасукцев с андроновскими племенами, благодаря чему «на Енисее сложился особый своеобразный, характерно карасукский комплекс»[3]. Нельзя не видеть в этом невольную дань ошибочной гипотезе о сложении новых этнических образований благодаря скрещиваниям различных племен[4].

Эта гипотеза освобождала автора от необходимости проследить дальнейшую участь ряда племен, были ли они сдвинуты со своих мест, истреблены, ассимилированы.

Между тем переселение и расселение древних племен заслуживают особого внимания археологов, строящих на анализе археологического материала историю этих племен. Как уже говорилось, эти передвижения начались, по-видимому, в большом масштабе уже в мезолите, но в разное время вызывались разными причинами и носили различный характер. Особенно усилились они с переходом к скотоводству, когда давление избытка населения на производительные силы вызвало передвижение больших масс населения[5].

---

[1] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. 24, М., 1955.

[2] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. МИА, 1949, № 9.

[3] Там же, стр. 67, 75. Ср. также на стр. 80, 82 о различиях в керамике, а также стр. 106.

[4] Ср. преувеличенные выводы об «одном и том же содержании» «культурного развития населения обширнейших территорий» «от Днепра до Енисея» на различных этапах развития. Там же, стр. 59, 105 и сл., 176, 216.

[5] Указав, что причиной периодического основания колоний древними Грецией и Римом было ограничение численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации, К. Маркс в статье «Вынужденная эмиграция» писал: «То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства древнего мира. Здесь, хотя и в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки... Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные приключений великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Госполитиздат, М., 1952, стр. 333).

Археология с большой четкостью обнаружила во многих случаях внешние проявления этих событий. Таково распространение культуры колоколообразных сосудов от Пиренейского полуострова до Богемии и южной Англии, культуры одиночных погребений (культуры боевых топоров) в Ютландии. Южной Прибалтике и юго-западной Финляндии, срубной культуры от Волги до Днепра и т. д.

Буржуазная археология с недоумением иногда останавливается перед этими фактами, не умея удовлетворительно объяснить их. Широкое распространение в памятниках (по преимуществу в погребениях) таких культур боевого оружия, по большей части сверленых каменных молотов, быстрая экспансия этих племен на значительные расстояния и наблюдавшаяся перед этим мирная, казалось бы, картина жизни населения в местах, охватываемых впоследствии этими культурами, вызывают у буржуазных археологов стандартные фразы о «воинственных» племенах (вариант — «воинственных торговцах»), завоевывающих земли мирных земледельцев или охотников-рыболовов и навязывающих последним свою культуру. Это довольно вульгарное представление послужило в значительной мере причиной создания теории «завоеваний» и домыслов о «культурной роли» этих воинственных племен.

Нельзя считать достаточной критику этих антинаучных построений без марксистского анализа археологического материала, отображающего эти передвижения. Как бы ни были убедительны опровержения частных искажений фактического материала, как ни была очевидна в свете этой критики антинаучность теорий миграций, завоеваний, первенства той или иной расы или народа, тем не менее основной факт — наличие несомненных признаков передвижений скотоводческих племен и расселения их на чужой территории — остается. Этот факт, помимо критики ошибочных его истолкований, требует правильного объяснения. Для большинства случаев такое объяснение п р и ч и н ы дано было, как указывалось, еще К. Марксом, более ста лет назад.

Задачей археолога является не только определить причину явления, но и описать ход событий, в данном случае — направление передвижения племени, следствия этого передвижения, результаты его для племен, земли которых оно захватывает или пытается захватить. Разумеется, это не всегда возможно, требует достаточного исходного материала и знакомства с археологией данного времени на значительном пространстве. Какого-либо рецепта для приемов решения таких вопросов дать нельзя. Можно привести пример того, как иногда совершенно сторонний, казалось бы, факт дает толчок фантазии исследователя, без которой, как говорил Я. Гримм, не может быть научного исследования.

В одной из своих статей П. В. Глоб указывает, что во многих местах Ютландии известны следы древних пахотных полей, границы которых обозначаются валами навеянных песков и на подпочве которых можно обнаружить следы древней вспашки плугом. Карта этих полей середины I тысячелетия до н. э.— IV века н. э. полностью совпала с картой районов распространения эпизоотии рогатого скота после первой мировой войны, вызванной недостатком кобальта в растительной пище в этих районах и прекращением ввоза жмыхов, компенсировавших этот недостаток. Исследование почвы под курганами показало, что отсутствие кобальта в растительности этой части Дании вызвано в послеледниковый период процессом выщелачивания почвы, особенно усилившимся в эпохи неолита и бронзы. Это оподзоливание почвы могло вызвать, по мнению П. В. Глоба, массовый падеж скота в начале железного века и послужить причиной

начавшегося в это время движения кимвров и тевтонов в поисках новых земель и пастбищ[1].

Вместе с установленными советскими археологами фактами расселения древних племен вследствие относительного перенаселения, вместе с достаточно убедительными гипотезами последних лет о передвижении некоторых из этих племен вследствие их вытеснения другими племенами, необходимо, по-видимому, обратить внимание на возможность в некоторых случаях вынужденного передвижения этих племен вследствие изменившихся физико-географических условий. Некоторые работы последних лет[2] объясняют внутреннее перемещение древних племен на занятой ими территории изменениями в системе их хозяйства.

Все это показывает, что дальнейшее углубление анализа археологического материала позволит в значительной мере конкретизировать происходившие в древности перемещения населения, причины и следствия этих перемещений и таким образом восстановить историю этого отдаленного времени с достаточной жизненной полнотой, ибо только на основе соответствующих исторической действительности фактов может быть понято развитие общества в эту далеко отстоящую от нашего времени эпоху.

---

[1] P. V. Glob. Iylland φde agre. Kuml. (ежегодник Ютландского археологического общества. Орхус, 1951, стр. 136—144).

[2] T. Mathiassen. Studier over Vestjyllands oldtidsbebyggelse. Копенгаген, 1948.

А. Я. БРЮСОВ

О ХАРАКТЕРЕ И ВЛИЯНИИ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ОБМЕНА И ТОРГОВЛИ В ДОКЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Начавшиеся с развитием скотоводства «полные приключений переселения» скотоводческих племен совпали по времени с быстро прогрессировавшей неравномерностью в развитии населения в различных частях Афревразии. Многие из западноевропейских археологов, например Г. Чайльд, старательно подчеркивают тот факт, что в то время как в Египте и Месопотамии складывались уже первые государственные образования, на севере Европы многие племена по своей материальной культуре должны быть отнесены полностью к мезолитической эпохе.

Этот факт играет немаловажную роль при описании Г. Чайльдом дальнейшего культурного развития народов Европы как постепенного распространения с юга на север элементов культуры («теория диффузии»). В том виде, в каком эта гипотеза излагается некоторыми западноевропейскими археологами, она не может быть принята, о чем будет сказано ниже. Но вместе с тем необходимо отметить, что мы в своем анализе культурного развития общества нередко пытаемся определить его только внутренними причинами — развитием производительных сил — безотносительно к факторам внешнего влияния. Между тем эти внешние факторы в ряде случаев играли немаловажную роль, а иногда являлись мощными двигателями, ускорявшими развитие экономики данного общества, и с ними необходимо считаться. Даже в неолитическую эпоху, а тем более в эпоху бронзы изоляция племен друг от друга была не настолько велика, чтобы эти внешние факторы не оказывали влияния.

В эпоху, когда в Северной Европе мы застаем племена с материальной культурой неолитического облика, а в Южной Европе — скотоводческие племена, осваивавшие искусство металлургии (III—II и начало I тысячелетия до н. э.), в странах Древнего Востока возникают и развиваются первые рабовладельческие государства, культура которых имеет большое влияние на ближайшие к ним и более отдаленные племена. Характеризуя ранние государства, В. И. Ленин говорил: «И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно бóльшими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государствен-

ный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий»[1].

Если мы обратимся к археологическому материалу и тем скудным данным, которые можно ретроспективно извлечь из письменных источников, то найдем в них многочисленные подтверждения слов В. И. Ленина. Действительно, если взять какое-нибудь рассуждение раннего античного автора о государстве, нередко в нем найдется указание на то, что государство должно быть ограничено небольшой территорией и небольшим количеством людей. Так, Аристотель в «Политике», посвящая этому вопросу часть седьмой книги, подчеркивает, что государство должно быть легко обозримо, население «не должно быть безграничным», так как «граждане непременно должны знать друг друга». «Государство,— говорит он,— с чрезмерно большим населением, правда, довлеет себе в своих потребностях, но оно является в этом случае племенною, а не государственной единицею, так как нелегко дать такому государству какую-либо организацию. И действительно, кто станет предводителем такого до чрезвычайных размеров дошедшего населения, кто будет глашатаем? Разве только человек с голосом Стентора»[2].

Город — вот государство в тесном смысле слова, по Аристотелю. Граждане проектируемого им государства не должны быть земледельцами, говорит он. Нельзя не видеть в этих словах отголосков относительно не так уже далекого прошлого, последних столетий существования родового строя. В археологии нередко можно найти на закате родовой общины сосредоточение небольшого племени на ограниченном пространстве с городом в центре родовой территории. Таковы Троя, Димини, Алишар и другие древние города, в большинстве случаев огражденные каменными стенами, возникшие еще в неолитическую и ранненеолитическую эпохи. В этих городах, в пределах территориально ограниченных племенных общин, возникли и развивались те противоречия и та борьба, которые привели к организации государства. Сельское население играло при этом, вероятно, незначительную роль, так как будущий класс рабовладельцев слагался и развивался в основном в городах.

Отвлекаясь от конкретного материала, поставим теоретический вопрос: каким образом мог существовать в этих ранних государствах, представлявших собою очень мелкие объединения, рабовладельческий строй в то время, когда вокруг были племена с родовым строем. Можно не сомневаться, что рабовладельческий строй мог существовать только в том случае, если имелись налицо условия, затруднявшие побег рабов за пределы этих крошечных государств в свободные родовые общины. Ведь даже в Греции классического периода побеги рабов, и притом иногда массовые побеги, не составляли большой редкости. Очевидно, общественный строй по крайней мере ближайших к рабовладельческим государствам общин не столь значительно отличался от них в этом отношении: по-видимому, в них в какой-то мере также использовался рабский труд пленных иноплеменников.

И действительно, обращаясь к конкретному материалу, мы обнаружим в южной половине Европы типичные примеры такого положения. Не случайно скифское общество в причерноморских степях принимается некоторыми исследователями за государственное образование главным образом на основании существования в нем довольно развитого института рабства, хотя типичных для государства признаков рабства никем из историков или археологов в скифском обществе не было обнаружено.

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 441—442.

[2] Аристотель. Политика. Перев. А. С. Жебелева. М., 1911, кн. 7, гл. 4 и 5.

Да и античные авторы, хорошо знавшие скифов и их общественный строй, не упоминают ни о налогах, ни о чиновниках, ни о тюрьмах, ни о постоянном войске. Такое умолчание крайне знаменательно.

Очень важно отметить различия, которые существовали в отношениях между племенами в полном расцвете родового строя, между такими же племенами и народностями с раннегосударственным строем, между последними и племенами с разлагающимся родовым строем. Во всех этих случаях отношения будут различными.

Так, в упоминавшемся выше случае столкновения между племенами трипольской и среднеднепровской культур обе группы явно резко противостоят друг другу, каких-либо прочных и постоянных связей между ними не существует. То же самое мы видим в отношениях между племенами фатьяновской культуры и окружающими их племенами с ямочно-зубчатой керамикой. Из области западноевропейской археологии можно привести аналогичный пример отношений между племенами культуры колоколообразных сосудов и различными племенами, в земли которых эти скотоводческие племена вторгались.

Во всех таких случаях археологический материал отмечает только смену одной археологической культуры другою. В местных археологических культурах либо не замечается почти никаких признаков связи с культурой пришельцев, либо местные племена оказываются подавленными культурой пришельцев, и новый тип археологической культуры постепенно охватывает значительное пространство, как это наблюдается, например, в случае распространения на запад срубной культуры. Племя может быть либо целиком уничтожено, либо влиться в состав победившего племени или группы племен. Но при враждебных отношениях между племенами не может существовать культурное взаимодействие, то, что в археологии называется «культурным влиянием».

Сношения между скотоводческими и охотничьими племенами ограничивались, по-видимому, естественно возникающим первобытным обменом, не вызывающим каких-либо изменений в общественном строе. Таковы, например, отношения между южноскандинавскими и североскандинавскими племенами, ограничивавшиеся обменом изделий из шоненского кремня и из гринштейна с острова Бёмло, или связи между племенами северокавказской и катакомбной культур, ограничивавшиеся обменом некоторыми категориями бронзовых изделий, и т. п. Сюда же относятся связи, которые устанавливались между племенами с совершенно однородной ступенью развития, как, например, между племенами различных окских неолитических культур, где о «влиянии» одного племени или группы племен на другое племя или группу племен можно говорить, только придавая слову «влияние» совершенно не свойственное ему содержание.

Совершенно иное положение мы видим при анализе отношений между племенами с разлагающимся родовым строем и народностями, уже вступившими на ступень классового общества. И при мирных, и при враждебных отношениях между ними наблюдается одно и то же явление. Таковы отношения между скифами и греками, между галлами и греками, этрусками и римлянами. Археологический материал с совершенной очевидностью обнаруживает влияние этих ранних рабовладельческих государств на «варварские» племена, подготовленные внутренним своим развитием к принятию новшеств в области техники, быта, искусства и, вероятно, в области общественных отношений. В области быта это влияние принимало иногда уродливые формы, как, например, вывоз греками, этрусками и римлянами вина и принадлежностей для его употребления к галлам и скифам.

Замечательно, что такое внедряющееся во все поры жизни влияние имеет резко обозначенные границы и не распространяется на области, где, по археологическим данным, мы должны предполагать существование общественных объединений с ненарушенным родовым строем. Процесс постепенного распространения влияния сначала экономики, а затем и других элементов жизни рабовладельческих государств (по-видимому, даже в эпоху их сложения) можно лучше всего и в более чистом виде проследить на археологическом материале Восточного Средиземноморья.

Здесь необходимо коснуться вопроса о времени возникновения городов, о начале товарного производства и о характере связей этих городов с европейскими племенами, стоявшими на ступени первобытной общины.

Уже в Трое 1 a—b (около 2850—2700 гг. до н. э.)[1] мы находим дома типа мегарона и металлические изделия наряду с каменными. Троя c, d имела уже хорошо построенные укрепления.

В Трое 2 (около 2400—2000 гг. до н. э.) мы видим уже гончарный круг — свидетельство изготовления на рынок глиняной посуды; обработка золота, серебра, меди и свинца достигает довольно высокого уровня; город был окружен новой каменной стеной с парапетом из сырцового кирпича. Доказательством далеких связей города служат привозные металлы, в том числе олово, найдена лапис-лазурь из Ирана, янтарь из Прибалтики и т. д. В числе различных привозных вещей Г. Чайльд[2] называет серьги и височные кольца с уплощенными концами, спирали филигранной техники, бусы из двух золотых дисков (изделия Шумера), булавки с головками в виде двух спиралей (Анатолия, Иран), вещи кикладского и кипрского типов и т. д. Но еще важнее то, что «много предметов, сходных по типу с находками из Трои, встречаются в юго-восточной и центральной Европе».

В ряде мест Европы и Азии были обнаружены при раскопках вещи, свидетельствующие о широких связях Трои. Такие связи Трои 1—2 с культурой Веселинова (Фракия) обнаружены в формах сосудов (например, двуручные кубки), металлических изделий и каменных боевых топоров[3]. В Мерзине был найден сосуд, типичный для Трои 2—3[4], в Амку — сосуд, привезенный из Трои 4[5]. Некоторые явления, наблюдаемые в Македонии, пишет В. Милойчич, «подтверждают мнение Г. Чайльда и О. Менгина, что их происхождение и исходная область находятся где-то в Восточном Средиземноморье»[6]. Это — сходство в формах сосудов, в орнаментах, в технике керамики, в религиозных обрядах культур Винчи, Трои и Крита. В Восточном Средиземноморье эти явления относятся к большей древности (лицевые крышки сосудов, лицевые урны, антропоморфные и зооморфные сосуды, черная карбонизированная, серая, красная керамика, желобчатый орнамент, каннелюры, лощение).

Можно было бы привести много таких примеров в отношении других древних городов Средиземноморья. Они должны быть отнесены к длившемуся, несомненно, не одну сотню лет последнему этапу существования родового строя, когда постепенно накапливались элементы классового общества и шла борьба между возникавшим классом рабовладельцев и превращавшимися в рабов родичами. Значительный контраст, обнаруживае-

---

[1] Даты здесь и ниже по кн.: V. M i l o j č i č. Chronologie der jungeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropa. Berlin, 1949.

[2] Г. Ч а й л ь д. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 77—78.

[3] V. M i l o j č i č. Указ. соч., стр. 59.

[4] Там же, стр. 27.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 75—76.

мый раскопками между древними городами и внегородскими поселениями, богатство первых и бедность последних свидетельствуют о возрастании противоречия между городом и деревней. Быстрое экономическое развитие древних городов и расширение производства увеличивали область распространения городских изделий далеко за племенные границы.

Но это распространение продуктов городского производства ограничивалось, по-видимому, только некоторыми видами товаров и больше всего проявлялось среди племен, приближавшихся по уровню своего развития к народностям ранних государственных образований, «влияние» которых вовсе не представляло собою каких-то волн, последовательно захлестывавших европейских «варваров», как это изображают сторонники теории диффузии. Это влияние обнаруживается в разных, иногда довольно северных областях Европы не в порядке их географического расположения, а в порядке их социального развития. Нетрудно заметить, что в конце неолитической и в течение эпохи бронзы эти «культурные связи» проходят по путям междуплеменных сообщений. Не случайно, что в таких областях, где особенно резко заметны признаки южного «влияния», уже в конце неолитической эпохи мы находим пестрое смешение памятников различных археологических культур. Можно предполагать, что такие центры соприкосновения, а следовательно, и древние центры обмена продуктами сложились естественно: в одних случаях, как, например, в конце янтарного пути, это было следствием использования для обмена богатых запасов прибалтийского янтаря, в других случаях такими пунктами являлись места добычи соли, как, например, в центральной Германии, с распространением металлургии такими центрами становились места залежей руд Для целей нашего анализа существенны не эти факты, а те выводы, которые делаются на основании находок в этих местах большого количества привозных вещей.

Сторонники теории диффузии и распространения культурных влияний с юга на север как основной цивилизующей причины видят во всем этом только одну сторону — находки вещей южного типа, проникающие все далее и далее на север. На этой основе создается механистическая схема постепенного развития общественных форм с юга на север под влиянием более цивилизованных южных народностей. Но не следует забывать, что совершенно с таким же правом можно построить совершенно противоположную и настолько же неверную схему распространения элементов культуры с севера на юг. И такая схема, как известно, была построена. Вот так и поступил Г. Коссина, когда, описывая 1 и 2-й периоды бронзы в Германии, он перечислял специфические местные, «германские» типы бронзового оружия и указывал на распространение к юго-востоку «германских» двухсоставных фибул, делая отсюда вывод о культурном влиянии севера на юг[1].

Стоит ли после этого доказывать, что выводом из приводимых сторонниками этих противоположных гипотез фактов может быть только признание, что на определенной ступени производства между племенами возникает все более и более развивающийся обмен продуктами этого производства, а вместе с ним обмен техническими открытиями и изобретениями. Более развитое производство южных городов доставляло на север разнообразные продукты этого производства и по большей части лучшего качества, но несомненно также, что этот обмен был двусторонним и юг получал с севера не только янтарь, соль и руду, но и изделия северных мастеров.

[1] G. Kossina. Ursprung und Verbreitung der Germanen in Vor- und Frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig, 1928, S. 59—67.

Здесь мы подходим к вопросу, недостаточно объективное разрешение которого приводит к ошибочному заключению и к преувеличенной оценке степени разложения родового строя, а у буржуазных археологов к сильной модернизации. Это вопрос о том, каким способом осуществлялся обмен[1].

Трудно сомневаться, что, начиная по меньшей мере с позднего неолита, в Европе существовали пункты, в которых стало сосредоточиваться на обмен имевшееся в этих местах сырье: соль, кремень, обсидиан, мелкозернистой породы камни, позднее — металлические руды, янтарь и т д. Ряд особенностей археологического порядка, обнаруживаемых в таких районах, позволяет заключить, что эти места постепенно становились центрами непрерывных и многократных посещений их группами представителей различных племен. Я уже упоминал об острове Бёмло в Норвегии, где с конца неолита происходило в огромных масштабах добывание гринштейна и выделка из него топоров и тёсел. Колоссальное количество отбросов и недоделанных изделий, обнаруженное там в сотнях мест обработки камня, и распространение по всей Скандинавии каменных орудий из этой породы камня делают несомненным участие в этих разработках различных племен, если только не принимать совершенно несоответственную эпохе гипотезу некоторых буржуазных археологов о группе «предпринимателей», использовавших богатые залежи гринштейна для обмена сделанных из него изделий среди местного населения[2].

То же самое можно сказать относительно разработки шоненского кремня и распространения изделий из него по всей Скандинавии и даже за ее пределами. Не менее показательны разработки верхневолжских кремневых залежей, изделия из которых доходили до Прибалтики.

Особенно интересен в этом отношении район вблизи города Галле на реке Заале в Средней Германии, где сосредоточены памятники различных культур эпох позднего неолита и ранней бронзы. Здесь, на одном и том же месте, находятся погребения: в Баальберге — культур шнуровой керамики и шаровидных амфор, в Шортвице — зальцмюндской культуры и культуры гробниц с ходом, в Зоммерда — культуры колоколообразных сосудов и унетицкой культуры, в Вестергаузене — шенфельдской культуры и культуры шнуровой керамики и т. д.[3] Германскими археологами было сделано немало попыток определить хронологическую последовательность этих погребений[4], нередко совершенных под одним и тем же курганом. Но для нас важен сейчас вопрос не о точной хронологии, а о том, что на ограниченной территории в течение относительно короткого промежутка времени сосуществовали представители племен различных археологических культур, совершавшие здесь свои погребения. Нет никаких данных для предположения, что здесь непрерывно происходило вытеснение одних племен другими и одна и та же возвышенность принадлежала то племенам зальцмюндской, то племенам бернсбургской, вальтер-ниеренбургской, шенфильдской культур, то племенам культур

[1] В последующем речь идет только о времени, которое целиком укладывается во вторую и первую половину I тысячелетия до н. э., т. е. приблизительно в эпоху бронзы и раннего железа на юге и конечную фазу неолита и бронзы в более северных областях.

[2] Об острове Бемло см. A. W. Brogger. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums. Oslo, 1926, S. 39—40.

[3] См., например, G. Mildenberger. Studien zum mitteldeutschen Neolithikum. Leipzig, 1953, S. 22—47.

[4] G. Mildenberger. Указ. соч. P. Grimm. Zur inneren Gliederung der mitteldeutschen Jungsteinzeit. Mannus, 1910; V. Milojčič. Указ. соч.; U. Fischer. Über Nachbestattungen im Neolithikum von Sachsen-Thüringen (Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseum in Mainz zur Feier seines hundertjährigen Bestehens. Mainz, 1952).

шнуровой керамики, шаровидных амфор, колоколообразных сосудов и т. д. Напротив, частые находки в инвентаре погребения одной культуры вещей, типичных для другой культуры, скорее говорят о мирных отношениях между всеми этими племенами.

Если мы обратим внимание на то, что вблизи этих мест проходит янтарный путь, что руды Средней Германии широко использовались в эпоху бронзы и что тут же находятся соляные источники, то естественнее будет предположить, что здесь существовал пункт, в котором соприкасались представители различных племен, или, вероятнее всего, ряд таких пунктов.

Как ни слабо разработан вопрос о характере первобытного обмена в неолитическую эпоху (и даже в более позднее время), можно предполагать, что этот обмен у европейских племен совершался в это время именно в таких специальных пунктах соприкосновения различных племен, в местах сосредоточения залежей природных богатств. Существующие еще в буржуазной археологии гипотезы о странствующих торговцах того времени являются явной модернизацией[1].

Что же касается обмена европейских племен в это время с ранними рабовладельческими государствами, то письменные сообщения древних авторов о внешней торговле этих государств не дают повода для предположений о «странствующих торговцах».

Торговля ранних рабовладельческих государств была ограничена преимущественно областью, занятой самими этими государствами — Египтом, государствами Малой Азии, Месопотамии, Сирии, Палестины. При этом торговля носила характер государственной, отчасти храмовой, для чего организовывались специальные экспедиции. Если посылка таких экспедиций выходила за пределы рабовладельческих государств, то они сопровождались значительными вооруженными отрядами, как, например, египетские экспедиции в Пунт. В законах Хаммураби, в параграфах, касающихся внешней торговли, определены только отношения между тамкаром (государственным торговым агентом) и шамаллумом (подчиненный тамкара, фактический исполнитель); о частных купцах ничего не говорится[2].

Иезекиил, описывая торговлю Тира, перечисляет только тогдашние рабовладельческие государства и города-колонии. Интересен перечень

[1] Действительно, на местах добывания сырого материала, как правило, нет законченных изделий; там находят почти исключительно отбросы от работы и «полуфабрикаты», т. е. каменные болванки, подготовленные для дальнейшей обработки шлифовкой. Следовательно, эта заключительная фаза работы должна была производиться где-то на местах поселений, и затем уже готовые изделия поступали для обмена («торговли», по буржуазной терминологии) или же для целей обмена должны были поступать каменные болванки. Но кладов, состоящих из болванок, нигде не было обнаружено. Точно так же не обнаружено на местах поселений специальных мастерских для шлифовки и полировки каменных орудий в таком количестве, которое свидетельствовало бы о заготовке этих каменных орудий для обмена. Количество же это, с точки зрения сторонников гипотезы о странствующих торговцах, основанной на находках кладов каменных топоров и тёсел, должно было быть весьма значительным, так как эти клады нередко бывают большими (клад из Бюрселетт близ Шеллефтеа, клад с реки Биске и др.).

[2] Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. Перевод и комментарии под ред. И. М. Дьяконова. ВДИ, 1952, № 3, стр. 237 и сл., § 100 и сл. Впрочем, В. И. Авдиев считает, что тамкары были частными «богачами», которые вели крупную торговлю; однако и он пишет, что «крупная торговля была сосредоточена главным образом в руках государства, отчасти также в руках отдельных богачей, которые назывались «дамкары». Дамкары вели торговлю как за свой страх и риск, так главным образом по поручению и от имени царского дворца, главного органа государственного управления, который сосредоточивал в своих руках крупную, в первую очередь внешнюю торговлю». В. И. Авдиев. История древнего Востока. М., 1953, стр. 84.

товаров, получавшихся Тиром в обмен на его изделия: серебро, железо, свинец, олово, слоновая кость, черное дерево, драгоценные камни, дорогие одежды и ткани, благовония, медная посуда, лошади и мелкий рогатый скот, шерсть, вино, пшеница, растительные масла[1].

Внешняя торговля восточно-средиземноморских городов была замкнута в кругу тогдашних рабовладельческих государств и совершалась не какими-то частными торговцами, а путем организации крупных торговых экспедиций от имени государства и под его охраной. Никаких данных о торговле этих государств с европейскими племенами у нас нет. У Геродота в его описании Скифии о торговле со скифами ничего не говорится, что весьма показательно. Страбон незадолго до начала нашей эры, описывая земли готов, писал: «да ведь и ныне существуют так называемые гамаксойки и номады, которые питаются домашним скотом, молоком и сыром, особенно кобыльим, не имея и понятия о запасах и мелочной торговле, за исключением обмена товара на товар». И ниже: «Гомер называет справедливейшими и дивными мужьями тех, которые совсем не занимаются торговыми делами»[2].

При описании Меотиды Страбон писал: «При впадении реки в озеро лежит соименный реке город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил до основания царь Полемон за неповиновение; раньше он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни»[3].

В описании Северного Кавказа мы находим у Страбона указание, что «живут там народы, которые, как я сказал, сходятся в Диоскуриаду, сходятся же главным образом для покупки соли»[4].

И, наконец, уже около 100 г. н. э. в одной из речей Диона Хризостома говорится, что «после разгрома боресфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу»[5].

Пожалуй, достаточно этих примеров, чтобы сделать вывод о том, что до очень позднего времени европейские племена, как правило, входили в торговые сношения с представителями рабовладельческих государств только в местах установленных торжищ. Такие торжища часто создавались около городов и факторий, основанных в землях «варваров», отчасти такими торжищами, вероятно, служили места, где и ранее происходил обмен товарами. О торговле в современном смысле слова вне рабовладельческих государств или античных городов-полисов ни один из древних авторов не говорит, так как, очевидно, таковой не было. Версия о странствующих торговцах — беспочвенная легенда, если только под ней не понимать поездок тех торговых экспедиций, о которых говорилось выше.

---

[1] И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 3, стр. 249—250; Книга пророка Иезекиила, гл. 27, стихи 12—24.

[2] В. В. Латышев. Известия древних писателей о скифах и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 194—195.

[3] Там же, стр. 210.

[4] Там же, стр. 224.

[5] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 1, стр. 229.

В какой же мере такой способ торговли мог влиять на общественный строй и экономику европейских племен, живших еще в условиях родового строя? Надо полагать, конечно, что какие-то изменения в быт этих племен такая торговля вносила. Но она не могла оказывать большого влияния на общий тип производства и на общественные отношения. Серьезное влияние на технику производства такая торговля также не могла оказать. Совершенно прав Г. Кларк, который утверждает, что распространение, например, типов средиземноморских бронзовых изделий в среде европейских племен не могло само по себе привести к освоению металлургии бронзы[1]. Купец не мог научить технике добычи руды, выплавке из нее металла, отливке изделий в формах, изготовлению этих форм. Этому могли научить только древние рудознатцы, горняки, литейщики, изготовители форм, но не купец. Отсюда возникла гипотеза, заменяющая странствующих торговцев странствующими мастерами. Письменных данных для решения этого вопроса нет. Этнографические наблюдения показывают существование у некоторых племен подобных странствующих мастеров, по большей части кузнецов, но это явление происходит в совершенно иной исторической обстановке, чем та, о которой идет речь. Вместе с тем даже при предположении о существовании странствующих мастеров можно говорить только о бронзолитейщиках. Но очевидно, что бронзолитейщики не могли быть распространителями различных элементов культуры и служить орудием «диффузии» цивилизации из стран Средиземноморья на север.

Рассмотрим этот вопрос в свете археологических фактов. Действительно, во многих случаях среди медных и бронзовых изделий различных европейских племен, начинающих осваивать металлургию меди и бронзы, мы находим такие металлические предметы, которые, несомненно, являются привозными из Средиземноморья. Таковы, например, двойные топоры, которые встречаются в умеренной зоне Западной Европы и на юго-западе СССР. Лезвия их тупые, проух посередине топора слишком узок для рукоятки, отливка — небрежная. Практического применения они иметь не могли и, очевидно, служили меновыми единицами. Но спектрографический анализ показал[2], что, несмотря на средиземноморскую форму, эти топоры выделывались из руд Центральной Германии. Очевидно, что это не привозные вещи, хотя форма их, несомненно, заимствована. В этом факте, находках группами литейных форм и главным образом в так называемых «кладах литейщиков» некоторые археологи видят подтверждение существования в эпоху бронзы странствующих мастеров. Они отмечают, что во многих случаях клады бронзовых предметов представляют собою незаконченные вещи, куски металла, вещи, намеренно разломанные и, очевидно, предназначенные для переплавки, и выдвигают предположение, что странствующие мастера в минуту опасности зарывали свои богатства в землю, а затем, в силу тех или иных причин, не смогли ими воспользоваться.

Некоторое сомнение в правильности такой гипотезы вызывает обилие таких кладов. Еще большее сомнение вызывает их состав. Так, например, в кладе Прато сан Франческо (Болонья) оказалось около 15 000 бронзовых изделий; в кладе в Мор де Бретань (Франция, департамент Иль э Вилэн) находилось до 4000 бронзовых вещей; в кладе из Плюриэн (Франция, департамент Кот Дю Нор) — около 750 бронзовых топоров и т. д.[3] На

[1] Г. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический базис. М., 1953.
[2] Там же, стр. 260.
[3] J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. Paris, 1910, ч. 2, стр. 179.

берегу р. Гран-Бриэр (Франция, департамент Луары) был найден клад из 40 свинцовых топоров, игравших, по-видимому, роль весовых денежных единиц, так как некоторые из них даже не имели проуха (заметим, что невдалеке от места находки, в Пон де Гэ расположены свинцовые рудники)[1]. Такие же клады из десятков и сотен бронзовых вещей были найдены в Германии (Заальбург, Дорнбург, Грёмпа близ Рудельсбурга и др.), в Англии[2] и других странах. В СССР из числа подобных кладов можно назвать клад, найденный у ст. Сосновая Маза в Саратовской области.

Совершенно невозможно предположить, что такое огромное количество бронзовых вещей принадлежало странствующему мастеру или даже группе мастеров. Гораздо правдоподобнее и не менее обоснованно предположить, что эти клады принадлежали местным родовым общинам, для которых работали общинные мастера. И это тем более вероятно, что, во-первых, большое число таких кладов датируется временем, когда местными племенами была вполне освоена металлургия бронзы, и, во-вторых, как уже говорилось, вещи эти делались часто из местной руды.

В статье «О первом заселении Альп человеком» М. Мух[3] приводит интересные данные о большом количестве мест со следами древних рудных разработок в труднодоступных местностях Альп. На одной из таких разработок, на южном склоне Юбергессенского Альма, по расчету управляющего миттельбергскими рудниками, должно было работать от 200 до 300 человек в течение нескольких столетий.

Все это заставляет думать, что металлургия у европейских племен эпохи бронзы, даже если первоначально они и ознакомились с нею через население Восточного Средиземноморья,— производилась собственными силами. И нет никакой необходимости в предположении о странствующих мастерах или торговцах, распространявших культуру.

Так мы приходим к заключению, что ни торговля, ни другие какие-либо связи древних рабовладельческих государств с племенами Европы не могли оказывать того влияния на развитие этих племен, которое им приписывает теория культурной диффузии. Но это не означает, что эти связи не оказывали н и к а к о г о воздействия.

«...Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого,— это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»[4].

Характерным примером может служить район Дискау близ гор. Галле в Германской демократической республике, уже давно привлекавший

[1] P. d e L i s l e. Découvertes des haches en plombes, Bretagne. «Revue archéologique», 1881, декабрь, стр. 335—343.

[2] См., например, таблицу на стр. 50 у C. F o x. The archeologie of the Cambridge region. Cambridge, 1923.

[3] M. M u c h. Die erste Besiedlung der Alpen durch die Menschen. Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1906, № 1—2, стр. [7] и сл.

[4] К. М а р к с. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 344.

внимание многих археологов[1]. Интерес к этому району вызвало совершенно необычное скопление на небольшом пространстве всего в 3×6 км значительного числа больших кладов бронзовых вещей.

К северу от Дискау в 1904 г. был найден клад из 120 янтарных бус и 69 бронзовых изделий, положенных в глиняный сосуд (клад № 1). В 1939 г. там же был найден клад тоже в глиняном сосуде с 306 бронзовыми предметами общим весом до 90 кг (клад № 2). К юго-востоку от гор. Галле в двух местах в 1923 и в 1934 гг. были найдены крупные клады, состоявшие из бронзовых изделий. От этих кладов сохранилось 10 предметов из первого клада и 61 предмет из второго.

К востоку от гор. Галле, около Банневиц, в 1829 г. был найден клад, состоявший из 297 бронзовых пальштабов, общим весом около двух центнеров.

Кроме того, в 6 км к юго-западу от этих мест, около Шкопау, в 1821 г. был найден клад, заключавший в себе более 120 бронзовых пальштабов.

Все эти клады содержали вещи, типичные для эпохи ранней бронзы — пальштабы саксонского типа, двулезвийные топоры, кинжалы, гривны, браслеты, спирали и др.

Следует сказать еще, что к юго-западу от гор. Галле были раскопаны два богатых погребения, в Хельмсдорфе и Леубингене, с большим количеством золотых украшений — массивными браслетами и кольцами, булавками и спиралями. Вероятно, также из погребения происходит найденный в 1874 г. клад золотых вещей из Дискау — браслеты и пальштаб.

Анализ бронзовых вещей из кладов показал, что все они, за исключением одного пальштаба, сделаны из местных руд[2].

О. Монтелиусом было высказано предположение, что обилие кладов в районе гор. Галле объясняется наличием там в начале II тысячелетия до н. э. важного пункта междуплеменного обмена, возникшего в местах, богатых соляными источниками. Близко к этому предположение М. Яна, что такой центр возник здесь вблизи от мест добычи и обработки медных руд, на скрещении ряда водных путей. Нас в данном случае интересует не то, какая причина вызвала образование здесь пункта междуплеменного обмена; вероятно, здесь играли роль оба фактора — и соляные источники, и близость Рудных гор. Во всяком случае, наличие этих кладов свидетельствует, что местные мастера уже в начале II тысячелетия до н. э. изготовляли в большом количестве однотипные бронзовые предметы — оружие и украшения — несомненно в целях обмена. Интересно также наличие вблизи от этих мест богатых погребений (кроме них там же имеются обыкновенные рядовые погребения того же времени), доказывающих, что в руках отдельных лиц стали скапливаться значительные по тому времени богатства.

По-видимому, в среде местных племен начала складываться та группа первобытной аристократии, которая позднее, опираясь на свои богатства, вытеснила старую родовую аристократию. Надо думать, что известную роль при этом сыграло развитие здесь товарного обмена, впрочем, не связанного с торговыми операциями восточно-средиземноморских государств, так как восточных типов бронзовых вещей мы здесь не находим[3].

---

[1] Начиная с О. Монтелиуса (O. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit. Braunschweig, 1900, S. 77) и кончая М. Яном (M. Jahn. Ein kultureller Mittelpunkt bei Halle (Saale) während der früheren Bronzezeit. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd. 34, 1950, S. 81—89. Там же см. литературу по этому вопросу).

[2] H. Otto. Die chemische Zusammensetzung einiger Hortfonde aus der hallischen Gegend. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd. 34, 1953, S. 90—100.

[3] М. Ян несколько модернизирует эти факты (см. M. Jahn. Указ. соч., стр. 86).

Не менее показательны данные археологии Кавказа и Закавказья о самостоятельном развитии там металлургической техники в эпоху бронзы. Основы этой техники, возможно, и были сначала заимствованы откуда-то, подобно тому как в более раннее время были заимствованы эпипалеолитическими племенами лук и стрелы. Но все дальнейшее развитие этой техники совершалось не за счет постороннего влияния и не в направлении выделки даже на начальных ступенях чужих форм орудий и украшений. С самого начала там, где была своя металлургическая база, были выработаны свои собственные категории и типы бронзовых изделий, позволяющие выделить своеобразные комплексы археологических культур. Еще в начале 30-х годов А. А. Иессен в статье «Олово Кавказа»[1] доказал, на основе анализа состава бронз и на основании территориального распространения типов бронзовых изделий, существование в эпоху бронзы на Кавказе и в Закавказье четырех определенных районов производства бронзовых орудий и украшений, каждый из которых имел свою собственную металлургическую базу и отличался определенным своеобразием. Одним из таких районов было Закавказье. Здесь в конце III тысячелетия до н. э. возникла уже металлургия меди и бронзы.

«В середине второго тысячелетия до н. э.,—пишет Б. Б. Пиотровский[2],— в Закавказье наблюдаются существенные изменения. На основе культуры медного века, как непосредственно из нее вытекающая, складывается культура раннего периода эпохи бронзы, свидетельствующая не только о крупных изменениях внутри общества Закавказья, не только о большом культурном прогрессе, но также об установившихся связях Закавказья с древневосточной культурой Передней Азии. Наряду со значительным ростом скотоводства наблюдается постепенная имущественная дифференциация племен: у отдельных богатых скотом племен накапливаются богатства, становящиеся средством обмена, что приводит к укреплению связей со странами Передней Азии. Наиболее богатое племя выдвигается во главу союза племен, приобретая особое положение. Имущественное неравенство начинает оформляться и внутри самого племени, так как крупные материальные ценности скоплялись в руках вождей племени и их рода, что четко отражается в роскоши и богатстве отдельных погребений[3]».

Факт имущественного расслоения внутри племени, действительно, прекрасно подтверждается, например, богатыми подкурганными погребениями в Триалети и Кировокане, с их пышным обрядом погребения, и рядовыми, тоже подкурганными погребениями, синхронными первым,

---

В другой статье М. Ян сделал попытку доказать наличие связей между Средней Германией и Передним Востоком (Сирией) в начале II тысячелетия до н. э. Для этой цели им была использована находка среди вещей из клада в Наумбурге на р. Заале одного бронзового топора, который по типу был сопоставлен им с топорами из слоя Рас Шамры (M. J a h n. Kulturverbindungen zwischen Mitteldeutschland und Vorderasien. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, т. 35, 1951, стр. 57—70). Однако это сходство мне кажется весьма отдаленным. Но если даже согласиться в этом с М. Яном, то самое большее, что можно было бы говорить, это — о подражании восточным типам при выделке этого топора, и во всяком случае единичной находки этого топора недостаточно для того, чтобы говорить о связях населения Средней Германии с далекой Сирией.

[1] Сб. «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.» Л., 1935, стр. 199 и сл. в разделе «Работы комиссии металла».

[2] Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 43 [Следует предупредить, что в данном случае я не касаюсь вопроса о расхождении в абсолютных датировках между Б. Б. Пиотровским и Б. А. Куфтиным (Б. А. К у ф т и н). Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, и другие его работы), так как это не играет роли для рассматриваемой проблемы].

[3] Б. Б. П и о т р о в с к и й. Указ. соч., стр. 58.

у крепости Кизил-Кала и около Элара. Это имущественное расслоение, возникавшее среди некоторых племен Закавказья в эпоху бронзы, совпадает по времени с введением института рабства: в погребениях неоднократно встречаются захоронения вместе с умершим насильственно умерщвленных рабов, иногда в значительном количестве.

Эти и подобные им примеры доказывают, что теория диффузии и культуртрегерства стран древней восточной цивилизации, якобы одаривших варварские европейские племена открытиями и изобретениями, способствовавшими культурному развитию этих племен, рассматривает исторические события далекого прошлого под неверным углом зрения. Действительно, прочные связи и в первую очередь взаимный обмен и грабительские войны завязываются между рабовладельческими государствами и племенами с родовым строем не только по воле и инициативе рабовладельческих государств. Эти связи завязываются только тогда, когда родовой строй у данных племен оказывается в состоянии некоторого разложения в силу внутреннего развития общества; когда существует возможность обмена предметами производства, представляющими уже не только потребительную стоимость, но хотя бы первоначальную форму сокровища в виде скота (позднее — продуктов земледелия), соляных и рудных богатств, рабов из военнопленных.

Поэтому те явления, которые служат основанием для гипотезы о культурной диффузии с юга, не распространяются строго последовательными волнами постепенно все дальше на север, как это должно было бы происходить по схеме сторонников этой гипотезы. Заканчивая свою хорошо известную советским читателям книгу «Заря европейской цивилизации»[1], один из наиболее видных представителей этой гипотезы, Г. Чайльд, указывает, что «Британия представляет исключение из тех принципов деления на зоны, которые мы наблюдали до сих пор. Хотя она наиболее удалена от восточно-средиземноморских очагов цивилизации, в отношении металлургии и торговли она опередила такие промежуточные области, как Южная Франция, Швейцария и Южная Германия, не говоря уже о Северной Европе»[2].

Таким «исключением» является не только Британия. То же самое с еще большим правом можно было бы сказать о Дании, находившейся у северного конца янтарного пути с ее богатыми залежами янтаря.

Пытаясь объяснить такое ненормальное, по его мнению, явление, как культурное «превосходство» (выражение Г. Чайльда) Британии над более южными областями в бронзовом веке, Г. Чайльд пишет, что это «можно объяснить разнообразием культурных влияний, сосредоточившихся на островах в связи с их географическим положением и богатыми залежами металла. То обстоятельство, что в Британии не последовало дальнейшего культурного развития и перехода к городской цивилизации, может быть объяснено тем, что низменные районы Англии подвергались нашествиям более отсталых народов континента, а также тем, что в горной зоне так много внимания уделяли суевериям,— это излишнее внимание везде было связано с культом мегалитов»[3].

Таким беспомощным объяснением заканчивается книга одного из проповедников теории диффузии. Но почему же в областях, подобных Британии, Дании, Средней Германии, несмотря на их «торговые связи» и общение с восточно-средиземноморскими государствами, а позднее —

[1] В русском переводе заглавие изменено на «У истоков европейской цивилизации». М., 1952.

[2] Там же, стр. 444—445.

[3] Г. Чайльд. Указ. соч., стр. 444—445.

с греческими и Римом, в течение многих столетий продолжал сохраняться, хотя и в состоянии некоторого разложения, родовой строй и не возникала «городская цивилизация»? Ни теория диффузии, ни тем более гипотеза о природной среде как основном факторе в развитии общества, к которой отчасти прибегает Г. Чайльд в своей заключительной фразе, не могут объяснить этого. Этот вопрос можно разрешить, только сопоставив характер производства и обусловленный им характер потребления в странах древних цивилизаций и у европейских племен. При этом сопоставлении мы видим, что некоторое сходство в бытовой обстановке между Востоком и Европой, создававшее возможность развития различных связей между ними (регулярный обмен, нападение кочевников на восточные страны, развитие заморской торговли, основание колоний в странах Европы, а во второй половине I тысячелетия до н. э. включение в круг рабовладельческих государств древней Греции, государства этрусков и Рима) не исключало глубокого различия.

Так, упоминавшиеся насильственные умерщвления рабов в Закавказье, раскопанное И. Ф. Левицким на Волыни в Войцеховке погребение раба в дольмене[1]; раскопанное А. Кикебушем в Центральной Германии около Зеддина аналогичное погребение[2] и ряд других подобных погребений никак не доказывают наличия р а з в и т ы х рабовладельческих отношений.

Археологи, имеющие дело преимущественно с продуктами труда, нередко одинаково расценивают факты, наблюдаемые при раскопках памятников обществ, стоявших на различных ступенях развития. Так, например, почти одинаково расценивается значение найденных кладов, находки предметов, характеризующих обмен и торговлю, признаки существования рабства.

Между тем продукт труда, взятый сам по себе, не говорит, при каких общественных условиях он был сделан. Совершенно очевидно глубокое общественное различие между предметами, которые обнаруживает археолог, например в сокровищнице какого-либо восточного владыки, и теми кладами, которые находят в Европе бронзового века, какие бы сокровища последние ни содержали. Первые были предназначены не только для удовлетворения потребностей восточного царя, сатрапа, видного чиновника, их семей и приближенных, но и для содержания постоянной армии и армии чиновников — опоры классового государства; вторые служили только для удовлетворения потребностей владельца.

Общественная собственность на землю, просуществовавшая у племен Европы, как известно, повсеместно до начала I тысячелетия до н. э., а в большинстве областей значительно позднее, не создавала почвы для такой общественной надстройки, как государство со всеми присущими ему свойствами.

Поэтому, возвращаясь к тому, что уже говорилось, следует признать даже наиболее богатые погребения в Европе II и начала I тысячелетия до н. э. только признаками роста производительных сил, значительного расширения процесса обмена и самого начала имущественного расслоения общества. Торговое вмешательство восточно-средиземноморских рабовладельческих государств усиливало в различных частях Европы этот процесс разложения родового строя, но в общем имело гораздо меньше значения, чем ему часто приписывается.

Насколько продвинулось в том или другом случае разложение родо-

[1] Іван Л е в и ц ь к и й. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині. «Антропологія», Київ, 1929, стр. 195.

[2] A. K i e k e b u s c h. Das Königsgrab von Seddin. Augsburg, 1928.

вого строя, надо судить по совокупности всех наблюдаемых фактов, а не только по погребениям и кладам. Предложить здесь какую-либо формулу нельзя.

В заключение следует сказать, что, анализируя степень развития обмена или торговли европейских племен в эпоху неолита и бронзы, исследователи обычно почти не учитывают при этом фактора времени. Как говорилось в начале этой работы, датировка предметов этого времени по большей части заключает в себе ошибку на 100—200 лет — колоссальный промежуток времени, в течение которого сменялось 7—8 поколений[1]. На какой бы теоретически допустимый коэффициент ни стали мы умножать незначительное количество найденных бронзовых изделий, тем не менее на каждое поселение (а их количество надо также значительно увеличить сравнительно с открытыми) придется, вероятно, не более одного предмета на каждые 5—10 лет. Поэтому объем обмена и торговли в эпоху бронзы не следует преувеличивать.

На этом фоне богатые погребения вождей и некоторые клады эпохи бронзы выступают особенно ярко и характеризуют, вероятно, явления необычные, нетипичные, возникающие только при особых условиях. Потребовались еще многие века для того, чтобы новая имущественная родовая знать приобрела такую экономическую силу, которая дала ей возможность сместить старую родовую знать.

По-видимому, эти богатые погребения характеризуют начальную стадию разложения родового строя, которая в зависимости от конкретных исторических условий возникала у одних племен в эпоху бронзы, преимущественно к концу ее, у других в раннем железном веке, ибо чисто археологическая периодизация на эпохи камня, бронзы и железа с их подразделениями не совпадает с исторической периодизацией — с общественно-экономическими формациями и их подразделениями.

Это заставляет с особой тщательностью взвешивать суждения о ступени развития общества на основании находок так называемых богатых погребений эпохи бронзы. Я уже приводил данную М. Яном характеристику общества в Средней Германии эпохи бронзы, где фигурируют князья, полнота политической власти, резиденция и т. д. Менее яркие, но не менее характерные преувеличения, сделанные на основании анализа погребений, можно найти и в трудах советских археологов.

Следовательно, довольно большое число богатых погребений эпох бронзы и раннего железа, рассредоточенных в разных областях, преимущественно там, где находились залежи естественных богатств, и в пунктах междуплеменного обмена, можно рассматривать только как свидетельства начала имущественного расслоения общества. Явления эти, характеризующие накопление богатств в руках отдельных лиц, были редкими и, во всяком случае, не повсеместными. Этим объясняется, почему только через много столетий после этого у европейских племен возникают классы и классовые противоречия, окончательно разрушающие родовой строй.

---

[1] Характерно, что большинство открываемых археологами погребений эпохи неолита и бронзы относится к молодым субъектам. Следует принять во внимание, что продолжительность жизни в это время была очень невелика в результате междуплеменных войн, эпидемий, голодовок и т. п.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. I

ВВЕДЕНИЕ

Основная задача настоящей работы — ознакомить советских читателей с некоторыми достижениями науки о палеолите в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в первую очередь в Чехословакии, Венгрии, Австрии, Болгарии и Югославии (рис. 1). Нельзя считать нормальным, что палеолитические жилища, скажем, Солютре или Фурно-дю-Дьябль известны в Советском Союзе лучше, чем замечательные палеолитические жилища, открытые за последние годы в Долни Вестонице и в Барца II в Чехословакии. Материалы по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы имеют первостепенное значение для понимания палеолита СССР. Вместе с тем их рассмотрение позволило автору поставить и некоторые общие теоретические вопросы развития палеолитических культур Европы.

Интересующие нас территории Центральной и Юго-Восточной Европы сильно расчленены и включают области с разнообразным рельефом.

Важнейшие горные хребты, разделяющие эту территорию,— Карпаты с их многочисленными ответвлениями. На юго-западе, вдоль Адриатического побережья эта территория ограничена Динарскими горами, переходящими к юго-востоку в горный массив Балкан. Важнейшие равнины и низменности: на севере— Польская равнина, а в центральной части — Средне-Дунайская низменность, находящаяся как бы в кольце, образованном Карпатами, Альпами, Динарскими горами и Балканами. Ниже по Дунаю расположена Нижне-Дунайская низменность.

Таким образом, бросается в глаза расчлененность, гораздо более значительная, чем на Русской равнине.

Важнейшие водные артерии северной части интересующей нас территории — Висла, Одра и Лаба и их иногда очень значительные притоки (например, приток Одры — Варта, приток Лабы — Влтава и др.). В центральной и южной частях этой территории важнейшей водной артерией является Дунай и такие крупнейшие притоки Дуная, как Тисса слева и Сава справа, не говоря уже о множестве более мелких.

На территории Русской равнины в плейстоцене не было трудно преодолеваемых препятствий, которые были бы причиной длительной изоляции отдельных групп палеолитических людей. Можно предположить, что это способствовало созданию того единообразия позднепалеолитической культуры на всех этапах ее развития, которое отмечается на обшир-

ных пространствах от Дона до Днестра. В отличие от этого расчлененность и изрезанность Центральной и Юго-Восточной Европы, обилие здесь обширных областей, сильно отличающихся от соседних своими естественно-географическими условиями, замкнутых трудно преодолеваемыми естественными рубежами, благоприятствовали длительной изоляции отдельных групп палеолитических людей и образованию в соответст-

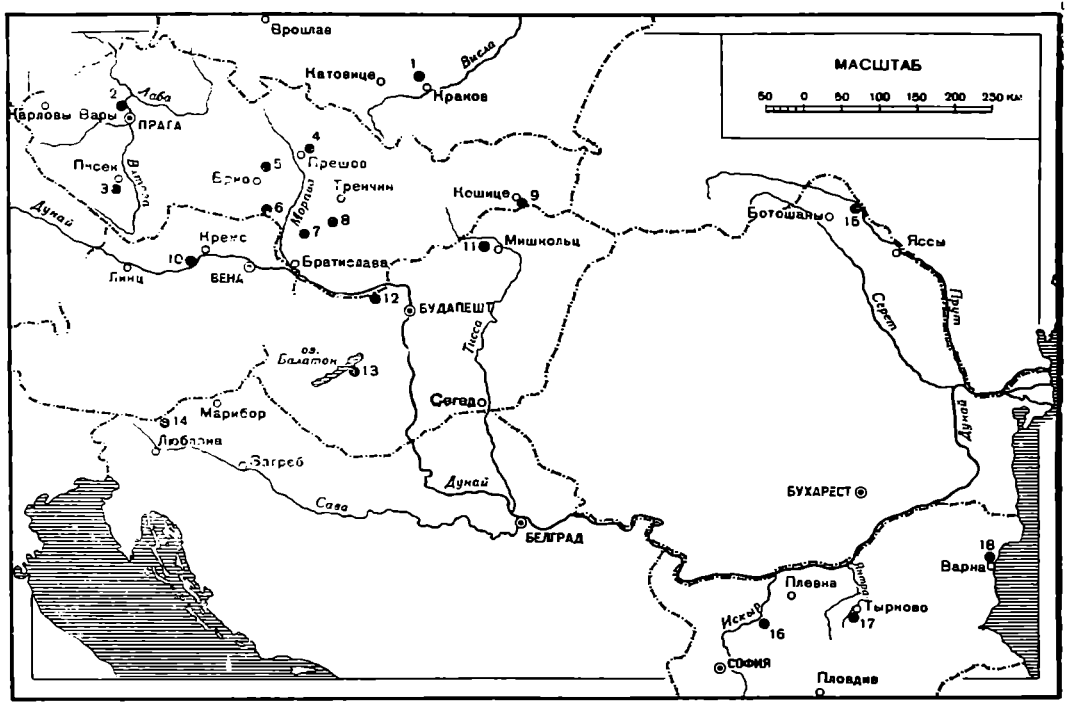


Рис. 1. Важнейшие палеолитические памятники Центральной и Юго-Восточной Европы, упоминаемые в тексте.

1 — Нетопежова (Ежмановская); *2* — Летки; 3 — Ражице; *4* — Пржедмости; *5* — Пещера Крыжа и Пекарна; *6* — Долни Вестонице и Павлов; *7* — Дзеравая скала (Палфи); *8* — Моравапы; *9* — Барца II; 10 — Виллендорф; *11* — Ишталлошко и Селета; *12* — Селим; *13* — Сагвар; *14* — Поточка зиялка; *15* — Ла Извор и Стынка Рипичень; *16* — Темната дупка; *17* — Малката (Бачо — Киро); *18* — Декилитаж (Побиты камень).

вующей исторической обстановке культур, отличающихся от соседних более или менее ярко выраженным локальным своеобразием.

Вследствие разнообразия природных условий в Центральной Европе широко распространены и представлены большим числом находок разные типы палеолитических поселений. В то время как поздний палеолит Русской равнины представлен почти исключительно поселениями на открытом воздухе, с культурным слоем, залегающим в лёссовидном суглинке или в лёссе, в Центральной и Юго-Восточной Европе широко представлены: лёссовые стоянки на открытом воздухе, главным образом в Чехословакии и в примыкающей к ней северной Австрии; пещерные поселения в Карпатах — на юге Польши, в Словакии и на севере Венгрии, а также на Балканах — в Болгарии. Большим числом находок, в частности, на территории Югославии — в юго-восточных отрогах Альп и в Динарских горах, представлены своеобразные высокогорные пещерные стоянки, оставленные палеолитическими охотниками на пещерных медведей и

входящие в широко известную группу памятников так называемого «альпийского мустье» или «альпийского палеолита».

Палеолитические поселения различного типа нередко расположены рядом, перемежаются и чередуются друг с другом.

Первые находки палеолитических памятников были сделаны в Центральной Европе, как и в России, в начале 70-х годов XIX в. Сюда относятся открытие Ванкелем пещеры Бычья скала в Чехии[1], открытие Завишей Мамонтовой пещеры в Польше[2] и т. д. За три последних десятилетия XIX в. и за первую половину XX в. на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии было обнаружено и частично раскопано большое число палеолитических памятников разного времени, разного характера и разного научного значения. Особенно большое значение, выходящее далеко за пределы территории Центральной Европы, имеют исследования лёссовых стоянок Чехословакии, таких, как Пржедмости[3], Долни Вестонице[4], Моравапы[5], пещер Венгрии[6] и Болгарии[7], высокогорных пещер Югославии[8]. Недостатки исследований прошлых лет в этих странах вскрыты в ряде работ, вышедших за последнее время в странах народной демократии[9]. К. Жебера, характеризуя старые раскопки Долни Вестонице, производившиеся Абсолоном, а в период гитлеровской оккупации Чехословакии Бомерсом, справедливо указывает, что целью здесь было не столько систематическое научное исследование памятника, сколько поиски отдельных вещей[10].

Старые раскопки знаменитого поселения охотников на мамонтов Пржедмости также имели существенные недостатки. Так, например, есть основания говорить о смешении во время раскопок в Пржедмости материалов разных культурных слоев[11].

[1] И. Скутил. История исследований четвертичного периода в Чехословакии. Труды II конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934; J. Filip. Pravěké Československo. Praha, 1948.

[2] А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. I. 1881.

[3] H. Wankel. Die Lösstation von Prerau. Corr. Blatt. d. Deutsch. Gesellsch. für Anthropol., Ethnol. und Urgeschichte, Bd. XVII, 1886; M. Kříž. Die Lösslager in Předmost bei Prerau. Mitteilungen anthropol. Gesellschaft in Wien. Bd. XXIV, H. 1. 1894.

[4] K. Absolon. Die Erforschung der diluvialen Mammutjägerstation von Unter-Wisternitz an den Pollauer Bergen in Mähren. Arbeitsbericht über das erste Jahr 1924. Mitteilungen aus der Palaeolithischen Abteilung am Mährischen Landesmuseum. № 51. Brünn, 1938; K. Absolon. Die Erforschung der diluvialen Mammutjägerstation von Unter-Wisternitz an den Pollauer Bergen in Mähren. Arbeitsbericht über das zweite Jahr 1925. Mitteilungen aus der Palaeolithischen Abteilung am Mährischen Landesmuseum, № 54. Brünn, 1938; K. Absolon. Moravia in Palaeolithic times. Amer. Journ. of Archaeology, 1949, v. 53, № 1.

[5] J. Skutil. Paleolitikum Slovenska a Podkarpatskej Rusi. Spisy Historického odboru Matice slovenskej, svärzok 4. Turčiansky Sväti Martin, 1938.

[6] M. Mottl. Faunen, Flora und Kultur des ungarischen Solutreen. «Quartär», I, 1938; J. Hillebrand. Die ältere Steinzeit Ungarns. Archaeologia Hungarica, XVII, Budapest, 1935; J. Hillebrand. Der Stand der Erforschung der älteren Steinzeit in Ungarn. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Berlin, 1937

[7] Р. Попов. Пещерата Мириливка. София, 1933; Р Попов. Пещерата Темната Дупка. София. 1931.

[8] S. Brodar. Das Paläolithikum in Jugoslawien. «Quartär», I, 1938.

[9] Ф. Фюлеп. Пятилетний план венгерской археологии. Acta Archaeologica, I. Budapest, 1951; L. Sawicki. Rózwój badań w zakresie prehistorii czwartorzędu w Polsce. Sprawozdania P. M. A, t. II. Warszawa, 1949; Я. Бем. Новые археологические открытия и исследования. Československo, roč. V, č. 9. listopad, 1950; Fr. Prošek. Zjišťovací výzkum na paleolitické stanici v Moravanech na Slovensku. Archeologické rozhledy, roč. II, č. 3—4, Praha, 1950.

[10] A. Knor, V Ložek, J. Pelíšek, K. Žebera. Dolní Věstonice. Výzkum tabořiště lovců mamutů v letech 1945—1947. Praha, 1953.

[11] K. Žebera. Výsledky výzkumu kvartérních sedimentů v Předmostí u Přerova-

Значительный вред исследованию палеолитических поселений Центральной Европы, как и многих других стран, нанесли дилетанты, своими раскопками погубившие не один ценный памятник.

Свержение капиталистических режимов и образование стран народной демократии, переход народов этих стран на путь строительства социализма, развитие и укрепление дружбы с Советским Союзом открыли для науки стран народной демократии широчайшие перспективы движения вперед. Уже работы, вышедшие из печати в Чехословакии, Польше, Венгрии и других странах народной демократии в 1949—1954 гг. и посвященные палеолиту, показывают, что ученые этих стран во многих случаях совершенно по-новому подходят к палеолитическим памятникам как к историческим источникам[1]. Это дает огромные результаты не только в кабинетной, теоретической работе, но и в работе в поле. Именно благодаря этому чешский археолог Богуслав Клима смог открыть в знаменитом, раскапывавшемся до того не один год поселении Долни Вестонице остатки постоянных палеолитических жилищ[2]. Для Абсолона, раскапывавшего Долни Вестонице в 1924—1938 гг., эти жилища остались книгой за семью печатями. Благодаря новому подходу остатки постоянных общинных позднепалеолитических жилищ были открыты и во многих других палеолитических поселениях Чехословакии, например в Павлове, Барца II., Петржковице и т. д.[3] В археологической литературе был поставлен ряд новых и чрезвычайно важных проблем периодизации палеолитической культуры и проблем локальных групп в развитии позднего палеолита Центральной Европы и сопредельных территорий (например, проблема селета).

Характеризуя в общих чертах состояние изученности палеолита Центральной Европы, следует указать также, что гитлеровская оккупация нанесла большой вред науке в этих странах и в том числе изучению палеолита, в частности повлекла за собой гибель множества ценнейших памятников, в том числе и палеолитических. Они были варварски, и в то же время преднамеренно уничтожены гитлеровцами. Так, почти все палеоантропологические материалы по палеолиту Чехословакии и значительная часть археологических материалов из многочисленных раскопок в Долни Вестонице были в начале 1945 г. сожжены в замке Микулове отступавшими под ударами Советской Армии гитлеровцами[4]. Немало коллек-

на Moravě za rok 1952. «Anthropozoikum». III. Praha, 1954; L. F Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951; G. Freund. Die Blattspitzen des Paläolithikum in Europa. Bonn 1952.

[1] См., например, Л. Вертеш. Новые раскопки в пещере на Ишталлошко. Acta Archaeologica, I. Budapest, 1951.

[2] B. Klima. Výzkum stanice lovců mamutů u Dol. Věstonic. R. 1948. Archeologické rozhledy, roč. I, S. 1—2. Praha, 1949; B. Klima. Sídelní objekt na tabořišti lovců mamutů v Dolních Věstonicích. Časopis Moravského Musea v Brně, XXXV, 1950; B. Klima. Druhý sídelní objekt a paleolitická keramická pec v Dolních Věstonicích. Archeologické rozhledy, ročn. IV, 3—4, Praha, 1952; B. Klima. Palaeolithic Huts at Dolni Věstonice. «Antiquity», № 109, 1954.

[3] B Klima. Pavlov. Nové paleolitické sídliště na Jižní Moravě. Archeologické rozhledy, ročn. VI, s. 6. Praha, 1954; B. Klima. Přínos nové paleolitické stanice v Pavlově k problematice nejstarších zemědělských nástrojů. Památky archeologické, 46, Praha. 1955; Fr. Prošek. Výzkum paleolitické stanice Barca II. Archeologické rozhledy, V, s. 1, Praha. 1953; B. Klima. Výsledky archeologického výzkumu na tabořišti lovců mamutů v Petřkovicích okr. Ostrava v roce 1952 a 1953. Časopis Slezského musea (Acta Musei Silesiae), IV. Opava, 1955.

[4] K. Žebera. Nové výzkumy v Dolních Věstonicích. Obzor prehistorický. XIII. Praha, 1946; Я. Бем. Новые археологические открытия и исследования; J. Jelinek. A contribution to the classification of the Moravian upper paleolithic man. Časopis Moravského Musea v Brně См. также J. Filip, Pravěké Československo.

ций по палеолиту было уничтожено гитлеровцами в Польше. В результате гитлеровской оккупации погибли многие представители польской археологической науки[1].

Не во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы палеолит в равной степени изучен, не во всех странах сформировались одинаково сильные и авторитетные школы исследователей палеолита. Относительно слабее исследован палеолит Румынии. Здесь открыто и раскопано небольшое число памятников[2]. Удельный вес исследований по палеолиту в румынской археологической науке наших дней, к сожалению, незначителен.

В Болгарии ряд первоклассных палеолитических памятников был открыт и исследован Рафаилом и Поповым. Но в настоящее время исследования по палеолиту в Болгарии не развертываются и их удельный вес в болгарской археологической науке также, к сожалению, весьма незначителен[3].

Многочисленные и интересные материалы по палеолитическим пещерам Югославии были подытожены в обобщающей работе Бродара[4]. За последние годы Бродар и другие археологи Югославии значительно продвинули вперед изучение палеолита в их стране[5].

Лучше всего известен и изучен палеолит Чехословакии, Венгрии и Польши. Археологи этих стран добились наибольших успехов в изучении палеолита.

ВОПРОС О ПЕРВОМ ЗАСЕЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКОМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Последние два десятилетия заставляют по-новому ставить проблему остатков культуры палеолита на территории Центральной и Юго-Восточной Европы. При археологическом изучении этих стран мы сталкиваемся с отдельными явлениями, напоминающими явления, наблюдавшиеся при археологическом изучении Юга СССР.

До 1934 г. на территории СССР не были известны достоверные палеолитические местонахождения древнее мустьерских. Но начиная с 1934 г. был обнаружен ряд ашельских и даже шелльских местонахождений в Абхазии, Армении, Юго-Осетии и на западе Украины — в Поднестровье. В связи с этим совершенно по-новому трактуется вопрос о первом заселении человеком юга нашей страны. Теперь признается, что южные районы СССР были заселены людьми уже в начале древнего палеолита, что Закавказье, а возможно, и нижнее Поднестровье входили в зону, где совершалось превращение обезьян в людей.

В Центральной Европе еще два десятилетия назад остатки древнейшего человечества были представлены только известной находкой гейдельбергской челюсти в Западной Германии. В археологической литера-

[1] J. Kostrzewski. Dzieje polskich badań prehistorycznych. Poznań, 1949.

[2] C. S. Nicoläescu-Plopşor. Le paléolithique en Roumanie. Dacia. V—VI. Bucureşti, 1938.

[3] Ср. Н. П. Мавродинов. Раскопки и исследования в Болгарии в последние годы. СА, XXIV, 1955.

[4] S. Brodar. Das Paläolithikum in Jugoslawien.

[5] Joze Kastelic. Die archaeologische Forschung in Jugoslawien von 1945 bis 1950. Actes de la III session Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Zürich, 1953; S. Brodar. Otoška Jama, Paleolitska Postaja. Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za prirodoslovne in medicinske vede. Razprave, I. Ljubljana. 1951; S. Brodar. Historičen in kritičen pregled domnevnih paleolitskih najdišč na Jugu Jugoslavije. Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za prirodoslovna in medicinske vede. Razprave, II, Ljubljana, 1954.

туре общепризнанным являлось утверждение, что достоверные древнепалеолитические ручные рубила не встречаются к востоку от Рейна[1]. Но в настоящее время находка гейдельбергской челюсти подкрепляется рядом находок ручных рубил и архаических примитивных кремневых отщепов ашельского и шелльского возраста на территории Германии и Чехословакии[2]. Не все эти находки достаточно документированы сопутствующими им фаунистическими остатками, а также геологическими данными, но все вместе они дают весьма выразительную картину.

Перечислим некоторые из этих находок. В советской литературе они освещены недостаточно, между тем они важны для характеристики самых начальных этапов истории первобытных обитателей Европы.

Помимо типичных ашельских рубил из Линдентальской пещеры в Тюрингии, из Марклееберга под Лейпцигом, кратко описанных и частично изданных С. Н. Замятниным[3], в Германии за последние годы было открыто несколько десятков ашельских рубил в местонахождениях долины р. Лейне в Нижней Саксонии, недалеко от Ганновера[4]. Рабочий край этих рубил чаще всего острый и прямой; реже он волнистый или зигзагообразный. Рубила имеют обычно небольшую пятку, напоминающую гладкую ударную площадку шелльских и ашельских отщепов. Вместе с рубилами найдено много кремневых осколков и отщепов. Все кремни в большей или меньшей степени окатаны. Они происходят из галечников долины р. Лейне, но

---

[1] П. П. Ефименко. Дородовое общество. Л., 1934. См. также: J. Hillebrand. Der Stand der Erforschung der älteren Steinzeit in Ungarn. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin,1937. Особенно настойчиво этот взгляд отстаивал Юлиус Андрее. Чехословацкие археологи справедливо отмечают, что взгляды Андрее значительно затормозили изучение древнего палеолита Центральной Европы.

[2] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XVI. М., 1951; L. F. Zotz. Zum gegenwärtigen Stand der Altsteinzeitforschung in Deutschland. «Quartär», 1, 1938; R. Grahmann. Abschläge von Clactonienart in Mitteldeutschland. «Quartär», I, 1938; L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas; K. J. Narr. Karten zur älteren Steinzeit Mitteleuropas. Archaeologia Geographica. Jg. 2, H. 3/4. Hamburg, 1951; K. J. Narr. Um die Altersbestimmung mitteleuropäischer Faustkeile. Germania. Jg. 30. Berlin, 1952; К. Жебера. Древнейшие памятники работы человека в Чехии. Rozpravy Ustředního ůstavu geologického, t. XIV, Praha, 1953; Fr. Prošek. Paleolitické osídlení Čech ve světlě novějších výzkumů. Časopis Narodního Musea, ročn. CXVI,oddíl duchovědný, č. 2. Praha, 1947; J. Filip. Pravěké Československo. Praha, 1948; J. Skutil. Přehled českého paleolitika a mesolitika. Sborník Národního Musea v Praze, VI, A., Dejiny, № 1. Praha, 1952; M. Mazálek. Příspěvek k historii výzkumu starého paleolitu Čech. «Anthropozoikum» III. Praha, 1954; Fr. Prošek, V. Ložek. Stratigrafické otázky československého paleolitu. Památky archeologické, XLV. Praha, 1954; L. F. Zotz und G. Freund. Die paläolithische und mesolithische Kulturentwicklung in Böhmen und Mähren. «Quartär», V, Bonn, 1951; J. Skutil. Staropaleolitické nálezy z Moravy. Památky archeologické, 42. Praha, 1946; Fr. Prošek. Nález clactonienského uštěpu v Letkách nad Vltavou, там же; K. Žebera. Nová paleolitická a mesolitická sídliště v českých zemích; там же; J. Petrbok. Paleolitický nález ve «čtvrté sluji» kopca Chlumu u Srbska. Časopis Národního Musea, ročn. CXVI, oddíl duchovědný, č. 1. Praha, 1947; B. Klima. Prvý pěstní klín ze Slovenska. Archeologické rozhledy, ročn. VI, S. 2. Praha, 1954.

[3] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий..., стр. 101—103.

[4] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas; K. J. Narr. Um die Altersbestimmung mitteleuropäischer Faustkeile. Mc Burney. The Geographical Study of the Older Paleolithic Stages in Europe. Proceedings of the Prehistoric Society, new series, v. XVI. Cambridge, 1950. В одном из этих местонахождений — Дерен, еще в 30-х годах найдено ашельское рубило, воспроизведенное С. Н. Замятниным. См. также: W. Barner. Altpaläolithische Funde aus den südlichen Hannover. «Quartär», III. Berlin, 1941.

извлечены не непосредственно из слоя, а из выбросов гравия, вынутого землечерпалкой. На некоторых кремнях сохранились в виде натека остатки слоя, из которого они происходят. По своим формам рубила из долины р. Лейне принадлежат к раннему ашелю, но геологическими и палеонтологическими данными их датировка, как и датировка древнепалеолитических рубил Армении и Украины, не подкрепляется.

Ашельские рубила сравнительно недавно были обнаружены в Германии также в окрестностях Цигенхайн[1] — в Штейнау, Рейтерсру и Лендершейд (Гессен). Здесь, как и на многих других древнепалеолитических местонахождениях, перемешаны остатки разных эпох, вплоть до неолита; но среди них можно выделить значительное количество остатков, принадлежащих древнему палеолиту, в частности ряд рубил позднеашельского облика. Они изготовлены из кварцита и, в отличие от найденных по соседству орудий более поздних эпох, сильно патинизированы. Многие рубила приготовлены из толстых, массивных отщепов. Здесь же найдено много крупных отщепов, носящих хорошо выраженные признаки шелльской и ашельской техники раскалывания кремня; они имеют гладкую ударную площадку, расположенную под тупым углом к плоскости брюшка. Весь этот материал датируется только типологически; данными геологии и палеонтологии его датировка не подкрепляется.

В различных пунктах Германии (Хирцбах у Альткирка, Неандерталь у Дюссельдорфа, Зеккинген на Верхнем Рейне и т. д.) также найдены рубила ашельского облика.

Архаические массивные кремневые отщепы с гладкой ударной площадкой, расположенной под тупым углом к плоскости брюшка,— свидетельства шелльской и ашельской техники раскалывания кремня[2],— найдены в ряде мест в Германии. Такие находки обнаружены в известном местонахождении Марклееберг к югу от Лейпцига, Фархольц у Кольбе на р. Мильде, Грос-Квенштедт у Хальберштадта, Ванген к юго-западу от Галле[3]. Подобные находки архаичных рубил и отщепов известны и дальше на восток, на территории юго-западной Польши, где в Силезии типичные ашельские рубила найдены у Конрадувки (Петерсдорф) на Одере, недалеко от Легнице, а также в окрестностях Рацибужа (Петрашень).

Древнепалеолитические ручные рубила, равно как и другие кремни шелльского и ашельского возраста, обнаружены за последние годы в Чехословакии. Первое ручное рубило ашельского облика, имеющее 8 см длины и 6 см ширины, было найдено Книесом еще в 1927 г. в Желтом Копце у Брно, в отложениях древней террасы, возвышающейся над уровнем реки Свратки на 96 м. Обработанное с двух сторон рубило размерами 10,5×3,5 см найдено Гроссом на юге Моравии в Лескуне у Моравски-Крумлова. В Тржеборове близ Моравска-Тршебовы на глубине 2 м в лёссе было найдено обработанное с одной стороны плоское рубило ашельского облика размерами 10×7×2 см. К югу от Брно у Мораван, в урочище Лангенфельд Симон в 1941 г. нашел в древнем лёссе рубило миндалевидной формы размерами 13,7×10,2×4,2 см. Оно рассматривалось Мором (H. Mohr) как примитивное ашельское. Из бассейна юго-моравской реки Ступавы происходит двустороннее обработанное рубило размерами 7,3×3,8×2,9 см, типа микок. В Прживозе, к северу от Острявы, найдено широкое, плоское, обработанное с двух сторон рубило размерами 11,6× ×9,4×4,5 см. Оно лежало на дне старого, засыпанного песком речного

[1] L. F. Zotz. Указ. соч., K. J. Narr. Указ. соч.
[2] Так называемые клектонские отщепы.
[3] R. Grahmann. Abschläge von Clactonienart..., L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde...

русла. Возможно, что оно было найдено на самом месте древнепалеолитической стоянки. Такое предположение подтверждает находка вместе с рубилом костей плейстоценовых животных. Эти шесть находок рубил ашельского облика, описанные Жеберой и Скутилом[1], происходят из Моравии. В Чехии ручное рубило из кварцита раннеашельского облика было найдено в Кржешице над Лабой у Литомержице; в 1945 г. Прошек в Хлеме у Бероуна нашел превосходное ручное рубило шелльского облика, размерами 15,4×8,8×6,6 см; в 1949 г. рубило ашельского облика нашел Жебера в Лубне у Раковника[2].

В 1951 г. в южной Чехии, поблизости от известной мезолитической стоянки Ражице-Путим, Мазалек обнаружил приготовленное из валуна ручное рубило древнепалеолитического облика (рис. 2)[3]. Наконец, в 1952 г. Б. Клима нашел сильно патинизированное рубило позднеашельского облика, приготовленное из отщепа, у с. Полов в окрестностях Кошице в Словакии[4]. Геологический возраст большинства этих рубил, найденных за последние годы в Чехословакии, как и рубил, найденных в Германии, не вполне ясен. Но их формы, техника обработки, степень патинизации и окатанности позволяют с большой уверенностью относить их к ашельскому времени. К ним можно присоединить ручные рубила ашельского облика, найденные в Пржедмости на глубине 6—7 м, ниже основного позднепалеолитического культурного слоя, выделенные среди пржедмостских коллекций Гизелой Фреунд[5].

Древнейшим и притом точно документированным памятником заселения человеком территории Чехословакии является открытое Прошеком в 1941 г. местонахождение Летки близ Кралуп над Влтавой, недалеко от Праги[6]. Под слоем лёсса мощностью свыше 8 м, в прослойке погребенной почвы был найден массивный кварцитовый отщеп размерами 14×20×6,2 см, весом 1910 граммов, со всеми характерными признаками шелльско-ашельской техники раскалывания. По условиям залегания он датируется миндель-рисским межледниковым периодом, и эта датировка подтверждается техникой обработки отщепа. Здесь же было найдено несколько каменных изделий, обломки костей и угольки. В Словакии, в Сене, к югу от Кошице, на глубине 5 м от поверхности, в щебнисто-песчаных наносах р. Горнад был обнаружен небольшой отщеп также со всеми характерными признаками шелльско-ашельской техники раскалывания кремня. Прошек и Ложек относят его к числу древнейших палеолитических орудий, известных в Чехословакии[7]. Еще в некоторых пунктах

---

[1] К. Жебера. Древнейшие памятники работы человека в Чехии; K. Žebera. Nová paleolitická a mesolitická sídliště v českých zemích; J. Skutil. Staropaleolitické nálezy z Moravy.

[2] К. Жебера. Указ. соч., Fr. Prošek. Paleolitické osídlení Čech ve světle novějších výzkumů; J. Skutil. Přehled českého paleolitika a mesolitika; M. Mazálek. Příspěvek k historii výzkumu starého paleolitu Česh.

[3] M. Mazálek. Druhý rok výzkumu na sídlišti z doby kamenné u Ražic. Archeologické rozhledy, ročn. IV. č. 3—4. Praha, 1952.

[4] B. Klima. Prvý pěstní klin ze Slovenska. Archeologické rozhledy, ročn. VI, s. 2. Praha, 1954.

[5] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde...; L. F. Zotz und G. Freund. Die paläolithische und mesolithische Kulturentwicklung...; G. Freund. Die Blattspitzen des Paläolithikum...

[6] Fr. Prošek. Paleolitické osídlení...; Fr. Prošek, V. Ložek. Stratigrafické otázky československého paleolitu; К. Жебера. Древнейшие памятники работы человека в Чехии.

[7] Fr. Prošek, V. Ložek. Stratigrafické otázky československého paleolitu.

Чехословакии найдены отщепы и другие культурные остатки древнего облика, но их древность точно геологически не документирована[1].

Приведенный нами краткий обзор находок рубил и других древнепалеолитических орудий свидетельствует о том, что территория Германии,

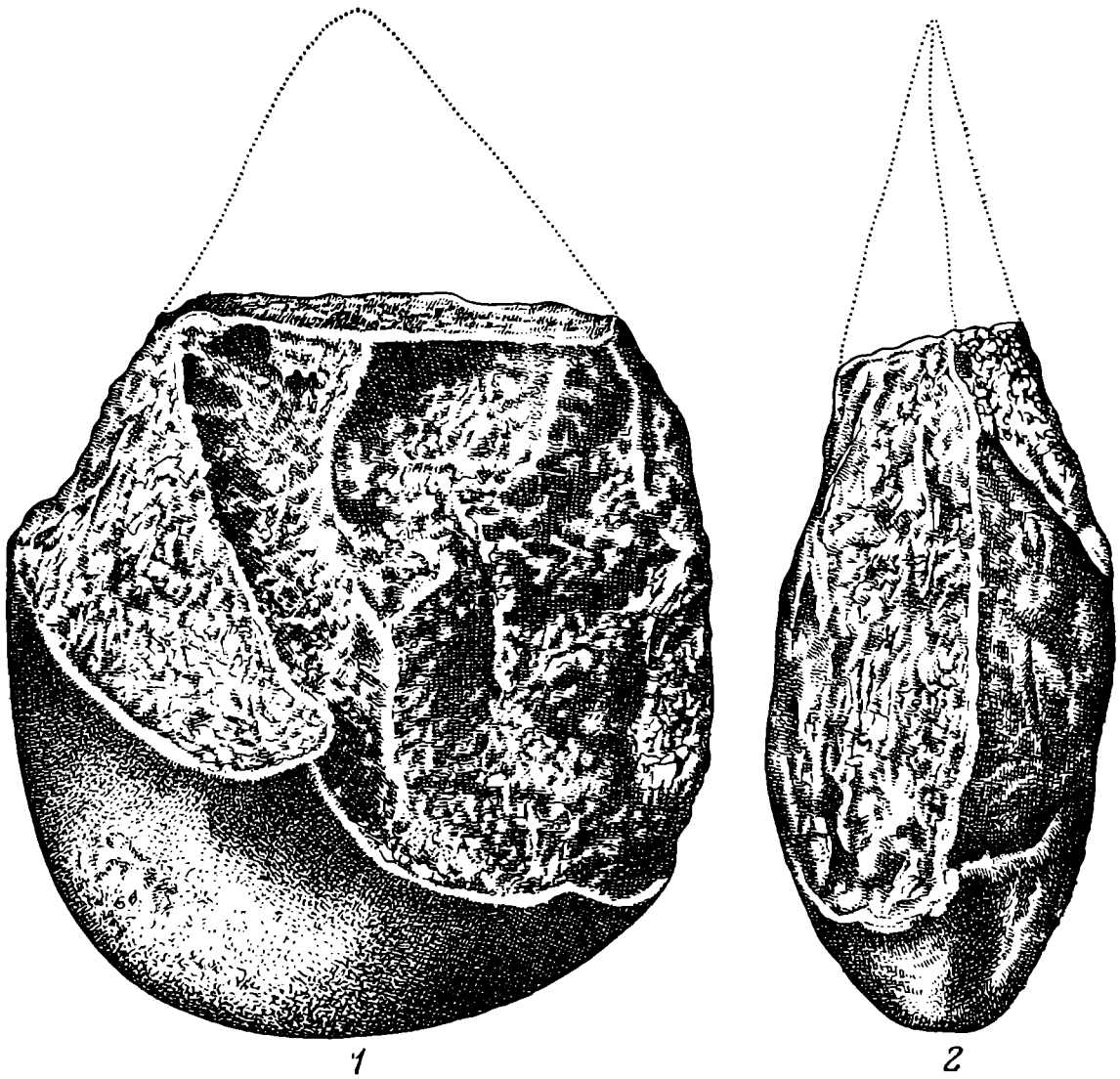


Рис. 2. Путим — Пекарна близ Ражице. Ручное рубило древнепалеолитического облика (по Мазалеку). Около $^3/_4$ нат. вел.

Западной Польши и Чехословакии была очень давно, во всяком случае начиная с раннего ашеля, заселена палеолитическими людьми. В этой связи следует упомянуть еще интересную находку скелета древнего слона *(Elephas antiquus)* в 1948 г. в Германии, недалеко от Вердена, на р. Аллер у Леринген[2]. Скелет был обнаружен при разработке мергеля и дати-

[1] M. Mazálek, K. Žebera, V. Zázvorka, V. Ložek. Mousterské sídliště s buliźníkovou a křemennou industrií na buliźníkovém hřbetu u Lobkovic. Anthropozoikum. II. Praha, 1952; M. Mazálek. Třetí rok výzkumů paleo-mesolitické oblasti u Ražic. Archeologické rozhledy, ročn. V, S. 5. Praha, 1953; Fr. Prošek. Nové paleolitické stanice na východním Slovensku. Archeologické rozhledy, ročn. V, S. 3. Praha, 1953; К. Жебера. Древнейшие памятники работы человека в Чехии...

[2] K. D. Adam. Der Waldelefant von Lehringen, eine Jagdbeute des diluvialen Menschen. «Quartär», V Bonn, 1951; L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde... стр. 54—56.

руется, судя по данным пыльцевого анализа, межледниковой эпохой. С ним, в этом же слое, было найдено около 30 кремневых орудий, относимых Цотцем к типу леваллуа. Между двумя ребрами слона лежало хорошо изготовленное копье из тисса. Копье имело 2,15 м длины; конец его был заострен и закален на огне, центр тяжести копья располагался ниже его середины: это свидетельствует о том, что оно употреблялось не как метательное оружие, а в качестве рогатины или пики. Находка эта очень интересна для характеристики древнейшего охотничьего хозяйства. В то же время не все ясно в ее описаниях, хотя и приведенных весьма авторитетными исследователями. В частности, остается непонятным, как сохранилось до наших дней деревянное копье, имеющее такую огромную древность.

К югу от Чехословакии, на территории Австрии, Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии и Греции достоверные шелльские и ашельские орудия неизвестны. В Австрии, Венгрии, Югославии, Румынии и Болгарии древнейшими достоверными археологическими памятниками являются мустьерские, а в Албании и Греции — позднепалеолитические. М. Роска описал собранные им в ряде пунктов на территории Трансильвании (Румыния) грубые, аморфные орудия, которые он определил как рубила и отнес к шелльскому и ашельскому времени[1]. Однако рисунки орудий, воспроизводимые Роской, являются невыразительными. Все исследователи, упоминавшие этот материал[2], единодушно трактуют его как сомнительный, включающий частью камни без всяких следов намеренной обработки, частью осколки, отщепы, заготовки мезолитического или неолитического возраста.

Вместе с тем следует напомнить, что ашельские и шелльские орудия были обнаружены на территории Чехословакии, Польши и Германии, неплохо изученной в археологическом отношении, лишь за последние два десятилетия. Не исключена возможность того, что специализированные поиски шелльских и ашельских местонахождений к югу от Чехословакии в дальнейшем дадут положительные результаты. Нет оснований отрицать возможность заселения людьми уже в начале плейстоцена Балканского полуострова и примыкающих к нему с севера областей.

К проблеме древнейших остатков культуры каменного века на территории Центральной и Юго-Восточной Европы тесно примыкает проблема соотношения древнепалеолитических и позднепалеолитических памятников на этих же территориях.

Значительная часть зарубежных археологов омолаживает возраст мустьерских культурных остатков, синхронизируя их не с максимальным (рисским), а с последним (вюрмским) оледенением[3]. Неправильность этих представлений и необходимость отнести мустьерские культурные остатки к рисскому и даже к дорисскому времени была показана В. И. Громовым[4].

---

[1] M. Roska. Rapport préliminaire sur les fouilles archéologiques de l'année 1925. Dacia II. Bucureşti, 1925; M. Roska. Das Altpaläolithikum von Baszarabsza—Brotuna in Siebenbürgen. «Eiszeit», IV, Leipzig, 1927.

[2] J. Bayer. Zur Problem des Altpaläolithikum Siebenbürgens. «Eiszeit», IV. Leipzig, 1927; J. Hillebrand. Die ältere Steinzeit Ungarns; C. S. Nicolăescu-Plopşor. Le paléolithique en Roumanie.

[3] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde..., S. Krukowski. Paleolit Polski. Отдельный оттиск из Encyklopedii Polskiej, t. IV, cz. 1. Kraków, 1939.

[4] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Труды ИГЕН, 64, М., 1948.

Несмотря на обилие мустьерских культурных остатков в той же Чехословакии, некоторые зарубежные исследователи, например Абсолон[1], пытались отрицать существование здесь мустьерской техники и культуры. Их утверждения отвергнуты подавляющим большинством современных чехословацких археологов. Не выдерживает критики и сконструированный Абсолоном на материалах древнепалеолитических местонахождений Чехословакии некий «пра-ориньяк».

Сопоставление обнаруженных на интересующей нас территории мустьерских культурных слоев и культурных слоев, относящихся к начальным ступеням позднего палеолита, показывает постепенное вызревание некоторых элементов позднепалеолитической техники и культуры еще в мустьерскую эпоху, наличие тесных генетических связей между мустьерскими и позднепалеолитическими стоянками Центральной Европы. Особенно хорошо эти генетические связи прослеживаются на материалах палеолита Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии.

В мустьерском культурном слое стоянки Ла Извор, расположенной на правом берегу р. Прут в Румынии, вместе с мустьерскими скреблами, остроконечниками, рубильцами и дисковидными нуклеусами найдены отдельные резцы, скребки, костяные острия и заостренные на конце бивни мамонта[2]. В стоянке Сухарул (Олтения — юго-запад Румынии) обнаружен древний ориньяк еще с чертами мустье[3].

В большинстве позднепалеолитических пещер Болгарии — Малката, Мирисливка, Темната Дупка вместе с кремневыми орудиями, изготовленными из узких длинных пластин, найдены остроконечники и скребла мустьерских типов[4]. Сходные признаки смешения мустьерской и позднепалеолитической техники обработки камня отмечены в пещерах северо-западной Югославии (главным образом Словении и частично Хорватии)— Виндия, Морнова Зиялка, Шпеховка[5], Беталов Сподмол[6]. В каменных орудиях Виндия есть черты, напоминающие такой типичный древнепалеолитический памятник Югославии, каким является Крапина, и в то же время черты, напоминающие югославскую позднепалеолитическую пещеру Поточка Зиялка, давшую многочисленные костяные изделия. Смешение мустьерских каменных орудий с узкими удлиненными пластинками и резцами отмечено также в Морнова Зиялке. В Шпеховке вместе со скреблами и остроконечниками найдены типичные позднепалеолитические каменные орудия, а также обломок костяного наконечника и костяное шило. О горизонте «Д» грота Беталов Сподмол, раскапывавшегося в 1947 и 1949 гг., Модюи, основываясь на материалах, присланных ему Жупаничем, пишет, что каменные изделия, найденные здесь, свидетельствуют о конце мустье и переходе к ориньяку.

---

[1] К. Абсолон. Об исследовании палеолита Моравии. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып V, М.— Л., 1934.

[2] N. Moroşan. Le moustérien dans le nord de la Moldavie. L'Anthropologie, t. 41. Paris, 1931; N. Moroşan. Le pleistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Anuarul Jnstitutului Geologic al Romaniei, vol. XIX. Bucureşti, 1938.

[3] C. S. Nicolăescu-Plopşor. Le paléolithique en Roumanie.

[4] Р. Попов. Пещерата Темната Дупка; Р. Попов. Пещерата Мирисливка; Р, Попов. Голѣмата и Малката пещери при Дрѣновския монастир. Известия на Българския Археологически Институтъ, т. XII, св. 1. София, 1938; D. A. E. Garrod. Excavations in the cave of Bacho Kiro, North-East Bulgaria. American School of Prehistoric Research. Bulletin 15, 1939.

[5] S. Brodar. Das Paläolithikum in Jugoslawien.

[6] J. A. Mauduit. Recherches paléolithiques en Jougoslavie dépuis la guerre. Bulletin de la Société Préhistorique de France, v. 47, № 9—10. Paris, 1950.

В Венгрии, в пещере Ишталлошко, раскапывавшейся в больших масштабах Л. Вертешем в 1947 и 1948 гг., в культурных слоях, относящихся к сравнительно ранней поре позднего палеолита, найдено значительное количество мустьерских орудий[1]. Аналогичные находки сделаны в 1936 г. в пещере Селета[2]. С другой же стороны, наличие костяных изделий характерно для мустьерских пещер Венгрии, например для пещеры Шубальюк[3].

В Австрии наблюдается сходная картина. В самом нижнем культурном слое пещеры Реполуст вместе с узкими удлиненными пластинками, концевыми скребками и резцами позднепалеолитических типов найдено значительное количество мустьерских скребел и остроконечников[4]. Аналогичный комплекс обнаружен в пещере Зальцофен[5].

По материалам Чехословакии и Польши генетические связи мустьерской и позднепалеолитической техники и культуры прослеживаются не столь четко. Все же обращают на себя внимание отмеченные Абсолоном позднепалеолитические элементы в каменной технике мустьерских пещер Чехословакии — Шипки и Чортовой дыры[6].

Интересно, что найденные в Чехословакии костные остатки неандертальских людей (челюсти из Шипки и Охоса), имеют отдельные прогрессивные признаки, напоминающие *Homo sapiens*[7]. С этим можно сопоставить неандерталоидные признаки, выраженные у представителей расы Брно-Пржедмости.

Палеоантропологический и рассмотренный нами археологический материал свидетельствует о том, что на территории Центральной Европы, равно как и на ряде других территорий, имел место непосредственный переход от неандертальца к *Homo sapiens*, от древнего палеолита к позднему палеолиту.

Разумеется, данные, характеризующие особенности этого непосредственного перехода, отрывочны и далеко не достаточны. Мустьерские и позднепалеолитические поселения, известные в различных частях Центральной и Юго-Восточной Европы, нередко неравноценны и несравнимы между собой.

Многообразие позднепалеолитических поселений Центральной Европы позволяет предположить, что у различных групп неандертальцев переход к позднепалеолитической технике и культуре совершился несколько отличными путями, близкими к тому «многообразию примитивности», о котором писал Г. А. Бонч-Осмоловский[8]. Нет оснований говорить о

---

[1] Л. Вертеш. Новые раскопки в пещере на Ишталлошко. Acta Archaeologica, m. I. Budapest, 1951.

[2] M. Mottl. Zum gegenwärtigen Stand der Quartärforschung in Ungarn. «Quartär», II. Berlin, 1939.

[3] Gábori Miklós. A paleolitikum csontipara Magyarországon. Archaeologiai Ertésitö. 1951, t. 78. Budapest, 1951.

[4] M. Mottl. Das Protoaurignacien der Repolusthöhle bei Peggau. Steiermark. Archaeologia Austriaca, 5. Wien, 1950.

[5] M. Mottl. Die paläolithischen Funde aus der Salzofenhöhle im Toten Gebirge. Archaeologia Austriaca. 5. Wien, 1950.

[6] K. Absolon. O pravé podstatě paleolitických industrii ze Šipky a Čertový diry na Moravě. «Anthropologie», X. Praha, 1932.

[7] В. П. Якимов. О двух морфологических типах европейских неандертальцев. «Природа», 1949, № 10 (см. также В. П. Якимов. Естественный слепок полости черепа неандертальца из Чехословакии. «Советская этнография», 1952, № 3); E. Vlček. Travertinový výlitek lebky neandertaloidního typu z Gánovců u Popradu. Archeologické rozhledy, ročn. 1, S. 4, 1949; Э. Влчек. Находка неандертальского человека в Словакии. «Slovenska Archeologia», I, Bratislava, 1953.

[8] Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-Коба. М.—Л., 1940.

существовании у неандертальского населения Центральной Европы нескольких обособленных культур, связанных с определенными территориями. Ла Извор не обнаруживает черт локального своеобразия по сравнению, скажем, с Шипкой, Пекарами, Темната Дупкой и Окенником.

НЕКОТОРЫЕ ВАЖНЕЙШИЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ И РАННЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чехословакия очень богата палеолитическим материалом. На ее сравнительно небольшой территории известно свыше 400 палеолитических местонахождений. Это связано, вероятно, с благоприятными условиями жизни людей здесь в плейстоцене, а также является результатом интенсивных археологических исследований, проводившихся в Чехословакии за последние десятилетия. Бо́льшая часть (до трех четвертей) позднепалеолитических поселений Чехословакии, в том числе наиболее известные и достопримечательные, сосредоточены в Моравии. Сюда относятся Пржедмости, Долни Вестонице, Ондратиц, Пекарна, Кульна и многие другие[1]. Чехия значительно беднее по палеолитическим находкам. Среди позднепалеолитических поселений Словакии выделяется группа Мораванских стоянок[2].

Поселение Долни Вестонице находится на юге Моравии. Оно было открыто в 1922 г.[3] и раскапывалось под руководством Абсолона в течение 14 полевых сезонов, с 1924 по 1938 г.[4]

Раскопки Абсолона ограничивались главным образом теми частями стоянки, где палеолитический культурный слой выходил на поверхность или залегал на небольшой глубине и где можно было ожидать богатых находок. Судя по способу, каким велись раскопки, их целью было не столько систематическое исследование палеолитического поселения, сколько извлечение из земли возможно большего количества археологических объектов. Это же относится и к раскопкам Бомерса в Долни Вестонице в период гитлеровской оккупации Чехословакии в 1939 — 1944 гг.; он полностью игнорировал предшествующие работы чешских исследователей по этому памятнику[5].

Богатый археологический материал из раскопок Абсолона в Долни Вестонице вместе с палеоантропологическими материалами из палеолитических стоянок Чехословакии был в 1945 г. свезен гитлеровцами в Микуловский замок и там ими сожжен. Сохранились только произведения искусства из Долни Вестонице, самоотверженно скрытые чешскими научными работниками Моравского музея[6].

---

[1] J. Filip. Pravěké Československo; J. Skutil. Übersicht der mährischen paläolithischen Funde. «Światowit», XVI, Warszawa, 1936.

[2] J. Skutil. Přehled českého paleolitika a mesolitika.

[3] J. Bayer. Eine Mammutjägerstation im Löss bei Pollau in Südmähren. «Die Eiszeit», B. I, H. II. Leipzig, 1924.

[4] C. Absolon. Une nouvelle et importante station aurignacienne en Moravie. Revue anthropologique. Paris, 1927; K. Absolon. New finds of fossil human skeletons in Moravia. Anthropologie, VII. Prague, 1929; K. Absolon. Die Erforschung der diluvialen Mammutjägerstation von Unter-Wisternitz an den Pollauer Bergen in Mähren. Arbeitsbericht über das erste Jahr 1924; K. Absolon. Die Erforschung der diluvialen Mammutjägerstation von Unter-Wisternitz an den Pollauer Bergen in Mähren. Arbeitsbericht über das zweite Jahr 1925; K. Absolon. Moravia in Palaeolithic times.

[5] A. Knor, V. Ložek, J. Pelíšek, K. Žebera. Dolní Věstonice. Výzkum tabořiště lovců mamutů v letéch 1945—1947.

[6] A. Knor, V. Ložek, J. Pelíšek, K. Žebera. Указ. соч.

В 1945 г. раскопки в Долни Вестонице были возобновлены археологами народно-демократической Чехословакии и планомерно производятся и в настоящее время[1].

Абсолоном было раскопано в общей сложности около 3 тысяч кв. метров. Это — ничтожная доля всей площади поселения, равной, по Абсолону, 1 млн. 100 тысячам кв. метров[2], а по новейшим, более точным данным, —примерно 100—120 тысячам кв. метров[3].

Палеолитическая стоянка располагалась в небольшом углублении на откосе. Глубина залегания культурного слоя в разных частях поселения различна; большей частью эта глубина превышала 2 м, но в некоторых местах культурный слой залегает на глубине 8 м, в других же местах выходит на поверхность. Культурный слой залегает в лёссе и носит явные следы солифлюкции, а также содержит мерзлотные трещины. Солифлюкция сильно разрушила и сместила культурный слой. В период существования поселения его окружала холодная тундра, в которой лишь кое-где могли произрастать более выносливые деревья — сосна, лиственница, ель и др. Средняя годовая температура была ниже современной приблизительно на 10° Ц[4].

Палеолитический культурный слой Долни Вестонице был очень мощным, включал огромные скопления костей с признаками намеренной сортировки, очаги, большое количество кремневых и костяных орудий и произведения искусства. Фаунистические остатки из раскопок 1924 и 1925 гг. принадлежат, по Абсолону, мамонту, лошади, северному оленю, зубру, пещерному медведю, льву, волку, песцу, дикому коту, зайцу, благородному оленю, белой куропатке, росомахе. Около 90% всех костей принадлежит мамонту. Только в 1924 и 1925 гг. на сравнительно небольшой площади были найдены остатки 48 мамонтов. Следующие места среди охотничьей добычи занимают лошадь и северный олень[5]. Происходящие из раскопок Абсолона женская фигурка и фигурки животных, вылепленные из глины, смешанной с толченой костью и затем обожженной, широко известны и многократно воспроизводились. Менее известны находки вырезанных из человеческих черепов чаш и погребение ребенка, скелет которого лежит в могильной яме вместе с полуобгорелыми костями животных; обломки человеческого черепа носили следы окраски. Вместе со скелетом находилось хорошо сохранившееся ожерелье из просверленных клыков песца. Погребение было покрыто лопаткой мамонта[6]. Это детское погребение обнаруживает поразительные аналогии с позднепалеолитическим детским погребением из Костенок XV, открытым А. Н. Рогачевым в 1952 г.

---

[1] A. Knor, V. Ložek, J. Pelišek, K. Žebera. Указ. соч., B. Klima. Výzkům stanice lovců mamutů u Dol. Věstonic r. 1948. Archeologické rozhledy, ročn. I, 1—2. Praha, 1949; B. Klima. Sídelní objekt na tábořišti lovců mamutů v Dolních Věstonicích. Časopis Moravského Musea v Brně. XXXV, 1950; B. Klima. Objev diluviálního hrobu v Dolních Věstonicích. Там же. B. Klima. Hrob ženy lovce, mamutů v Dolních Věstonicích. Archeologické rozhledy, ročn. II, sešit. 1—2. Praha, 1950; B. Klima. Druhý sídelní objekt a paleolitická keramická pec v Dolních Věstonicích, Archeologické rozhledy, ročn. IV, s. 3—4. Praha, 1952; B. Klima. Palaeolithic Huts at Dolni Vestonice. Antiquity, № 109, 1954; E. Vlček. Otisky prstů diluviálního člověka z Dolních Věstonic. Archeologické rozhledy, ročn. IV, s. 6. Praha, 1952.

[2] K. Absolon. Moravia in Palaeolithic times.

[3] A. Knor, V. Ložek, J. Pelíšek, K. Žebera. Указ. соч., приложение I.

[4] A. Knor, V. Ložek, J. Pelíšek. K. Žebera. Указ. соч.

[5] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde...

[6] K. Absolon. New finds of fossil human skeletons in Moravia.

Упомянем еще находку под большим скоплением костей мамонтов двадцати двух отборных, вероятно, спрятанных орудий (пластины, резцы, проколки), сделанных из прекрасной темнозеленой яшмы[1].

Раскопки в Долни Вестонице, возобновленные в 1945 г. Государственным археологическим институтом Академии наук Чехословакии и Моравским областным музеем в г. Брно, по своим задачам и методике коренным образом отличаются от старых раскопок Абсолона. Раскопки носят комплексный характер, в них принимают участие представители разных научных дисциплин. Раскопки ведутся широкими площадями, с оставлением расчищаемых скоплений культурных остатков на месте, с выяснением их планировки. При раскопках используется опыт, накопленный в результате исследований позднепалеолитических поселений и жилищ на территории СССР. Основная цель раскопок — не извлечение уникальных предметов старины, как это было у Абсолона[2], а открытие и исследование древних жилых и иных культурных комплексов.

Эти по-новому поставленные раскопки дали в первые же годы блестящие результаты. Абсолону не удалось,—да при его методике раскопок и не могло удаться, — проследить в Долни Вестонице остатки жилищ. Он только высказывал предположения о возможности существования там жилищ из дерева и шкур, от которых до нас ничего не дошло. А раскопками 1948—1952 гг. были открыты и изучены остатки трех постоянных общинных позднепалеолитических жилищ, обнаруживающих черты сходства с позднепалеолитическими жилищами на территории Русской равнины.

Первое жилище Долни Вестонице, раскопанное в 1948—1950 гг[3]. (рис. 3, 4, 5), представляло собой овальное в плане скопление культурных остатков размерами 15×9 м, мощностью в центральной части до 40 см; по направлению к краям скопление становилось более тонким. Оно было серого цвета, имело примесь древесных углей, располагалось в плоском, блюдцеобразном углублении, на пологом склоне и несколько возвышалось над окружающими участками (рис. 3). Скопление было ограждено невысокой выкладкой из кусков известняка. Возможно, что это были следы какой-то разрушившейся жилой конструкции. Пол жилища также был покрыт обломками известняка.

Внутри жилого комплекса были обнаружены остатки пяти очагов в небольших углублениях, имевших в поперечнике 1,5—2 м. Наличие внутри большого жилища площадью около 130 кв. м нескольких очагов вполне естественно. Но в расположении очагов в жилище Долни Вестонице, в отличие от Костенок I, Костенок IV, Пушкарей 1, не прослеживается определенной, четко выраженной системы. Два очага располагались у юго-западной границы жилища, два — ближе к северной границе, один занимал центральное положение. Вокруг каждого из очагов находилось несколько плоских камней Вокруг очагов была найдена и бóльшая часть культурных остатков: множество кремневых орудий, костяные орудия, подвески, красящие вещества, кусочки обожженной глины. Судя по обилию расколотого кремня и кремневых орудий, можно предполагать, что обработка кремня производилась здесь же, в жилище.

---

[1] K. Absolon. Die Erforschung der diluvialen Mammutjägerstation von Unter-Wisternitz... Arbeitsbericht über das zweite Jahr 1925.

[2] Отмечу в этой связи, что очень неприятное впечатление производит статья Абсолона, напечатанная в American Journal of Archaeology в 1949 г., переполненная саморекламой («изучил свыше 300 тысяч кремней, работал свыше 25 лет над созданием своей новой системы палеолита» и т. д.).

[3] B. Klima. Sídelní objekt na tabořišti lovců mamutů v Dolních Věstonicích.

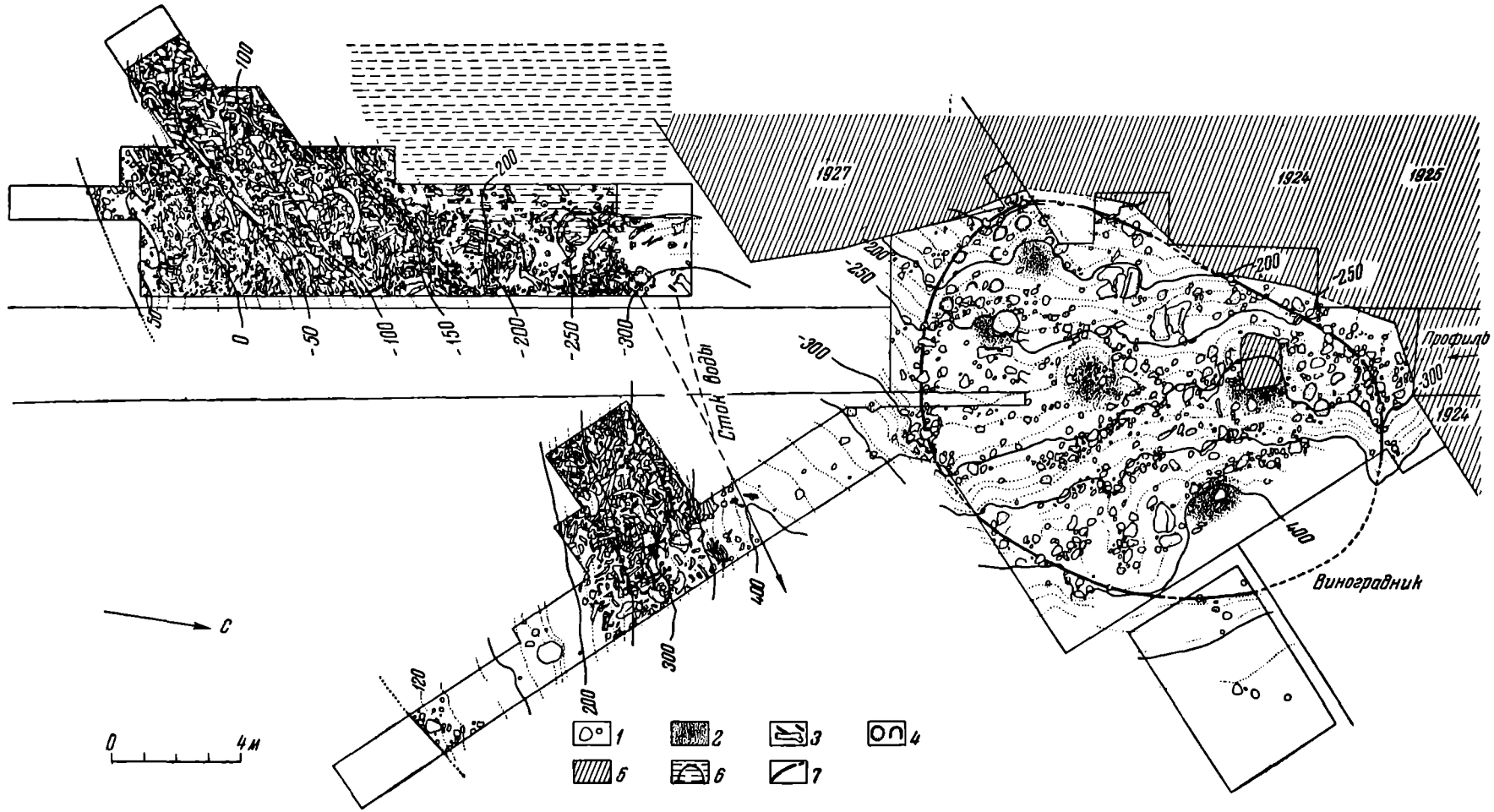


Рис. 3. Долни Вестонице. План раскопа 1948—1950 гг. с остатками первого жилища (по Климе).

1 — куски камня; *2* — очаги; *3* — кости; *4* — ямки; *5* — раскопы предыдущих лет; *6* — водный бассейн; *7* — граница культурного слоя, заполняющего палеолитическое жилище.

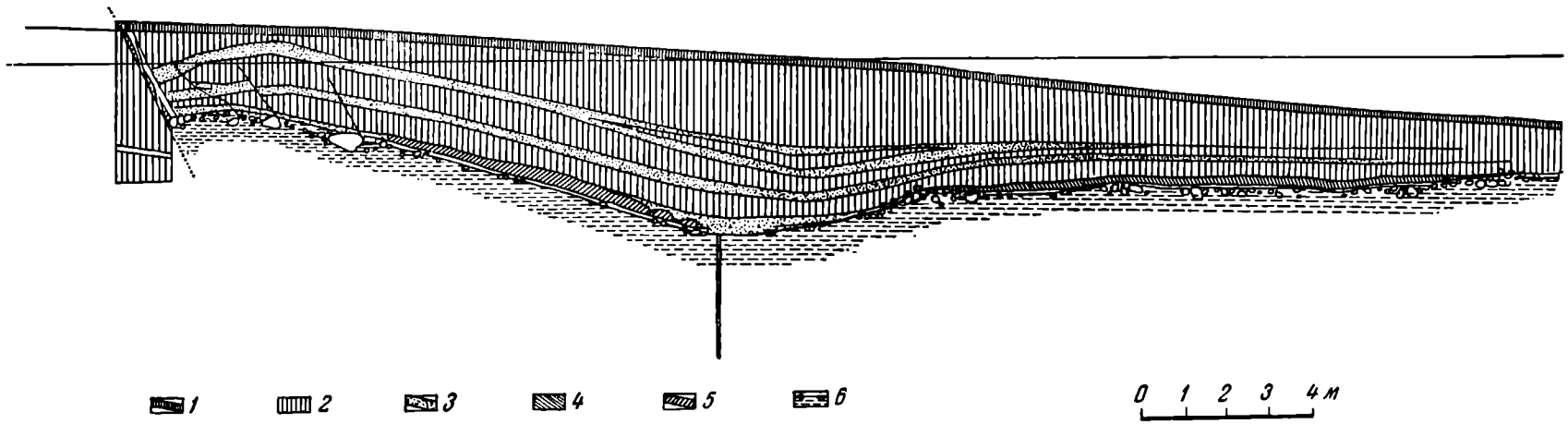


Рис. 4. Долни Вестонице. Разрез через первое жилище. Раскопки 1949 г. (по Климе).

1 — чернозем; *2* — лёсс; *3* — глей; *4* — культурный слой; *5* — слой костей; *6* — известняковая щебенка.

В юго-западной части жилища на дне его были обнаружены заполненные углистым слоем ямки, имевшие 20—30 см в поперечнике и примерно такую же глубину; Клима не считает их ямками от столбов, поддерживающих кровлю.

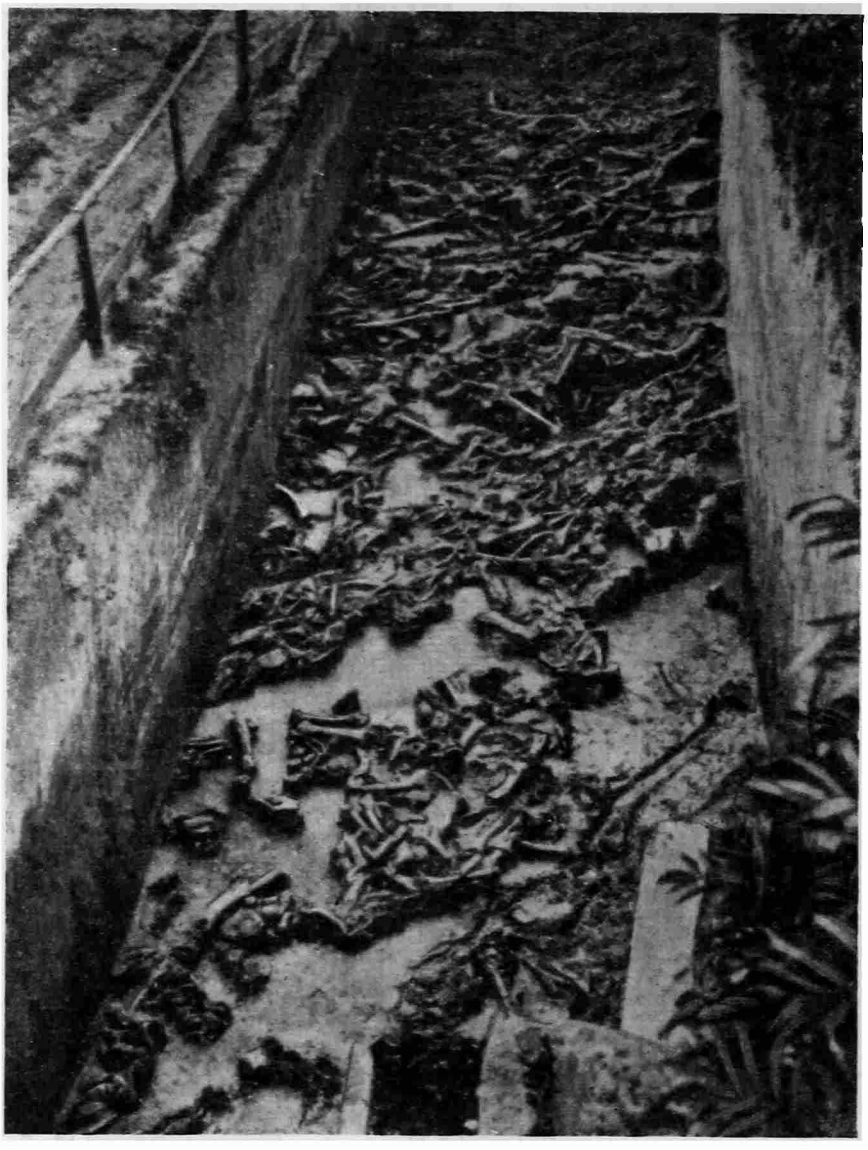


Рис. 5. Долни Вестонице. Скопление костей мамонтов в раскопе 1950 г. (по Климе).

К сожалению, первый жилой комплекс Долни Вестонице не был вскрыт раскопками целиком; этому помешали проходящая здесь дорога, поля и виноградники. Геологические условия залегания культурных остатков позволяют предполагать, что весь этот жилой комплекс, подобно глыбе льда, сполз на 40 м вниз по древнему склону местности.

Близ жилища в древности находился водоем или, скорее, болото, заполненное огромным скоплением костей мамонтов, толщиной в отдельных местах до 40 см. Здесь были обнаружены челюсти, принадлежащие

Рис. 6. Долни Вестонице. Часть раскрытого в 1950 г. скопления костей мамонта (по Климе).

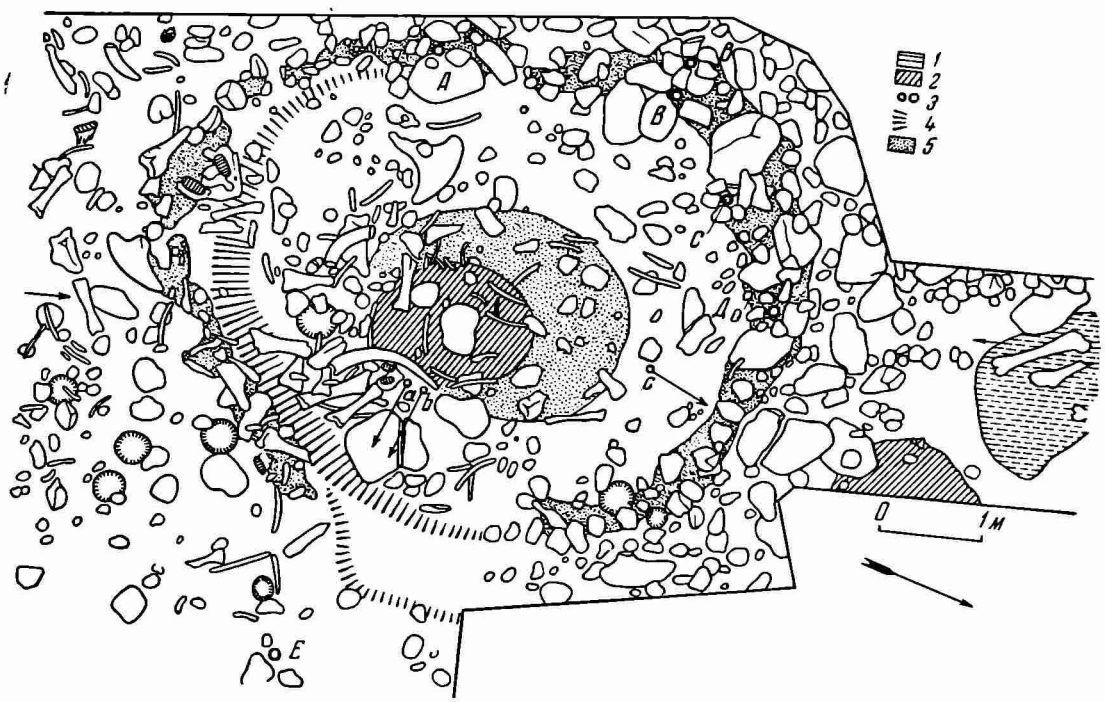


Рис. 7. Долни Вестонице. План второго жилища. Раскопки 1951 г. (по Климе):
1 — вода; *2* — очаги; *3* — ямки от столбов; *4* — границы западины; *5* — остатки вала, окружавшего жилище, и стенки, окружавшей очаг.

18 мамонтам, по преимуществу молодым. Реже встречались кости волка и лошади, преобладавшие, как и кости лисицы, в жилище, около очагов. Клима предполагает, что это куча отбросов, куда кидали не только кости, но и куски испорченного мяса; так объясняются находки здесь анатомических групп костей, в частности 6 позвонков.

Второе палеолитическое жилище (рис. 7, 8, 9) было раскопано в Долни Вестонице в 1951 г.[1] Оно располагалось на склоне. Его остатки представляли собой круглое в плане скопление культурных остатков (линзу), имевшее около 6 м в поперечнике. Жилище со всех сторон было ограждено невысоким кольцевым валом из земли; с севера, кроме того, оно было

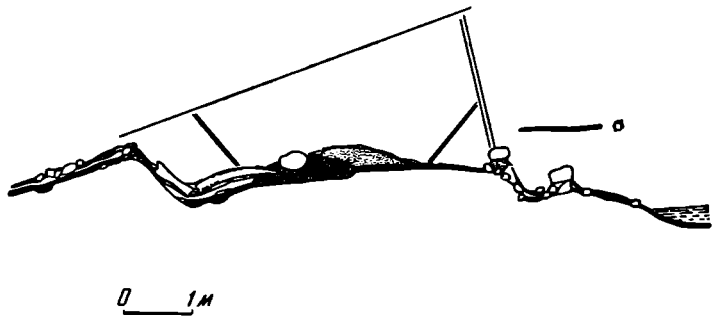


Рис. 8. Долни Вестонице. Профиль второго жилища. Раскопки 1951 г. (по Климе). Условные знаки те же, что и на рис. 7.

ограждено камнями. На дне жилища были обнаружены заполненные угольками ямки от столбов и жердей, поддерживавших кровлю; все они были обложены камнями, что, вероятно, делалось для укрепления подпорок. Пять более крупных ямок располагались на обводе вала, на северной его стороне. Ямки имели 20 см глубины и 10—15 см в поперечнике, три из них были наклонены к центру жилища. Другую группу образовывали три ямки меньших размеров, имевшие 10 см глубины и 5—7 см в поперечнике; они были наклонены к обводу жилища и, возможно, сохранились от жердей, которые упирались в края жилья.

На дне жилища, в центре его, располагался очаг размерами 1,30 × × 0,40 м. Б. Клима предполагает, что второе жилище Долни Вестонице имело покатую односкатную крышу из дерева, травы и костей; на крыше лежали и кости мамонтов; после того как крыша обрушилась, они упали и оказались в верхней части культурного слоя.

Внутри жилища вокруг очага были обнаружены остатки какой-то обожженной стенки. Клима предполагает, что это печь, в которой обжигали скульптуры из глины. Здесь же было найдено 2200 комков обожженной глины (рис. 10), среди них обломки скульптурных изображений животных (ноги фигурок зверей, две медвежьи головки, миниатюрная головка лисицы) и приготовленные для лепки комки глины, на поверхности которых сохранились отпечатки пальцев и ладоней позднепалеолитических людей[2]. Это — первая подобная находка для палеолита. Ранее подобные

[1] B. K l i m a. Druhý sídelní objekt a paleolitická keramická pec v Dolních Věstonicích.

[2] E. V l č e k. Otisky prstů diluviálního člověka Dolních Věstonic.

отпечатки пальцев первобытных людей были известны только на фрагментах неолитической керамики.

Находка в Долни Вестонице маленьких глиняных скульптур[1] и, особенно, большого количества их обломков и заготовок, напоминает Костенки I, где было найдено множество фигурок женщин и животных,

Рис. 9. Долни Вестонице. Общий вид второго жилища в процессе расчистки его остатков (по Климе).

вырезанных из мергеля, а также их обломков и заготовок. Многие вестоницкие скульптуры и обломки скульптур в точности напоминают костенковские, хотя одни приготовлены из глины, а другие — из мергеля. Вероятно, в жилище Долни Вестонице, как и в жилище Костенок I, в массовом масштабе изготовлялись такие скульптуры людей и животных, но особенностью культуры первобытных обитателей Чехословакии было

[1] H. K ü h n. Neue Funde eiszeitlicher Kunst in Mähren. IPEK., 1934.

то, что они изготовляли подобные скульптуры главным образом из глины и из глины, смешанной с толченой костью.

Остатки третьего жилища были обнаружены в Долни Вестонице в 1952 г.[1] Оно, видимо, имело большие размеры. Обугленные жерди над углублением, вероятно, сохранились от ограждавшей его стены или от какой-то наружной постройки.

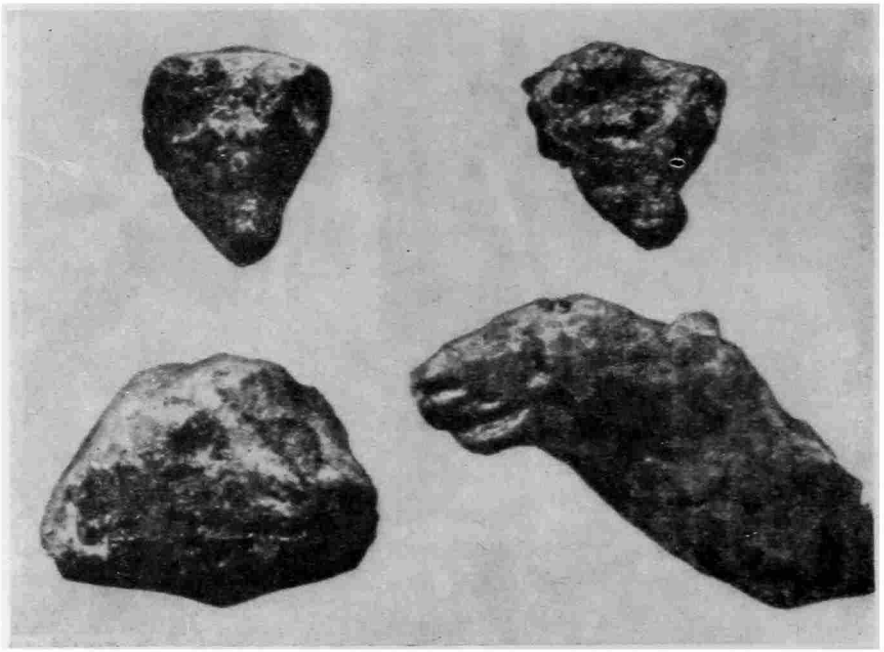


Рис. 10. Долни Вестонице. Фрагменты глиняных скульптур из культурного слоя (по Климе).

Палеолитические жилища, раскопанные в 1948—1952 гг. в Долни Вестонице, многими своими элементами поразительно сходны с палеолитическими жилищами, раскопанными советскими исследователями в Гагарине, Костенках I, Тельманской стоянке, Костенках IV, Костенках II, Пушкарях I, Елисеевичах, Бурети и т. д. Обращает на себя внимание четкая очерченность скоплений культурных остатков (линз) на месте обоих жилищ Долни Вестонице, то, что оба жилища были ограждены в одном случае камнями, в другом — земляным валом, многоочажность первого жилища площадью около 130 кв. м и наличие во втором, маленьком, жилище только одного очага. Как и в раскопках на территории СССР (по Дону и Десне), на дне палеолитических жилищ Долни Вестонице были обнаружены ямки, заполненные углистым слоем, вокруг очагов концентрировались находки обработанного кремня, произведений искусства, костей мелких животных, в то время как кости мамонта лежали в верхней части культурного слоя.

Но имеются и значительные различия. Размеры, очертания и расположение палеолитических жилищ во многом были обусловлены характером окружающей местности, численностью людей в общине, сооружавшей данное жилище, длительностью существования последнего. Этим, вероятно, объясняется значительное разнообразие позднепалеолитических жилищ при единстве их основных элементов и характерных признаков.

[1] B. K l i m a. Palaeolithic Huts at Dolni Vestonice.

Будучи во многом своеобразными, жилые сооружения Долни Вестонице не больше отличаются от палеолитических жилищ СССР, чем последние различаются между собой.

Как отмечает Клима[1], общей чертой всех трех жилищ Долни Вестонице является специально подготовленное основание, соседство с водой и присутствие по меньшей мере одного очага в центре.

Исследование палеолитических жилищ Долни Вестонице, несомненно, будет продолжено. В частности, желательно выяснить, не являются ли некоторые из них, имеющие меньшие размеры, не самостоятельными жилищами, а частями более обширных жилых комплексов (как, например, в Костенках I землянка А является частью обширного жилого комплекса).

Во время раскопок 1949 г. недалеко от большого жилища было обнаружено позднепалеолитическое скорченное окрашенное погребение женщины, покрытое двумя большими лопатками мамонта; одна из лопаток мамонта была украшена резьбой. В могиле находились кремневые орудия, кости и зубы песца[2].

Многочисленные кремневые орудия из Долни Вестонице описаны и опубликованы далеко не в достаточной степени. Судя по описаниям, которыми я располагаю, здесь, в отличие от Пржедмости, отсутствуют элементы солютрейской техники — листовидные наконечники, обработанные двусторонней ретушью, а также ножи костенковского типа с легкой подтеской на конце с брюшка. Почти отсутствуют и ладьевидные скребки. Кремневые орудия Долни Вестонице изготовлены из удлиненных пластинок правильных очертаний. Много срединных и боковых резцов, тщательно изготовленных из длинных пластин и их частей, много концевых скребков, скребков-резцов, узких тонких пластинок с затупленным краем и острий с затупленным краем. Налицо многофасеточные и нуклевидные резцы, нуклевидные скобели. В сравнительно небольшом количестве представлены проколки, пластинки с зазубринками («пилки») и миниатюрные треугольники. Наконец, найдено несколько скребел и остроконечников мустьерского облика.

Трудно сказать, предшествует ли непосредственно Долни Вестонице по времени таким же обширным оседлым солютрейским охотничьим поселениям, как Пржедмости, Авдеево и Костенки I (верхний культурный слой), или непосредственно сменяет их. Во всяком случае, все эти поселения очень близки между собой. Об этом говорит также сходство женских статуэток из Авдеева и Костенок I с женской статуэткой из Долни Вестонице, равно как и сходство других произведений искусства этих позднепалеолитических поселений.

Кремневая техника и орудия Долни Вестонице более всего напоминают такие позднепалеолитические поселения Русской равнины, как Мезин, Супонево, Тимоновку. Это говорит в пользу датировки Долни Вестонице более поздним временем, по сравнению с Пржедмости, Авдеевым и Костенками I.

В 1952 г. было начато исследование нового позднепалеолитического поселения, расположенного у селения Павлов, близ Долни Вестонице

---

[1] B. K l i m a. Palaeolithic Huts at Dolni Vestonice.

[2] B. K l i m a. Objev diluviálního hrobu v Dolních Věstonicích; B. K l i m a. Hrob ženy lovce mamutů v Dolních Věstonicích; B. K l i m a. Palaeolithic Huts of Dolni Věstonice; J. J e l í n e k. Nález fosilního člověka Dolní Věstonice III. «Anthropozoikum», III. Praha, 1954.

(рис. 11)[1]. Судя по первым опубликованным сведениям, оно по своему богатству, насыщенности интереснейшими культурными остатками (рис. 12)

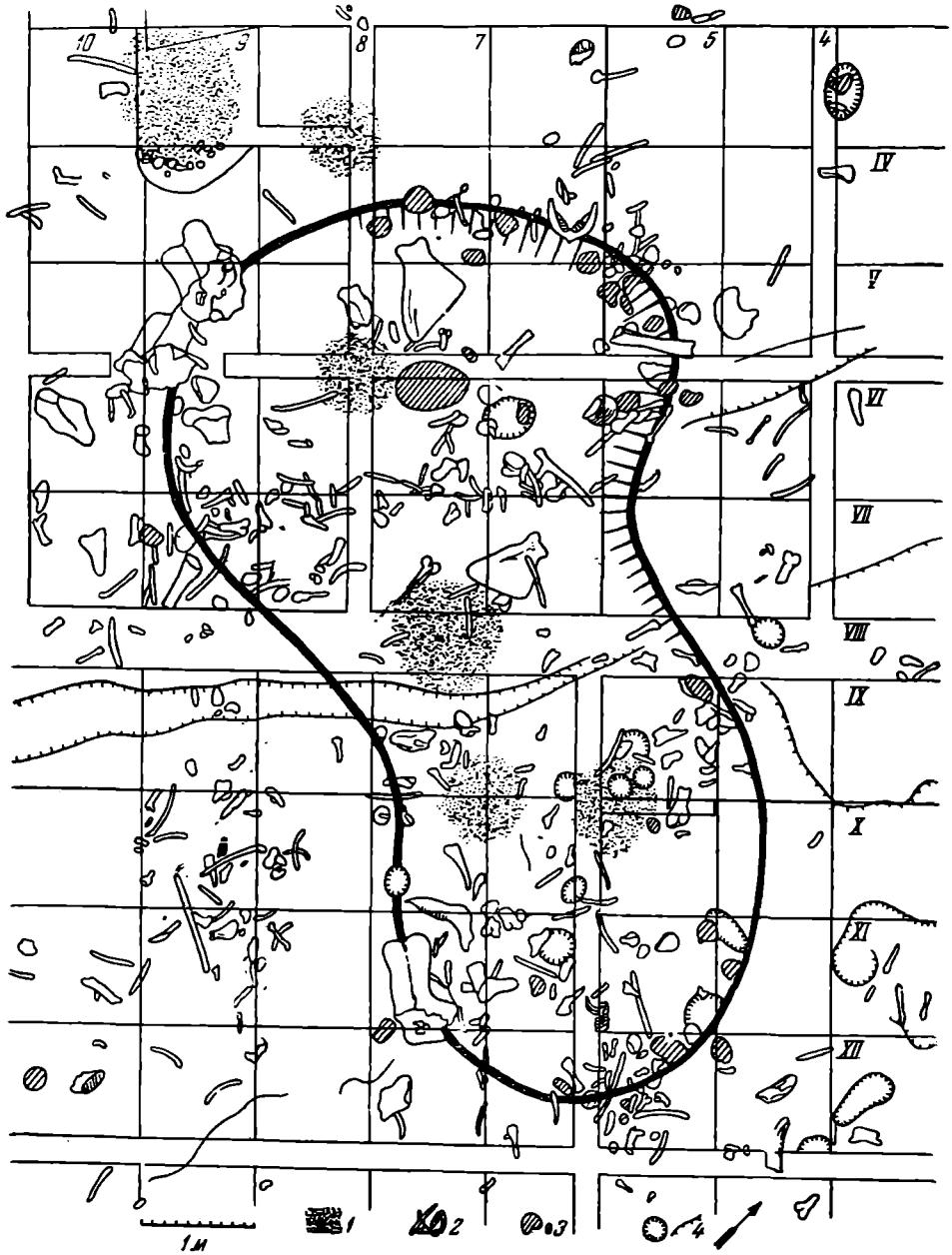


Рис. 11. Павлов. Часть раскопа с третьим палеолитическим жилым комплексом (по Климе).

1 — очаги; *2* — кости; *3* — камни; *4* — ямки и углубления.

не уступает Долни Вестонице, отличаясь в то же время от последнего кремневым инвентарем.

Мы не будем останавливаться на другом достопримечательном позднепалеолитическом поселении Чехословакии, во многом напоминающем

---

[1] B. K l i m a. Pavlov. Nové paleolitické sídliště na jižní Moravě. Archeologické rozhledy, ročn. VI, s. 6. Praha, 1954 (см также B. K l i m a. Palaeolithic Huts at Dolni Vestonice).

Долни Вестонице,— на Пржедмости. Материалы этого поселения достаточно освещены в советской литературе[1]. Укажу лишь, что есть основания говорить о наличии в Пржедмости нескольких культурных слоев, материалы которых были частично перемешаны во время раскопок прежних лет[2]. Как и в Гонцах, основной культурный слой был распространен на всей площади поселения и имел до 80 см мощности; из него происходит

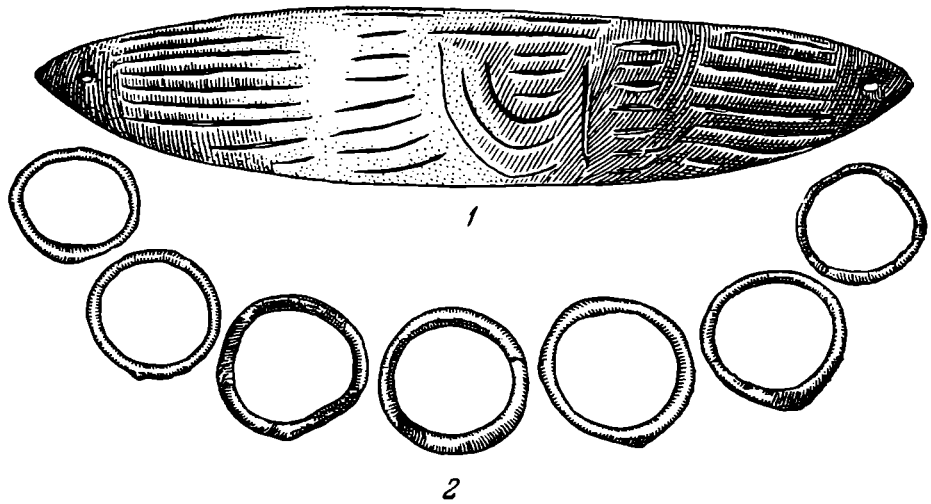


Рис. 12. Павлов:

1 — орнаментированная костяная пластинка (16,6 см длины); *2* — семь колец из бивня мамонта, найденных в одной из ямок четвертого жилого комплекса (по Климе). Ок. $^2/_3$ нат. вел.

большая часть обнаруженных в Пржедмости скоплений костей, а также кремневых и костяных изделий. В отдельных местах этот культурный слой подстилался и перекрывался выраженными гораздо слабее более древними и более поздними культурными слоями. Высказываются предположения, что найденные в Пржедмости солютрейские листовидные наконечники и напоминающие их изделия (кремней солютрейского облика здесь 163 экземпляра, т. е. 0,62% всего кремневого инвентаря) происходят не из основного культурного слоя, а залегали над ним. В таком случае Пржедмости обнаружило бы еще больше черт сходства с Долни Вестонице.

В Пржедмости найдено также около тысячи характерных древнепалеолитических кремневых изделий: ручных рубил ашельского типа, отщепов клектонского и леваллуазского типа, мустьерских скребел и остроконечников[3]. Их происхождение не вполне ясно; но не исключена возможность, что они происходят из нижних культурных слоев, подстилающих основной культурный слой Пржедмости.

К числу наиболее достопримечательных позднепалеолитических поселений Чехословакии, наряду с Долни Вестонице и Пржедмости, при-

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев. 1953, стр. 355—359.

[2] G. Freund. Die Blattspitzen des Paläolithikum... Karel Žebera. Výsledky výzkumu kvartérních sedimentů v Předmostí u Přerova na Moravě za rok 1952; «Anthropozoikum». III. Praha. 1954.

[3] G. Freund. Die Blattspitzen des Paläolithikum. L. F. Zotz und G. Freund. Die paläolithische und mesolithische Kulturentwicklung. Fr. Prošek, V. Ložek. Stratigrafické otázky československého paleolitu...

надлежат Мораваны, материалы которых почти вовсе не освещены в советской литературе.

Эта группа лёссовых стоянок находится в окрестностях Мораван, в Словакии, на левом притоке Дуная — реке Ваг, недалеко от города Пьештяни.

Палеолитический район Мораван удален примерно на 1500 км к западу от Костенковско-Боршевского палеолитического района; нужно отметить немало черт их поразительного сходства.

Долина р. Ваг в этом месте в течение ряда эпох привлекала палеолитических людей. Возможно, что определенную роль играли расположенные поблизости горячие ключи. Здесь, в окрестностях Мораван, на протяжении 12 км вдоль левого берега р. Ваг известно в настоящее время не менее 28 палеолитических местонахождений.

В окружающей местности можно выделить три основных географических элемента: горы Поважский Иновец, покрытые лесом, аллювиальную долину р. Ваг, заполненную галечником, и береговую платформу р. Ваг с мощными лёссовыми отложениями. К лёссу этой береговой платформы и приурочены Мораванские палеолитические поселения.

Палеолит в Мораванах открыл Влк в 1931 г.[1] В 1935—1943 гг. исследование Мораванских местонахождений производил Цотц[2]. В 1949 г. раскопки в Мораванах были возобновлены археологами народно-демократической Чехословакии — Прошеком, Амброжем, Ложеком и др.[3] Эти раскопки показали, что в Мораванах существует много палеолитических стоянок.

Древнейшей находкой из Мораван является мустьерский нуклеус из яшмы[4]. Все остальные стоянки и находки принадлежат позднему палеолиту. Среди них можно выделить две основные группы, различающиеся по своему местоположению, по материалу, использовавшемуся для изготовления орудий, по типам кремневых орудий и технике их изготовления.

Местонахождения первой группы располагались по преимуществу на лёссовых склонах. Найденные здесь орудия были сделаны главным образом из покрытого белой патиной темносерого кремня северного происхождения. Орудия из красного, желтого и зеленого радиолярита и из других галек долины р. Ваг встречались реже и далеко не во всех местонахождениях этой группы; не встречены солютрейские кремневые листовидные наконечники, обработанные отжимной ретушью с обеих поверхностей, зато были найдены крупные наконечники с выемкой, представляющие почти точную копию экземпляров из Костенок I.

Местонахождения второй Мораванской группы располагались выше местонахождений первой группы, на склонах Поважского Иновца и на других достаточно высоких местах. Орудия, найденные в них, сделаны из цветной радиоляритовой яшмы; орудия из темносерого кремня, покрытого белой патиной, почти не встречены, как и наконечники с выемкой

---

[1] L. F. Zotz und W. Vlk. Das Paläolithikum des unteren Waagtales. «Quartär», II. Berlin, 1939; J. Skutil. Paleolitikum Slovenska a Podkarpatskej Rusi. Spisy Historického odbou Matice slovenskej, sv. 4. Turčiansky Sväty Martin, 1938.

[2] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde... стр. 181—187, 227—230.

[3] Fr. Prošek, V. Ložek. Указ соч.; Fr. Prošek. Zjišťovací výzkum na paleolitické stanici v Moravanech na Slovensku. Archeologické rozhledy, II, s. 3—4. Praha, 1950; V. Ambrož, V. Ložek, Fr. Prošek. Mladý pleistocén v okolí Moravan u Piešťán nad Váhom. «Anthropozoikum», I. Praha, 1952.

[4] Fr. Prošek. Указ. соч.

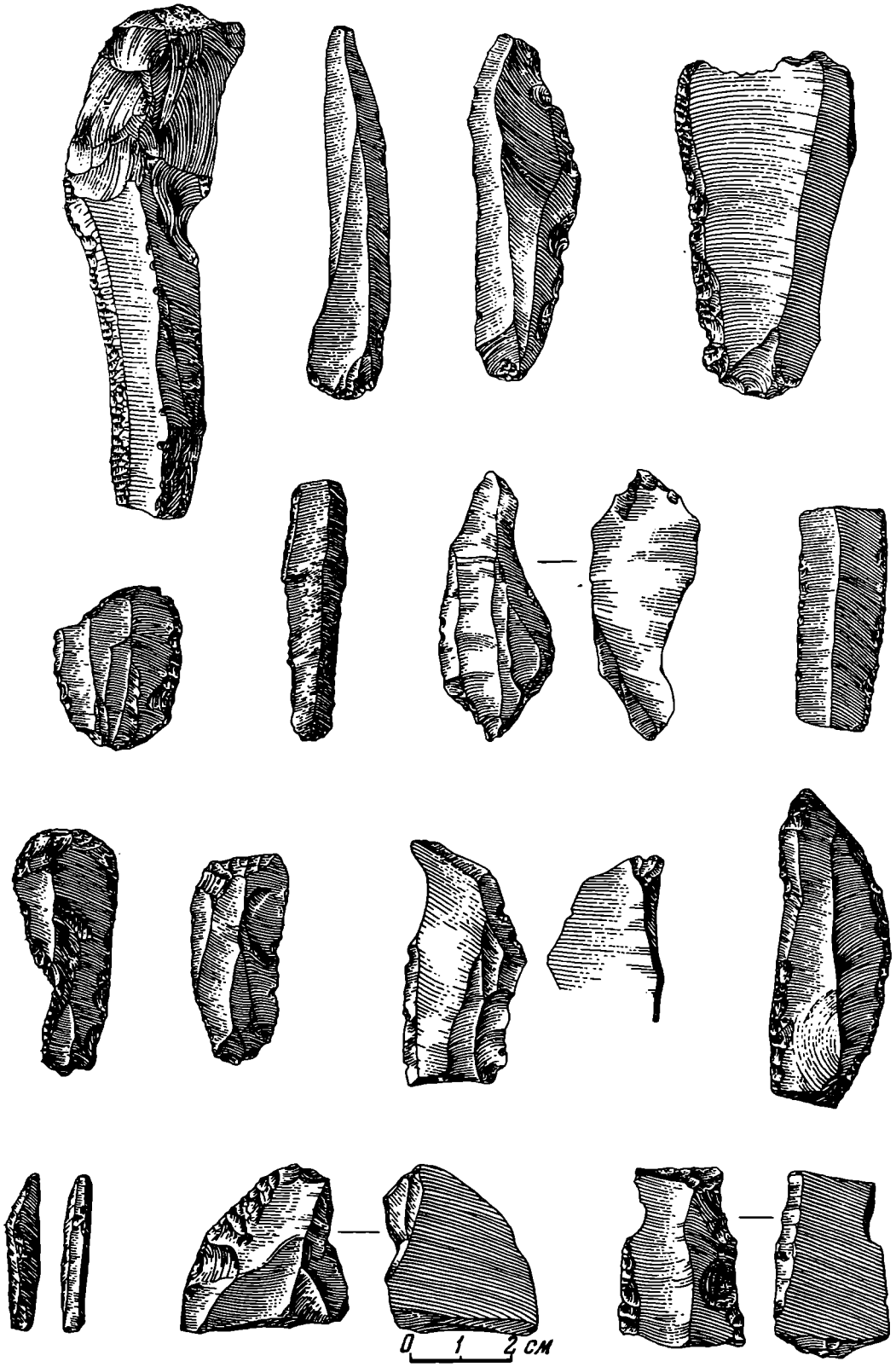


Рис. 13. Моравaны — Подковица. Кремневые орудия (по Амброжу, Ложеку и Прошеку)

костенковского типа. Зато здесь много солютрейских листовидных наконечников, сплошь с обеих поверхностей обработанных отжимной ретушью.

К первой группе принадлежит стоянка Подковица, вскрытая в 1949 г. на площади около 200 кв. м. Культурный слой ее очень тонок (до 5 см толщины), лишь слегка окрашен золой и угольками. Он залегает на глубине всего 15—20 см от поверхности, в чистом лёссе и частично выпахивается на поверхность. Здесь было найдено значительное количество крупных кремневых наконечников с выемкой, близко напоминающих Костенки I, обработанных с брюшка у острия и у основания отжимной ретушью. Кроме них, были найдены в значительном количестве крупные, отретушированные по краям и заостренные на конце кремневые пластины, крупные полиэдрические резцы, резцы на углу сломанной пластины, концевые скребки и круглые нуклевидные скребки, а также миниатюрные пластинки с затупленным краем и маленькие симметричные острия с крутой ретушью по краям (рис. 13, 14). Орудия Мораваны-Подковицы сделаны из темного кремня, покрытого белой патиной, а частично из красного, зеленого и желтого радиолярита. В культурном слое во время раскопок 1949 г. были найдены также подвески из раковин *Dentalium*, кости и зубы мамонта и волка, угольки сосны, лиственницы, орешника, дуба и ясеня.

Прошек предполагает, что тут было временное, может быть сезонное стойбище. Однако не исключена возможность и того, что поселение было достаточно длительным, но его культурный слой подвергся значительному разрушению, или же, как в Пушкарях I, участки поселения с остатками постоянных жилищ находятся где-то по соседству с участками, на которых сохранился лишь очень тонкий культурный слой.

Цотц во время своих работ в Подковице[1] нашел наконечник копья из бивня мамонта и вынесенную из культурного слоя на поверхность женскую статуэтку из того же материала.

К этой же группе принадлежат Моравanские местонахождения — Новины, Жаковска и Лопата. В местонахождении Новины найдены приготовленные из покрытого белой патиной кремня резцы, концевые скребки, маленький наконечник с выемкой. Вместе с ними найдены крупные остроконечники и скребла из кварца и других пород, происходящих из галечника р. Ваг. Фаунистические остатки принадлежат главным образом северному оленю, а также песцу.

На стоянке Жаковска раскопками Цотца были обнаружены, но не раскрыты до конца, остатки жилища прямоугольного очертания, с которым было связано место обработки кремня[2]. Здесь найдено очень много отбросов обработки камня, а также орудий, сделанных почти исключительно из красного радиолярита, гальки которого часто встречаются в долине р. Ваг. Орудия из темного кремня, покрытого белой патиной, очень редки. Фаунистические остатки принадлежали главным образом северному оленю и мамонту; угли — сосне[3].

При раскопках 1949 г. в Жаковска в лёссе был обнаружен культурный слой толщиной около 20 см, содержащий многочисленные кремневые орудия, а также небольшие скопления костей и камней. Обнаружены угли

---

[1] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde...

[2] Со статьей Цотца, посвященной описанию этого жилища и опубликованной в в сб. «Quartär», вып. 4, я не мог ознакомиться. Обращают на себя внимание прямоугольные очертания жилища, напоминающие землянки, обнаруженные В. А. Городцовым в Тимоновке.

[3] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde...

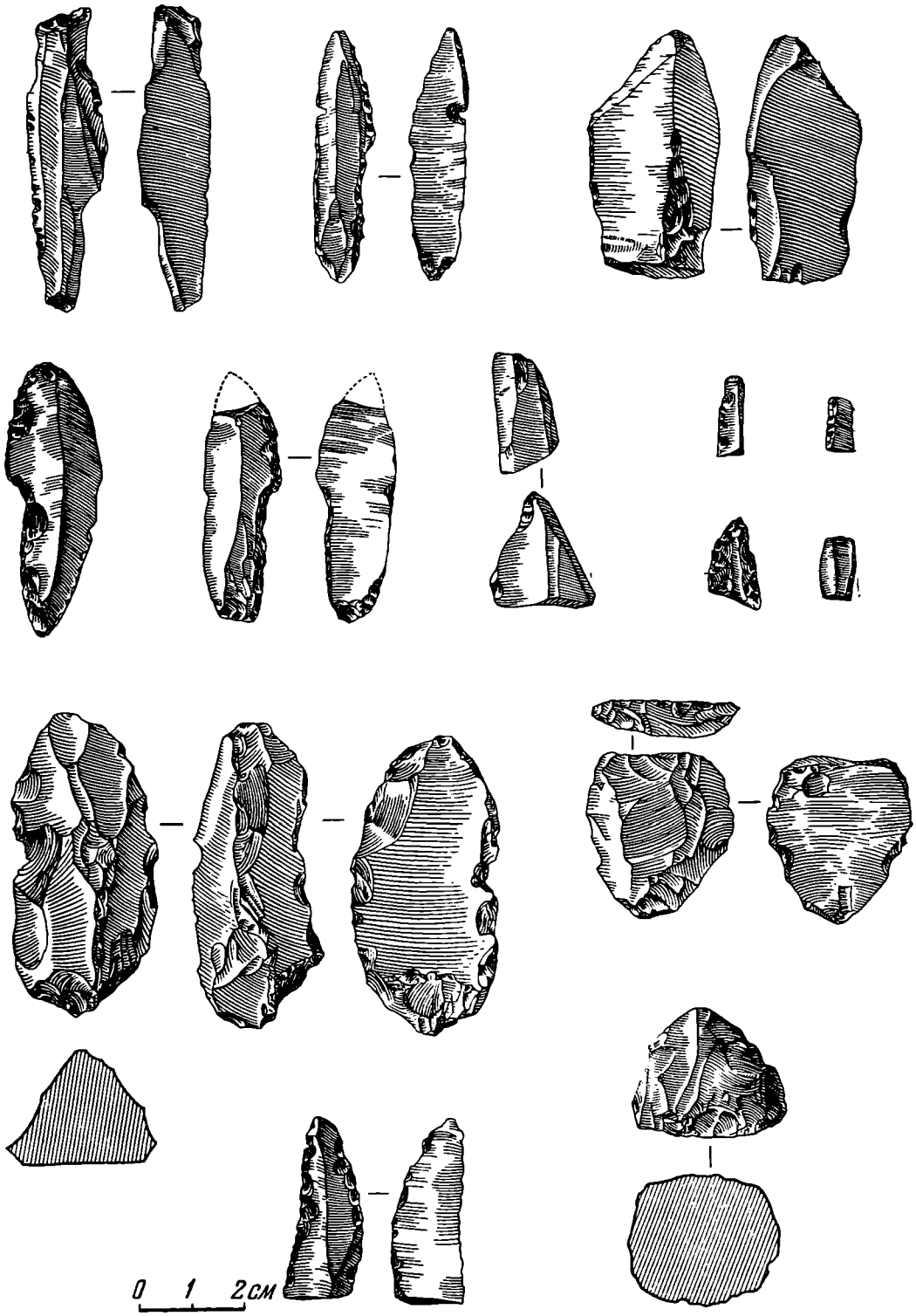


Рис. 14. Мораваны — Подковица. Кремневые орудия (по Амброжу, Ложеку и Прошеку).

сосны, лиственницы, ели и тисса[1]. Тщательная расчистка участка, примыкающего к раскопу Цотца, выявила остатки обугленных жердей длиной 7—10 см, положенных крест-накрест одна на другую. Палеолитические культурные остатки были найдены только на поверхности этих жердей, а не под ними. Прошек предполагает, что это был деревянный решетчатый пол жилища. К сожалению, эта конструкция была повреждена раскопками Цотца и ее трудно восстановить. Остается открытым вопрос— была ли открытая Цотцем «хижина» жилищем, или же только частью более крупного жилища, которому принадлежит и пол, обнаруженный в 1949 г.

Кремневые орудия, найденные во время раскопок 1949 г. (рис. 15), — тех же типов, что и в раскопках предыдущих лет. Преобладают тонкие пластинки без ретуши, но со следами использования, а также миниатюрные пластинки с затупленным краем. Есть пластинки с тщательной ретушью по краю, симметричные острия, острия со скошенным концом, концевые скребки, в том числе и двойные, с заостренным основанием, с ретушью по краям и с ретушью только на конце, небольшие нуклевидные скребки. Резцов немного, в небольшом количестве встречены и массивные орудия, напоминающие мустьерские скребла и остроконечники. Элементы солютрейской техники обработки кремня, представленные в Подковице, в Жаковска отсутствуют.

На стоянке Лопата, вблизи основания жилища, напоминающего жилище из Жаковска, были найдены две кучи костных отбросов. В одной куче лежали исключительно кости, зубы и бивни мамонта поздней, мелкой разновидности. В другой куче — кости других животных; более 80% костей принадлежало северному оленю. Определены также кости пещерного медведя, лошади, волка, песца, зайца, птиц. На краю одной кучи костей отдельно лежал череп льва, в черепной коробке которого находились два копыта северного оленя. Несколько сот орудий, найденных в Лопате, изготовлены из кремня северного происхождения, из зеленого и желтого радиолярита и других галек долины р. Ваг и из горного хрусталя. Орудия напоминают орудия из Долни Вестонице. Найдено несколько длинных, круглых в сечении наконечников из бивня мамонта, подвески из раковин, маленький обломок женской статуэтки из обожженной глины и грубая скульптура из бивня мамонта около 40 см длиной.

Ко второй группе моравских местонахождений принадлежит стоянка Длха. Раскопками вскрыто в лёссе, на глубине 0,40—1,00 м от поверхности, место обработки кремня, площадью 25—30 кв. м с множеством отбойников, наковален, отщепов, осколков и законченных орудий. Темно-серый кремень северного происхождения не подвергался обработке. Все орудия сделаны из цветного (главным образом красного) радиолярита, а также из опала, кварца и изредка из обсидиана. Бросается в глаза отсутствие резцов. Найдены массивные неотретушированные пластины, концевые скребки, ладьевидные и нуклевидные скребки и около 200 листовидных наконечников, тщательно обработанных с обеих поверхностей солютрейской отжимной ретушью (рис. 16). Большая часть из них — с закругленным основанием, подтреугольных очертаний, приближающихся к очертаниям листа тополя. Самые маленькие экземпляры едва отличимы от неолитических наконечников стрел. Встречены рубильца и мустьерские остроконечники с односторонней и двусторонней обработкой. Костяные изделия, фаунистические остатки и угли не сохранились.

[1] V. Ambrož, V. Ložek, Fr. Prošek. Mladý pleistocén v okolí Moravan...

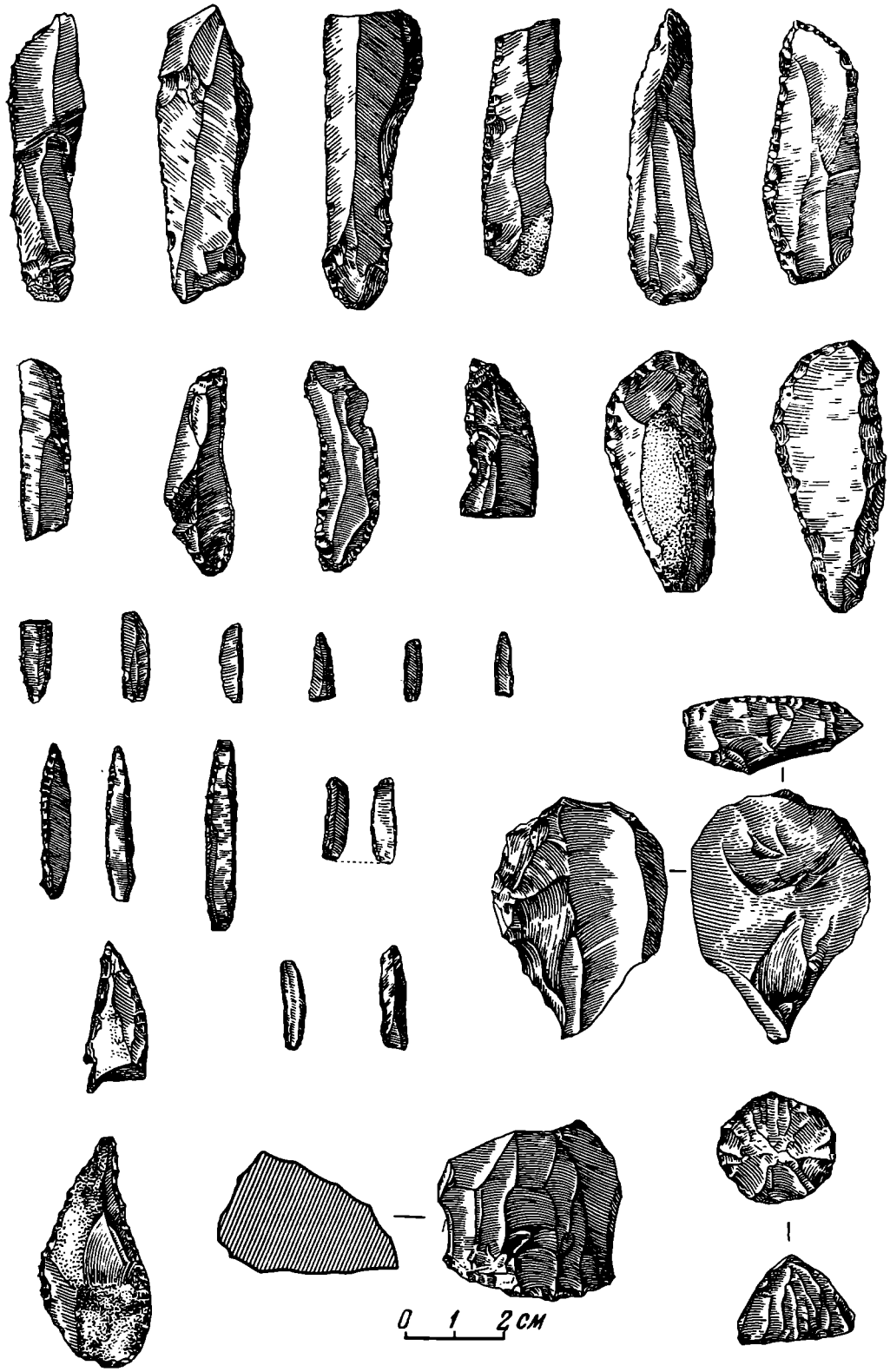


Рис.15. Моравaны — Жаковска. Кремневые орудия (по Амброжу, Ложеку и Прошеку).

В окрестностях Мораван есть еще несколько местонахождений, аналогичных Длха, давших, правда, в значительно меньшем количестве листовидные наконечники (Моравапы-Румне и др.).

Отмечены в Моравапах и местонахождения с отдельными орудиями мадленского характера, например с удлиненными кремневыми проколками[1].

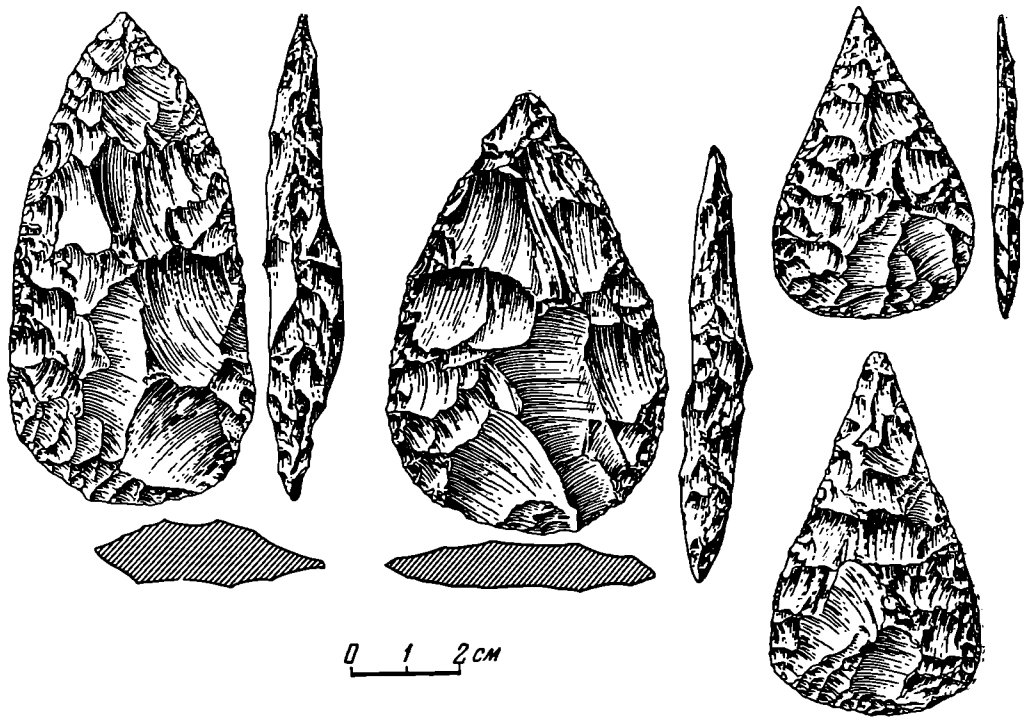


Рис 16. Моравапы — Длха. Кремневые наконечники (по Цотцу).

Изучение группы разновременных моравапских позднепалеолитических местонахождений показывает большую близость их к костенковско-боршевским, исследованным гораздо лучше и в несравненно бо́льших масштабах. Степень исследованности моравапских стоянок в настоящее время можно сравнить со степенью исследованности костенковско-боршевских в конце 20-х годов этого века. Вероятно, развертывание широких полевых работ в Моравапах обнаружит и больше аналогий Костенкам и в то же время больше черт местного своеобразия (пример такого своеобразного явления, неизвестного в позднем палеолите Русской равнины,— женская статуэтка из обожженной глины).

Следует отвергнуть попытки объяснить сходство группы моравапских стоянок с группой костенковско-боршевских миграцией из Костенок в Моравапы[2]. Большой натяжкой было бы предположение о переселении одной общины позднепалеолитических людей, от которых, скажем, сохранились верхний культурный слой Костенок I и местона-

[1] Fr. P r o š e k. Zjištovocí výzkum na paleolitické stanici v Moravanech...

[2] Предположение о миграции из Костенок в Моравапы, через Нетопежова (Ежмановская) в Польше, выдвинул Цотц.

хождение Моравапы — Подковица, за 1500 км, через большое количество крупных водных преград, через Карпатские горы, через обширные территории, заселенные значительным количеством общин. Но ведь здесь речь идет не о сходстве двух поселений, а о сходстве двух групп поселений. Значит, пришлось бы допустить или серию последовательных высе-

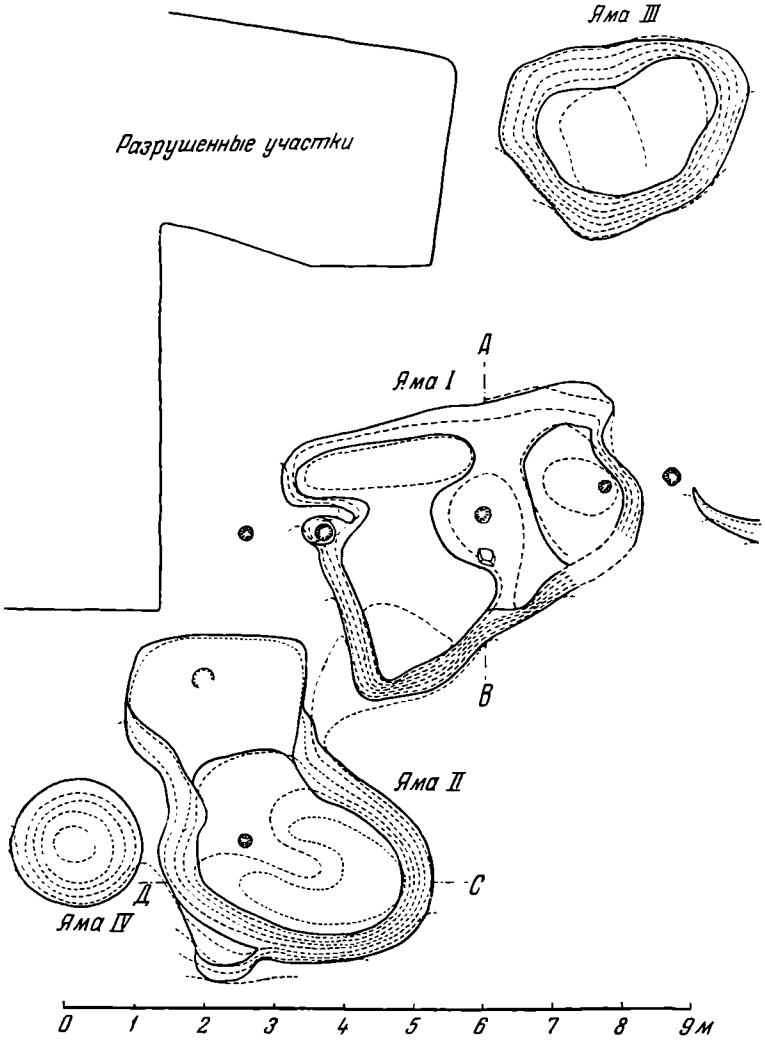


Рис. 17. Барца II. Раскопки 1951 г. План палеолитических жилищ (по Прошеку).

лений все в тот же пункт, все за те же 1500 км, или одновременное переселение целой группы родовых общин, каждая из которых обладала своеобразной техникой и культурой. Конкретная историческая обстановка тех отдаленнейших эпох, о которых здесь идет речь, не оставляет места для подобных предположений.

Сходство костенковско-боршевской и моравапской групп позднепалеолитических поселений объясняется, по-видимому, сходным расположением, сходными формами хозяйства обитателей тех и других, сходством общего процесса развития позднепалеолитической техники и культуры на обширных пространствах Русской равнины и Центральной Европы, принадлежностью обеих групп поселений к одной большой области раз-

вития позднепалеолитической культуры. Отмечаемое для обеих групп поселений использование в одних поселениях высококачественного, откуда-то принесенного мелового кремня, а в других — цветного кремня, извлеченного из местных галечников, объясняется, вероятно, в обоих случаях тем, что месторождения мелового кремня не сразу были открыты и освоены и не всегда были доступны для той или иной родовой общины.

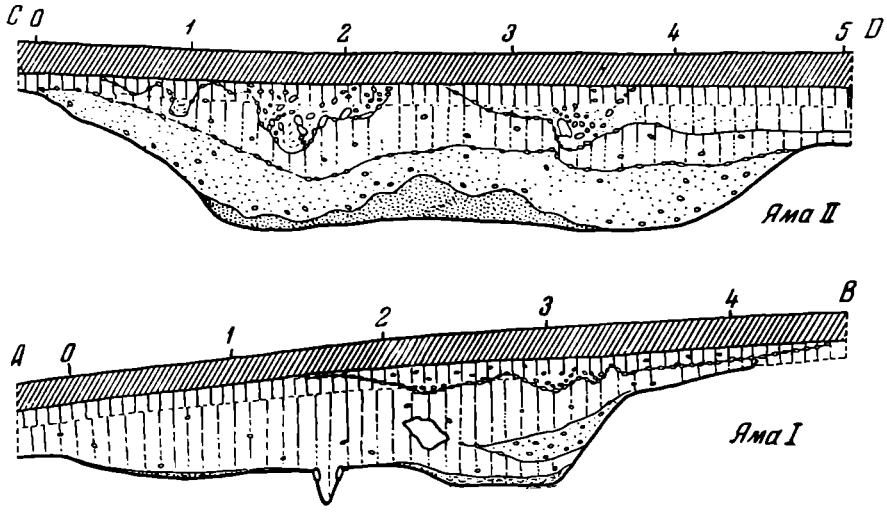


Рис. 18. Барца II. Раскопки 1951 г. Разрез палеолитических жилищ (по Прошеку).

Так объясняется, по нашему мнению, использование различных пород кремня в трех тесно связанных между собой культурных слоях стоянки Боршево II. Это объяснение можно распространить и на другие стоянки Костенок и Мораван.

Стоянка Барца II по своему значению не выдерживает сравнения с Долни Вестонице и Мораванами, но ее палеолитические жилища, раскопанные Прошеком несколько лет назад, представляют выдающийся интерес [1].

Стоянка находится в окрестностях Кошице, в Восточной Словакии, примерно в 250 км к востоку от Мораван. Раскопками были вскрыты остатки четырех ям, две из которых, несомненно, представляли основания палеолитических жилищ (рис. 17, 18). Первая яма имела неправильные, приближающиеся к прямоугольным, очертания. Средние размеры ее были 4,50×3,50 м, при глубине 0,60 м. По ее продольной оси располагались пять ямок от кольев. В этой яме было найдено 48 каменных орудий и осколков. Вторая яма находилась по соседству с первой, имела также неправильные очертания. Средние ее размеры были 5,00×3,00 м, при 0,80 м глубины. По ее продольной оси располагались две ямки от кольев. В яме было найдено 18 каменных орудий и осколков. Ни в первой, ни во второй яме не были найдены очаги, хотя встречено много угольков, главным образом дуба.

Прошек предполагает, что эти ямы представляют основания небольших двускатных хижин с опорными кольями посредине.

[1] Fr. Prošek. Výzkum paleolitické stanice Barca II. Archeologické rozhledy, ročn. V, s. 1. Praha, 1953.

Третья яма находилась в 2 м к северу от первой. Она имела в плане очертания, приближающиеся к округлым, и размеры 3,50 × 2,50 м при глубине 0,60 м. В ней не наблюдалось следов от кольев. Не исключена возможность, что она тоже представляла собой остатки какого-то жилища. Наконец, четвертая яма, едва ли служившая жилищем, была круглой в плане, имела в диаметре 1,80 м и 0,40 м глубины.

Кремневый инвентарь стоянки Барца II включал орудия мустьерских типов, ладьевидные скребки, грубые сверла, сделанные из отщепов, атипичные резцы. Прошек датирует стоянку раннеориньякским временем и рассматривает остатки жилищ, обнаруженные в ней, как древнейшие в Европе.

Раскопками 1953 г. здесь были обнаружены также остатки двух больших жилых комплексов 18 и 15 м длиной[1].

Значительный интерес представляет находка, сделанная в позднепалеолитической стоянке Ландек в окрестностях Остравы, в чешской Силезии[2]. Здесь был обнаружен культурный слой с многочисленными кремневыми орудиями и обломками костей, а в очаге были найдены обломки перегорелого каменного угля. Примерно в 200 м от стоянки пласт каменного угля выходит на поверхность; анализ показал, что обитатели палеолитической стоянки брали уголь именно в этом месте. Таким образом, здесь налицо древнейший случай использования каменного угля.

За последние годы на юге Чехии, в местности Путим (окрестности Ражице, близ гор. Писека), была исследована группа стоянок, относящихся к самому концу позднего палеолита и к началу мезолита[3]. В одной из этих стоянок, открытой Дубским еще в 1936 г., в слое, лишенном фаунистических остатков и костяных изделий, были найдены многочисленные мелкие кремневые изделия (до 5 см длины) — обломки удлиненных пластинок, обыкновенные и двойные короткие концевые скребочки, острия с затупленным краем, резцы, главным образом бокового типа (рис. 19). Этот комплекс, вероятно, относится к концу позднего палеолита.

Близка по времени другая позднепалеолитическая стоянка этой же местности, частично раскопанная Мазалеком в 1952 г. на южном склоне холма Пекарна[4]. В раскопанной части было раскрыто 17 различных древних ям, а также ямки от столбов. Заполнение ям отличалось от глинистой поверхности поселения и содержало каменные изделия. В одной яме находился очаг, вблизи нее — две другие ямы с множеством готовых и недоделанных орудий. Можно предположить, что тут было место обработки камня. На всей вскрытой площади было найдено около 4 тысяч каменных орудий и отбросов их обработки. Орудия включают небольшие узкие, тонкие пластинки с параллельным ограненнем, миниатюрные узкие пластинки и острия с затупленным краем, узкие тонкие проколки,

[1] Fr. Prošek, V. Ložek. Stratigrafické otázky československého paleolitu...

[2] B. Klima. Nejstarší použití ostravského uhlí. Archeologické rozhledy, ročn. V, s 4. Praha, 1953.

[3] B. Dubský. Paleolitická stanice u Ražic na Písecku. Památky Archaeologické. Nové řady, ročn. VI—VIII (dil. 41), Praha, 1939; B. Dubský. Dílna s kvarcitovou industrií na epipaleolitickém tabořišti u Ražic. Archeologické rozhledy, ročn. II, s. 1—2. Praha, 1950; M. Mazálek. Výzkum Ražické mesolitické oblasti v r. 1950. Archeologické rozhledy, ročn. III, s. 1. Praha, 1951; M. Mazálek. Meżolitická chata z pisečniku u Ražic (Putim I). Anthropozoikum, II. Praha, 1952; M. Mazálek. Druhy rok výzkumů na sídlišti z doby kamenné u Ražic. Archeologické rozhledy, ročn. IV, s. 3—4. Praha, 1952; M. Mazálek. Třeti rok výzkumů paléomesolitické oblasti u Ražic. Archeologické rozhledy, ročn. V, s. 5. Praha, 1953.

[4] M. Mazálek. Указ. соч.

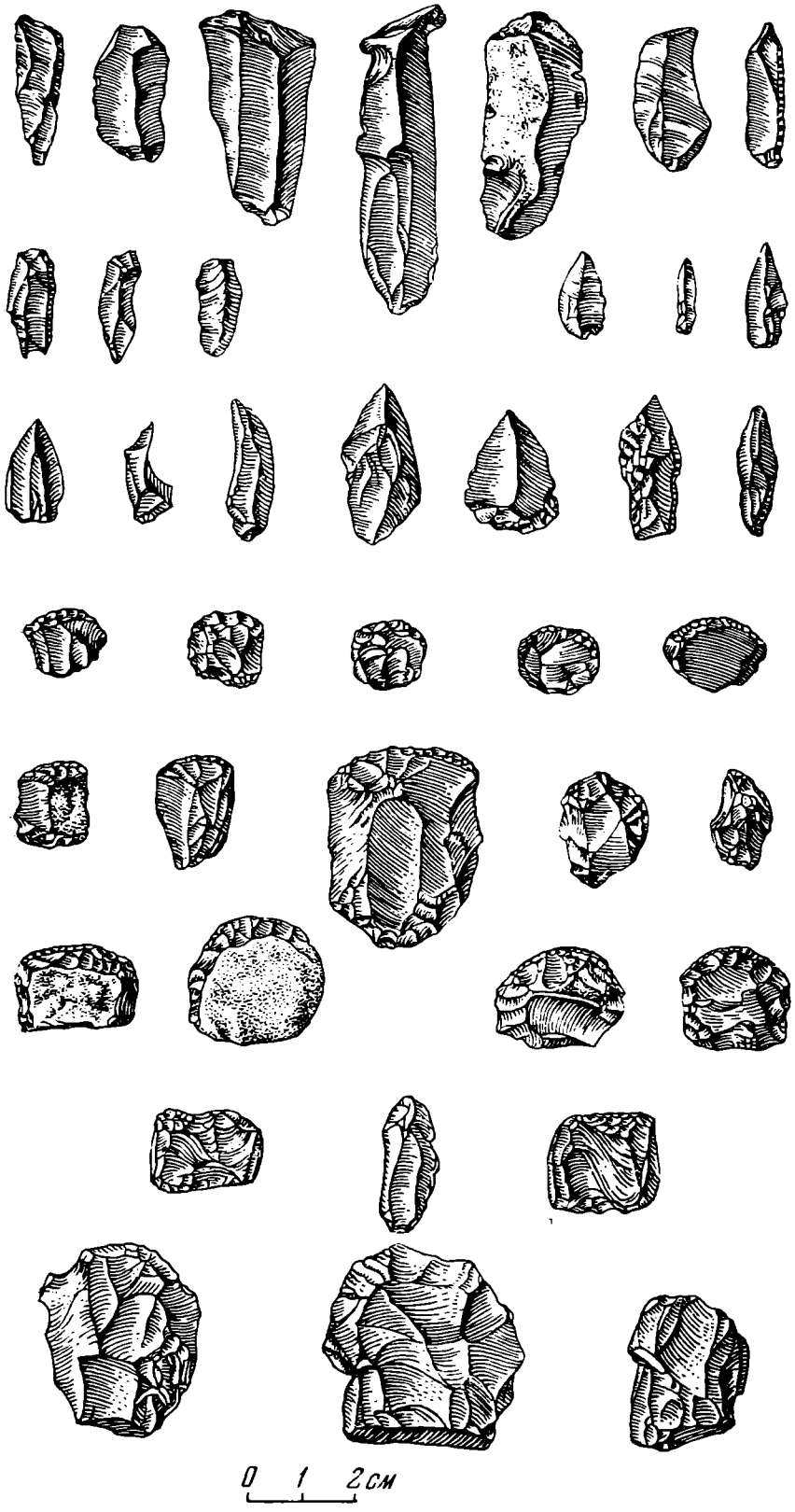


Рис. 19. Путим I. Мезолитические кремневые орудия (по Мазалеку).

небольшие концевые скребки, небольшие срединные и боковые резцы, нуклевидные скобели и пластинки с подтеской с брюшка. Этот инвентарь, близко напоминающий стоянку Боршево II (в большей мере ее нижний культурный слой, чем верхний), позволяет датировать данный памятник самым концом позднего палеолита или самым началом мезолита.

Расчищенные в процессе раскопок ямки от столбов, так же как и сосредоточение каменных орудий на определенных местах, позволяют сделать заключение, что здесь была наземная постройка, остатки которой вскрыты раскопками. Размещение столбов как будто указывает на конструкцию с верхним горизонтальным бревном (хижина, напоминающая палатку). Длина этого жилища была равна примерно 7 м, а ширина — 3 м. Такая продолговатая постройка в настоящее время не имеет аналогий в других местах, за исключением, может быть, Тимоновки.

Здесь же, в окрестностях Ражиц у Писека, известны связанные с этими, несколько более поздние открытые стоянки, содержащие кремневые орудия геометрических очертаний и относящиеся уже к мезолиту. Такова мезолитическая стоянка Путим I у Ражиц, где Мазалеком[1] были обнаружены два мезолитических жилища, близко напоминающих жилища, открытые в Ансбах и в других мезолитических стоянках в Германии[2], а также жилую яму, открытую на свидерской стоянке Елин Бор на Оке[3]. После расчистки в Путим I первой ямы (рис. 20), было установлено, что форма ее овально-продолговатая, с расширенной средней частью и с суженными крайними частями (длина ямы 5,5 м, максимальная ширина 1,80 м, максимальная глубина 0,70 м). Яма была заполнена частично черно-серым песком со светлым оттенком, частично же серым песком, насыщенным угольками. В составе заполнения ямы не было найдено каменных изделий, кроме пяти булыжников, на одном из которых заметны следы шлифовки. Вторая яма была раскопана лишь частично; здесь также находилось много угольков. В ближайшем соседстве с обеими ямами найдено большое количество тарденуазских микролитов. Это и позволяет датировать настоящее поселение мезолитическим временем. Мы, таким образом, имеем дело с мезолитическими полуземлянками, по внешнему своему виду напоминавшими шалаши.

Стоянки у Ражице интересны не только своими жилищами. Их материалы, подобно материалам таких стоянок Русской равнины, как Боршево II и Владимировка, показывают постепенное развитие на территории Чехословакии из позднепалеолитической техники и культуры техники и культуры мезолитической.

Еще 20—25 лет назад считалось общепризнанным, что мезолит в Чехословакии отсутствует. С таким утверждением выступил чешский археолог Скутил в 1932 г. в Ленинграде на II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы[4]. С подобным же ут-

---

[1] M. Mazálek. Mesolitická chata...

C. Gumpert. Steinzeitliche Siedlungen mit einer eigenartigen Wohngräbenanlage bei Ansbach in Mittelfranken. «Germania», Bd. IX, H. 2, 1925; Е. Ю. Кричевский. Ранній неоліт і походження трипільської культури. Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947.

[3] М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. «Советская археология», III, 1937.

[4] И. Скутил. История исследований четвертичного периода в Чехословакии. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, 1934.

верждением выступали Чайльд[1] и Цотц[2]. В отношении центральной, особенно богатой палеолитом части Чехословакии — Моравии это утверждение об отсутствии мезолитических памятников было повторено Скутилом еще в 1936 г.[3] Однако за последние два десятилетия на территории Чехословакии было обнаружено значительное число мезолитических местонахождений.

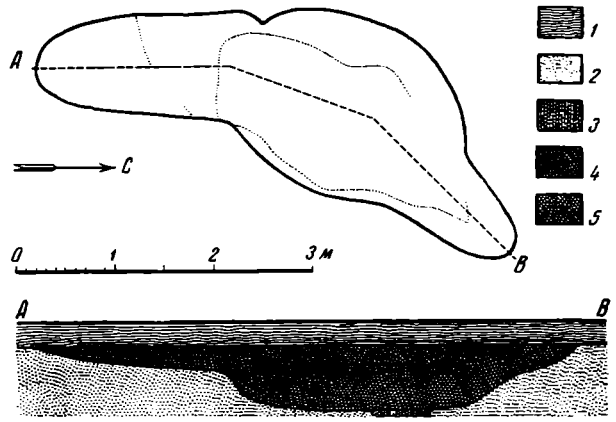


Рис. 20. Путим I. План и профиль мезолитического жилища (по Мазалеку).

1 — пахотный слой; *2* — желто-серый песок; *3* — серая песчаная глина; *4* — темно-серый песок, насыщенный угольками; *5* — серо-черный песок, со светловатым оттенком.

Всего на территории Чехословакии отмечено в настоящее время несколько десятков мезолитических памятников. В различных частях страны они распределены неравномерно. Так, в Чехии, где известно около 60 палеолитических памятников, известно в то же время около 30 мезолитических памятников. А в столь богатой замечательным поздним палеолитом Моравии, где отмечено около 300 палеолитических памятников, количество известных мезолитических памятников равняется всего примерно десяти[4].

Очень немного мезолитических местонахождений известно из Словакии, территория которой прославилась позднепалеолитическими поселениями Мораван.

Большое количество мезолитических стоянок открыто на территории Чехословакии в результате работ Жеберы[5], Дубского[6], Мазалека[7],

---

[1] G. Childe. The Danube in prehistory, 1929.

[2] L. F. Zotz. Kulturgruppen des Tardenoisien in Mitteleuropa. Praehistorische Zeitschrift, Bd. XXIII, H. 1/2, 1932. См. также W. Fewkes. The paleolithic period in Central Europa. Bulletin of the American School of Prehistoric Research, № 5, 1929.

[3] J. Skutil. Übersicht der mährischen paläolithischen Funde. «Swiatowit». XVI. Warszawa, 1936.

[4] L. F. Zotz und G. Freund. Die paläolithische und mesolithische Kulturentwicklung

[5] K. Žebera. Nová paleolitická a mesolitická sídliště v českých zemích.

[6] B. Dubský. Dílna s kvarcitovou industrií...

[7] M. Mazálek. Mezolitická chata...; М. Мазалек. Вопрос взаимоотношений мезолита и неолита. «Anthropozoikum», III. Praha, 1954.

Климы[1] и Прошека[2]. Частично обобщен материал по мезолитическим памятникам Чехословакии в работах Скутила[3], Филипа[4], Прошека и Ложека[5].

Лишь в очень немногих пещерах Чехословакии удается проследить постепенное вызревание в позднем мадлене элементов мезолитической техники и культуры.

Это удается частично сделать в Моравии. Так, в раскопанной в 1947 г Б. Клима интереснейшей позднемадленской пещере Нова Дратеницка у городка Кржтины[6] были обнаружены три прекрасных костяных наконечника дротиков, один из которых достигал 28 см длины. Два из них имели на конце, у острия, утолщения, напоминающие зубец гарпуна. Благодаря утолщениям рана, нанесенная таким гарпуном, была более широкой. Кровь из раны стекала по примыкающему к утолщению желобку. Срезанные основания наконечников имели углубления орнаментального характера, в то же время облегчавшие скрепление наконечника с древком копья. Уникальные наконечники из Нова Дратеницка принадлежат к лучшим образцам палеолитического оружия, происходящим из Моравии. Там же была найдена чаша или, возможно, лампа из черепа горного козла, а также миниатюрные кремневые острия в форме клинка перочинного ножа и узкие маленькие пластинки с затупленным краем и с совершенно параллельным огранением. Среди фаунистических остатков были кости пещерного медведя, северного оленя и носорога. Из пещеры происходят кости ног подростка в возрасте около 14 лет.

В другой моравской пещере, Крыжа, расположенной в окрестностях Брно, недалеко от известной пещеры Пекарна, раскопками Клима[7] под неолитическим и над ориньякским культурным слоем, содержавшим кости лошади и северного оленя, удлиненные пластины с ретушью, обработанный с двух сторон, довольно грубый листовидный наконечник протосолютрейского облика и орудия, напоминающие мустьерские скребла и остроконечники, был найден мадленский культурный слой. В нем залегали костяные наконечники, шилья и лощила, отбросы рога северного оленя, получившиеся при изготовлении из него орудий, и ряд кремневых орудий, характерных для самого конца мадлена: узкие, удлиненные пластинки с затупленным краем, проколки, пилки, острия в форме клинка перочинного ножа.

Более четко вызревание мезолитической микролитической техники можно проследить по материалам открытых стоянок Чехословакии,

---

[1] B. K l i m a. Mezolitická industrie na Kylešovském kopci v Opavě. Časopis Zemského musea v Opavě, t. 1 (III), 1948; B. K l i m a. Výzkum jeskyně «Nove Drátenické» u Křtin. Časopis Moravského Musea v Brně, XXXIV, 1949; B. K l i m a. Křižová jeskyně v Moravském krasu. Archeologické rozhledy, ročn. III, s. 2—3. Praha, 1951; B. K l i m a. Nové nálezy na paleolitické stanici u Hranic. Časopis Moravského Musea v Brně, XXXVI, 1951; B. K l i m a. Nové mezolitické nálezy na Jižní Moravě. Archeologické rozhledy, ročn. V, s. 3. Praha, 1953.

[2] Fr. P r o š e k. Mezolitická chata v Tašovcích. Archeologické rozhledy, ročn. III,s. I. Praha, 1951; Fr. P r o š e k, V. L o ž e k. Mezolitické sídliště v Zatyní u Duvé. «Anthropozoikum», II. Praha, 1952.

[3] J. S k u t i l. Zur Frage der «mesolithischen» Funde aus der Tschechoslowakei. Przegląd Archeologiczny, V, 2—3. Poznań, 1936; J. S k u t i l. Přehled českého paleolitika a mezolitika. Sborník Národního Musea v Praze, VI, A. Praha, 1952.

[4] J. F i l i p. Pravěké Československo.

[5] Fr. P r o š e k, V. L o ž e k. Stratigrafické otázky československého paleolitu.

[6] B. K l i m a. Výzkum jeskyně «Nove Drátenické...»

[7] B. K l i m a. Křižová jeskyně v Moravském krasu.

относительно части которых неясно, имеем ли мы тут дело с поздним мадленом или уже с собственно мезолитом.

Такова стоянка Кобылянка в окрестностях Границе в Моравии[1], для кремневого инвентаря которой, собранного на поверхности, характерен переход к геометрическим формам; это позволяет относить ее уже

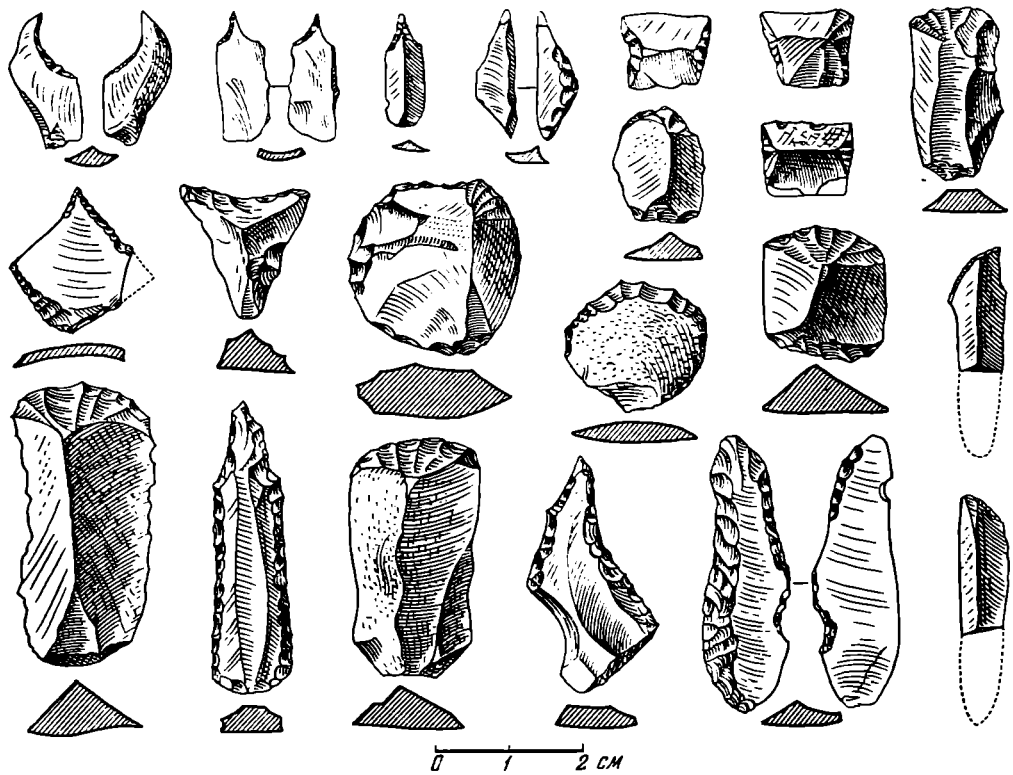


Рис. 21. Тарденуазские кремневые орудия из Енихова в Чехии (по Цотцу и Фреунд).

к раннему мезолиту. Здесь найдено большое количество резцов, проколки, а также микролитические орудия, в частности серия своеобразных треугольных острий с затупленным краем. На инвентаре Кобылянки можно проследить постепенное превращение пластинок с затупленным краем в треугольники.

На дюнах, песчаных возвышенностях и речных террасах Чехии известно несколько десятков мезолитических стоянок, на поверхности которых собраны настоящие геометрические микролиты. Сюда относится стоянка Козлы-Нератовице над Лабой, где были обнаружены маленькие острия с затупленным краем типа клинка перочинного ножа (некоторые из них приближаются к треугольникам), маленькие нуклеусы и, наконец, трапеции.

Сюда же относится стоянка Ташовицы в западной Чехии, у Карловых Вар, где Прошеком[2] были найдены настоящие геометрические микролиты— миниатюрные треугольники и острия с затупленным краем, а также небольшие боковые резцы и округлые скребки. Здесь же были обнаружены остатки мезолитического жилища в виде двух соединенных ям с наклон-

[1] B. Klima. Nové nálezy na paleolitické stanici u Hranic.
[2] Fr. Prošek. Mesolitická chata v Tašovcích.

пыми стенками, на краях которых остались следы от столбов. Между обеими ямами располагались следы очага.

В северо-восточной Чехии, в Енихове, в лёссе, Жеберой[1] были найдены короткие обыкновенные и двойные скребочки, треугольные наконечники стрел и кремни сегментовидных очертаний (рис. 21).

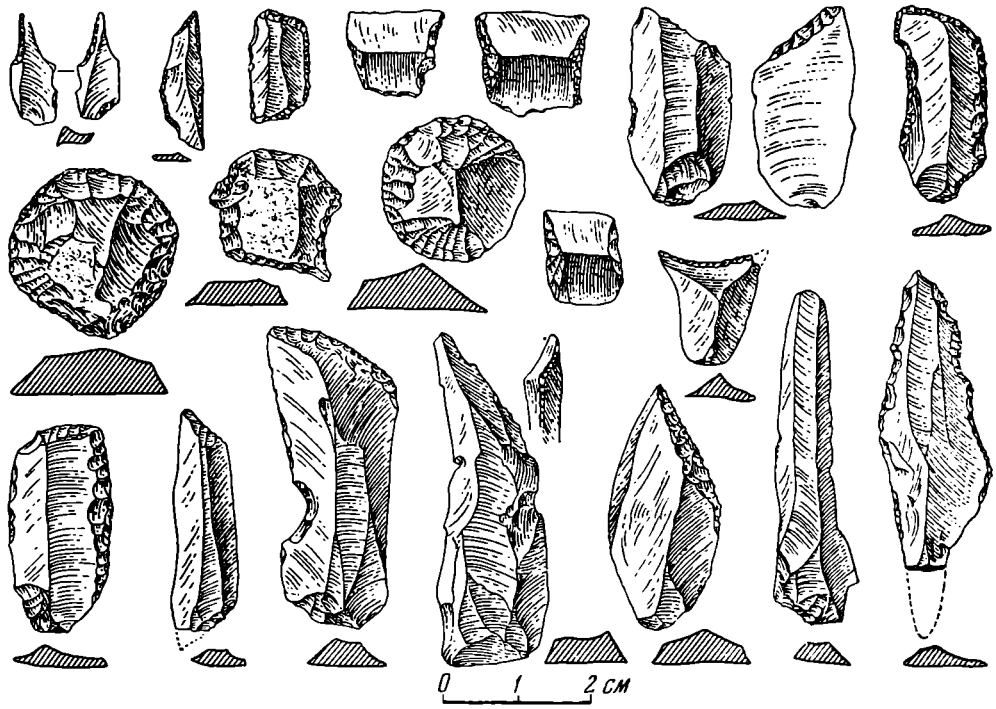


Рис. 22. Тарденуазские кремневые орудия из разных местонахождений Моравии (по Цотцу и Фреунд).

Ещё более типичные тарденуазские геометрические микролиты — сегменты, треугольники, трапеции, короткие концевые, двойные и округлые скребочки, срединные резцы и резцы на углу сломанной пластинки, маленькие пластиночки с легкой ретушью по краю были собраны на дюнных стоянках южной Моравии, в окрестностях Долни Вестонице[2]. Своей выразительностью они не уступают геометрическим микролитам Германии и Польши (рис. 22).

В чешской Силезии, в окрестностях Опавы (на границе с Польшей), под дюнным песком, достигающим мощности 0,80—1,00 м, сделаны находки мезолитических кремней[3]. Эти находки во многом напоминают мезолитические свидерские и тарденуазские стоянки Польши, в частности те, которые были исследованы З. Шмитом[4]. Так, здесь было найдено значительное количество маленьких, довольно широких кремневых наконечников стрел с черенком. От типичных свидерских они отличаются гораздо более широким черенком, занимающим половину общей длины наконечника; тем самым они по очертаниям приближаются к ромбу.

[1] K. Žebera. Nová paleolitická a mezolitická sídliště v českých zemích.
[2] B. Klima. Nové mesolitické nálezy na Jižní Moravě.
[3] B. Klima. Mesolitická industrie na Kylešovském kopci...
[4] Z. Szmit. Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlesiu. Wiadomości Archeologiczne, X. Warszawa, 1929. Расстояние между теми и другими стоянками— около 400 км.

Вместе с ними были обнаружены маленькие концевые скребки, острия с затупленным краем и пластинки с ретушью.

Несколько мезолитических местонахождений открыто Я. Эйснером[1] на юге Словакии, на дюнах словацкого Поморавья. Среди происходящего отсюда кремневого и обсидианового инвентаря имеются и трапеции. Однако находки эти сделаны на поверхности, вместе с линейной керамикой, и мезолитический возраст их не является вполне бесспорным. Геометрические микролиты могли существовать в продолжение всего неолита.

Можно, таким образом, констатировать распространение мезолитических дюнных поселений с микролитическими кремневыми орудиями по всей территории Чехословакии. В то же время следует отметить отсутствие в Чехословакии азильских пещер, сходных с азильскими пещерами Западной Германии и Франции. Геометрические микролиты (трапеции, сегменты, треугольники) представлены в раннемезолитических стоянках Чехословакии, но гораздо слабее, чем в раннемезолитических стоянках Германии и Польши. Мезолитические стоянки чешской Силезии (район Опавы) обнаруживают элементы сходства с мезолитическими стоянками Польши, в частности со свидерскими и близкими к ним стоянками бассейна Западного Буга. Возможно, что эта часть Чехословакии входит в область культуры польского мезолита.

Бóльшая часть мезолитических поселений Чехословакии расположена на северо-западе, в Чехии. Чешские мезолитические стоянки территориально непосредственно примыкают к мезолитическим стоянкам юго-западной Германии, входят в ту же культурную область, что и последние, за тем лишь исключением, что в Чехии неизвестны несколько более древние, азильские пещеры.

Можно предполагать, что на протяжении позднего палеолита и мезолита в Центральной Европе имели место передвижения населения и перемещения наиболее густо заселенных культурных центров. Возможно, что именно с этим связана неравномерность распространения древних поселений на территории Чехословакии в эпоху позднего палеолита и мезолита.

---

[1] J. Skutil. Zur Frage der «mesolithischen» Funde aus der Tschechoslowakei. О мезолитических находках в Словакии см. также: J. Babor. Das Paläolithikum in der Tschechoslowakei. «Eiszeit», IV Leipzig. 1927.

В. П. ЛЮБИН

ПАЛЕОЛИТ ТУРЦИИ И ПРОБЛЕМА РАННЕГО РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Степень изученности палеолита Азиатской Турции (Анатолии) меньше степени изученности палеолита сопредельных с нею Советского Закавказья и большинства балканских и переднеазиатских стран. Медленное накопление археологических данных по этому географически чрезвычайно важному району явно тормозит разрешение ряда важнейших проблем происхождения человека и древнейшего расселения человечества.

Ознакомление с работами по палеолиту Турции показывает, что нижний палеолит этой страны представлен значительным количеством местонахождений. Однако вследствие выборочного характера сборов, недостаточной фиксации условий залегания находок и неудовлетворительного издания имеющихся материалов, в вопросах, касающихся возраста и хронологических взаимоотношений тех или иных групп палеолитических памятников, остается еще много спорного и неясного.

Материал о палеолитических находках в Турции опубликован главным образом в различных, не всегда доступных турецких изданиях; прилагаемые к этим публикациям плохо исполненные рисунки каменных изделий вызывают иногда сомнения в правильности их датировок.

Совершенно неприемлемы методологические установки, которыми руководствуются в своей работе турецкие буржуазные историки и археологи. Вопреки общепризнанным фактам, они стараются доказать, что турки искони населяли Малую Азию, что они являются самым древним народом на земле, создавшим так называемую первоначальную человеческую культуру, в понятие которой включается и культура каменного века [1].

Карта размещения на территории Турции основных, ныне известных находок нижнего палеолита имеет тем не менее большое значение при рассмотрении вопроса о заселении территории Малой Азии и смежных областей в нижнечетвертичное время и путях расселения отдельных групп древнейшего человечества.

В настоящей работе дается обзор основных палеолитических памятников Турции, в заключении которого сделана попытка рассмотреть некоторые из указанных выше вопросов.

Турция лежит у порога Кавказского перешейка, на стыке трех материков Старого Света, на путях возможных связей и передвижений

[1] I. A f e t. L'Activité archéologique de la société d'histoire Turquie. La Turquie Kemaliste, № 21—22. Ankara, 1937, стр. 6—7; I. K. K ö k t e n, 1945. Vilinda türk tarih kurumu adina yapilan tarihöncesi araştirmalari. Türk tarih kurumu belleten. Cilt XI, Sayi 43. Ankara, 1947, стр. 440.

древнейших людей Африки, Азии и Юго-Восточной Европы; одного этого достаточно, чтобы уяснить себе важность ознакомления с палеолитом этой страны. Учет памятников палеолита Турции облегчит, как полагает автор, понимание палеолитических материалов Кавказа — главнейшего центра развития древнейшей человеческой культуры на территории нашей страны.

Изучение каменного века Малой Азии было начато еще в конце прошлого столетия французскими исследователями М. Ж.-Е. Готье и Э. Шантром[1].

Первая, получившая всеобщее признание палеолитическая находка на территории современной Турции принадлежит М. Ж.-Е. Готье, который в 1883 г. нашел в древних аллювиальных отложениях верхнего Евфрата крупное ручное рубило ашельского облика. Находка была сделана около гор. Биреджик, расположенного близ турецко-сирийской границы в западной части вилайета Урфа[2]. Это ручное рубило, длиной 20 см, шириной 9 см, изготовлено из кремня и имеет неправильно овальные очертания. Судя по рисунку, на котором изображена только одна сторона изделия, ручное рубило довольно тщательно обработано крупными сколами. Один из продольных краев обработан более мелкими сколами. По характеру отделки поверхности, сравнительной правильности очертаний, обработке основания ручное рубило Готье, несомненно, относится к позднему, ашельскому типу такого рода изделий. Э. Шантр высказал уверенность, что будущие поиски в названном районе доставят новые находки.

Руководствуясь, очевидно, этим указанием, шведский ученый Ф. Арне в 1907 г. исследовал районы, примыкающие к гор. Биреджик с запада и юга. На поверхности обширного, сложенного меловыми породами плато к западу от г. Нпзиб, в промежутке между этим пунктом и пограничным турецким городом Джераблус, Арне собрал значительную коллекцию нижнепалеолитических кремневых изделий. Коллекция эта включает 50 предметов, большую часть которых составляют ручные рубила. 22 экземпляра ручных рубил Арне датирует шелльским временем, отмечая, что они почти идентичны французским; 3 экземпляра, изготовленные из более светлого кремня и имеющие более совершенную обработку, исследователь относит к «типу выраженного ашеля». Размер наиболее крупного орудия 17,6×6,5×5,6 см. Орудия имеют миндалевидную и дисковидную форму; многие имеют утолщенную, широкую и округлую пятку (основание). Одна из двух сторон обычно обработана хуже и несколько выпукла. Два рубила окатаны водой. Некоторые образцы сохранили участки естественной меловой корки.

---

[1] M. Pfannenstiel. Die altsteinzeitlichen Kulturen Anatoliens. Istanbuler Forschungen. Bd. 15. Berlin, 1941. В этой книге дана полная сводка палеолитических находок, сделанных на территории Малой Азии до 1941 г.; к работе приложены карта палеолитических местонахождений Турции и 18 таблиц с изображением 77 предметов. К сожалению, М. Пфанненштиль включил в свою сводку ряд сомнительных и заведомо более поздних (неолитических и энеолитических) памятников.

Данный обзор палеолитических находок и местонахождений Турции следует в основном изложению М. Пфанненштиля.

Данные о новейших палеолитических находках в Турции известны автору по сводным работам: Ş. A. Kansu. Stone age in Turkey. American Journal of archaeology. 1947, № 3; Ş. A. Kansu. Insanliğin kaynakları ve ilk medeniyetler., Cilt 1, Ankara, 1946; M. R. Sauter. Préhistoire de la Méditerranée. Paris, 1948. В тех случаях, когда удавалось ознакомиться с материалами в подлинниках, даются ссылки на оригиналы.

[2] Находка М. Ж.-Е. Готье издана Э. Шантром. См. E. Chantre. Mission en Cappadoce 1893—1894. Paris, 1898, стр. 132, рис. 100. Сам. Э. Шантр во время поездки в Киликию и Каппадокию собрал коллекцию шлифованных каменных топоров и обсидиановых изделий и обследовал гроты и пещеры.

Арне публикует изображения шести ручных рубил, которые, насколько можно судить по фотоснимкам, имеют ашельский облик. Кроме того, исследователь публикует фотоснимки еще шести изделий: массивных острий (сверла?), скребков, отщепов. Все названные орудия, заключает Арне, характером своей обработки напоминают изделия, привезенные Рюто из Месвина (Бельгия). Как известно, под «месвинской» или, как ее сейчас называют, «клектонской индустрией» подразумевают примитивную ашельскую технику изготовления отщепов. Таким образом, вполне очевидно, что впервые собранная на территории современной Турции коллекция палеолитических орудий может быть в общем отнесена к ашельской эпохе[1].

В 1909 г. английский исследователь Р. Кэмпел-Томпсен предпринял первые поисковые работы по выявлению памятников палеолита на территории Центральной Анатолии. В окрестностях Анкары близ сел. Узагил (Uzagil) Томпсен обнаружил на поверхности земли два андезитовых изделия: ручное рубило (по Ш. А. Кансу — шелльское) и грубый отщеп (?).

Разведка Томпсена завершила собой первый этап работ по исследованию палеолита Турции. Работы эти велись силами исключительно иностранных ученых и носили характер эпизодических разведочных сборов. Тем не менее они имели принципиальное значение, так как окончательно подтвердили наличие древнейших остатков человеческой культуры в этой части Передней Азии и дали направление дальнейшим поискам археологов.

В 1928 г., после почти двадцатилетнего перерыва, поиски эти возобновились. Второй этап работ открыли исследования швейцарского ученого Евгения Питтара в юго-восточной Анатолии. При разведке обширной области меловых отложений, простирающейся вдоль южного склона Армянского Тавра, от берегов Средиземного моря до гор. Диарбекир, Е. Питтару удалось обнаружить в 4,5 км к северо-востоку от гор. Адыяман (южная часть вилайета Малатья) важное палеолитическое местонахождение Пирин (Pirin, или Pirun)[2]. Местонахождение расположено близ моста через р. Чакал (правый приток Евфрата), ниже руин древнего укрепления Пирин. Район находок охватывает полосу предгорий, на высоте 600—700 м над уровнем моря; он весьма удобен для поселения, так как хорошо защищен горами с севера, запада и востока и открыт только к югу. Ставшее сенсацией своего времени, открытие Е. Питтара привлекло в Пирин многих турецких и иностранных исследователей. Питтар посетил Пирин трижды: в 1928 г. самостоятельно[3], в 1937 г. совместно с М. Х. Хошаем, в 1938 г. совместно с М. Х. Хошаем и Ш. А. Кансу[4]. В 1932 г. в Пирине побывал немецкий ученый Г. Г Остен[5], в 1945 г.—турецкий археолог И. К. Кёктен[6]. Находки в районе Пирина залегали в разных отложениях.

[1] F.-J. Arné. Découvertes paléolithiques dans le nord de la Syrie. L'Anthropologie, t. XX, № 1. Paris, 1909, стр. 23—29. В сборах Арне были, по-видимому, также и отдельные изделия более позднего возраста (на рис. 12 указ. соч. изображен, например, нуклеус призматического типа).

[2] E. Pittard. Note sur la civilisation paléolithique en Asie Mineure. Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Paris, 1928, стр. 348—350; E. Pittard. Краткая заметка об ориньякских находках в Адыямане. «Revue Archéologique». V série, t. XXIX. Paris, 1929, стр. 359—360.

[3] E. Pittard. Découverte de la civilisation paléolithique en Asie Mineure. Archives suisses d'Anthropologie générale, t. V, № 2, Genève, 1928—1929, стр. 135—165.

[4] E. Pittard. Excursions archéologiques en Asie Mineure. Archives suisses d'Anthropologie générale, t. VIII, № 1. Genève, 1938, стр. 95—99.

[5] H. H. Osten. Discoveries in Anatolia 1930—1931. Oriental Institute Communications, № 14. Chicago, 1933, стр. 129—131.

[6] I. K. Kökten. Bazi prehistorik istasyonlar hakkinda yeni gözlemler. Ankara

Часть обработанных кремней найдена в конгломерате, устилавшем дно прибрежных скальных навесов; вторая часть собрана в русле реки и у подножья навесов и, наконец, третья приурочена к поверхности первой и второй террас р. Чакал. Для изготовления орудий древние обитатели Пирина использовали кремень, яшму, сильно окремненные известняковые породы и в редких случаях — обсидиан.

За годы исследования Пирина накопился значительный подъемный материал. Наиболее полная коллекция изделий собрана Е. Питтаром, который выделил из нее комплекс орудий ориньякского времени; эта датировка опирается главным образом на наличие в составе орудий скребков «à museau», пластинок с притупленной спинкой «à dos rabattu» и резцов; кроме того, в собранной коллекции имеются болласы (камни для метания), диски, скребки разных типов (округлой формы, вогнутые, килевидные и др.), проколки, скребла-ножи, пластинки, нуклеусы призматические [1]. А. Брейль, которому Питтар показывал свою пиринскую коллекцию, подтвердил датировку ее ориньяком.

В 1937 г. на II конгрессе турецкого исторического общества Брейль констатировал открытие в Анатолии ориньякской культуры и отсутствие культур солютрейской и мадленской [2]. Турецкий археолог Ш. А. Кансу в 1946 г. писал, что солютрейской и мадленской культур в Турции не существует. «Турецкая палеолитическая культура,— заключил он,— после ориньякской связывается с турецкими культурами неолита и халколита через переходный период, носящий название мезолита» [3].

Принимая существо этих фактов и выводов и отбрасывая такие, явно отдающие расизмом и пантюркизмом термины, как «турецкая палеолитическая культура» или «турецкая культура неолита», следует признать, что этот первый весьма скромный верхнепалеолитический материал с территории Малой Азии не представляет собой ничего исключительного среди одновозрастных ему памятников сопредельных стран — Сирии, Ливана, Палестины, Ирака и Советского Закавказья. Территория Турции и названных стран, как это установлено советскими учеными, является составной частью средиземноморско-африканской верхнепалеолитической области, важнейшая особенность которой заключается в отсутствии четкой последовательности хронологических подразделений (ориньяк — солютрэ — мадлен), характерной для верхнего палеолита Западной Европы. С. Н. Замятнин, исследуя материалы верхнепалеолитических пещерных стоянок Грузии, разделил их на три последовательные хронологические группы, которые могут быть сопоставлены лишь по времени с западноевропейскими. Инвентарь более ранних кавказских верхнепалеолитических стоянок носит «ориньякоподобный» характер. Эта черта свойственна в значительной степени и инвентарю второй группы стоянок Кавказа; «ориньякоподобные» формы продолжают, хотя и в меньшем числе, бытовать и в стоянках самого конца верхнего палеолита данной области [4].

üniversitesi Dil ve Tarih — Coğrafya fakültesi dergisi. Cilt V, Sayi 2. Ankara, 1947, стр. 233—234; его же, 1945. Vilinda türk.., стр. 468—469.

[1] E. Pittard. Découverte de la civilisation... стр. 138—165; E. Pittard. Examen d'outillages préhistoriques recueillis en Anatolie: II. Les perçoirs. Archives suisses d'Anthropologie générale, t. XV, № 1, Genève, 1950, стр. 1—11.

[2] H. V. Vallois. Le deuxième Congrès de la Société turque d'Histoire. L'Anthropologie, t. 48, № 1—2. Paris, 1938, стр. 161.

[3] Ş. A. Kansu. nsanliğin kaynaklari..., стр. 235.

[4] С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья. «Советская этнография», 1935, № 2, стр. 116—118; его же. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XVI. М., 1951, стр. 135—136.

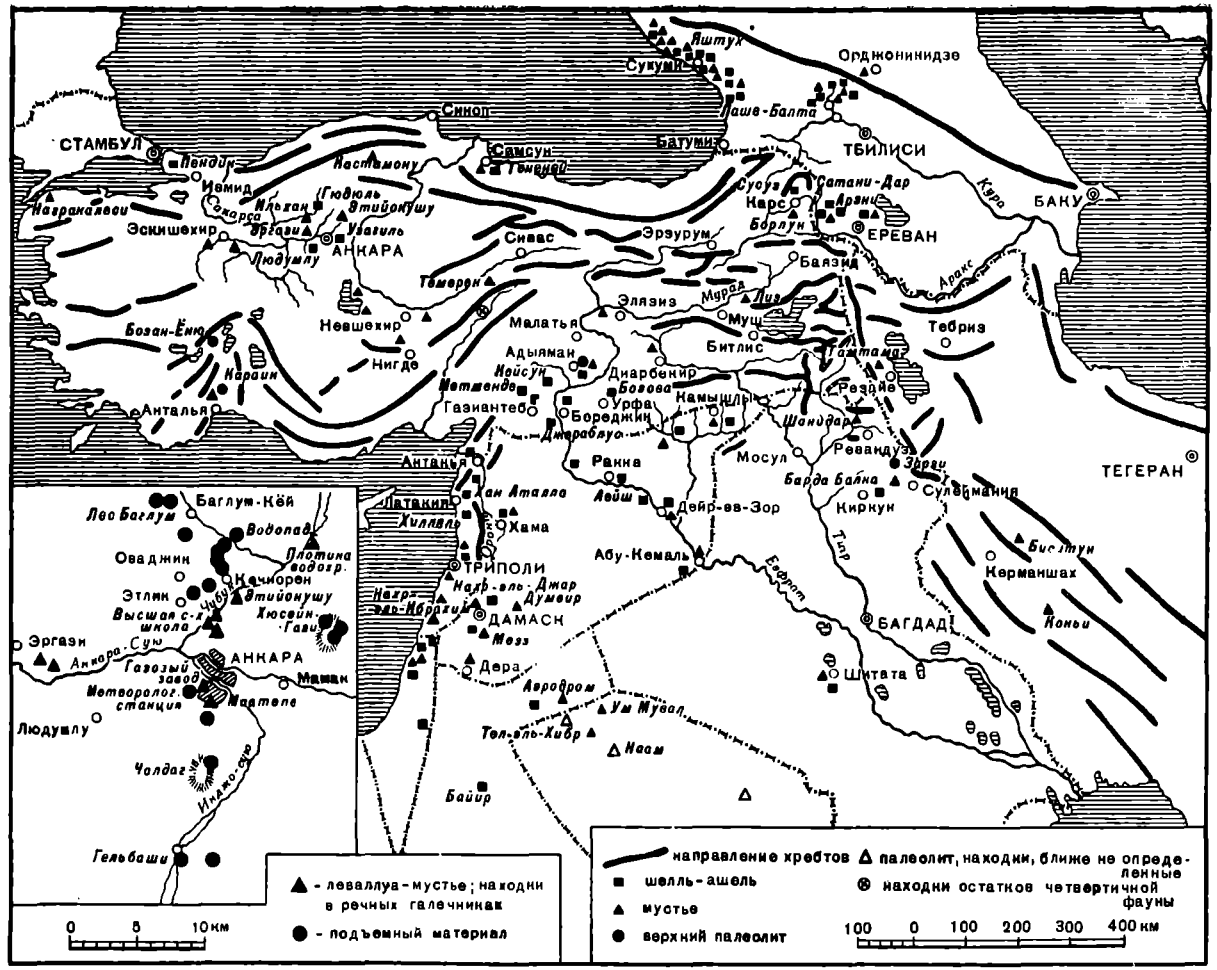


Рис. 1. Схематическая карта основных палеолитических местонахождений Турции и сопредельных стран (по М. Ифанеништилю, с добавлениями автора).

Исходя из всего изложенного, представляется весьма затруднительным решение вопроса о датировке ширинских материалов, лишенных стратиграфических наблюдений и фаунистических остатков. Отнесение их к самой ранней поре верхнего палеолита во всяком случае маловероятно ввиду редкости и малой выразительности резцов и недостаточности нуклевидных форм. Очевидно, именно поэтому Д. А. Е. Гаррод относит орудия из сборов Е. Питтара к изделиям средне-ориньякского типа[1].

Решение вопроса о датировке Пирина осложняется также наличием в составе доставленных оттуда материалов каменных изделий других эпох. Еще в первых своих сборах сам Е. Питтар констатировал примесь кремней мустьерского и неолитического облика. В 1928 г. им было найдено крупное орудие, напоминающее шелльское ручное рубило[2]. Спустя десять лет Ш. А. Кансу писал, что находки Е. Питтара, как это теперь установлено, охватывают и культуру неолита. В 1938 г., во время разведки долины р. Чакал, Ш. Кансу обнаружил там превосходный краснокремневый мустьерский остроконечник[3]. В 1945 г. турецкий археолог К. Кёктен нашел в Пирине на пахотном поле близ реки (терраса?) ашельское миндалевидное ручное рубило размерами 11,4×7,5×4,4 см и грубое клектонское изделие[4].

Таким образом, многократно производившиеся в Пирине сборы дали разновременный материал, покрывающий собой, по-видимому, почти все эпохи палеолита. В публикациях о Пирине, к сожалению, отсутствуют точные сведения о месте залегания находок; приуроченность той или иной группы изделий к первой или второй террасе, нахождение ее в русле реки или под навесами могли дать ценные указания об относительном возрасте находок[5].

Район Адыямана известен также широко популяризуемыми в Турции наскальными изображениями. Они были открыты в 1938 г. Е. Питтаром и турецкими археологами Ш. А. Кансу и Х. Хошаем в небольшом гроте Palanli, расположенном у дороги из Адыямана в Малатью. Грот состоял из трех камер, две из которых имели изображения на стенах. Изображены только горные козлы: контуры их четко высечены на известняковой скале и сильно патинированы. Животные даны в профиль, формы их весьма стилизованы. Е. Питтар, издавший образцы изображений козлов из Palanli, считает, что они выполнены в мадленской технике и напоминают наскальные изображения Испании, Египта и Северной Африки[6].

Следует, однако, проявлять осторожность при датировке такого рода широко распространенных в Передней Азии и на Кавказе изображений. С. Пржеворский, который дает интересный обзор доисторических на-

---

[1] D. A. E. Garrod, James H. Gaul and Bruce Howe. Report of the A. S. P. R. Expedition to Anatolia, 1938. Bulletin American school of prehistoric research № 15, May 1939, стр. 14

[2] E. Pittard. Découverte de la civilisation..., стр. 162.

[3] Ş. A. Kansu. Anadolu paleolitikine dair bir not. Ülkü. Halkevleri dergisi. Cilt XII, Sayi 72. Ankara, 1939, стр. 477—479.

[4] I. K. Kökten. Vilinda türk tarih kurumu..., табл. XCIX, № 2.

[5] В доступных автору турецких изданиях есть краткие упоминания об открытии в Турции еще двух (пещерных) стоянок с культурными слоями ориньякского времени. Одна из них (Bozanönü) расположена близ гор. Испарта, вторая (Karain) близ гор. Анталья на побережье Средиземного моря. См. I. Afet. Contributions to turkish history through the research activities of the archaeological section of the turkish historical society between 1943—1948. Türk tarih kurumu belleten. Cilt XIII, Sayi 51, Ankara, 1949, стр. 481; I. K. Kökten. Bazi prehistorik..., стр. 232—233. Более подробно о пещере Karain см. ниже.

[6] E. Pittard. Gravures rupestres en Anatolie. Archives suisses d'Anthropologie générale. t. VIII, № 1. Genève. 1938, стр. 187—190.

скальных рисунков этого района, отмечает, что стилизованные формы козлов близки к изображениям на вазах и гробницах весьма поздних периодов[1]. Б. Б. Пиотровский обращает особое внимание на подобные «архаичные по своему типу» изображения козлов в Закавказье, указывая, что они имеются на стенах, алтарных и надгробных камнях армянских средневековых храмов[2].

Описанные выше палеолитические находки Готье, Арне и Питтара собраны в пределах района, выделяемого под названием верхнемесопотамского[3]. Изгиб дуги Армянского Тавра образует здесь как бы гигантский амфитеатр, обращенный к югу. Внутри этой вогнутой дуги между Тавром на севере и турецко-сирийской границей на юге расположена страна, резко отличающаяся от остальной Анатолии. Это — северная окраина Верхней Месопотамии (Эль-Джезире), продолжение плато Северной Сирии. Верхнемесопотамский район Турции в ландшафтно-географическом отношении представляет собой единое целое с северосирийским.

Нижнепалеолитические находки в этом районе Турции, так же как и в Северной Сирии, приурочены главным образом к полосе предгорий и долинам Евфрата и его притоков. За последние годы накопились данные об открытии здесь новых нижнепалеолитических местонахождений[4]. Сообщаем краткие сведения об основных находках:

1) В 1938 г. Муине Атасайан обнаружены в районе деревни Дюлюк (12 км к северу от Газиантеба) изделия клектонского типа; некоторые из них напоминали пластины леваллуа примитивного облика[5]. В 1946 г. К. Кёктен произвел в Дюлюк повторные сборы. В составе его коллекции есть несколько крупных ручных рубил, много кремневых желваков и грубых отщепов нижнепалеолитического типа[6].

2) В 1945 г. стало известно о палеолитических находках близ деревни Метменже (27 км к северо-западу от Газиантеба). В 1946 г. эти места посетил К. Кёктен. Из найденного там отметим базальтовое ручное рубило размерами 17,2×9,2×5,8 см шелльского типа и ручное рубило, изготовленное из кремня (размеры 12,7×8,9×4,4 см). Сборы К. Кёктена увеличили число подобных орудий[7].

Каменные орудия, собранные К. Кёктеном в Дюлюк и Метменже, Ш. А. Кансу датирует шеллем и ашелем[8].

3) В 1945 г. К. Кёктен открыл близ гор. Кейсун (к юго-западу от Адыямана), между деревнями Хизник и Фал, обширное нижнепалеолитическое местонахождение. Найденное здесь ручное рубило (длина 12,3, толщина 4, 7 см), судя по рисунку, имеет типичные признаки развитой формы ручного рубила конца ашеля (тонкое поперечное сечение, отсутствие пятки, почти прямые края)[9].

4) В Бозова близ Урфы найдено небольшое ручное рубило типа микок[10].

---

[1] S. Przeworski. Prähistorische Felsenzeichnungen aus Vorderasien. Archiv Orientálni, v. 7 (1935), № 1—2, стр. 9—15; M. Pfannenstiel. Указ. соч., стр. 18.

[2] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Ленинград, 1949, стр. 27.

[3] Район охватывает территории вилайетов Хатай, Газиантеб, Урфа, Диарбекир, Мардин и южную часть вилайета Малатья.

[4] Хронологический порядок изложения, принятый при описании первых по времени находок и сборов, в дальнейшем заменяется порайонным. Такого рода построение, как полагает автор, делает работу более стройной и подготовляет возможность составления определенных выводов и предположений.

[5] M. Pfannenstiel. Die altsteinzeitlichen Kulturen... стр. 14—15.

[6] I. K. Kökten. Bazi prehistorik..., стр. 234—235.

[7] Там же, стр. 235—236.

[8] Ş. A. Kansu. Stone age..., стр. 229; J. Maringer. Das Paläolithikum in der Türkei. «Anthoropos». Bd. XLI—XLIV, H. 4—6, стр. 875—876.

[9] I. K. Kökten, 1945. Vilinda türk tarih kurumu..., 467, табл. XCV1.

[10] Ş. A. Kansu. Stone age.., стр. 229; J. Maringer. Указ. соч., стр. 876.

5) В районе Диарбекира, между деревнями Хилар и Гейик, собраны изделия леваллуа-мустьерского типа (находки К. Кёктена)[1].

Находки эти — первое свидетельство обитания нижнепалеолитического человека в верховьях р. Тигра, между районами ныне разведанных нижнепалеолитических местонахождений Сирии и Турции, с одной стороны, Ирана и Ирака — с другой.

6) В южной части вилайета Хатай (бывший Александреттский санджак), недалеко от Антакьи (Антиохия), Нурэддин-Кан нашел в песчаных отложениях р. Альтиндере на глубине 1,30 м от дневной поверхности два маленьких ручных рубила типа микок. В русле той же реки он поднял ручное рубило ашельского типа[2].

Второй крупной областью сосредоточения нижнепалеолитических находок в Малой Азии является центральная Анатолия и в первую очередь район столицы Турции — Анкары. Анкарский район лучше других изучен в археологическом отношении. Район этот представляет собою обширные однообразные выровненные поверхности на высоте 800—1200 м над уровнем моря, сильно расчлененные верховьями многоводной реки Сакарьи (реками Анкара, Чубук, Кирмир, Ова, Илыджасу). Извиваясь среди плато центральной Анатолии, притоки Сакарьи во многих местах прорезают невысокие горные гряды (Эльмадаг, массив Хюсейн-Гази, Чалдаг). Южнее Анкары расположены небольшие озера Эмир и Моган. Нижнепалеолитические находки в этом районе приурочены к высотам, долинам рек и берегам названных озер. Находка Р. Кэмпел-Томпсеном в 1909 г. близ сел. Узагил (в 10 км к юго-востоку от Анкары) ручного рубила шелльского возраста послужила поводом для более тщательного изучения этой местности. В 1938 г. К. Лейхс во время разведки района дер. Людумлу (12 км к юго-западу от Анкары) обнаружил в эрозионной промоине второе ручное рубило из андезита такого же типа[3] (длина его 13,5 см, наибольшая ширина 8 см, наибольшая толщина 4,5 см).

При повторном осмотре места находки К. Лейхс и Ш. А. Кансу открыли большое поле, густо покрытое кремневыми осколками и отщепами; им удалось собрать там, как пишет М. Пфанненштиль, несколько несомненно палеолитических образцов[4].

Анкара и ее окрестности, однако, уже на протяжении около двух десятилетий более известны как район многочисленных местонахождений леваллуа-мустьерского времени. Еще в 1931 г. Курт Биттель объявил о находке вблизи газового завода (юго-западная окраина Анкары) единичных кремней леваллуа-мустьерского облика. Несколько позже другой исследователь, М. Пфанненштиль, обнаружил в Мальтепе (название одного из районов гор. Анкары), в непосредственной близости от газового завода, оббитые кремни такого же типа. В 1938—1939 гг. Е. Питтар и вице-президент Турецкого исторического общества И. Афет собрали в гравиевых карьерах, расположенных в пределах первой террасы р. Анкары, вблизи дер. Эргази (в 11 км к западу от турецкой столицы), большую серию ана-

---

[1] Там же.

[2] Ş. A. Kansu. Stone age..., стр. 228—229; рис. 1, *B*; Palaeolithic deposits in Anatolia. Man. vol. XLVI, March-april 1946, стр. 41.

[3] Ближайшие к Людумлу выходы андезита находятся в районе хребта Эльмадаг, откуда, как полагает Лейхс, первобытный человек и брал этот сырьевой материал. См. Kurt Leuchs. Ein Faustkeil der Chellesstufe aus der Umgebung von Ankara. Forschungen und Fortschritte, 15 Jg., № 31. Berlin, 1939, стр. 380—381.

[4] M. Pfannenstiel. Указ. соч., стр. 15. Kurt Bittel und Alfons Maria Schneider. Archäologiche Funde aus der Türkei im Jahre 1939. Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1940, стр. 555.

логичных изделий (диски, скребла, отщепы и др.)[1]. Профиль гравиевых выемок в месте находок характеризовали следующие отложения (в м):

Почвенный слой .	0,20
Желтая глина . . .	3,10
Грубый гравий (галька) . .	1,40
Галька с изделиями леваллуа-мустьерского времени	0,30
Песок и галька	0,80
Дно ямы	

Палеолитические изделия залегали на глубине 4,70 м от поверхности террасы, на 9 м выше современного уровня р. Анкары. О большой древности изделий свидетельствовали патина («матовая полировка») и некоторая окатанность[2].

В 1936 г. в окрестностях Анкары начались работы турецкого археолога Ш. А. Кансу и его учеников. Весной 1938 г. Ш. А. Кансу обнаружил в 4 км к северу от Анкары важное местонахождение Этиокушу[3]. Кремневые палеолитические орудия были извлечены из древних гравиевых отложений, слагавших первую террасу р. Чубук. В месте находок береговой обрыв составляли (в м):

Почвенный слой	0,30
Слой с культурными находками медного века	1,50
Мелкий гравий и песок	0,60
Большие камни и песок .	0,80
Мелкозернистый песок, камни и глина	0,30
Большие камни и песок . .	0,50
Мелкий гравий и песок с орудиями леваллуа-мустьерского типа	1,10
Очень большие камни и песок	

Слой, содержащий палеолитические кремни, залегал на глубине 3,10 м ниже культурного слоя медного века.

В долине р. Чубук выявлены еще два пункта находок леваллуа-мустьерских орудий; условия залегания их сходны с только что отмеченными. Первый пункт находится в пределах территории Высшей сельскохозяйственной школы, в 2 км к северу от Анкары[4], второй — близ плотины водохранилища р. Чубук, в 9 км к северо-востоку от столицы[5].

Таким образом, все пять пунктов находок в долинах верховий реки Сакарьи показывают залегание одновозрастных палеолитических изделий в сходных геологических условиях: в гравиевых отложениях самой молодой первой речной террасы на уровне около 5 м ниже ее дневной поверхности и на высоте около 10 м от современного уровня реки.

Е. Питтар, датировавший свои сборы из Эргази леваллуа-мустьерским временем, обратился для апробации своего определения к Брейлю. Осмотрев коллекцию Е. Питтара, Брейль написал: «Все может быть леваллуа-мустье или леваллуа развитое. Это более или менее сходно с леваллуа III или IV у нас»[6] (т. е. в Западной Европе. — *В. Л.*).

[1] E. Pittard. Silex tailles levalloisiens recuillis dans les alluvions des plateaux d'Anatolie. «Revue anthropologique». Paris, 1939, № 4—6, стр. 69—78.

[2] M. Pfannenstiel. Die altsteinzeitlichen Kulturen..., стр. 32.

[3] Ş. A. Kansu. Sur les nouvelles découvertes paléolithiques, faites en l'Anatolie sous l'auspise de la. Société turque d'histoire. Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte rendu de la deuxième session. Copenhague, 1939, стр. 253; K. Bittel. Archäologische Funde aus der Türkei 1934—1938. Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1939, стр. 95.

[4] Леваллуа-мустьерские кремни, залегавшие здесь в делювиальных гравиях первой речной террасы р. Чубук, благодаря плужной вспашке оказались на дневной поверхности. Впервые они были обнаружены в 1934 г. См. M. Pfannenstiel. Указ. соч., стр. 31.

[5] M. Pfannenstiel. Указ. соч., стр. 30.

[6] E. Pittard. Silex tailles..., стр. 76.

Исследования окрестностей Анкары не ограничились районом речных долин. В конце 30-х годов поиски были перенесены на невысокие горные гряды и отдельные высоты, являющиеся водоразделами верховий р. Сакарьи[1]. Здесь были обнаружены многочисленные местонахождения открытого типа. Подавляющее большинство их сосредоточено к северу от города в районе населенных пунктов Этлик, Кечиорен, Баглум, водопада на р. Хаси-Касин-Дере (приток р. Чубук) и соснового леса Баглум. Местонахождения всегда занимали строго ограниченные участки, центры которых были особенно густо насыщены находками; участки эти отделялись друг от друга зонами, лишенными всяких находок. Местонахождения содержат огромное количество кремневых обломков и осколков, полуфабрикаты единичны, а законченные изделия чрезвычайно редки. Последние имеют леваллуа-мустьерский облик.

В степи, в более значительном удалении от рек, такого рода памятники неизвестны; в степи встречаются лишь единичные, как правило, хорошо выраженные изделия также леваллуа-мустьерского облика.

Истолкование всех изложенных фактов дает М. Пфанненштиль, пытаясь установить связь между четвертичной геологией и историей палеолита Центральной Анатолии. В бассейне р. Анкары, как указывает этот исследователь, ясно различимы четыре речные террасы, каждая из которых соответствует одному ледниковому периоду. Самая молодая из этих террас, первая, наиболее низкая, могла возникнуть только во время второго вюрмского оледенения, так как ледниковое время Вюрм II на Ближнем Востоке является последним доказанным ледниковым временем. Нахождение палеолитических орудий в гравиевых отложениях первой террасы определяет геологический возраст этих изделий. Если пользоваться абсолютной шкалой времени Миланковича, основанной на астрономических данных и используемой для построения кривой оледенения Зергеля (1937), то леваллуа-мустьерские обитатели анкарского района, остатки культуры которых захоронены в гравиях первой речной террасы, жили приблизительно 67 тысяч лет назад[2].

Используя данные исторической геологии и свои наблюдения, М. Пфанненштиль показывает, что климатические условия Центральной Анатолии в среднепалеолитическое время были близки к современным: господствовал засушливый или полузасушливый климат. Эти климатические условия определяли условия жизни и деятельности леваллуа-мустьерских людей. Континентально-степной климат принуждал человека устраивать свои стоянки в непосредственной близости от текущей воды. Степей человек избегал, посещая их только во время охотничьих походов: находки в степях поэтому единичны и в большинстве представляют собой хорошие изделия. Изготовление же орудий производилось человеком в местах, расположенных поближе к источникам сырья: на водоразделах и склонах гор. Последнее объясняет и своеобразие размещения инвентаря отмеченных местонахождений — «мастерских» древнего человека (осколки — отходы производства, изредка— полуфабрикаты). Такова в кратком изложении схема М. Пфанненштиля, в которой он, суммируя и увязывая данные

[1] Эти поиски были осуществлены главным образом М. Пфанненштилем в 1938—1940 гг. Два местонахождения были обнаружены К. Биттелем, Г. Клейнзорге и В. Саломон-Кальви в 1939—1940 гг. См. M. Pfannenstiel. Указ. соч., стр. 26—30; K. Bittel. Указ. соч., стр. 96.

[2] M. Pfannenstiel. Указ. соч., стр. 38. Следует иметь в виду, что в западноевропейской археологии первобытного периода принята ошибочная точка зрения, согласно которой леваллуа-мустьерское время в целом соответствует первой половине вюрмского оледенения. Советскими исследователями создана иная палеонтологически и геологически обоснованная периодизация палеолитической истории, по которой время существования леваллуа-мустьерского человека восходит к началу рисского оледенения.

естественных наук и первобытной археологии, пытается наметить картину внешних условий и жизни древних обитателей Центральной Анатолии.

Следы конца нижнего палеолита выявлены также в ряде пунктов, примыкающих к анкарскому району: в районе оз. Туз, городов Эскишехир, Невшехир, Нигде, Гемерек, Кастамону.

В результате рекогносцировочной разведки, произведенной Ш. А. Кансу в 1938 г., собран небольшой подъемный материал в сухом русле р. Порсук у дороги из Инёню в Кютахья, к юго-западу от Эскишехира, а также в галечниках долины р. Сейит близ деревень Хамидие, Махмудие и Арапорен, к юго-востоку от Эскишехира[1].

В южной части Анатолийского плоскогорья внимание археологов привлекла огромная бессточная впадина оз. Туз. Это крупное мелководное соленое озеро лежит на абсолютной высоте около 900 м; его краевые солевые отложения смыкаются с обширными болотистыми низинами. Восточный берег озера, к которому близко подступают предгорья хребта Карасинир, более возвышенный. В 1938 г. этот участок берега был обследован экспедицией Американского института доисторических исследований в составе Д. А. Е. Гаррод, Ж. Х. Гол и Б. Хоу. Экспедиции удалось обнаружить в двух местах восточного побережья озера, на древней береговой линии, обозначенной полосой бичевника и расположенной на высоте 10—15 м над современным уровнем озера, несколько кремневых отщепов, нуклеус и скребок. Исследователи в своем отчете отмечают, что хотя в районе оз. Туз было собрано мало материалов и датировать их трудно, по-видимому, есть определенные указания на заселение этого района в ранний период, когда уровень воды в озере был более высоким.

Американская экспедиция обследовала также ряд пунктов к югу от Анкары и в районе городков Нигде, Кайсери, Йозгат, Аладжа, Чорум, Кастамону, Инеболу, обращая внимание главным образом на разведку пещер. В 35 км к юго-востоку от г. Хаймана (южнее Анкары) экспедиция открыла скальный навес Енидже. На его поверхности и в долине ниже навеса собрана группа атипичных кремневых отщепов. Обнаружив в музее гор. Кайсери фрагменты зуба, черепа и двух огромных бивней ископаемого слона и несколько зубов быка и лошади с приставшей к ним брекчией, экспедиция обследовала места находок этих впервые установленных на территории Турции костных остатков древних млекопитающих. Остатки слона, быка и лошади были случайно найдены жителями деревни Халевик (85 км восточнее Кайсери) в трех пунктах гравиевых отложений, на берегу одного из ныне пересохших притоков р. Заманты (верховья р. Сейхан). Отложения, содержавшие остатки слона, как показал осмотр, являются явно речными и относятся к древнему периоду высокого уровня воды в бассейне р. Заманты. Насколько можно было судить по очень небольшим обломкам зуба, слон был раннего типа. Это определение было подтверждено в Анкаре проф. К. Лейхсом; остатки слона, как он заключил, принадлежат, вероятно, нижнеплейстоценовой форме, видовую принадлежность которой определить, однако, невозможно[2].

Территориально к анкарскому району тяготеет еще несколько палеолитических местонахождений. Осенью 1936 г. Мунис Атасайан в 60 км к юго-западу от Анкары около Гавуркале найдены оббитые кремни палеолитического облика. Находки были сосредоточены в ограниченной зоне: от подножья холма с развалинами хеттской крепости до укрытий под скалами. Сборы, производившиеся здесь неоднократно, доставили несколько

[1] Ş. A. Kansu. Sur les nouvelles découvertes paléolithiques..., стр. 254.

[2] О работах американской экспедиции см. D. A. E. Garrod, James H. Gaul a. Bruce Howe. Report of the A. S. P. R. Expedition..., стр. 13—27.

типично палеолитических скребел (по Ш. А. Кансу)[1] и много атипичных отщепов. Некоторые исследователи, однако, полагают, что еще нет достаточных данных для датировки Гавуркале[2]. Сомнителен также палеолитический возраст обсидиановых изделий, собранных в том же году геологом В. Саломон-Кальви на северо-восточном склоне горного хребта Мелендиз, к северо-западу от гор. Нигде. К. Биттель, опубликовавший наиболее типичные образцы этих изделий — пластинки с ретушью и небольшие остроконечники, полагает, что они могут принадлежать и послепалеолитическому времени, тем более что они напоминают собой известные обсидиановые находки Ж. Моргана на Арагаце в Армении[3]. Зато датировка леваллуа-мустьерским временем находок Ш. А. Кансу в Гёлькёй у Кастамону (верховья р. Гёк-Ирмак), И. К. Кёктена в Гемерек (юго-западный угол вилайета Сивас) и Халила Хаздемира около Невшехира и Нигде (к востоку и юго-востоку от оз. Туз) как будто не вызывает сомнений у турецких археологов[4].

Находки в Кастамону, в широтной, хорошо защищенной долине р. Гёк-Ирмак, в западной части Северо-Анатолийской горной страны, представляют собой, по-видимому, наибольший интерес. В пределах вилайетов Кастамону, Синоп и др. Северо-Анатолийская горная страна представляет собой настоящий лабиринт лесистых склонов, глубоких впадин и узких ущелий. Кастамону — пункт, где скрещиваются многочисленные дороги, ведущие с одной стороны к морскому побережью, с другой — в анкарский район, с третьей — вдоль продольных межгорных впадин, разделяющих отдельные хребты этой горной области. Поэтому находки в Кастамону — первое свидетельство обитания нижнепалеолитического человека в глубине труднодоступных горных районов северной Анатолии, важный показатель преодоления им в процессе расселения трудных горных проходов и глубоких лесистых ущелий.

В заключение обзора палеолитических местонахождений Малой Азии остановимся на открытии остатков культуры четвертичного человека в районе проливов Босфор и Дарданеллы и морских побережий Турции. После того как стали известны богатые нижнепалеолитические памятники черноморского побережья Кавказа, можно было ожидать, что турецкий берег Черного моря доставит такие же обильные находки. Первая попытка обследования одного из районов черноморского побережья (района Инеболу) была предпринята еще в 1938 г. Д. Гаррод.[5] Попытка успеха не имела; отсутствие прибрежных дорог заставило Д. Гаррод прекратить поиски[5]. Более планомерно и настойчиво велись работы К. Кёктеном, который в 1940 г. по поручению Турецкого исторического общества обследовал значительную часть черноморского побережья. Результаты работ К. Кёктена в целом были незначительны, так как на всем восточном прикавказском отрезке побережья не было обнаружено памятников палеолита[6]. Лишь в средней части анатолийского побережья, в районе гор.

[1] Ş. A. Kansu. Указ. соч. стр. 252—253.

[2] Hans Henning von der Osten with contributions by Wilton Marion Krogman. The Alishar Hüyük seasons of 1930—1932. Oriental Institute Publications, v. XXX, Chicago, 1937, стр. 405; D. A. E. Garrod. James H. Gaul a. Bruce Howe. Указ. соч., стр. 15; M. Pfannenstiel. Указ. соч., стр. 12.

[3] K. Bittel. Archäologische Funde aus der Türkei, 1934—1938, стр. 96—97.

[4] Сведения о находках в названных пунктах известны автору лишь из кратких упоминаний в статьях или сводках турецких археологов. См. Ş. A. Kansu. Stone age..., стр. 229; его же. Insanliğin kaynaklari..., стр. 237; I. K. Kökten. Vilinda türk tarih kurumu..., стр. 438; его же. Bazi prehistorik..., стр. 224.

[5] D. A. E. Garrod, James H. Gaul a. Bruce Howe. Указ. соч., стр. 18—19.

[6] I. Afet. Contributions..., стр. 481.

Самсун, были выявлены первые незначительные остатки культуры первобытного человека. В местности Текеköу, в 12 км юго-восточнее Самсуна и к югу от железнодорожной линии Самсун — Чаршамба К. Кёктен нашел два базальтовых или диоритовых изделия, одно из которых, как полагает К. Биттель, безусловно мустьерское[1]. По Ш. А. Кансу, отсюда происходят найденные на морской террасе ашельское ручное рубило и кремни мустьерского облика[2]. Здесь же была обнаружена пещера «А», кремневый инвентарь которой содержал мезолитические кремни[3].

Бедность палеолитическими находками турецкого Причерноморья объясняется, по-видимому, физико-географическими особенностями этого района. Узкая полоса черноморского побережья Анатолии отделена от внутренней части страны широкой дугой Понтийских гор, тянущихся несколькими параллельными, круто спускающимися к морю труднопроходимыми горными цепями. Преодоление этого горного барьера крайне затруднительно, особенно его восточной части, где ниже границы леса склоны гор круты и пересечены тесными малодоступными ущельями. Лишь узкие тропы ведут от берега моря к перевалам.

Только в районе гор. Самсун горные цепи заметно снижаются, образуя удобный проход Кавак (795 м), по которому издревле пролегает большая торговая дорога, связывающая черноморское побережье с внутренними областями Малой Азии.

Известный исследователь дорог Понта Ж. А. Манро писал: «На всем протяжении береговой линии от Амастриды на западе до Трапезунда на востоке Амис (Самсун) является единственными открытыми воротами внутрь страны. Это была единственная большая дорога Понта с севера на юг... Более того — это был единственный выход к северу для всей Малой Азии...»[4] Анализ свидетельств античных авторов[5] позволил профессору М. И. Максимовой впервые в нашей литературе сделать вывод, что «через эту складку в северо-анатолийских горных цепях пролегала в древности единственная дорога, пересекавшая Малую Азию с севера на юг и связывавшая Черное море с внутренними районами Анатолии, Средиземным морем и далее с Сирией и Передней Азией»[6].

В истории изучения древнейшего прошлого той или иной страны иногда случается так, что районы труднодоступные, весьма удаленные от центров и не давшие ранее находок, «мало популярны». В таком положении в Анатолии находилась до последнего времени ее средиземноморская окраина. Здесь, если исключить некоторые сомнительные находки[7], памятники палеолита были совершенно неизвестны. Осуществление первых успешных поисковых работ в этом районе — несомненная заслуга турецкого археолога К. Кёктена. В 1946 г. этот исследователь предпринял разведку на

[1] K. Bittel. Archäologische Funde aus der Türkei. Archäologischer Anzeiger. Berlin 1942, стр. 97—98.

[2] Ş. A. Kansu. Stone age..., стр. 227—229; M. R. Sauter. Préhistoire... стр. 159.

[3] K. Kökten. Orta, doğu ve kuzey Anadolu'da yapilan tarih öncesi araştirmalari. Türk tarih kurumu belleten. Cilt VIII, Sayi 32. Ankara, 1944, стр. 660; I. Afet. Turk tarih kurumunun 1937 den 1943 e kadar arkeolojik çalişmalari hakkinda. Türk tarih kurumu belleten. Cilt VIII, Sayi 29. Ankara, 1944, стр. 40—41.

[4] J. A. Munro. Roads in Pontus royal and roman. The journal of hellenic studies, v. XXI. London, 1901, стр. 52. Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность проф. М. И. Максимовой, обратившей внимание автора на эту работу.

[5] М. И. Максимова. К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря. ВДИ, 1948, № 4, стр. 32—33.

[6] М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.-Л., 1956, стр. 14.

[7] M. Pfannenstiel. Die altsteinzeitlichen Kulturen..., стр. 11.

восточной окраине Ликийской горной страны, близ города Анталья (в юго-западной части средиземноморского побережья Турции). Постановка пробных раскопок в пещерах, однако, результатов не дала и работы были перенесены на равнину Антальи. Равнина эта сложена травертинами и имеет ступенчатый характер. Неширокая полоса аллювиальной низменности, идущая вдоль морского берега, окаймлена двумя террасами высотой в 100—300 м. Вторая терраса находится в глубине равнины; у подножья гор она расчленена на изолированные останцы, увенчанные акрополями и развалинами античных городов[1]. У подножья горы Чам, к северо-востоку от деревни Ягка Кой, было обнаружено четыре пещеры. Для раскопок была выбрана наиболее крупная трехкамерная пещера, известная местному населению под названием Караин. Вход в эту пещеру обращен на юг. Камеры соединены между собой узкими коридорами. Шурф, заложенный в западной части первой камеры (камеры «А»), установил, что искатели кладов сплошь перекопали этот участок. Культурные остатки разных эпох (черепки сосудов греко-римской эпохи, железный наконечник стрелы, изделия медного века и каменные орудия) были найдены в перемешанном состоянии. Из числа каменных орудий сразу же привлекли внимание два кремневых наконечника ориньякского облика.

Второй разведочный раскоп размерами 1, 5 × 4 м был поставлен в глубине пещеры (камера «С»). Верхний слой доставил смешанные между собой черепки сосудов греко-римской и медной эпох. С глубины 0,35 м характер отложений и культурных остатков изменился: слой темного, мелкозернистого, влажного, но достаточно затвердевшего песка содержал изделия мустьерского типа. В том же слое был найден зуб пещерного льва и маленький обломок человеческой челюсти[2].

В 1949 г. раскопки пещеры были продолжены[3]. Новыми работами было установлено, что пещера эта — богатая многослойная стоянка, содержащая индустрию ашельской, мустьерской и ориньякской эпох. Исключительное значение имела находка первых на территории Турции костных остатков (два зуба) ископаемого человека; один зуб происходил из слоя мустье II, второй — из брекчии, содержавшей смешанные между собой культурные остатки слоев мустье II и типичного ориньяка. Турецкий антрополог Зёнюрек, опубликовавший эту находку, пишет, что один зуб труден для определения, второй же, судя по характеру строения, принадлежал неандертальскому человеку.

Трудно переоценить значение этой пещерной стоянки для первобытной археологии Турции. Многослойность, точная стратиграфия, наличие некоторых палеонтологических материалов и костных остатков человека делают ее важным опорным пунктом для датировки палеолитических памятников Малой Азии.

Местоположение этой стоянки представляет также известный интерес. Средиземноморское побережье Турции, подобно черноморскому, отделено от Внутренней Анатолии высоким горным барьером. Складчатые гирлянды гор Южной Анатолии (Ликийские горы, цепи Тавра и Антитавра) выше гор Северной Анатолии, но зато уступают им в ширине. Ликия, Антиторос — малодоступные горные области. Изогнутая дуга Тавра немногим более доступна для передвижения; в восточной части ее распо-

---

[1] I. K. Kökten. Bazi prehistorik..., стр. 232; БСЭ, 2-е изд., т. 2, стр. 475.

[2] I. K. Kökten. Bazi prehistorik..., стр. 229—233.

[3] О работах 1949 г. автору, к сожалению, известно лишь по небольшой заметке: Vallois H. V Un homme de neanderthal en Turquie (см. «L' Anthropologie», т. 54, № 3—4, 1950, стр. 359). Подробный отчет был автору недоступен.

ложен знаменитый в древности горный проход «Киликийские ворота» (ущелье Кюлек шириной около 10 м).

В район Антальи трудно проникнуть, двигаясь по морскому берегу. С запада высокие снежные Ликийские горы гигантскими стенами белого мрамора обрываются прямо в море. На востоке горы Тавра мрачными неприступными утесами подступают в ряде мест прямо к берегу моря[1].

Единственный путь, ведущий из Антальи в глубь страны, идет в северном направлении, где между Тавром и Ликийскими горами имеется понижение[2]. Наиболее вероятно, что именно этот участок горного обрамления равнины Антальи был с древнейших времен самым удобным путем для передвижения людей.

Прежде чем перейти к заключительной части статьи, отметим еще два пункта палеолитических находок в полосе черноморских проливов, чрезвычайно важных по своему местоположению, — район, где ученые давно уже ищут возможности увязать палеолит Малой Азии с палеолитом Балканского полуострова.

В 1941 г. стало известно, что М. Атасайан собраны в районе сел. Пендик на северном берегу Измитского залива Мраморного моря каменные древнепалеолитические изделия, среди которых особенно обращало на себя внимание одно выразительное крупное орудие — бифас шелльского типа. Место находки лежит в 25 км к юго-востоку от пролива Босфор[3].

Находка эта доказывает выход раннечетвертичного человека к берегам черноморских проливов и ставит вопрос о возможности преодоления им в процессе расселения этой важной водной преграды. Заранее следует иметь в виду, что как по состоянию фактического материала, так и по неразработанности методики исследования время для решения этого вопроса еще не наступило. В настоящее время, сопоставляя некоторые данные геологии и археологии, можно сделать лишь небольшие предварительные замечания.

Известно, что на территории Европейской Турции и всего Балканского полуострова достоверные шелльские и ашельские находки до сих пор не обнаружены. Древнейшими достоверными археологическими памятниками этого обширного района являются мустьерские[4]. Ближайшие к Балканскому полуострову остатки культуры шелльских и ашельских людей обнаружены на Днестре (Лука Врублевецкая) и в Анатолии (Пендик близ Босфора).

Босфор, как и Мраморное море, существует с конца третичного периода. Современный Босфор — морской пролив, напоминающий широкую извилистую реку с высокими и обрывистыми берегами и стремительным течением. В раннем плейстоцене он также представлял собой морской пролив, через который осуществлялся свободный водообмен между морями Черным и Мраморным[5]. Маловероятно, чтобы раннечетвертичный человек смог преодолеть этот широкий каньонообразный морской пролив.

Что касается второго черноморского пролива, Дарданелл, то здесь в плейстоцене существовала более благоприятная обстановка для такого рода передвижений. Дарданеллы возникли позже Босфора: «...проникно-

[1] С. Н. Матвеев. Турция. М.—Л., 1946, стр. 17, 18, 127—140.

[2] В настоящее время через это понижение проложена железная дорога.

[3] K. Bittel und A. M. Schneider. Archäologische Funde aus der Türkei. 1942. Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1943, стр. 201; M. R. Sauter. Préhistoire..., стр. 159; S. A. Kansu. Stone age..., стр. 227.

[4] J. Skutil. Bálkanské paleolitikum. Obzor prehistorický, ročn. XIV, s. 2, Praha, 1950.

[5] Н. Андрусов. Босфор и Дарданеллы. Ежегодник по геологии и минералогии России, т. XII, вып. 7—8, 1910, стр. 201—203.

вение в бассейн Мраморного моря средиземноморских вод уже нашло готовым пролив, соединяющий последнее с Черным»[1]. На исходе плиоцена (по Л. А. Варданянцу, в раннем квартере[2]), когда Босфор уже представлял собой пролив, связывавший Черноморский бассейн с Мраморным морем, на месте Дарданелл располагалась лишь река, которая впадала в Мраморное море с юга.

В начале четвертичной эпохи происходит разрушение эгейской суши и общее опускание в области проливов. Долина Дарданелльской реки опускается под уровень моря и превращается в морской пролив.

Периодические опреснения и осолонения Черного моря в течение четвертичного периода связываются с периодическими поднятиями и опусканиями суши[3]. На границе нижнего и среднего плейстоцена (время рисского оледенения) происходит значительное прогибание в бассейне Черного моря, которое приводит к отступанию и опреснению его вод: одновременно происходит общее поднятие суши, в частности, в районе черноморских проливов[4].

М. Пфанненштиль допускает, что в этот период[5] палеолитический человек мог переходить Дарданелльский пролив посуху. Эту страницу геологической истории Дарданелл М. Пфанненштиль сопоставляет с фактом находки на азиатском берегу Дарданелл кремневого пластинчатого отщепа мустьерского облика. В 1874 г. Ф. Кальвер нашел это изделие у подножья 12-метровой средиземноморской террасы близ Награкалеси (Абидос)[6], к северу от Чанаккале. Отщеп находился, очевидно, во вторичном залегании. Первоначально он, по-видимому, залегал на поверхности террасы или в слагающих ее галечниках. В последнем случае, как полагает М. Пфанненштиль, человек древнекаменного века был свидетелем почти сухой Дарданелльской долины и мог перейти на ее европейский берег.

12—15-метровая терраса сохранилась во многих местах побережья Средиземного моря (Сирия, Палестина) и совершенно определенно характеризуется мустьерскими местонахождениями, что существенно подкрепляет предполагаемый возраст находки из Абидоса[7].

Таковы первые, чрезвычайно интересные предположения о времени и месте возможного проникновения древнейших анатолийцев на территорию Балканского полуострова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заселение Турции относится к самому раннему периоду человеческой истории. Немногочисленные находки шелльской и ашельской индустрии кажутся бесспорными. В верхнеашельское и мустьерское время область распространения достоверных остатков человека и его культуры

---

[1] Н. Андрусов. Босфор и Дарданеллы, стр. 202.

[2] Л. А. Варданянц. Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван, 1948, стр. 15—16, 42, 73—74.

[3] А. Д. Архангельский и Н. М. Страхов. Геологическая история Черного моря. Бюллетень Моск. об-ва исп. природы, т. X (1), 1932, стр. 51, 54, 94.

[4] Л. А. Варданянц. Указ. соч., стр. 99, 105—106.

[5] По Пфанненштилю, этот период соответствует времени так называемой поститренской регрессии Средиземного моря.

[6] Изделие хранится в Манчестере (Англия). В 1880 г. его впервые опубликовал М. Неймар. Пфанненштиль воспроизводит его в своей работе Die diluvialen Entwicklungsstadien und die Urgeschichte von Dardanellen, Marmarameer und Bosporus. Geologische Rundschau. Bd. 34, H. 7/8. Stuttgart, 1944, стр. 373.

[7] Там же, стр. 355, 372—376.

расширяется. Ашельский и мустьерский человек выходят на побережья омывающих Турцию морей и проливов и осваивают для жизни отдельные труднодоступные горные районы (Анталья, Кастамону).

В Турции в настоящее время можно выделить два основных района распространения нижнепалеолитических находок: анкарский (центральная Анатолия) и верхнемесопотамский (район, пограничный с Сирией). Последний по существу является северной частью палестино-сирийской нижнепалеолитической провинции и вместе с ней примыкает к району сосредоточения нижнепалеолитических памятников Ирака и Ирана.

Прилагаемая к данной статье карта (рис. 1) размещения на территории Турции и сопредельных с нею стран основных, ныне известных нижнепалеолитических местонахождений показывает, как полагает автор, что раннечетвертичный человек уже достаточно широко освоил предгорные и горные районы Передней Азии и Кавказа. Очевидно, эти области были важным и большим центром расселения древнейших людей.

Археологические данные дают также некоторые указания на очертания нижнепалеолитической эйкумены и могут быть использованы для выяснения возможных путей расселения и связей отдельных групп древнейшего человечества.

Турция расположена на стыке Европы, Азии и Африки. В силу столь важного географического положения Турция играла, по-видимому, исключительную роль в заселении Европы древнейшими людьми. Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров считают, что заселение человеком Центральной и Восточной Европы в ашельское и мустьерское время шло, по-видимому, с юга[1].

В настоящее время трудно увязать палеолитические находки в Турции с палеолитическими памятниками Балканского полуострова; связи между этими областями в плейстоцене, как было показано, хотя и намечаются, но остаются еще гипотетичными. Более определенными кажутся связи между сирийско-палестинской палеолитической областью и Закавказьем, осуществлявшиеся, по-видимому, через горные области восточной Анатолии и западного Ирана.

Еще совсем недавно (1948 г.) считалось, что Адыяман (Пирин) является аванпостом в распространении культуры палеолитического человека в северо-восточном направлении. Могло казаться, что Армянское нагорье, являющееся самой высокой горной страной Передней Азии, и Армянский Тавр, обрамляющий это нагорье с юга, были серьезным препятствием на путях расселения древнейших обитателей Эль-Джезире.

Работами последних лет обнаружены небольшие, но важные для разрешения этого вопроса находки нижнего палеолита к северу от Армянского Тавра, в долине левого притока р. Евфрат — р. Мурат. В двух пунктах долины Мурат, близ гор. Элязыг и гор. Лиз, К. Кёктен собрал изделия леваллуа-мустьерского облика[2]. Кроме того, были сделаны первые находки нижнего палеолита на территории Карского вилайета, в непосредственной близости от границ Армянской ССР. Здесь найдены два ручных рубила (одно из них близ гор. Сусуз к северу от гор. Карс) и группа изделий мустьерского облика (в долине р. Борлук)[3].

[1] Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 412.

[2] I. K. Kökten, 1945. Vilinda türk tarih.., стр. 462, 464, табл. CV.

[3] I. K. Kökten. Kars in tarih öncesi hakkinda ilk kisa rapor. Türk tarih kurumu belleten. Cilt VII. Ankara, 1943, стр. 602, 606, 608, 611. Найденное близ Сусуз ручное рубило К. Кёктен датирует шелльско-ашельским временем. Размеры его 12,2×7,6×4,4 см. Материал — трахит.

Представляется возможным, что цепь впадин-депрессий, по дну которых протекает Мурат (равнина Харпута, равнина Муша, Алешкиртская впадина), облегчала сообщение между югом и севером. Если учесть, что горы Армянского Тавра также не являются непреодолимой преградой для сообщений с югом, еще более возрастает значение этого естественного коридора. Вполне допустимо, что в раннечетвертичное время именно вдоль этого коридора расселялся первобытный человек. Не исключено также, что в долине р. Мурат в начале плейстоцена существовали вполне благоприятные условия для жизни человека и он мог обитать здесь постоянно[1]. Важно, что из верховий р. Мурат, с территории так называемой Алешкиртской впадины, идет ряд удобных дорог к долине р. Аракс и Араратской равнине[2].

Широкому расселению орд первобытных людей в пределах Переднеазиатской области способствовало, очевидно, значительное сходство древних ландшафтов Малоазиатского, Армянского и Иранского нагорий.

Есть основания полагать, что в плейстоцене палеогеографическая обстановка в этой части Западной Азии в основном напоминала современную, включая орографические особенности строения поверхности (горные степи, закрытые бассейны на вулканическом плато)[3].

Наиболее показательна в этом отношении приуроченность многочисленных палеолитических находок именно к районам известных в настоящее время и удобных для передвижения горных перевалов, проходов, долин и высокогорных впадин — равнин.

Г. Фильд, производивший неоднократные исследования в Ираке, обнаружил палеолитические находки в горных проходах Сулеймании, Ревандуза, Амадия, Акра и Зако. Он предполагает, что древний человек мигрировал из Центральной Азии в южном направлении вдоль восточной границы Персии, затем двигался в северном направлении через горные долины Хузистана и Луристана до тех пор, пока отмеченные проходы не привели его на месопотамскую равнину[4]. В северной Анатолии, как указывалось, древний человек сумел преодолеть при расселении горный проход близ Самсуна. В Сирии и Ливане, как указывает французский археолог Морис Перве, первобытные люди использовали для передвижения от морского побережья внутрь страны горные проходы Хама, Бедар (1800 м) и некоторые другие менее высокие южные проходы[5].

Отмеченные факты и анализ расположения остальных, известных в настоящий момент нижнепалеолитических памятников переднеазиатской

---

[1] В этой связи интересны данные об абсолютной высоте слагающих этот коридор возвышенных равнин и мест находок древнего палеолита близ Карса и в Армянской ССР. Равнина Харпута лежит на высоте свыше 900 м, Мушская равнина имеет среднюю высоту 1500 м, Алешкиртская впадина — 1650 м, гор. Сусуз на Карском плато расположен на высоте около 1600 м, палеолитические местонахождения, приуроченные к основанию Большого Богутлу (Армянская ССР),— на высоте 1500—1700 м и, в частности, местонахождение Сатани-дар—на высоте 1642 м. М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1950, стр. 17, 23.

[2] Дороги идут в обход горного хребта Агры-Даг: на востоке — через перевал Чингильский (2097 м), на западе — через проход Кара-Дербент. См. Б. Данциг. Турция. Москва, 1949, стр. 113; А. А. Стоянов. Отчет о геологических исследованиях, произведенных летом 1917 г. в Турецкой Армении. Изв. Геол. комитета, т. 37, № 1, 1918, стр. 337.

[3] А. Гукасов. Основные черты строения Армянского нагорья. Записки Кавк. отдела Имп. русск. геогр. об-ва, кн. XXII, вып. 1, Тифлис, 1901, стр. 29.

[4] Henry Field. The Iranian plateau race. Asia. Apr. 1940; его же. Search for missing link. Science News Letter, v. 58, № 5, 1950, стр. 75.

[5] M. Pervés. Notes sommaires de préhistoire Syro-Libanaise. Bulletin de la Société préhistorique Française, t. XVII, № 10, 11, 12, Paris, 1945, стр. 204; его же. La Préhistoire de la Syrie et du Liban. Syria, t. XXV. Paris, 1946—1948, стр. 120—121.

области позволяют, таким образом, предположить, что условия, благоприятствовавшие обитанию и передвижению отдельных групп человечества, существовали в предгорьях и простирающихся в широтном направлении многочисленных долинах горной дуги Загроса, в предгорьях Курдистана[1], в пределах Армянского нагорья, где между горными хребтами цепочками расположены обширные тектонические впадины, в горах Анатолии; важную роль при этом играли, очевидно, впадины озер Ван и Резайе (Урмия) и удобные горные проходы типа «ворот Загроса»[2], Хама, Самсунского и Битлисского.

В четвертичном периоде климат ряда областей Передней Азии (Сирийская пустыня, Северная Аравия) был, очевидно, значительно мягче. Открытие многочисленных нижнепалеолитических местонахождений в выжженных солнцем, безводных, почти необитаемых или совершенно безлюдных каменистых пустынях и на обширных лавовых полях юго-восточной Сирии, Трансиордании и северной части Саудовской Аравии свидетельствует о том, что в свое время этот район представлял собой влажную, изобилующую водоемами, плодородную равнину. Данные геологии подтверждают эти предположения[3].

Карта нижнепалеолитических памятников Передней Азии впервые ориентирует в вопросе об удобной для обитания территории в районе между Каспием и раннечетвертичным Персидским заливом. По мнению Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова, эта область была «центральной частью эйкумены в широтном направлении,... именно здесь было больше всего возможностей для встречи и скрещивания различных рас неандертальского человека»[4]. Названные авторы предполагают, что протяженность нижнепалеолитической эйкумены с севера на юг в этом районе не превышала двух тысяч километров.

Однако в литературе, главным образом в археологической, существует также представление о том, что в плейстоцене собственно Месопотамия была покрыта водами Персидского залива, северная часть которого находилась почти на широте современного Мосула[5].

Расположение памятников нижнего палеолита вне пределов Месопотамской низменности— вдоль окаймляющих ее предгорий Загроса и Армянского Тавра и вдоль северной оконечности Аравийского плато — как будто подтверждает эту точку зрения. В таком случае следует, очевидно, значительно сузить полосу этого, лежащего к югу от Каспия сухопутного моста. Ширина его, по-видимому, не превышала 500 км.

---

[1] Курдистанский хребет — водораздельный между впадинами Урмийского и Ванского озер (см. БСЭ, 2-е изд., т. 18, стр. 394).

[2] «Ворота Загроса»— удобный горный проход, лежащий между горами Курдистана и Загроса и ведущий с запада на территорию современного Ирана (см. «Страны Ближнего и Среднего Востока». М., 1944, стр. 207).

[3] H. Field. Early man in north Arabia. Natural History, v. XXIX, № 1, Jan.-Febr. 1929, стр. 33—37, 44; его же. Reconnaissance in Saude Arabia. Journal of the Royal Central Asia Society, v. 38, pts. 2—3, стр. 185—197; O. G. S. C. Palaeolithic axes from Transiordan. «Antiquity», v. VI, № 22, 1932, стр. 216—217.

[4] Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы...,стр. 415.

[5] Dorothy A. E. Garrod The near east as a gateway of prehistoric migration. Bulletin American school of prehistoric research, № 13, May 1937, стр. 17; Ralph S. Solecki. A paleolithic site in the Zagros mountains of northern Iraq, report on a sounding at Shanidar cave. Sumer, v. IX, № 1. Baghdad, 1953, стр. 73 По мнению H. W. Eliot, только за последние пять тысяч лет воды Персидского залива отступили на юг на расстояние не менее 250 км (см. Henry Ware Eliot. Excavations in Mesopotamia and Western Iran sites of 4000—5000 b. c. U. S. A., Cambridge, Mass., 1950, табл. 23). См. также Д. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 36.

Новейшие геологические исследования, произведенные на территории Месопотамии, вносят, однако, в это положение некоторые важные поправки. Г. М. Лиз и Н. А. Фалкон — авторы специальной работы, посвященной истории Месопотамской равнины, полагают, что даже в недавнем геологическом прошлом Персидский залив имел запутанную историю наступания и отступания моря. Многое из прошлого этого района остается неясным, однако авторы допускают, например, что человек эпохи палеолита был свидетелем таких грандиозных событий, как подъем уровня моря (на высоту до 300 футов) в результате таяния ледников в горах Армянского нагорья[1]. В таком случае, проявляя крайнюю осторожность, можно предположить, что Месопотамия лишь периодически заливалась водами и оказывалась непригодной для обитания. В этой связи чрезвычайно интересна гипотеза М. Перве о том, что некоторые особенности палеолита Верхней Месопотамии (Внутренняя Сирия) обусловлены именно указанными послеледниковыми половодьями. Для схемы культурно-исторического прошлого этого края характерно выпадение таких периодов, как леваллуа нижний, клектон, мезолит и др. В эти периоды, как предполагает М. Перве, Верхняя Месопотамия, ввиду таяния в горах ледников, превращалась в огромное непроходимое болото и население должно было временно покидать эту местность. Оставление и повторное заселение этого края людьми происходило неоднократно[2].

Можно не сомневаться, что со временем, по мере накопления новых археологических и естественно-научных данных, будут даны более определенные и палеогеографически обоснованные ответы на вопросы об очертаниях эйкумены и путях расселения древнейших людей в этом важнейшем районе «скрещения дорог» трех континентов.

Настоящее состояние изученности рассматриваемых вопросов позволяет лишь, как полагает автор, заключить данную статью следующим выводом.

Находки нижнего палеолита к северу от Армянского Тавра, в долине р. Мурат и близ Карса, а также в предгорьях Загроса и близ озера Резайе (Урмия) служат первыми связующими звеньями между сирийско-палестинской палеолитической областью и районом Курдистана, с одной стороны, и Закавказьем — с другой. Памятники нижнего палеолита Армении, Юго-Осетии и черноморского побережья Кавказа, в свою очередь, позволяют полнее представить картину заселения первобытным человеком территории нашей страны. Кроме того, они, возможно, намечают пути расселения древнейших людей в северном направлении, в направлении Кубани, Дона и Волги, где работами последних лет обнаружены первые остатки культуры ашельского человека[3].

---

[1] G. M. Lees a. N. L. Falcon. The geographical history of the Mesopotamian plains. The geographical journal, v. CXVIII, part I, London, 1952, стр. 24—39. См. также R. J. Braidwood. The Near East and the foundations for civilization. Oregon, 1952, стр. 13.

[2] M. Pervès. Notes sommaires..., стр. 206.

[3] С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XII; Г. П. Горецкий. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА, XVI, 1952; М. З. Паничкина. О работах по изучению палеолита на Волге. КСИИМК, вып. L, 1953.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

ВАЛЫ В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Вопрос о боспорских валах уже давно привлекает внимание исследователей. Это объясняется не только тем, что валы являются внешне яркими археологическими памятниками, но главным образом тем, что сооружение их очень тесно было связано с важнейшими событиями в истории Крыма.

Между тем среди исследователей нет единого мнения даже в вопросе о времени сооружения валов. Эти разногласия вполне понятны, поскольку детальному археологическому исследованию валы еще не подвергались. Их изучение является одной из важных задач археологического исследования Крыма. Но чем детальнее будет проделана предварительная работа по интерпретации имеющихся данных, тем плодотворнее будут предстоящие археологические изыскания. Поэтому мы считаем полезным остановиться на некоторых вопросах, касающихся боспорских валов, и особенно на вопросе о местонахождении вала Асандра, в связи с политической историей Крыма в I в. до н. э.

В настоящее время точно установлено наличие на Керченском полуострове двух валов: 1) Вал, проходящий в 4 км к западу от Керчи и отгораживающий крайнюю восточную часть Керченского полуострова; в литературе этот вал иногда называется Тиритакским. 2) Вал, проходящий в 30 км к западу от Керчи и отсекающий восточную часть Керченского полуострова по линии от Узунларского озера на юге до Азовского моря на севере. В литературе этот вал часто назывался Аккосовым (по старому названию деревни, около которой он проходит) или Узунларским.

В литературе имеются упоминания еще о двух валах. Об одном из них говорит И. Бескровный[1]; этот вал проходил западнее Тиритакского вала от Тобечикского озера на юге до Чокракского озера на севере. К. Э. Гриневич считает, что этот вал сооружен до 405 г. до н. э.[2] О другом вале сообщает К. Э. Гриневич[3] на основании рассказов местных жителей. Этот вал якобы проходил в самом узком месте Керченского полуострова, немного восточнее Феодосии. Однако разведка на местности,

[1] И. Бескровный. Древние валы у шоссе близ Керчи, ЗООИД, т. IX, стр. 443 и сл.; Р. В. Шмидт. К исследованию боспорских оборонительных валов, СА, VII, 1941, стр. 274.

[2] К. Э. Гриневич. Оборона Боспора Киммерийского на основании археологических материалов. УЗГТУ, 1947, № 7, стр. 58—60.

[3] Там же, стр. 61.

проведенная автором настоящей статьи, показала, что никаких следов этих валов в настоящее время не наблюдается. Если бы будущие археологические исследования подтвердили их существование, то была бы еще более подчеркнута роль валов в обороне Боспора на Керченском полуострове.

Перейдем к вопросу о первых двух валах.

Ближайший к Керчи вал идет от Азовского моря на юг, подходит к Золотому кургану, здесь делает изгиб по линии горного кряжа, пересекает Юз-Обу около 2-го Змеиного кургана и идет далее на юг к Тиритаке. При издании Древностей Боспора Киммерийского в середине прошлого столетия был снят план вала в районе Золотого кургана [1]. В 1924—1925 гг. вал обследовался К. Э. Гриневичем [2], составившим его план. В 1947 г. экспедицией ИИМК АН СССР были сделаны обмеры Золотого кургана и снят профиль вала [3].

С западной стороны вал имел глубокий ров. В настоящее время ров сильно заплыл землей, а вал распахан; тем не менее в наиболее сохранившейся его части с северной стороны Золотого кургана высота вала до сих пор достигает 3,50 м, глубина рва — 3,50 м. Ширину рва и вала трудно точно определить, но вместе их ширина составляет около 34 м. Несомненно, что в древности это было грандиозное сооружение, по-видимому, снабженное башнями. В основе его имелась каменная кладка-крепида [4].

По мнению большинства исследователей, Тиритакский вал относится ко времени Археанактидов [5]. Это подтверждается тем, что Нимфей лежит вне обороняемой валом территории, а Тиритака защищается им, а также наличием на скалистой гряде западнее Керчи, рядом с валом и даже за ним, курганов IV в. до н. э., возведение которых могло произойти только после того, как этот хребет перестал служить линией обороны [6].

Узунларский вал хорошо прослеживается на всем его протяжении; он идет извилистой линией с юга, от Узунларского озера, в древности представлявшего морской залив, на север, до Азовского моря, и имеет длину 35—36 км. Впервые вал исследовал И. Бларамберг в 1827 г. и отнес его сооружение ко времени Спартокидов [7]; он определил ширину вала в 28,4 м и установил наличие сложенной насухо каменной крепиды в основании вала, а также полукруглых башен [8].

В 1850-х годах были произведены новые исследования [9], вал был прорезан в 4 местах: в конечных пунктах и в середине. Невдалеке от Узунларского озера вал оказался сильно разрушенным; севернее он хорошо

---

[1] ДБК, план АВ, L.

[2] Бюллетень Керченской конференции археологов СССР, 1926, № 4; ВДИ, 1946, № 2, стр. 160.

[3] Бригадой, осуществлявшей эту работу, руководил автор статьи. Уточнение обмеров произведено им в 1950 г.

[4] К. Э. Гриневич. Оборона Боспора Киммерийского. ВДИ, 1946, № 2, стр. 161.

[5] F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase, t. V. Paris, 1943, стр. 240; А. Ашик. Воспорское царство, т. I, СПб., 1848, стр. 24; K. Neuman. Die Hellenen in Skythenlande, B. I, Berlin, 1855, стр. 499; К. Э. Гриневич. Указ. соч., стр. 163—164; Р. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 271; В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 101—102.

[6] К. Э. Гриневич. Указ. соч., стр. 164.

[7] И. Бларамберг. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. ЗООИД, т. II, стр. 10.

[8] Архив ИИМК, дело № 197 за 1852 г.

[9] ДБК, стр. 144; разрез вала — ДБК, план АВ.

сохранился. Раскопки подтвердили наличие каменной кладки, служившей опорой валу, однако датировка вала осталась неясной.

Исследования вала были вновь предприняты в 1926 г. в связи с раскопками кургана, стоявшего на линии вала[1]. Была определена высота вала — 6,39 м и наличие в нем проезда, обрамленного холмообразными возвышенностями с башнями. Курган, стоявший на валу, содержал погребения сарматского времени, что уже давало возможность отнести сооружение вала к досарматской эпохе. Находки фрагментов чернолаковой керамики IV—III вв. до н. э. позволили некоторым исследователям (К. Э. Гриневич, Ю. Ю. Марти) считать вал сооруженным ранее этого времени, в частности, К. Э. Гриневич[2] датирует его возникновение периодом от 405 г. до н. э. до завоевания Феодосии Спартокидами в первой четверти IV в. до н. э. Однако погребение с чернолаковой керамикой слишком неясно, чтобы только на основании таких фрагментарных данных датировать вал. Неясно и отношение этого погребения как к кургану, датирующемуся сарматским временем, так и к самому валу. Следует также иметь в виду, что период с 405 г. до н. э. до 380-х годов до н. э., когда совершилось присоединение Феодосии, ознаменован длительной наступательной войной Спартокидов против Феодосии, которая вряд ли могла сопровождаться постройкой огромного вала, требовавшей напряжения всех экономических возможностей небольшого в то время Боспорского государства.

Узунларский вал был обследован Боспорской экспедицией В. Ф. Гайдукевича в 1940 г.[3] и в 1951 г.[4] Было подтверждено, что вал идет по хребту возвышенности, строго следуя рельефу местности. На валу обнаружены холмики с культурным слоем — остатки сторожевых башен, одна из которых имела очень большие размеры. В одном месте в линию вала включено городище, являвшееся, видимо, узлом обороны и местом концентрации воинских частей.

В 1952 г. этот вал был обследован в районе селения Тасуново автором настоящей статьи. Ров сильно заплыл землей, а вал распахан, однако, несмотря на это, как ров, так и вал не только ясно видны, но и в настоящее время производят внушительное впечатление. Общая ширина вала и рва составляет 34 м; вал сохранился в этом месте на высоту 2,56 м, ров имеет глубину 2,00 м.

Вопрос о времени сооружения как Тиритакского, так и Узунларского валов очень сложен. Не раз уже высказывалось предположение, что оба вала имеют догреческое происхождение[5]. Геродот сообщает, что владения царских скифов на востоке доходили до «рва, который выкопали потомки слепых»[6], причем, по его словам, этот вал простирался «от Таврических гор до озера Меотиды, где оно наиболее широко»[7]. Эта локализация довольно точная. Совершенно прав Л. Д. Дмитров, выступая против предположения о «незнании» Геродотом Таврики, ее

---

[1] Ю. Ю. Марти. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею. Керчь, 1937, стр. 10; СА, VII, 1941, стр. 273.

[2] К. Э. Гриневич. Оборона... УЗГТУ, 1947, № 7, стр. 61.

[3] ВДИ, 1947, № 3, стр. 189, прим. 6.

[4] Доклад В. Ф. Гайдукевича в ИИМК АН СССР 17 марта 1952 г. К сожалению, материалы обследований не опубликованы.

[5] В. Д. Блаватский. Материалы по античной фортификации. УЗМГУ, 1950, № 143, стр. 144; В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 196.

[6] Herod., IV, 3, 20.

[7] Там же, 1, 3.

очертаний и ее конфигурации[1]. Заметим, что современное источниковедение убедительно доказало несостоятельность характерного для буржуазной науки конца XIX в. гиперкритического отношения к сведениям Геродота.

Основываясь на некоторых данных геологии и палеонтологии, Л. Д. Дмитров высказал предположение о геологическом и гидрографическом изменении северной части Крымского полуострова со времени Геродота[2]. Предположение, что во времена Геродота Сиваша у Перекопа не было или что он не соединялся тогда с Азовским морем, уточнило бы локализацию рва Геродота, простиравшегося «от Таврических гор до озера Меотиды, где оно наиболее широко». В этом случае вал следовало бы помещать где-то на Керченском полуострове.

Геродот имел в виду ров (и вал) на Керченском полуострове, причем он совершенно не связывал время сооружения рва с поселением здесь эллинов и рассматривал его как сооружение значительно более раннее, чем время посещения им Северного Причерноморья, ибо о рве сложились местные легенды. Можно сомневаться в деталях рассказа о слепых рабах, но нет оснований сомневаться в существовании рва (вала) на Керченском полуострове, построенного местным догреческим населением. Описание расположения рва у Геродота близко напоминает расположение не Тиритакского, а Узунларского вала.

В другом месте[3] Геродот говорит о скифах, живущих по «эту сторону рва» и переправляющихся в землю синдов. Из текста ясно, что речь идет о событиях, современных Геродоту, когда вал оборонялся уже боспорцами, и скифы вынуждены были обходить его, видимо, с юга[4]. Это положение соответствует эпохе Археанактидов, когда Синдика еще не была подвластна Боспору и скифы совершали туда переходы. Несомненно, в этом случае имелся в виду Тиритакский вал. На догреческое происхождение этого вала указывает также включение в него Золотого кургана, мощная полигональная кладка крепиды которого свидетельствует о значительной ее древности и о связи всей постройки с киммерийской культурой.

Произведенные в 1947 г. обмеры показали[5], что Золотой курган имеет в плане форму овала с осями 83 и 67 м. Он был обнесен крепидой из огромных, грубо подтесанных блоков, сложенных насухо. В настоящее время крепида лучше сохранилась в двух местах: 1) на юго-востоке, участок длиною 14 м и высотою 4,5 м (шесть рядов блоков); 2) на западе, участок длиною 31 м и высотою 4 м (четыре ряда блоков). П. Дюбрюкс[6] сообщает, что в его время высота крепиды достигала 5,5 сажени и имела до 14 рядов блоков. Это заставляет думать, что крепида Золотого кургана не являлась простой, укрепляющей курган обкладкой, а служила стеной укрепленного пункта. Золотой курган входит органической частью в систему вала и рва, причем он представляет в этой системе господствующий узловой пункт. Если мы вспомним сообщение Геродота о существовании на Боспоре киммерийских укреплений (Κιμμέρια

[1] Л. Д. Дмитров. Перекоп. Киев—Львов, 1940, стр. 44.
[2] Там же, стр. 22—26.
[3] Herod., IV, 28.
[4] В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. ВМГУ, 1948, № 8, стр. 14—15.
[5] Там же, стр. 14, прим. 5.
[6] П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Епикальского маяка до горы Опук включительно при Черном море. ЗООИД, т. IV, стр. 30.

τεῖχεα)[1], то напрашивается предположение о том, что в их число входила крепида Золотого кургана и идущий от нее вал. Возможно, что стены Золотого кургана древнее вала, который был подведен позднее к этим стенам. Не случайно конечные пункты обоих валов на юге связаны с поселениями, имеющими не греческое, точнее — догреческое, название — Тиритака и Киммерик[2].

Итак, по-видимому, оба вала имеют догреческое происхождение. Боспорское государство воспользовалось этими валами для защиты своей территории. Тиритакский вал был, вероятно, обновлен; это могло произойти только после 480 г. до н. э. в результате создания Боспорского государства, ибо отдельным необъединенным городам такое мероприятие было непосильным. Возобновление древнего вала было, возможно, одним из первых мероприятий общегосударственного значения, предпринятых объединившимися городами, ибо само это объединение диктовалось в большой мере военно-стратегическими задачами. Поэтому правильно рассматривать Тиритакский вал как действующую оборонительную линию Боспорского государства времени Археанактидов.

Мы считаем правильным мнение[3] о том, что слова Страбона «Киммерик был прежде город, построенный на полуострове и замыкавший перешеек рвом и валом»[4], относятся к Киммерику и валу на Керченском полуострове, а не к Киммерику и рву на Фонталовском полуострове азиатской стороны Боспора, поскольку Узунларское озеро было в древности заливом и район горы Опук с городом Киммериком, действительно, находился на полуострове; Киммерик же на таманской стороне был, видимо, небольшим селением, причем совсем не замыкавшим полуострова и не связанным со рвом и валом; «вал» на востоке Фонталовского полуострова представляет собою, видимо, остатки гидротехнического сооружения[5] пока еще неизвестного времени.

Нам представляется, что Узунларский вал был укреплен и использован боспорцами при первых Спартокидах, до начала войны с Феодосией. Укрепленный вал охранял тыл государства, готовящегося к войне, на случай нападения скифов из крымских степей. Этот вал несомненно должен был играть выдающуюся роль позднее, во II в. до н. э., в период натиска скифского государства Скилура и Палака на греческие города в Крыму.

Если справедливо положение о догреческом происхождении обоих валов, то постройка их могла быть осуществлена только киммерийцами, причем сначала был сооружен Узунларский, а затем Тиритакский вал. Эта последовательность должна была отражать сокращение киммерийской территории в Крыму под натиском скифов с запада. Страбон говорит, что «киммерийцев изгнали скифы, а скифов эллины»[6]. В другом месте Страбон говорит о киммерийцах «некогда господствовавших на Боспоре»[7]. Не случайно, что сведения о киммерийцах, дошедшие до нас, связываются в основном с районом Керченского пролива.

---

[1] Herod., IV, 12.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги... стр. 191.

[3] Р. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 272; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 186.

[4] Strab., XI, 2, 5.

А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. Труды этнографо-археологич. музея I МГУ, 1927, II, стр. 36 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 207—208.

[6] Strab., XI, 2, 5.

[7] Там же, VII, 4, 3.

Видимо, под натиском скифов киммерийцы сосредоточивались в этом районе; этот период и отражен в сообщениях греческих писателей.

Позднее греки боспорских городов использовали эти валы в обратной последовательности,— сначала восточный, потом западный. Наблюдаемые в наше время остатки валов, несомненно, являются боспорской переделкой; их верхние части, по-видимому, неоднократно обновлялись боспорцами.

Еще Дюбуа де Монпере высказал предположение о том, что валы представляли собой оформление границы Боспорского государства. С тех пор это мнение повторялось многими исследователями [1]. Нам, однако, представляется, что прав В. Ф. Гайдукевич, который не связывает валы с точной границей государства [2]. Действительно, валы были столь дорогостоящими сооружениями, что не могли успевать за вероятными колебаниями границ. Тем более, что линии валов были уже ранее созданы. Они могли только в общих чертах обрисовывать основные территории государства. Валы — это прежде всего долговременные линии стратегической обороны, которые могли выполнять свою роль, находясь в глубине государственной территории. Они призваны были защищать важнейшую и наиболее населенную часть Боспорского государства, территорию его столичной области [3]. Валы имели большее, чем другие сооружения, значение для всего государства; особенно они были важны для обороны сельских территорий, производящих хлеб, от набегов степняков. Нам известно, сколь важную роль играли производство и торговля хлебом в экономике Боспора.

Конечно, валы не были безусловной гарантией от проникновения кочевников; длинную линию обороны трудно было удерживать против крупных массированных сил противника, тем более что зимою валы можно было обойти по льду Азовского моря, а ближайший к Пантикапею вал можно было иногда обходить и с южной стороны. Поэтому использование валов не исключало необходимости создавать вокруг городов и селений мощные оборонительные стены. Но валы предохраняли боспорскую территорию от постоянных набегов небольших конных групп кочевников, а в случае большой войны они могли служить исходной линией для наступательных операций, местом сосредоточения войск. При обороне на них могло быть дано первое решительное сражение.

Вопрос о вале, построенном боспорским правителем Асандром (47—17 гг. до н. э.), так же как и вопрос о двух рассмотренных валах, вызвал ряд противоречивых мнений и до настоящего времени остается нерешенным.

Среди вопросов, связанных с Тиритакским и Узунларским валами, главным является вопрос о времени их сооружения. В отношении вала Асандра дело обстоит по-иному: время сооружения хотя бы в пределах трех десятилетий известно, но местонахождение спорно.

Если рассмотренные два вала имеют догреческое происхождение и во всяком случае у нас нет данных приписывать их постройку исключительно боспорцам, то вал Асандра был построен несомненно боспорцами. О существовании вала или стены Асандра мы знаем от Страбона, который при описании Херсонеса Таврического касается вопроса о положении северных номадов. Сказав, что номады «не начинали бы войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы», Страбон далее сообщает: «А не

[1] Напр., К. Э. Гриневич. Оборона... УЗГТУ, 1947, № 7, стр. 58.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги..., стр. 190—191; его же. Доклад в ИИМК АН СССР, 17. III 1952 г.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 185.

платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению. Так, по словам Гипсикрата, поступил Асандр, отгородивший стеною перешеек Херсонеса у Меотиды длиной в триста шестьдесят стадиев и поставивший по десяти башен на каждой стадии»[1].

Со времени Палласа в исторической науке принято локализовать вал, построенный Асандром, на перешейке между Феодосией и Арабатской стрелкой. Паллас[2] довольно подробно описывал гряду каменистых холмов, среди которых он якобы различал стены и башни. Эту гряду холмов принимали за остатки стены также Кларк, Муравьев-Апостол, Дюбуа де Монпере[3]; согласно их рассказам, здесь был вал со рвом и круглыми башнями. Поскольку подробных археологических и топографических исследований так называемого «феодосийского вала» не производилось, то его существование признавалось вплоть до 1950-х годов. Считалось, что вал Асандра был построен на линии Феодосия — Арабатская стрелка[4], что это была третья, считая от Пантикапея, линия обороны и что создание ее отражало расширение границы Боспорского государства в I в. до н. э. Правда, иногда оговаривалась неизученность этого вала.

Видимо, неточность и сомнительность сведений Палласа, Кларка и других заставила еще Кёлера[5] выдвинуть предположение о местонахождении Асандрова вала на самой Арабатской стрелке. Однако это предположение лишено всякого основания, ибо постройка вала на Арабатской стрелке в военном отношении являлась бы совершенно непонятным мероприятием.

В исторической литературе высказывалось и иное предположение — о том, что вал Асандра был построен на Перекопском перешейке. Это предположение основывалось на высказываниях Страбона, однако оно осталось почти незамеченным, по-видимому, потому, что авторы этой гипотезы не привели развернутых доказательств. Так, автор «Карты полуострова Таврического и окололежащих мест, сочиненной по известиям греческих писателей древних и средних времен», К. И. Габлиц «стену Асандра» располагает немного к западу от гор. Тафрос, лежавшего на перешейке. Такого же взгляда придерживался польский историк М. Грабовский в середине прошлого столетия[6]. Позднее Э. Миннз также предположительно помещал Асандров вал на линии, проходившей от Каркинитского залива через Перекоп к Азовскому морю у гор. Геническа[7]; однако и он не развернул своих соображений.

В 1940 г. вышла книга Л. Д. Дмитрова о перекопском рве и вале, в которой автор собрал значительный материал по вопросу об исторических судьбах Перекопского перешейка с древнейших времен до 1920 г.,

---

[1] Strab., VII, 4, 6.

[2] P. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793—1794. Leipzig, Bd. II, S. 264; Р. В. Шмидт. К исследованию..., стр. 274.

[3] E. Clarke. Voyages en Russie, en Tatarie et en Turquie, v. II, 1813, p. 301; Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде, стр. 256; F. Dubois de Montpereux. Указ. соч., т. II, стр. 239.

[4] См., например, В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 185—186, 189; его же. ВДИ, 1947, № 3, стр. 190—191; П. Н. Шульц. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 56, рис. 2; К. Э. Гриневич. УЗГТУ, 1947, № 7, стр. 61; В. Д. Блаватский. УЗМГУ, № 143, стр. 144.

[5] Köhler. Gesammelte Schriften, II, Serapis, t. II, SPb., 1850, стр. 140.

[6] Л. Д. Дмитров. Перекоп, стр. 49 и прим. 7 на стр. 101.

[7] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 16 и 592.

когда славная Красная Армия осуществила свой знаменитый штурм Перекопа. В разделе о Перекопском перешейке по географии Страбона Л. Д. Дмитров ограничивается главным образом приведением основных положений Страбона, причем далеко не всех, и суммарной характеристикой различных мнений о местонахождении вала Асандра. Он отказывается дать прямой ответ на вопрос о местоположении вала, но, судя по тому, что он критикует мнение тех, которые относят вал Асандра к Перекопскому перешейку, автор отрицает местонахождение вала Асандра в этой части Крыма[1].

В. Д. Блаватский в своей новой работе о военном деле в античных государствах Северного Причерноморья[2], говоря о стене Асандра, не касается вопроса о ее локализации.

Р. В. Шмидт в специальной статье, посвященной боспорским оборонительным валам, помещает вал Асандра на линии Феодосия — Арабатская стрелка[3]. По-видимому, такого же мнения придерживается и Б. Н. Граков, отмечающий в своей последней работе, что Асандр «усилил новым валом оборону на Керченском полуострове»[4].

Между тем исследованиями ленинградского географа И. И. Бабкова в последние годы выяснено, что вала в районе Феодосии не существовало[5]. То, что принималось ранее за вал, оказалось просто грядою каменистых холмов Парпачского хребта, которые по внешнему виду можно было принять за развалины стен и башен. Старое представление о вале оказалось разрушенным. Вновь встает вопрос о локализации Асандрова вала.

Обратимся к Страбону, от которого мы только и знаем о существовании вала Асандра. Заметим, что сведения, сообщаемые Страбоном со слов амисского историка Гипсикрата, исключают всякие сомнения в самом факте постройки вала Асандром. Страбон являлся одним из наиболее осведомленных о Северном Причерноморье писателей своего времени, а Гипсикрату, старшему современнику Страбона, как жителю Амиса, должны были быть хорошо известны боспорские события, современником которых он являлся.

Страбон указывает, что Асандр отгородил стеною «перешеек Херсонеса у Меотиды» (ἀποτειχίσαντα τὸν ἰσθμὸν τῆς Χερρονήσου τὸν πρὸς τῇ Μαιώτιδι)[6]. Херсонесом он называет весь Крымский полуостров, говоря, например, что «Большой Херсонес и по виду и по величине похож на Пелопоннес»[7]. Особенно это ясно из следующего места: «Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом...» Область херсонеситов Страбон называет Малым Херсонесом, составляющим «часть большого Херсонеса» и имеющим на себе город, «носящий одинаковое с полуостровом название»[8]. Название Херсонеса никогда не применялось греческими писателями к Керченскому полуострову. Напомним описание Крымского полуострова другим выдающимся географом антич-

[1] Л. Д. Дмитров. Перекоп., стр. 49.
[2] В Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 155.
[3] Р. В. Шмидт. К исследованию... стр. 278.
[4] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 1954, № 36, стр. 29.
[5] Доклады П. Н. Шульца и В. Ф. Гайдукевича 17 марта 1952 г. на археологической конференции ИИМК АН СССР.
[6] Strab., VII, 4, 6.
[7] Там же, 4, 5.
[8] Там же, 4, 2.

ного мира, Клавдием Птолемеем: «Границы Херсонеса Таврического составляют: перешеек, простирающийся от Каркинитского залива до озера Бики (Сиваш.— *Н. С.*), затем последовательно берега Понта, Киммерийского Боспора и Меотийского озера»[1].

Из всего описания Страбоном берегов Понта следует, что под перешейком, на котором построен вал, он подразумевает Перекопский перешеек. Описание берегов Черного моря ведется им с запада на восток. Сообщив географические сведения о Борисфене, Ахилловом беге, о Каркинитском заливе, он говорит: «здесь находится перешеек шириной в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским»[2]. Только после этого Страбон идет далее по линии берега и описывает все Крымское побережье и другие области Таврики. Описывая путь из Боспора Киммерийского «если плыть до Танаиса по левой стороне Меотиды», Страбон прибавляет, что «на этом пути вдоль берега находится и перешеек»[3]. Таким образом, Страбон повсюду называет «перешейком» Перекоп; при локализации вала Асандра, если бы он отгораживал Керченский полуостров, Страбон должен был бы применить другое обозначение.

Мы привели сведения Страбона, касающиеся географии Крымского полуострова в связи с местоположением вала Асандра.

Исторические события I в. до н. э., хотя и недостаточно нам известные, могут все же подтвердить факт постройки вала Асандром именно у Перекопского перешейка.

То, что весь Крымский полуостров в конце II в. до н. э. оказался подвластным Митридату Евпатору, не вызывало сомнений исследователей[4].

Несмотря на общий хвалебный тон херсонесского декрета в честь Диофанта[5], вряд ли можно отрицать сообщаемые в нем факты о разгроме скифского войска, о занятии главных скифских городов и о подчинении крымских скифов Митридату. В декрете говорится: «вышло так, что почти все скифы стали подвластны царю Митридату Евпатору». Это полностью соответствует сообщению Страбона о том, что Митридат «силою подчинил их (скифов.— *Н. С.*) себе, и в то же время сделался правителем Боспора»[6]. Э. И. Соломоник[7] пишет, что после войн Диофанта Боспор и Херсонес не победили окончательно своих врагов. С этим можно согласиться только в том смысле, что не все владения Скифского царства были захвачены Митридатом и что в дальнейшем крымские скифы вновь обрели самостоятельность. Однако после побед Диофанта основная территория Скифского царства, то есть Крымский полуостров, оказалась под властью Боспора, поскольку Митридат стал боспорским царем. Притязания Митридата простирались далее Крыма, его власть были вынуждены признать Ольвия, ранее подчинявшаяся Скилуру и

[1] Ptol., III, 6, 1.
[2] Strab., VII, 4, 1.
[3] Там же, 4, 5.
[4] В. В. Латышев. PONTIKA, СПб., 1909, стр. 96; М. И. Ростовцев. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи, сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 8; С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 117.
[5] I Ó S P E, 1², 352; перевод С. А. Жебелева (см. Северное Причерноморье, 1953, стр. 95, 98—99).
[6] Strab., VII, 4, 3.
[7] Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Сев. Причерноморья. Археология и история Боспора, сб. статей. Симферополь. 1952, стр. 126.

Палаку, и города Западного Понта. Страбон прямо говорит, что Митридат стал воевать со скифами, желая идти на варваров, живущих выше перешейка [1].

Закончив описание берегов Крыма, Страбон характеризует высокую плодородность равнин всего полуострова и при этом указывает, что жители этих равнин «давали в дань Митридату 180 000 медимнов хлеба и двести талантов серебра вместе с азиатскими местечками возле Синдики» [2]. Здесь нет сомнений, что давали дань Митридату жители всего полуострова, в том числе степного Крыма, поскольку далее Страбон противопоставляет «этих самых жителей полуострова» [3] народам, жившим выше их, за перешейком.

П. Н. Шульц в своей работе о мавзолее Неаполя достаточно осторожно подходит к характеристике положения крымских скифов в I в. до н. э Он пишет, что «скифское государство и его столица Неаполь Скифский сравнительно быстро восстановились после тяжелых поражений, нанесенных скифам иноземными войсками Митридата Понтийского во главе с полководцем Диофантом и херсонесскими войсками. Скифское государство и его столица, как показали раскопки, вновь окрепли в первые века нашей эры» [4]. Однако П. Н. Шульц считает, что в херсонесском декрете степень поражения скифов преувеличена; разрушения, нанесенные Неаполю греками, были не так уж велики и жизнь в городе после войны скифов с Херсонесом не прерывалась и продолжалась как в I в. до н. э., так и в первые века н. э. [5] Но, во-первых, нужно еще доказать, что степень поражения скифов в херсонесском декрете преувеличена и сделать то же самое по отношению к данным Страбона. Во-вторых, тот факт, что разрушения в Неаполе не были столь велики и жизнь в городе не прерывалась в I в. до н. э., никак без дополнительных данных не может являться свидетельством государственной независимости крымских скифов. Мы не вправе связывать установление любой политической зависимости определенной части народа и территории с обязательным разрушением городов и прекращением жизни на этой территории.

Б. Н. Граков [6] считает, что Диофант не достиг полного разгрома Скифского царства, что скифы сохранили свою политическую независимость и на территории Крыма, что «реальность победы была очевидна, но это было не более, чем утверждение на приморских границах Скифского царства» [7]. В качестве главного аргумента в пользу мнения о неполном разгроме скифов и Скифского царства Б. Н. Граков выдвинул мысль о том, что «Митридат не мог быть фантазером в такой степени, чтобы надеяться захватить всю территорию царства» [8]. Однако это мнение расходится с данными Страбона и Аппиана. Митридат лелеял планы захвата не только скифских, но гораздо бо́льших территорий, в том числе мечтал даже о победе над Римом.

Из херсонесского декрета в честь Диофанта следует, что война против скифов была тяжелой и довольно длительной. Победа Диофанту досталась в результате напряженной борьбы и повторных сражений, но в конце концов все главные опорные пункты скифов в Крыму были

[1] Strab., VII, 4, 3.
[2] Там же, 4, 6.
[3] Там же.
[4] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, 1953, стр. 8.
[5] П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 56, прим. 12.
[6] Б. Н. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 27; его же. Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, стр. 29.
[7] Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 29.
[8] Там же.

заняты, хотя Скифское государство, по-видимому, продолжало существовать на ограниченной, но все же значительной территории от Буга до Каркинитского залива, северо-западнее Перекопского перешейка[1].

При этом, несомненно, скифы в Крыму сохранились как единый этнический массив, сохранили свои традиции. Об этом в известной степени может говорить тот факт, что вскрытые археологическими раскопками сооружения Неаполя Скифского I в. до н. э. не обнаруживают следов полного разрушения. Крымские скифы сохранили возможность и стремление к восстановлению самостоятельности и объединению со скифским политическим организмом южно-приднепровских степей.

Судя по тому, что жители полуострова платили дань Митридату хлебом и деньгами, подчиненное положение скифов в Крыму продолжалось значительное время. Но какое? К сожалению, наши источники дают ничтожные сведения об истории Крыма в первой половине I в. до н. э., но некоторые предположения можно все же сделать.

В 80-х годах до н. э., во время первой войны Митридата с Римом (89—84 гг. до н. э.), Боспор отложился от Митридата, используя затруднительное положение последнего. Митридат, проведя серьезные приготовления[2], начал войну против боспорцев и, по словам Страбона, его полководец Неоптолем «в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой в конном»[3]. Господство Митридата над Боспором оказалось тяжелым для последнего; Боспор был втянут в большую политику понтийского царя, что не могло не подрывать его экономического развития. Боспорская рабовладельческая аристократия, согласившаяся на верховное правление Митридата в минуту крайней опасности, вызванной напором скифов и восстанием Савмака, затем стала тяготиться господством чужеземного правителя, желая сама воспользоваться всеми выгодами политического господства над Таврическим полуостровом.

В период боспорского восстания против Митридата крымские скифы, видимо, также воспользовались подходящей ситуацией и отложились от Боспора. Однако Митридату вновь удалось овладеть Боспором, поскольку сын Митридата Махар, назначенный им боспорским наместником, оставался в следующие годы правителем Боспора[4]. По-видимому, полного подчинения крымских скифов Боспору Махар не добился. Вероятнее всего, Митридат заключил с ними договор, по которому формально скифы могли именоваться союзниками Митридата, но фактически сохраняли политическую зависимость. О последнем могут говорить интриги скифских начальников[5] в войске Митридата в начале 70-х годов до н. э., видимо, недовольных своим положением. Трудно также представить себе, чтобы Митридат мог примириться с полной независимостью скифов, ранее ему подвластных. По сведениям Аппиана, Митридат в период своего пребывания на Боспоре в 60-х годах до н. э., не доверяя собранной армии, стал требовать войска у скифских дина-

---

[1] Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 174.

[2] App. Mithr., 64.

[3] Strab., II, 1, 16; VII, 3, 18. В исторической литературе нет согласия в том, к какому времени относить эти победы Неоптолема. С. А. Жебелев, Б. Н. Граков, В. Д. Блаватский и др. относят их к 90-м годам I в. до н. э. Нам представляется, что более прав В. Ф. Гайдукевич, определенно приурочивающий их к 80-м годам до н. э. (Боспорское царство, стр. 305).

[4] App. Mithr., 78, 83.

[5] Там же, 79, 80.

стов[1], видимо, считая их обязанными прислать войска. Правда, мы не можем утверждать, что это относилось именно к крымским скифам. Митридат обеспечивал в это время стратегический план похода на Рим союзом со многими европейскими и северо-причерноморскими племенами[2]. Необходимо отметить также, что термин «скифы» Аппиан применяет очень неточно; так, кавказские племена отнесены им к «скифским»[3].

Такой статус, как нам представляется, скифы сохраняли в период от 80—79 гг. до н. э. до времени столкновения Фарнака с Асандром в 47 г. до н. э. В 70 и 60-х годах крымские скифы, по-видимому, вели лояльную политику по отношению к Боспору, они не приняли участия в междоусобной борьбе 63 г. до н. э., что позволило им собраться с силами. Боспор, со своей стороны, также не осуществлял давления на скифов, довольствуясь признанием зависимости или союзом. Так продолжалось и при Фарнаке. Со стороны крымских степей Фарнак, очевидно, не видел угрозы, о чем говорит тот факт, что он вел военные действия против Фанагории, дандариев[4] на Кавказе, откуда начал большую войну с римлянами.

Положение резко изменилось со времени поражения Фарнака в Азии и захвата власти на Боспоре Асандром. Фарнак, вернувшийся в Крым, собирает против Асандра, по словам Аппиана, «каких-то скифов и сарматов»[5]. Несомненно, здесь имеются в виду крымские скифы и проникавшие в Крым сарматы-кочевники. Выражение Аппиана дает понять, что крымские скифы не представляли строго организованной силы, но они уже достаточно окрепли за предыдущие несколько десятилетий, чтобы вновь осуществить вмешательство в боспорские дела.

Фарнак был разбит Асандром. Вокруг Асандра объединилась местная боспорско-меотская рабовладельческая аристократия, давно тяготившаяся чужеземным правлением. Центральная власть Боспорского государства укрепляется. Освобождение от налогов в пользу понтийского царя дало возможность направить средства на укрепление войска и на оборону.

Все дошедшие до нас сведения о Боспоре периода правления Асандра говорят о резком усилении военной мощи и укреплении внешнеполитического положения Боспорского государства. Вслед за разгромом Фарнака был разбит Митридат Пергамский, что означало провал попыток римлян отстранить Асандра от власти. Асандр одерживает какие-то морские победы, о чем говорит изображение Ники и носа корабля на его монетах, а также надпись в честь Посейдона Сосинея и Афродиты Наварх иды[6] на статуе, поставленной навархом Панталеоном. По-видимому, победы Боспора при Асандре отразились в изображении Лукианом Асандра, который якобы до глубокой старости не уступал никому в пешем и конном бою[7]. Наконец, Асандр отбрасывает номадов и строит вал. Именно Асандр вновь подчиняет своей власти весь Крымский полуостров. Для этого имелся подходящий предлог, поскольку скифы и сарматы выступили на стороне его врага — Фарнака. Это могло произойти непосредственно в ходе борьбы с последним. Защита новых владений от набегов кочевников обусловила постройку вала на перешейке.

---

[1] App. Mithr., 108.
[2] Там же, 57, 108, 112.
[3] Там же, 102.
[4] Strab., XI, 2, 11.
[5] App. Mithr., 120.
[6] IOSPE, II, 25.
[7] Lucian. Μακρόβιοι, 17.

К этому периоду в основном и относятся сообщения Страбона о том, что весь Крымский полуостров входил в состав Боспора. Действительно, Страбон говорит: «Большой Херсонес и по виду и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские повелители, после того как он весь сильно пострадал от беспрерывных войн». Не ограничиваясь этим, Страбон уточняет: «Раньше боспорские тираны владели лишь небольшой областью при устье Меотиды и при Пантикапее до Феодосии, а наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров»[1]. Из всего текста Страбона, касающегося исторических событий в Крыму в I в. до н. э., можно заключить, что в центре его внимания находились события периода от смерти Митридата до конца правления Асандра. Это вполне понятно, поскольку Страбон зависел от своих источников и в основном, видимо, базировался на Гипсикрате, который уже не мог знать событий конца I в. до н. э. Поэтому несомненно, что под «беспрерывными войнами», после которых Крымским полуостровом стали владеть «боспорские правители», Страбон имеет в виду войны от конца 60-х до 40-х годов до н. э. Политические события в Крыму после правления Асандра мало известны Страбону. Правда, о Полемоне Страбону известно, по-видимому, больше в связи с малоазийскими событиями. Касаясь Танаиса, Страбон говорит, что «его недавно разрушил царь Полемон»[2], тем самым отделяя время Полемона от всего предшествующего изложения.

Страбон, описав борьбу скифов против Херсонеса, связанную с осадой херсонесского укрепления Ктенунта, говорит, что «теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне»[3]. Но в представлении Страбона Боспорское царство было подчинено власти римлян со времени гибели Митридата Евпатора[4]. Тут же Страбон сообщает: «Большая часть его (т. е. Боспорского царства.— *Н. С.*) лежит в Европе, но некоторая и в Азии»[5]. Под «большей частью» здесь, несомненно, имеется в виду весь Крымский полуостров, ибо азиатские владения Боспора по территории больше Керченского полуострова, но меньше всего Крыма[6]. Важно отметить также, что Страбон называет Фарнака, Асандра и Полемона «последними по времени правителями Боспора»[7], из чего ясно, что овладение всем Крымским полуостровом боспорскими царями относится ко времени не позднее Полемона. Между тем Полемон вряд ли мог осуществить завоевание всего полуострова, поскольку ему приходилось безуспешно бороться за укрепление своей власти на Боспоре.

Можно предположить, как делают некоторые исследователи, что скифское царство в I в. до н. э. утеряло только часть своей территории в Крыму[8]. Однако это соображение не находит убедительных аргументов. Нельзя считать случайным тот факт, что ни древние авторы, ни надписи не сообщают никаких данных о самостоятельной активной политической роли крымских скифов, об их государстве именно в период от походов Диофанта в конце II в. до н. э. до послеасандровского времени, в то время как скифское государство и активные самостоятельные действия скифов нам

---

[1] Strab., VII, 4, 5.
[2] Там же, XI, 1, 3.
[3] Там же, VII, 4, 7.
[4] Там же, VII, 4, 4; мы здесь не ставим вопроса, достаточно освещенного в литературе, о преувеличенной роли римлян в истории Боспора.
[5] Там же.
[6] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Сев. Причерноморья, стр. 45.
[7] Strab., XI, 2, 11.
[8] Э. И. Соломоник. О скифском государстве... стр. 126; Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 25, 29.

хорошо известны во II в. до н. э., кое-что известно нам и о скифах в конце I в. до н. э. и I—II вв. н. э.

Уместно напомнить, как Б. Н. Граков объясняет отсутствие в наших источниках достаточных сведений о приднепровских скифах с конца IV в. и до начала II в. до н. э. Б. Н. Граков говорит: «Естественно, что с перенесением центра в Крым мы услышим больше о событиях, связанных с ним, нежели с Нижним Приднепровьем и Ольвиею»[1]. Продолжая его мысль, мы можем дать объяснение крайней скудости сведений о скифах в Крыму I в. до н. э. тем, что Крым перестал в это время быть центром Скифского царства и политически был связан с Боспором, значительное время находясь в прямом ему подчинении.

Важным подтверждением местонахождения вала Асандра в районе Перекопского перешейка является то, что Асандр построил его против номадов, не желая платить им дани. Этих номадов Страбон локализует севернее Крыма, за перешейком, ибо говорит, что Херсонес «за исключением горной области, на морском берегу до Феодосии... представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом», причем «эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами, вследствие того что народы, обитавшие выше их, были номады», а эти номады «занимаются больше войной»[2].

Под «номадами», живущими выше перешейка, Страбон подразумевает, несомненно, главным образом сарматов. Он указывает, что между Танаисом и Борисфеном живут роксаланы[3]. О том, что в вышеприведенном отрывке под номадами Страбон понимает именно роксалан, говорит непрерывность начатого рассказа о роксаланах и определение мест кочевий этих номадов («зимою в болотах Меотиды, а летом на равнинах»), совпадающее с ранее данной им локализацией роксаланов[4].

Таким образом, Страбон противопоставляет крымских оседлых жителей-земледельцев, несомненно скифов, номадам, имея в виду главным образом и непосредственно роксаланов. Действительно, как уже не раз указывалось в исторической литературе[5], с IV в. до н. э. в крымских степях проживало оседлое население. Сообщения античных писателей о локализации сарматов-роксалан и противопоставление оседлого населения Крыма кочевникам-роксаланам подкрепляются археологическими данными, согласно которым в степях севернее Крыма обнаружены сарматские погребения II—I вв. до н. э.[6], а в Крыму собственно сарматские погребения почти не прослеживаются.

Суммируя вышеприведенные данные, можно сделать вывод о том, что весь Крым при Асандре входил в Боспорское государство, поэтому Асандру строить вал на Керченском полуострове не было никакой необходимости. Со стороны собственно Крымских степей Асандр не мог ожидать серьезной опасности. Зато чрезвычайно усилилась опасность вторжения сильных сарматских племен с севера, из приазовских степей из-за перешейка. Поэтому Асандр строит вал или стену в районе Перекопа, по-видимому, преследуя двойную цель: отразить натиск сарматов и скифов с севера и предотвратить объединение их с крымскими скифами, ожидав-

[1] Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 27.

[2] Strab., VII, 4, 6.

[3] Strab., VII, 3, 17; К. Ф. Смирнов. О погребениях роксалан, ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—214.

[4] Strab., VII, 3, 17.

[5] Б. Н. Граков. Скіфи, стр. 74; его же. Каменское городище, стр. 21; М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму, ВЛГУ, 1948, № 8, стр. 57 и сл.; А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 37.

[6] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксалан, стр. 213—219.

шими возможности вернуть себе прежнюю самостоятельность. При Асандре такой возможности не представилось. Последующие политические события на рубеже новой эры в Боспоре, борьба претендентов на боспорский престол позволили крымским скифам восстановить свою независимость, воссоздать Скифское царство, правда, не сразу и уже не в тех размерах, какие оно имело в III—II вв. до н. э. Херсонес же долгое время и после Асандра находился под властью Боспора.

Отпадение крымских скифов от Боспора совершилось в ближайшие годы после смерти Асандра, о чем говорит херсонесская надпись[1] в честь Полемона (14—8 гг. до н. э.), в которой Полемон назван «спасителем херсонесцев». Наиболее вероятно, что это отпадение произошло в годы правления Полемона, когда против него выступила Динамия, поднялось восстание на азиатской стороне Боспора и в Танаисе. Это время было благоприятным для отпадения скифов. Характерно, что как только положение на Боспоре несколько стабилизировалось и центральная власть в правление Аспурга окрепла, была осуществлена попытка возврата всех крымских владений. Об этом говорит боспорская надпись в честь царя Аспурга (11—38 гг. н. э.), «подчинившего (ὑποτάξαντα) скифов и тавров»[2].

Одним из аргументов, выдвигаемых в пользу того, что вал Асандра был построен не на Перекопском перешейке, является видимое несоответствие цифр Страбона и протяженности перешейка. Страбон определяет ширину перешейка в 40 стадиев (7,5 км), что соответствует наиболее узкой части Перекопа, а длину стены Асандра в 360 стадиев (т. е. около 67 км). Но у древних само представление о ширине Перекопского перешейка («перешейка у Меотиды») было разным, по-видимому, в зависимости от тех точек, которые считались определяющими, или от ошибки одного из авторов. Это отражено у Страбона, который говорит: «Здесь находится перешеек шириною в 40 стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна 360 стадиям»[3]. Последняя цифра соответствует длине стены, указанной Страбоном[4]. Это место повторено в хрестоматии из «Географии» Страбона, только ширина перешейка там определена в 350 стадиев, что следует отнести за счет ошибки переписчика. Страбон отчетливо заметил противоречие источников, но не имея данных разрешить его, добросовестно привел обе цифры.

Если мы возьмем цифры ширины Керченского полуострова у Феодосии или длину Узунларского вала (35—36 км), то увидим, что они резко расходятся с обеими цифрами ширины перешейка по Страбону. Сооружение вала длиною в 40 или 360 стадиев в любом месте Керченского полуострова в направлении с севера на юг невероятно даже при учете (имея в виду вторую цифру) значительной кривизны его линии.

Постройка стены (или вала) Асандром на Перекопском перешейке для Страбона несомненна, сомнительна лишь ширина перешейка. Естественно, что длина вала Асандра в представлении Страбона соответствовала ширине перешейка. Возможно, хотя и мало вероятно, что вал был сооружен в узком месте перешейка, но исчисление его длины взято Страбоном по другому исчислению ширины перешейка. Определить, что Страбон ошибся в вычислении длины стены, или определить, что стена была построена не в наиболее узком месте перешейка, без археологических раскопок невозможно. Для более точной локализации вала Асандра нет

[1] IOSPE, 1^2, 704.
[2] IOSPE, II, 36.
[3] Strab., VII, 4, 1.
[4] Там же, 4, 6.

данных, но искать его нужно в районе Перекопского перешейка. Возможно, что это окажется очень трудной задачей, поскольку стена была для Боспора очень недолговременным оборонительным сооружением. Вероятно, скифы и сарматы вскоре после Асандра ее разрушили. Страбон применяет причастие ἀποτειχίσας, что означет «отгородивший стеною», но была ли это земляная или каменная стена, сказать трудно, скорее всего это был земляной вал со рвом и башнями.

Нам представляется весьма вероятным предположение В. Ф. Гайдукевича о том, что вместе со строительством укреплений внутри Крыма, скифы в III—II вв. до н. э., в целях защиты с севера от сарматов, могли соорудить на Перекопском перешейке ров и вал[1]. Оборонительное строительство на Перекопском перешейке могло быть и еще более древним. Таким образом, Асандр, вероятно, не был оригинален в выборе места для своего укрепления и, возможно, использовал запущенный скифский вал.

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 531 (прим. 2 к главе IX).

С. Р СТАНЧЕВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕЙ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(к вопросу о праболгарах)

В сложном процессе формирования болгарского народа во второй половине первого тысячелетия н. э. принимают участие три главных этнических компонента. Основным из них являются славянские племена, которые в VI в. густо заселяют и прочно оседают на обширной территории Мезии, Фракии и Македонии, входя в прямое соприкосновение с местным романизированным фракийским населением. Последнее составляет второй основной компонент новой народности. В течение VII в. Македонию и северо-восточную Болгарию заселяют праболгары — третий компонент в этногенезе болгарского народа. В продолжение двух-трех веков славянские массы полностью поглощают праболгарский элемент, от которого остаются только некоторые черты в материальной культуре и имя новой славянской народности.

Одним из наиболее давних и наиболее спорных вопросов ранней истории нашего народа является вопрос о происхождении праболгар и их культуры. По этому вопросу создана уже обширная литература, существуют самые различные теории, которые опираются в разной степени на более или менее достоверные исторические и археологические материалы. Исследования этого вопроса в Болгарии за последние десятилетия показали, что правильное решение его невозможно без учета достижений советской исторической и археологической науки не только в связи с ее творческой марксистско-ленинской методологией, но и в связи с тем, что наша ранняя история не может рассматриваться в отрыве от исторического развития территории южной части Советского Союза, от Карпат до Алтая. Творческое использование достижений советской исторической и археологической науки для правильной постановки этого вопроса тем более необходимо, что до 9 сентября 1944 г. он был узловым пунктом всех шовинистических великоболгарских теорий, преследовавших цель умалить или полностью отбросить роль славян в образовании болгарского государства. Болгарская буржуазная наука не могла научно правильно разрешить этот вопрос не из-за отсутствия достаточных исторических и особенно археологических материалов. Напротив, такие материалы существовали, хотя они и не были полностью изучены и использованы. Она не могла разрешить этот вопрос прежде всего вследствие порочной позиции, на которой стояла историческая и археологическая наука в Болгарии, и полной оторванности ее от советской науки. Для археологических иссле-

дований привлекались почти исключительно памятники художественных ремесел или монументальной архитектуры и скульптуры, что делало результаты и выводы неполными, а при исследовании бытового материала очень ярко проявлялась тенденциозность выводов. Теория тюркского происхождения праболгар, основанная на изучении убедительных исторических и языковых памятников, была оторвана от изучения памятников материальной культуры и быта, известных из древних болгарских центров и наиболее достоверных для археологии. Археологическая наука в Болгарии еще не могла правильно разграничить различные компоненты своеобразной и сложной материальной культуры и искусства, расцвет которых проявляется в X в., и проследить генезис болгарской средневековой материальной культуры. В силу этого борьба с порочным наследием в археологии после 9 сентября 1944 г. развивалась очень медленно, критика не располагала достоверным солидным и убедительным материалом, извращения прошлого пытались заменить неподкрепленными утверждениями, находившимися в явном противоречии с фактами. Для объяснения происхождения некоторых раннеболгарских памятников и центров выдвигались гипотезы, которые приписывали ряд памятников чуждым культурам[1]; в то же время пренебрегали многими фактами из раскопок последнего десятилетия, проливающими новый свет на эту проблему. Все острее чувствуется необходимость пересмотра вопроса о происхождении и культуре праболгар именно для того, чтобы рассеять заблуждения, опровергнуть извращения и поставить решение этого вопроса в тесную связь с результатами советской археологии, которая уже накопила достаточно фактов и опыта для его решения.

Какими новыми данными располагает теперь по этому вопросу наша археологическая наука?

Много нового дают материалы могильника, раскопанного в 1948—1949 гг. Ст. Михайловым и автором настоящей статьи возле г. Нови-Пазар Коларовградской околии, в 7 км восточнее Плиски — первой болгарской столицы. Результаты этих раскопок являются исходным пунктом для разрешения ряда вопросов быта и материальной культуры населения, жившего возле Плиски, Мадары и Преслава, для постановки общих вопросов формирования ранней болгарской культуры, прежде всего — культуры Плиски. Этому и посвящена данная статья.

Упомянутый могильник находится на северной окраине Нови-Пазара, на правом берегу мелководной речки Кривой, текущей из Лудогория (рис. 1). Это восточная окраина холмистой равнины, в центре которой расположена первая столица болгарского государства, укрепленная ставка Плиска. Раскопанная и изученная нами часть могильника (не более трети его площади) включает 42 погребения. Могильник значительно разрушен во время земляных работ. До 1948 г. на этой площади местные жители выкапывали отдельные погребения. В этих погребениях, по свидетельствам многих из землекопов, были найдены различные предметы. Среди них особое значение имеют остатки седла и конского снаряжения, поясные аппликации, сосуды и т. п. (см. сводную таблицу погребений).

Участок, на котором расположен могильник, представляет собой нераспаханную площадку на небольшом склоне высокого берега реки.

---

[1] Например, Д. Крънджалов. Землени укрепителни съоръжения на Балканския полуостров и фалшивата прабългарска теория. София, 1948; В. А. Николаев. Памятник ахеменидского владычества в Европе; Мадарский всадник — царь Дарий I Гистасп. «Byzantinoslavica», X, I, 1949, стр. 42—58.

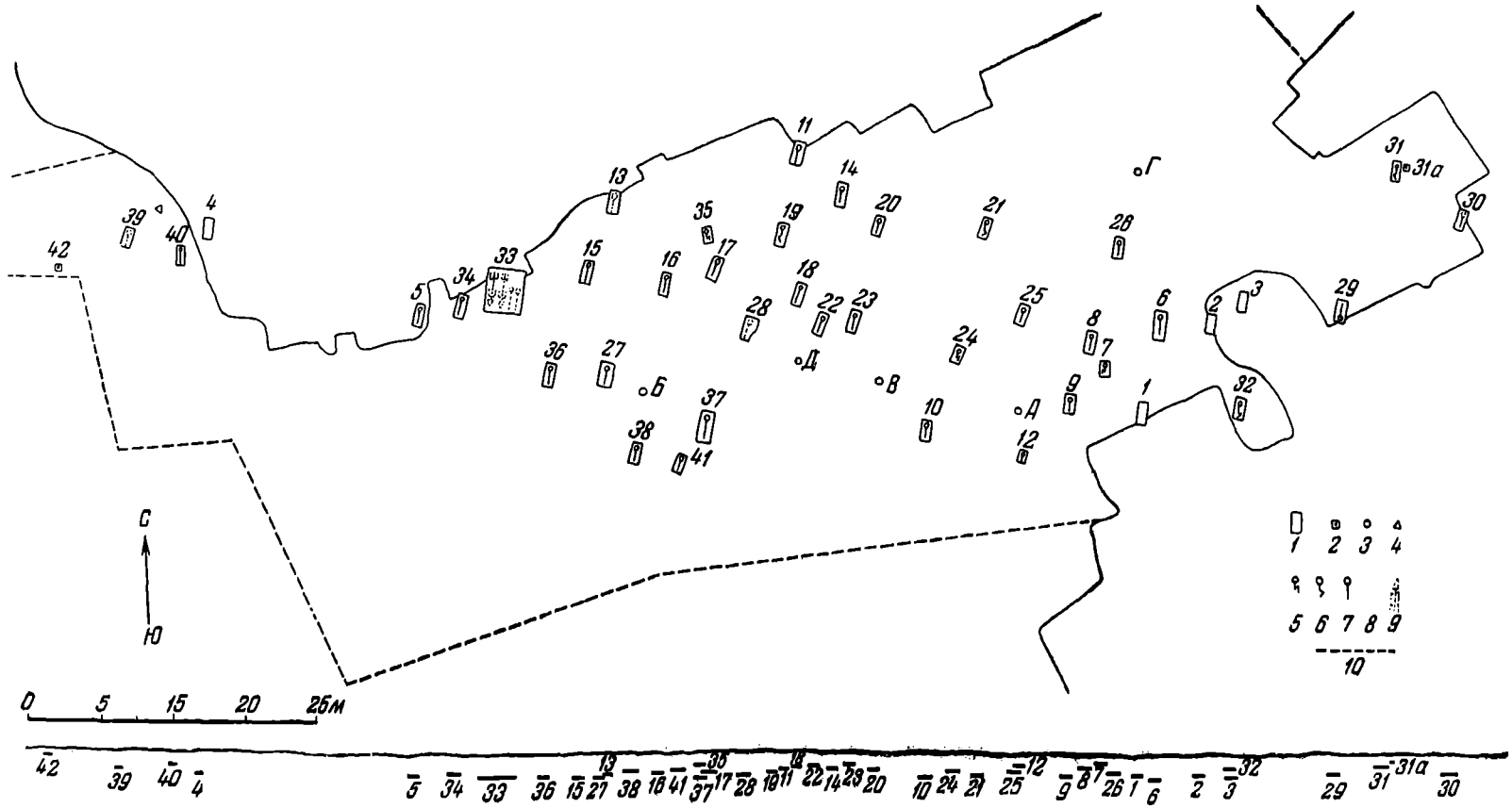


Рис. 1. Могильник Нови-Пазар. План и схема глубины залегания погребений.

1 — погребение с трупоположением; *2* — погребение с трупосожжением; *3* — находки вне погребений; *4* — скопление костей животных; *5*—скорченный скелет; *6* — слегка скорченный скелет; *7* — вытянутый скелет; *8* — разрушенное человеческое погребение; *9* — разрушенное конское погребение; *10* — граница исследованной площади.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ПОГРЕБЕНИЙ

№ п/п	Глубина в м	Ориентация	Положение скелета в погребальной яме	Антропологическое определение	Пол	Находки	Животные	Другие сведения
1	1,50	ССВ	—	—	—	Верхняя часть железного ножа или сабли	—	—
2	1,60	»	—	—	—	—	—	Разрушен
3	1,60	»	—	—	—	—	—	»
4	1,60	»	—	—	—	—	—	»
5	1,60	»	На спине, в вытянутом положении	—	—	Кувшин, горшок, железный нож	Олень, ягненок, птица	—
6	1,80	»	На спине, в вытянутом положении	—	м.	Кувшин	Ягненок, теленок	—
7	0,70	»	Скорченный	—	реб.	—	—	—
8	0,90	»	На спине, в вытянутом положении	—	м.	—	—	—
9	1,45	»	То же	—	—	Кувшин, железный нож	Ягненок, птица	—
10	1,80	С	» »	Европеоид с монголоидными чертами	м.	Два костяных иглодержателя, горшок, железная пластинка	Целое животное	Череп деформирован, под скелетом — гнилое дерево
11	1,20	ССВ	» »	—	м.?	Бронзовая пряжка	Ягненок	—
12	1,00	»	» »	—	реб.	—	Ягненок	—
13	1,45	»	» »	—	ж.	Железный нож	—	Женщина с двумя новорожденными детьми
14	1,20	»	» »	Монголоид с европеоидными чертами	м.	Горшок	Птица	—
15	1,80	»	» »	—	м.	Железный нож, бронзовое кольцо, иглодержатель, два орлиных когтя	Целое животное	Следы гнилого дерева
16	1,45	»	» »	—	—	Кувшин, железный нож, иглодержатель с иголкой, бронз. стерженек, бронзовая пуговица	Овца?	—
17	1,20	»	» »	Европеоид	м.	Железный нож, железное кольцо кусочек бронзы, железный слиток с кремнем (огниво?)	—	—

№ п/п	Глубина в м	Ориентация	Положение скелета в погребальной яме	Антропологическое определение	Пол	Находки	Животные	Другие сведения
18	1,25	»	На спине, в вытянутом положении	Европеоид с монголоидными чертами	ж.	Железные: нож, пряжка, кольцо, слиток	—	Справа от скелета гнилое дерево
19	1,30	ССВ	Слегка согнут	То же	м.	Железный нож, иглодержатель с иголкой, заячья кость	Ягненок	Череп деформирован
20	1,15	»	На спине, в вытянутом положении	—	ж.	—	Цыпленок	—
21	1,55	»	Слегка согнут к востоку	—	—	Железный нож	Ягненок, цыпленок, теленок	—
22	1,15	»	На спине, в вытянутом положении, ноги скрещены	—	ж.?	—	—	—
23	1,00	»	Левая рука согнута, ноги скрещены	—	м.?	Медная пуговица, бронз. кольцо, иглодержатель	—	—
24	1,40	»	Скорченный к востоку	—	—	Кувшин, в котором находилась кость человеческого эмбриона, два бронзовых кольца, серьги	Овца, цыпленок	Гнилое дубовое дерево
25	1,25	СВ	На спине, в вытянутом положении	Европеоид с негроидными чертами	м.	Костяной иглодержатель с иголкой	—	—
26	1,22	ССВ	То же	Европеоид с монголоидными чертами	ж.	Железное кольцо, железный нож, бронзовая монета	Два ягненка	—
27	1,66	СВ	» »	Монголоид с европеоидными чертами	м.	Железные: сабля, топор, пряжка, кольцо, шип, слиток, глиняный кувшин	Корова, овца	В засыпке ямы — древесные угли
28	—	—	—	То же	ж.	Железный нож	—	Разрушен, череп деформирован
29	1,35	ЮЮЗ	На спине, в вытянутом положении	—	м.	Горшок, кувшин, железный нож, медная пластинка	Ягненок	—
30	1,25	ССВ	То же	Европеоид	ж.	Горшок	—	В засыпке ямы — дубовые угли
31	0,80	»	Ноги слегка согнуты к западу	—	—	—	—	Под скелетом кучка углей и известь

Окончание

№ п/п	Глубина в м	Ориентация	Положение скелета в погребальной яме	Антропологическое определение	Пол.	Находки	Животные	Другие сведения
31а	0,45	—	Трупосожжение	—	—	Железный нож	—	—
32	0,90	ССВ	Ноги согнуты к востоку, на спине	—	м.	—	—	—
33	1,70	»	Двойное погребение на спине, в вытянутом положении (?)	1) Европеоид, 2) Европеоид с монголоидными примесями	м. м.	Два кувшина; железные наконечник копья, пряжка, скобка, два обломка; костяные аппликации лука и седла	Два коня, два ягненка, теленок, цыпленок	Частично разрушен, пережженная известь
34	1,40	»	На спине, в вытянутом положении	—	ж.	Горшок, кусок железа, иглодержатель с иголкой	Олень, овца	—
35	0,85	»	Скорченный к востоку	—	—	—	—	—
36	1,70	»	На спине, в вытянутом положении	—	ж.?	Кувшин, медная обковка деревянного сосуда	Олень, корова, ягненок, утка	—
37	1,65	С	То же	—	м.?	Глиняный сосуд, два железных ножа, кость собаки	Два ягненка, корова, цыпленок	Обугленная дубовая плаха, пережженная известь
38	1,25	ССВ	» »	—	ж.	Иглодержатель с бронзовой обковкой, бронзовая пуговица [?]	Овца	Горелое дерево
39	1,20	—	—	—	ж.	Глиняный сосуд	Овца	Разрушен
40	0,90	С	На спине, в вытянутом положении	—	реб.	Горшок, медная серьга, стеклянные бусы	—	—
41	1,25	ССВ	—	—	реб.	—	Олень, цыпленок, поросенок	Разрушен
42	0,20	—	Трупосожжение	—	—	Бронзовые перстень, пуговица, трубочка, пластинка	Овца	—

Отдельные погребения на поверхности ничем не выделяются. Среди раскопанных и изученных погребений преобладают погребения с трупоположением. Погребений с трупосожжением только два (№ 31а и 42). Они самые неглубокие (0,20 и 0,45 м). Погребения с трупоположением залегают на глубине от 0,70 (погребение № 7) до 1,80 м (№ 6, 10, 15). В двух из наиболее мелких погребений с трупоположением (0,70 и 0,85 м) обнаружены сильно скорченные скелеты (№ 7 и 35, рис. 2). Десять погребений залегали на глубине от 1,20 до 1,25 м, одиннадцать — от 1,60 до 1,80 м.

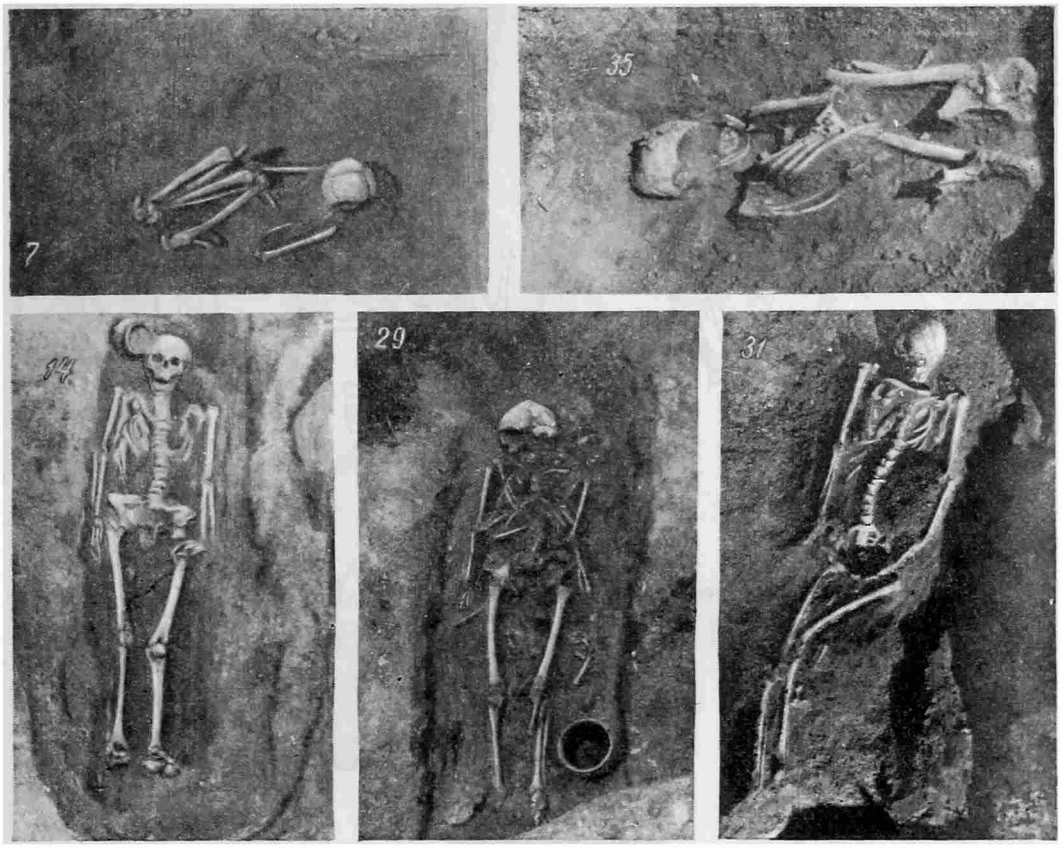


Рис. 2. Нови-Пазар. Погребения № 7, 14, 29, 31, 35.

За небольшим исключением (№ 31а, 33 и 42) погребения имеют один и тот же вид — прямоугольные ямы с отвесными стенками. Размеры ям различны и зависят главным образом от находящихся в них вещей. Ориентировка покойников почти всегда одинакова. Черепа лежат всегда на север. Исключение представляет погребение № 29, в котором при той же ориентировке могилы скелет лежит в обратном положении — черепом к югу. Обычно покойники лежали на спине в вытянутом положении (25 случаев), но в некоторых погребениях наблюдались отклонения от этого правила: в погребении № 22 ступни ног находились одна на другой; в погребении № 23 (рис. 3) ноги скрещены, а левая рука согнута на груди; в шести погребениях скелеты были в скорченном положении. Из них четыре скелета с немного согнутыми ногами (№ 19, 21, 31, 32, рис. 3), а три — сильно скорченные (№ 7, 24, 35). Особенно характерны погребения № 7 и 35, в которых, по всей вероятности, покойники были погребены в сидячем положении.

Некоторые погребения были нарушены и ограблены еще в древности. Таковы погребения № 28, 39, 41 и частично разрушенное двойное погребение № 33. Последнее грабители раскопали по диагонали и ограбили всю

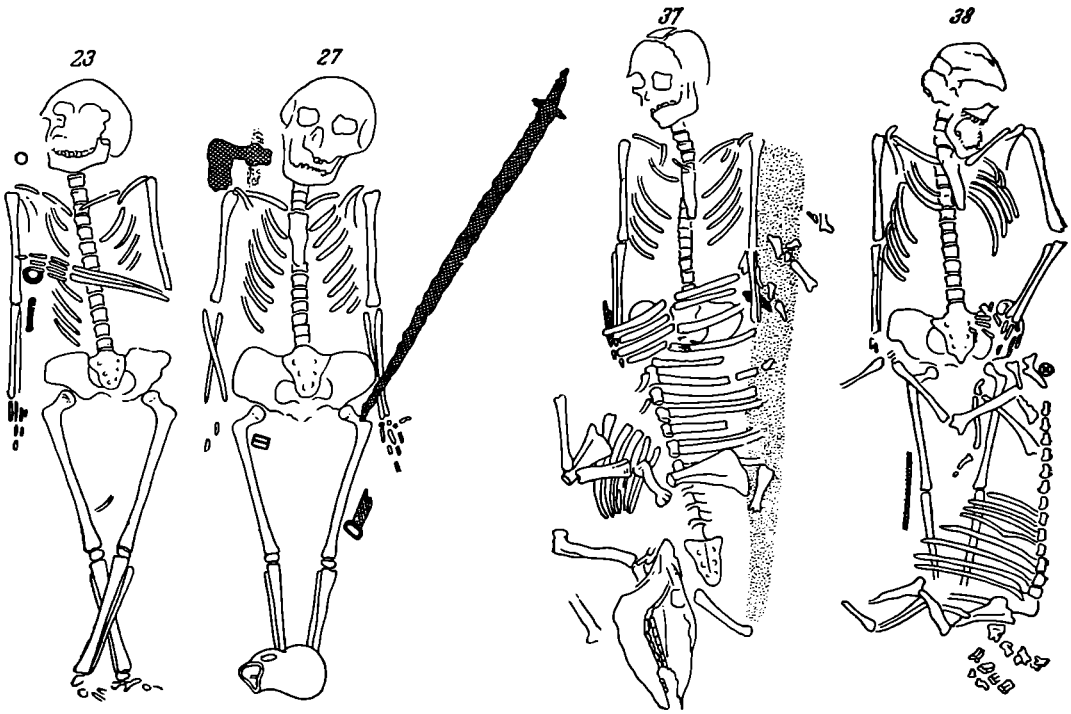


Рис. 3. Нови-Пазар. Погребения № 23, 27, 37, 38.

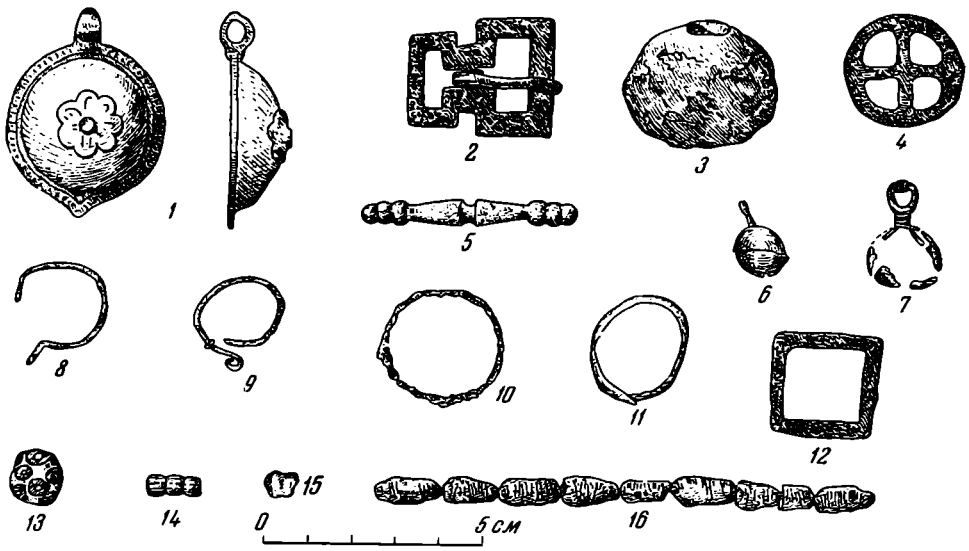


Рис. 4. Металлические и стеклянные украшения из погребений:
1, 2, 12—пряжки от пояса; *3*— оловянное пряслице; *4, 5*—застежки; *6*—украшение височного кольца; *7*—пуговица; *8—11*—кольца; *13—16*—бусы.

центральную часть почти квадратной погребальной ямы. Нетронутыми остались лишь северо-западный и юго-восточный углы. Обнаруженные кости человеческих скелетов, оставшиеся нетронутыми, и инвентарь при них в юго-восточном углу, а также задняя часть скелета одного из погре-

бенных коней в северо-западном углу дают относительно точное представление о положении погребенных. Кони были погребены с подогнутыми ногами, головами к югу.

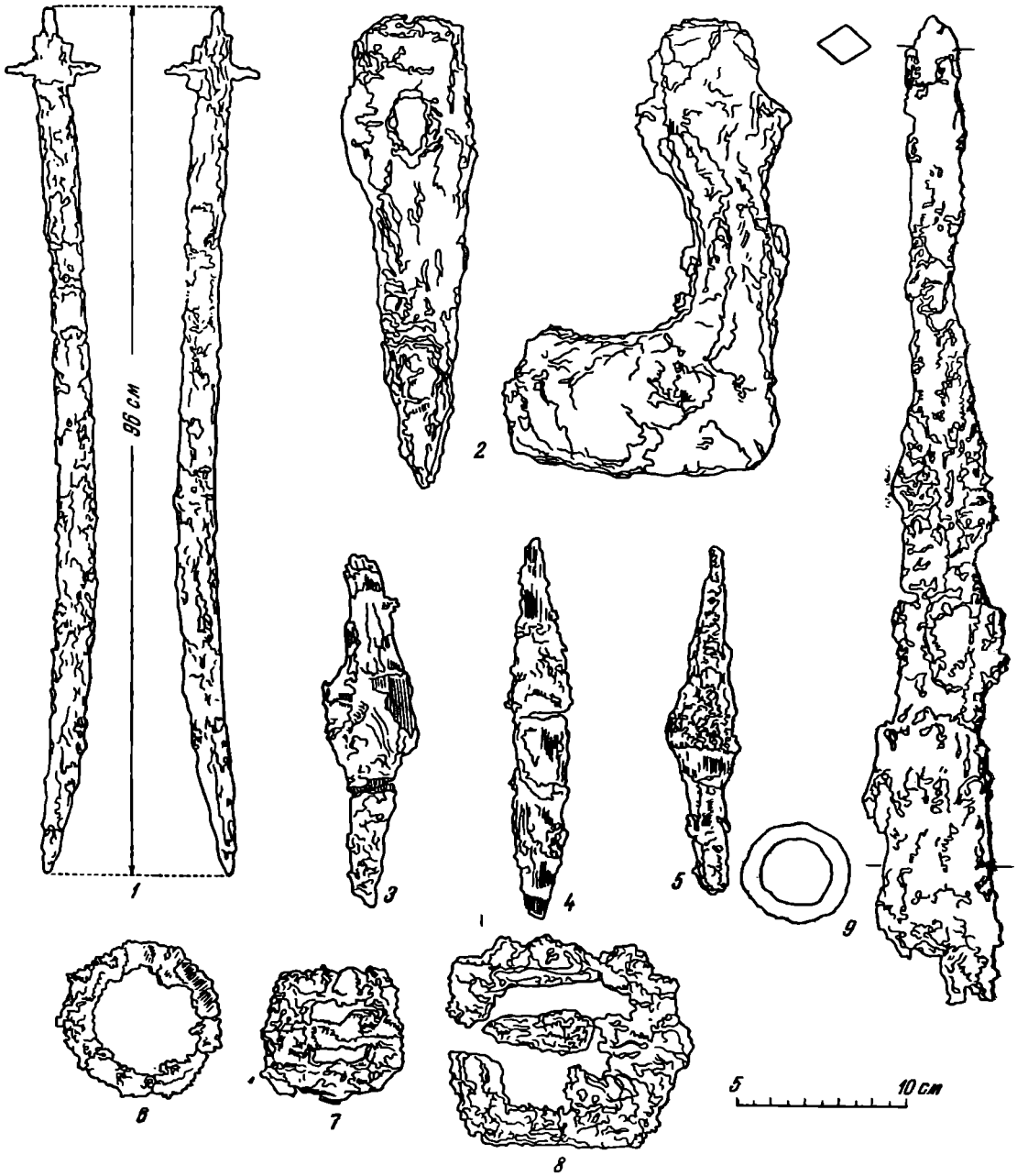


Рис. 5. Железные предметы из погребений:
1—сабля; *2*—топор; *3—5*—ножи; *6—8*—пряжки; *9*—наконечник копья.

Между мужскими и женскими погребениями резкого различия не заметно. Инвентарь в тех и в других один и тот же. Все же в мужских погребениях вещей больше и набор их разнообразнее.

От одежды погребенных сохранились незначительные остатки в погребениях № 27, 33, 38. Это — кусочки льняной ткани, прикипевшей к металлическим предметам. Некоторые полые бронзовые шарики можно считать пуговицами (рис. 4, 7). Два бронзовых стерженька с перехватом

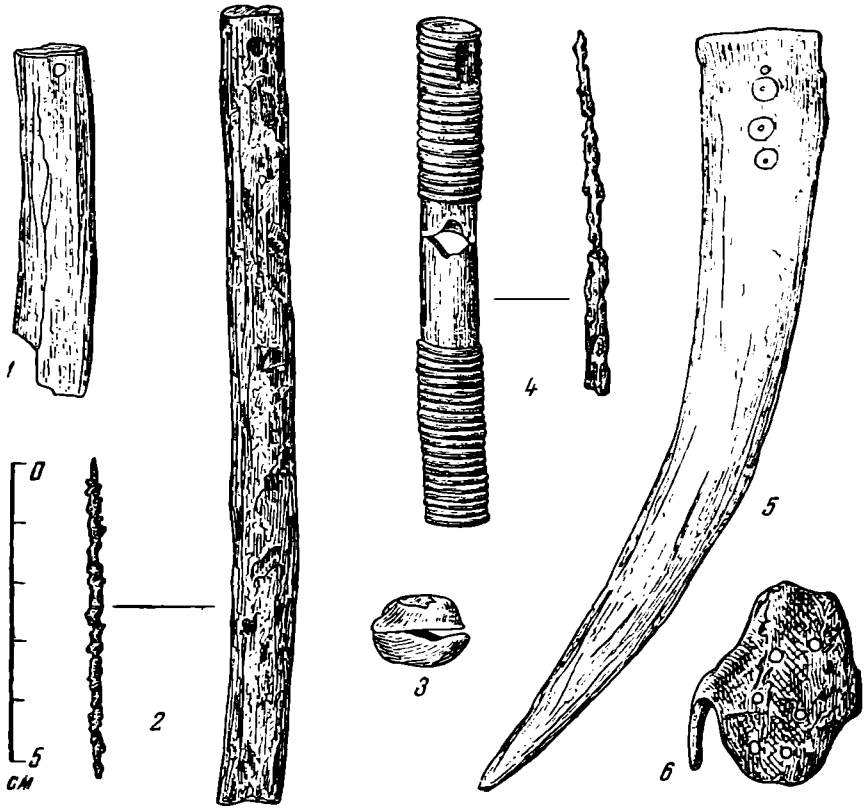


Рис. 6. Костяные (1,2,4,5) и металлические (3,6) предметы.

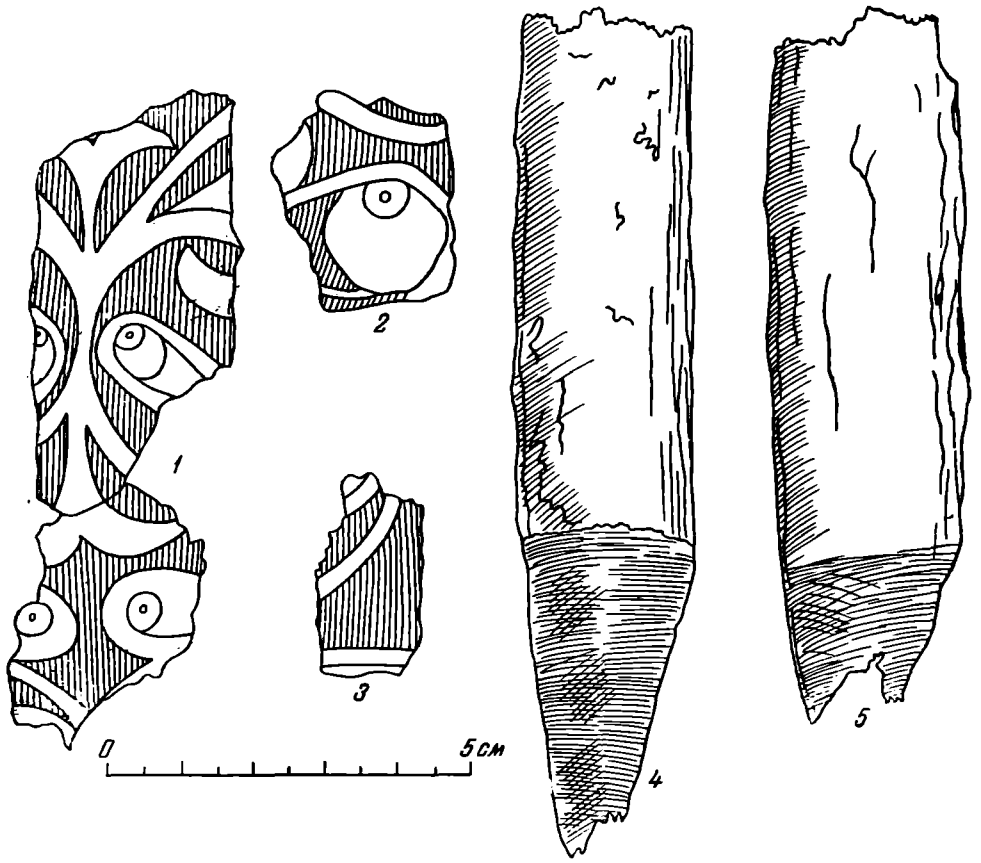


Рис. 7. Костяные аппликации (1—5) из погребения № 33.

в средней части, вероятно, употреблялись в качестве застежек (рис. 4, *5*), подобное же назначение имел круглый ажурный предмет, найденный в погребении № 38 (рис. 4,*4*). Непонятно, однако, почему в погребениях почти всегда находились только единичные экземпляры этих предметов. Железные и бронзовые части от пояса — пряжки и кольца (рис. 4, *2*, *12*; 5, *6*—*7*) находились и в мужских и в женских погребениях. Одна полусферическая бронзовая пряжка с рельефной розеткой в центре (рис. 4, *1*) была найдена на месте могильника еще до раскопок. Некоторые из покойников, вероятно, имели пояса с подвешенными к ним различными предметами: железными ножами с изогнутым лезвием и прямой спинкой (рис. 5, *3*—*5*), костяными трубочками с железными иголками и частями от них (рис. 6, *1*, *2*, *4*), мешочками с амулетами или огнивом и кусочком кремня.

Типичным по своему инвентарю является погребение № 27 — погребение конного воина. Возле головы покойника находился железный топор (рис. 5, *2*), с левой стороны покойника обнаружена массивная железная сабля (рис. 5, *1*). Последняя не лежала на дне ямы, а была в наклонном положении, так что рукоять ее опиралась в стенку погребальной ямы (рис. 3). В ненарушенной юго-восточной части погребения № 33, возле костей ног одного из погребенных, лежал железный наконечник копья (рис. 5, *9*), острием внутрь погребальной ямы. Так как он находился у самой стенки ямы, мы можем утверждать, что деревянная рукоятка копья была отломана еще до того, как копье положили в могилу. В разрушенной части этого погребения находились обломки двух аппликаций рефлексирующего лука (рис. 7, *4*—*5*) и части костяной аппликации спинки седла, покрытые резным орнаментом (рис. 7, *1*—*3*). Большая железная пряжка, найденная в западной половине погребальной ямы возле костей двух коней, вероятно, также является частью конского снаряжения (рис. 5, *8*).

Предметы украшений не очень разнообразны. Возле некоторых черепов находились простые кольца из медной проволоки (рис. 4, *8*—*11*). Одно такое же кольцо, найденное еще до раскопок, имеет типичную форму эсовидных височных колец (рис. 4, *9*). На одном из обломков подобного кольца были нанизаны две полусферы (рис. 4, *6*) — украшение, которое по форме представляет собой прототип целой группы серег. В погребении № 40 возле ног скелета были разбросаны стеклянные бусы (рис. 4, *16*). Большие пестрые бусы из двухцветного стекла, синие с белыми кружками, были найдены на месте могильника перед раскопками (рис. 4, *13*).

В погребении № 26, возле левой ноги скелета, была найдена бронзовая монета римского императора Антонина Пия (138—161), единственная монета на могильнике. Также единственным является и тяжелое оловянное пряслице из погребения № 2 (рис. 4, *3*).

Большая часть находок связана с пищей, приготовленной для покойников. Таковы глиняные сосуды и остатки костей животных. По форме сосуды делятся на две главные группы: 1) Горшки без ручек (рис. 8, погребения № 14 и 40) или с плоскими ручками и узкими ушками (рис. 8, погребения № 10, 30, 34) и низкие миски без ручек (рис. 8, погребения № 5 и 29). 2) Кувшины, имеющие по одной ручке и трилистное устье шейки (рис. 8 и 9). По составу глины и по технике выделки сосуды делятся также на две неравные группы. Имеется один целый горшок и много фрагментов сосудов из плохо отмученного теста, со значительными примесями песка (рис. 10, погребение № 14). Они слабо обожжены, стенки имеют зернистую структуру, орнаментированы горизонтальными бороздками, покрывающими всю поверхность корпуса. Над этими бороздками по плечикам сосудов расположен пучок волнистых параллельных бороздок. Совершенно отлична техника выделки другой группы сосудов. В боль-

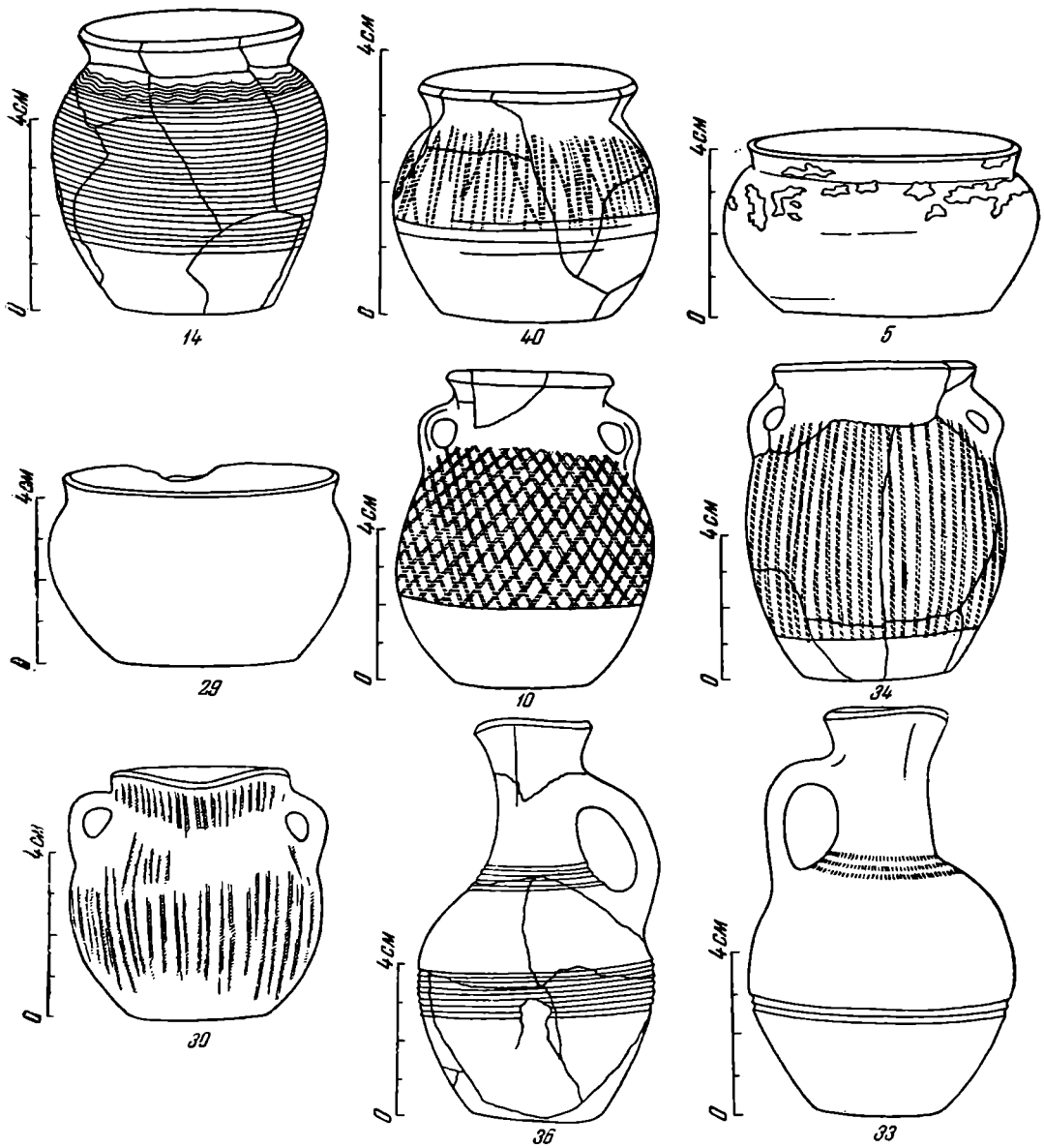


Рис. 8. Глиняные сосуды. Цифрами обозначены номера погребений.

шинстве случаев это сосуды серого, почти черного цвета (только три кремово-желтые), из хорошо отмученной глины, обожженные также при невысокой температуре, со слоистой структурой стенок и рыхлой поверхностью (рис. 10, погребения № 5, 6, 9, 10). Характерной особенностью этой группы сосудов является механическое сглаживание и лощение стенок. Большинство сосудов орнаментировано блестящими полосками по матовому фону невыглаженных стенок. По плечикам и под шейкой они имеют по две-три широкие, неглубоко прочерченные полоски. Все глиняные сосуды из могильника (за исключением одного) сделаны, как видно, на легком гончарном круге. Некоторые из них на донышках имеют выпуклые знаки (рис. 11, *1—5*), а один сосуд, найденный вне погребений, имеет на плечиках два тонко врезанных знака (рис. 9, *А* и 11, *7*).

Остатки содержимого в сосудах не обнаружены, за исключением кувшина из погребения № 24. Нет и определенного порядка в расположении

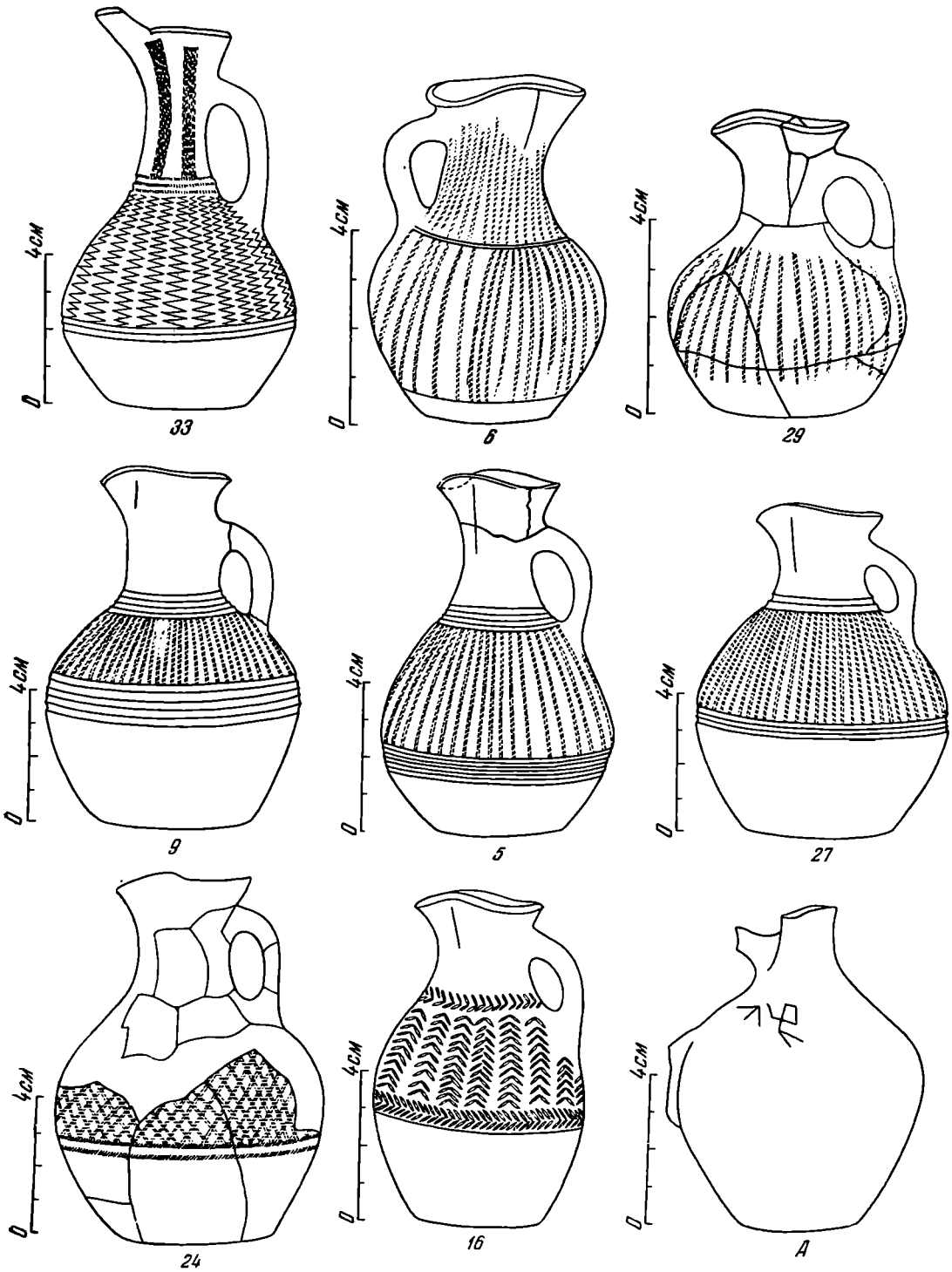


Рис. 9. Глиняные сосуды. Цифрами обозначены номера погребений.

сосудов в погребениях. Некоторые из них находились возле головы, другие—возле ног.

Наличие в погребениях костей животных характерно для всего могильника. Из 42 погребений кости животных были обнаружены в 24. Преобла-

дают кости молодых животных: наиболее часто встречались кости ягненка, в одном погребении найдены кости новорожденного поросенка. Из диких животных в погребениях обнаружен только олень. Обычно в погребения клали большие части животных (рис 3, погребение № 37), но встречаются случаи, когда в погребениях возле покойников найдены и целые животные. Лошади из погребения № 33 играли в погребальном обряде

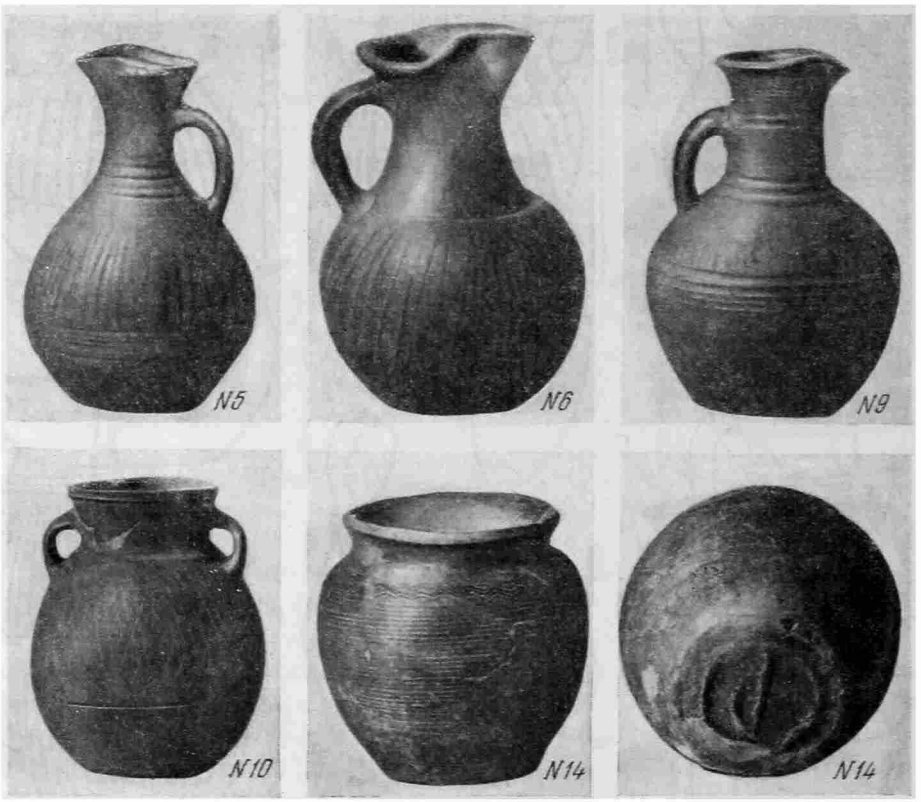


Рис. 10. Глиняные сосуды. Цифрами обозначены номера погребений.

совсем иную роль. Очевидно, в этом погребении похоронены всадники, которые по своему положению выделяются из остального населения. Об этом говорят и другие предметы, найденные в погребении.

Некоторые находки в погребениях можно считать амулетами. Неясно, служило ли костяное шило из погребения № 2 (рис. 6, 5) практическим целям, но некоторые примеры из Плиски позволяют предположить, что, кроме практического назначения, этот предмет служил и амулетом. Без сомнения, амулетами являются два орлиных когтя с отверстиями для подвешивания из погребения № 15. В погребениях № 19 и 37 возле человеческих скелетов найдены две одинаковые кости конечностей собаки и зайца. Любопытной и загадочной является находка в глиняном сосуде из погребения № 24 — кость девятимесячного человеческого эмбриона или только что родившегося ребенка. При этом кость обтесана по своей длине так, что снята половина ее толщины.

Особое место в погребальном обряде занимали угли и известь, обнаруженные в нескольких погребениях (погребения № 27, 30, 31, 33, 37, 38). Обряд погребения можно восстановить следующим образом: 1. Погребение № 31 (рис. 2): перед тем как опустить покойника в могилу, на дне погре-

бальной ямы была зажжена кучка хвороста. В горящий костер брошен маленький кусочек извести. Труп был положен на костер так, что после того как он истлел, кучка обуглившегося хвороста осталась с левой стороны от грудной клетки. 2. Погребение № 37 (рис. 3): после того как покойника опустили на дно ямы, возле него положили горящую плаху и только после этого в яму было положено животное. 3. Погребение № 38 (рис. 3): возле трупа умершей беременной женщины положили горящую жердь, а возле жерди — целую овцу. Во всех других отмеченных случаях в погребения

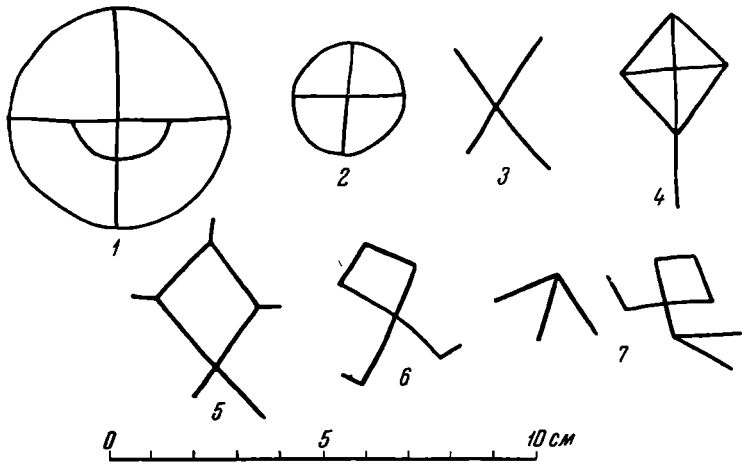


Рис. 11. Выпуклые (*1—6*) и врезанные (*7*) знаки на днищах и плечиках сосудов из могильника:

1 — из погреб. № 14 (см. рис. 10); *2* — из погреб. № 5 (рис. 9 и 10); *3*— из погреб. № 33 (рис. 9); *4*—из погреб. № 16 (рис. 9); *5* —из погреб. № 33 (рис. 8); *6*—из погреб. № 9 (рис. 9 и 10); *7* — на сосуде, найденном вне погребений.

бросали известь или же разбрасывали угольки. Нет сомнения, что в представлениях местного населения огонь и известь обладали очищающей и предохраняющей силой.

Важными для характеристики обряда являются два погребения с трупосожжением. Место сожжения не открыто. По-видимому, трупы сжигали где-то на стороне. Кости погребены на могильнике не глубоко, прямо в земле, собраны в кучку. Возле перегоревших человеческих костей находятся необожженные вещи тех же типов, что и в погребениях с трупоположением: погребение № 42 — сферическая пуговица (рис. 6, *3*), части бронзовой трубочки-иглодержателя, бронзовый перстень (рис. 6, *6*); погребение № 31а — две половинки железного ножа. В погребении № 42 были найдены и необожженные кости овцы.

Итак, на могильнике наблюдается известная последовательность и дифференциация в употреблении огня—от полного трупосожжения до чистого трупоположения. Кроме того, погребения с трупосожжением— самые мелкие. Следующими по глубине идут погребения с сильно скорченными скелетами, которые в свою очередь являются самыми неглубокими среди погребений с трупоположением. Также сравнительно неглубоки погребения № 22 и 23, в которых кости ног скелетов скрещены или сближены в ступнях, что указывает на то, что ноги покойников были связаны. Глубже всего были погребены вытянутые скелеты. Вероятно, существовала зависимость между степенью скорченности скелета и глубиной погребения.

В изменениях погребального обряда отражаются происшедшие изменения базиса данного общества. Трудно сказать с полной определенностью, каковы те общественно-исторические формы, которые могут быть связаны с двумя основными погребальными обрядами на могильнике. Видимо, здесь отмирающим обрядом является трупосожжение. Можно было бы предположить, что трупосожжение является чуждым обычаем для основной массы населения, но единство между погребениями с трупосожжением и трупоположением говорит о противном. Вопреки некоторым различиям, существующим между отдельными погребениями (например, в виде и количестве погребального инвентаря или в деталях обряда), налицо видимое единство в предметах материального быта и в прочности обрядовых черт, имеющихся почти во всех погребениях.

Во многих погребениях обряды трупосожжения и трупоположения органически сливаются. Влияние трупоположения чувствуется в обоих погребениях с трупосожжением. Пережженные кости погребены так же, как хоронили несожженные трупы.

Два типа керамики из могильника четко различаются по форме, технике выделки и украшению. Эти два типа, однако, встречаются всегда совместно на многих других памятниках в северо-восточной Болгарии, и прежде всего в Плиске, Мадаре и Преславе. Комплекс Новипазарского могильника дает дополнительные данные для выяснения связей между ними. Горшок из погребения № 14 могильника относится к хорошо известной в Болгарии группе т. н. до сих пор средневековой славянской керамики. Датируется он по неуклюжему корпусу и, особенно, несовершенной технике обработки.

Вторая группа сосудов — сосуды серо-черного цвета с блестящими полосками — встречаются всегда там, где имеется керамика славянского типа. Характерно, что до сих пор повсюду в других памятниках керамика славянского типа имела резкий количественный перевес, в Нови-Пазаре же она впервые составляет только одну девятнадцатую часть от общего количества целых сосудов. Отсутствие достаточно достоверных данных об этой керамике еще несколько лет назад являлось причиной известных неточностей при определении ее происхождения[1]. Но появление ее в таком памятнике, как Новипазарский могильник, дает теперь правильное направление ее дальнейшему изучению, позволяет связать ее с традициями раннесредневековой культуры степных областей Северного Причерноморья.

Принимая во внимание наличие в погребениях костей домашней птицы и свиней, так же как и многих ремесленных изделий, можно сделать вывод, что эти погребения оставило нам оседлое население, которое, следовательно, знало земледелие и имело развитое ремесло. Основной отраслью хозяйства этого населения является, однако, скотоводство, при котором наибольшее значение имели легко подвижные стада овец и крупный рогатый скот. Практиковалась и охота, о чем свидетельствуют кости диких животных. Среди погребенных можно проследить имущественное неравенство, решающим условием появления и углубления которого в родовом обществе является скотоводство. Здесь все говорит о типично скотоводческом хозяйстве, земледелие играло, как видно, второстепенную роль. Обстановка, в которой жило новипазарское население, станет яснее,

[1] Ст. Станчев. Домашната керамика от Преслав. РП, III, София, 1948, стр. 129 и сл., особенно 137. В этой статье еще не были точно выделены различные группы керамики с блестящим орнаментом, которая отмечена в Преславе и других центрах.

когда мы данные могильника увяжем со сведениями о материальной культуре и быте некоторых племен и племенных объединений середины и второй половины I тысячелетия н. э. Это население переживало в процессе быстрого разложения родо-общинных отношений период быстрого развития и укрепления классовых отношений, при которых родо-общинные традиции еще были живы. Эти традиции особенно отражаются в погребальном обряде, где задерживаются старые, отжившие формы.

Вообще материальная культура, представленная в Новипазарском могильнике, носит явные черты позднесарматских традиций, а в обряде прослеживаются черты сарматского погребального обряда.

Для датировки могильника наиболее достоверные данные может дать сравнительное изучение материала[1]. Из предметов, которые могут быть использованы для относительно точной датировки, следует отметить железную саблю, височные кольца-серьги, костяные аппликации лука и особенно керамику. Погребальный обряд также помогает датировать этот памятник.

Найденная в Нови-Пазаре железная сабля, безусловно, представляет собой дальнейшее развитие сарматского однолезвийного меча, родиной которого являются степи Северного Причерноморья и Поволжья[2]. По форме и размерам она почти не отличается от аварских сабель, известных по многим находкам в Восточной Европе и Средне-Дунайской равнине третьей четверти первого тысячелетия н. э. Появление сабли в том виде, который отличает ее от прямого меча, произошло не ранее VII в. Найденное в разрушенной части могильника эсовидное височное кольцо относится к типу, который почти не встречается в Болгарии, но в северных славянских землях датируется VII в.[3] Часто встречаются на аварских могильниках и в памятниках других народов эпохи так наз. великого переселения народов костяные аппликации рефлексирующего лука. Такой лук представляет собой типичное оружие для кочевых народов, которые появляются в Европе в конце античности[4]. О датировке славянской керамики в Болгарии высказаны различные точки зрения, более или менее гипотетические[5]. В последние годы обширный и хорошо датированный материал собран в Преславе. Раннеславянские селища в Северной Болгарии изучались в 1953 и 1954 гг., особенно селище в ур.

---

[1] А. В. Арциховский. О преодолении марризма в археологии. ВМГУ, I, 1952.

[2] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 127 и 151; С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. МИА, 1949, № 9, М. — Л., стр. 292; Н. Я. Мерперт О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 14; W. W. Arendt. Türkische Säbel aus den VIII—IX Jh. AH, XVI, 1934, стр. 48.

[3] K. Musianowicz. Kabłączki skroniowe. Proba typologii i chronologii. «Światowit», XX (1948—1949). Warszawa, 1949, стр. 115. Tabl. II, 15, 16; XII.

[4] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 21; A. Marosi, N. Fettich. Trouvailles avares de Dunapentele. AH, XVIII, 1936, tabl. III, 5, 6; V, 9; T. Horváth. Die avarischen Gräberfelder von Üllő und Kiskörös. AH, XIX, 1935, tabl. V, 3, 4; XVIII, 4, 5; Cs. Sebestyén K. Rejtélyes csontok népvándorláskori sírokban (Rätselhafte Beinplatten in Gräbern der Völkerwanderungszeit) Dolgozatok, VI, 1—2, Szeged. 1930, стр. 178.

[5] Ст. Станчев. Разкопки на обекта N в Кадъкьойското градище. ИАИ, XVIII. София, 1952, стр. 294, где автор считает V в. возможной наиболее ранней датой этого керамического типа. Такая датировка основывалась тогда на неполных и неточных сведениях о раскопках позднеримских крепостей на Нижнем Дунае. Последние раскопки в Болгарии, как и на ряде объектов в Румынской Народной Республике, показали, что эта керамика находится в стратиграфически четко разграниченных слоях над развалинами римских и ранневизантийских центров эпохи так называемого переселения народов. О РНР срв. Şantierul Garvan. SCIV, III, 1952, стр. 352; I. Barnea. Elemente de cultură materială veche ruseasca şi orientală in aşezarea feudală (sec. X—XII) de la Dinogetia. Studii şi referate, 1954, стр. 195.

Дренча возле с. Попина, Силистринской околии, давшее весьма ценный материал для относительно точной датировки новипазарского горшка. Учитывая эти данные, а также и некоторые другие факты, можно с известной уверенностью утверждать, что т.н. славянский горшок из могильника датируется VIII—IX вв. Такова же датировка и второго типа сосудов — серо-черных с блестящими полосками. Хотя их гораздо меньше по количеству, но известные в настоящее время примеры этой керамики находятся всегда в памятниках IX—X вв. Вне Болгарии наиболее близкой к ней параллелью является салтово-маяцкая керамика, известная на Дону, Донце и на Северном Кавказе. Хорошо изученная по материалам больших могильников, особенно Салтовского, эта керамика датируется VIII—IX вв.[1] Известная в Венгрии серая лощеная керамика сильно отличается по форме и технике выделки от сосудов из Нови-Пазара и датируется V в., т. е. временем гуннского господства в Средне-Дунайской равнине[2]. Общим является только орнаментация блестящими полосками. Нет оснований при этом связывать по времени новипазарские сосуды с венгерскими при наличии таких типичных аналогий, какие дает салтово-маяцкая культура. Скорее всего, серо-черную керамику из Нови-Пазара следует датировать VIII в.

Все приведенные соображения датировки отдельных предметов, найденных на могильнике, указывают на VIII в. как на наиболее вероятную дату этого памятника. Скорее всего, это вторая половина или же конец VIII в.

Для болгарской археологии Новипазарский могильник представляет и знакомое, и новое явление. Много материалов, найденных на могильнике, давно известно по другим находкам этой же эпохи в северо-восточной Болгарии, но до сих пор они не были открыты в таком сочетании, как в Нови-Пазаре. Археологический комплекс могильника дает возможность поставить теперь изучение ряда новых вопросов процесса формирования ранне-средневековой культуры Болгарии, чтобы уточнить связь между отдельными явлениями. В целом этот могильник резко отличен от того, что до сих пор у нас считалось установленным в отношении памятников фракийской, римской и вообще античной культуры. Многие характерные предметы, например сабля или костяные аппликации рефлексирующего лука, встречаются на могильнике впервые в определенной и ясной археологической среде, чего не было в наших античных памятниках. Нельзя указать убедительной параллели керамике из могильника среди примеров фракийской керамики в Болгарии. В Нови-Пазаре имеется только одна римская монета, которая представляет собой явный анахронизм среди всего остального материала.

Решение вопроса о датировке могильника и связях, которые он имеет с родственными памятниками, позволяет определить этническую принадлежность населения, оставившего нам могильник. Если учесть археологические и исторические сведения о памятниках салтово-маяцкой культуры и ее носителях, т. е. той культуры, с которой наш могильник имеет самые тесные связи, можно с полным основанием считать, что могильник оставлен праболгарами. Следовательно, большая часть найденных на нем материалов, прежде всего серо-черная керамика и погребальный обряд, присущи праболгарам.

Чтобы правильно понять место Новипазарского могильника среди памятников и находок северо-восточной Болгарии при имеющихся у нас

[1] Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 14 и сл.; А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, стр. 465 и сл.

[2] A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit. AH, IX, Budapest, 1932.

данных, необходимо бросить взгляд на обстановку, в которой он существовал.

Немаловажным является тот факт, что этот могильник открыт недалеко от Плиски. Поселение, с которым, по всей вероятности, он связан, расположенное против него через речку Кривую, восточнее Нови-Пазара, не отличается в главных чертах от большого укрепленного лагеря в Плиске

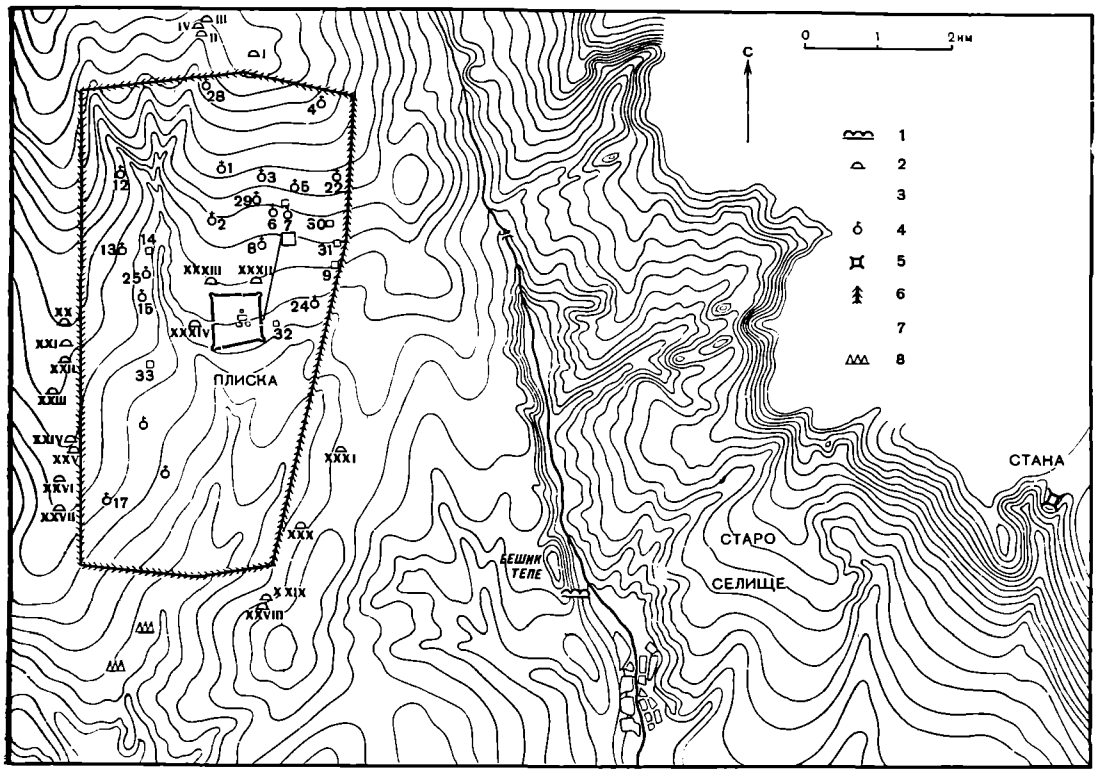


Рис. 12. Схематический план древнего города Плиски и его окрестностей (составлен автором). Глазомерная съемка:

1 — некрополь; *2* — могила; *3* — гражданская постройка; *4* — церковь; *5* — крепость; *6* — вал; *7* — мост; *8* — «девташлар» (кромлех)

(рис. 12). Обширная ровная площадь поселения была ограждена валом, который был еще хорошо заметен пятьдесят лет тому назад[1]. На поверхности площади, занятой поселением, встречается керамика, скопления которой группируются в отдельных, удаленных друг от друга местах. На поселении обнаружена такая же керамика, какая была найдена на могильнике. Можно, следовательно, предполагать, что на огражденном валом пространстве находились разбросанные и удаленные друг от друга селища, так же как и во внешнем городе Плиски. Явные следы других таких же укрепленных поселений были заметны не так давно в нескольких местах Плисковской равнины[2].

Сам укрепленный лагерь Плиски дает не одну параллель Новипазарскому могильнику. Известна, например, так называемая «Голямата могила» (№ XXXIII), раскопки которой завершены только в последнее время. Это высокий курган, насыпанный над погребением с трупосожжением[3].

[1] К. Шкорпил. Укрепления абобской равнины. ИРАИК, X. Абоба-Плиска, стр. 40 и сл. Альбом, табл. III, 2.

[2] К. Шкорпил. Указ. соч., стр. 30 и сл.

[3] Г. Фехер. Ролята и културата на прабългарите. София, 1940, стр. 95 и 106.

Вместе с сожженным покойником погребены кони. В кургане находились части животных и большое количество керамики тех же двух типов, которые встречаются в Нови-Пазаре (рис. 13, *1—4*), но с той разницей, что во втором типе керамики из кургана (серо-черная с блестящими полосками) преобладают горшки и урны (рис. 13, *1—2*), тогда как в Нови-Пазаре преобладают кувшины[1].

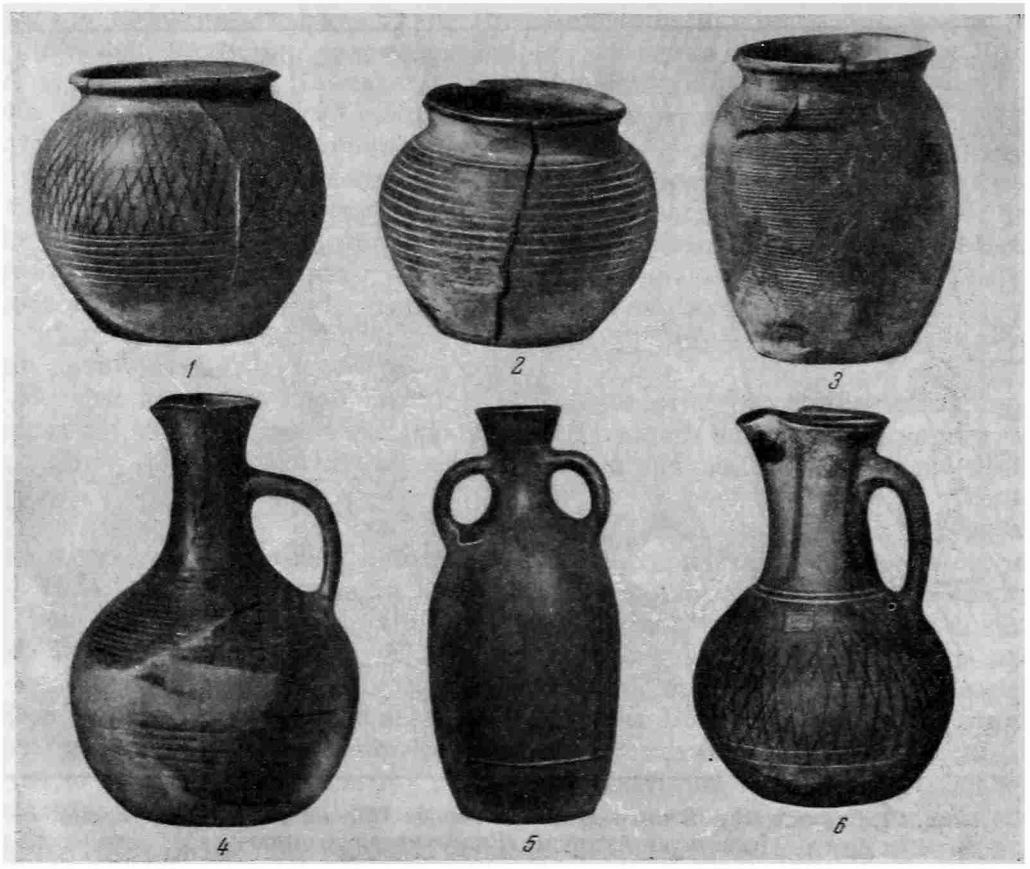


Рис. 13. Глиняные сосуды из кургана XXXIII в Плиске (*1—4*), из внутреннего города Плиски (*5*), из окрестностей Коларовграда (*6*).

В Плиске имеются почти все предметы материального быта, встречающиеся в могильнике у Нови-Пазара. Таковы, например, части сабель, найденных в Плиске еще при первых раскопках, произведенных более 50 лет назад Русским археологическим институтом в Константинополе[2], а также топоры, железные наконечники копий, ножи и пр. Два типа керамики Нови-Пазара встречаются и в Плиске как во внешнем, так и во внутреннем городе[3].

[1] Ст. Станчев. Керамика от голямата могила в Плиска. Предварително съобщение. РП, III. София, 1948, стр. 227.

[2] К. Шкорпил. Указ. соч., Оружие, стр. 320.

[3] Летом 1949 г. во время раскопок во дворе так называемого Малого дворца в центре Плиски под моим наблюдением было заложено несколько глубоких шурфов. При этом были вскрыты части ранних построек и мощная насыпь с обильным бытовым материалом, который по существу не отличается от материала, найденного над вымосткой двора, возле дворцов. Если последние построены, самое позднее, в XI в., о чем говорят имеющиеся датирующие материалы, то обнаруженное глубоко под вымосткой двора будет датироваться, как видно, не два-три века раньше. Все материалы возле дворца и в ширину и в глубину, исключая обломок римской фибулы и несколько других вещей неоп-

Во втором типе керамики из могильника Плиски имеются некоторые разновидности, неизвестные в Нови-Пазаре (рис. 13, *5*). Важны результаты последних раскопок, проведенных по исследованию керамических мастерских, обозначенных на плане № 31 во внешнем городе[1]. Под мастерскими, которые можно датировать X—XI вв., открыты более древние слои с остатками глубоких полуземлянок. В последних найдена керамика тех же двух типов, которые содержит и погребение № 33 в Нови-Пазаре. Важным для характеристики второго типа керамики Нови-Пазара и Плиски является один фрагмент глиняного сосуда, найденный во внутреннем городе (рис. 14). Это—часть верхней половинки кувшина со вздутой шейкой, на которой видны выступы, напоминающие шипы железной булавы. На верхнем конце трубчато-полой ручки этого кувшина прилеплена глиняная фигурка маленького животного с небольшим бугорком на затылке, похожего и на медвежонка, и на поросенка, и на собаку. Серо-черная поверхность фрагмента покрыта такими же блестящими полосками, какие характеризуют вторую группу керамики из Новипазарского могильника. Ручка с моделированным глиняным животным является прямым развитием и продолжением зооморфных ручек раннесарматской керамики[2].

Рис. 14. Часть глиняного сосуда из внутреннего города Плиски.

В Мадаре накопилось много неизученных материалов, найденных там во время различных раскопок на протяжении ряда лет, в том числе — много керамики. Часть этих материалов дает много точных аналогий второй группе керамики из Нови-Пазара. Перестают быть изолированным явлением и вторичные погребения, раскопанные в свое время В. Миковым в невысоких курганах эпохи раннего железа[3]. По ряду особенностей погребального обряда они хорошо увязываются с погребениями из Нови-Пазара. Особое значение имеет тот факт, что известный «второй» золотой мадарский убор найден во вторичном погребении с захоронением коня

определенного характера, представлены вещами одной и той же средневековой славяно-болгарской культуры. До сих пор под вымосткой двора не были отрыты материалы быта, относящиеся к римской эпохе, в изобилии встречающиеся на самых незначительных римских памятниках.

[1] Раскопки завершены в 1951 г. Ст. Михайловым.

[2] К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, I. Л., 1941, стр. 173; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, XV, 1951, стр. 247 и сл.

[3] В. Миков. Последни могилни находки. Сб. Мадара, I. София, 1934, стр. 429 и сл.

вместе с такими же вещами, какие были найдены на Новипазарском могильнике (рис. 15 и 16).

Много материалов, особенно керамики, среди которой имеются чрезвычайно типичные образцы второй новипазарской группы, обнаружено в окрестностях Коларовграда (рис. 13, *6*), в Преславе и др.

Все это достаточно ясно показывает, что среди славян в области Плиски, Мадары и Преслава во второй половине I тысячелетия н. э. жило многочисленное население, в материальной культуре которого чувствуются далекие сарматские традиции. Этим населением являются праболгары.

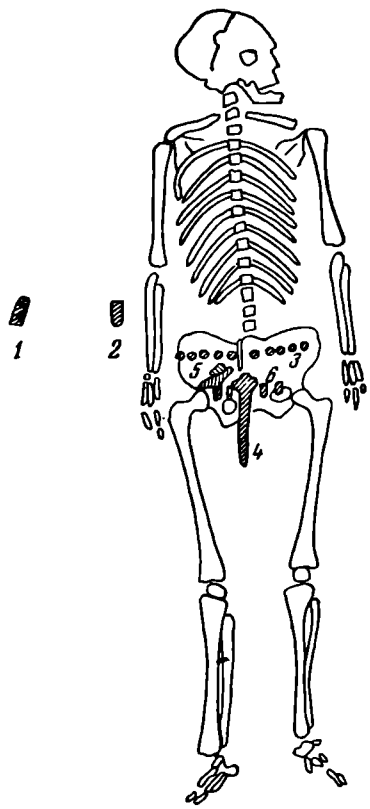


Рис. 15. Погребение № 5 из кургана III возле Мадары.

Все памятники, в которых имеются аналогии материалам и погребальному обряду нашего могильника, расположены на обширном пространстве так называемой дороги народов — от Волго-Донских степей до Средне-Дунайской равнины. Необходимо подчеркнуть, что ближе всего к материалам из Нови-Пазара, главным образом по керамике, стоят памятники третьей четверти I тысячелетия из Северного Причерноморья, ВолгоДонских степей и Северного Кавказа. Таковы Салтовский и Зливкинский могильники[1] и большие могильники Северного Кавказа в долинах Чми, Камунты, Комбулты и др.[2] Далеко на севере от этой территории прямые аналогии новипазарским и мадарским материалам представляют некоторые погребения в Уфе, оставленные пришельцами из Южного Поволжья[3]. Кроме некоторых общих черт погребального обряда, в некоторых из уфимских погребений найдены золотые украшения, ничем не отличающиеся от так называемого «второго» золотого мадарского убора.

Большой Салтовский могильник находится вблизи от городища, укрепленного концентрическим защитным поясом[4] и представляющего почти аналогию Плиске. Маяцкое городище на верхнем Дону, расположенное в непосредственной близости от славян-

---

[1] А. М. Покровский и В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Труды XII АС, стр. 211 и сл.; Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 105; Н. Я. Мерперт. Указ. соч.

[2] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII. М., 1900. Эта близость между новипазарско-плисковской и салтово-маяцкой культурами еще не обозначает, что они вполне идентичны. Но общие черты показывают, что Новипазарский могильник оставлен нам населением, очень близким в этническом и культурном отношениях к населению, оставившему нижнедонские и северокавказские памятники VII—IX вв. Следовательно, праболгары в основном являются племенем, родственным аланам. Этот вывод полностью совпадает с точкой зрения Н. Я. Мерперта, высказанной им в статье «Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары»». СА, XVII, 1953, стр. 274 и сл. и особенно стр. 281.

[3] Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 125 и сл.

[4] В. Бабенко. Древнесалтовские придонецкие окраины южной России. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 438.

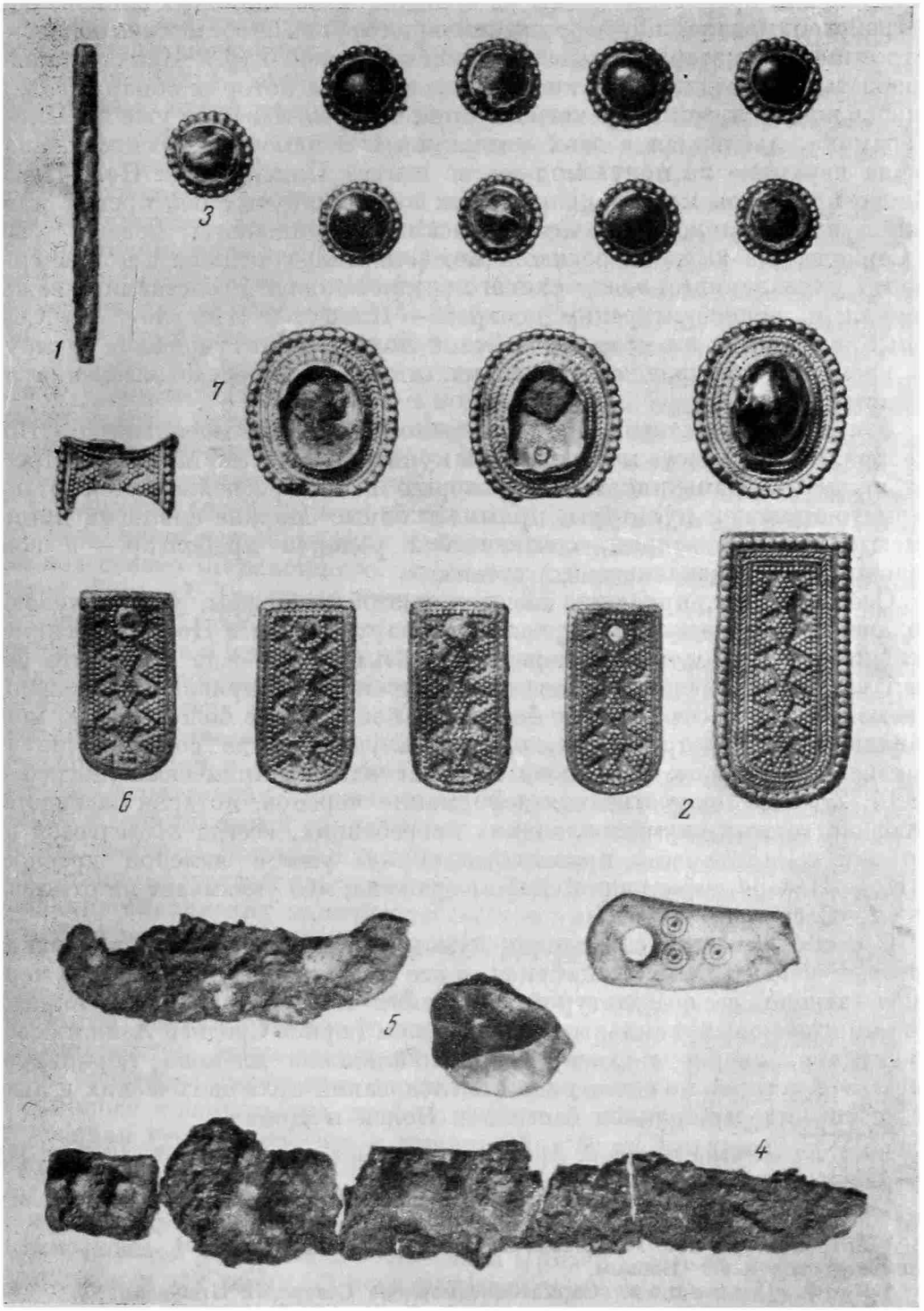


Рис. 16. Инвентарь из погребения № 5 кургана III возле Мадары:

1 — бронзовая палочка; *2* — большая поясная аппликация; *3,7* — пуговицы; *4* — железный нож; *5* — кресало с кремнем; *6* — малые поясные аппликации; *8* — костяная пластинка.

ских поселений[1], имеет много общего с Плиской и Преславом и в характере кладки: крепостные стены из больших известняковых блоков, общее устройство укреплений и сооружений и ряд других более мелких общих черт (строительные материалы, изображения всадников и пр.). Малая каменная крепость на городище окружена поселением, на котором обнаружены жилища в виде полуземлянок того же типа, который известен уже и в Плиске. Керамика, найденная в этих землянках и в каменной крепости, аналогична керамике из полуземлянок из центра Плиски и из Нови-Пазара. Много предметов материального быта из упомянутых болгарских памятников имеет аналогии в нижнедонских укреплениях, прежде всего в Саркеле. На юге, в Предкавказье, земляные городища с концентрическими укреплениями эпохи раннего средневековья[2] представляют важную параллель раннеболгарским центрам — Плиске и Преславу. На Северном Кавказе, как и в северо-восточной Болгарии, эти городища датируются временем становления классовых отношений в среде населения этих областей.

Эти примеры показывают, что основная часть могильника у Нови-Пазара, а также часть материальной культуры Плиски, Мадары и Преслава являются памятниками, в которых ясно прослеживаются отзвуки сармато-аланской культуры, прямые и самые близкие аналогии которым имеются на территории, считающейся родиной праболгар — в волго-донских и северокавказских степях.

Особые черты, присущие носителям этой культуры, устанавливаются по антропологическим материалам, обнаруженным в Новипазарском могильнике[3]. Исследование черепов показывает, прежде всего, что большая часть погребенных имеет четко выраженные признаки европеоидов с заметной примесью, кое-где более сильной, кое-где более слабой, монголоидных черт. Встречаются, однако, случаи, когда соотношение этих признаков обратное: монголоид с европеоидными примесями (погребения № 14, 27, 28). Искусственная деформация черепов, которая засвидетельствована везде в сармато-аланских погребениях, всегда встречается в сочетании с остальными признаками обряда уже с далекой древности. В Нови-Пазаре деформация слабо выражена, что указывает на отмирание этого обычая.

В своем развитии сарматская культура постепенно теряла признаки, которые ее связывали со скифской, и все более и более приобретала черты, связывающие ее с культурой сибирских и среднеазиатских народов[4]. Под многовековым и сильным воздействием тюрков Средней Азии и особенно гуннов, аваров и хазар сармато-аланские племена тюркизировались. Это устанавливается рядом исследований археологических и антропологических материалов бассейнов Волги и Дона[5].

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ПАК, 43, 1911.

[2] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 1941, № 3, стр. 23 и сл.

[3] Антропологические материалы из Нови-Пазара изучены проф. доктором М. Балан и доктором П. Боевым.

[4] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 101 и сл.

[5] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, стр. 263 и сл. Автор обращает внимание на новые убедительные материалы, характеризующие салтовско-маяцкую культуру как культуру тюркскую уже в VII—IX вв., и по праву связывает языковые памятники этой культуры с праболгарскими тюркоязычными надписями; Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по археологическим данным. Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951, стр. 448 и сл.

Выводы, к которым мы приходим в результате анализа материалов Новипазарского могильника и Плиски, были бы неполны и неточны, если бы они основывались только на одних предметах быта населения. Существует, однако, целая категория материалов из могильника и окрестных памятников, которая показывает тюркский характер праболгарской культуры в целом.

В этом отношении характерны амулеты, найденные в некоторых погребениях могильника. Орлиные когти с отверстиями для подвешивания, мелкие косточки зайца и собаки играли в быту населения Нови-Пазара, вероятно, роль амулетов — «оберегов». Особое значение имеет знак на донышке кувшина из погребения № 33 (рис. 11, *5*). Не приходится сомневаться, что этот знак представляет собой схематизированную фигуру орла и находится в прямой связи с родовыми тамгами ряда южносибирских и среднеазиатских народов — поздняя форма стилизованного изображения родового тотема[1]. С тотемическим культом, наверное, связаны также кости зайца и собаки. И орел, и собака, и заяц входят в родовые и племенные традиции тюркских народов. Самой близкой аналогией знаку на донышке сосуда из погребения № 33, который, в данном случае, играет роль ремесленной марки, можно считать изображение орлов на гривне известного Шереметского клада, найденного примерно в 30 км восточнее Плиски[2]. Тюркская культура части населения, жившего около Плиски и Преслава, устанавливается совершенно бесспорно по ряду тюркских терминов и многим так называемым первоболгарским грекоязычным надписям и особенно по тюркоязычным надписям, найденным в последнее десятилетие возле Преслава и Мадары[3].

Итак, археологический материал показывает, что в культуре праболгар, представленной в могильнике Нови-Пазар, а отчасти в Плиске и в окрестных памятниках, сочетаются две основные традиции. Бытовые материалы и погребальный обряд имеют старые сармато-аланские формы. Некоторые предметы культа и родовые знаки говорят о тюркском наследии. И это сочетание встречается в северо-восточной Болгарии среди огромного преобладания славянских памятников быта и культуры, которые во всех известных до настоящего времени случаях представляют с ними единое целое.

Последнее обстоятельство имеет решающее значение при изучении формирования ранней славяно-болгарской культуры. Среди археологических материалов ранне-средневековых памятников северо-восточной Болгарии рельефно выступают следы многовекового, прочного и, как видим, мирного сожительства праболгарского элемента со славянским. Есть основания утверждать, что в течение IX и X вв. керамика салтово-маяцкого типа (в Болгарии — праболгарская) уже употреблялась и славянским населением северо-восточной Болгарии и перестала быть признаком этнической принадлежности. Это служит также свидетельством того, что установившиеся ранее связи с Северным Причерноморьем продолжают существовать и в эту эпоху. В последующие столетия мы находим черты этой керамики — механически приглаженные линии по поверхности очень совершенных в техническом отношении сосудов, хорошо датированных монетами времени около XII в. и характерных для средневековых болгар-

---

[1] В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. СЭ, VI—VII, стр. 168, обр. 3, № 16, 20.

[2] Кр. Миятев. Новооткрито старобългарско съкровище. ИАИ, VIII, стр. 230.

[3] Iv. Venedikov. Trois inscriptions protobulgares. РП, IV, София, 1950, стр. 267; А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954, стр. 264 и сл.

ских городских центров. В эту эпоху праболгарская серо-черная керамика с блестящими полосками уже не существует как особая традиция в керамическом производстве.

Суммируя все эти данные, для подкрепления которых есть и другие факты[1], следует отметить, что Плиска, Мадара и Преслав как культурные центры основаны именно славянами и праболгарами в соответствии со всем социально-экономическим и культурным развитием этих двух компонентов раннефеодального болгарского государства. Многие проблемы, связанные с раннеболгарскими центрами и их культурой, например, вопрос о древних связях славян и праболгар еще до прихода их на Балканы, поставлены теперь в новом свете, который даст возможность правильно решить их.

Материалы из Нови-Пазара подтверждают тот факт, что в раннесредневековую славянскую культуру Болгарии неотъемлемой составной частью вошли элементы тюркизированной сармато-аланской культуры. Известное отражение, бесспорно, дало и эллинистическое наследие, общее для всего Северного Причерноморья. Однако, принимая эти античные и сармато-аланские элементы средневековья, болгарская культура их поглотила, не изменив своего основного славянского характера.

---

[1] А. Бурмов. Към въпроса за произхода на прабългарите. ИИД, XXII—XXIV, стр. 298 и сл.

МАТЕРИАЛЫ
И ДОКЛАДЫ

К. Х. КУШНАРЕВА

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Изучение памятников Закавказья эпохи бронзы, охватывающей первые века I тысячелетия до н. э., позволяет осветить один из последних периодов истории первобытно-общинного строя. Культура Закавказья этого периода представлена целым рядом локальных вариантов, характер которых определялся самостоятельным развитием отдельных этнических групп. Быстро развивавшееся скотоводство, основанное на широком использовании природных условий страны, составляло главную экономическую базу племен, обитавших в горных районах Кавказа. Каждый такой район, объединенный общностью хозяйства, шел по своему собственному пути развития, что имело решающее влияние как на характер его материального производства, так и на особенности идеологических представлений.

Одной из важных задач, стоящих перед советскими археологами-кавказоведами, является детальное изучение и периодизация археологических памятников ряда культурных областей, определяющих общий характер культуры Кавказа в эпоху бронзы. Одна из таких областей — Нагорный Карабах. Несмотря на большое число самых различных археологических памятников, свидетельствующих об интенсивной культурной жизни Нагорного Карабаха в древности, территория этой области до сих пор не подвергалась систематическому научному изучению.

Эпизодические раскопки в Нагорном Карабахе производились неоднократно. Первые и самые продолжительные работы провел Э. Реслер, работавший там в 1892—1897 гг. по поручению и на средства Археологической комиссии; материалы Э. Реслера до настоящего времени являются основным источником для изучения древнейшей истории края[1]. Позднее некоторые памятники служили объектом кратковременных раскопок А. А. Ивановского (1896), И. И. Мещанинова (1926), Я. И. Гуммеля (1938—1939), С. М. Казиева (1938) и др.[2] Изучение всех архивных и му-

[1] Архив ИИМК АН СССР, Фонд 1, Дела Археологической комиссии № 130/1891; 54/1894, 60/1895, 36/1896, 48/1897; ОАК за 1894—1897 гг.; Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte (сокр. VBGAEU) за 1892—1896, 1898, 1899 гг.

[2] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, стр. 148; И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работе археологической экспедиции в Нагорном Карабахе и Нахичеванском крае. Изв. ГАИМК, т. I, 1926; И. М. Джафарзаде. Ходжалинская экспедиция. Изв. АзФАН СССР, 1941, № 2; Дж. Александрович-Насыфи. Перечень и краткая характеристика курганов главного курганного поля у ст. Ходжалы. Изв. Азкомстариса, вып. III. Баку, 1927; Я. И. Гуммель. Не-

зейных материалов из раскопок Э. Реслера, с привлечением данных из последующих раскопок, позволило выделить разновременные группы памятников, отражающих основные этапы древнейшей истории племен, обитавших в Нагорном Карабахе[1].

Нам уже приходилось в специальной статье говорить о памятниках медного века этой области, к которым относятся курганы, исследованные Я. И. Гуммелем у гор. Степанакерта, и курганы, открытые Э. Реслером на правом берегу р. Хаченагет[2]. Настоящая статья посвящена исследованию других курганов Мардакертского района (раскопки Э. Реслера), сооруженных на тысячелетие позднее и отражающих новый этап древнейшей истории Нагорного Карабаха.

РАСКОПКИ БЛИЗ СЕЛЕНИЯ АРЧАДЗОР (1893—1894 гг.)

Армянское селение Арчадзор[3] раскинулось в живописном ущелье на левом берегу р. Хаченагет, примерно в 32 км к северо-западу от старой Шуши, бывшего центра Нагорного Карабаха. В непосредственной близости от селения Э. Реслером было зафиксировано 9 крупных курганов, два из которых ему удалось исследовать. Третий курган Э. Реслер предварительно обследовал в 1893 г. и в местах, разрушенных местными жителями, берущими из насыпи камень, нашел остатки бронзового шлема и части пояса. В следующем, 1894 году Э. Реслер нашел его разграбленным. Около кургана ему удалось собрать лишь несколько каменных наконечников стрел. По словам местных жителей, в этом кургане находилась большая бронзовая фигура животного, судя по описанию,— барса[4]. Больше никаких сведений о других Арчадзорских курганах Э. Реслер не сообщает.

К у р г а н № 1[5]. Расположен примерно в 1,5 км к югу от селения и в 81 м от дороги, идущей параллельно реке. Насыпь высокая, конусообразной формы. Размеры: диаметр у подошвы — около 27 м, высота — около 10 м. Насыпь состояла из черной земли, перемешанной с крупным булыжником. На глубине 3 м были обнаружены пять каменных плит, перекрывающих каменный ящик. Длина плит 1,3—1,57 м, ширина 0,6—1 м, толщина 0,30—0,45 м. Ящик был сложен из неотесанных каменных глыб; размеры ящика: длина — 3,7 м, ширина — 1,4 м, высота — 1,56 м. Могила была засыпана песком и каменного дна не имела[6].

которые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948, е г о ж е. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Изв. АзФАН СССР, 1939, № 4; С. М. К а з и е в. Об археологических раскопках в сел. Оратах близ Степанакерта. Изв. АзФАН СССР, 1939, № 3; Л. П. Т а ш ч я н. Курган с массовым погребением в окрестностях гор. Степанакерта. Изв. АзФАН СССР, 1944, № 11.

[1] К. Х. К у ш н а р е в а. Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III — середина I тысячелетия до н. э.). Автореферат диссертации. Л., 1951.

[2] Я. И. Г у м м е л ь. Указ. соч.; К. Х. К у ш н а р е в а. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, стр. 165.

[3] Азербайджанское название его «Давшанлы».

[4] Дело АК № 130/1891, л. 21—26; VBGAEU, 1896, стр. 90.

[5] Дело АК № 130/1891, л. 55; VBGAEU, 1894, стр. 224. В отчетах Археологической комиссии сведений об этом кургане не имеется. Некоторые предметы из этого кургана (№ 13, 18, 19) упоминаются как найденные в кургане № 2. См. ОАК за 1894 г., стр. 18, рис. 9—12.

[6] Судя по данным Э. Реслера относительно высоты кургана (10 м), глубины залегания ящика (3 м) и высоты его (1,56 м), мы заключаем, что ящик был сооружен на искусственном возвышении, о котором Э. Реслер не упоминает.

В могиле было обнаружено четыре скелета (рис. 1). Скелет основного покойника лежал в юго-восточной части могилы головой на восток, на спине, в вытянутом положении, с руками вдоль туловища; голова его была украшена бронзовым венчиком, рядом с ним были положены меч, секира, кинжал, навершие посоха, долотообразное орудие и др.; у ног покойника стоял сосуд, наполненный раковинами «каури».

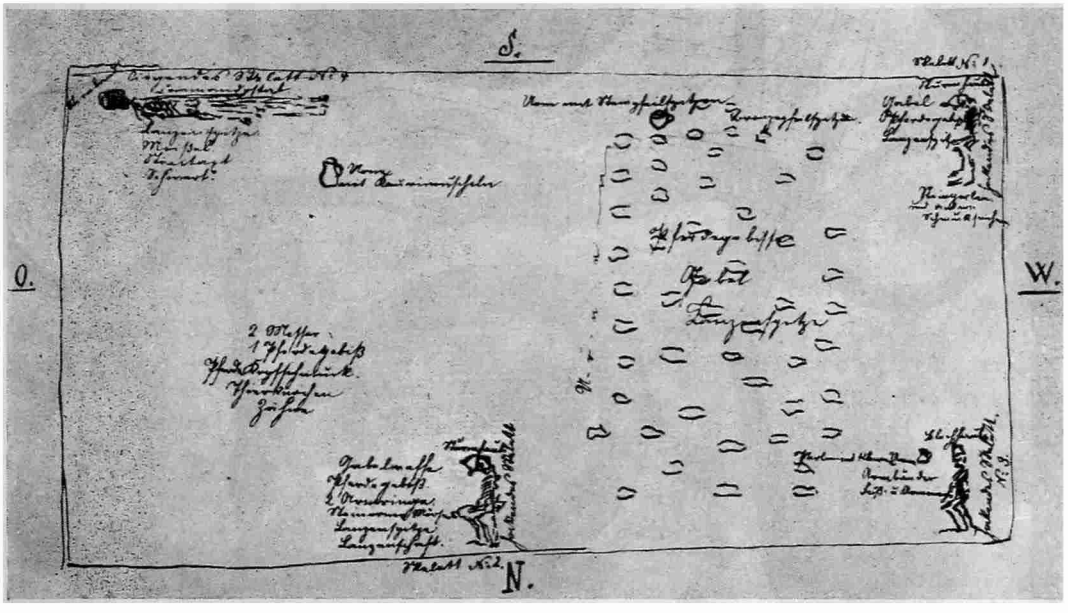


Рис. 1. План погребения в кургане № 1 близ сел. Арчадзор (по Э. Реслеру).

Три сопровождающих покойника были в сидячем положении; скелеты их располагались в могиле следующим образом: первый (мужской) скелет находился в юго-западном углу могилы, голова его была обращена к востоку; на черепе найдены остатки бронзового шлема; рядом с ним лежали удила, вилы, кинжал и мелкие украшения. Второй (мужской) скелет находился в средней части северной стороны могилы; на черепе его были также остатки бронзового шлема; рядом с ним лежали удила, вилы, браслеты; здесь же стояла каменная ступка. Третий (женский)[1] скелет находился в северо-западном углу могилы; голова его, с остатками убора из листовой бронзы, была повернута к востоку; на руках были надеты кольца, на ногах — браслеты, рядом стоял маленький сосуд, наполненный сердоликовыми и золотыми бусами и бронзовыми украшениями.

В западной части могилы находилось 40 глиняных сосудов; один из них был наполнен обсидиановыми наконечниками стрел, другие — золой и пеплом. В восточной части могилы были разбросаны кости животных, удила и различные предметы конского убора.

Предметы из кургана № 1[2]. Узкий бронзовый меч (рис. 2, *1*), 40 бронзовых наконечников стрел с сильно загнутыми внутрь крыльями (рис. 2, *8*), 15 обсидиановых наконечников стрел (рис. 2, *9*), 4 бронзовых кинжала с ажурными

[1] Э. Реслер определил этот скелет как женский, по-видимому, лишь на основании инвентаря, находившегося при нем (кольца, браслеты, бусы).

[2] Основная часть предметов хранится в Государственном Эрмитаже (Отд. Востока, 1-е отделение, инв. № 16626—16650). Небольшая часть сосудов хранится в ГИМ (Археолог. отд., II отд., коллекция № 35176). Некоторое количество второстепенных бронзовых предметов, а также часть керамики, оставленные Э. Реслером в свое время для археологического кабинета Шушинского реального училища и попавшие позднее

Рис. 2. Предметы из кургана № 1 близ сел. Арчадзор:

1—меч; *2*—удила; *3, 7*—бляхи; *4,5*—пуговицы; *6*—кольцо; *8, 9*—наконечники стрел; *10*—долотообразное орудие; *11*—фрагменты кинжала; *12*—нож; *13*—секира; *14*—колечко

Рис. 3. Предметы из кургана № 1 близ сел. Арчадзор:

1, 6—браслеты; *2*—кольцо; *3*—бляшка; *4*—пряжечка; *5*—навершие; *7* — бусы и подвески

набалдашниками (рис. 2, *11*), массивная бронзовая секира (рис. 2, *13*), 3 экземпляра бронзовых втульчатых вил, шлем из листовой бронзы, 4 экземпляра бронзовых удил (рис. 2, *2*), 2 бронзовых втока (рис. 8, *6*), бронзовое орудие долотообразной формы со спиральным вкованным бронзовым орнаментом (рис. 2, *10*), 2 бронзовых ножа (рис. 2, *12*), бронзовое навершие в виде головы быка (рис. 3, *5*), бронзовая пряжечка

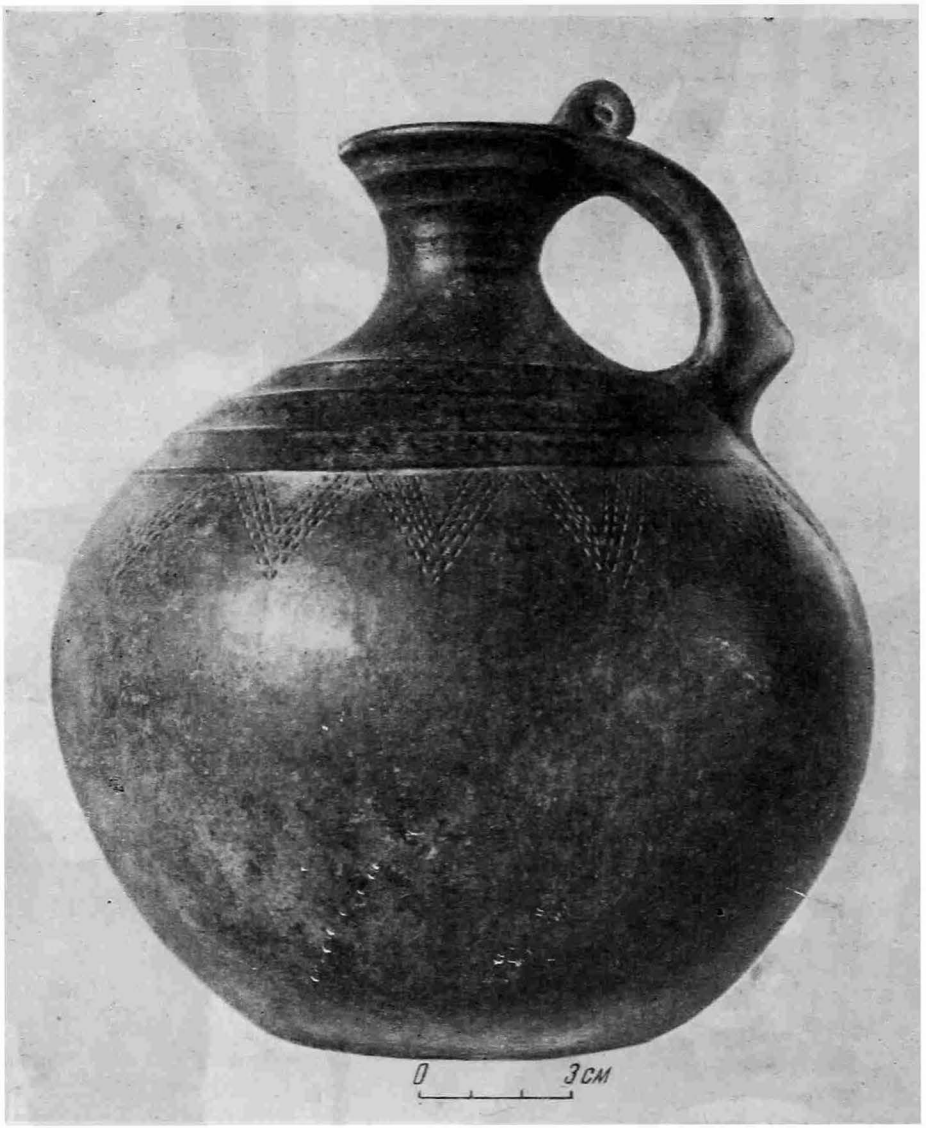


Рис. 4. Сосуд из кургана № 1 близ сел. Арчадзор.

с инкрустациями из камней и четырьмя головками хищников (рис. 3, *4*), бронзовое колечко с такой же головкой (рис. 2, *14*), бронзовые пуговицы различных размеров с пастовыми вставками (рис. 2, *4*, *5*), круглая бронзовая бляха со спиральным орнаментом и пастовой сердцевиной (рис. 2, *3*), бронзовое кольцо с вкованным спиральным орнаментом (рис. 2, *6*), различные браслеты (рис. 3, *1*, *6*), кольца, выпуклые бляшки, щипчики, шилья.

Помимо бронзовых предметов, в кургане находилось свыше 350 различных бус и подвесок (рис. 3, *7*) и около 40 глиняных сосудов, часть из которых описана в ката-

в Кавказский музей (ныне Гос. музей Грузии), были, по-видимому, описаны П. С. Уваровой: см. Кавказский музей, т. V. «Археология», Тифлис, 1905, № 1611—2660. Некоторые предметы отсутствуют; схематические рисунки их включены в указанный отчет Э. Реслера.

логе П. С. Уваровой[1], а три хранятся в ГИМ, в том числе крупный одноручный чернолощеный кувшин с пунктирным орнаментом (рис. 4; 5, *2*), крупный одноручный чернолощеный кувшин с вертикальным рифлением в верхней части (рис. 5, *1*), небольшой узкогорлый кувшин, покрытый вертикальным лощением (рис. 5, *3*).

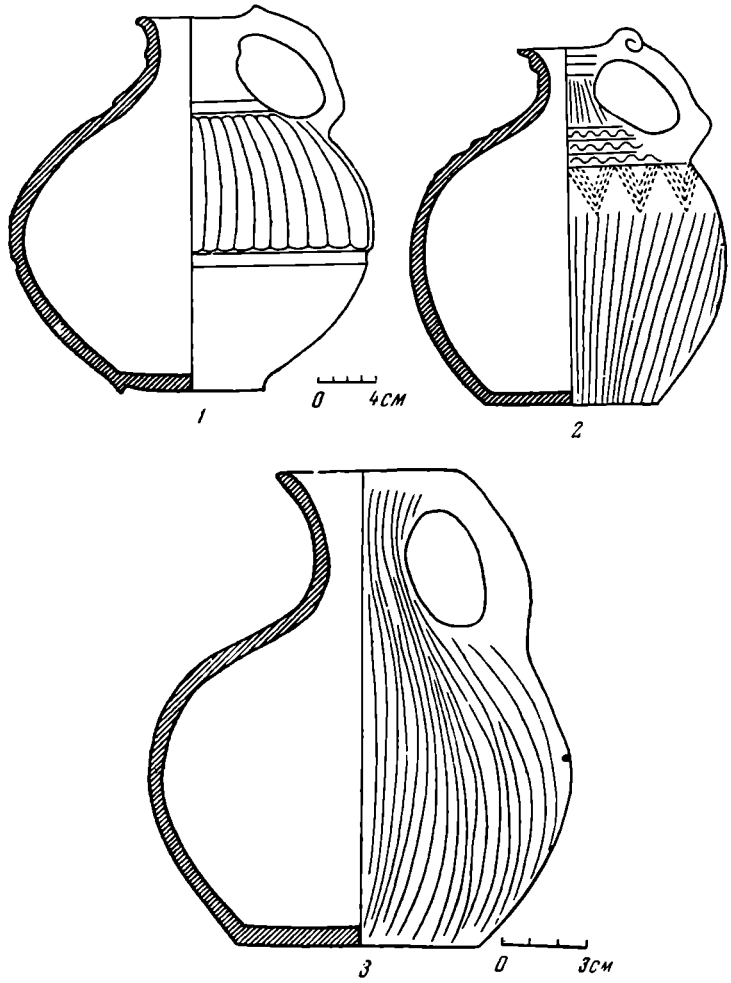


Рис. 5. Сосуды из кургана № 1 близ сел. Арчадзор.

К у р г а н № 2[2]. Расположен в 420 м восточнее кургана № 1 и в 60 м севернее дороги, идущей параллельно реке. Насыпь имеет конусообразную форму, несколько сплющенную наверху. Размеры: диаметр у подошвы — около 16 м, диаметр верхней площадки — около 6,4 м, высота — около 5,5 м. Насыпь состояла из черной земли, перемешанной с булыжником. На глубине более 3 м, в небольшом возвышении[3] были вскрыты три прямоугольные могилы, лучеобразно расходящиеся в трех направлениях (рис. 6): могила «a» — с с.-з. на ю.-в., могила «b» — с с.-в. на з.; третья могила, не попавшая в узкую траншею раскопа, осталась неисследованной, однако, судя по чертежу Э. Реслера, она была ориентирована с ю.-з. на с.-в.[4] Продольные и поперечные размеры могил Э. Реслером не указаны; глубина — 1,2 м.

[1] П. С. У в а р о в а. Указ. соч., № 2649—2660.

[2] Дело АК № 54/1894, л. 34; ОАК за 1894 г., стр. 17; VBGAEU, 1896, стр. 90.

[3] Реслер считает это возвышение естественным, однако мы полагаем, что здесь, как и в первом кургане, первоначально сооружалось возвышение, в котором затем устраивались могилы.

[4] Не исключена возможность, что третьей могилы вообще не было.

В каждой из двух могил был обнаружен скелет, лежавший на спине, в вытянутом положении, ногами к общему центру. Около скелетов лежали сопровождающие предметы. Сверху могила была засыпана землей и булыжником, поверх которых была сооружена курганная насыпь.

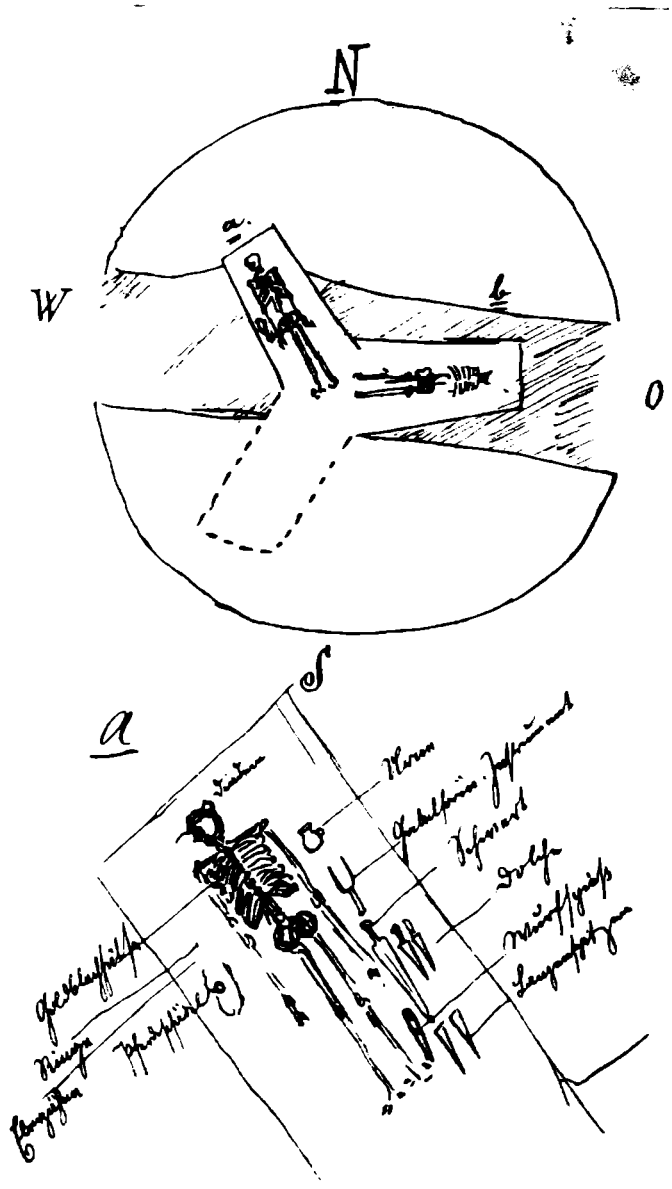


Рис. 6. План погребения в кургане № 2 близ сел. Арчадзор (по Э. Реслеру).

В могиле «а» (рис. 6), по словам Э. Реслера, находился скелет юноши, череп которого принадлежал к долихоцефальному типу. На черепе обнаружены остатки бронзового венчика, рот был наполнен золотой пылью. Справа от него лежал череп лошади, тут же находились зубы кабана, бронзовые кольца, сердоликовые бусы. Слева, у плеча, стоял небольшой рифленый кувшин, около бедра лежали меч, кинжалы, вилы, наконечники

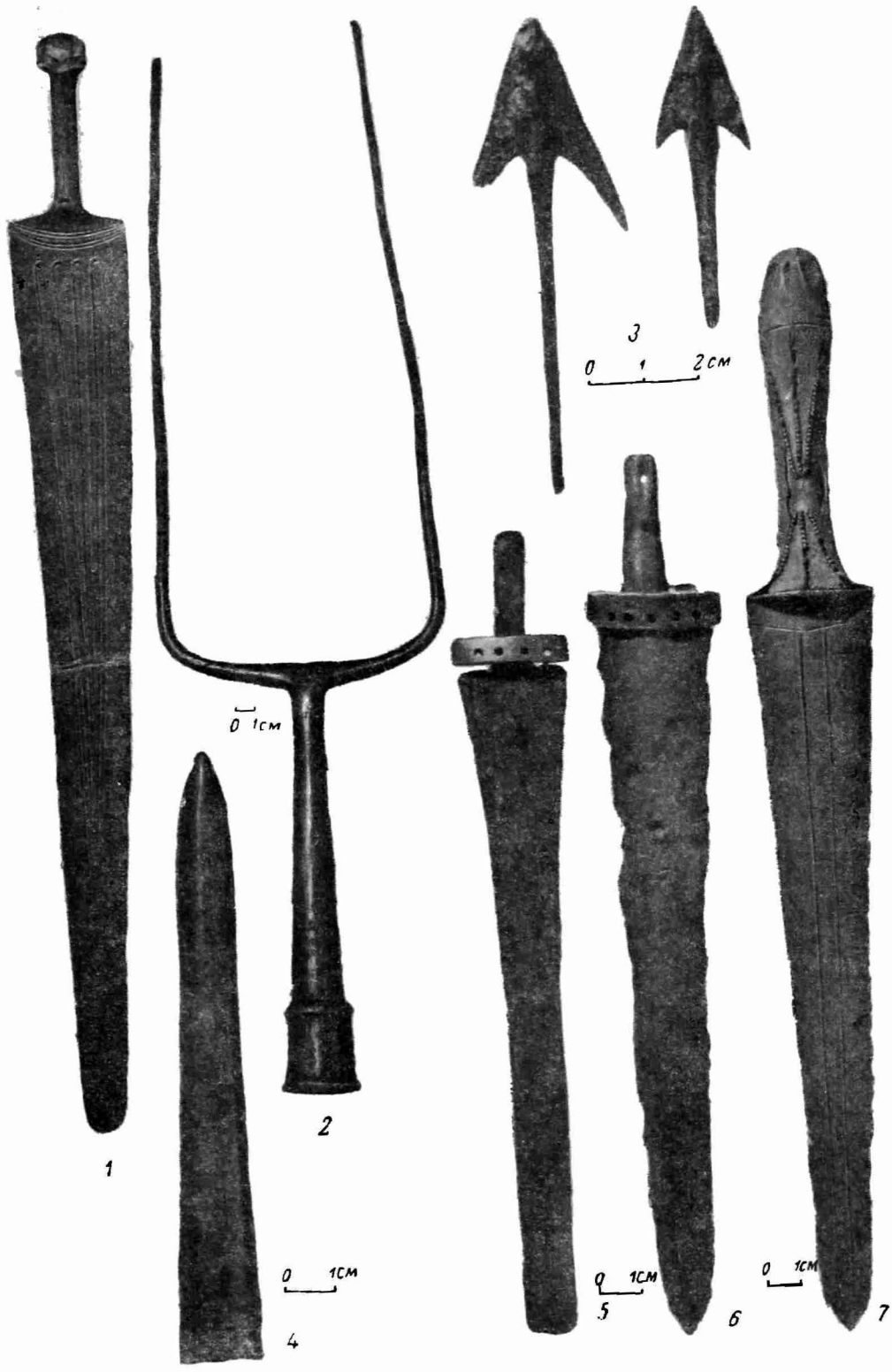


Рис. 7. Предметы из кургана № 2 близ сел. Арчадзор:
1— меч; *2*—вилы; *3*—наконечники стрел; *4*—наконечник копья; *5—7*—кинжалы

Рис. 5. Предметы из курганов № 1 (*6*) и № 2 (*1—5*, *8*, *9*) близ сел. Арчадзор и кургана № 1 из сел. Баллукая (*7*):

1—кинжал; *2*—золотой цилиндр; *3*—кольцо; *4*—молоточкообразный предмет; *5*—рукоятка орудия; *6*, *7*—втоки; *8*—колечко; *9*—бусина

копья и пр. В могиле «b» был обнаружен скелет без черепа; около скелета находились бронзовые и каменные наконечники стрел, обломки сосудов, удила и другие предметы конского убора. Здесь же, по словам Э. Реслера, лежали кости лошади, собаки и хищных птиц [?].

Предметы из кургана № 2[1]. Бронзовый меч с деревянными вставками на рукоятке (рис. 7, *1*), бронзовые вилы (рис. 7, *2*), бронзовые удила (три экземпляра), бронзовый кинжал с деревянными вставками на рукоятке (рис. 7, *7*; 8, *1*),

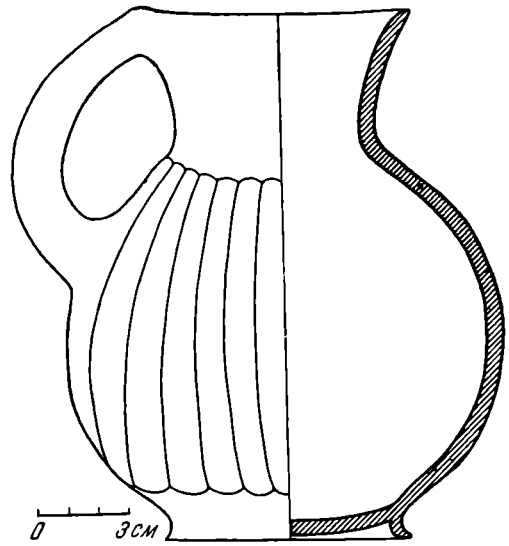


Рис. 9. Сосуд из кургана № 2 близ сел. Арчадзор.

аналогичный бронзовый кинжал, узкий бронзовый наконечник копья (рис. 7, *4*), 30 бронзовых наконечников стрел (рис. 7, *3*), 6 обсидиановых наконечников стрел, 2 простых бронзовых кинжала (рис. 7, *5—6*), бронзовые ножи, рукоятка долотообразного орудия, украшенная спирально вкованными бронзовыми лентами и инкрустированная камнями (рис. 8, *5*), кольцо с такими же украшениями (рис. 8, *3*), бронзовые пуговицы с пастовыми вставками, костяные бляшки с бронзовой инкрустацией, бронзовое колечко с птицеобразной головкой (рис. 8, *8*), бронзовый молоточкообразный литой предмет (рис. 8, *4*), маленький полый цилиндр из листового золота с тисненными изображениями животных (рис. 8, *2*), крупная сердоликовая бусина бочонкообразной формы (рис. 8, *9*), небольшой глиняный одноручный кувшин, украшенный рифлением (рис. 9).

РАСКОПКИ БЛИЗ СЕЛЕНИЙ БАЛЛУКАЯ И СИРХОВЕНДЕ (1894, 1897 гг.)

Селения Баллукая и Сирховенде расположены также на левом берегу р. Хаченагет, в 8 км восточнее сел. Арчадзор[2]. Находятся они в небольшой долине, окруженной с трех сторон лесистыми горами и примыкающей с юго-восточной стороны к реке. Расстояние от реки до сел. Сирховенде — 3 км; расстояние между селениями примерно 1 км.

---

[1] Большая часть бронзовых предметов из кургана № 2 хранится в Государственном Эрмитаже (Отд. Востока, 1-е отделение, инв. № 16651—16668). Единственный целый сосуд хранится в ГИМ (Археолог. отд., II отд., коллекция № 35176). Предметы № 3, 5, 8, 10, 13, 14 в известных коллекциях отсутствуют; схематические рисунки их приведены в указанном отчете Э. Реслера.

[2] Дело АК № 54/1894, л. 44; VBGAEU, 1896, стр. 101.

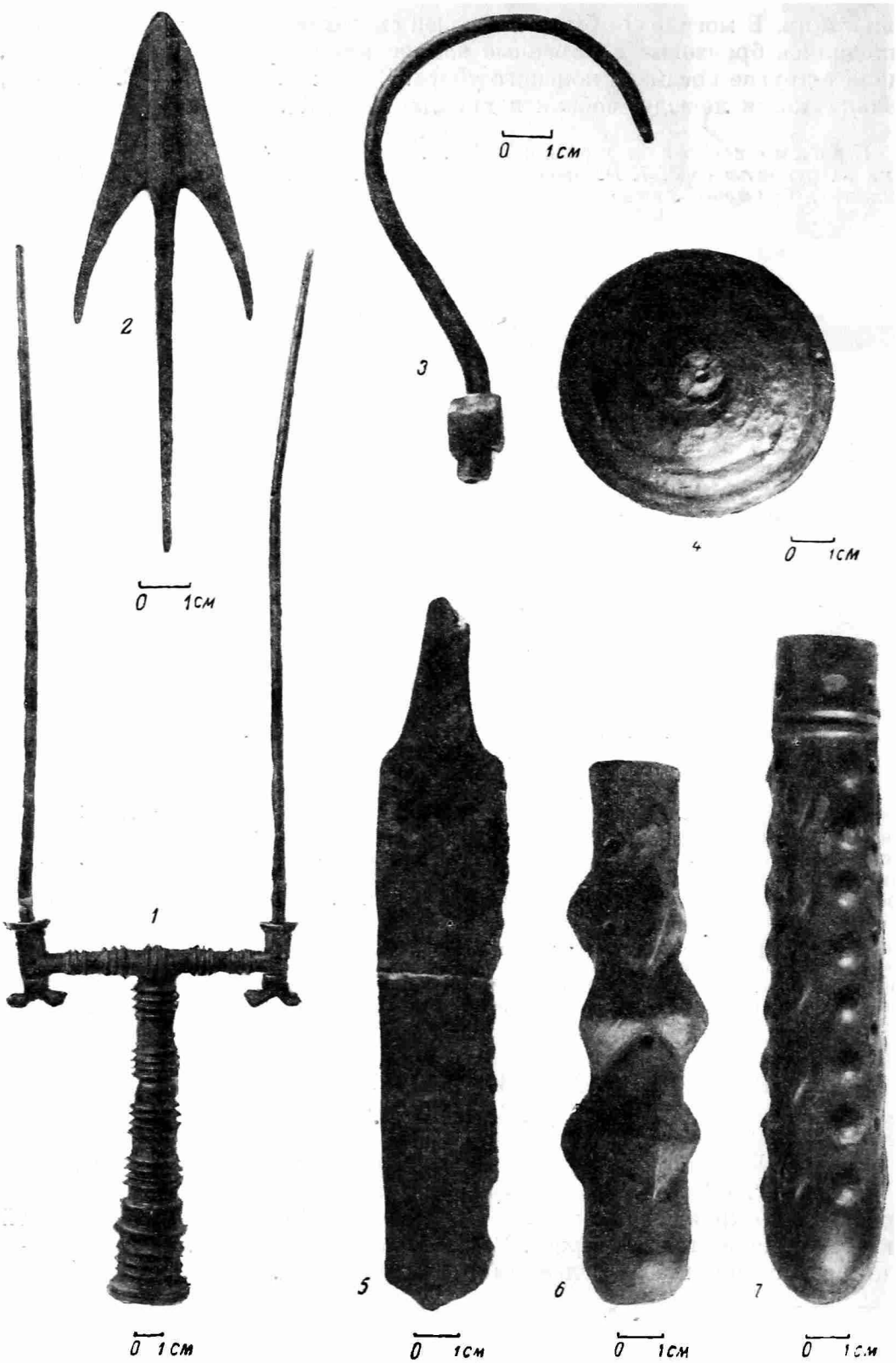


Рис. 10. Предметы из кургана № 1 у сел. Баллукая и Сирховенде:

1—вилы; *2*—наконечник стрелы; *3*—крюк; *4*—бляха; *5*—нож *6, 7*—втоки

К у р г а н № 1[1]. Расположен между двумя селениями, ближе к сел. Сирховенде. Высокая курганная насыпь состояла из песка, без булыжников. Размеры: диаметр у подножья — около 22 м, диаметр верхней площадки—около 10 м, высота — около 9 м. На глубине 5 м было обнаружено большое количество истлевшего дерева, являвшегося, несомненно, остатками большого помоста. Ввиду раскопки кургана сравнительно узкой траншеей, общий характер помоста, а также основные его размеры

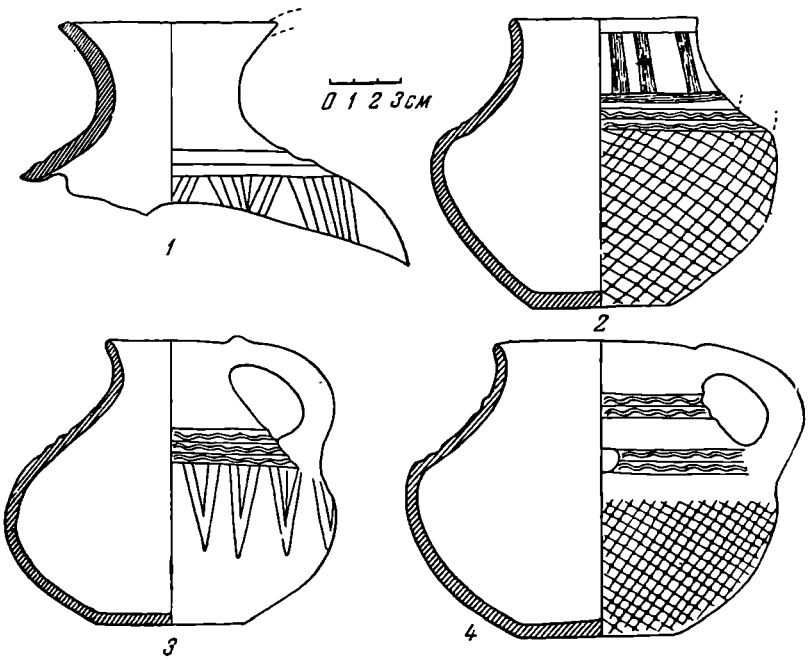


Рис. 11. Сосуды из кургана № 1 у сел. Баллукая и Сирховенде.

установлены не были. В северо-западной части кургана, под помостом, был обнаружен круглый камень, служивший, вероятно, базой для одного из столбов, поддерживавших помост. В юго-западной части, под помостом, был обнаружен человеческий скелет, у которого, как и во втором Арчадзорском кургане, отсутствовал череп. Здесь же лежали кости лошади, быка и собаки, рядом с которыми были разбросаны металлические и костяные предметы; тут же стояли сосуды, причем небольшие сосуды были вложены в более крупные; последние почти все были раздавлены.

П р е д м е т ы и з к у р г а н а № 1[2]. Небольшие вилы, скрепленные деревянными штифтами и украшенные рельефными головками хищников (рис. 10, *1*), 4 бронзовых массивных втока с различными украшениями (рис. 8, *7*; 10, *6*, *7*), бронзовые наконечники стрел (рис. 10, *2*), массивная круглая бляха со спирально вкованной бронзовой лентой (рис. 10, *4*), бронзовый крюк (рис. 10, *3*), бронзовые кольца, костяные поделки.

Кроме перечисленных вещей, в могиле были сосуды: небольшой чернолощеный одноручный кувшин с врезным орнаментом (рис. 11, *3*), небольшой широкогорлый чернолощеный одноручный кувшин с сетчатым и волнообразным орнаментом (рис. 11, *4*), небольшой кувшин аналогичной формы, украшенный лощением в виде широких вертикальных и волнообразных линий (рис. 11, *2*), верхняя часть крупного чернолощеного сосуда с врезным орнаментом (рис. 11, *1*).

[1] Дело АК № 54/1894, л.54; дело АК № 48/1897, л. 216; ОАК за 1894 г., стр. 19; VBGAEU, 1896, стр. 102.

[2] Часть бронзовых предметов хранится в Государственном Эрмитаже (Отд. Востока, 1-е отделение, инв. № 16669—16675); остальные бронзовые и костяные предметы, а также керамика хранятся в ГИМ (II отд., коллекции № 39940 и 35176).

РАСКОПКИ БЛИЗ СЕЛЕНИЯ АХМАХИ (1897)[1]

Селение Ахмахи находится также на левом берегу р. Хаченагет, между сел. Арчадзор и Баллукая. Несколько южнее сел. Ахмахи, примерно в 2 км к северо-западу от известных курганов медного века, на правом берегу р. Хаченагет Э. Реслером было зафиксировано восемь небольших расплывчатых курганов, резко отличавшихся по внешнему виду от крупных курганов этой местности. Удалось раскопать только пять из них, так как три к моменту приезда Э. Реслера были разграблены[2].

Курган № 1. Насыпь в форме уплощенного конуса. Размеры: диаметр у подошвы—около 16,25 м, диаметр верхней площадки — около 5 м, высота—около 1 м. Насыпь состояла из песка, перемешанного с камнями. Под насыпью был обнаружен каменный ящик, ориентированный с запада на восток и покрытый прямоугольными плитами (рис. 12). Размеры ящика: длина — 2,4 м, ширина — 1,2 м, глубина — 1,5 м. Каменного дна в ящике не было.

В восточной стороне могилы лежал на правом боку мужской скелет со сложенными на животе руками; ориентирован он был с запада на восток; череп скелета принадлежал долихоцефальному типу; около него стояло 4 грубых глиняных лепных сосуда (рис. 13), наполненных золой и костями мелких животных; здесь же лежали бронзовый кинжал и нож закавказского типа, бронзовый литой наконечник копья, кремневые наконечники стрел. Около западной, северной и южной стенок находились три других скелета в сидячем положении; головы их были обращены в центр могилы, руки уперты в землю; около них лежали мелкие предметы—кольца и бусы, шило и пр.; черепа этих сопровождающих главного покойников принадлежали к брахицефальному типу.

Курган № 2[3]. Расположен в 375 м западнее кургана № 1. Насыпь в форме более высокого уплощенного конуса. Размеры: диаметр у подошвы — около 16 м, диаметр верхней площадки — 6,7 м., высота — 2,5 м. Курганная насыпь состояла из песка и крупных камней. Под насыпью обнаружен каменный ящик неправильной формы, перекрытый четырьмя известковыми плитами (рис. 14). Размеры ящика: длина — 4,2 м, ширина в западной части — 1,5 м, глубина — 1,4 м. Ориентировка ящика — с запада на восток; в западной части могилы, перпендикулярно к ее дну, была поставлена большая плита из известняка. В могиле находилось два скелета, сидящих с наклоненными вперед головами, — один в восточной стороне, другой в западной. Почти все предметы, найденные в могиле, были сосредоточены около скелета в западной части: два бронзовых кинжала закавказского типа с ажурным набалдашником, бронзовое шило и наконечник стрелы, костяное острие, обсидиановые и кремневые наконечники стрел, сердоликовые бусы. Около другого скелета стояло пять различных сосудов (рис. 15), три из них были наполнены золой и лошадиными зубами.

Курган № 3[4]. Расположен в 75 м к югу от кургана № 2 и в 10 м от кургана № 4. Сходен по форме с предыдущими. Размеры: диаметр у подошвы — около 9,2 м, диаметр верхней площадки — около 5,5 м,

[1] Дело АК № 48/1897, л. 219; VBGAEU, 1899, стр. 261. Все предметы, найденные в этих курганах, хранятся в ГИМ (II отд., коллекции № 39940 и 35176).

[2] Ввиду того, что курганы у сел. Ахмахи представляют наибольший интерес по обряду захоронения, мы ограничимся подробным описанием последнего, не давая воспроизведения предметов, найденных в этих курганах и прекрасно известных по рядовым могилам бронзового века Кавказа.

[3] Дело АК № 48/1897, л. 222; ОАК за 1897 г., стр. 158; VBGAEU, 1899, стр. 265.

[4] Дело АК № 48/1897, л. 224; ОАК за 1897 г., стр. 158; VBGAEU, 1899, стр. 268.

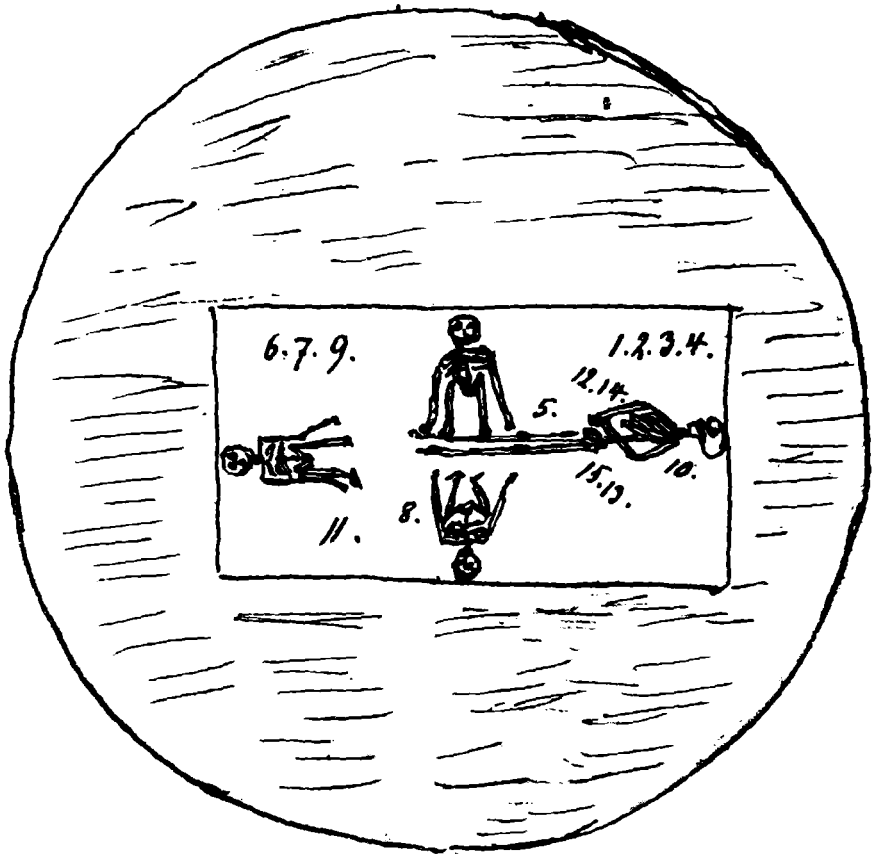


Рис. 12. План погребения в кургане № 1 близ сел. Ахмахи (по Э. Реслеру).

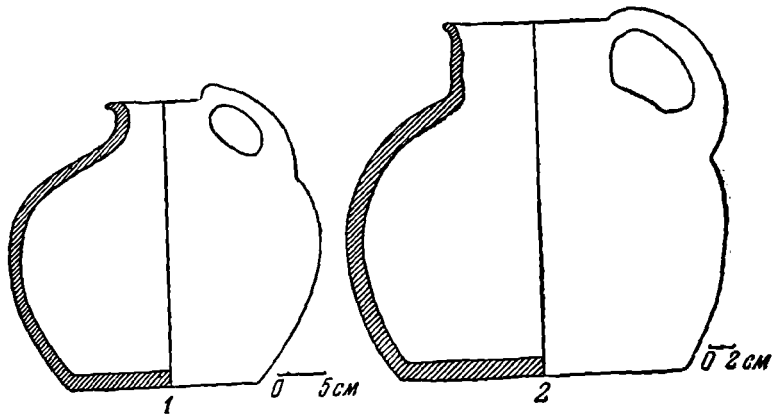


Рис. 13. Сосуды из кургана № 1 близ сел. Ахмахи.

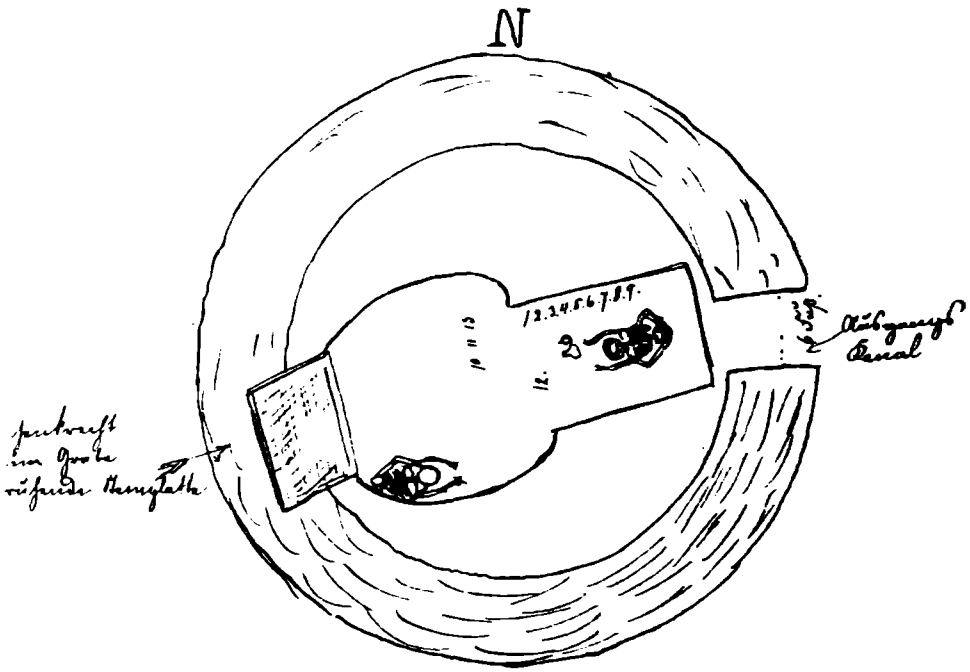


Рис. 14. План погребения в кургане № 2 близ сел. Ахмахи (по Э. Реслеру).

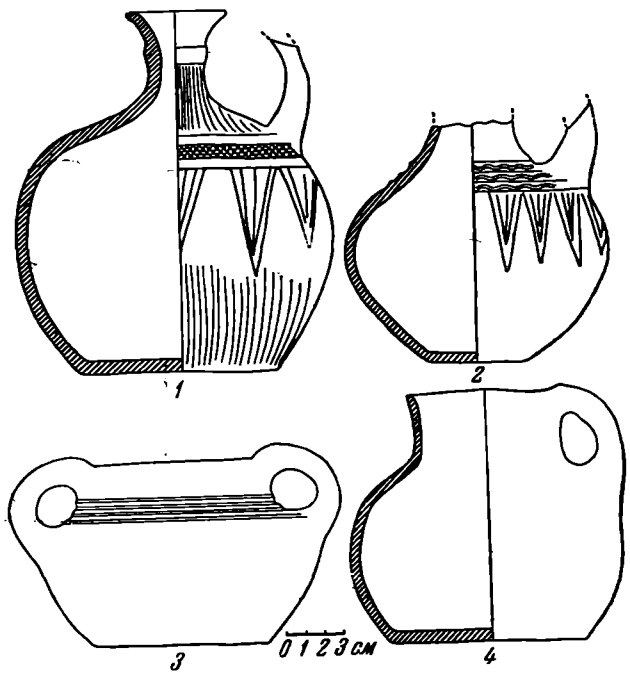


Рис. 15. Сосуды из кургана № 2 близ сел. Ахмахи.

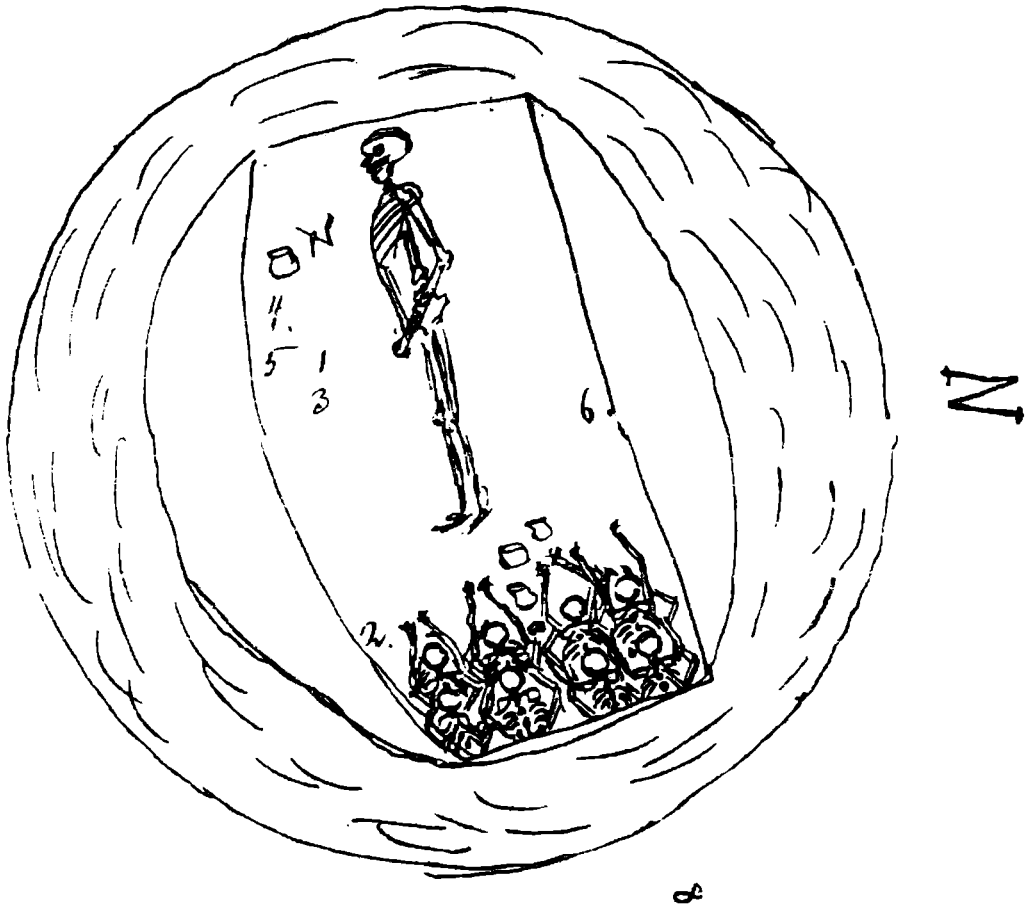


Рис. 16. План погребения в кургане № 3 близ сел. Ахмахи (по Э. Реслеру).

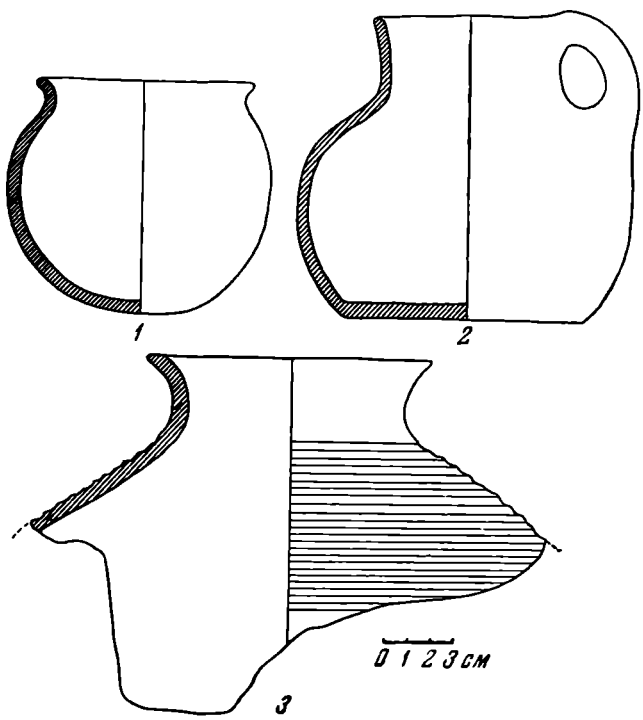


Рис. 17. Сосуды из курганов № 3 (*2*, *3*) и № 5 (*1*) близ сел. Ахмахи.

высота — 2,5 м. Курганная насыпь состояла из песка и крупных камней. Под насыпью обнаружен каменный ящик, перекрытый двумя большими плитами (рис. 16). Размеры ящика: длина — 2,7 м, ширина — 1,7 м, глубина — 1,8 м. Ориентировка ящика — с запада на восток. В могиле на земляном дне было обнаружено девять скелетов; один из них лежал

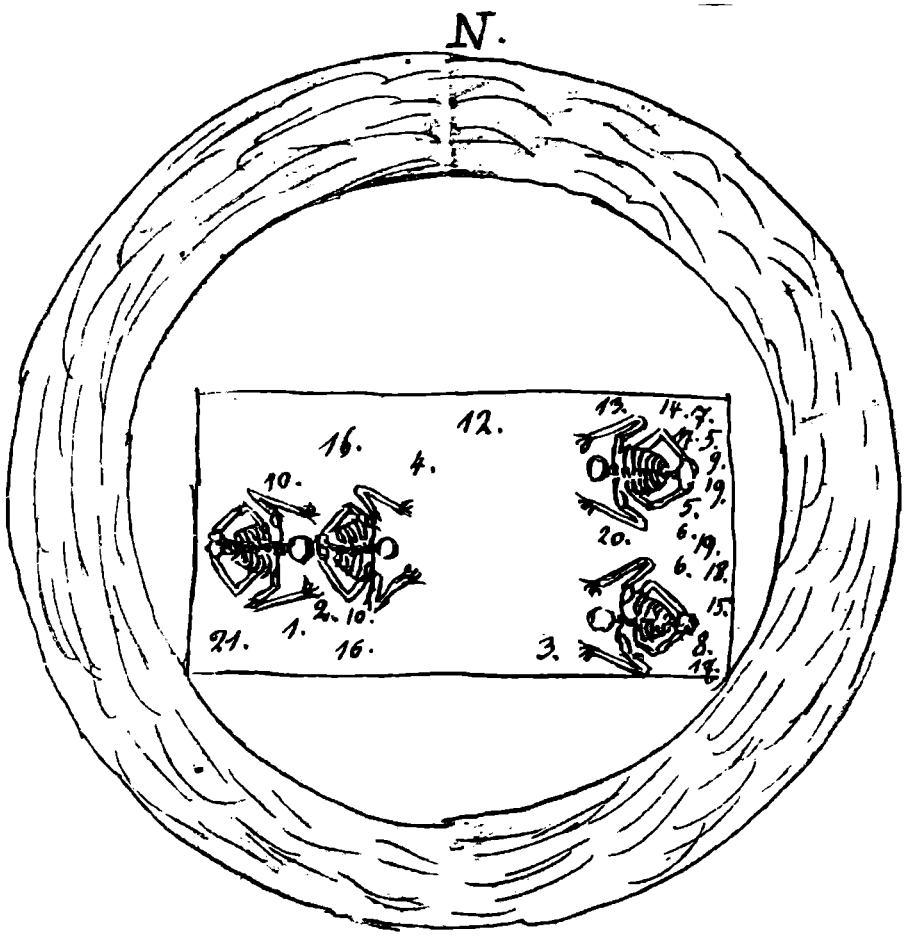


Рис 18. План погребения в кургане № 5 близ сел. Ахмахи (по Э. Реслеру).

в западной части в вытянутом положении, на правом боку, с руками, сложенными на животе; череп его относился к долихоцефальному типу; около головы стоял грубый лепной сосуд с пеплом и золой (рис. 17, *2*), рядом лежали бронзовые кинжалы закавказского типа, костяной наконечник копья, кольца, бусы. У восточной стенки располагались в два ряда плотно прижатые друг к другу остальные восемь скелетов людей, сопровождавших основного покойника; ноги их были поджаты, головы наклонены вперед, руки уперты в дно могилы. Их черепа — брахицефального типа, со следами повреждений, свидетельствующих об их насильственной смерти.

К у р г а н № 4[1]. Расположен в 10 м к северу от кургана № 3. По внешнему виду сходен с предыдущими. Размеры: диаметр у подошвы — около 9,5 м, диаметр верхней площадки — около 3,8 м, высота — 1,8 м. Насыпь состояла из песка, земли и камней. Под насыпью был обнаружен

[1] Дело АК № 48/1897, л. 227; ОАК за 1897 г., стр. 158; VBGAEU, 1899, стр. 270.

каменный ящик, в котором находились раздробленные обломки человеческих костей и несколько бронзовых браслетов и колец.

К у р г а н № 5[1]. Расположен в 210 м к востоку от кургана № 3 и в 100 м к западу от кургана № 1. По внешнему виду сходен с предыдущими. Размеры: диаметр у подошвы — около 9 м, диаметр верхней площадки — около 5,7 м, высота — 2 м. Насыпь состояла из земли, песка и камней. Под насыпью находился каменный ящик неправильной формы, прикрытый двумя большими плитами, поверх которых лежала третья плита (рис. 18). Размеры ящика: длина — 3,3 м, ширина — 1,34 м. В могиле обнаружено четыре скелета: два из них — у восточной стенки в сидячем положении, с руками упертыми в дно; два других расположены в таких же позах, друг за другом, посредине могилы, у западной стенки; головы их были обращены на восток. Большинство предметов находилось у восточной стенки и в середине могилы; здесь было до 20 глиняных сосудов (рис. 17,*1*), крупное бронзовое втульчатое копье, бронзовые кольца, браслеты, мелкие украшения, фигурка оленя, обсидиановые стрелки, костяные проколки, бусы и проч.

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ

Любопытной особенностью трех описанных нами крупных курганов является своеобразие обряда погребения каждого из них, при полной однородности содержащегося в них инвентаря. Если Арчадзорские курганы по своему внешнему виду почти тождественны — оба имеют высокую курганную насыпь, состоящую из темной земли, перемешанной с крупным булыжником,— то курган у сел. Баллукая, насыпанный из песка, отличается от них. Форма могильных сооружений, так же как и вся обстановка в могилах, различна у всех трех курганов. Так, в первом Арчадзорском кургане под насыпью находился крупный каменный ящик, в котором было похоронено четыре покойника (рис. 1), причем один, судя по ряду признаков (вытянутое положение, особый головной убор, наибольшее количество сопровождавших предметов), был, несомненно, основным; три другие, убитые скорее всего при его погребении, находились в сидячем положении в разных частях могилы. Судя по остаткам боевых шлемов на черепах мужских скелетов, а также по большому количеству вооружения, положенного рядом, это были воины-дружинники, охранявшие своего военачальника и после его смерти. Все погребенные в этом кургане были, очевидно, конными воинами; в могилу с ними были положены вместо трупов коней конские атрибуты (удила, украшения), заменявшие боевых коней. Любопытно, что количество положенных в могилу удил соответствует числу погребенных здесь лиц; очевидно, люди, хоронившие своих близких, позаботились о том, чтобы они и в загробной жизни были обеспечены, хотя бы символически, боевыми конями. Положение в могилы конских атрибутов — обычай, связанный с культом коня, возникшего у племен, в хозяйственной и военной жизни которых конь играл огромную роль. Культ коня хорошо прослеживается по памятникам Кавказа эпохи бронзы и раннего железа; роль атрибутов целого коня иногда играют, наряду с предметами конского убора, голова коня или части его туши, положенные в могилу[2]; к явлениям, связанным с культом коня, относится обряд по-

[1] Дело АК № 48/1897, л. 228; ОАК за 1897 г., стр. 159; VBGAEU, 1899, стр. 271.

[2] А. А. Ивановский. По Закавказью, стр. 169; С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника, СА, XI, 1949, стр. 231; VBGAEU, 1894 стр. 238.

гребения коня в полном убранстве и без всяких признаков человеческого захоронения[1]. Отголоски всех этих обычаев в качестве пережитков существуют до настоящего времени у некоторых картвельских племен (хевсур, тушин и др.), где конь после смерти своего хозяина сопровождает его, в полном убранстве, до самой могилы[2]. Общий характер богатого погребения, наличие основного и сопровождающих покойников, присутствие в могиле атрибутов коней и большого количества прекрасного оружия свидетельствуют о том, что здесь, в первом Арчадзорском кургане, был похоронен крупный военачальник, по-видимому, вождь местного племени, со своими приближенными-дружинниками.

Погребение второго Арчадзорского кургана представляет собой совсем иную картину: вместо каменного ящика здесь мы находим три грунтовые могилы, лучеобразно расходящиеся из общей середины (рис. 6). Ввиду того, что Э. Реслер исследовал только две могилы, общий характер погребений остается для нас не до конца ясным. Несомненно то, что все три могилы были сооружены одновременно и что здесь, скорее всего, также было главное и сопровождающие погребения. Наличие головы лошади и большого количества бронзовых предметов свидетельствует о богатстве погребенных здесь лиц, что сближает второй Арчадзорский курган с первым. Любопытной особенностью могилы «b» этого кургана было отсутствие черепа одного из скелетов. Подобная деталь не является единственной и повторяется в ряде других погребений Кавказа, как в Нагорном Карабахе (курган, исследованный Э. Реслером у сел. Баллукая), так и за его пределами[3]. Это загадочное явление до сих пор не нашло соответствующего объяснения в литературе. Если бы нам не был известен ряд фактов отсутствия в могилах черепов, подобное явление можно было бы объяснить смертью воина в бою в том случае, когда голова его, в качестве трофея, досталась врагу. Всем известен, например, эпизод из неудачной войны римлян против Парфии, когда в 53 г. до н. э. в битве при Каррах победившим парфянам, наряду с большими трофеями, досталась голова полководца Красса, фигурировавшая потом на представлении «Вакханок» Эврипида в Арташате. Ксенофонт, наблюдавший обычаи соседних с Кавказом племен, сообщает, что дрилы и халибы при столкновении с врагами отрезали у последних головы и шли с ними дальше[4]. К явлениям этого же порядка, быть может, также относятся погребения одних черепов без скелетов, засвидетельствованные в древних могилах Закавказья[5]. Однако все это требует специального изучения, так как в Закавказье известны также случаи преднамеренного расчленения покойников при погребении, связанного, несомненно, с установившимся ритуалом[6]. Возможно также,

---

[1] VBGAEU, 1896, стр. 288; А. Грен. Отчет о поездке в с. Голицыно, Кедабек и Калакент. Изв. Кавк. отд. Моск. арх. об-ва, вып. II, стр. 50.

[2] С. И. Макалатия. Хевсурети. Тбилиси, 1940, стр. 164.

[3] ОАК за 1900 г., стр. 71; А. А. Спицын. Археологические исследования Э. Реслера в Елисаветпольской губ. в 1901 г. ИАК. вып. 12, стр. 59; Т. Н. Чубинишвили. К истории культуры раннего этапа позднебронзовой эпохи Шида Картли. Автореферат. Тбилиси, 1954, стр. 9; Е. Хакуашев. Новые археологические находки. Уч. зап. Кабард. научно-исслед. ин-та, т. VII. Нальчик, 1952, стр. 197.

[4] Г. Гоян. Черты своеобразия армянского эллинистического театра, ВДИ, 1950, № 3, стр. 181.

[5] ОАК за 1899 г., стр. 66; ОАК за 1900 г., стр. 78; Д. Б. Шульц. Обзор могильников Закавказья и древние пути передвижения народов. Изв. Кавк. отд. Моск. арх. об-ва, вып. II, стр. 3.

[6] Е. А. Лалаян. Раскопки курганов Советской Армении. Ереван, 1931, стр. 84; ОАК за 1899 г., стр. 82; ОАК за 1903 г., стр. 87; Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 31 и 60.

что и описанные погребения из Нагорного Карабаха были следствием каких-то культовых обрядов, значение которых утрачено.

Курган у сел. Баллукая представляет собой третий вариант погребальных сооружений этого района. Вместо каменного ящика или грунтовых могил здесь, под курганной насыпью, были обнаружены остатки бревенчатого помоста, покоившегося, по всей вероятности, на деревянных столбах. Попытка А. А. Спицына воссоздать один из таких помостов, открытый Э. Реслером близ сел. Болчалы, на правом берегу р. Качкара, является единственной. Как уже было сказано, в этом кургане скелет также не имел черепа.

Многие большие богатые курганы Восточного Закавказья имеют общие черты с рассмотренными нами памятниками как в обряде погребения, так и в предметах вооружения, украшениях и керамике.

Особенно близким является недавно открытый богатый курган к югу от Карабаха, у сел. Толорс, в Зангезуре, где находилась, так же как и в первом Арчадзорском кургане, каменная гробница, в которой был погребен вождь со своими приближенными[2].

Много общего с нашими памятниками и в пятом кургане у с. Карягино (бывш. Карабулах)[3]. Размеры курганной насыпи, наличие основного покойника, лежащего в вытянутом положении, с наибольшим количеством предметов и сопровождающих покойников, помещенных у стены в положении как бы сидящих на корточках, наконец, наличие в могиле богато украшенных верблюдов (вместо коней или их атрибутов) — все это указывает на общие черты обряда карабулахского кургана с нашими.

При дальнейшем анализе мы увидим, что сходство это подчеркивается также поразительной общностью инвентаря толорского и карабулахского курганов с рассматриваемыми курганами Карабаха.

Севернее упомянутых памятников известны два богатых кургана близ Ханлара, исследованных Я. И. Гуммелем, сходных с ними по некоторым чертам погребального обряда (размеры насыпи, наличие деревянного помоста, основное и сопровождающие погребения, конские захоронения) и ведущим формам бронзового инвентаря[4].

Некоторые аналогии нашим памятникам дают курганы Мингечаурского могильника[5]. Несмотря на разграбление некоторых из них в древности, оставшиеся вещи свидетельствуют о пышных погребениях местной родовой знати и сопровождающих погребениях коней.

Перечисленные курганы отличаются от рядовых могил Кавказа как размерами курганных насыпей и могильных сооружений, так и богатством всей погребальной обстановки. Некоторые из них, наиболее богатые, принадлежат вождям племен, обитавших в конце II — начале I тысячелетия до н. э. в Восточном Закавказье. Особый интерес больших Хаченагетских курганов заключается в том, что при явном тождестве основных

[1] А. А. Спицын. Археологические исследования Э. Реслера в Елисаветпольской губ. в 1901 г. ИАК, вып. 16, 1905, стр. 4.

[2] А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР. КСИИМК, вып. 54, 1954. стр. 99.

[3] А. А. Ивановский. По Закавказью, стр. 157, курган № 91.

[4] Я. И. Гуммель. Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа. Баку, 1921; J. Hummel. Zur Archäologie Azerbeidzans. ESA, VIII, стр. 211; его же. Курган № 2 близ Ханлара. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

[5] С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре Сб. статей «Материальная культура Азербайджана», т. I. Баку, 1949, стр. 19; его же. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана. Изв. АН АзССР, 1950, № 7, стр. 170; Г. И. Ионе. Курганы Мингечаура. Тезисы доклада, прочитанного на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ИИМК 17. V. 1954 г.

форм инвентаря, указывающего на их одновременность, формы могильных сооружений различны. Это разнообразие форм сооружений можно объяснить либо различной племенной принадлежностью погребенных, либо различным их положением в обществе, требовавшим в каждом отдельном случае соблюдения определенного порядка погребения.

Что касается погребений в курганах у сел. Ахмахи, то они, являясь более рядовыми, существенно отличаются от больших курганов. Однако и среди этих пяти курганов имеются более богатые (№ 5) и более бедные (№ 4). Обрядовая же их сторона ближе всего к первому Арчадзорскому кургану. Основные и сопровождающие погребения различаются не только по их положению в могиле (в курганах № 1 и 3 основной покойник в вытянутом положении, сопровождающие — в сидячем) и скоплению почти всех предметов около основного покойника, но иногда и по антропологическому типу: так, вытянутый костяк имел долихоцефальный череп, а черепа сидящих были брахицефальными. Отсутствие в ряде случаев предметов возле сопровождающих погребенных (курганы № 1, 2, 3) указывает на то, что это были не воины-дружинники, как в первом Арчадзорском кургане, а военнопленные или рабы, убитые при погребении лиц, которым они принадлежали при жизни. Следы повреждения черепов у сопровождающих покойников указывают на способ их умерщвления.

ВЕДУЩИЕ ФОРМЫ ИЗДЕЛИЙ ИЗ БРОНЗЫ

Во всех рассмотренных памятниках находились сходные металлические предметы. В богатых могилах у воинов были бронзовые шлемы и панцыри (?), а рядом с ними личное оружие, предметы украшения и пр. Во всех богатых могилах Центрального и Восточного Закавказья также в эпоху поздней бронзы встречаются одни и те же формы оружия: секиры, мечи, кинжалы, копья, стрелы и пр.

Одним из ведущих типов оружия в этот период служила массивная боевая секира. Как правило, секиры встречаются только в богатых погребениях.

Наиболее древним вариантом закавказской секиры является бронзовый топор из Грма-Геле в Тбилиси, датирующийся ранним периодом освоения металла на Кавказе[1]. Однако непосредственным прототипом широко распространенных в начале I тысячелетия до н. э. закавказских секир мы вправе считать асимметричную секиру из богатого кургана в гор. Кировакане середины II тысячелетия до н. э., исследованного Б. Б. Пиотровским в 1948 г. Наиболее обычная форма секиры с конца II — начала I тысячелетия до н. э. — секира с широким округлым лезвием, сильно заходящими назад острыми или срезанными концами и овальной втулкой для насадки рукоятки.

Территория распространения секир захватывает и область Нагорного Карабаха, где подобные секиры были найдены в двух пунктах — в первом Арчадзорском кургане (рис. 2, *15*) и в кладе близ сел. Киркиджан, около Степанакерта (рис. 19, *5*)[2]. Сходная с секирами из других мест арчадзорская секира имеет и свои особенности: лезвие ее сравнительно узко, концы очень сильно загнуты внутрь. Шесть секир из Киркиджанского клада, отлитые в разных формах, несколько отличаются от арчадзорской.

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 17—18, рис. 20.

[2] Я. И. Гуммель Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., стр. 77, табл. II.

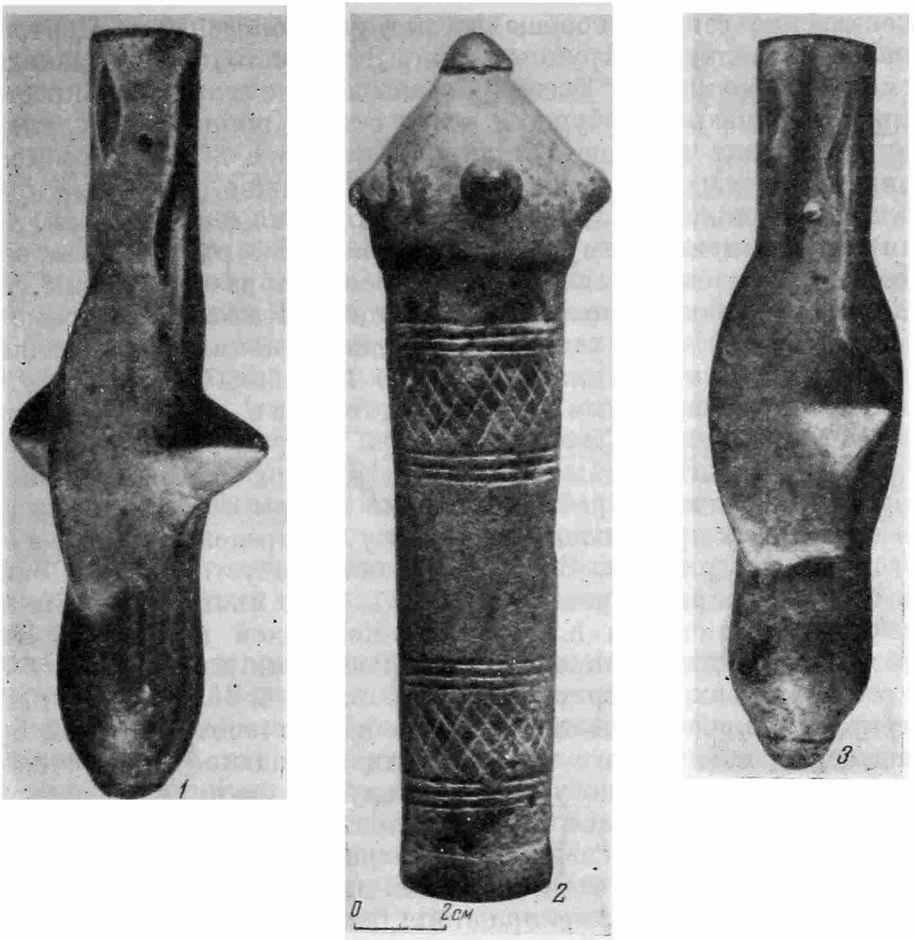


Рис. 19. Бронзовые предметы из Карабаха:

1, *2*, *3* — втоки; *4* — браслет; *5* — секира (*1*, *3*, *5* — из Киркиджанского клада; *2* — из гор. Степанакерта; *4* — происхождение неизвестно).

Закавказские секиры вообще весьма разнообразны: в Центральном Закавказье преобладают крупные секиры[1], в Восточном Закавказье они имеют меньшие размеры[2]. Весьма любопытны две секиры из окрестностей Ханлара: они имеют на обушной части острые шипы[3]. Из Ханларского района происходит и единственная в Закавказье двойная секира[4].

В виде секир изготовлялись в Закавказье также различные предметы культа и украшения. Так, миниатюрная бронзовая секира из сел. Агабети (Грузия) могла служить амулетом[5]; подобную же роль играли, по всей вероятности, бронзовые подвески либо секирообразной формы, либо с секирой в составе более сложной композиции[6]. Наконец, пастовые и сердоликовые бусы в форме секиры — явление сравнительно обычное для Закавказья, в частности для Нагорного Карабаха[7].

Основная масса бронзовых секир сосредоточена в восточной и центральной частях Закавказья. Северная граница их распространения доходит почти до Кавказского хребта (Имеретия, Южная Осетия, район Нухи); к северу от Кавказского хребта бронзовые секиры почти не встречаются. Южная граница их приближается к Араксу, за пределами которого бронзовые секиры отсутствуют. Западная граница неустойчива: в Западной Грузии боевые секиры встречаются чаще всего в многочисленных кладах с предметами, типичными для колхидо-кобанской культуры. Явление это, так же как и находки предметов, характерных для Западного Закавказья, в комплексах Центрального и Восточного Закавказья, наглядно иллюстрирует широкий межплеменной обмен в эпоху поздней бронзы. Для подтверждения тесного взаимодействия западно- и восточно-закавказской культур любопытно указать на случайную находку в сел. Гари (Рача), где среди других вещей был обнаружен бронзовый топор необычной для Закавказья формы; последний, по мнению Б. А. Куфтина, мог явиться результатом сочетания форм типичной закавказской секиры и топора колхидского типа; при этом секира стала более легкой и получила новую форму, объединившую в себе черты колхидского топора и закавказской секиры[8].

Находки секиры архаичной формы, являющейся прототипом более поздних закавказских секир, широкое распространение последних в начале I тысячелетия до н. э. на обширной территории Закавказья, а также отсутствие их за пределами Кавказа — все это говорит о том, что многочисленные бронзовые секиры являлись продуктом местного закавказского металлургического производства. Наиболее же веским аргументом, подтверждающим это положение, служат находки каменных форм для отливки бронзовых секир, уже обнаруженные в различных местах Закавказья[9].

Мечи, так же как и секиры, являются непременным атрибутом бога-

[1] ОАК за 1894 г., стр. 15, рис. 2.

[2] ОАК за 1895 г., стр. 57, рис. 123.

[3] Дело АК № 34а (1901), стр. 50; ИАК, вып. 12, стр. 52, рис. 14; I. Hummel: Zur Archäologie Azerbeidzans. ESA, VIII, 1933, стр. 218, рис. 17.

[4] Я. И. Гуммель. Погребальный курган (№ 1), стр. 14, табл. VII, рис. 1.

[5] В. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция в 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. XVI.

[6] ИАК, вып. 12, стр. 58, рис. 19; Е. А. Лалаян. Раскопки курганов советской Армении (на арм. яз.). Ереван, 1931, стр. 192, рис. 188; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 18, рис. 6-а.

[7] Дело АК № 48/1897, л.л. 100, 106.

[8] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. ВМГ, ХП-В, стр. 332.

[9] J. Hummel. Zur Archäologie Azerbeidzans. стр. 234, рис. 29; А. Калантар. Открытие поселения дохаладского периода близ Ленинакана. ПИДО, 1937, № 9—10,

тых мужских захоронений эпохи бронзы Закавказья. От этого периода до нас дошло большое количество бронзовых мечей, изготовлявшихся в различных металлургических мастерских. В эпоху энеолита и средней бронзы мечи, по-видимому, еще не имели значительного распространения, так как в памятниках этого времени было найдено лишь два экземпляра бронзовых мечей — меч из архаического грунтового погребения в Самтавро[1] и меч из случайно обнаруженного погребения в Узунларе[2]. В эпоху поздней бронзы картина резко меняется. Значительно развившееся металлургическое производство, основанное на богатых медно-рудных залежах Кавказа, а также усилившаяся в связи с частыми межплеменными войнами потребность в отличном вооружении привели к тому, что могильники этого времени изобилуют различным оружием, в том числе и мечами. Однако в памятниках Западного Закавказья и Северного Кавказа с характерной колхидо-кобанской культурой мечи полностью отсутствуют. Основная территория распространения мечей в эпоху бронзы — Центральное и Восточное Закавказье. Здесь наблюдается большое разнообразие мечей, изготовленных в различных металлургических мастерских. В настоящее время археологический материал позволяет установить четыре основных типа бронзовых закавказских мечей, имеющих в свою очередь ряд подразделений[3].

К мечам I типа, территория распространения которых связана с долинами рек Иори и Алазани, относятся массивные бронзовые мечи с широким, имеющим срединное ребро, клинком, утолщающимся книзу и оканчивающимся резким, как бы обрубленным скосом; клинок и рукоять этих мечей цельнолитые; рукоять короткая, круглая в сечении, полая; полушарная головка имеет треугольные прорезы. Этот тип мечей, помимо основной формы, имеет два варианта: мечи с закругленным концом и с заостренным. Такие мечи служили тяжелым рубящим оружием, чему способствовало массивное лезвие, сильно утолщающееся книзу. Большое разнообразие форм мечей I типа, прекрасно выполненный рельефный орнамент, украшающий головку и рукоятку некоторых из них, и, наконец, отсутствие следов отливки в каменной форме приводят Г. К. Ниорадзе к выводу, что мечи эти изготовлялись по специальной восковой модели, допускающей различные тонкости при отливке[4]. Почти все находки таких мечей были сделаны к северу от р. Куры в областях Кахетии и Карталинии (Верхние Авчалы, Самтавро, Бакурцихе и др.)[5], и лишь отдельные экземпляры были найдены в более южных районах (например, Варнакский и Узунларский могильники)[6]. По-видимому, здесь, в северном и северо-восточном районах Закавказья, существовало широко развернутое произ-

---

стр 166; К. Г. Кафадарян, Новонайденная клинообразная надпись на Кармир-Блуре. Вестн. Ин-та истории и лит-ры Арм. ССР, кн, II. Ереван, 1937, стр. 222 (на арм. яз.); Г. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XXXII, 2 (на груз. яз.).

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 99; его же. К вопросу о древнейших корнях..., стр. 311. Т. Н. Чубинишвили. Курганное погребение № 243. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.), табл.

[2] Хранится в Государственном историческом музее Армении.

[3] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 168—169, карта VI.

[4] G. Nioradze. Das Grab von Semoawtschala. Bulletin du musée de Géorgie, VI. Tiflis, 1931, стр. 184.

[5] G. Nioradze. Указ. соч., стр. 180; его же. О некотором значении Земоавчальской могилы. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929, стр. 339; его же. Указ. соч. на груз. яз., табл. I, *1—4*; VI—*1—4*; VII—*1—3*.

[6] Хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

водство мечей I типа, основанное на значительных Белокано-Кахетинских меднорудных залежах[1].

К югу от Куры, в районе Юго-Восточного Закавказья, был распространен II тип мечей, к которому относится меч из второго Арчадзорского кургана (рис. 7, *1*). Эти мечи длиннее мечей I типа; клинок у них плоский, сильно суживающийся и заостренный на конце; обе стороны клинка, как правило, украшены глубокими желобками, сходящимися внизу; рукоятка имеет двойную втулку, сделанную отковкой и закруглением боковых сторон; втулка заполнялась деревянными частями. Мечи II типа, помимо Арчадзорского кургана, обнаружены во многих богатых захоронениях Восточного Закавказья (в Шамхорском районе, близ Ханлара, Ленинакана, в Мингечауре и других местах)[2]. Они были распространены исключительно к югу от р. Куры и встречаются главным образом по среднему течению Куры и Аракса, переходя лишь в некоторых случаях в область Центрального Закавказья[3]. Южнее Аракса ни одного меча II типа найдено не было.

Помимо мечей II типа, в Восточном Закавказье найдены также и другие мечи, названные нами условно мечами III типа. В настоящее время известно всего лишь два экземпляра мечей этого типа — один происходит из первого Арчадзорского кургана (рис. 2, *1*), другой из большого Ханларского кургана[4]. Оба меча сравнительно короткие, имеют узкое лезвие и отлитую отдельно от лезвия рукоятку, в длинный расширяющийся наверху выем которой вставлены деревянные части.

Ввиду того, что названные мечи были встречены всего в двух погребениях Восточного Закавказья, говорить о территории их распространения не представляется возможным.

Сходство мечей II и III типов из Арчадзорских курганов с мечами из богатых Ханларских погребений еще раз подчеркивает близость этих двух памятников, установленную ранее в процессе анализа их обрядов погребения. Мечи этих двух типов изготовлялись, несомненно, в металлургических мастерских Восточного Закавказья, питавшихся в древности рудными залежами Кедабеко-Ганджинского, Нагорно-Карабахского и отчасти Зангезурского районов[5].

Тип IV и последний закавказских мечей стал известен еще по раскопкам Ж. Моргана в районе Персидского Талыша[6]. Мечи эти имеют узкий, длинный, заостренный на конце клинок, отлитый вместе с черешком для рукоятки, и увенчаны либо прорезными набалдашниками, либо навершиями в виде шляпки гвоздя. Мечи IV типа, имеющие, несомненно, южнокавказское происхождение, были встречены и в Муганской степи, в могильнике близ гор. Астрахан-базар[7]. Любопытно, что, появившись в бронзе, форма мечей этого типа переходит в железо — железные мечи IV типа

[1] А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 24, карта I.

[2] А. А. Ивановский. По Закавказью, табл. I, стр. 103 и 132; Я. И. Гуммель. Погребальный курган (№ 1) близ Еленендорфа, табл. I; J. Hummel. Zur Archäologie Azerbeidzans; стр. 29, рис. 15—16; Г. Ю. Филимонов. Закавказские древности. Вестн. Об-ва древнерусск. искусства. М., 1876, № 11—12, стр. 100; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 15, рис. 3а; его же. О некоторых типах оружия из Мингечаура. Сб. статей «Материальная культура Азербайджана», т. II. Баку, 1951, стр. 10, табл. II, 8—9; А. О. Мнацаканян. О раскопках могильников у села Головино (Армения). КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 69, рис. 16, *2*.

[3] G. Nioradze. Указ. соч. на нем. яз., карта на стр. 207.

[4] Я. И. Гуммель. Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа, т. 1, стр. 2.

[5] А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 24, карта I.

[6] J. de Morgan. Mission scientifique en Perse, v. IV. Paris, 1896, p. 63, f. 54, *1—4*.

[7] И. М. Джафарзаде. Элементы археологической культуры древней Мугани. Изв. АН АзССР, 1946, № 9, табл. II—III.

были обнаружены в тех же талышских могильниках[1]. Эта устойчивость формы свидетельствует о существовании здесь, в юго-восточной части Кавказа, укоренившихся традиций. Эти традиции связаны, как и в других районах, с длительным местным металлопроизводством, возникшим на основе собственной меднорудной базы района Талыша, где были обнаружены древние разработки медной руды[2].

Рассмотрение всех типов мечей приводит нас к выводу о том, что в Закавказье в эпоху развитой и поздней бронзы существовал ряд центров производства мечей. Крупные металлургические мастерские вырабатывали ведущие формы бронзовых изделий, характерные лишь для определенного района. Дальнейшее изучение закавказских бронзовых мечей позволит, возможно, установить и мелкие центры металлопроизводства, существовавшие в древности.

В Нагорном Карабахе, богатом медными рудами, сохранились следы их древних выработок[3]. Обилие бронзовых предметов в погребениях Нагорного Карабаха, среди которых мечи II и III типов, а также некоторые специфические для древнего Нагорного Карабаха приемы металлообработки (например, отливка бронзовых предметов со спиральным орнаментом, скульптурные украшения в виде головок животных и др.) свидетельствуют о том, что в этой богатой рудами замкнутой горной области существовало в эпоху поздней бронзы своеобразное местное производство металлических предметов, сходное с металлопроизводством всего юго-восточного Кавказа.

В отличие от секир и мечей, являющихся принадлежностью богатых могил, бронзовые кинжалы встречаются сплошь и рядом в рядовых могильниках Кавказа. Плоские медные кинжальные клинки архаической формы появились уже на ранних стадиях освоения металла; известны они из различных мест Кавказа, в том числе по памятникам медного века Нагорного Карабаха[4]. В эпоху развитого бронзового века картина резко меняется. Вместо примитивных медных клинков на обширной территории Закавказья появляются разнообразные формы отличных бронзовых кинжалов. Последние, грубо схематизируя, можно разделить на четыре основных типа, в пределах каждого из которых существует ряд вариантов.

Первым и наиболее распространенным типом закавказских кинжалов являются небольшие кинжалы с закругленным или заостренным на конце клинком, отлитым вместе с черешком для насадки рукоятки; последняя, будучи сделанной, скорее всего, из дерева, ни в одном случае до нас не дошла; для закрепления такой рукоятки служила бронзовая обоймочка с отверстиями, в которые вставлялись гвоздики. Увенчаны кинжалы I типа, обычно, бронзовыми ажурными набалдашниками, всегда разнообразными, отлитыми при помощи восковых моделей. Форма кинжалов I типа крайне устойчива—появившись в бронзе и просуществовав некоторое время, она позднее переходит в железо, сохраняя бронзовыми лишь обоймочку и набалдашник. Находки железных кинжалов, фотографически повторяющих бронзовые кинжалы I типа, нам известны из нескольких мест Закавказья[5]. В некоторых случаях железные кинжалы были найдены

[1] J. de Morgan. Указ. соч., стр. 63, рис. 56, *5*.

[2] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии, стр. 60.

[3] В. Меллер и Я. Денисов. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края, т. I. Тифлис, 1917, стр. 128—132, 144; А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 56—57.

[4] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 18, рис. 8(1); Дело АК № 48/1897, стр. 214; К. Х. Кушнарева. Указ. соч., рис. 1, *3*.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 57, рис. 54, 55; Дело АК № 66/1902, стр. 210.

вместе с ножнами, сделанными из бронзового кованого листа[1]. Находки подобных ножен во всех случаях с железными, а не с бронзовыми кинжалами указывают на сравнительно позднее появление в Закавказье бронзовых ножен; в более раннее время в употреблении были, скорее всего, кожаные или деревянные ножны.

Территория распространения кинжалов I типа связана главным образом с Восточным и Юго-Восточным Закавказьем. Особенное разнообразие подобных кинжалов дает Шамхорский район[2]. Кинжалы I типа входили в состав погребального инвентаря рассматриваемых нами памятников в Нагорном Карабахе и встречены были в Арчадзорских курганах (рис. 7, *5*, *6*), а также в более бедных могилах у сел. Ахмахи. Северная граница распространения этих кинжалов соответствует примерно Кировабадскому и Ханларскому районам[3]; отдельные экземпляры их встречаются в Центральном Закавказье[4]; юго-восточная граница лежит примерно в Зангезурском районе, где они были обнаружены Э. Реслером при раскопках курганов близ сел. Дыг, и в упомянутом богатом кургане у с. Толорс[5]. По ту сторону Аракса кинжалы I типа уже не встречаются.

Второй тип кинжалов встречается в Закавказье сравнительно редко. Это — кинжалы с небольшим массивным клинком, имеющим рукоятку, выполненную таким же способом, как на мечах II типа; втулка, образованная при помощи полукруглых боковых частей рукоятки, заполнена деревянной вставкой с украшениями в виде бронзовых гвоздиков; верхняя часть увенчана ажурным набалдашником. Второй тип кинжалов представлен всего несколькими экземплярами, входящими в состав особенно богатых погребений Закавказья. Два таких кинжала были найдены во втором Арчадзорском кургане (рис. 7, *7*, 8, *1*,), в «княжеских» курганах близ Ханлара, в могильнике с. Редкин Лагерь, а также в древних могилах Мингечаура[6]. Эти кинжалы, так же как и кинжалы I типа, бытовали главным образом в Юго-Восточном Закавказье. В Центральном Закавказье встречается обычно III тип кинжалов, имеющих треугольный клинок, украшенный, как и на мечах II типа, углубленными желобками, и рукоятку, сделанную таким же способом, как и на названных мечах.

Четвертый и последний тип кинжалов имеет также клинок подтреугольной формы, украшенный чаще всего гравировкой; клинок, рукоятка и набалдашник у таких кинжалов цельноотлитые. Этой последней чертой, равно как и всей своей формой, кинжалы IV типа крайне походят на мечи I типа. Любопытно и то обстоятельство, что кинжалы эти были распространены главным образом к северу от Куры, т. е. в районах распространения мечей I типа. Сходство и бытование их в одних и тех же районах можно объяснить изготовлением обоих видов оружия в одних и тех же металлургических мастерских, имевших свои технические и художественные

---

[1] Указ. дело АК, стр. 210; ОАК за 1894 г., стр. 15, рис. 4; J. de Morgan. Mission scientifique en Caucase, v. I. Paris, 1889, pl. III.

[2] А. А. Ивановский. Указ. соч., табл. III, *I—II*, *13—14*.

[3] Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 134, рис. 4; его же. Погребальный курган..., табл. II.

[4] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 68, рис. 71, табл. XLIX. Вырубов. Предметы древности в хранилище Об-ва любителей кавказской археологии, вып. 1. Тифлис, 1877, табл. III, *2*.

[5] Дело АК № 64/1898, л. 33 и 35; А. О. Мнацаканян. О раскопках..., рис. 40.

[6] Я. И. Гуммель. Погребальный курган..., табл. 4; J. Humme l. Указ. соч., на нем. яз., стр. 224, № 6; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, v. II. Paris, 1885, p. 174, pl. 125; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, рис. 3, *г*; его же. О некоторых типах оружия из Мингечаура. Сб. ст. «Материальная культура Азербайджана», т. II, Баку, 1951, табл. II.

традиции. Эти основные типы закавказских кинжалов имеют ряд разновидностей и являются, несомненно, местными. Попытки сблизить ведущие формы кавказских металлических изделий, в частности кинжалы, с изделиями древневосточных стран не привели к серьезным выводам: слишком далекими оказались приводимые аналогии[1].

Среди большого количества бронзового оружия лишь в двух курганах (во втором Арчадзорском и в кургане № 5 близ сел. Ахмахи) были обнаружены бронзовые наконечники копий. Оба они, будучи втульчатыми, относятся к различным типам; арчадзорский наконечник имеет очень изящную форму — узкое ланцетовидное перо и широкую длинную втулку с двумя отверстиями для заклепок (рис. 7, *4*); наконечник копья из Ахмахинского кургана гораздо больше и грубее первого — у него широкое, с плоскими краями перо и широкая несомкнутая втулка с отверстиями для заклепок.

Как известно, втульчатые наконечники копий появляются сравнительно поздно, примерно со второй четверти II тысячелетия до н. э. До этого времени на территории Передней Азии и Средиземноморья бытовали медные копья, имеющие вместо втулки длинный черешок с загнутым концом, всаживающимся в деревянное древко[2]. Появившись на территории Передней Азии и Восточного Средиземноморья, медные копья распространялись, вероятно, затем в более северные области; отдельные их экземпляры найдены даже на Северном Кавказе[3].

В первых веках II тысячелетия до н. э. архаичные медные копья сменяются втульчатыми. В Закавказье наиболее древним вариантом втульчатых копий являются бронзовое копье с серебряной обоймочкой из кургана XII в Триалети и точно такое же бронзовое копье из открытого Б. Б. Пиотровским погребения в Кировакане. Законченность форм триалетского и кироваканского копий, отсутствие находок более примитивных втульчатых копий на территории Закавказья и, наконец, находки лишь единичных экземпляров копий в богатейших могильниках середины II тысячелетия до н. э. заставляют предполагать, что первые втульчатые копья были завезены в Закавказье с юга, где они получили распространение в III — начале II тысячелетия до н. э.

В эпоху поздней бронзы втульчатые наконечники копий приобретают разнообразные формы, к различным вариантам которых и принадлежат бронзовые копья из могил, открытых Э. Реслером в Нагорном Карабахе. Форма арчадзорского копья сравнительно редка для Закавказья; в качестве близкой аналогии ему можно привести бронзовый наконечник копья из впускного погребения кургана Топ-Кар № 2, в Триалети[4]. Группа аналогичных копий также происходит из ящичных погребений сел. Хачака на р. Ганджа-чай[5]. Форма ахмахинского копья имеет значительно большее распространение; подобные копья бытуют почти на всей территории Кавказа.

Наряду с другими вещами в двух больших Хаченагетских курганах были найдены бронзовые предметы, имеющие форму полых цилиндров (рис. 8, *5*—*7*). Два из них имеют гладкую поверхность, другие украшены

---

[1] А. А. Захаров. Кавказ, Малая Азия, Эгейский мир. Труды секции археологии РАНИОН, т. II. М., 1928, стр. 36.

[2] О древних копьях см.: Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 10—12; его же. Археологическая маршрутная экспедиция в 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, стр. 72—74.

[3] А. А. Иессен. К хронологии «больших» кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 172, табл. II, *5*.

[4] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, табл. VI, *2*.

[5] Там же, стр. 13. Прим. 1.

вертикальными рядами круглых отверстий, третьи—симметрично расположенными выступами, имеющими либо округлую, либо ромбическую форму. Во втулках этих трубок сохранились остатки дерева. Находки подобных трубок с рельефными изображениями наконечников стрел в составе Киркиджанского клада в Нагорном Карабахе (рис. 19, *1*, *3*), а также с изображениями животных в курганных погребениях Мингечаура[1] показывают, что трубки эти надевались на нижнюю часть древка, т. е. являлись втоками.

В Закавказье наиболее ранним памятником, свидетельствующим о появлении лука, является поселение Тетрамица, близ Кутаиси, где были найдены кремневые и обсидиановые наконечники стрел со стерженьком, всаживающимся в древко. Этот архаичный тип наконечников стрел из кремня и кости известен по памятникам медного века Армении, Грузии и Азербайджана[2]. Энеолитические памятники дают также и другой тип кремневых наконечников — с выемкой у основания, доживающий в Закавказье до конца бронзового века[3]. Однако наибольшее распространение в эпоху бронзы получили бронзовые наконечники стрел, хорошо известные по памятникам Кавказа.

В Восточном Закавказье преобладали стрелы с крупным пером, имеющим в средней части утолщение, и длинными, загнутыми внутрь крыльями; именно такие стрелы были обнаружены наряду с каменными в памятниках Нагорного Карабаха (рис. 2, *8*). Остатки лентообразной бересты на черешках некоторых из них указывают на способ скрепления наконечников с древком стрелы. Памятники Нагорного Карабаха позволяют заключить, что бронзовые наконечники стрел являлись наиболее доступным оружием лишь для богатых членов племени, так как стрелы эти в большом количестве встречаются только в крупных Хаченагетских курганах; что касается рядовых погребений у сел. Ахмахи, то здесь в могилы были положены исключительно каменные наконечники стрел.

Стрелы хранились в колчанах, которые лишь в урартское время начали изготовлять из металла[4]. В Закавказье, скорее всего, были распространены деревянные или кожаные колчаны. Остатки деревянного колчана, украшенного серебром, обнаружены в богатом погребении Топ-Кар № 2, датирующимся серединой II тысячелетия до н. э.[5] О форме колчанов мы можем судить лишь по изображениям на бронзовом поясе из погребения в Маралын-Дереси, в Триалети[6]. По-видимому, и в Хаченагетских курганах стрелы были уложены в деревянные или кожаные колчаны.

Деревянный закавказский лук восстанавливается также лишь по изображениям на бронзовых поясах и на черной керамике с белой инкрустацией, столь характерной для некоторых памятников эпохи поздней бронзы. Судя по этим изображениям, в конце II — начале I тысячелетия до

[1] Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., стр. 77, табл. II; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 19, рис. 7.

[2] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 177, рис. 2; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. CXIX; Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 18, рис. 8, *3*.

[3] Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 177; Я. И. Гуммель. Указ. соч., рис. 8, *4*.

[4] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 166, рис. 27; его же. Кармир-Блур I. Ереван, 1950, табл. 13—15; Кармир-Блур II. Ереван, 1952, табл. 16.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 15, табл. XIVa и XVI.

[6] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 50, табл. XXV.

н. э. в Закавказье употреблялись два типа лука[1]. Первый, имевший очень большие размеры и сложную конфигурацию, был связан, по-видимому, с памятниками Центрального Закавказья, где изображения его мы встречаем на поясах из Ахталов, Триалети и Нор-Баязетского района[2]; второй, простой и небольшой, употреблялся в Восточном Закавказье, что отразилось в изображениях на керамике с инкрустацией[3]. По-видимому, древнейшее население Нагорного Карабаха, жизнь и культура которого теснейшим образом переплетались со всем Восточным Закавказьем, пользовалось также простым легким луком.

Район находок большого количества бронзовых стрел, а также изображений луков совпадает с территорией Центрального и Восточного Закавказья, у древнейших обитателей которого — местных скотоводческих племен — в условиях гористого рельефа междоусобные войны и охота должны были играть первостепенную роль. Характерно, что в Западном Закавказье, с населением, специализировавшимся главным образом на земледелии и садоводстве, отсутствуют находки наконечников стрел и изображения лука.

Перейдем к предметам конского убора. Приручение лошади в Закавказье началось сравнительно поздно. В памятниках медного века и средней бронзы кости лошади еще полностью отсутствуют. Самый ранний памятник, документирующий появление прирученной лошади,— погребение в сел. Шахтахты (Нахичеванская АССР), относящееся примерно к концу II тысячелетия до н. э.[4] С начала I тысячелетия до н. э. лошадь, применявшаяся для верховой езды и в качестве тягловой силы, прочно вошла в быт древнейших обитателей Кавказа; археологические памятники этого времени насыщены костями лошади, а также различными предметами конского убора. Особое значение лошади подчеркивается, как уже говорилось, обрядом погребения ее вместе с умершим хозяином.

Присутствие в могилах богато украшенных боевых коней мы особенно часто наблюдаем в погребениях Восточного Закавказья (Ханларские, Мингечаурские, Карягинские и другие курганы)[5]. В крупных курганах на р. Хаченагет мы также встречаем конские погребения, сопровождавшие покойника. Если в первом Арчадзорском кургане были положены, по-видимому, лишь атрибуты боевых коней в виде четырех удил и бронзовых украшений, заменявшие четырех коней для четырех воинов, то во втором Арчадзорском кургане, так же как и в кургане у сел. Баллукая, помимо бронзовых удил, найдены и остатки конских костяков. Любопытно, что в более бедных могилах у сел. Ахмахи конские захоронения и предметы конского убранства отсутствуют. Все удила, найденные в могилах, относятся к одному и тому же I типу закавказских удил (рис. 2, *2*): мундштук состоит из двух частей, имеющих окончания в виде колец, псалии имеют форму круглого прута, они подвижные, напускные, с отверстиями по краям.

[1] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1946, стр. 76.

[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XXV; J. de Morgan. Mission scientifique en Caucase, f. 190, 191; Е. Лалаян, Раскопки курганов Советской Армении, рис. 186.

[3] J Hummel. Zur Archäologie Azerbeidzans, стр. 230, рис. 26; его же. Памятники древности в окрестностях Килик-дага. Изв. АзФ АН СССР, 1941, № 2, стр. 39, рис. 9; ОАК за 1899 г., стр. 87, рис. 179.

[4] В. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, 1У, 1937, стр. 255; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 50.

[5] Я. И. Гуммель, Погребальный курган...; его же. Указ. соч., на нем. яз., стр. 219; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Указ. сб., т. I; его же. Археологические памятники Мингечаура, как исторический источник..., стр. 171; А. А. Ивановский. По Закавказью, стр. 157.

Удила I типа распространены на территории Центрального и Восточного Закавказья; в Западном Закавказье и к северу от Кавказского хребта они не встречаются. В Центральном Закавказье удила I типа известны по могильникам Нор-Баязетского, Лалварского и Триалетского районов[1]. В Восточном Закавказье, помимо Нагорного Карабаха, они известны из могильников Шамхорского, Кировабадского, Ханларского, Халданского и Астрахан-Базарского районов[2]. Однако территория распространения удил I типа не ограничивается лишь одним Кавказом; археологические памятники Передней и Малой Азии дают нам ближайшие аналогии этим удилам. Удила I типа были найдены в погребениях некрополя «В» Тепе-Сиалка[3]; сходные же удила известны из Луристана, с западного побережья Малой Азии и из Ашура[4]. В противовес мнению Гиршмана, считающего иранские и луристанские экземпляры прототипом южнокавказских удил I типа, Б. А. Куфтин видит таковой в удилах из Ашура и из Малой Азии. Несомненно кавказские удила появились под влиянием названных южных образцов и, следовательно, более молодые. Датировке кавказских удил рассматриваемого типа первыми веками I тысячелетия до н. э., предложенной Б. А. Куфтиным, не противоречит то обстоятельство, что на Кавказе почти во всех комплексах, где они были найдены, железо еще обычно отсутствовало. Существенно подкрепляет эту датировку находка в 1952 г. на Кармир-блуре бронзовых удил сходного типа с именем урартского царя Менуа, правившего, как известно, в 910—877 гг. до н. э.[5] Таким образом, датировка южнокавказских удил I типа в настоящее время представляется прочной; время их распространения в Закавказье падает на IX и частично VIII вв. до н. э.

Помимо удил описанного типа, в Закавказье известен и II тип удил; последние двучастны, причем каждая из частей состоит из половины мундштука и псалии, отлитых в одной форме; дугообразно выгнутые псалии имеют на концах небольшие отверстия, а посередине большое кольцо для продевания ремней. Находки удил II типа в Закавказье немногочисленны; комплексы, в которых они найдены, плохо документированы[6]. Один экземпляр подобных удил случайно найден и на территории Нагорного Карабаха, на плато Аг-дузью, близ сел. Доланлар[7]. Говорить о датировке удил II типа, опираясь лишь на закавказские находки, в настоящее время не представляется возможным; для этого следует обратиться к территории Передней Азии, где удила этого типа имели широкое распространение и встречаются в хорошо документированных комплек-

---

[1] Е. А. Лалаян. Указ. соч., рис. 183; J. de Morgan. Mission stientifique en Caucase, т. I, стр. 140; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XLV.

[2] VBGAEU, 1893, стр. 61; ОАК за 1899 г., стр. 89, рис. 182; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Указ. сб., т. I., стр. 19, рис. 7; И. М. Джафарзаде. Элементы археологической культуры в древней Мугани, табл. VIII, *1*.

[3] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, près de Kashan, v. II. Paris, 1939, pl. LVI, p. 835, 841, 588; pl. LXXV, p. 924.

[4] Godard André. Les bronzes du Luristan. Ars Asiatica, XVII. Paris, 1931, tabl. XL, № 166; Przeworski. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit 1500—700 vor Chr. Leiden. 1939, Taf. XIII, 3; Bossert. Altanatolien. Berlin, 1942, S. 143, рис. 600; Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 59, рис. 57, *4*.

[5] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, III. Ереван, 1955, рис. 34.

[6] Б. А. Куфтин. Указ. соч., рис. 58а, *3—5*; его же. К вопросу о древних корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, стр. 329; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris, 1886, pl. LXI.

[7] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Об археологических находках из сел. Доланлар. Сб. статей «Материальная культура Азербайджана», т. I. Баку, 1950, стр. 65, рис. 3.

сах[1]. Условия находок удил II типа в странах Передней Азии позволяют датировать их примерно поздневанской эпохой, т. е. VII—VI вв. до н. э. Находка удил этого типа в урартской крепости Кармир-блур подтверждает эту датировку для Закавказья. Любопытно, что хронологическая последовательность удил I и II типов подкрепляется также сменой одного типа удил другим, прослеживающейся по многочисленным ассирийским рельефам[2].

Помимо бронзовых удил, в рассматриваемых нами памятниках, так же как и в других богатых могилах Закавказья, часто встречаются бляхи, пуговицы, кольца и пр. (рис. 2, *3*—*7*; 8, *3*; 10, *4*), которые вместе с мягкими частями, к сожалению, для нас утраченными, составляли богатый конский убор. Особое внимание в наших памятниках привлекают большие бронзовые бляхи, украшенные спиральной бронзовой лентой, вкованной в углубление, оставленное при отливке (рис. 2, *3*; 10, *4*). Инкрустация этих предметов состояла из двух или трех различных по цвету бронз, что придавало особую игру цветов; в середину их вставлялась либо беловатая паста, либо розовый камень. Ближайшей аналогией таким бляхам являются бляхи из пятого Карягинского кургана, выполненные в такой же технике[3]. Находки подобных предметов в Закавказье ограничиваются лишь двумя пунктами Нагорного Карабаха. Обстоятельство это лишний раз указывает на большое сходство обоих памятников, отмеченное при рассмотрении некоторых черт обряда погребения. Территориальная близость Хаченагетских и Карягинских курганов, а также полное тождество бронзовых блях со спиральной инкрустацией, при отсутствии предметов, выполненных в той же технике в других местах Кавказа, позволяет нам предположить, что названные предметы, изготовление которых требовало специальных технических навыков, были выпущены одной металлургической мастерской, работавшей, скорее всего, где-то в Нагорном Карабахе. В этой же мастерской, вероятно, были изготовлены и другие предметы со спиральной инкрустацией; это — массивные кольца (рис. 2, *6*; 8, *3*) и ручки от каких-то орудий (рис. 2, *10*; 8, *5*), найденные в больших Хаченагетских курганах и являющиеся уникальными для Закавказья.

В связи с погребениями коней любопытно указать на ту особенность, что почти во всех могилах с находками удил I типа встречаются также бронзовые втульчатые вилы. Часто повторяющееся сочетание этих предметов указывает на какую-то связь между ними (совместные находки удил I типа и втульчатых вил зафиксированы в могильниках Шамхорского, Триалетского, Ханларского, Астраханбазарского и других районов)[4]. Такое же сочетание дают комплексы Передней Азии[5]. В рассматриваемых нами курганах это явление повторяется; так, в первом Арчадзорском кургане, где было похоронено четыре человека, вместе с удилами I типа находилось три экземпляра вил, предназначенных, по-видимому, для трех сопровождающих основного покойника воинов; бронзовые втульчатые вилы и удила I типа были найдены также во втором Арчадзорском кургане.

---

[1] M. Wolff u. D. Opitz. Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst. Archiv für Orientforschung, X. 1936, стр. 14; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 211. M. Ebert. RLV, Bd. XIII, S. 430. Trense.

[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 62.

[3] А. А. Ивановский. Указ. соч., табл. XVI, *1*, *3*, *4*, *6*.

[4] VBGAEU, 1893, стр. 61; Б. А. Куфтин. К вопросу о древних корнях..., табл. XXX, XXXI; J. Hummel. Zur Archeologie Azerbeidzans, стр. 234, рис. 30; И. М. Джафарзаде. Указ. соч., табл. VIII.

[5] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk..., v. II, pl. LXII, LXIII, LXXV.

Я. И. Гуммель, касаясь назначения бронзовых вил, пишет, что они, по всей вероятности, играли роль скипетра у богатых воинов Закавказья. Возможно, что некоторые из них, как, скажем, вилы из Баллукаинского кургана (рис. 10, *1*), могли служить каким-либо знаком типа египетских номовых штандартов. Маленький размер этих вил, крайне легкое скрепление отдельных частей при помощи тонких деревянных заклепок, а также вычурные скульптурные украшения говорят о том, что вилы эти не могли служить боевым оружием. Большинство же бронзовых закавказских вил было, несомненно, оружием. Это видно по наскальным изображениям Кабристана, часть из которых, по мнению И. М. Джафарзаде, связана с древнейшими племенами эпохи камня и металла. Среди кабристанских петроглифов особенно интересна группа рисунков, изображающих охоту всадников на оленей, диких быков и горных козлов. В правой руке охотники держат либо длинные копья, либо вилообразные предметы, насаженные на очень длинное древко; последними охотники действуют как копьем, готовясь бросить их в убегающего зверя. Следовательно, закавказские бронзовые вилы употреблялись, скорее всего, как оружие всадников.

Помимо основных ведущих форм бронзовых изделий, в разбираемой группе курганов имеется еще большое количество мелких предметов, к которым в первую очередь относятся различные украшения: бусы, браслеты, кольца, бляшки, щипчики и пр. К этой же категории следует отнести скульптурные головки хищников [барс, пантера?] на пряжечке (рис. 3, *4*) и колечке (рис. 2, *14*) из первого Арчадзорского кургана и на вилах из кургана у сел. Баллукая (рис. 10, *1*). Несколько южнее, также на территории Нагорного Карабаха, в одном из больших курганов Ходжалинского могильника, был найден бронзовый предмет в форме трилистника, увенчанный также головкой хищника с раскрытой пастью[1]. Несмотря на то, что памятники Кавказа дают нам большое число бронзовых скульптурных украшений, подобные нашим нигде встречены не были. Нам кажется, что этот мотив, так же как мотив орнаментации бронзовых предметов спиралеобразной лентой, характеризует местное металлопроизводство Нагорного Карабаха эпохи поздней бронзы, стоящее на высоком уровне и имеющее свои художественные и технические традиции. Наряду с мелкой бронзовой скульптурой здесь в древности отливали, по-видимому, и крупные предметы; об этом мы узнаем от Э. Реслера, который, со слов местных жителей, сообщает, что в третьем Арчадзорском кургане, разграбленном еще до его приезда, была найдена большая бронзовая фигура животного, судя по описанию, — барса, с вставными глазами из драгоценных камней[2]. Крупная фигура оленя была также в кургане у с. Толорс[3].

Упомянутая пряжечка с головками хищников имеет инкрустацию в виде треугольников, заполненных голубыми и желтоватыми камнями или пастой (рис. 3, *4*). Прием инкрустации неоднократно повторяется в предметах из наших памятников: помимо пряжечки, цветными камнями или пастой заполнены сердцевины блях со спиральным орнаментом (рис. 2, *3*; 10, *4*), розовым, похожим на мрамор, камнем заложено нижнее отверстие в одной из ручек, также инкрустированных спиральной бронзовой лентой; наконец, беловатой пастой заполнены круглые бляшки от конского убора (рис. 2, *4*, *5*, *7*). Бронзовые предметы с каменными или пастовыми инкрустациями известны также из неоднократно упоминавшегося Карягинского

[1] Дело АК № 48/1897, л. 99.
[2] Дело № 130/1891, л. 21—26; VBGAEU, 1896, стр. 90.
[3] А. О. Мнацаканян. О раскопках..., рис. 42.

кургана. Таковы массивные бляхи от богатого убора верблюдов; на крупных бляхах яйцевидной формы имеются треугольные вставки камней, аналогичные инкрустациям на арчадзорской пряжечке[1].

Сложные по технике изготовления, украшенные камнями или пастой предметы являлись принадлежностью исключительно богатых погребений. Отсутствие за пределами Нагорного Карабаха предметов, инкрустированных треугольными или круглыми камнями, позволяет предположить, что этот прием был типичным лишь для древнего ремесла этой области.

Из других украшений особого внимания заслуживает золотой полый цилиндр, покрытый вытисненными изображениями сцен борьбы зверей и служивший, по-видимому, печатью (рис. 8, *2*). Цилиндрические печати, сделанные из глины, камня и стекловидной массы, хорошо известны памятникам Передней Азии. Композиция на нашем предмете была в свое время сопоставлена Б. А. Куфтиным через цалкинское серебряное ведерко с более ранними памятниками — египетскими палетками и золотой рукояткой кремневого ножа, а также с каппадокийской таблеткой с охотничьей сценой[2]. Однако более близкие территориальные и хронологические аналогии дают некоторые памятники Ирана. Так, большое количество цилиндров-печатей, сделанных из мягкого камня и стекловидной массы, было найдено в некрополе Б Тепе-Сиалка[3]; композиции на большинстве из них, так же как и композиция на арчадзорском цилиндре, основаны на свободном расположении фигур в пределах всей поверхности предмета, хотя фигуры на иранских печатях более схематичны. Манера свободного расположения фигур отличает печати Тепе-Сиалка и Арчадзора от ассирийских, где господствует обычно симметрия. Нам кажется, что арчадзорская печать является единственной привозной вещью в Хаченатетском комплексе; по своему происхождению она связана, безусловно, с Передней Азией.

Остальные предметы — бусы, кольца, браслеты, пряжечки, бляшки, щипчики и пр. — встречаются очень часто в могильниках бронзового века Кавказа и не заслуживают специального внимания.

«Керамика, являющаяся наиболее «местным» слагаемым в составе археологических комплексов, дает обычно множество узко-локальных вариаций, разобраться в которых можно лишь при достаточном количественно и хорошо документированном материале»[4].

Керамический материал из разбираемой нами группы памятников дошел до нас, к сожалению, далеко не полно. Напомним, что сосуды, найденные в обломках, автором раскопок оставлялись на месте. Описания их в отчетах отсутствуют. Основная часть сосудов — материал наиболее трудно транспортируемый — была, по-видимому, оставлена в археологическом кабинете при Шушинском реальном училище; некоторые из них, попавшие позднее в Кавказский музей, фигурируют в каталоге П. С. Уваровой[5] без обозначений комплексов, которым они принадлежали. Сосуды же, присланные в Археологическую комиссию, были переправлены затем в Исторический музей; 17 сосудов, хранящихся в ГИМ, представляют собой единственный доступный и документированный керамический материал из рассматриваемой группы памятников. Вследствие такой фрагментарности материала данный раздел обзора никак не может претендовать на полноту.

---

[1] А. А. Ивановский. По Закавказью, табл. XV, *3*.
[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 88.
[3] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk.... v. II, pl. XCVII, стр. 1712.
[4] А. А. Иессен. К хронологии «больших» кубанских курганов, стр. 175.
[5] П. С. Уварова. Кавказский музей, т. V, № 2649—2660.

Будучи слишком хрупким и мало удобным для перевозок, керамический материал обычно редко служил в качестве предмета широкого межплеменного обмена, поэтому особенность его, по сравнению с предметами металлопроизводства, состоит в том, что он обычно полнее всего характеризует мастерство и художественные традиции той территории, на которой обнаружен. Положение это, допускающее несомненно некоторые исключения, бесспорно относится к рассматриваемой группе памятников.

По технике изготовления все описанные сосуды делятся на две группы: 1) сосуды, сделанные на гончарном круге (рис. 4, 5, 9, 11, 15, *1—2*), и 2) 2) сосуды, вылепленные от руки (рис. 13; 15, *3*, *4*; 17). Сосуды первой группы, обнаруженные почти во всех погребениях, более всего характеризуют общий облик трех богатых курганов. Что же касается сосудов, сделанных от руки, то они встречаются исключительно в более бедных могилах у сел. Ахмахи.

Гончарные сосуды резко отличаются от лепных керамическим тестом, формой и характером орнаментации. По форме это либо небольшие одноручные или двуручные кувшины с округлым туловом, широким плоским дном и широким горлом (рис. 11), либо более крупные кувшины с сильно вздутым туловом и сравнительно узким, расширяющимся кверху горлом (рис. 5), либо очень крупные толстостенные сосуды, профиль которых из-за фрагментарности находок не может быть точно восстановлен. Все они сделаны из тонкой, плотного строения глины с небольшой примесью толченых раковин. Большинство сосудов имеет поверхность черного цвета, достигавшегося, как показали опыты, специальным длительным задымлением при температуре не выше 400°[1]; не исключена возможность, что на черный слой накладывался тонкий слой воска, поверх которого наводилось лощение. На наших сосудах мы встречаем либо сплошное лощение, наведенное при помощи мягкой материи или кожи, либо лощение в виде вертикальных, косых и волнистых линий, а также в виде косой сетки, выполненное галькой или костяным орудием. Помимо лощения, все сосуды первой группы имеют различные украшения; это—горизонтальные вдавленные пояски, врезанные, сплошные или пунктирные треугольники, вертикальное рифление, спиралеобразные налепы на ручках и пр.

Сосуды, вылепленные от руки, изготовлены из значительно более грубого теста. Существенно отличаются они от гончарной посуды и своими формами; это либо примитивные кувшины с округлым туловом, широким плоским дном и одной ручкой (рис. 13), либо маленькие, круглодонные горшочки (рис. 17, *1*). Крайне интересен один лепной сосуд (рис. 15, *3*), подражающий как своей формой, так и орнаментацией небольшим широкогорлым кувшинам (рис. 11). Все сосуды второй группы изготовлены из глины желтовато-серого цвета; сплошное или сетчатое лощение, так же как и другие украшения, на них полностью отсутствуют; поверхность этих сосудов в некоторых случаях покрыта лишь вертикальным лощением. На некоторых из лепных сосудов мы встречаем желтые пятна, представляющие собой следы их примитивного обжига.

Совместные находки лепной и гончарной посуды — явление сравнительно частое, свидетельствующее о том, что гончарное ремесло еще не окончательно вытеснило более архаичный домашний способ изготовления сосудов. Гончарная посуда, характеризующая наиболее богатые курганы Нагорного Карабаха, имела относительно бóльшую ценность, нежели лепные сосуды рядовых погребений. Отличаясь некоторыми чертами от керамической продукции Центрального Закавказья и даже от керамики

[1] З. П. Майсурадзе. Технология черных и серых лощеных сосудов грунтовых погребений в Самтавро. Сообщ. АН Груз. ССР, 1952, т. XIII, № 4, стр. 254.

близких областей Восточного Закавказья (Шамхорский, Ханларский и другие районы), сосуды эти, однако, имеют с последними и общие черты. Изготовление отличной гончарной посуды свидетельствует о существовании в эпоху поздней бронзы выделившегося гончарного ремесла; несомненно, центров такого ремесла в Восточном Закавказье было достаточно; последние раскопки на городище № 1 в Мингечауре, давшие остатки керамических печей эпохи бронзы, свидетельствуют о широком развитии гончарного ремесла в этот период[1]. Опытные гончарные ремесленники выпускали красивую и разнообразную посуду, имевшую высокие технические свойства; она расходилась затем в ближайшие и более удаленные поселения. Этим обстоятельством можно объяснить нередкие находки совершенно одинаковых сосудов в различных районах. Кроме того, немалую роль играло заимствование форм сосудов, а также приемов их орнаментации, приводившее в некоторых случаях к установлению общих черт керамического производства на более или менее значительной территории. Этим следует объяснить ряд общих черт с керамикой других, чаще всего смежных, районов, которые мы наблюдаем в изучаемой нами керамической группе.

В качестве ближайшей аналогии посуде из Хаченагетских памятников можно привести сосуды из случайно обнаруженного около с. Джават на р. Араксе погребения, а также из неоднократно упоминавшегося Толорского кургана[2]. Это крупные чернолощеные кувшины с сильно вздутым туловом и узким горлом, очень напоминающие сосуды из первого Арчадзорского кургана. К сожалению, случайное обнаружение джаватского погребения, частично размытого рекой, не позволило выяснить его общий характер.

Сосуды аналогичного типа известны из различных пунктов самого Карабаха; так, сосуды, найденные случайно при строительных работах близ с. Схторашен и в совхозе № 2 Карвинтреста Мартунинского района, а также в гор. Степанакерте, полностью повторяют основные черты арчадзорских сосудов и относятся к тому же самому времени (рис. 20, *1—2*).

Близкие аналогии дают также богатые курганы Ханларского и Кировабадского районов, рядовые погребения которых содержат грубую черную керамику, инкрустированную белой пастой. В двух «княжеских» курганах близ Ханлара, сходных, как было прослежено, по некоторым чертам погребального обряда и основным формам изделий из бронзы с Хаченагетскими курганами, обнаружены аналогичные крупные лощеные сосуды черного цвета[3]. Наконец, в пятом Карягинском кургане, также многими чертами сходном с рассматриваемыми памятниками, найден глиняный кувшин, очень похожий на единственный сосуд из второго Арчадзорского кургана[4]; сходство их выражается как в одинаковой форме, так и в украшении вертикальным рифлением. Таким образом, гончарная посуда Нагорного Карабаха, изготовленная в каком-либо крупном центре керамического производства, имеет ряд связей с керамикой смежных районов, вышедшей, возможно, из того же центра.

Что касается лепной посуды, встреченной только в сравнительно бедных погребениях у сел. Ахмахи, то она была изготовлена примитивным домашним способом где-нибудь на поселении, вблизи от рассматриваемых

[1] Р. М. Ваидов. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып. XLVI, стр. 92, рис. 27.

[2] VBGAEU, стр. 1896, стр. 169, 209; А. О. Мнацаканян. О раскопках..., рис. 43.

[3] Я. И. Гуммель. Погребальный курган..., т. VIII, 1—3; его же. Указ. соч., на нем. яз., стр. 221, рис. 24.

[4] А. А. Ивановский. Указ. соч., табл. X, *18*.

памятников. По всей вероятности, сосуды эти обслуживали погребенных здесь людей еще при их жизни, после же их смерти они были положены близкими к ним в могилы. Естественно, что сосуды, вылепленные домашним способом и не представлявшие никакой художественной ценности, не выходили за рамки узкой области, где они были изготовлены. Этим объясняется отсутствие близких им аналогий в синхронных памятниках смежных районов. Именно эта, вторая группа сосудов, встречающаяся исключительно в Ахмахинских курганах, теснее всего связана с прилегающей к ним территорией и полнее всего отражает примитивное домашнее производство, обслуживавшее рядовых членов племени.

Рис. 20. Сосуды эпохи бронзы из Карабаха:
1 — с. Схторашен; *2* — гор. Степанакерт.

Такова общая характеристика описанных нами памятников Нагорного Карабаха. Какие же племена оставили эти памятники? Каково было их хозяйство? Кто был похоронен в этих курганах? И, наконец, когда они были сооружены? Вот вопросы, которые встают перед нами. Постараемся, насколько это возможно, ответить на них.

Обратимся к урартским источникам. Летописи урартских царей, увековечившие завоевания урартов, постоянно упоминают среди захваченной в Закавказье добычи большое количество домашнего скота. Мы знаем, например, что только в результате третьего похода царя Сардура в страну Эрах, находившуюся к северу от горы Арагац, урартскими войсками было угнано 1613 коней, 115 верблюдов, 16 529 голов крупного скота и 37 685 овец[1]. Цифры эти весьма красноречиво свидетельствуют о том, какую роль играло разведение домашнего скота у древнейших местных племен Кавказа.

Письменные источники прекрасно подтверждаются археологическими данными: многочисленные находки костей домашних животных в поселениях и могильниках эпохи поздней бронзы, изображение животных на керамике и бронзовых поясах, наконец, культовые погребения животных—все это говорит о ведущей роли скотоводства. Определенный материал в этом отношении дают рассматриваемые нами памятники Нагорного Карабаха,

[1] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 84.

где Э. Реслером[1] были зафиксированы кости лошади (Арчадзорские курганы, курган у сел. Баллукая), кости быка (курган у сел. Баллукая)[2], а также кости собаки (второй Арчадзорский курган, курган у сел. Баллукая). Отрывочный характер сведений Э. Реслера легко пополняется остеологическим материалом из смежных с Нагорным Карабахом районов, где были обнаружены также кости верблюда, козы, овцы и свиньи[3].

Сопоставление данных письменных источников урартов с археологическими материалами позволяет установить не только удельный вес скотоводства на Кавказе, но также и преобладающую его форму. Цифры урартских летописей указывают, что в захваченных у местных племен стадах подавляющее большинство составлял мелкий рогатый скот. Находки костей животных в поселениях и могильниках эпохи бронзы дают ту же самую картину. Последняя черта свидетельствует о сложившейся уже к этому времени полукочевой форме скотоводства, при которой мелкий, наиболее подвижной скот выгонялся в период летних месяцев на высокогорные пастбища — яйлаги, многочисленные в горных районах Кавказа: крупный же скот (лошади, верблюды, быки) являлся тягловой силой, а в условиях кочевок играл роль вьючных животных, особенно необходимых при периодических передвижениях.

В Нагорном Карабахе, в условиях гористого рельефа, где отвесные горы и скалы почти вплотную подходят к бурным речкам, имеющим лишь иногда узкие пологие берега, отгонно-кочевое скотоводство должно было иметь особенно важное значение; скотоводы, ютившиеся в зимние месяцы в более низких местах, с ранней весны выгоняли свой скот на прекрасные альпийские луга.

Почти ту же картину можно наблюдать и до настоящего времени во многих районах Восточного Закавказья[4]. Хорошо изученный в этом отношении район Нагорного Карабаха и расположенных к востоку от него Мильской и Муганской степей характеризуется хозяйством, в котором преобладающую роль играет овцеводство, причем вся жизнь обитателей этих районов строится в соответствии с интересами развития овцеводства[5]. Ежегодно, начиная с апреля, огромные стада, охраняемые пастухами и собаками и сопровождаемые навьюченными быками, лошадьми и иногда верблюдами, тянутся из более низменных районов в горы, к альпийским лугам. Здесь скот остается до осени, переселившиеся сюда люди строят землянки или войлочные алачиги и в течение лета занимаются обработкой молочных продуктов, а также выделкой тканей, кож и войлока[6].

Будучи основной, ведущей отраслью хозяйства племен, обитавших в эпоху бронзы в горных районах Кавказа, в частности в Нагорном Кара-

[1] По-видимому, костный материал, в основной своей массе неопределенный, оставался на месте раскопок. Известным становился лишь материал, который мог определить Э. Реслер. Антрополога, разумеется, на месте раскопок не было.

[2] Определенные Э. Реслером кости как бизоньи являются, по мнению П. С. Уваровой, костями быка или буйвола. См. Кавказский музей, т. V, стр. 114, прим. 1.

[3] А. А. Ивановский. Указ. соч., стр. 101, 158; Я. И. Гуммель. Погребальный курган..., стр. 12; Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. Сб. сведений о Кавказе, т. I. Тифлис, 1871, стр. 310; Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 126; А. О. Мнацаканян. Указ соч., стр. 99.

[4] Д. Каллестинов. Кочевое скотоводство. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 3. Баку, 1926, стр. 74; Терекеме. Об условиях жизни кочевников-скотоводов в Азербайджане. Там же, стр. 95; Дж. Александрович, Азимбеков и Сысоев. Евлах-Шуша. Изв. Азкомстарис. Баку, 1927, вып. 3, стр. 13.

[5] М. Авдеев. Мильско-Карабахская степь. Баку, 1929.

[6] М. Авдеев. Указ. соч., стр. 91—106; М. В. Кулиева. Кибитки на яйлагах. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5, стр. 172.

бахе, скотоводство стало прочной сырьевой базой для изготовления различных молочных продуктов, а также для выделения таких ремесел, как ткачество, обработка кож, выделка войлока. К сожалению, изделия этих ремесел ни в одном случае до нас не дошли, вследствие чего у нас нет достаточных оснований для того, чтобы судить об их характере. Однако удельный вес этих ремесел должен был быть, несомненно, велик, так как базировались они на основной отрасли хозяйства — скотоводстве.

Отсутствие исследованных в Нагорном Карабахе поселений не позволяет, к сожалению, восстановить некоторые другие черты хозяйства этой области в древности. Естественно, что земледелие в условиях гористого рельефа Карабаха играло лишь незначительную, подсобную роль; земледельческие орудия, а также некоторые злаки, известные по памятникам смежных районов, возможно, и были известны древнейшим обитателям Нагорного Карабаха, однако практически заниматься земледелием они могли лишь на узких клочках земли, прилегающих к горным речкам[1]. Могильники Нагорного Карабаха не дают пока никаких материалов для характеристики земледелия в древности. Единственным земледельческим орудием эпохи бронзы, обнаруженным здесь, является кремневый вкладыш серпа, случайно найденный в с. Сарибек[2].

Нет у нас также достаточных оснований для того, чтобы судить о степени развития садоводства в Нагорном Карабахе в эпоху бронзы. На существование плодовых растений указывают косточки персика и абрикоса, найденные в курганах Ходжалинского могильника[3]. К растениям, имевшим, как полагал Я. И. Гуммель, культовое значение, относится дагдаган, остатки семян плодов которого были зафиксированы им в одном из курганов эпохи энеолита близ Степанакерта, а также в памятниках эпохи бронзы близ Ханлара[4]. Несмотря на скудость материала из Карабаха, мы, однако, можем предполагать, что древним жителям его были хорошо известны, помимо персика и абрикоса, такие плодовые деревья, как миндаль, инжир и гранат, остатки которых обнаружены при раскопках поселения эпохи бронзы к западу от Ханлара[5].

Исследование одного сосуда из «княжеского» кургана, открытого Я. И. Гуммелем в Ханларском районе, показало наличие внутри него винного камня, что свидетельствует о существовании виноделия в эту эпоху и об употреблении вина в качестве приношений при погребениях[6].

Крутые склоны Карабахских гор покрыты местами сплошными массивами лесов. В настоящее время под лесами занято 15 563 га, т. е. 25,5% общей площади[7]. Однако еще бóльшую площадь, по-видимому, занимал лес в древности. На значительное количество леса в I тысячелетии до н. э. на территории Азербайджана указывают древесные остатки, дошедшие главным образом в виде памятников погребальной архитектуры — огромных деревянных помостов, хорошо известных из Ханлар-

[1] М. Зейналов. Гидрография и водное хозяйство Нагорно-Карабахской автономной области. Изв. АзФ АН СССР, 1939, № 4, стр. 99.

[2] В. А. Петров. Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок. КСИИМК, вып. VII, 1940, стр. 41; Ценная археологическая находка. Газета «Бакинский рабочий» от 16. X 1937 г.

[3] И. М. Джафарзаде. Ходжалинская экспедиция. Изв. АзФ АН СССР, 1941, № 2, стр. 21; Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Дневник археологических раскопок в Ходжалах в 1926 г. Архив Ин-та истории и философии АН АзССР, № 32, тетр. 1, стр. 23.

[4] Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., стр. 86; его же. Археологические очерки, стр. 98; В. А. Петров. Этноботаника Нагорного Карабаха. Шуша, 1939.

[5] Я. И. Гуммель. Указ. соч., стр. 126.

[6] Епископосян. Сосуды бронзовой эпохи. Журн. «Огонек», 1954, № 49, стр.32.

[7] М. Зейналов. Указ. соч., стр. 99.

ского, Кировабадского, Мингечаурского районов[1], а также из Нагорного Карабаха[2]. Анализ древесных остатков из нескольких могильников показал, что в эпоху развитой бронзы в Восточном Закавказье произрастали кедр, дуб, туя, древовидный можжевельник, тополь и др. Изучение остатков кострищ памятников эпохи бронзы, а также кувшинных погребений указывает на замещение в течение I тысячелетия до н. э. дубовых пород породами грабовыми. Последнее, по мнению В. А. Петрова, свидетельствует о том, что дубовый лес был полностью уничтожен в результате отхода лесных площадей под сельскохозяйственные культуры[3]. Однако в этом предположении, нуждающемся во всесторонней проверке, вызывает некоторое сомнение мысль об отходе больших площадей под сельскохозяйственные культуры. Широкое распространение их вряд ли было возможно в гористых условиях Карабаха.

Скотоводческие племена, населявшие горные районы Кавказа, занимались металлургическим производством, базировавшимся на ряде меднорудных месторождений. Благодаря работам А. А. Иессена в области древней металлургии Кавказа стало очевидным, что в эпоху бронзы здесь существовало несколько крупных металлургических локальных районов[4]. Каждый такой район, объединенный общностью хозяйства, шел по своему собственному пути развития, при котором его продукция носила определенные, характерные лишь для него черты. Распространение металлических предметов выходило подчас далеко за пределы данного района, чему способствовал широко развитый межплеменной обмен, а также необходимость снабжения более низменных районов, специализировавшихся в первую очередь на сельском хозяйстве и не имевших собственной меднорудной базы.

Как уже было показано выше, в конце II—начале I тысячелетия до н. э. для области юго-восточного Кавказа, питавшейся медными рудниками Шамхорского и Карабахского районов, были характерны следующие ведущие формы оружия: секиры, мечи II—III типов, различные кинжалы, втульчатые наконечники копий, вилы, легкий простой деревянный лук, бронзовые стрелы с сильно загнутыми внутрь крыльями и пр.

Область Нагорного Карабаха, входившая в район распространения этой культуры, имела свое, местное металлопроизводство, в общем сходное с металлопроизводством всего юго-восточного Кавказа. Наличие здесь богатых залежей медной руды[5], а также обнаруженные в ряде мест следы древних ее выработок[6]; с одной стороны, большая насыщенность

---

[1] Я. И. Гуммель. Погребальный курган..., стр. 10—11; его же. Указ. соч., на нем. яз., стр. 215; его же. Археологические очерки, стр. 79, прим. 17, стр. 82; А. А. Спицын. Археологические исследования Э. Реслера в Елисаветопольской губ. в 1901 г. ИАК, 1905, стр. 4; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре как исторический источник для изучения истории Азербайджана. Изв. АН Аз.ССР, 1950, № 7, стр. 170; А. Ц. Яценко-Хмелевский. Нахождение тополя в погребении бронзового века в Азербайджане. Сообщ. ГрузФ АН СССР, т. I, 1940, № 2, стр. 137—141; Я. И. Гуммель. К проблеме археоботаники Закавказья. Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, 1941, № 1—2, стр. 125—132; Л. И. Прилипко. Очерк дикой растительности Кировабадского района. Труды АзФ АН СССР, XXI, стр. 62—63.

[2] Дело АК № 60/1895, л. 37; дело АК, № 54/1894, стр. 19; дело АК № 48/1897, л. 98; А. А. Ивановский. Указ. соч., стр. 157.

[3] В. А. Петров. Указ. соч., стр. 41.

[4] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 151.

[5] А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 32.

[6] К. Abich. Aus kaukasischen Ländern. Wien, 1896, стр. 417; Г. И. Литвинский. О рудных и минеральных месторождениях Закавказского края. Горный журнал, ч. IV, 1873, стр. 84.

могильников прекрасными бронзовыми предметами и наличие специально зарытых кладов (например, Киркиджанский клад)[1] — с другой, свидетельствуют о значительной роли, которую здесь играло металлургическое производство. Это производство имело свои особенности главным образом в приемах украшения бронзовых предметов, встречающихся исключительно в богатых погребениях. К ним, в первую очередь, относится техника украшений бронзовых предметов спиральным орнаментом, при которой отливка основного предмета производилась со спиральным выемом, куда затем вковывались отличные по цвету бронзовые полосы, и украшение бронзовых предметов различными пастовыми или каменными вставками, вложенными в треугольные или круглые гнезда. К предметам, несомненно, местного производства относятся также бронзовые изделия со скульптурными изображениями голов хищников, а также различные рельефные фигуры; последние мы видим не только на массивных подтоках из Арчадзорских и Баллукаинского курганов, но и на изделиях Киркиджанского клада, синхронного нашим курганам (рис. 19,*1*, *3*)[2].

Все перечисленные приемы украшений бронзовых предметов встречаются исключительно в памятниках Нагорного Карабаха.

Что касается керамического производства Карабаха, то оно было в общем сходно с производством близких, Ханларского и Мингечаурского, районов, известным главным образом по богатым погребениям. В настоящее же время у нас еще слишком мало данных для детальной характеристики керамического производства Нагорного Карабаха в древности.

Археологический материал из Нагорного Карабаха и смежных районов Закавказья позволяет установить наличие ткацкого производства, существовавшего в Закавказье уже в эпоху энеолита. Так, в курганах близ Степанакерта, относящихся примерно к середине III тысячелетия до н. э., была обнаружена грубая лепная керамика, сделанная при помощи тканевой основы, которую затем обмазывали с двух сторон глиной и обжигали[3]. «Переплетение ткани гроденаплевое: нити основы и утка переплетаются попеременно друг с другом»[4].

Основным занятием племен, обитавших в древности в области Нагорного Карабаха, было скотоводство. «...приручение домашних животных и разведение стад создали не слыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения»[5]. Быстро развивающееся скотоводство, дававшее в изобилии прибавочный продукт, способствовало обогащению этих племен. За скот ведется постоянная борьба между отдельными враждующими племенами, во главе которых стояли вожди племен и их приближенные, лица, богатеющие в первую очередь.

Постоянная вражда вызывала необходимость производства отличного вооружения. Погребения этого времени содержат огромное количество прекрасного бронзового оружия. Эта последняя черта особенно ярко отражается в памятниках Нагорного Карабаха. Во всех восьми рассмотренных нами курганах встречается оружие; наибольшее количество его найдено в трех крупных курганах, являющихся скорее всего погребениями вождей племен.

[1] Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., стр. 77.

[2] Я. И. Гуммель. Указ. соч., стр. 79, табл. II, рис. 5—7.

[3] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 19, 20, 24; Л. П. Ташчян. Курган с массовым погребением..., стр. 93.

[4] Я. И. Гуммель. Указ. соч., стр. 88, табл. VI, рис. 18.

[5] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 53.

Курганы близ дер. Ахмахи, отличающиеся общим своим обликом от богатых погребений вождей, заключали более бедные могилы. Однако наличие в них оружия придает им также военный характер.

Полное отсутствие в некоторых курганах каких бы то ни было предметов возле сидящих скелетов указывает на то, что это уже не воины-дружинники, сопровождавшие в Арчадзорских курганах своих военачальников, а пленные, захваченные в войне с чужим племенем, превращенные затем в рабов и убитые при погребении лиц, которым они принадлежали. Большое количество убитых рабов в погребениях, не отличающихся особой пышностью, подчеркивает их сравнительно малую ценность, и, косвенным образом, указывает на определенную легкость их добычи в частых межплеменных войнах.

Переходя к вопросу о датировке наших курганов, надо прежде всего сказать, что все восемь курганов относятся примерно к одному и тому же времени, хотя не исключена возможность, что Ахмахинские курганы, подражающие обряду погребения первого Арчадзорского кургана, были сооружены на несколько десятилетий позже. Ни в одном из рассмотренных курганов не было встречено никаких признаков железа. Кроме того, в рассматриваемых курганах среди многочисленных местных закавказских предметов оружия, орудий и украшений нет ни одного предмета урартского или скифского облика, которые широко распространяются на Кавказе в VII—VI в. до н. э. Из предметов, характерных для памятников развитого бронзового века Закавказья, здесь найдены такие формы, как массивная бронзовая секира, мечи II и III типов, кинжалы, наконечники стрел и копий и др., продолжавшие сосуществовать позже вместе с железом.

Удила I типа и сопутствующие им втульчатые вилы были распространены на широкой территории Закавказья, а также в Передней и Малой Азии и находились в комплексах X—IX вв. до н. э., для которых не характерно присутствие железа[1]. Все это не позволяет отодвигать верхнюю хронологическую дату позднее VIII в. до н. э. Сравнение с другими памятниками Нагорного Карабаха также не дает нам возможности относить Хаченагетские курганы к более позднему времени; например, курганы с каменными насыпями на Ходжалинском могильнике VII—VI вв. до н. э., а также некоторые могилы Мингечаура этого же времени, резко отличающиеся своим обликом от рассмотренной нами группы курганов, отражают новую ступень развития общества, когда замкнутые культурные области Кавказа, в частности область Нагорного Карабаха, устанавливают на севере связи со скифами, а на юге, через урартов,— со странами Передней Азии.

Таким образом, учитывая все сказанное, мы считаем, что время сооружения восьми курганов на левом берегу р. Хаченагет относится скорее всего к IX и, быть может, частично к VIII в. до н. э.

---

[1] Правда, в Передней Азии, где железо распространилось значительно раньше, чем в Закавказье, иногда бронзовые удила I типа встречаются в могилах, где имеется железо. См. R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk, v. II, pl. LVI.

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА, БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ОКРЕСТНОСТЯХ СИМФЕРОПОЛЯ

Как известно, по количеству археологических памятников Крымский полуостров по праву занимает одно из первых мест в СССР. В их числе значительную группу составляют палеолитические местонахождения, весь комплекс которых дает возможность проследить почти все этапы развития палеолита в Крыму.

Этого нельзя сказать о последующих культурах неолита и бронзы. Их недостаточная изученность не позволяет нам выявить изменения, происшедшие в развитии материальной культуры Крыма в послепалеолитический период. Недостаточно ясно улавливается и их связь с одновременными эпохами всего Северного Причерноморья. Малочисленность памятников этого типа следует объяснить не их отсутствием в Крыму, но их слабой изученностью. Изучались лишь курганы, да и то в небольшом количестве[1]. Сведений о стоянках этого времени в предгорьях Крыма не было, кроме кратких указаний на стоянки переходной поры — от бронзы к раннему железу, т. е. на стоянки кизил-кобинской культуры.

Несомненно этот пробел в истории Крыма будет заполнен. Об этом свидетельствуют пока еще немногочисленные памятники, относимые исследователями к эпохе неолита и бронзы. Так, в Крыму известен ряд неолитических стоянок: Ат-Баш, Балин-Кош, верхний слой Джайлау-Баш и Шан-Кобы и др.[2]

Ко II тысячелетию до н. э. относится катакомбное погребение, обнаруженное в 1951 г. в поселке Жигулина Роща, на окраине Симферополя. В восточном Крыму в последнее время вырисовывается киммерийская культура (конец II — начало I тысячелетия до н. э.)[3].

Еще больше известно памятников переходной эпохи от бронзы к раннему железу. Поэтому представляется своевременным опубликование материалов археологических разведок, проведенных автором в 1947—1952 гг. в окрестностях Симферополя. Это в какой-то мере позволит пополнить археологическую карту Крымского полуострова[4].

[1] См., например, отчеты археологических комиссий за 90-е годы, а также статьи: А. Кашпар. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н. И. Веселовским в 1895 г. ИТУАК, 24; А. Х. Стевен. Раскопки курганов близ Симферополя, ИТУАК, 11.

[2] С. Н. Бибиков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV, 1940.

[3] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII, 1952.

[4] Считаю своим долгом выразить благодарность П. Н. Шульцу и А. А. Формозову за ценные сведения, использованные мной в данной статье.

I. Первая стоянка находится в 4 км к югу от Симферополя, на пологом северо-западном плато второй гряды Крымских гор, между селами Верхние Фонтаны (быв. Верхние Ягмурцы) и Ново-Николаевка. На юго-востоке стоянка граничит со скифским городищем «Залесье». Впервые об отдель-

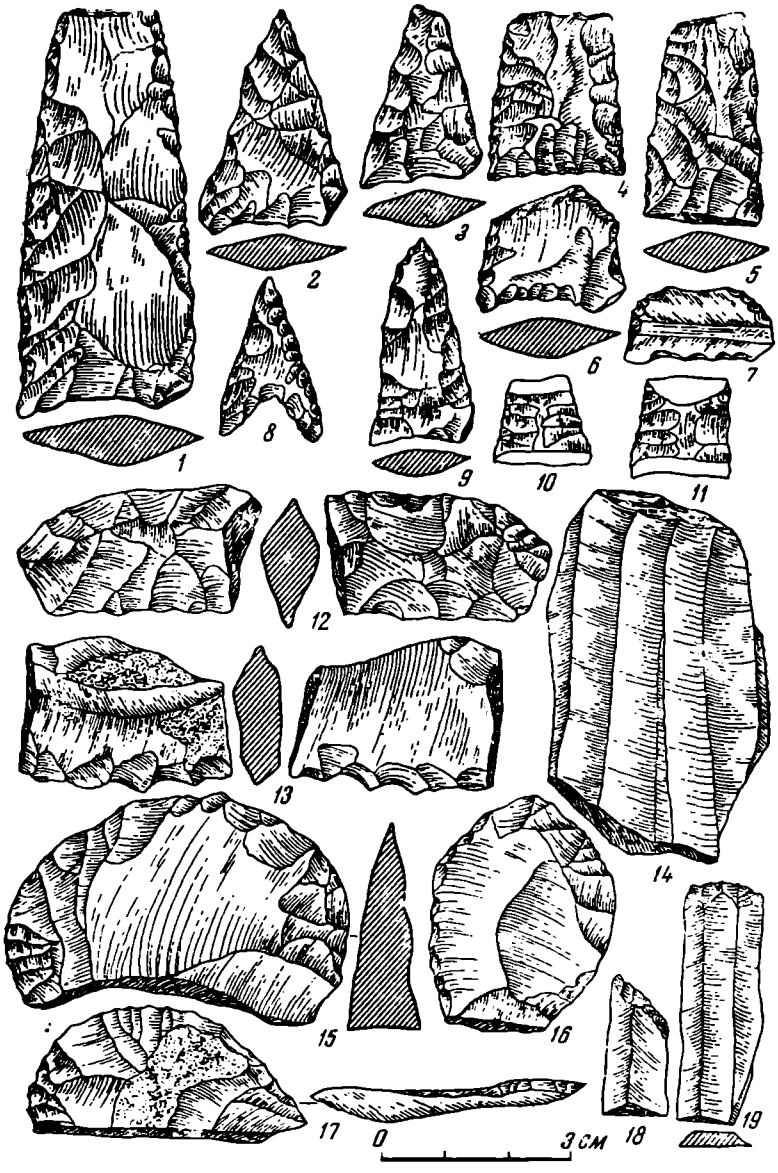


Рис. 1. Кремневый инвентарь (*1—19*) Верхне- и Нижне-Ягмурчинских стоянок

ных находках каменных орудий близ дер. Ягмурцы сообщают в 1925—1926 гг. С. И. Забнин[1] и Г. А. Бонч-Осмоловский[2]. В дальнейшем эту стоянку будем называть Верхне-Ягмурчинской.

В 1947 г. впервые после С. И. Забнина на стоянке было собрано около 100 кремневых орудий, ножевидных пластинок, отщепов, чешуек и об-

[1] С. И. Забнин. Находки каменного века в Крыму. ИТУАК, 54.

[2] Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. «Крым», № 2, 1926, стр. 92. Коллекция из сборов Г. А. Бонч-Осмоловского хранится в материалах МАЭ.

ломков кремня, покрытых сплошной белой патиной, а также фрагменты лепных сосудов, точильные камни и пр.

Среди этого материала находятся:

1) Десять наконечников стрел с усеченными или слегка вогнутыми основаниями (рис. 1, *2—5*, *9*), один из них выделяется своими малыми размерами и глубокой треугольной выемкой в основании (рис. 1,*8*). Несколько бóльших размеров достигают наконечники дротиков с подобными же основаниями (рис. 1, *1*). Наконечники стрел таких типов, как уста-

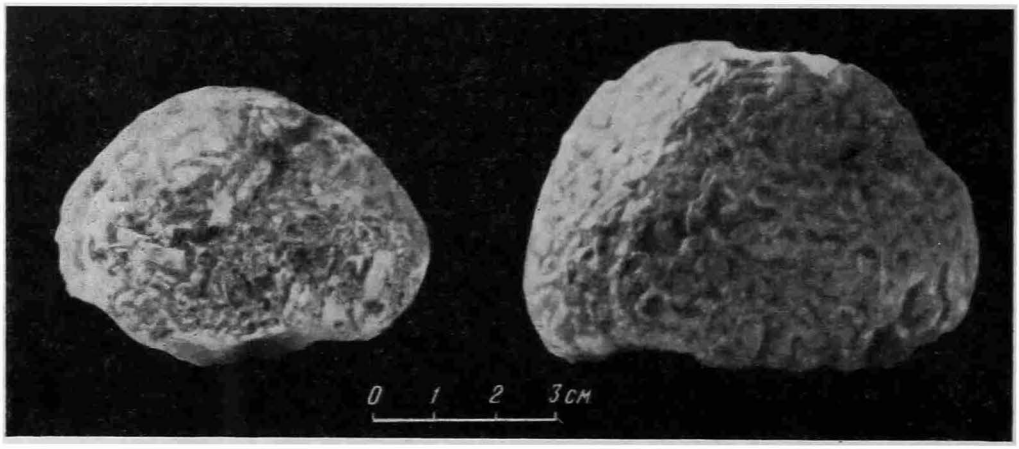


Рис. 2. Шарообразные кремневые отбойники.

новлено в ряде районов Украины, Кавказа, Поволжья, Казахстана, Сибири, характерны для памятников эпохи ямной и катакомбной культур [1]. В Крыму они известны на Гераклейском полуострове [2].

2) Следующую группу составляют ножевидные пластинки и обломки от них. Все пластинки тонкие и по своему облику близки к пластинкам, собранным на мезолитических и неолитических стоянках Крыма.

3) Имеются также скребки на небольших отщепах.

4) Одна трапеция со струганой спинкой (рис. 1, *11*), аналогичная широко представленным в инвентаре неолитических стоянок Крыма и Украины. В Крыму они известны на стоянках: Ат-Баш на Яйле, Джайлау-Баш на Чатыр-Даге, Кара-Кач, Балин-Кош и пр.; многочисленны они также в верхнем слое навеса Шан-Кобы. Во всех случаях эти трапеции встречены с лепной керамикой, часто — с обломками остродонных сосудов, что наряду с другими признаками позволяет С. Н. Бибикову датировать эти стоянки эпохой неолита [3]. За пределами Крыма они встречаются в Мариупольском могильнике, в неолитических стоянках порожистой части Днепра, на стоянке у Красного озера на Мелитопольщине и др.

5) Два вкладыша серпа, изготовленных на массивных отщепах с двусторонней ретушью (рис. 1, *12*, *13*). Вкладыши для серпов характерны для стоянок Кавказа и Правобережной Украины. На Кавказе вкладыши,

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии: его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Труды 12 и 13 археологических съездов, т. 1, 1905 и 1907.

[2] В. А. Городцов. Каменные орудия, найденные в почве древнего Херсонеса и его окрестностей. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 1927, стр. 46.

[3] С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 29—30.

преимущественно с двусторонней сплошной обработкой, получили распространение в памятниках III — начала II тысячелетия до н. э. Вкладыши с двусторонней обработкой в Правобережной Украине появляются в эпоху поздней бронзы, в памятниках белогрудовского типа (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) [1]. Для левобережных памятников ямного и катакомбного типов вкладыши этого типа мало характерны.

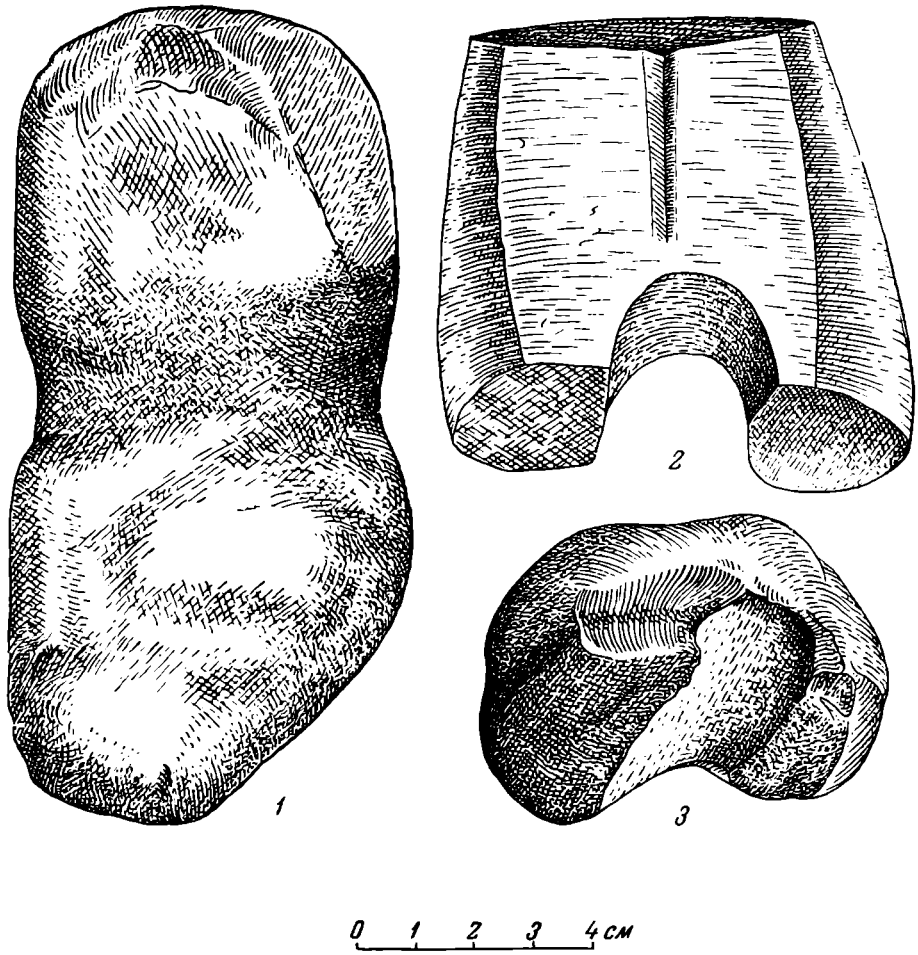


Рис. 3. Обломки каменных шлифованных орудий (*1—3*).

Находки таких вкладышей в окрестностях Симферополя позволяют видеть в этом отражение связей между племенами, жившими в эпоху бронзы в Крыму и на Кавказе, что уже не раз отмечалось при анализе кизил-кобинских памятников.

6) Десятью экземплярами представлены шарообразные кремневые отбойники диаметром 4—6 см (рис. 2).

7) Найдено также три обломка шлифованных молотков (рис. 3, *3*). один из них с расширяющимся лезвием. Четвертый молоток целый, от остальных отличается более примитивной формой. Вместо отверстия молоток имеет перехват, служащий для прикрепления его к рукоятке (рис. 3, *1*). Интересно отметить, что все молотки изготовлены не из вулканической, как обычно, породы, а из плотного песчаника. Находки каменных топоров известны в Крыму и раньше, как в окрестностях Симферо-

[1] С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в сел. Собковка. Краткие сообщения Ин-та археол. УССР, вып. 1. Киев, 1952.

поля, так и в степном Крыму, а также на Гераклейском полуострове [1], в киммерийском поселении на горе Опук (Керченский полуостров) [2] и в других местах.

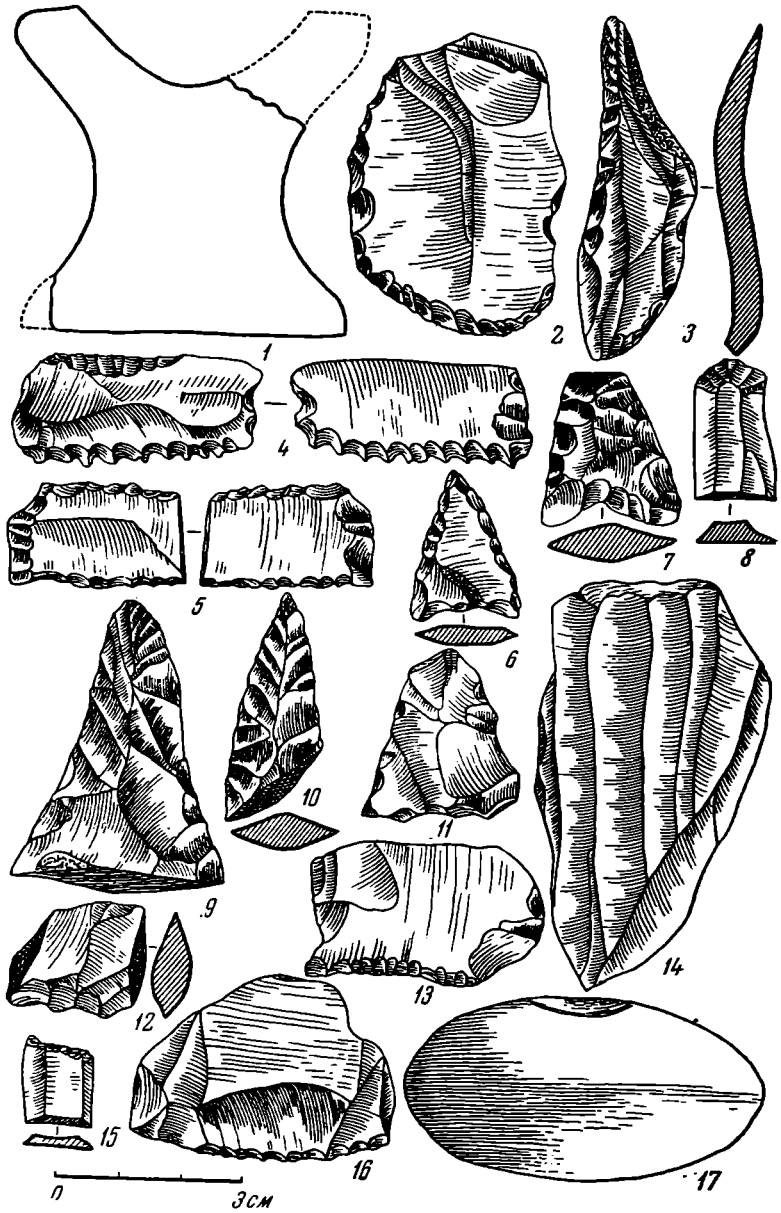


Рис. 4. Кремневый инвентарь из стоянок Симферопольского района (*1—17*).

8) Найдены также четыре песчаниковые небольшие круглые терки диаметром 5—6 см и толщиной 2,5—3 см.

9) Керамика представлена в незначительном количестве. Это — обломки лепных сосудов темнокоричневого или черного цвета. Обжиг плохой, глина содержит примесь известковой крошки и в небольшом количестве толченую ракушку. На некоторых обломках видны горизонтально или

[1] В. А. Городцов. Каменные орудия..., стр. 46.
[2] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика

вертикально процарапанные линии или косые насечки по наружному краю венчика (рис. 5, *2—4*). Имеется обломок венчика с высокой вертикальной шейкой, украшенной горизонтальными полосами (рис. 5, *1*).

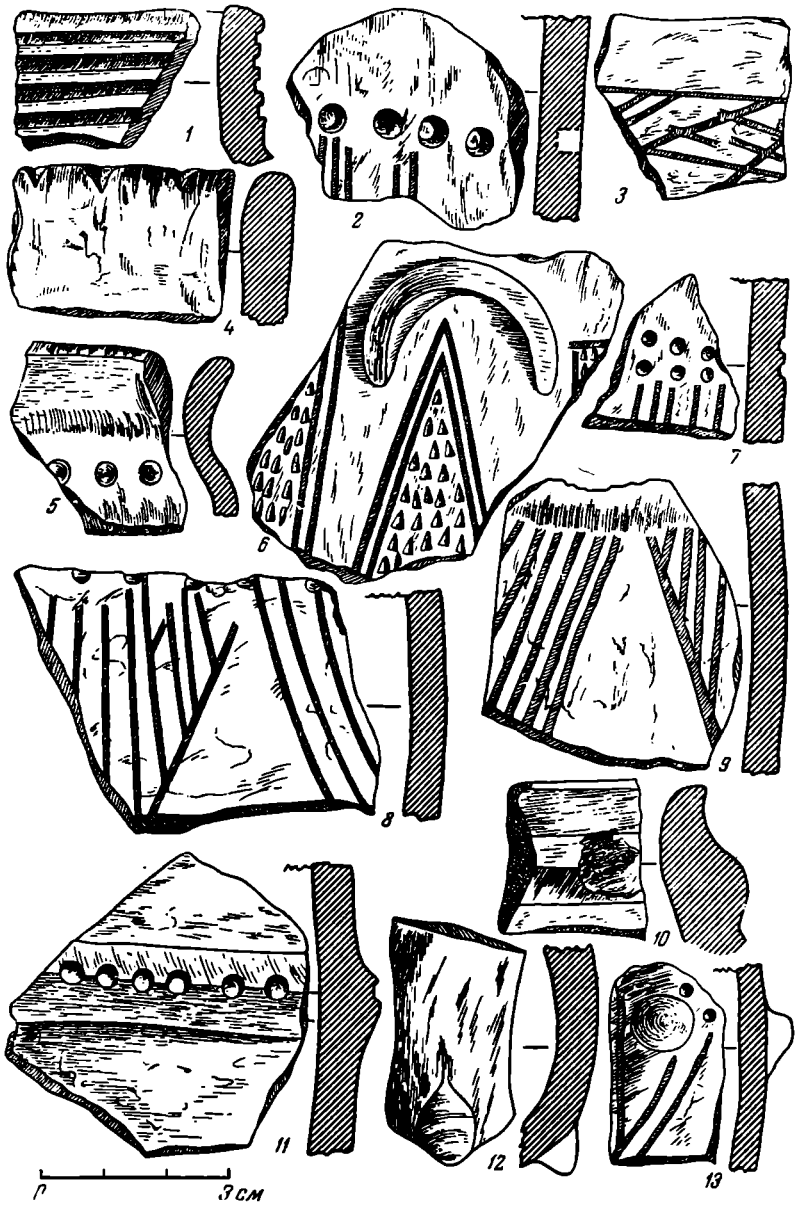


Рис. 5. Фрагменты лепной керамики из Нижне- и Верхне-Ягмурчинских стоянок (*1—13*).

Некоторые фрагменты имеют бороздки от заглаживания. Близ скифского городища наряду с этой керамикой попадается керамика, близкая керамике из кизил-кобинских поселений; она отличается лучшим качеством выделки, порой лощением и характерным для этой культуры орнаментом (рис. 5, *5*, *6*).

11. Следующая стоянка, Нижне-Ягмурчинская, находится в 1 км к югу от с. Нижние Фонтаны (быв. Нижние Ягмурцы), на левом склоне Холодной балки и, судя по находкам, тянется вдоль склона на протяжении 300 м. По дну балки протекает ручей. С запада к стоянке примыкает

несколько небольших курганов. Большая часть стоянки распахивается. Здесь собрано:

1) Восемнадцать кремневых скребков на отщепах, из них несколько округлой формы (рис. 1, *15—17* и рис. 4, *2*), и два концевых на ножевидных пластинах (рис. 1, *19*).

2) Двадцать ножевидных пластинок и обломки от них, пластинки тонкие (2—3 мм), длиной до 4 см и шириной до 1,5 см.

3) Косое острие на ножевидной пластинке (рис. 1, *18*); подобные острия характерны для стоянок юга в эпоху неолита и раннего металла.

4) Два призматических нуклеуса с правильно чередующимися гранями сколов размером 6 × 4,5 см (рис. 1, *14*); нуклеусы этого типа также характерны для мезолитических и неолитических памятников Крыма.

5) Обломки наконечников одного дротика и двух стрелок со слегка вогнутыми основаниями (рис. 1, *6*), аналогичные стрелкам Верхне-Ягмурчинской стоянки.

6) Пятнадцать шарообразных отбойников из кремня диаметром 4—6 см.

7) Кроме того, в коллекции найден обломок шлифованного молотка из диорита размером в средней части на изломе 7 × 8 см, диаметр отверстия для ручки 2,5 см. На нижней и верхней гранях молотка имеется по одному неширокому ребру в виде расплывчатых валиков (рис. 3, *2*).

8) Особый интерес представляет каменный бокаловидный сосуд из андезита с гладко отшлифованной наружной и внутренней поверхностью. Высота сосуда 5 см, диаметр по венчику 5,5 см, наибольшая глубина 1 см (рис. 4, *1*). Назначение сосуда остается неясным. Это вторая находка каменного шлифованного сосуда в Крыму; первый, правда, несколько иной формы, был обнаружен на яйлинской неолитической стоянке Балин-Кош. На Украине они известны на стоянках Днепровских порогов III — начала II тысячелетия до н. э.

9) На стоянке собраны обломки лепных сосудов темносерого или коричневого цвета, толщина их стенок не превышает 1,5 см, в глине содержится примесь мелкой известковой крошки, обжиг слабый. Наиболее распространенный орнамент — пять-шесть глубоко процарапанных линий, иногда сочетающихся с глубокими вдавлинами (рис. 5, *7*), или рельефный валик с нарезками (рис. 5, *11*). На одном обломке валик, проходящий под самым венчиком, украшен пальцевыми вдавлинами (рис. 5, *10*). В Крыму валик с пальцевыми вдавлинами обнаружен в догреческом поселении на горе Опук [1]. Многочисленные аналогии известны и в стоянках эпохи бронзы Украины, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Встречается на стоянке и керамика с орнаментом, характерным для кизил-кобинской культуры (рис. 5, *8*, *9*). По-видимому, орнаментальное значение имеют и сосцевидные налепы (рис. 5, *13*). Любопытен обломок уплощенной (ленточной) ручки лепного горшка с сосцевидным налепом в нижней части (рис. 5, *12*).

На стоянке собраны также обломки точильных камней и многочисленные отходы кремня. Последние указывают на то, что изготовление орудий производилось на месте, а это свидетельствует о продолжительном существовании стоянки.

Отметим также, что на юго-восточной оконечности стоянки подобрана кремневая трапеция со струганой спинкой (рис. 1, *10*) и более десятка ножевидных пластинок и отщепов. Относятся эти находки к стоянке или это самостоятельный пункт — сказать трудно. Не ясно это и по отношению к местонахождению, расположенному в 200 м к северо-востоку,

[1] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика, стр. 111.

на противоположном склоне Холодной балки; здесь собрана аналогичная керамика с резным орнаментом и валиками, обломок наконечника стрелы, отщепы и осколки кремня. Культурный слой имеет здесь толщину 0,5 м. Несколько ниже этого места, на высокой надпойменной террасе, в небольшом обнажении имеется колоколообразно расширяющаяся книзу яма, из среза которой извлечена кремневая ножевидная пластинка, осколки кремня и лепная керамика. Рядом, на поверхности террасы, подобран трапециевидный вкладыш (рис. 1, 7), кремневые ножевидные пластинки микролитического характера и многочисленные осколки и чешуйки кремня. Аналогичные ямы широко представлены в памятниках кизил-кобинской культуры (стоянка у пещеры Кизил-Коба, Симферопольское и другие поселения). Собранный же здесь кремневый материал характерен для неолитических и раннебронзовых стоянок Крыма, юга Украины, Поволжья и пр.

Таким образом, анализ собранного на Нижне-Ягмурчинской стоянке инвентаря позволяет наметить здесь два культурных периода:

а) ранней бронзы, а возможно, и конца неолита, о чем свидетельствуют трапеции, ножевидные пластинки, полукруглые и круглые скребки, стрелки с вогнутыми основаниями, каменный шлифованный сосуд и молот.

б) поздней бронзы или раннего железа, к которому, по-видимому, относится керамика, украшенная точечным и линейным орнаментом, и яма с расширяющимися книзу стенками.

III. Третья стоянка обнаружена на правом берегу р. Альмы, в 2 км к северо-востоку от с. Дровянка (б. дер. Бешуй), на небольшой возвышенности (180 на 65 м), ограниченной с востока и запада глубокими балками, а с юга и севера заросшими лесом холмами. Подъем к поляне только с юго-запада, со стороны реки.

На северной и северо-западной окраинах стоянки расположено пять заросших кустарником, частично разрушенных курганов, насыпи которых сложены из небольших камней. Диаметр курганов 10—13 м, высота до 1 м.

На стоянке собраны кремневые орудия и много осколков кремня. Из кремневых орудий найдены: наконечник треугольной стрелки с вогнутым основанием, покрытый сплошной белой патиной (рис. 4, 7), вкладыш серпа на пластинке (рис. 4, *4*), рабочий край которого залощен продолжительным употреблением, а противоположный оформлен мелкой ретушью; четыре скребка, из которых один — концевой на ножевидной пластинке (рис. 4, *8*), второй — изогнутой формы (рис. 4,*3*), третий имеет вид широкой, но тонкой пластинки (рис. 4, *13*), форма последнего не восстанавливается. Кроме этих орудий, на стоянке собрано 10 отщепов с подправкой по краю. На скребках заметны следы залощенности от продолжительного употребления. Несколько отщепов носят следы пребывания в огне. Керамики на стоянке не обнаружено.

Судя по кремневому инвентарю — треугольная стрелка с вогнутым основанием, скребки и пр. — и технике его изготовления, в которой имеются мезолитические традиции, мы склонны эту стоянку отнести к эпохе ранней бронзы.

IV. Близкий материал дает и стоянка «Курцы-2», обнаруженная в Курцово-Сабловской балке, на северо-восточной окраине с. Украинка (б. дер. Курцы), над каменоломней. Здесь, среди 15 невысоких (от 0,5 до 1,5 м), расплывчатого очертания курганов, тянущихся по гребню хребта, на пространстве 200—250 м собрано: десять ножевидных пластинок и обломков от них; три стрелки треугольной формы с легкой выемкой в основании (рис. 4, *6*); несколько скребловидных орудий на отщепах с подправкой по краю, а также отщепы, осколки и примитивные нуклеусы

со следами сколов пластин. Большинство орудий покрыто белой патиной.

V. Следующая стоянка обнаружена в 1 км на юго-запад от с. Константиновка, на территории скифского городища «Развилки», расположенного на мысу, между двумя оврагами. На стоянке найдены: односторонний, близкий к мезолитическим, нуклеус длиной 7,5 см (рис. 4, *14*), два кремневых шаровидных отбойника, обломок двухстороннего вкладыша серпа на кремневой пластинке, один край которого залощен от продолжительного употребления (рис. 4, *5*), восемь обломков ножевидных пластинок, два небольших скребка на кремневых отщепах, а также большое количество отходов кремневого производства (чешуек, отщепов, обломков и пр.). На некоторых отщепах имеются следы подправки. Керамики нет.

VI. На западной окраине с. Украинка, на левом высоком берегу ручья, на пашне, среди 17 небольших, расплывчатого очертания курганов, собран материал эпохи бронзы. В отличие от предшествующих стоянок, здесь основную массу находок составляет лепная керамика, кремень же представлен в значительно меньшем количестве.

Бо́льшая часть керамики — со следами гребенчатого заглаживания. Орнамент состоит из глубоко процарапанных линий на наружной стенке сосуда (рис. 6, *2*). По краю одного обломка венчика проходит ряд глубоких насечек (рис. 6, *1*). Встречен фрагмент сосуда с глубоко процарапанной елочкой и расходящимися радиусом лучами (рис. 6, *6*). Встречается орнамент и в виде небольших круглых ямок-вдавлин (рис. 6, *5*). Из кремневых орудий здесь собраны: один удлиненный наконечник стрелы (рис. 4, *10*), пятнадцать ножевидных пластинок, несколько кремневых ядрищ со следами сколов удлиненных пластин и значительное количество отщепов. Найдены также две круглые терочки из песчаника диаметром 8 см, при толщине 4 см и четыре обломка точильного камня. В керамике, собранной на этой стоянке, прослеживается много общего с памятниками развитой бронзы.

VII. По-видимому, одновременна последней и стоянка на южной окраине с. Ливадка, которая тянется вдоль небольшой балки не менее, чем на 150 м, судя по подъемному материалу.

Среди собранной здесь керамики найдены обломки лепных сосудов с невысокими валиками, последние иногда с косыми насечками (рис. 6, 7). Встречаются венчики лепных сосудов с почти прямыми или слегка отогнутыми краями. Эта керамика очень схожа с керамикой, собранной в Киммерике в слое эпохи бронзы[1], на Белозерском лимане[2] и в других местах. Среди найденных на стоянке кремневых изделий были: заготовка наконечника дротика (рис. 4, *9*), наконечник стрелы треугольной формы с усеченным основанием (рис. 4, *11*), пять шарообразных отбойников, многочисленные отщепы, обломки и осколки кремня, из них некоторые с подправкой по краю.

Рядом, на склоне упомянутой балки, имеется глиняный карьер, в срезе которого просматривается темный контур ямы с расширяющимися книзу стенками. Глубина ямы от поверхности 1,3 м, диаметр по дну 1,4 м, в верхней части — 1,2 м. Из среза ямы извлечено восемь обломков лепных сосудов и несколько осколков кремня.

Аналогичный материал собран и северо-восточнее, около оврага. Здесь найдены: обломок каменного шлифованного молотка из андезита,

[1] И. Т. Кругликова. Указ. соч., стр. 108.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 70.

на сохранившейся боковой щеке которого имеются четыре продольных ребра, два шарообразных кремневых отбойника и правильная дисковидная галька, на одной стороне которой имеется небольшое углубление, видимо, подготовленное к сверлению (рис. 4, *17*). Возможно, это полуфабрикат

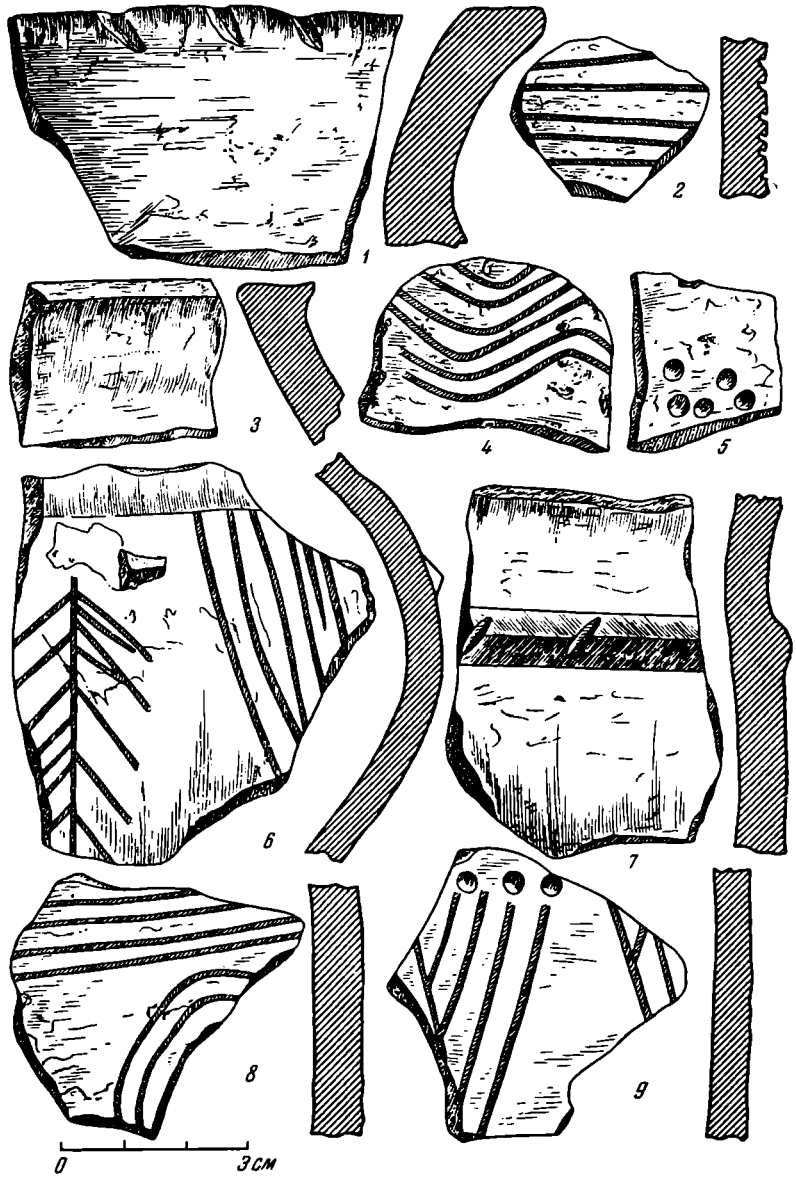


Рис. 6. Фрагменты лепной керамики из стоянок в окрестностях Симферополя (*1—9*).

навершия булавы. Близкие по форме навершия булавы находятся в экспозиции Областного краеведческого музея в Симферополе.

VIII. Последняя стоянка обнаружена на восточной окраине с. Строгановка (б. дер. Мамак). Здесь находится группа курганов высотой от 1 до 1,5 м, диаметром до 20—25 м, некоторые из них частично распаханы. Среди курганов, на пашне, собран материал, делящийся на две группы. К первой группе относятся обломки лепных сосудов с гребенчатым заглаживанием поверхности. На одном из этих черепков наблюдается орнамент из косых насечек; другой обломок украшен четырьмя процарапанными изогнутыми

линиями (рис. 6, *8*). Видимо, к этой же группе следует отнести обломок кремневого вкладыша серпа с залощенностью по краю, скребок и несколько кремневых отщепов (рис. 4, *12*, *16*).

Вторую группу составляют обломки лепной керамики с орнаментом, сочетающим вдавлины и процарапанные линии (рис. 6, *9*), характерные для кизил-кобинской культуры.

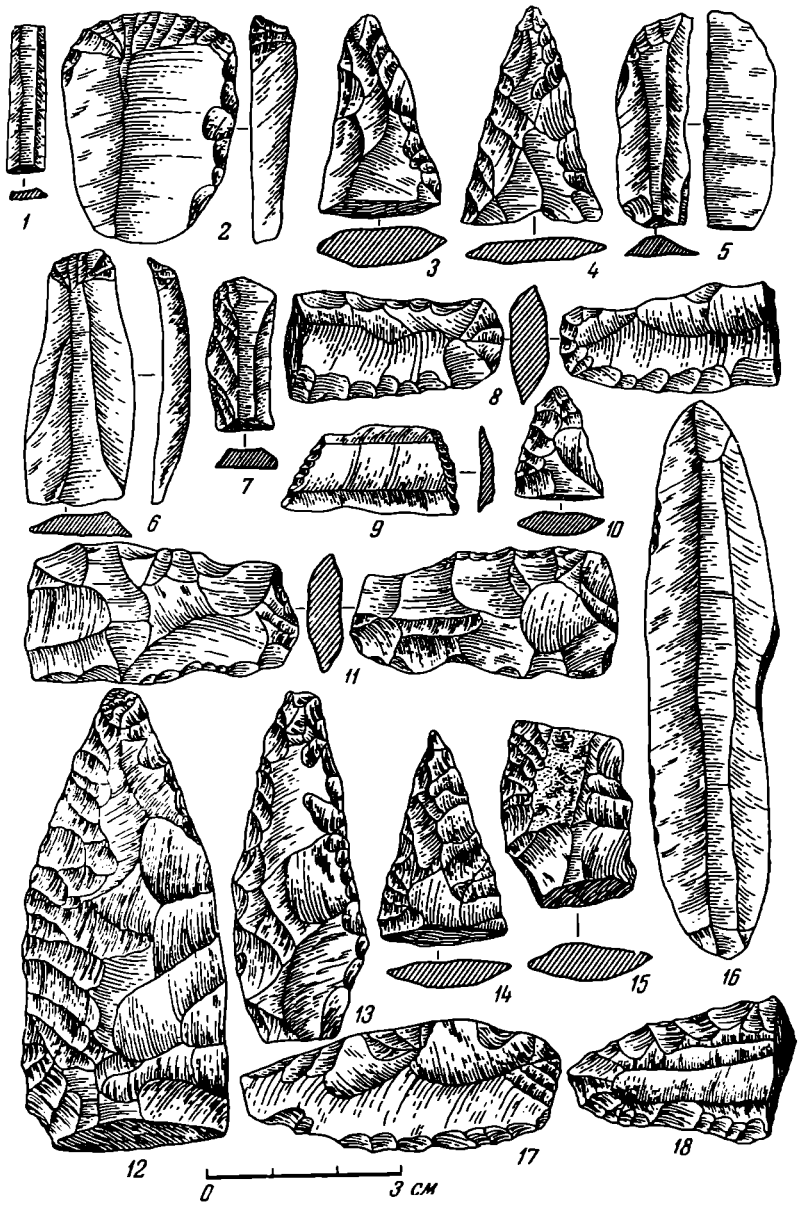


Рис. 7 Кремневый инвентарь (*1*—*18*) из окрестностей Симферополя.

Кроме стоянок, в окрестностях Симферополя отмечены и отдельные находки кремневого инвентаря и керамики эпохи неолита и бронзы, которые указывают, насколько густо был заселен этот район в ту эпоху.

1 (9). В 1—1,5 км к западу от с. Дровянка, на левом возвышенном берегу р. Альмы, подобрана ножевидная пластинка микролитического характера (рис. 7, *1*), несколько кремневых отщепов и обломков лепных сосудов.

2 (10). На том же берегу р. Альмы между селами Дровянка и Нижние Партизаны, на второй надпойменной террасе найден кремневый отжимник и ножевидная пластинка.

3 (11). На правом берегу р. Альмы, в 1 км от с. Партизанское, у дороги, на «Барабиной поляне» найдены: обломок косого острия (рис. 4, *15*), десять ножевидных пластинок, одна из которых с подправкой (рис. 8, *11*);

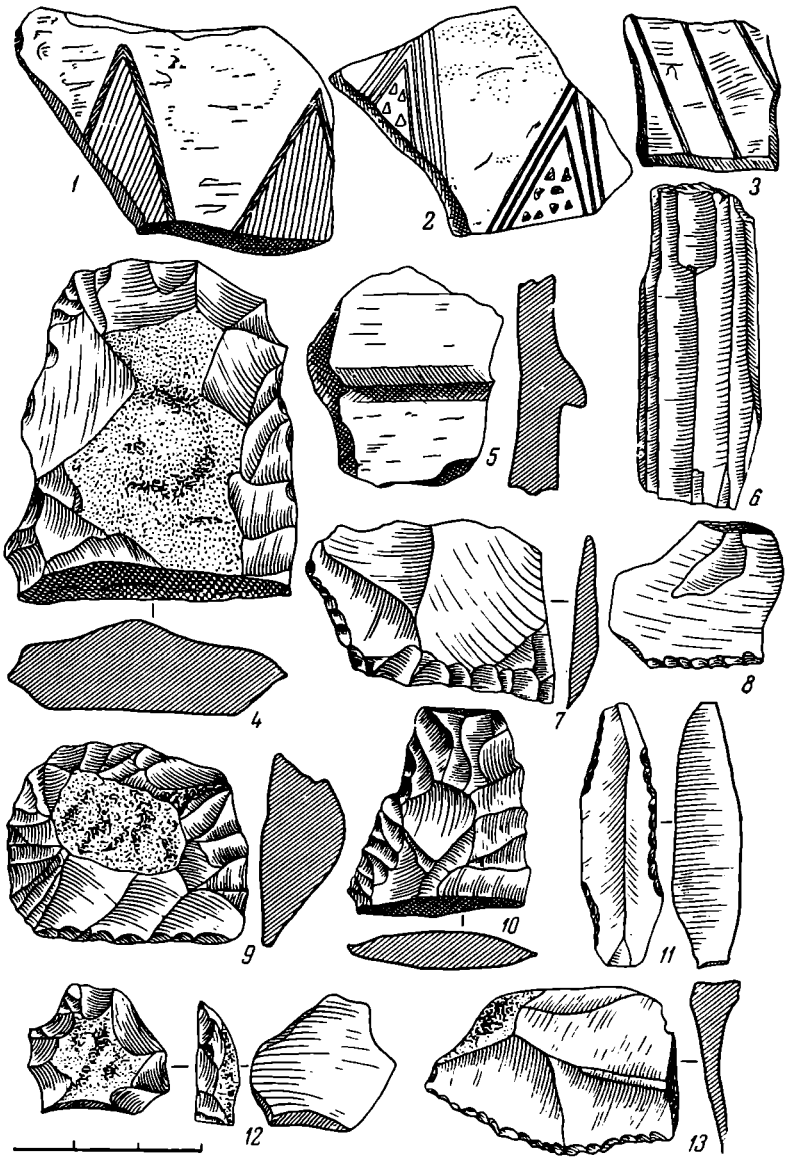


Рис. 8. Инвентарь (*1—13*) из стоянок Симферопольского района.

нуклевидный кремень со сколами ножевидных пластин, многочисленные отщепы и осколки кремня, некоторые с подправкой по краю.

4 (12). На левом берегу р. Альмы, в урочище «Карагач», около дома лесника найдены: обломок шарообразного отбойника, несколько отщепов, кремневые отходы и фрагменты лепных сосудов.

5 (13). В 1 км к северо-востоку от с. Кукурековка, на левом берегу р. Альмы, собраны: односторонний призматический нуклеус, две ножевидные пластинки и кремневые чешуйки.

6 (14). На Белом хребте, в 1 км к западу от совхоза «Альминский» (правый берег р. Альмы), среди массы естественных обломков кремня подобран обломок шарообразного отбойника, три отщепа с мелкой ретушью и несколько нуклевидных кремней со следами скалывания пластинок.

7 (15). В 1,5 км к юго-западу от с. Малиновка (б. дер. Кабази), на левом берегу р. Альмы, на плато собраны: кремневый шарообразный отбойник, обломки лепных сосудов с резным линейным орнаментом (рис. 8, *1*), а также отщепы и осколки кремня.

8 (16). В 200 м к западу от с. Малиновка, у дороги к с. Приятное свидание, на краю террасы найдены два шарообразных кремневых отбойника диаметром 3,5 см и несколько обломков лепной керамики с валиками (рис. 8, *5*).

9 (17). На плато, в 1 км к северу от того же села, близ обрыва скал в долину р. Альмы, на пахоте, около небольшого кургана подобраны две ножевидные пластинки, заготовка каменного шлифованного молотка и обломки лепных горшков.

10 (18). У с. Приятное свидание, на пахоте, около шоссе подобраны: кремневое нуклевидное орудие, удлиненный скребок на ножевидной пластинке и много кремневых отщепов и обломков.

11 (19). В 1 км к юго-юго-западу от с. Ливадки, около оврага, найдена обушная часть кремневого топора неолитического облика. Поверхность орудия обработана крупными фасетками, местами сохранились участки желвачной корки (рис. 8, *4*).

12 (20). На восточной окраине с. Чистенькая, около оврага найден обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 7, *10*), обломок другого орудия, а также пять отщепов с подправленными краями и несколько обломков лепных сосудов с процарапанными линиями (рис. 8, *3*).

13 (21). На южной окраине скифского городища Таш-Джарган, около Калиновой балки найдены два концевых скребка на кремневых отщепах (рис. 7, *2*), обломки и осколки кремня и мелкие обломки лепных простых сосудов, в том числе со сквозными отверстиями (обломки ситечек) и валиками (рис. 8, *2*).

14 (22). В Холодной балке, близ дома линейного мастера в разных местах собраны: обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 7, *3*), кремневый серпик с залощенностью по рабочему краю (рис. 7, *8*) и обломок скребка (рис. 8, *7*).

15 (23). На скифском городище на Долгом бугре, около с. Партизанское найдено два обломка кремневых скребков и обломки кремня. Возможно, что среди лепной керамики скифского времени имеется керамика и более ранних эпох.

16 (24). Кремневый концевой скребок (рис. 7, *6*), кремневые пластинки и отщепы с подправленными краями подобраны в 0,5 км от южной окраины с. Нижние Партизаны, на пахоте около дороги.

17 (25). На южной окраине с. Верхние Партизаны подобрано несколько ножевидных пластин и отщепов кремня (рис. 7, *5*), а рядом на Долгом бугре № 2 — кремневая стрелка со слегка вогнутым основанием и керамика (рис. 7, *7*) ямно-катакомбного типа.

18 (26). В с. Верхние Партизаны, на северной окраине, у кирпичного завода найдены кремневые ножевидные пластины и осколки.

19 (27). В Курцово-Сабловской балке, на Белом хребте, около того же завода, подобран кремневый наконечник стрелы вытянутой формы, суживающийся к основанию (рис. 7, *13*).

20 (28). В 300 м к востоку от той же печи найдены трапециевидное орудие (рис. 7, *9*) и ножевидные пластинки.

21 (29). Там же, на стыке Холодной и Курцово-Сабловской балок, на пашне подобран кремневый серпик с залощенной рабочей поверхностью (рис. 7, *17*), фрагмент округлого скребка и кремневого наконечника стрелы (рис. 7, *15*).

22 (30). В 1 км к востоку от с. Украинка на пашне подобран кремневый скребок высокой формы и ножевидная пластинка (рис. 8, *9*).

23 (31). В Курцово-Сабловской балке у дороги из Симферополя в с. Украинка, подобран карандашевидный нуклеус длиной 9 см и толщиной 2 см (рис. 7, *16*).

24 (32). В 2 км к западу от совхоза «Южный», около кургана, на мысу третьей гряды Крымских гор найден обломок кремневого наконечника копья (рис. 7, *12*) и обломок лепного сосуда.

25 (33). Несколько ножевидных пластинок, отщепов и лепная керамика собраны в с. Ключевом (б. Аджи-Ибрам), в 200 м к северу от кладбища, на левом склоне балки. В экспозиции Областного музея в Симферополе хранятся два обломка каменных шлифованных молотков, найденных у этой же деревни.

26 (34). На правом высоком берегу р. Салгир, у с. Сорокино (б. Човке), около двух частично распаханных курганов найдены ножевидные пластинки и много отходов кремня.

27 (35). У с. Сорокино, близ курганов, найден обломок кремневого наконечника дротика (рис. 8, *10*).

28 (36). В 300 м к северу от с. Лозовое найдены две ножевидные пластинки и одно скребловидное орудие (рис. 8, *13*).

29 (37). У с. Сергеевка, слева от шоссе, между 6 и 7-м км, на возвышенности около кургана подобраны кремневая стрелка и отщепы (рис. 7, *14*).

30 (38). Под невысокими скалами на северной стороне балки, около восточной окраины с. Ново-Ивановка подобрана миниатюрная ножевидная пластинка микролитического облика с мелкой ретушью, нанесенной со стороны брюшка, и несколько отщепов.

31 (39). У с. Мазанка, в 350 м к востоку от шоссе, около дороги на распаханном кургане подобраны две ножевидные пластинки, около десятка обломков и осколков кремня и пять обломков лепных сосудов.

32 (40). В экспозиции краеведческого музея в Симферополе имеется коллекция кремневых орудий со стоянки, открытой в Симферополе на Феодосийской улице. Коллекция состоит из призматических нуклеусов, ножевидных пластинок и концевых скребков, пятнадцати экземпляров кремневых наконечников стрел, из них три с вогнутыми основаниями, пяти кремневых скребков округлой формы, семи проколок, двух вкладышей серпа и других кремневых орудий. Эту стоянку следует, по-видимому, отнести к III—II тысячелетиям до н. э.

33 (41). Там же находится обломок каменного шлифованного молотка, найденного в Симферополе на Гоголевской улице, 44.

34 (42). На Неаполе Скифском (Симферополь) в 1954 г. найден кремневый карандашевидный нуклеус (рис. 8, *6*). Кремневые и шлифованные орудия были собраны здесь и раньше, во время раскопок в 1926 и 1950 гг.

35 (43). Две небольшие стоянки кизил-кобинского времени обнаружены в 1952 г. у с. Лозовое, между 7 и 8-м км и около 8-го км Алуштинского шоссе. Здесь в придорожных обнажениях прослеживаются контуры ям кизил-кобинского облика и собрана керамика, характерная для этой культуры.

36 (44). Еще одно аналогичное поселение находится несколько дальше, около с. Заречного.

37 (45). В долине р. Альмы, в 1,5 км к северо-востоку от с. Дровянка

(б. дер. Бешуй), на небольшой лесной поляне, между глубокими оврагами обнаружено поселение. Здесь собрана лепная керамика с резным орнаментом типа кизил-кобинской и несколько ножевидных пластинок.

* * *

Из сказанного видно, что в настоящее время в предгорьях Крыма, в окрестностях Симферополя отмечены стоянки и отдельные местонахождения эпохи неолита, бронзы и раннего железа. За исключением двух, все они обнаружены в 1947—1953 гг. и публикуются впервые. Предварительно датировать их можно, разделив на несколько групп:

I. Памятники неолита и ранней бронзы. Сюда входят Нижне- и Верхне-Ягмурчинские стоянки (ранний комплекс инвентаря), стоянки у сел Дровянка, Курцы-2, стоянки в Симферополе, «Развилки» и ряд отдельных местонахождений.

Особенностью этих стоянок является кремневый инвентарь, в котором еще сохраняется микролитический облик, как, например, трапеции, косые острия, небольшие наконечники стрел треугольной формы с вогнутым основанием и т. п. Керамика на этих стоянках представлена небольшим количеством невыразительных фрагментов.

II. Следующую группу составляют памятники эпохи средней бронзы: стоянки Курцы-1, Мамакская (ранний комплекс инвентаря) и у с. Ливадки. В этих памятниках микролитических орудий не встречается, прочего кремневого инвентаря меньше. Меньше и отходов кремневого производства. Количество керамики, напротив, возрастает и занимает первое место. Вся керамика лепная, часто со следами гребенчатого заглаживания. Орнамент то в виде ямок или вдавлин, то в виде нарезных полос. Часто попадаются фрагменты с узкими валиками, последние — иногда с небольшими круглыми вдавлинами или насечками. Встречается орнамент «елочкой». В этих памятниках в какой-то мере прослеживаются элементы катакомбной культуры.

III. Третью группу составляют памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа. В эту группу входят Мамакская, Верхне- и Нижне-Ягмурчинские стоянки (поздние комплексы инвентаря) и многие отдельные пункты.

В этих памятниках кремневые орудия, как правило, встречаются уже редко и их следует рассматривать как пережиточное явление. Широко распространены шарообразные или близкие к ним по форме кремневые отбойники диаметром 3—6 см. Характерным орнаментом керамики являются различные сочетания ямочных вдавлин и резных или процарапанных линий. Широко применяется лощение.

К. В. САЛЬНИКОВ

КИПЕЛЬСКОЕ СЕЛИЩЕ

В 1923 г. краеведы В. Реут и Н. Константинов доставили в Челябинский музей несколько черепков и костей животных, найденных ими в осыпи берега р. Юргамыш у с. Кипель Юргамышского района Курганской области.

В 1939 г. по поручению Челябинского областного краеведческого музея селище было мною детально обследовано.

Оно расположено на правом обрывистом берегу р. Юргамыш возле «Черного омута», в 1 км от села вверх по течению. Культурный слой занимает повышенную гривку поймы (длиной 350 м, шириной 50—90 м), которая в настоящее время заливается весной лишь в очень высокую воду. У края обрыва на селище был заложен раскоп площадью 406 кв. м (рис. 1).

Стратиграфия селища:

1. Дерновый слой толщиной 4—8 см.
2. Слой речного наносного песка (местами, в верхней части) с тонкими темноокрашенными прослойками 10—12 см.
3. Перегной черный 20—25 см.
4. Серо-красноватый слой 10—12 см.
5. Перегной сероватый 20—40 см.
6. Глина грунтовая.

Иногда между песком и перегноем залегает смешанный слой. Слои имеют на различных участках разную толщину и глубину залегания. Особенно это относится к верхним слоям — песку, темному и красно-сероватому слою. Углубление и утолщение этих слоев совпадает с крупными ямами — следами полуземлянок. Местами эти слои прерываются крупными пятнами золы.

Насыщен культурными остатками серо-красноватый слой; находки также встречаются и в нижних горизонтах темного перегноя. Верхний уровень находок залегает на глубине 30—35 см. Мощность культурного слоя около 20 см. Во впадинах же (полуземлянках) он утолщается до 30 см.

На площади селища обнаружены две полуземлянки: одна целая, часть другой в значительной степени снесена рекой; на поверхности и в разрезах полуземлянки отмечаются впадинами.

Раскопками как в полуземлянках, так и вне их обнаружены 123 ямки от столбов глубиной от 10 до 55 см, диаметром 15—40 см. Наиболее распространенная глубина 15—30 см и диаметр 20—25 см.

Землянка № 2 имеет прямоугольную, почти квадратную форму нечетких очертаний вследствие отсутствия вертикальных стенок. Площадь дна 8,5 — 10 × 9 — 11 м. На уровне древнего горизонта площадь увеличивается приблизительно до 13 × 14 м. Расширение границ ямы

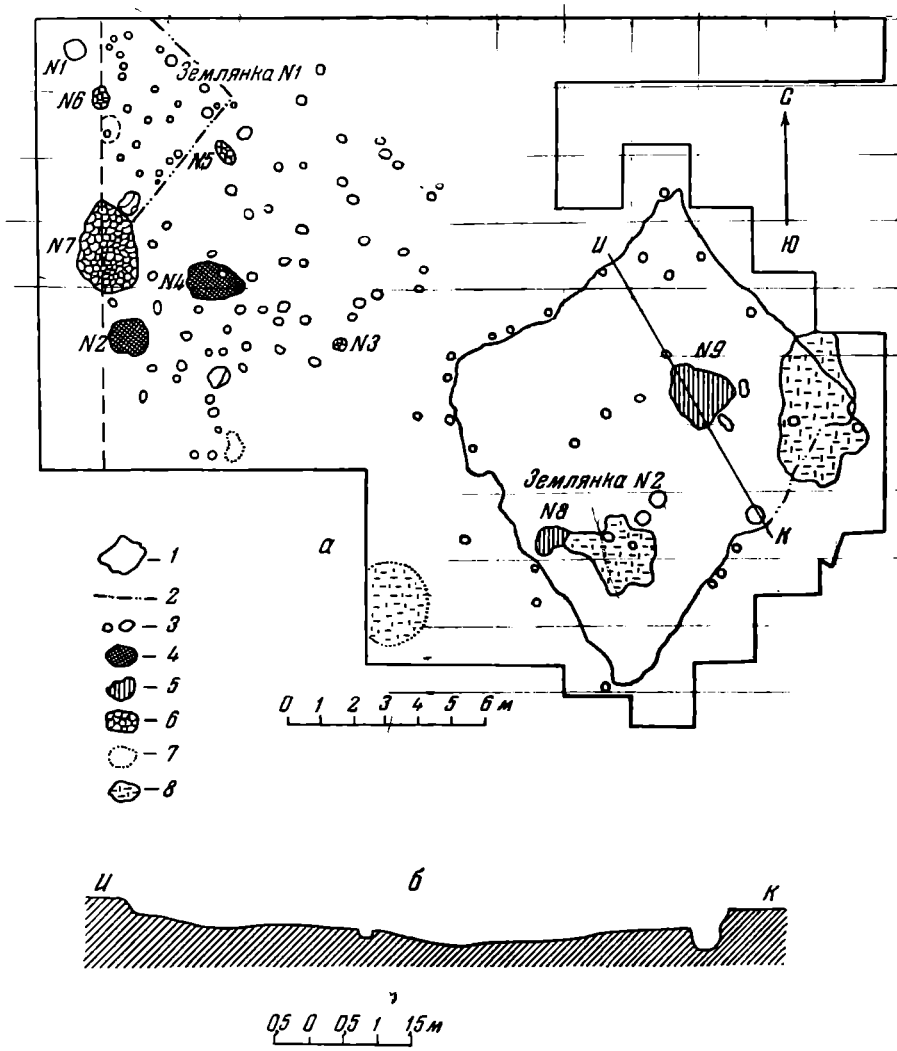


Рис. 1. План (*а*) и профиль (*б*) раскопа:

1 — землянка № 2; *2* — границы части землянки № 1; *3* — ямки от столбов; *4* —очаги из камней; *5* — кострище; *6* — каменные площадки; *7* — яма; *8* — зольники.

землянки вверху объясняется, по-видимому, обвалами земляных стенок, происшедшими уже после того, как землянка была заброшена. Истинными же границами жилища надо считать площадь его дна, что подтверждается и расположением вдоль него ямок от столбов, несомненно служивших основой надземной части стен и подпорками крыши. Пол землянки представляет собой очень неровную поверхность грунтовой глины с многими мелкими впадинами самых различных размеров. Центральная часть пола лежит ниже древнего горизонта на 0,90 м, повышаясь к стенкам на 0,40 м (рис. 1, *б*). В середине пола обнаружены два ряда ямок от столбов, которые отступают от продольных стен на 3—3,5 м. Северо-западный ряд состоит из четырех ямок, юго-восточный из шести. Концы обоих рядов

не доходят до северо-восточной и юго-западной стен жилища на 2,5—3 м. В южной и восточной частях жилища оказались следы кострищ с зольниками возле них. Один из зольников площадью 4 × 2 м занимает весь угол землянки, поднимаясь по наклонным стенкам и выходя за пределы ее. Возле зольников и под ними—несколько ямок от столбов.

Состав культурного слоя в землянке № 2 ничем не отличается от других участков раскопа, но уровень его залегания понижается соответственно понижению уровня пола землянки, близ которого и сосредоточена основная масса находок. Черепки распределяются на площади пола землянки довольно равномерно, но скопления костей значительно сгущаются в районах зольников. Помимо черепков, костей и обломков кирпичиков в землянке, преимущественно в южной части, обнаружены: обломок медного ножа, тупик из челюсти коровы, медный маленький шарик, каменная овальная плитка, половина грузила от ткацкого станка, кусок медной проволоки, блоковидное глиняное лощило, обломок литейной формочки, обломки других каменных и костяных поделок, два черепа собаки.

От землянки № 1 сохранился только один угол с частью северо-восточной и юго-восточной стенок. Это жилище, видимо, было очень сходно с землянкой № 2, имея одинаковую с ней ориентировку. Оно представляло собой также углубленную от современной поверхности на 0,85—1,00 м прямоугольную полуземлянку. Грунтовой пол повышается от центра к стенкам. Вдоль границ землянки идут ряды ямок от столбов. Пол также густо покрыт ямками, расположенными без определенного порядка.

Метрах в 1,5 от северо-восточной стенки на полу расположен очаг (№ 1) в виде круглой ямки диаметром 0,50 м, глубиной от уровня пола 0,15 м. Ямка заполнена комочками прокаленной глины и земли. В 1 м к юго-востоку от этого очага оказалось мелкое углубление диаметром 0,70 см, устланное маленькими камешками, видимо, также остаток очага (№ 6).

На полу землянки обнаружены черепки, обломки кирпичиков, комочки обожженной глины и мелкие камешки, а к западу от очажной ямки в углублении стояла нижняя половина неорнаментированного сосуда.

На пространстве шириной в 7—8 м между жилищами находится большое количество ямок от столбов. Они кончаются в 2—3 м от границы жилища № 2. На той же площадке между землянками, в толще древнего чернозема, а иногда и глубже, в грунтовой глине, встречались ямки 10—15 см глубиной, площадью в 7—15 кв. м., неопределенных очертаний, заполненные культурным слоем.

Во всех углублениях часть дна занята зольниками, представляющими собой большие скопления золы площадью 1—1,5 × 1,5—2 м. Часть зольников несомненно является остатками скоплений золы у очагов. В двух случаях под золой оказались сами очаги. В одном случае под золой, содержащей в себе обломки кирпичиков, комочки обожженной глины, камешки, черепки и кости, обнаружена в толще древнего чернозема котловидная ямка диаметром 1,2 м, глубиной 15 см. По краям ямка была, видимо, обмазана глиной, так как местами здесь прослеживаются красные участки распадающейся прокаленной глины. Зола, заполнявшая ямку очага, была густо пропитана мелкими обломками пережженных костей и единичными предметами из культурного слоя. На самом же дне оказался черный углистый культурный слой с редкими мелкими пережженными косточками.

В другом зольнике под золой также были обнаружены остатки очага в виде площадки 0,60 × 0,90 м, выложенной мелкими камешками. К середине площадка котловидно углубляется, так как она была расположена

как раз над ямкой от столба. Следовательно, очаг был устроен на остатках какого-то другого, ранее здесь существовавшего сооружения. Думается, что площадка очага была выложена над ямкой, в которой тогда еще не истлело дерево. Нужно оговориться, что камешки, входящие в состав очажной площадки, несут на себе следы сильного действия огня, некоторые приобрели шлаковидную ноздреватость. Первоначально это были, надо полагать, довольно большие плитки, но от действия огня они распались на мелкие части.

Еще два зольника не дали бесспорных признаков очагов, но возле одного из них обнаружено на площади 0,60 × 0,80 м более сотни костей животных, частично обожженных, но не измельченных.

Остатки дерева были обнаружены также только возле этого зольника на глубине 0,60 м в виде двух узких (шириной 5—7 см) полос угля, идущих с северо-запада на юго-восток, первая на протяжении 0,20 м, вторая— 1 м; по-видимому, это остатки какой-то сгоревшей доски или жерди. Самый большой зольник площадью 4 × 4,5 м уходит под северную стенку раскопа.

У южной границы жилища № 1, на поверхности древнего горизонта, была вскрыта площадка приблизительно в 2 кв. м, устланная мелкими камешками, на которых встречались отдельные пережженные косточки. Вдоль южной границы площадки находился ряд обожженных комочков глины. Возможно, что камни толщиной в 10 см крепились на глине. Эту площадку также надо рассматривать как очаг (№ 7).

Остатки такой же площадки, видимо очага (№ 3), были обнаружены на глубине 0,70 м от поверхности. Диаметр этой площадки не более 0,30 м, выложена она была более крупными каменными плитками.

Особенно интересным оказался очаг № 2 (рис. 2). Здесь найдено большое скопление кирпичиков, их обломков, комков обожженной глины, черепков, отдельных камней, золы и небольшого числа углей и обожженных косточек. Вся эта масса заполняла котловидную ямку диаметром 1—1,2 м, углубленную в грунтовую глину на 20—25 см.

Сооружение, остатком которого является описанное скопление, разрушено настолько, что восстановить полностью его конструкцию не удалось. Все же в процессе его исследования был сделан ряд наблюдений, убеждающих нас в наличии здесь сложного очага или примитивной печи. Подом печи служило или глиняное дно ямки или глиняная обмазка его. Стенки и свод печи были сложены из кирпичиков и также обмазаны глиной. К такому выводу нас приводят следующие факты. Хотя в большинстве случаев обломки кирпичей, комки глины и черепки были беспорядочно перемешаны, на отдельных участках удалось проследить раздавленные большие черепки, являющиеся частью одного сосуда, а всего таких сосудов было несколько. Раздавленные сосуды в одних случаях лежали в тонком углистом слое, непосредственно на грунтовом полу очага и в этих случаях их перекрывали или комки обожженной глины или обломки кирпичиков; в других случаях черепки сосудов лежали вместе с тонкой углистой прослойкой на слое обломков обожженной глины. Кирпичи, расположенные по краю ямки и составлявшие, по-видимому, нижнюю часть стенок печи-очага, легко распались от сильного пережога их огнем очага. Кирпичи же центральной части скопления надо рассматривать как рухнувший свод, они лучше сохранились из-за менее сильного действия на них огня.

Несомненно, что описанное очажное сооружение рухнуло внезапно, отчего на дне очажной ямы, под обломками кирпичей, оказались раздавленные сосуды, приплюснутые ко дну и стенкам ямы.

В юго-западной части скопление перекрывало слой золы, а выше почва была тоже сильно пропитана золой. Этот золистый слой распространялся и за пределы очага к югу, занимая площадь 2 × 1,5 м.

Необходимо упомянуть, что среди обломков обожженной глины встречен один с глубоким отпечатком какого-то круглого, толщиной с палец, стержня, возможно деревянного.

В соседнем очаге № 4 также встречено небольшое количество обломков кирпичиков. Видимо, этот очаг разрушен сильнее предыдущего. В 3,5 м к юго-западу от юго-западной стенки землянки № 2 вскрыта огромная яма неясного назначения. Вся яма, диаметром 1,7 м, при глубине от уровня

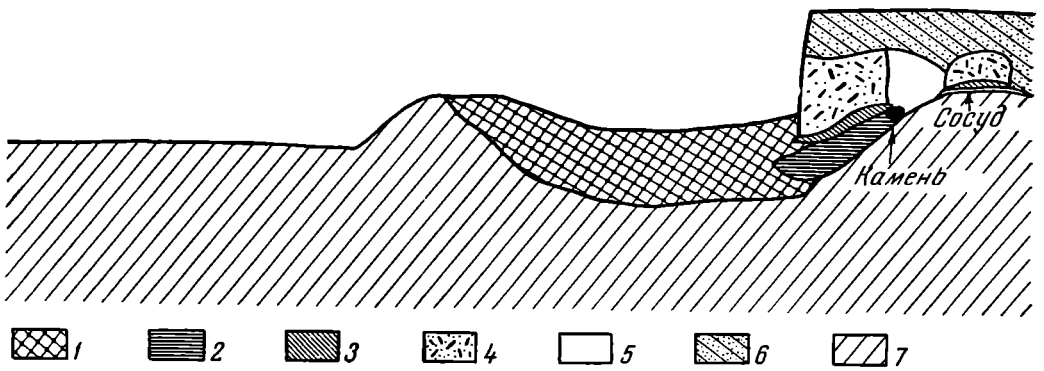


Рис. 2. Разрез очага № 2:

1 — обломки кирпичиков, куски обожженной глины, черепки; *2* — раздавленные сосуды; *3* — комки обожженной глины в углистом слое; *4* — зола; *5* — гумус; *6* — гумус с золой; *7* — грунтовая глина.

древнего горизонта 1,60 м, была заполнена золой с небольшим количеством костей, углей и отдельными поделками из камня (обломок терочной плитки и пест). На западной стенке ямы, на глубине от 0,60 до 0,90 м, вырисовывалась полоса твердых комочков земли, как бы от закала, а на глубине 1,10 м оказалась густая прослойка угля и кусков пережженной глины толщиной до 0,10 м.

Состав культурного слоя как в землянках, так и вне их одинаков. Больше всего найдено черепков глиняной плоскодонной посуды (около 6000 обломков) и костей животных (7931 шт.). Довольно распространенным видом находок являются также обломки, а изредка и целые кирпичики из обожженной глины (704 обломка). Орудия труда, украшения, предметы домашнего обихода и отходы металлургического производства, обнаруженные в небольшом числе, дополняют состав культурного слоя.

Около 50% всех обломков посуды орнаментированы. Из-за малых размеров обломков расклассифицировать удалось лишь около 30% (все венчики, все днища и наиболее крупные части плечиков, так как только на этих частях сосудов располагался орнамент).

По технике нанесения орнамент делится на четыре вида: 1 — гребенчатый (рис. 3), 2—резной (рис. 4), 3—желобчатый (рис. 4), 4—ямочный.

Наиболее выдержана группа гребенчатой керамики, составляющая $^1/_3$ всех находок; треть падает на орнаментацию резными зигзагами и последняя треть состоит из других элементов резного, желобчатого и ямочного орнамента.

Гребенчатый орнамент, в свою очередь, можно разбить на две подгруппы. К одной относится орнамент из треугольников, горизонтальных

линий, меандров и, реже, ромбов. Во вторую подгруппу входит посуда, покрытая зигзагами как основным элементом орнамента.

Совсем малочисленны фрагменты с преимущественно ямочным орнаментом. Обычно в этих случаях ямки располагаются по краю горла пояском в один-два ряда, реже во много рядов. Форма ямок различна: округлые, угловые, полукруглые, полулунные. Единичны наколы и вдавления концов пальцев. В небольшом числе встречаются и неорнаментированные венчики.

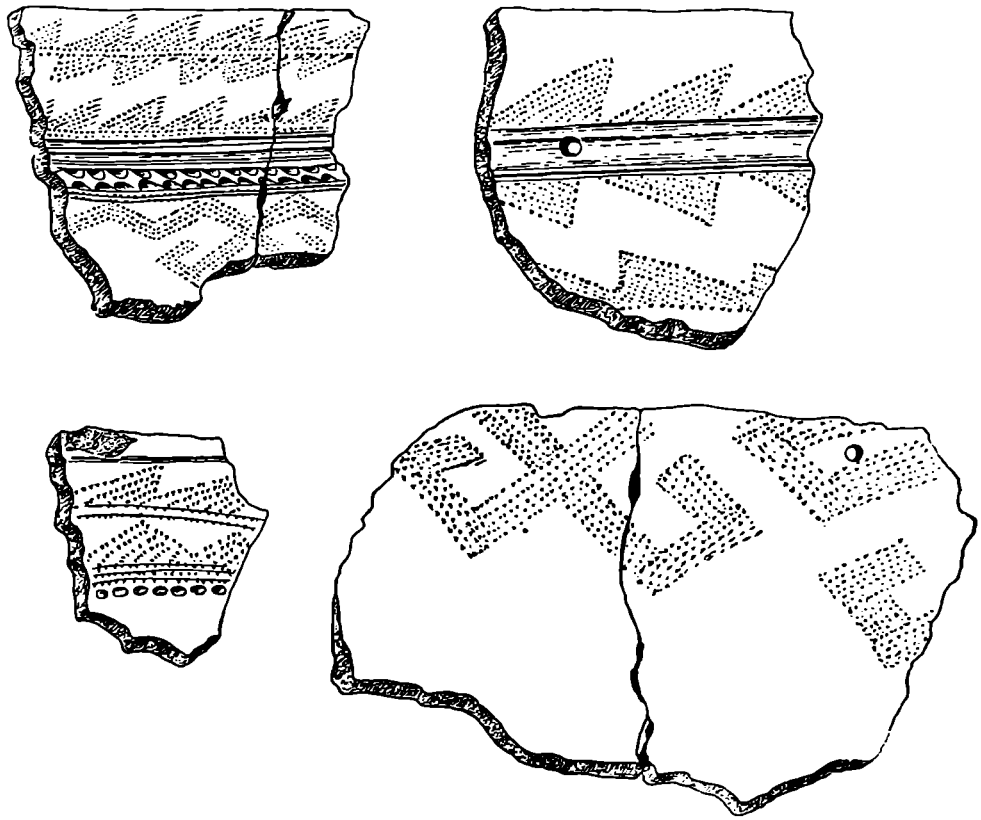


Рис. 3. Фрагменты посуды с гребенчатым орнаментом.

Орнаментация зоны у днищ повторяет в своих элементах орнаментацию верхней части сосудов, за исключением меандра и ромбов У дна наиболее часты заштрихованные треугольники, пояски резных горизонтальных линий или желобков, зигзаги. Гребенчатый орнамент у дна встречается реже, чем на плечиках и шейке. Характерно, что гребенчатый орнамент никогда не сопровождается резным на одном и том же сосуде.

Удалось определить четыре типа сосудов:

1. Горшечно-баночные сосуды с округлыми плечиками и несколько отогнутым венчиком.

2. Горшечно-баночные сосуды с резким уступчиком на границе между шейкой и плечиками и иногда более прямым венчиком.

3. Баночной формы сосуды, прямостенные или со слабораздутыми боками, преимущественно небольшие.

4. Чашки с округлыми стенками и несколько вогнутым внутрь венчиком.

Последние два типа встречаются очень редко и представлены обломками или совсем не орнаментированными, или с бедным ямочным орна-

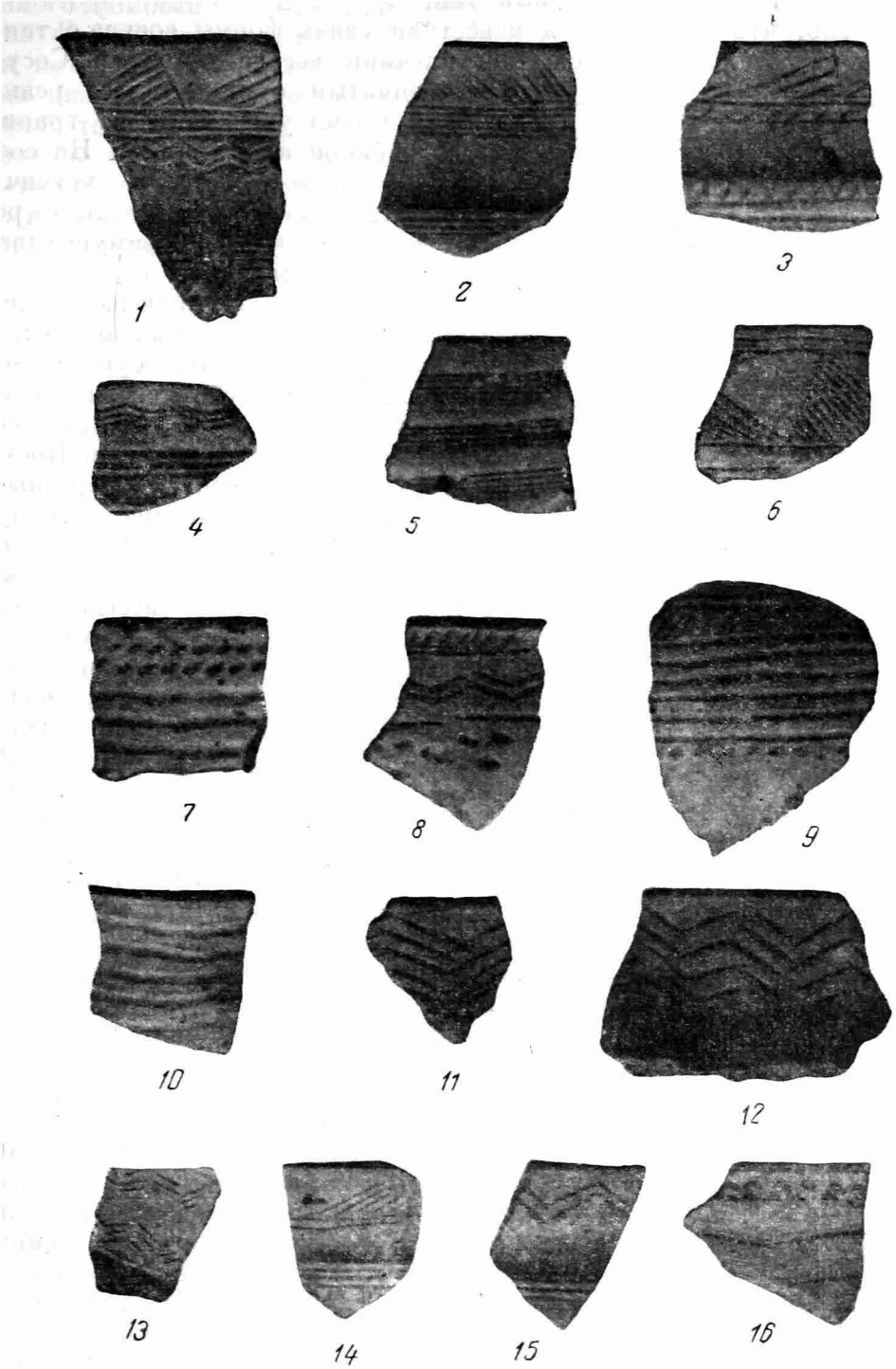


Рис. 4. Фрагменты посуды с резным и желобчатым орнаментом (*1—16*).

ментом. Основными типами являются горшечно-баночные сосуды, причем количественно преобладает первый тип.

Интересно, что наблюдается известная связь формы сосуда с типом орнамента. У желобчатых сосудов плечики всегда округлые. Сосуды с гребенчатым орнаментом в редких случаях имеют уступчики на границе между шейкой и плечиками. На сосудах с резными зигзагами уступчик встречается уже чаще. Сосуды с резными треугольниками преимущественно с уступчиком.

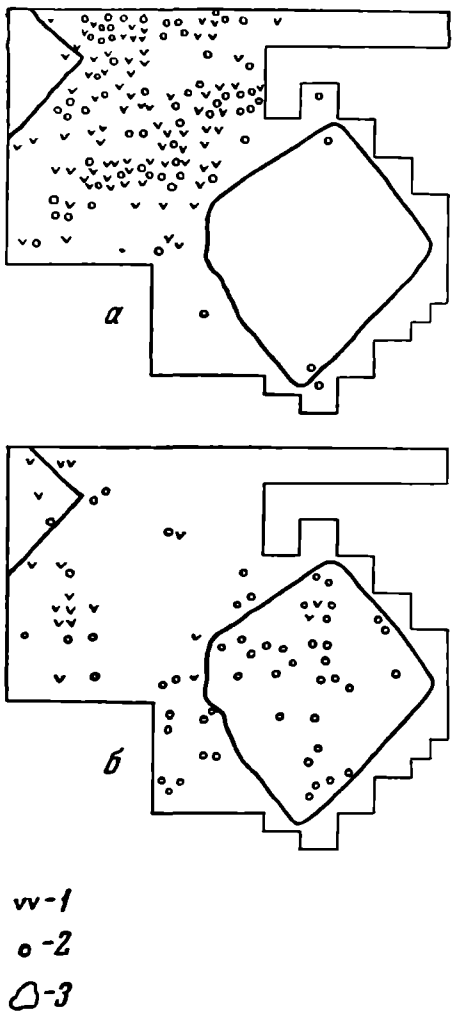


Рис. 5. Распределение посуды с гребенчатым и резным орнаментом по горизонтали культурного слоя:

а — на глубине до 0,60 м (уровень древней поверхности), *б* — на глубине свыше 0,60 м (ниже уровня древней поверхности): *1* — обломки сосудов с гребенчатым орнаментом; *2* — обломки сосудов с резным орнаментом; *3* — землянка.

Примесь талька или слюды к глине встречается во всех типах посуды, но в различной пропорции. Густая примесь чаще встречается у сосудов неорнаментированных и орнаментированных резными треугольниками. Посуда с гребенчатым орнаментом, с резными зигзагами и ямками редко имеет большую примесь. Среди посуды с желобчатым орнаментом примеси мало. Сосуды с уступчиком на плечиках всегда имеют большую примесь. Среди сосудов, не имеющих придонной орнаментальной зоны, лишь 5% с большой примесью, но на сосудах с орнаментальной зоной у дна этот процент увеличивается до 20.

Все виды керамики как по форме, так и по орнаменту входят в единый культурный слой селища, который стратиграфически не делится на горизонты. Гребенчатая керамика при всей своей многочисленности лишь единицами встречается в землянках, но в массе залегает в культурном слое на древнем горизонте между землянками и в мелких углублениях (рис. 5).

Отсюда несомненна бóльшая древность гребенчатой керамики в сравнении с другими видами и вместе с тем это указывает на хронологическое различие отдельных объектов раскопа. Землянки сооружены позже наземных построек, следы которых представлены ямками от столбов и небольшими углублениями и очагами на пространстве между землянками. На это указывает отсутствие гребенчатой керамики в заполнении землянок. Между тем на полу землянок находилась посуда почти исключительно с резным орнаментом.

Интересен небольшой обломок круглого блюда с низким бортиком; возможно, что это фрагмент не от блюда, а от чаши на ножке, подобной часто встречающимся в бронзовую эпоху[1].

[1] П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Отчет о работах на трассе Уфа — Ишимбай. Археологические исследования в РСФСР 1933—1936 гг. Л., 1941.

Другой обломок, по-видимому, от прямоугольного, орнаментированного линиями и зетовидными фигурами блюда.

Два фрагмента происходят от одного и того же сосуда или блюда, дно и придонная часть которого покрыты крупными сквозными отверстиями диаметром в 1 см, сделанными по сырой глине. Стенки сосуда необычно толсты: 1,3—1,5 см. Это единственный случай находки сосуда, несомненно служившего для переработки молочных продуктов.

Менее крупные отверстия встречались и на других сосудах. Они двух типов и различного назначения. У одних сосудов они были сделаны еще в необожженном сосуде, в верхней части шейки и служили для подвешивания сосуда. Другие встречаются в различных частях сосудов, проделаны уже в обожженной стенке и имеют различную, в большинстве случаев неправильную удлиненную форму. Эти служили для починки треснувших сосудов при помощи медных скобочек, которые иногда сверху замазывались глиной.

Техника лепки сосудов многообразна. Найдено несколько черепков, свидетельствующих о применении ленточного способа. Совершенно бесспорно использование при изготовлении сосудов какой-то твердой или полутвердой основы с тканью. На это указывают находки ряда обломков сосудов с ясными отпечатками ткани на внутренней поверхности. Применение основы с тканью при лепке андроновских сосудов прослежено на многих стоянках этой эпохи в Зауралье [1]. Наконец, маленькие чашки и прямостенные банки лепились просто из большого комка глины оттягиванием стенок пальцами.

Среди находок многочисленны обломки небольших кирпичиков; наиболее крупные из них позволили безошибочно определить их форму и размеры. Основная масса этих изделий представляет собой четырехгранные, с ровными гранями кирпичики длиной 9—10 см, при ширине грани 4—6,5 см (рис. 6). Встречаются кирпичики в форме пятигранных призм и единичные круглые и овальные цилиндры, трехгранные призмы, круглые и овальные лепешки и обломки шаров.

Вся масса обломков делится по составу и качеству на две группы.

Кирпичики первой группы можно назвать легкими, так как они благодаря своей пористости значительно легче кирпичей второй группы. Пористость получается от большой примеси резаной соломы или травы и мельчайших кусочков пережженных костей. На месте сгоревшей соломы или травы в кирпичах образуются пустоты, точно передающие форму и характер примеси. Вероятнее всего примесью служила солома, или во всяком случае растения из семейства злаков. Реже отпечатывались узкие продолговатые листья с четкими жилками (рис. 6, *4*, *5*). Наравне с растительными и костными примесями в кирпичиках немало мелкой гальки (песка) и толченого камня.

Обжиг этого типа кирпичей хороший, но благодаря большой примеси они очень непрочны. Участки же, лишенные примеси, достаточно тверды. Масса, из которой сделано большинство этих кирпичей, имеет серую или желто-бурую окраску. Создается впечатление, что они сделаны из глины с большой примесью золы. Но есть и красные в изломе — несомненно, чисто глиняные. Внешний вид кирпичиков этого типа сероватый, реже черный. Все обломки легких кирпичей призматические, четырехгранные или пятигранные.

Второй тип — тяжелые твердые кирпичи. Снаружи они сероватого цвета, но встречаются черные и желтовато-бурые. В изломе их окраска

[1] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951.

более разнообразна. Наравне с различными оттенками серого цвета встречаются кирпичнокрасный, бурокоричневый, коричневый, черный. Обжиг кирпичей этого типа отличный. По твердости они нисколько не уступают современным, если не превосходят их. Кроме редких отпечатков растительной примеси, в составе глины этих кирпичей других включений не заметно. Второй тип представлен всеми разновидностями форм.

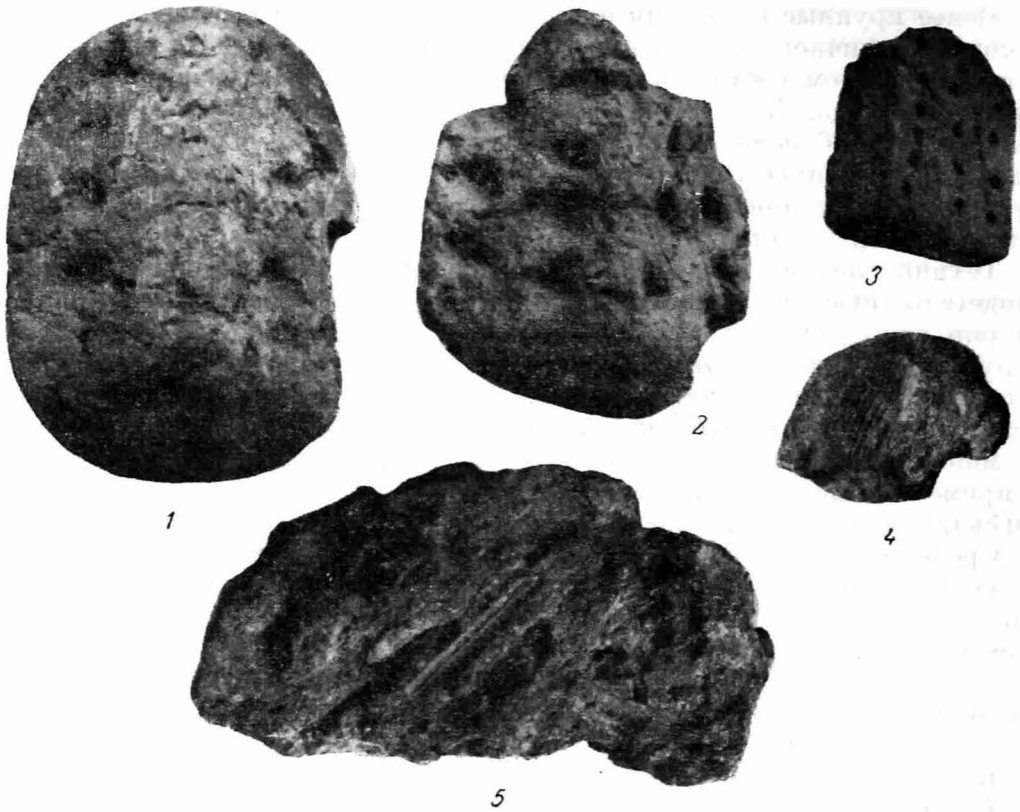


Рис. 6. Глиняные кирпичики:

1 — 2 — с оттисками пальцев; *3* — с круглыми ямками; *4—5* — со следами примеси травы или соломы.

Около половины всех обломков (47%) имеют на поверхности разнообразные вдавления и резьбу. На целых экземплярах кирпичей вдавления располагаются или на всех гранях, включая и короткие, или лишь на некоторых. Никакой закономерности установить не удается. Не менее чем на 80% кирпичей отмечаются вдавления в виде небольших ямок различной глубины, нанесенных концами пальцев, со следом ногтя (рис. 6, *1*, *2*). Иногда, когда нажим слабый, ямок не заметно, а видны только лунки от ногтя,— создается впечатление ногтевого орнамента. Также редко встречаются вертикальные вдавления кончиков пальцев глубиной до 0,7 см, не считая лунки ногтя. Как правило, ямки-оттиски располагаются в один ряд, редко—в два, вдоль середины граней. Иногда ряды оттисков заменены сплошными бороздками, нанесенными также концами пальцев. На отдельных кирпичиках тот и другой элементы комбинируются.

На поверхности легких кирпичиков вдавления ограничиваются перечисленными элементами. На кирпичиках второго типа, наравне с ними, изредка встречаются такие элементы: резные глубокие линии, круглые ямки от вдавления конца круглой палочки (рис. 6, *3*), иногда

полой, отчего получаются кольчатые оттиски, резные кресты, решетки из пересекающихся резных линий, ряды мелких нарезок, насечек, наколов. Но все эти элементы наблюдаются лишь на отдельных обломках

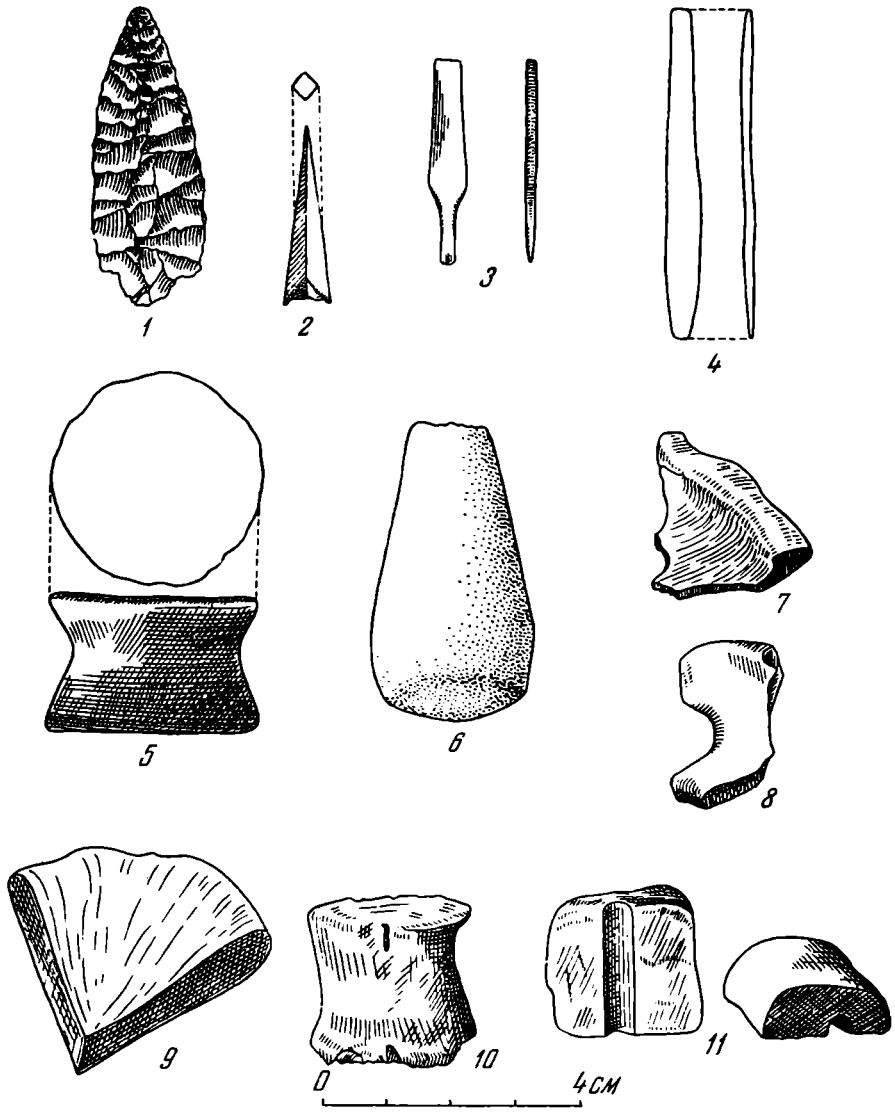


Рис. 7. Орудия труда и предметы быта:

1—3 — наконечники стрел; *4* — стамеска; *5* — блоковидное лощило; *6* — пест; *7* — кусок шлака; *8*—обкладка лука; *9* — обломок зернотерки; *10*—ножка плавильной чаши; *11*—грузик ткацкого станка (*1*, *6*, *9*, *11* — камень; *2*, *3*, *8* — кость; *4* — бронза; *5*, *10* — глина).

и располагаются по поверхности грани, иногда продольными рядами, а часто покрывают всю поверхность грани. Чаще мы их видим на редких формах кирпичиков, особенно на шаровидных. Нередко встречающиеся вдавления, сделанные кончиками пальцев, небольшие, видимо, от женских пальцев, а в отдельных случаях, несомненно детских.

Не ясно назначение шаровидных и цилиндрических кирпичей. Относительно прочих форм сомнений быть не может: все они применялись при устройстве очагов. Но назначение вдавлений на их поверхностях непонятно. Видеть в них орнамент трудно, поскольку при кладке многие «орнаментированные» грани оказались бы скрытыми. Предположение,

что вдавления предназначались для более прочного скрепления кирпичей друг с другом при кладке при помощи промазки, не может быть принято, так как в этом случае имели бы место находки кусочков обожженной промазки, которая могла быть только глиняной. Наоборот, наблюдения показывают, что кладка была сухая. Многие кирпичи из числа найденных в очаге № 2, где было самое большое скопление их, покрыты копотью по всем граням.

Лепка кирпичей производилась от руки, отчего их размеры не одинаковы и форма не строго выдержана. Ребра и углы обыкновенно округлы, реже строго прямоугольны и лишь единичные экземпляры сделаны чрезвычайно тщательно. Небезынтересно отметить, что обнаружено свыше десятка конусообразных обломков.

Прочие находки в культурном слое представлены разнообразными орудиями труда, украшениями, предметами домашнего обихода, отходами металлургического производства. К первым относятся обломки бронзовых ножей (рис. 8, *7*), наконечники стрел из кости (рис. 7, *2*, *3*) и камня (рис. 7, *1*), бронзовые стамески (рис. 7, *4*), обломок шлифованного каменного орудия (рис. 8, *11*), каменные песты (рис. 7, *6*), точильный брусок, обломки терочных плиток (рис. 7, *9*; 8, *3*), лощила из галек (рис. 8, *1*), блоковидное глиняное лощило (рис. 7, *5*), тупик из челюсти коровы (рис. 8, *12*), каменный грузик от ткацкого вертикального станка (рис. 7, *11*), обломок костяной обкладки лука с вырезом для привязи тетивы (рис. 7, *8*). Из украшений найдены спиральное бронзовое височное колечко (рис. 8, *8*) и глиняная бусинка (рис. 8, *2*). К предметам домашнего обихода, помимо керамики, нужно отнести овальную каменную плиту (рис. 8, *13*), бронзовые скобочки для скрепления сосудов (рис. 8, *4*), обломок глиняного пряслица.

На наличие металлургии указывают кусочки шлака (рис. 7, *7*) с большим содержанием железа, кусочки окисленной руды с вкраплениями малахита, обломок литейной односторонней формочки из талька (рис. 8, *9*), три части глиняных ножек от плавильных чаш (рис. 7, *10*), черепок с ошлакированной стенкой. Круглый глиняный стержень (рис. 8, *5*), от которого найден обломок, возможно, служил как вкладыш при отливке какого-то предмета с отверстием.

Кроме того, найдено много и других предметов: круглая и овальная плиточка из черепка; кусок бронзовой проволочки; медный маленький (диаметром 0,8 см) шарик; медная пластиночка; обломок глиняного стержня с отверстием; глиняный шарик; обломок глиняной крупной круглой плиточки с отверстием в центре, похожей на «пряслице», но с явными следами вытертости в средней части; обломок глиняного крупного цилиндра с вертикальными желобками (рис. 8, *6*); обломок — угол прямоугольной глиняной плитки; кусочек красно-коричневой краски; кусок черного красящего камешка.

Кости животных, найденных на селище (7931 шт.), лишь в очень небольшой части поддаются определению, так как основная масса их сильно измельчена.

Наиболее сохранившиеся кости в количестве 580 штук были определены В. И. Громовой. Результаты определения даны в таблице 1 на стр. 206.

Почти все кости — домашних животных. Следовательно, основой хозяйства насельников Кипельского селища было развитое пастушеское оседлое скотоводство. Пастбищами служила широкая пойма реки Юргамыш, которая и в настоящее время используется в тех же целях в хозяйстве окрестных сел. На характерные для кочевого скотоводства виды домашних животных — лошадь и овцу — падает только 28,5% состава стада Кипельского селища. На первом месте стоит крупный рогатый скот.

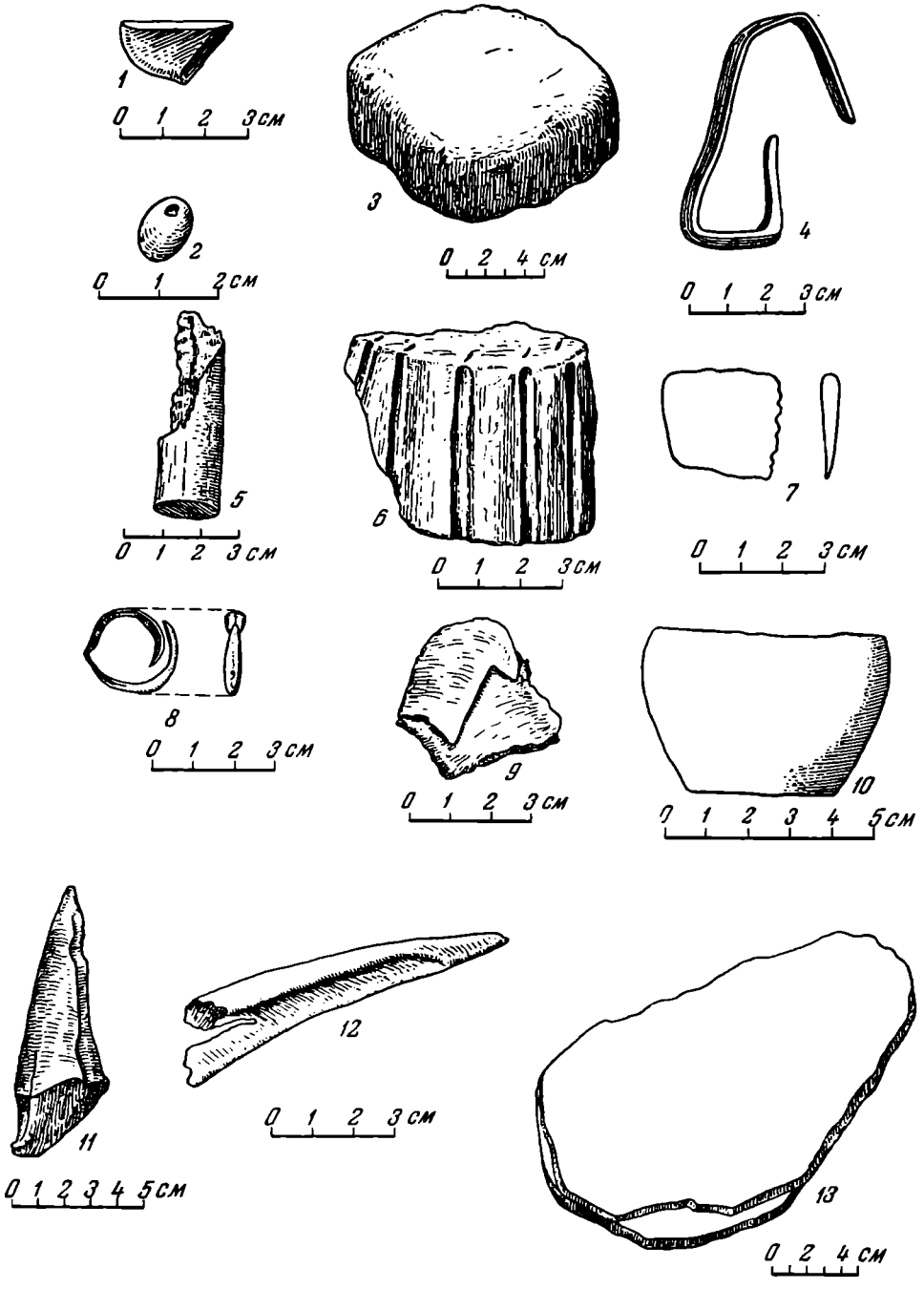


Рис. 8. Орудия труда и предметы быта:

1 — галька-лощило; *2* — бусина; *3* — зернотерка; *4* — скобочка для скрепления сосудов; *5* — стержень-вкладыш; *6* — глиняный цилиндр; *7* — обломок ножа; *8* — височное кольцо; *9* — обломок литейной формы; *10* — чашка; *11* — обломок шлифованного орудия; *12* — тупик; *13* —плита (*1*, *3*, *9*, *11*, *13* — камень; *2*, *5*, *6*, *10* — глина; *4*, *7*, *8* — бронза; *12* — кость).

Таблица 1

	Количество костей		Минимальное количество особей
	штук	%	
Лошадь	27	4,6	3
Крупный рогатый скот	405	69,9	11
Мелкий рогатый скот (овца, коза)	139	23,9	16, из них 13 овец и 3 козы
Собака	5	0,9	2
Бобр	3	0,5	1
Косуля	1	0,2	1
Итого	580	100	34

О примитивном пойменном земледелии свидетельствуют песты и обломки терочных камней. Овальная тонкая каменная плитка, найденная в одном из зольников, может быть, служила для печения лепешек.

На высоком уровне стояла обработка металла. Обломок литейной формочки, шлаки, кусочек медной руды, обломки плавильных чаш, обломки медных орудий и поделок убедительно доказывают это. Металлургия была, по-видимому, давно уже известна населению, так как перерабатывались не только окисленные руды, но и колчеданные (в шлаках большое содержание железа). Ни в ближайших окрестностях, ни вообще в лесостепном Зауралье сейчас никаких месторождений медных руд не известно. Видимо, и в древности медь добывалась на Урале.

Высока была техника обработки различных материалов, в особенности глины. Из глины приготовлялись не только хорошего обжига прочные сосуды, иногда очень крупных размеров (вместимостью до ведра), но и отличного обжига кирпичики, по прочности часто не уступающие современным.

Обработка глины находилась полностью в руках женщины, даже кирпичики изготовлялись женщинами, а в некоторых случаях и детьми.

Отпечатки ткани на черепках, обломок пряслица и грузик из талька, который можно рассматривать как грузик примитивного ткацкого станка, указывают на обработку волокнистых веществ и, в первую очередь, конечно, шерсти и широкое использование тканей для одежды и домашнего обихода.

Жилищем служили большие полуземлянки, с одним-двумя очагами. Углубленность жилища в землю совсем не обязательна. Часть жилищ или совсем не углублялась, или имела незначительное углубление и, может быть, не всей площади, а лишь в части, связанной с очагом. На этот вид жилищ указывают мелкие углубления с зольниками и очагами на полосе раскопа между землянками. Нам представляется, что этот наземный вид жилища более древний. Для устройства жилищ пользовались деревом, для сооружения очагов иногда применялись глиняные обожженные кирпичики.

Состав находок на селище не оставляет сомнения в принадлежности его к андроновской культуре; достаточно для этого сравнить его инвентарь с находками на других поселениях той же культуры. В западной части территории распространения андроновской культуры исследовано

пять селищ: Алексеевское [1] и Садчиковское[2], близ Кустаная, раскопанные О. А. Кривцовой-Граковой; Кипельское, Замараевское, близ Шадринска[3]; Ново-Буринское на р. Караболке, раскопанные нами. Большинство предметов из культурного слоя Кипельского селища встречается и на других памятниках: лощила из галек (Алексеевка, Замараево, Ново-Бурино), однолезвийный бронзовый нож с утолщенным обухом (Алексеевка), скребло из челюсти коровы или лошади (Алексеевка), каменный с коротким черешком наконечник стрелы (Алексеевка), бронзовое спиральное височное кольцо (Алексеевка), зернотерка (Алексеевка, Замараево). Даже форма кусков шлаков на Кипельском селище аналогична форме шлаков на Алексеевском поселении [4]. Песты и скобочки для починки сосудов также типичны для андроновских памятников. Такие, на первый взгляд характерные лишь для Кипельского поселения изделия, как кирпичики, имеют также, хотя и отдаленные, аналогии в Алексеевке в виде глиняных конусов и в Замараеве в виде вымостки очажной площадки комками обожженной глины.

Связывается Кипельское селище с другими поселениями и такими элементами, как мощные зольники, прямоугольные крупные жилища полуземляночного типа с двух- или четырехскатной крышей, многочисленные ямки от столбов и т. п.

Хронология западно-андроновских памятников сейчас достаточно разработана, что позволяет более точно определить дату описываемого селища. Для этого необходимо более подробно остановиться на анализе керамики.

Нами выделяются в развитии андроновской керамики три хронологические стадии [5]: федоровская, алакульская и замараевская. Наблюдения на андроновских поселениях, как раскопанных, так и обследованных лишь разведочно, убеждают, что часто мы имеем смешение хронологически различных типов керамики. Это явление объясняется сохранением старых форм при возникновении новых. Таким образом, при датировке памятника наличие ранних форм не должно нас смущать и не может служить доказательством продолжительного существования памятника. Датирующими являются наиболее поздние формы керамики.

Все типы керамики Кипельского селища хорошо известны не только по поселениям, но и по погребениям андроновской эпохи в Зауралье. Для Кипельской керамики характерно количественное преобладание ранних форм — горшечно-баночных сосудов с округлым плечиком федоровского типа и, наоборот, отсутствие поздних элементов замараевского типа, которые характеризуются главным образом наличием валиков и грубым резным орнаментом. Это интересное и чрезвычайно важное наблюдение не случайно. Среди нескольких тысяч обломков сосудов из Кипельского селища не встречено ни одного, украшенного валиками. И в то же время на соседнем поселении Кипель III, находящемся от описываемого в 0,5 км, среди 29 орнаментированных андроновских черепков встречены несколько с явно поздними элементами: на одних оказались валики, на других горизонтальная крупная елочка того типа, который

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII. М., 1948.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951.

[3] К. В. Сальников. Замараевское селище. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 31.

[5] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951.

характерен для сарматской посуды на городище «Чудаки». Следовательно, на Кипельском селище еще не возникла керамика замараевского типа. Правда, встречаются обломки с грубой резьбой, но они явно принадлежат сосудам с уступчиком, характерным для второй — алакульской—стадии, в то время как для замараевской посуды типичны сосуды с выпуклыми плечиками, лишенными уступчика.

На основании изложенного последний этап существования Кипельского селища должен относится к алакульской стадии. Наземные жилища на межземляночной полосе существовали в более раннее время. На это указывает как преобладание гребенчатой керамики, так, особенно убедительно, принадлежность к федоровскому типу всех четырех сосудов, раздавленных в очаге — печи из кирпичиков.

К. Ф. СМИРНОВ

О ПОГРЕБЕНИЯХ С КОНЯМИ И ТРУПОСОЖЖЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В результате работ Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР за последние годы обнаружены сотни погребений эпохи бронзы на левобережье Волги в пределах Сталинградской и Саратовской областей. Подавляющее большинство их относится к срубной культуре, что свидетельствует о значительном росте населения в Нижнем Поволжье во вторую половину II тысячелетия до н. э. Можно признать этническую однородность этого населения, судя по поразительному единству погребальных сооружений и обряда, форм и орнаментов керамики, набора погребального инвентаря в целом.

Исследуя памятники срубной культуры в курганных группах у сел Политотдельского и Быкова Сталинградской области, Нижне-Волжский отряд экспедиции встретился с явлениями, которые необычны для срубной культуры Поволжья. Это — конские захоронения и трупосожжение. Оба явления, не связанные друг с другом, отражают на наш взгляд весьма существенные стороны исторического развития древнего населения Нижнего Поволжья.

Из всех памятников срубной культуры, исследованных нами, наибольший интерес представляет Быковский курган № 1 (раскопки 1954 г.), в котором древнейшими оказались две грунтовые могилы этой культуры (рис. 1). Распахиваемая насыпь кургана сохранилась к моменту раскопок всего на высоту 0,40 м при диаметре около 20 м. Центр кургана занимала большая четырехугольная могила со скошенной восточной стороной (погребение № 5). Могила ориентирована по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Ее длина 3,60 м, ширина в северной части 2,35 м, в южной 2,50 м, глубина от уровня древнего горизонта 1,55 м (рис. 2*а*). Находящиеся в верхней части засыпки этой могилы сарматские погребения не затронули центрального погребения. Под впускными погребениями вся рыхлая засыпка, начиная с глубины 0,95 м и до самого дна, была заполнена кусками деревянных плах. На дне могилы в ее центральной части лежал кусок плахи вдоль могилы; поперек ее лежали куски более тонких плах. И все прочие сохранившиеся плахи, образуя в некоторых местах сплошной покров, шли поперек могилы. Они хорошо прослежены по всей площади могилы и составляют обвалившееся перекрытие могилы. В центре дна могилы находилась круглая ямка диаметром 0,28 м и глубиной 0,38 м. В ней сохранились куски дерева от столба, который поддерживал перекрытие. Можно предположить, что крыша могилы была двускатной;

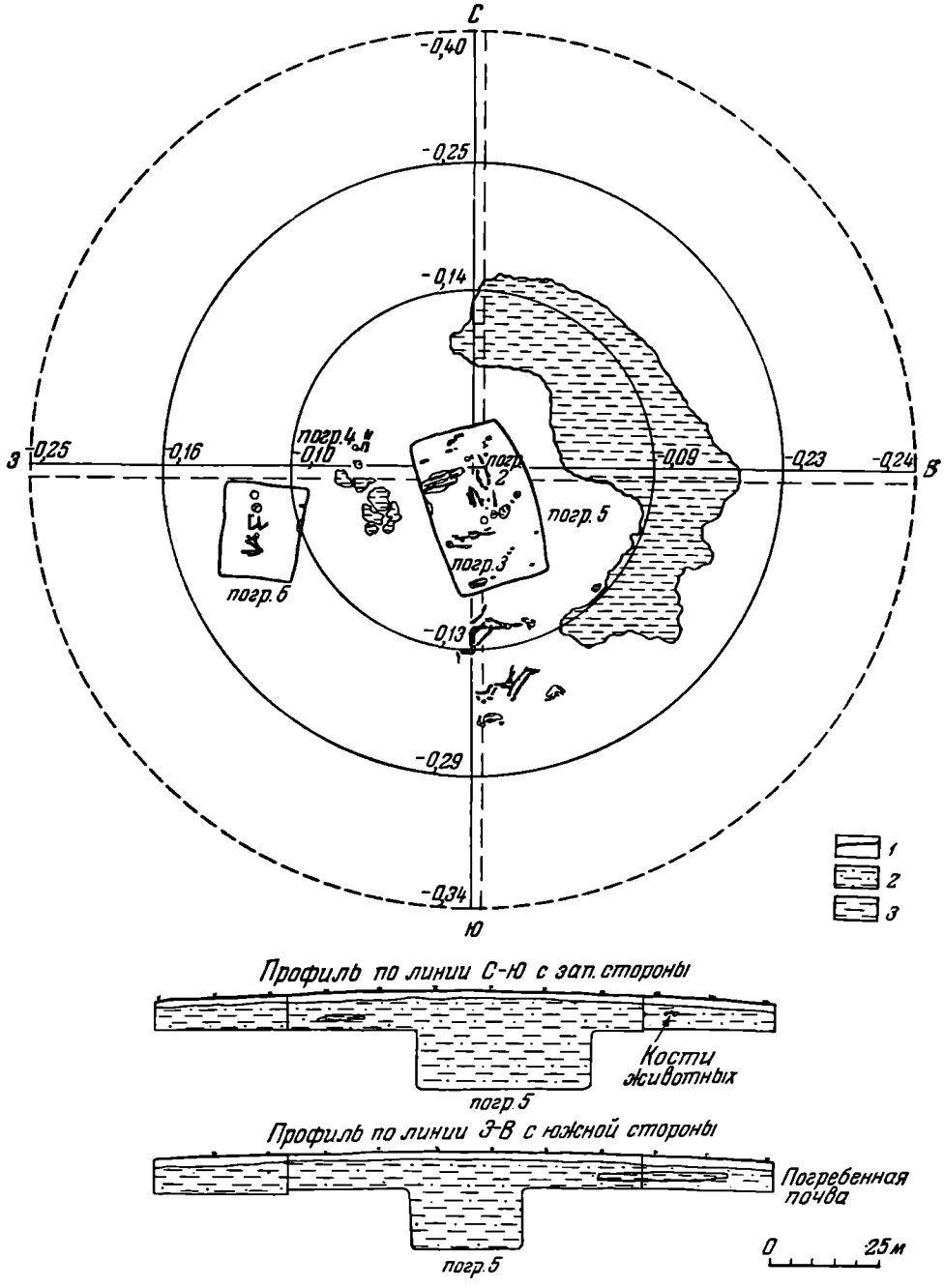


Рис. 1. План и профили раскопа Быковского кургана № 1:
1 — дерновый слой; *2* — каштановая супесь; *3* — могильный выкид.

верхние концы поперечных плах были положены на продольный брус, который поддерживался в своей средней части столбом. Нижние концы плах, надо полагать, упирались в продольные стены или дно могилы. При плоском перекрытии концы поперечных плах должны лежать по продольным краям могилы на древнем горизонте, однако ни одного кусочка или тлена дерева здесь не было.

Предположение о двускатной крыше подтверждается аналогиями в других погребениях Нижнего Поволжья эпохи бронзы. Как правило, здесь мы встречаем плоские крыши в виде накатника из плах или бревен,

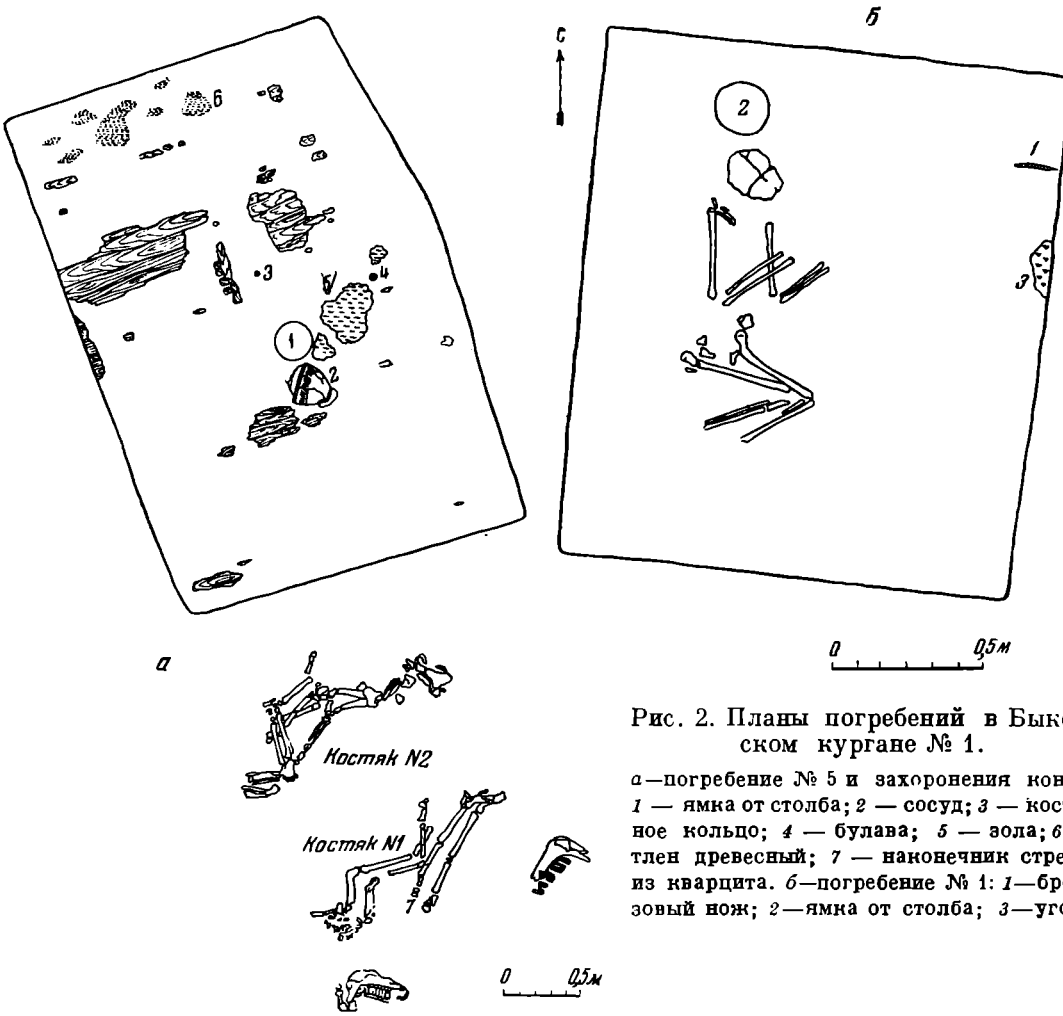


Рис. 2. Планы погребений в Быковском кургане № 1.

а—погребение № 5 и захоронения коней: *1* — ямка от столба; *2* — сосуд; *3* — костяное кольцо; *4* — булава; *5* — зола; *6* — тлен древесный; *7* — наконечник стрелы из кварцита. *б*—погребение № 1: *1*—бронзовый нож; *2*—ямка от столба; *3*—уголь

лежащих поперек могилы. Но есть и двускатные крыши той конструкции, которая восстанавливается нами для Быковского кургана. Таково перекрытие над центральной могилой Царицынского кургана, исследованного Ф. П. Черновым в 1907 г. [1] Над могилой двускатная крыша из камыша покоилась на продольной плахе. Столба-подпорки здесь не было, вероятно, потому, что само перекрытие было легким.

В заволжских районах также встречаются могилы срубной культуры со столбом, служащим подпоркой для перекрытия. Вероятно, совершенно аналогичным быковскому было перекрытие над основной могилой Усатовского кургана № 5 (раскопки П. Д. Рау 1928 г.) [2]. В центре большой прямоугольной могилы стоял березовый столб и около него на дне сохранились упавшие вниз брусья, один из которых лежал к юго-юго-западу от столба вдоль могилы, а два других — поперек. Первый мог служить опорой для верхних концов поперечных брусьев. Продольные края ямы были скошены в виде покатых ступеней, на которых сохранились следы камыша и березовых брусьев, закрывавших яму поперек. Скошенность

[1] Ф. П. Чернов. Раскопки кургана в г. Царицыне. Труды СУАК, вып. XXIV, 1908, стр. 14—18, рис. 5.

[2] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 97—100, рис. 69.

краев не случайна: в них упирались нижние концы брусьев, образовывавших, как нам кажется, двускатную крышу, сверху крытую камышом.

Ямки от столбов прослежены нами дважды и в небольших могилах: во-первых, в женской могиле первого Быковского кургана (погребение № 1, рис. 2*б*), где круглая ямка с остатками дерева располагалась в северной части могилы; во-вторых, в кургане № 2 у с. Иловатки (погребение № 7, раскопки 1952 г.) [1]. В последнем случае ямка находилась ближе к восточной стенке могилы. Восстановить форму перекрытия там не удалось.

Изучение срубной культуры Нижнего Поволжья нас убеждает в том, что для грунтовых четырехугольных могил деревянные перекрытия были обязательны; подавляющее большинство могил имело плоские крыши, реже двускатные, которые, вероятно, сооружались прежде всего над большими ямами. Обе формы перекрытий над могилами — отражение реально существовавших плоских и двускатных крыш у прямоугольных жилищ-землянок древнего поволжского населения. Так, двускатную форму крыши, судя по расположению столбов, допускает И. В. Синицын для землянок Максютовского и Успенского поселений срубной культуры, исследованных им в бассейне р. Большой Иргиз [2].

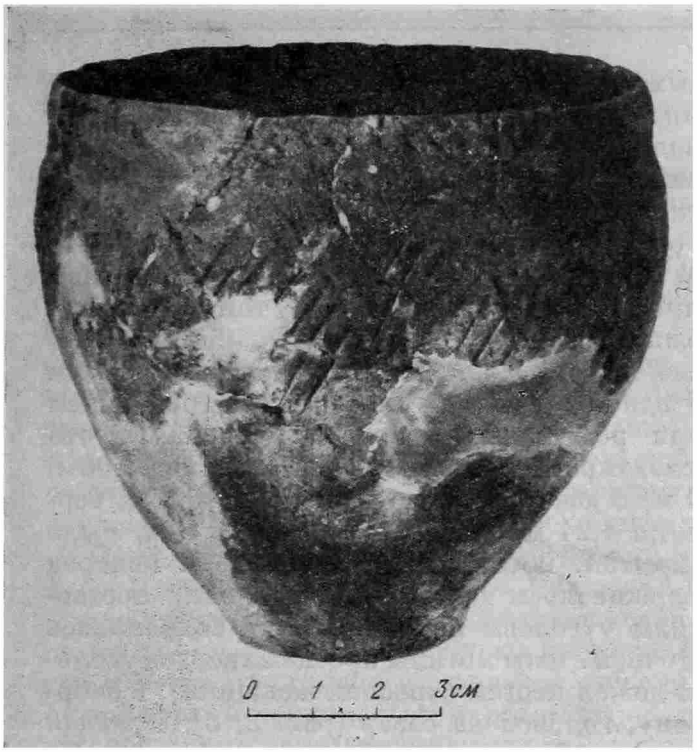
Вернемся к Быковскому кургану. На дне центральной могилы около столба было много золы, которая располагалась большими пятнами преимущественно к востоку от столба. С южной стороны столба на травянистой подстилке лежал лепной горшок баночной формы (рис. 3, *1*). Он имел прямой бортик с желобком при переходе бортика в округлые плечи. Вся поверхность сосуда снаружи и внутри покрыта косыми и горизонтальными бороздами, образовавшимися от сглаживания сосуда зубчатым штампом, которым был нанесен глубокий и небрежный орнамент в верхней части тулова под желобком в виде заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз. По верхней части бортика над желобком идет ряд наклонных овальных вдавлений, сделанных концом палочки. Высота сосуда 18,7 см, диаметр устья 18,8 см, диаметр дна 8 см. Глина горшка в изломе черная, с толченой раковиной, внутри поверхность темная, снаружи — коричневато-серая с темными пятнами. Верхнюю часть горшка снаружи покрывал темнокоричневый слой нагара от какой-то, вероятно, жидкой пищи, может быть, крови.

К северо-востоку от столба на расстоянии около 0,60 м близ зольного пятна лежало навершье булавы из змеевика эллипсоидной формы с широким отверстием до 2 см в диаметре (рис. 3, *2*). К северу от столба на расстоянии около 0,40 м найдено костяное кольцо, сделанное из трубчатой кости животного в виде низкого цилиндрика высотой 1 см при диаметре 2,1 × 2,2 см. Его поверхность сплошь орнаментирована в виде двух рядов заштрихованных треугольников, обращенных друг к другу вершинами (рис. 3,*3*). Близ этого кольца в засыпке могилы, почти у ее дна, были найдены обломки узких костяных пластинок, одна сторона которых плоская, другая — выпуклая.

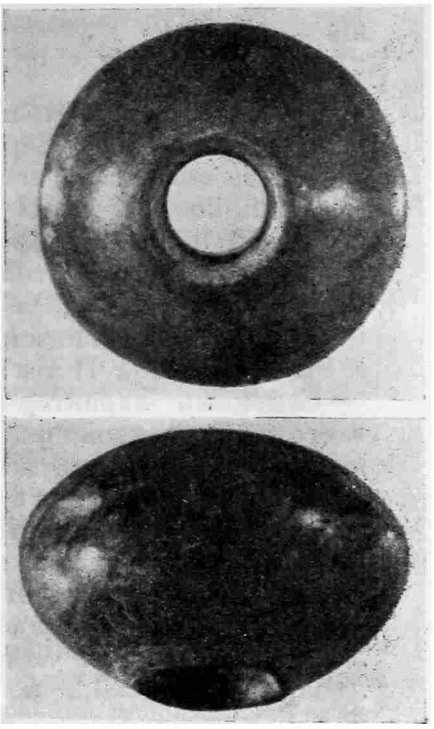
В могиле, дно которой не было потревожено, совершенно не найдено никаких остатков праха покойника. Мало вероятно, чтобы костяк целиком истлел. Возникшая у нас первоначально мысль о трупосожжении ничем не подтверждается. Зольный слой был чистым, в нем не было ни одного кусочка обожженных или кальцинированных костей, которые

[1] К. Ф. Смирнов. Работа первого Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 67, рис. 21-II.

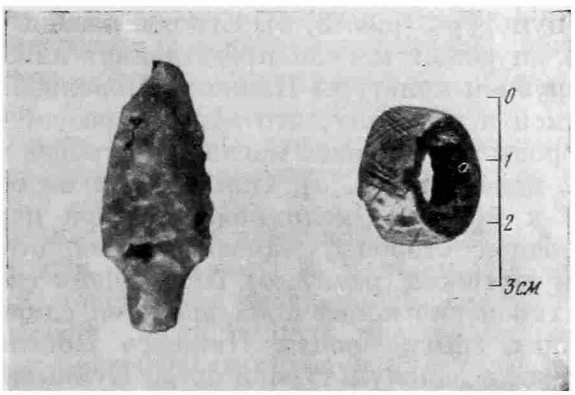
[2] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 199—209.



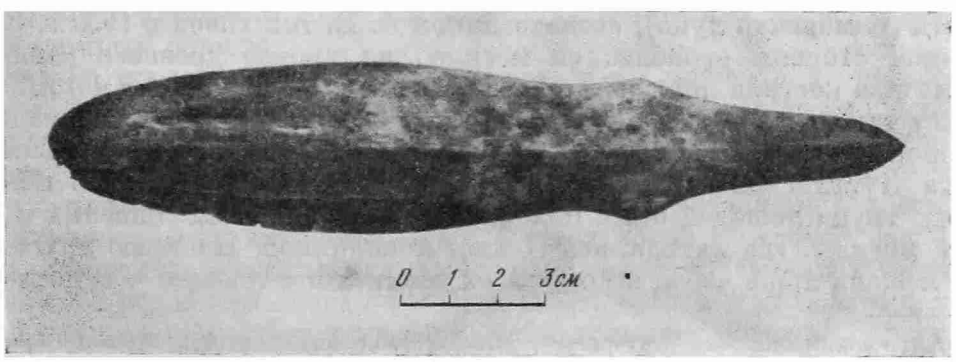
1



2



4 3



5

Рис. 3. Вещи из Быковского кургана № 1:

1 — глиняный горшок; *2* — навершье булавы из змеевика; *3* — костяное кольцо (погреб. 5); *4* — кварцитовый наконечник стрелы близ скелета коня; *5* — бронзовый нож кинжал (погреб. 1).

обычно встречаются в подобных случаях. Остается предположить одно: человек умер или был убит далеко от места родового кладбища, на котором было совершено его символическое погребение.

Обширность могилы со сложной деревянной конструкцией, наличие каменной булавы, которая редко встречается в могилах срубной культуры Поволжья, говорят о том, что описанная могила принадлежала какому-то выдающемуся лицу, вероятно родовому старейшине. Навершье булавы из змеевика — кавказского происхождения и по своему типу относится к булавам конца II тысячелетия до н. э.

Семейный характер Быковского кургана подтверждается наличием в его юго-западной поле еще одной грунтовой могилы с захоронением женщины, вероятно, жены или родственницы вождя. Широкая, почти прямоугольная могила была ориентирована с юга на север. Ее длина 2,06 м, ширина в северной части 1,80 м, в южной 1,65 м, глубина 2,10 м от вершины кургана (уходит вглубь на 1,24 м). В мягкой засыпке ямы было много кусков дерева от перекрытия, которые лежали вдоль и поперек могилы. Это перекрытие поддерживалось деревянным столбом, поставленным в северной части могилы у головы покойника, где сохранилась лунка диаметром 0,20 м. У восточной стены могилы прослеживалась угольная прослойка. На дне могилы лежал костяк взрослой женщины[1] в скорченном положении на левом боку, головой на север (рис. 2, *б*). Руки согнуты в локтях, кисти против груди. Около рук найдена пастовая бусина кольцевидной формы зеленоватого цвета. У восточной стены против головы поперек могилы и на ребре лежал бронзовый нож-кинжал, типичный для срубной культуры (рис. 3, *5*). Его оба лезвия хорошо заточены, длина 18 см. Эта впускная могила представляет наиболее характерный тип погребений срубной культуры Нижнего Поволжья.

Теперь обратимся к главному, что нас интересует в Быковском кургане. С южной стороны центральной могилы, на уровне древнего горизонта были погребены 2 коня (рис. 2, *а*). Они лежали на боку с вытянутыми ногами, хвостами к могиле. Около копыта левой передней ноги коня, лежащего с восточной стороны, находился кварцитовый наконечник стрелы с коротким черешком (рис. 3, *4*). Наконечник типичен для срубной культуры. Это захоронение коней пока является единственным в погребальных памятниках эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Ближайшие аналогии мы находим в однокультурной среде Куйбышевского Поволжья и в андроновской культуре южного Зауралья.

Полную аналогию быковскому захоронению коней дали конские погребения в 5-м кургане у с. Комаровки Шигонского района Куйбышевской области (Самарская лука), исследованном А. Е. Алиховой в 1952 г. Здесь, с южной стороны ограбленной могилы, на уровне древнего горизонта лежали два костяка лошадей, обращенные головами к югу и ногами друг к другу так, что их ноги переплетались [2]. Близкую картину дает один из андроновских курганов Алакульского озера близ с. Пивкино Щучанского района Курганской области (исследование К. В. Сальникова 1938 г.). Два полных трупа лошадей были положены на край могилы головами к тому концу могилы, где находились головы покойников. На краю другой могилы лежали лишь череп и кости всех четырех ног лошади [3]. В последнем

[1] Антропологический материал Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции изучен Н. М. Рожновой, принимавшей участие в экспедиции.

[2] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 92, рис. 35.

[3] К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 123—124.

случае возможно, что мы имеем здесь дело с захоронением чучела лошади, которое наблюдается в кочевнических позднесарматских и тюркских средневековых могилах.

Все перечисленные конские захоронения, сопровождающие погребения людей, являются наиболее древними на территории евразийских степей и относятся приблизительно к одному времени, скорее всего,— к последним векам II тысячелетия до н. э. Они связаны с теми группами земледельческо-скотоводческого населения Волги и Зауралья, которые были близки друг другу по характеру и уровню своего социально-экономического развития и по своей культуре. Между этими племенами установились тесные и постоянные связи, на что указывают многочисленные археологические данные о проникновении элементов срубной культуры в южноуральские районы и, в еще большей степени, проникновения андроновских элементов на Волгу (металлические изделия, керамика и андроновские черты погребального обряда).

Остеологический материал с поселений и из погребений срубной культуры Поволжья и андроновской культуры южного Приуралья свидетельствует о довольно широком разведении коней во второй половине II тысячелетия до н. э. у племен названных культур. Нас здесь не интересует вопрос, где и когда произошло приручение лошади и какой из древних областей нашей страны принадлежит первенство в развитии коневодства. Бесспорно, что обширные евразийские степи были основной областью очень раннего развития коневодства. Древнейшие находки костей лошади в этой области известны уже в афанасьевских погребениях Западной Сибири, а в Поволжье, как считает в своей последней монографии О. А. Кривцова-Гракова [1], лошадь стала известна в первой половине II тысячелетия до н. э. Очевидно, разведение коней распространилось довольно быстро среди евразийских племен, а рано установившиеся тесные связи поволжского и южноуральского населения, как это справедливо отмечает О. А. Кривцова-Гракова, способствовали развитию коневодства у населения Поволжья.

Уже на федоровском этапе у андроновских племен был широко распространен обычай, как отмечает К. В. Сальников [2], использовать в качестве заупокойной пищи мясо лошади. На следующем, алакульском этапе он едва выражен. Кости лошади как остатки заупокойной пищи редко встречаются в погребениях срубной культуры; здесь преобладают кости коровы и овцы. Эти факты мы склонны объяснять не слабым развитием коневодства в хозяйстве андроновцев алакульского этапа и племен срубной культуры Поволжья, а, во-первых, использованием лошади прежде всего в качестве ездового животного, во-вторых,— особенностями погребального обряда.

Если на первом этапе срубной культуры мы можем пока лишь предполагать использование не только крупного рогатого скота, но и лошади как средства передвижения, то на ее втором этапе, к которому мы склонны отнести захоронения коней, использование лошади как транспортного средства является бесспорным фактом, причем разведение коней приводит к возникновению всадничества. Погребенных коней я склонен рассматривать как верховых лошадей, принадлежавших влиятельным представителям поволжских родов или главам больших семей. Этот вывод подтверждается также находками костяных псалий одной и той же конструкции, связанных с распространением уздечки с ременными удилами. Это — древней-

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955.

[2] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 101.

ший тип псалий, возникший на несколько веков раньше появления в степях нашей страны металлических удил и псалий.

Первый такой псалий был найден П. Рау в указанном выше погребении Усатовского кургана 5. Он лежал у локтя правой руки покойника и опубликован И. В. Синицыным как «предмет неизвестного назначения»[1]. У западного края усатовской могилы на поверхности могильного выкида был положен конский череп, который, вероятно, в данном случае следует рассматривать не как заупокойную пищу, а символизацию конского захоронения. В качестве заупокойной пищи на деревянное перекрытие могилы была положена целая туша барашка — обычай, широко распространившийся несколько веков позднее у савроматов Поволжья.

Назначение усатовского костяного предмета стало ясным после находки А. Е. Алиховой двух подобных предметов в углах губ одного из коней Комаровского кургана[2]. На поселении срубной культуры у «Моечного озера», которое А. Е. Алихова связывает с Комаровской курганной группой, в 1954 г. А. Е. Алихова нашла еще один костяной псалий той же конструкции, но из половинки трубчатой кости, только меньшего размера [3]. Четвертая находка — пара костяных псалиев, обнаруженных И. В. Синицыным в 1953 г. в центральной могиле (погребение № 4) кургана № 2 у с. Краснополье Ровненского района Саратовской области (левый берег Волги)[4]. Псалии лежали на дне могилы против колен погребенного мужчины. Эта могила, как и все прочие, где были обнаружены псалии или захоронения коней, отличается своей обширностью, массивным деревянным перекрытием и наличием другого погребального инвентаря, в частности бронзового ножа-кинжала.

В этой же связи следует упомянуть находку двух круглых костяных блях с тремя отверстиями по бокам (рис. 4, *1*), найденных нами на деревянном перекрытии могилы срубной культуры в кургане № 3 у северо-восточной окраины с. Иловатки Сталинградской области (погребение № 2, 1952 г.) [5]. По форме они близки металлическим бляшкам для перекрестных ремней конской уздечки скифского времени. Вероятно, ту же роль играли наши костяные бляхи. На наружной стороне они украшены солярными изображениями, а по краю обрамлены резным бордюром в виде зигзага совершенно того же рисунка и техники, как и орнамент на усатовском и комаровских псалиях.

Захоронение коней, сохранившиеся части конской уздечки как отражение возникающего всадничества в эпоху срубной культуры в степях Поволжья позволяют поставить вопрос об изменении форм пастушеского скотоводства и зарождении в эту эпоху элементов кочевого скотоводства.

Сам факт появления всадничества, конечно, не является обязательным признаком кочевого характера жизни, однако он способствовал усилению передвижений в среде поволжских племен, обеспечивал более эффективную охрану скота вдали от поселений, а дальнейшее развитие скотоводческого хозяйства в южных районах Поволжья и Заволжья, в условиях более засушливого, чем современный, климата II тысячелетия до н. э.

---

[1] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 99 и табл. 6-I.

[2] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, стр. 96, рис. 37; стр. 97, рис. 38.

[3] Приношу большую благодарность А. Е. Алиховой за ознакомление с этим предметом.

[4] И. В. Синицын. Работы Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 80.

[5] К. Ф. Смирнов. Работа первого Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции, стр. 69.

требовало новых форм ведения скотоводства, предусматривающих обеспечение кормовой базы для скота.

Даже при современном состоянии исследования древних поселений Поволжья можно констатировать, что характер этих поселений в южных районах значительно отличается от поселений Среднего Поволжья. Первых несравненно меньше, при наличии значительных курганных групп

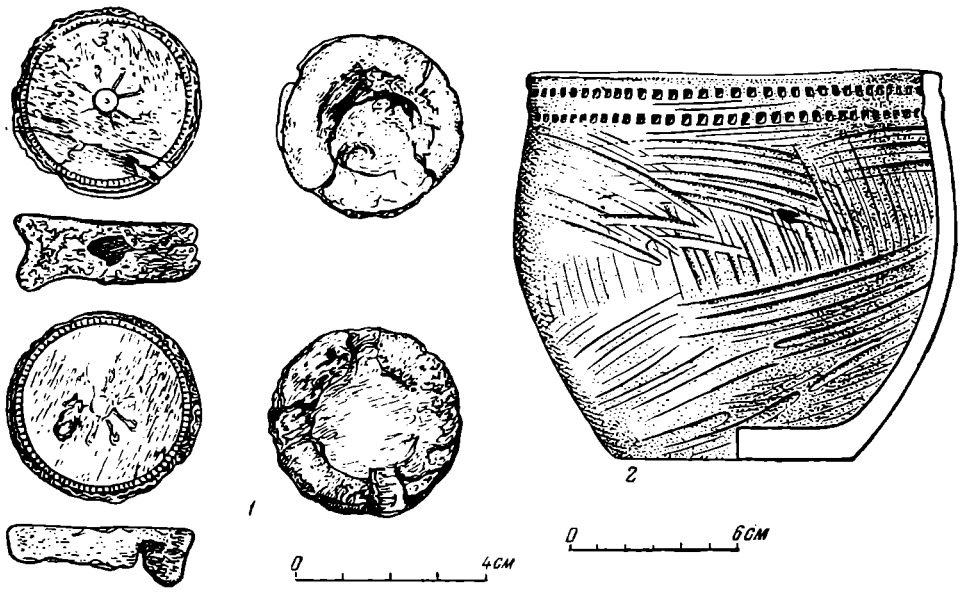


Рис. 4. Вещи из погребений у с.с. Иловатка и Политотдельское:

1 — костяные бляхи от конского убора (северо-восточная окраина с. Иловатки, курган № 3, погреб. 2); *2* — глиняный горшок из погребения с трупосожжением (с. Политотдельское, курган № 4, погреб. 29).

с погребениями срубной культуры, культурный слой большинства поселений, особенно дюнных, значительно тоньше. Конечно, лишь дальнейшее исследование этих поселений может дать окончательный ответ на вопрос о характере экономической жизни племен Южного Поволжья.

Можно считать, что ранние всаднические погребения Поволжья прямо предшествуют захоронениям родо-племенной аристократии скифо-савроматской эпохи вообще и заволжско-уральских сарматов в частности. В богатых савроматских могилах, кроме уздечного набора, который находился при покойнике, не раз встречались захоронения коней. Наиболее близкую аналогию древним конским захоронениям представляет заволжское погребение обезглавленного коня в кургане № 7 IV группы у с. Луговое (б. Визенмиллер) на р. Еруслане (Ровненский район Саратовской области), исследованном П. С. Рыковым в 1925 г. [1] Здесь скелет коня также лежал под насыпью с южной стороны круглой могилы, содержавшей трупосожжение. В кургане № 14, близ пос. Исаково, под Челябинском (раскопки Н. К. Минко 1907 г.) полный костяк лошади лежал под насыпью рядом с могилой [2].

Переходим к описанию древних трупосожжений на Нижней Волге. Эта небольшая группа могил времени срубной культуры, состоящая из

[1] П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Изв. Краеведческого ин-та изучения Ю.-Волжской обл. при Саратовском ун-те, т. 1. Саратов, 1926.

[2] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 112.

четырех памятников, впервые была выделена И. В. Синицыным [1]. В 1953 г., исследуя курган № 4 у с. Политотдельского, нам удалось зафиксировать новый случай трупосожжения (погребение 29). В этом кургане было 15 погребений срубной культуры с обычным обрядом трупоположения и одно впускное погребение с трупосожжением, совершенным на стороне. Сильно обожженные и кальцинированные кости, среди которых хорошо распознавались обломки человеческих фаланг и трубчатых костей, лежали на глубине 0,96 м от поверхности кургана внутри и около раздавленного сосуда. Горшок представляет один из многочисленных вариантов сосудов срубной культуры. Он имеет баночную форму с вертикальными и горизонтальными бороздами от сглаживания; у прямого бортика в два ряда идут прямоугольные вдавления, сделанные концом палочки или лопаточки (рис. 4, *2*).

Привлекая данные, известные из литературы, мы можем в настоящее время указать 10 случаев трупосожжений, из которых пять обнаружены на правобережье Волги: у сел. Одоевщина [2] и Старые Печеуры [3] и с. Макаровки (б. Меркель) на р. Карамыш Сталинградской области[4]. Остальные, включая наше погребение у с. Политотдельского, происходят из различных районов степного Заволжья: у с. Бородаевки (б. Боаро) на р. Малый Караман Саратовской области [5], у кордона Деркульского на р. Деркуле [6], у с. Домашка Курманаевского района и с. Погромного Тоцкого района Чкаловской области [7]. На фоне общего, очень устойчивого и однообразного погребального обряда с трупоположением, развитие которого на Волге прослеживается со времен ямной культуры, трупосожжение в срубной культуре представляет совершенно новый обряд, занесенный извне. Ряд исследователей (К. В. Сальников, И. В. Синицын и О. А. Кривцова-Гракова) объясняют появление этого обряда у племен срубной культуры тесным общением поволжского населения с андроновскими племенами. Примеры проникновения на Волгу элементов андроновской культуры, особенно металлических вещей и керамики, многочисленны; они хорошо известны из литературы, и останавливаться на них мы не будем. Раскопки Сталинградской и Куйбышевской экспедиций последних лет значительно дополняют эту картину.

Известные в Поволжье трупосожжения делятся на два вида: сожжения на стороне, но поблизости от места погребения, и сожжения на месте. Первая форма сожжения очень близка трупосожжениям, открытым К. Н. Минко в Челябинских курганах[8] и К. В. Сальниковым в Федоровском могильнике Челябинской области [9]. Особенно близки андроновским погре-

[1] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 11.

[2] В. Ф. Орехов. Раскопки двух курганов при с. Одоевщине Хвалынского у. Труды СУАК, вып. 31, 1914, стр. 131—138.

[3] Б. Федоров. Памятники старины у с. Старых Печеур Хвалынского у. Труды СУАК, вып. 31, стр. 139—144.

[4] Курган g. 1, погребение № 1: курган g. 2, трупосожжение в деревянном сооружении и погребение № 5, раскопки П. Рау 1929 г.; И. В. Синицын. Указ. соч., стр. 69—74, 78—81.

[5] В группе «Рунталь», курган № 5, погребение № 2 (раскопки И. В. Синицына 1939 г.). Там же, стр. 121.

[6] П. С. Рыков. Указ. соч. Курган № 1, погребение № 2 (раскопки П. Рыкова 1925 г.).

[7] Курган № 4, погребение № 3 (раскопки К. В. Сальникова 1937 г.). К. В. Сальников. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного. СА, XIII, 1950, стр. 311—319.

[8] ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913, стр. 192—193.

[9] К. Ф. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, 1940, № 1, стр. 58—68.

бениям с трупосожжением погребения у с. Погромного (курган № 4, погребение № 3)[1] и с. Макаровки (курган g. 2, погребение № 2)[2]: это — небольшие прямоугольные грунтовые могилы, покрытые сверху накатником из поперек положенных плах; в одном случае кости, еще не успевшие остыть, были положены прямо на дно могилы, в другом — они лежали на деревянном корытообразном предмете[3]. Для андроновских погребений с трупосожжениями, как отмечает К. В. Сальников, характерны кости лошади, как остатки заупокойной пищи, преимущественно ребра. Ту же картину дают трупосожжения у сел Погромного и Макаровки. Обнаруженное нами трупосожжение у с. Политотдельского отличается от других поволжских и андроновских трупосожжений тем, что остатки сожженных костей были положены в горшок.

Эти три трупосожжения, генетическая связь которых с андроновскими трупосожжениями федоровского этапа вполне вероятна, обнаружены в курганах, содержащих обычные трупоположения срубной культуры. Чем можно объяснить появление у племен срубной культуры чуждого им погребального обряда? Нам представляется возможным вслед за О. А Кривцовой-Граковой[4] видеть в этом не столько заимствование нового обряда у непосредственных восточных соседей, западная граница которых проходила приблизительно между Чкаловом и Бузулуком[5], сколько проникновение в Поволжье отдельных групп андроновского населения. Они-то и принесли с собой андроновские формы сосудов и их орнаментацию. Сочетание сосудов андроновских и срубно-хвалынских форм особенно ярко прослеживается в восточных районах срубной культуры, в частности в Погроменских курганах и на поселениях в бассейне Узеней (Джангалинский район, Западно-Казахстанская область), где И. В. Синицын обнаружил на берегу озера Сары-Айдин древние погребения и рядом жертвенное место, которые по ритуальным особенностям оказываются аналогичными погребениям и жертвенному месту Алексеевского поселения под Кустанаем[6]. И. В. Синицын допускает этническое единство населения Узеней и Тобола.

Погребения с сожжением федоровского типа, отмеченные выше, могли принадлежать пришельцам с востока, живущим в среде близкого им по культуре, а может быть близкого и по языку населения Поволжья. Они входили в состав патриархальных семей, кладбищами которых следует считать курганы у сел Политотдельского, Макаровки и Погромного.

Признавая довольно раннее проникновение андроновского населения в Поволжье, мы думаем, что оно не было значительным, особенно если иметь в виду всю область Нижнего Поволжья. Ведь мы до сих пор не имели ни одного черепа андроновского типа в курганах срубной культуры Саратовского и Сталинградского Поволжья, антропологический материал из которых, правда еще не весь, подвергся изучению. Значительный прилив андроновцев или их потомков в Саратовское Заволжье, очевидно, совершился в самом конце бронзового века, что и нашло свое отражение в антропологическом типе сарматов этого района.

[1] К. В. Сальников. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного, стр. 312—313.

[2] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 78—81.

[3] И. В. Синицын. Указ. соч., стр. 80, рис. 54.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье.

[5] Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Казиздат, 1930.

[6] И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской области и Зап. Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 65.

Возвращаясь к поволжским трупосожжениям, мы должны отметить, что здесь этот обряд, в результате местного развития, выглядит разнообразнее, чем в андроновском Зауралье. Здесь выделяется группа трупосожжений, совершенных на месте в виде различных вариантов. В кургане № 1 у кордона Деркульского покойник был сожжен на древней почве, причем вокруг мощного костра вся площадь была обмазана разведенным на воде мелом. В жертву покойнику принесли овцу и птицу. Рядом с кострищем был поставлен глиняный сосуд. Над кострищем с остатками сожженного праха насыпали курган[1].

Другой вариант зафиксирован в кургане g. 2 у с. Макаровки и в кургане № 1 у с. Одоевщины. Здесь под насыпями на древнем горизонте были устроены деревянные сооружения в виде квадратной рамы из больших бревен, выше которых с четырех сторон лежали другие бревна, образуя нечто вроде сруба или, скорее, четырехскатной кровли[2]. Эти сооружения были устроены над кострищами, где совершены были сожжения покойников, но уже после того, как остыл костер, так как дерево не носило следов обугливания. В Макаровском кургане обожженные кости покойника были оставлены на кострище, а в Одоевском они выбраны и положены в центр деревянного сооружения рядом с двумя горшками. Нечто подобное мы видим и в кургане у с. Старые Печеуры, где кострище располагалось под слоем камней и остатками деревянного сооружения на древнем горизонте[3].

Наконец, под курганом № 5 у с. Бородаевки была вырыта грунтовая прямоугольная яма, стенки которой были обложены досками в два ряда. Могила поперек покрыта толстыми бревнами, обуглившимися в результате разведения мощного костра на этом перекрытии, где было произведено сожжение покойника. Под действием огня обгоревшее перекрытие вместе с сожженным покойником обвалилось на дно могилы[4].

Все перечисленные случаи трупосожжений на месте, кроме последнего, оказавшегося полностью разграбленным, сопровождались инвентарем, характерным для срубной культуры. Бородаевский курган по стратиграфическим данным относится к эпохе бронзы и, скорее всего, связан со срубной культурой. Более точной хронологии дать для него мы пока не можем, как, впрочем, и для большинства погребений развитой срубной культуры Нижнего Поволжья, вследствие плохой хронологической разработанности погребального материала. Однако есть основание считать, что обряд трупосожжения, совершенного на месте, доживает в Заволжье до савроматской эпохи, о чем свидетельствуют подкурганные савроматские трупосожжения на древнем горизонте, известные из раскопок в Молчановке, Бережновке[5] и Усатове[6] на Еруслане, в Старой Иванцовке (б. Альт-Ваймар) на Торгуне[7]. Они известны также у ранних сарматов Приуралья, например у с. Сара Чкаловской области[8], под Орском[9] и в районе

[1] П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки...

[2] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 73, рис. 46; В. Ф. Орехов. Раскопки двух курганов при с. Одоевщине Хвалынского у., стр. 134, рис. 3.

[3] Б. Федоров. Памятники старины у с. Старых Печеур Хвалынского у., стр. 139—144.

[4] И. В. Синицын. Указ. соч., стр. 120—121, рис. 80.

[5] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 85.

[6] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit.

[7] Там же, стр. 72.

[8] Там же, стр. 8 (сноска).

[9] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане. Казаки. Антропологические очерки, т. II. Л., 1927, стр. 183, рис. 15.

Челябинска[1]. Эти савроматские трупосожжения чрезвычайно близки по деталям обряда трупосожжению срубной культуры у кордона Деркульского. Однако у савроматов чаще встречается другой вид трупосожжения или сильного обожжения на слое горячего угля, совершенного в грунтовой могиле; происхождение его остается еще неясным.

Связь трупосожжений эпохи бронзы и скифо-савроматского времени, которая прослеживается в Нижнем Поволжье, является одним из многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что формирование савроматов и их культуры произошло в результате сложного взаимодействия ряда племен, процесса ассимиляции, где главную роль играли прямые потомки племен срубной и андроновской культур.

Т. Н. ТРОИЦКАЯ

ПОГРЕБЕНИЕ У СЕЛА БЕЛОГЛИНКИ

(К вопросу о кизил-кобинской культуре предгорной и степной частей центрального Крыма)

Летом 1953 г. школьники с. Белоглинки Симферопольского района (близ скифского городища у совхоза «Красный») обнаружили в обрыве к юго-востоку от деревни погребение с двумя костяками. Вскоре это место было обследовано сотрудниками Крымского филиала АН УССР[1]. К этому времени кости погребенных уже были выкинуты, лепные сосуды разбиты, целыми сохранились лишь бронзовые украшения, переданные школьниками в Крымский областной краеведческий музей.

Трудно выяснить, было ли это погребение грунтовым или впущенным в курган, стоявший ранее на краю обрыва и в настоящее время полностью обрушившийся. Судя по рельефу местности, последнее более вероятно. В таком случае могильная яма была впущена в юго-восточную полу кургана и засыпана бутовым камнем. Вследствие разрушения форму могилы не удалось проследить. Погребение содержало два костяка, ориентированных головами на северо-восток. По указаниям школьников, один из костяков (женский, судя по украшениям) лежал в скорченном положении, а другой (мужской) — в вытянутом. Однако длина могилы (менее 1,50 м) позволяет предполагать, что и второй костяк лежал в полускорченном положении. Близ его черепа был найден бронзовый наконечник стрелы позднеархаического типа, трехлопастный, бракованный: шип его не получился при литье (рис. 1, *3*).

При скорченном костяке найдены пастовые бусы (рубленые и глазчатки, желтые и синие — рис. 2, *3*), три бронзовых проволочных кольца с несомкнутыми концами (рис. 2, *1*) и две бронзовые проволочные серьги с подвеской в виде конуса из спирально скрученной проволоки (рис. 2, *2*). Такие серьги в Крыму характерны для таврских могил. В каменном ящике одного из Мал-музских курганов подобная серьга была найдена с инвентарем первой половины V в. до н. э.[2], а в каменном ящике Малабы—с ранними архаическими бронзовыми наконечниками стрел[3]. Встречены серьги

---

[1] В обследовании приняли участие: младший научный сотрудник Э. И. Соломоник, аспирант Т. Н. Троицкая и научный сотрудник Крымского областного краеведческого музея Т. Я. Кобец.

[2] Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской Долины. ИАК, 30, стр. 147, рис. 28, *2*.

[3] А. А. Брандт. Заметки по археологии Крыма. ИАК, 54, стр. 109—116, рис. 5.

этого типа и в погребениях VI—V вв. до н. э. Нестеровского могильника[1] и в могиле VI в. до н. э. Усть-Лабинского некрополя[2].

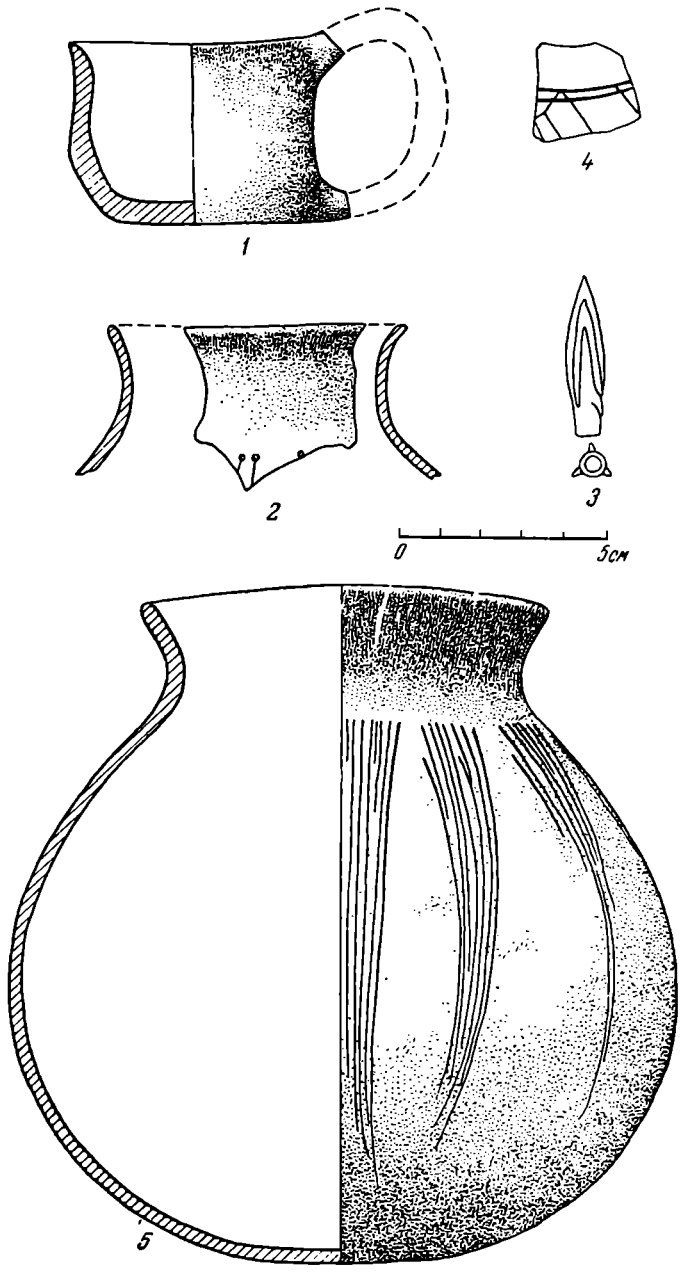


Рис. 1. Находки из погребения у с. Белоглинки:
1 — чарка; *2* — обломок венчика сосуда; *3* — бронзовый наконечник стрелы; *4* — обломок стенки сосуда; *5* — сосуд.

В одном из лепных сосудов лежало костяное изделие с заостренными концами и перехватом посередине (рис. 2, *4*). Возможно, оно служило

[1] Е. И. Крупнов. Северо-Кавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 103, рис. 44, *27*.
[2] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 1951, № 23, стр. 163, рис. 2, *3*.

застежкой, как и одновременные бронзовые фигурные палочки [1]. Подобное же изделие из кости со следами обожжения было найдено Уваровым в таврском каменном ящике близ Ялты с инвентарем раннескифского времени.

Кроме того, в могиле были найдены обломки четырех лепных сосудов сероватого и красноватого лощения. Один из них имеет шаровидное тулово, низкое, относительно узкое горло со слегка отогнутым венчиком и закругленное приплюснутое дно (рис. 1, *5*). Он орнаментирован ниже плечиков тонкими процарапанными линиями в виде длинных треугольников с вертикальной штриховкой. Второй сосуд точно такой же формы имеет на плечиках точечный пояс, от которого отходят вертикальные линии (рис.1, *2*). На обломке третьего сосуда — орнамент из перекрещивающихся полос (рис. 1, *4*). В маленькой чарке с поднимающейся кверху петлеобразной ручкой была найдена охра (рис. 1, *1*). Все эти сосуды находят аналогии в поздних вариантах кизил-кобинской керамики предгорных районов [2] и в таврской лепной керамике [3].

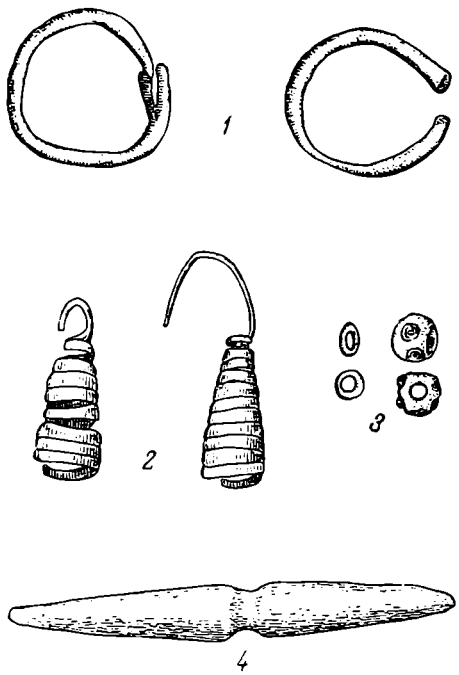


Рис. 2. Украшения из погребения у с. Белоглинки:

1 — бронзовые кольца; *2* — бронзовые серьги; *3* — пастовые бусы; *4* —костяная застежка.

Инвентарь позволяет датировать погребение VI в. до н. э., вероятнее его концом.

Подобные погребения являются характерными для центрального Крыма VII и VI вв. до н. э. Среди 11 известных нам курганных могил этого времени в степной и предгорной частях Крыма почти нет типичных скифских погребений [4] (рис. 3).

Погребальные сооружения представлены впускными и основными земляными ямами прямоугольной формы с закругленными углами [5], каменными ящиками [6] и ямами, обложенными по краям камнем [7]. Многие из погребений были завалены камнем. Этот обычай, отмеченный в крымских погребениях эпохи бронзы [8], был впоследствии заимствован пришедшими в Крым скифами, у которых засыпание могил камнем прослеживается

---

[1] А. Фурманская. Меднолитейное ремесло в Ольвии. Автореферат канд. диссертации. Киев, 1953, стр. 7.

[2] О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 110 и сл.

[3] Н. И. Репников. Каменные ящики..., рис. 25 и 29, *3*; Х. П. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 35 и сл., рис. 9, *2*, *4*, *5* и рис. 11.

[4] При раскопках курганов на территории Симферопольского водохранилища обнаружено еще более 10 подобных же погребений.

[5] ОАК за 1895 г., стр. 10, 16, 19 и др.

[6] ОАК за 1895 г., стр. 16.

[7] ИТУАК. 22, стр. 116—117.

[8] П. Н. Шульц. Исследования памятников эпохи бронзы в Крыму за пять лет. Доклад на пленуме ИИМК 23.IV 1955 г.

вплоть до гибели скифского государства (вначале — в виде завала камнем самой могилы, а позже — дромоса склепов или подбоев)[1].

Указанные формы могил типичны для курганов эпохи бронзы на этой же территории. Каменные ящики характерны и для погребений тавров

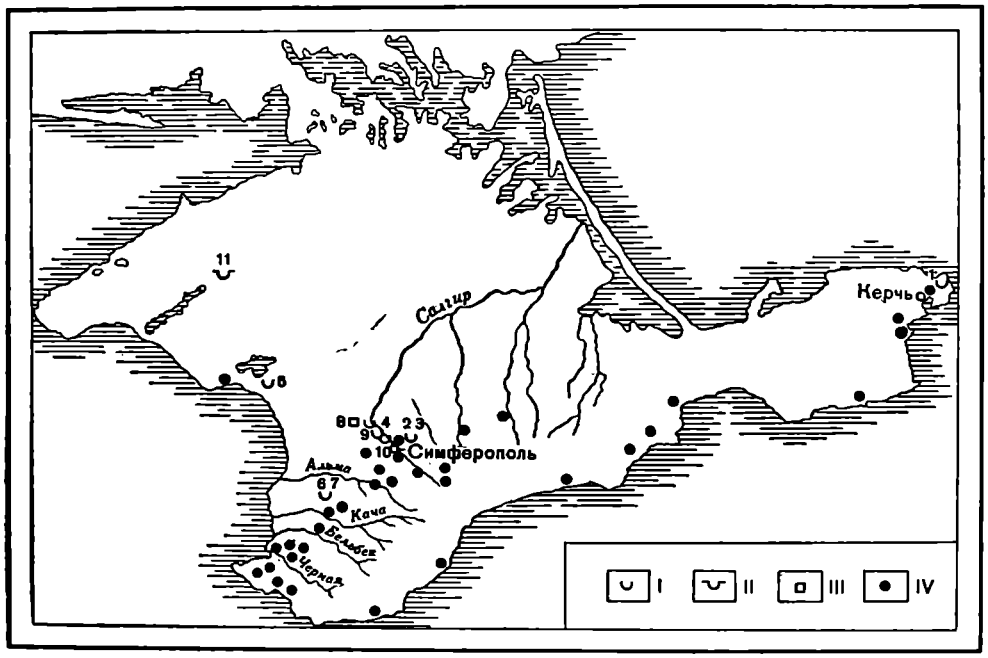


Рис. 3. Карта расположения курганных погребений VII—VI вв. до н. э. (без учета результатов экспедиции 1954 г.).

I — земляные ямы; II— земляные ямы, обложенные по краям камнем; III—гробницы из каменных плит; IV—поздние поселения кизил-кобинской культуры: 1 — курган на Темир-горе; 2—3 — курган № 3 в гор. Симферополе (б. дер. Бахчи-Эли); 4—курган у с. Белоглинки; 5 — курган у с. Прибрежное; 6 — курган № 3 между реками Альма и Кача; 7 — курган № 4, там же; 8 — курган на б. земле Бобовича; 9 — курган там же; 10— курган № 1 у совхоза «Красный»; 11 — курган у с. Березовка (б. с. Тавкель-Нейман).

горных районов[2] и для погребений предгорий[3]. Посыпание дна могилы речной галькой (могила №2 кургана № 3 у б. д. Бахчи-Эли[4]) также известно в Крыму в эпоху бронзы[5]. Таким образом, могильные формы подкурганных погребений степной и предгорной частей центрального Крыма раннескифского времени аналогичны местным погребениям эпохи бронзы и одновременным каменным ящикам горных и предгорных районов.

Ориентация костяков в подкурганных могилах VII и VI вв. до н. э. неустойчива. Так, в рассмотренном выше погребении у с. Белоглинки костяки лежали головами на северо-запад, в других курганах — на запад, юго-запад и северо-восток. Западная ориентация костяков в VII и VI вв. до н. э. в центральном Крыму не всегда связывается со скифскими захо-

[1] В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Скифского. ВДИ, 1, 1949, стр. 111—119.

[2] Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров. ИТОИАЭ, 1, стр. 138 и сл.

[3] Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. «Крым», 2, 1926, стр. 94.

[4] Архив ЛОИИМК, ф. 2, 109/1924, л. 6—7; Т. Н. Троицкая. Скифские курганы Крыма. Изв. Крымск. отд. Геогр. об-ва СССР, 1, 1951, стр. 90.

[5] ОАК за 1898 г., стр. 22.

ронениями, так как она сочетается с характерным для кизил-кобинской культуры инвентарем как при вытянутом положении костяка (курган № 8 Симферопольского водохранилища, погребение VIII—VII вв. до н. э.), так и при полускорченном (могила № 2 кургана № 3, г. Симферополь, б. д. Бахчи-Эли).

Скорченное положение костяков погребения у с. Белоглинки не является исключением для этого времени. В скорченном положении был найден женский костяк из кургана у с. Прибрежное (б. с. Кара-Тобе) [1], в слегка скорченном — в упомянутой выше могиле из Симферополя (б. д. Бахчи-Эли). Скелет из кургана № 4 между реками Альма и Кача[2] лежал на левом боку, но уже в вытянутом положении. Изредка встречался обряд посыпания костяка охрой[3]. Переход к преобладающему в VI в. обряду захоронения в вытянутом положении на спине происходил постепенно, и, возможно, судя по парным захоронениям у сел Белоглинки и Прибрежного, для погребения женщин обычай захоронения в скорченном положении сохранялся дольше.

Как и в погребении у с. Белоглинки, оружие в могилах VII—VI вв. до н. э. представлено крайне бедно. Большинство погребений не содержало оружия или лишь единичные бронзовые, костяные и даже кремневые наконечники стрел. Только в двух могилах найдены железные мечи и железный наконечник копья: в кургане у с. Березовка [4] и в кургане № 3 между реками Альмой и Качей[5]. Количество стрел в отдельных могилах заметно вырастает к концу VI в.

В кургане у с. Белоглинки отсутствуют предметы конского набора и изделия, выполненные в скифском зверином стиле. Это явление характерно для погребений центрального Крыма на протяжении VII и большей части VI в. [6] и отмечено в 20 могилах. Отсутствуют в могилах и конские кости. В это же время в нижнем Поднепровье все известные скифские могилы сопровождались изделиями, выполненными в скифском зверином стиле, предметами конского набора [7].

Исключение составляет погребение № 3 кургана № 2 между реками Альмой и Качей [8], где были найдены две бронзовые пряжки в виде свернувшихся зверей и бронзовый топорик с головой животного и копытом на концах [9]. Большая пряжка из данного погребения неправильно датируется Боровкой VII—VI вв. до н. э.[10] Аналогиями ей являются пряжки из 398 кургана у с. Журовки[11], из Краснодарского музея[12], из Прикубанья[13], из Частых курганов (начало V в. до н. э.)[14]. Аналогии датируют пряжку временем не ранее чем вторая половина VI в. до н. э., так как наиболее раннее из известных нам подобных изображений в скифском зверином

[1] Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг. М., 1941, стр. 267—268.
[2] ОАК за 1895 г., стр. 19.
[3] ОАК за 1895 г., стр. 10 и 16.
[4] ИТУАК, 22, стр. 116—117. (Б. с. Тавкель-Нейман).
[5] ОАК за 1895 г., стр. 17—18.
[6] Погребение VII в. на Темир-горе, как и весь материал Керченского полуострова, здесь не рассматривается, поскольку культурно-историческое развитие Керченского полуострова и центрального Крыма шло различными путями.
[7] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 115.
[8] ОАК за 1895 г., стр. 17—18.
[9] ОАК за 1895 г., стр. 18, рис. 32—34.
[10] Borovka. Scythians art. Лондон, 1926, стр. 95.
[11] ИАК, 14, стр. 6, рис. 6.
[12] МАР, 37, стр. 65, рис. 33.
[13] ОАК за 1903 г., стр. 169, рис. 328.
[14] СА, VIII, стр. 29, рис. 14, *5*.

стиле[1] датируется V в. до н. э. К этому же времени относятся и бронзовые наконечники стрел VI—V вв. до н. э. (рис. 4, *3*). VI веком на основании аналогии[2] датируется и бронзовый топорик. Все это позволяет передви-

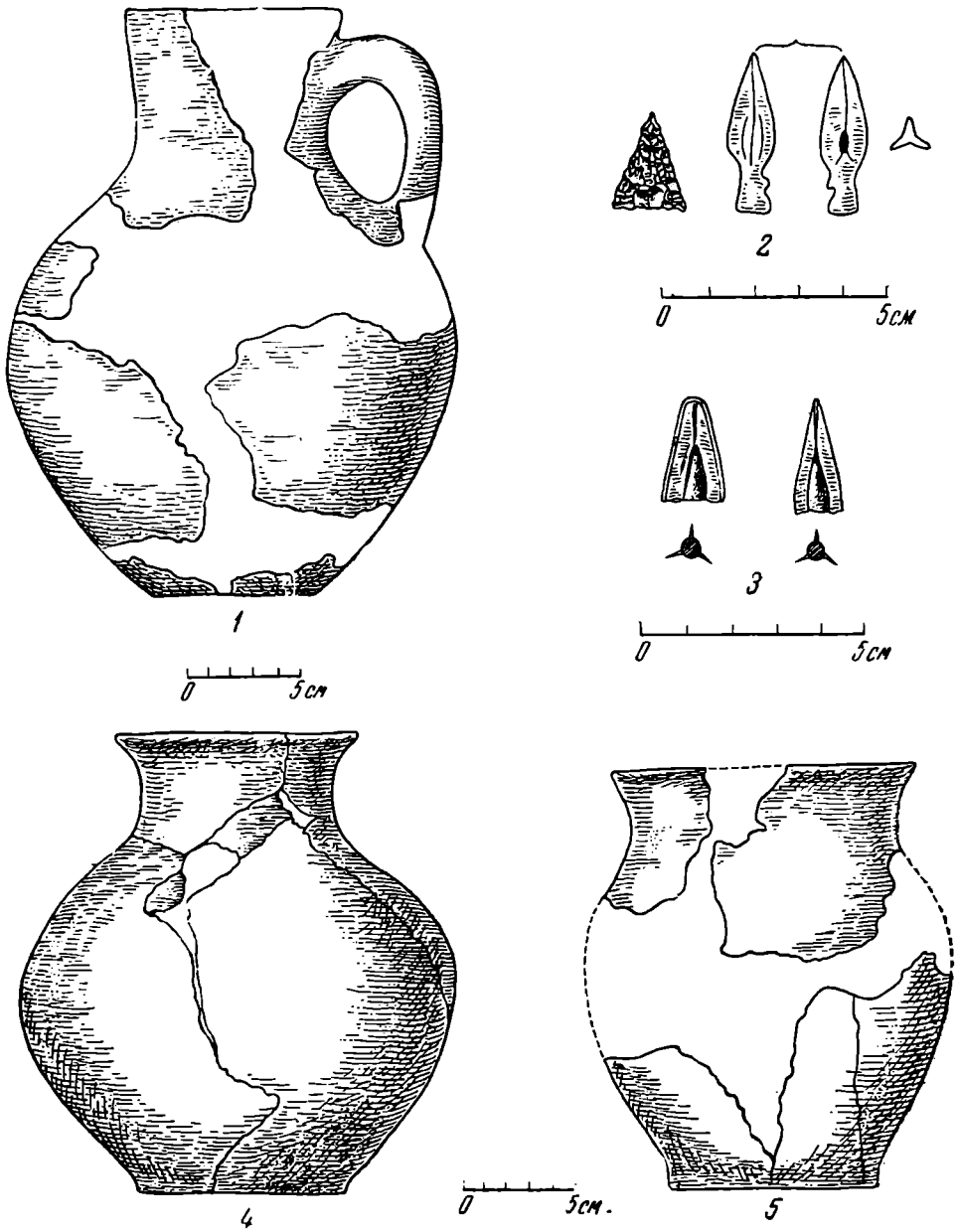


Рис. 4. Предметы из погребений в курганах.

1 — лепной кувшин из погреб. 2 кургана № 3 у б. дер. Бахчи-Эли; *2* — кремневый и бронзовый наконечники стрел, оттуда же (по Эрнсту); *3*—бронзовые наконечники стрел из кургана № 3 между реками Альмой и Качей; *4* — лепной сосуд из кургана № 2 у б. дер. Бахчи-Эли (по Эрнсту); *5* — лепной горшок из кургана № 3, оттуда же (по Эрнсту).

нуть дату этого погребения на конец VI в. до н. э. Таким образом, погребение № 3 кургана № 2, отличающееся от остальных могил центрального Крыма того времени, можно предположительно считать скифским.

[1] ОАК за 1876 г., рис. на стр. 134.

[2] Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.

Керамика из погребений у с. Белоглинки типична для погребений VII и VI вв. до н. э. этого района. На обломках чернолощеного сосуда из погребения у с. Березовка (б. с. Тавкель-Нейман)[1] виднелись тройные зигзагообразные и прямые резные линии. Из нелощеных сосудов можно отметить грубые высокие плоскодонные горшки со слабо отогнутым венчиком и покатыми плечами (рис. 4, *5*). В курганах на территории Симферопольского водохранилища найдены, кроме указанных форм, следующие лепные лощеные сосуды с геометрическим орнаментом: крупные биконические, небольшие кубки с широким туловом, низкие широкие миски с небольшой ручкой и др.[2]

Сосуды из погребения у с. Белоглинки и перечисленная курганная керамика раннескифского времени теснейшим образом связаны с поздней, синхронной ей керамикой кизил-кобинской культуры и ничем от нее не отличаются. В то же самое время крымская керамика раннескифского времени резко отличается от керамики степной части Скифии, где доминировали нелощеные горшки с оттянутой шейкой и налепным валиком с надрезами и ямками от пальцев или палочек[3]. Кизил-кобинские формы керамики и украшений в отдельных погребениях, например, у с. Белоглинки, характерны и для погребений ранних тавров. Это заставляет полагать, что подобные могилы принадлежали местному населению, носителям кизил-кобинской культуры.

О связях курганных погребений раннескифского времени с кизил-кобинской культурой свидетельствуют также маленькие круглые каменные терки и наличие кремневых наконечников стрел (рис. 4, *2*). Как известно, кремневые орудия часто встречаются в поселениях кизил-кобинской культуры в VI в. до н. э.[4]

Рассмотренные курганные погребения свидетельствуют о господстве на территории центрального Крыма в VII и VI вв. до н. э. поздней кизил-кобинской культуры. Об этом же говорят и другие памятники[5] (см. карту).

Кизил-кобинская культура была широко распространена на территории Крымского полуострова, в его горных, предгорных и некоторых степных районах. Так, в северо-западном Крыму, у с. Каштановка Раздольненского района (б. с. Кара-Меркит) найдены курганные погребения со скорченными и окрашенными костяками и с керамикой кизил-кобинского типа, в настоящее время утерянной[6]. Эти погребения вместе с двумя курганами у с. Березовка и с находками кизил-кобинской керамики в нижних слоях Керкинитиды[7] свидетельствуют о проникновении данной культуры далеко в степь.

Известна кизил-кобинская керамика и на Керченском полуострове: в нижних слоях Пантикапея[8], Мирмекия[9], Нимфея[10] и др.

---

[1] Крымский областной музей, А-1495.

[2] А. Д. Столяр. Раскопки курганов на территории Симферопольского водохранилища. Доклад на пленуме ИИМК 23.IV 1955.

[3] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две Скифии..., стр. 115.

[4] О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения..., стр. 117.

[5] Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры.... стр. 91 и сл.

[6] ЗРАО, XII, 1—2. СПб., 1901; Труды отд. слав. и рус. арх., кн. V, стр. 285—286.

[7] М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 64.

[8] И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея. МИА, № 33, 1954, стр. 82.

[9] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и задней частей Мирмекия в 1939 г. МИА, № 4, 1941, стр. 132.

[10] В. М. Скуднова. Скифские памятники из Нимфея. СА, XXI, стр. 306 и сл., рис. 5, 6. В связи с данной статьей хочется высказать недоумение, почему автор помещает кизил-кобинские поселения центрального Крыма, в том числе — расположенную вблизи Алуштинского шоссе пещеру Кизил-Коба, по Феодосийскому шоссе. По Феодосийскому шоссе расположено лишь Белогорское поселение, находки из которого

С поздним этапом развития кизил-кобинской культуры, синхронным раннескифскому времени, теснейшим образом связаны те курганные погребения, о которых шла речь выше. Некоторые из них можно с уверенностью считать местными. В других случаях можно говорить о наличии скифского влияния, сказывающегося в появлении скифского оружия.

Для VII и VI вв. пока еще правильнее говорить не о скифских погребениях, а о погребениях раннескифского времени. Однако это не исключает возможности проникновения в Крым в это время кочевых скифов из Нижнего Поднепровья. Скорее всего именно эти скифы были похоронены с изделиями, выполненными в скифском зверином стиле.

Обращает на себя внимание почти полное тождество культуры местного населения степного и предгорного Крыма этого времени с раннетаврской культурой, представленной в могильниках горного Крыма (каменных ящиках южнобережного района и Гераклейского полуострова). Так, инвентарь погребения у с. Белоглинки, как указывалось выше, является типичным и для таврских захоронений и по украшениям, и по керамике. Скифские изделия в таврских каменных ящиках представлены так же, как и в большинстве рассмотренных погребений: в виде оружия (мечи, наконечники стрел)[1], предметов уздечного набора (удила)[2]. Эти вещи датируются в своем большинстве V в. до н. э. Быть может, в горный Крым скифское влияние проникало с некоторым запозданием. Интересно, что у тавров не было найдено изделий в скифском зверином стиле, в предгорном Крыму также пока еще неизвестно сочетание этих изделий с кизил-кобинскими в одной и той же могиле.

Приведенный материал еще раз подтверждает, что в доскифское и раннескифское время на территории горного, предгорного и отчасти степного Крыма жили родственные по культуре племена. Эти племена имели определенные связи с Северным Кавказом, что ясно прослеживается по инвентарю погребений (сравнить материал Нестеревского могильника[3], Байдарских каменных ящиков[4], раскопок Уварова на Южном берегу[5], Семенова-Зусера в горном Крыму[6], погребения у с. Белоглинки и др.).

Приблизительно во второй половине VI в. до н. э. начинается постепенное проникновение в степную и предгорную части Крыма кочевых скифов. В дальнейшем, после массового проникновения скифов с начала V в., местное население степей и предгорий было ассимилировано, горные же районы сохраняли свою самобытность, скифское влияние преимущественно заметно здесь в употреблении оружия скифского типа.

Хозяйство населения степных районов Крыма в VII—VI вв. до н. э. было кочевым, археологические памятники здесь представлены только погребениями; лишь на месте будущей Керкинитиды существовало поселение. В предгорьях преобладал оседлый образ жизни — на это указывают многочисленные поселения кизил-кобинской культуры. Хозяйство, скорее всего, было пастушеско-земледельческим. Об использовании коня

хранятся в ГМИИ, а не в Крымском областном краеведческом музее. Удивляет указанная автором граница по этому шоссе между скифами и предполагаемыми сатавками. Как известно, Феодосийское шоссе идет от Симферополя до Керчи по различным географическим районам: степи, предгорью и горам, и ни в коей мере не может считаться границей.

[1] Н. И. Репников. Предполагаемые древности..., рис. 17; 28, *23—28*; 29, *8*.

[2] Там же, рис. 19.

[3] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 28, рис. 24.

[4] Н. И. Репников. Указ. соч., рис. 28, 29.

[5] ГИМ, фонды, А 11/7в.

[6] С. А. Семенов-Зусер. Таврские мегалиты. Наукови зап. Харк. держ. пед. ин-та, 1940, стр. 115—116, рис. 18, 19, 21.

для верховой езды говорит костяной псалий из Симферопольского поселения[1]. Вероятно, население уже частично начинало переходить к кочевому хозяйству. Этот процесс, возможно, ускорило проникновение в Крым кочевых скифов. Позже VI в. до н. э. поселения здесь неизвестны.

С V в. в степном и предгорном Крыму происходят значительные изменения. Исчезают поселения. Появляются скифские погребения с костяками,

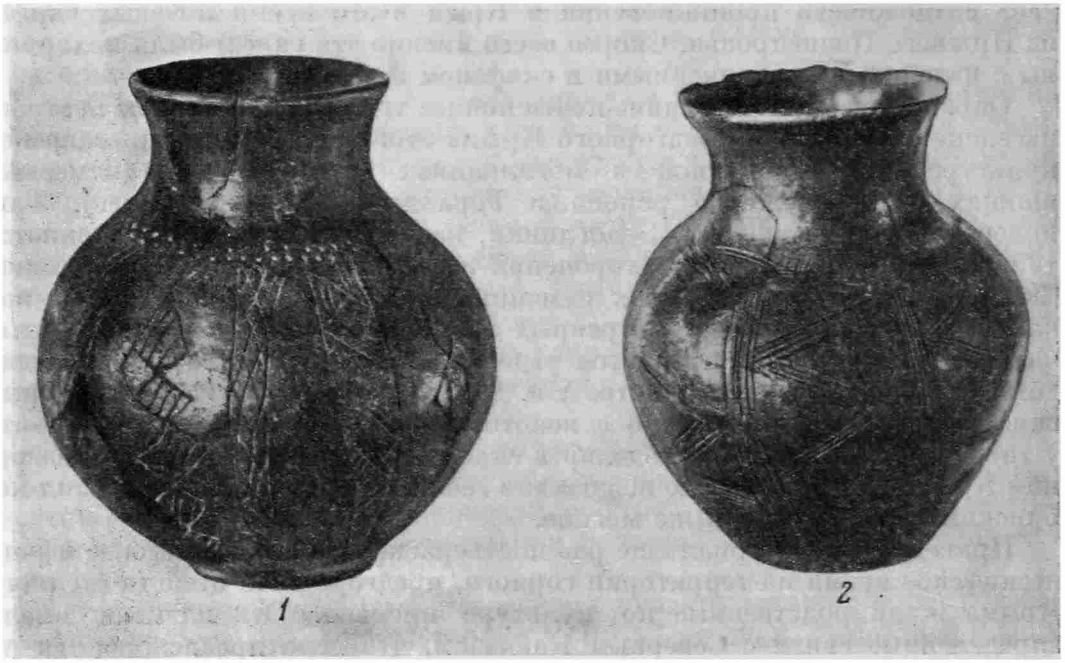


Рис. 5. Лепные лощеные сосуды:

1 — из Талаевского кургана 1895 г. (с. Фруктовое); *2* — из кургана № 1 на б. земле Бобовича под Симферополем, 1/4 нат. вел.

лежащими в вытянутом положении, головой на запад, с оружием и уздечным набором, выполненным в скифском зверином стиле, встречаются в могилах и конские кости. Таково, например, погребение в Золотом кургане[2]. Скифы ассимилируют местное население. Однако в V—IV вв. до н. э. оно еще не было окончательно ассимилировано.

Об этом можно судить по материалу инвентаря курганов, исследованных в 1895 г. близ Симферополя: Талаевского[3] и у с. Аркадьевка (б. Такил)[4]. В них найдены сосуды кизил-кобинского типа, не было характерных для скифов Крыма V—IV вв. до н. э. предметов конского набора и изделий в скифском зверином стиле; как и в предшествующее время, найдены кости быка и птицы, кости лошади не обнаружены. Все это нельзя объяснять предположением, что в данных могилах были погребены женщины. На мужские захоронения указывает сопровождающий погребения полный набор вооружения (железный панцырь, меч, бронзовые наконечники стрел). Скифское влияние в этих погребениях сказалось лишь в употреблении скифского вооружения. В кургане № 1 на б. земле Бобовича (близ Симфе-

[1] О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения, рис. 33, *3*.
[2] ОАК за 1890 г., стр. 4 и сл.
[3] ОАК за 1895 г., стр. 15.
[4] Там же, стр. 16.

рополя)[1], наряду с сосудом кизил-кобинского типа были уже и конские кости.

Кизил-кобинские сосуды этого периода по сравнению с сосудами из погребения у с. Белоглинки более плоскодонные[2]. Сосуд коричневато-серого лощения из Талаевского кургана (V—IV вв.) имеет шарообразное тулово и низкое, слегка расширенное кверху горло (рис. 5, *1*). Плечики орнаментированы двумя поясками из точечных наколов, от которых книзу идут вертикальные чередующиеся полосы с резным орнаментом. Близок к нему по форме, но имеет иной орнамент сосуд красновато-коричневого лощения (рис. 5, *2*) из кургана № 1 на б. земле Бобовича (V—IV вв.). Обломки сосуда из кургана у с. Аркадьевка в настоящее время утеряны, но, судя по описанию в книге описей Крымского областного краеведческого музея, они также характерны для кизил-кобинской керамики.

К середине IV в. до н. э. местное население степей и предгорий Крыма уже было окончательно ассимилировано скифами. На этой территории устанавливается единая скифская культура с отдельными локальными вариантами. При этом у скифов центрального Крыма продолжали сохраняться пережитки кизил-кобинской культуры. Они прослеживаются в форме погребальных сооружений (земляные ямы и каменные ящики), в обычае засыпания могил камнем, в отсутствии конских захоронений и предметов конского набора, а также и в керамике. В кургане № 1 у б. дер. Бахчи-Эли[3] в могиле IV—III вв. до н. э. найден лепной лощеный шаровидный сосуд, но уже без орнамента (рис. 4, *4*).

Так прослеживается непосредственная связь между лощеной керамикой кизил-кобинского типа VII в. и керамикой IV—III вв. до н. э. Ничтожное количество сохранившейся керамики из погребений IV—III вв. не дает возможности проследить традиции кизил-кобинской культуры в дальнейшем и с определенностью связать с нею скифскую орнаментированную лощеную керамику II—I вв. до н. э. Несомненно одно: традиции кизил-кобинской культуры продолжали еще долго жить у скифов Крыма. Они способствовали взаимным влияниям и связям таврской и скифской культур, начиная с III—II вв. до н. э. вплоть до первых веков н. э., что нашло свое наглядное отражение в скифских коллективных погребениях[4].

---

[1] ОАК за 1895 г., стр. 15.

[2] Хранятся в Крымском областном краеведческом музее.

[3] Архив ЛОИИМК, ф. 2, 109/1924, л. 56; Т. Н. Троицкая. Указ. соч., стр. 91.

[4] Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Автореферат канд. диссертации, 1954, стр. 15—16.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В БАССЕЙНЕ р. ПСЁЛ

Течение р. Псёл в археологическом отношении изучено значительно хуже остальной части левобережной лесостепи. Памятники скифского времени на этой территории почти совершенно не изучались.

Результаты небольших раскопок Н. Е. Бранденбурга, произведенных им в 1902 г. на курганном могильнике у с. Броварки в окрестностях Гадяча[1], не получили освещения в археологической литературе. Материалы из этих раскопок, ныне хранящиеся в Государственном Эрмитаже, остались неопубликованными и до настоящего времени не использованы в научном отношении. Помимо сведений о раскопках Н. Е. Бранденбурга, в которых участвовали В. В. Хвойко и С. А. Мазараки, никаких других известий об исследованиях скифских памятников на р. Псёл в дореволюционное время нет.

В 1948 г. верхнее и среднее течение р. Псёл в южной части Курской, в Сумской и Полтавской областях было обследовано разведкой И. И. Ляпушкина, выявившего здесь ряд новых памятников и определившего культуру и время многих поселений, известных здесь ранее по материалам В. Г. Ляскоронского, Д. И. Багалея, К. П. Сосновского, Н. Е. Макаренко[2]. Как показали исследования И. И. Ляпушкина, большинство поселений на р. Псёл относится к раннеславянскому и великокняжескому времени и лишь сравнительно небольшая часть — к скифской поре.

Значительная группа городищ и селищ скифского времени зарегистрирована им в верхнем течении р. Псёл в Обоянском и Беловском районах Курской области, Миропольском, Сумском, Лебединском районах Сумской области. Сведения о той части памятников, на которых впоследствии существовали поселения VIII—X, X—XIII вв. н. э. (городища у сел Картамышево, Гочево, Долгий Колодязь, Великая Рыбица, Ворожба), имеются в работе И. И. Ляпушкина, посвященной раннеславянским памятникам

---

[1] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 160—161.

[2] В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рек Псёл и Ворскла. Труды XIII Археол. съезда, т. I. М., 1907, стр. 158; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. Труды XII Археол. съезда, т. I. М., 1905; К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1. Курск, 1911, стр. 315—317; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917.

днепровского лесостепного Левобережья[1]. Более полные, к сожалению, пока еще не опубликованные данные о скифских памятниках в верховьях Псла (городище и селище у с. Бушмино, селище у с. Стригослы, городище и селище у с. Корочка, селище у с. Большая Чернешина) содержатся в архивных материалах[2].

В среднем течении Псла И. И. Ляпушкиным отмечено лишь одно городище скифского времени у с. Кнышевка Гадячского района Полтавской области, известие о котором, без определения культурной принадлежности, имеется у Ляскоронского[3] и у Макаренко[4].

В 1954 г. левобережной группой Среднеднепровской экспедиции Института археологии АН УССР были произведены раскопки курганов у с. Дудчанцы и городища у с. Кнышевка[5]. Этими небольшими работами по существу и ограничивается археологическое изучение памятников скифского времени на Псле.

Складывается впечатление, что бассейн р. Псёл значительно беднее памятниками скифской поры, чем соседние с ним бассейны рек Сулы и Ворсклы. Основные группы памятников скифского типа, особенно курганные поля, в украинской лесостепи были выявлены еще в конце прошлого и в начале текущего столетия и привлекли к себе внимание исследователей и любителей-коллекционеров. В бассейне Псла вновь произведенные разведки не обнаружили никаких новых мест сосредоточения памятников скифского типа, помимо тех, которые, хотя не вполне отчетливо, были выявлены в предшествующее время. Это обстоятельство, по-видимому, не является случайным. Топография скифских памятников в лесостепном Левобережье показывает, что все они, как правило, сосредоточиваются в лесах, располагающихся отдельными массивами вдоль правых высоких берегов рек, и не выходят на водораздельные участки плато.

Почвенная карта лесостепной полосы УССР, на которой местам древнего леса, частично сохранившегося до настоящего времени, соответствует распространение подзолистых почв и деградированного чернозема, показывает, что по течению Псла участков леса, выходящего на плато, было сравнительно немного. Один лесной участок находился в верховьях Псла, выше города Сумы, вплоть до впадения в Псёл р. Суджи, второй — несколько ниже, между Сумами и Лебедином, и, наконец, третий— в среднем течении Псла у г. Гадяч. Именно в этих местах и встречаются памятники скифского типа. Это наблюдение лишний раз доказывает, что жизнь населения скифской поры в лесостепи сосредоточивалась главным образом в лесах. Отсюда — сравнительно небольшая заселенность бассейна р. Псёл в скифское время. Очевидно, низкие пойменные леса, которыми богата долина Псла, не служили местами жизни населения в скифское время.

Бассейн р. Псёл представляет существенный интерес для изучения ранней поры железного века на Левобережье. Псёл, вместе со своим главным притоком Хоролом, занимает срединное положение между двумя крупными локальными группировками памятников скифской поры — посульской на северо-западе и ворсклинской на юго-востоке. Выяснение особенностей скифской культуры в бассейне Псла позволяет уточнить

[1] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения днепровского лесостепного Левобережья. Советская археология, т. XVI. М.— Л., 1952, стр. 17, 40, археологическая карта.

[2] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ИИМК 1948 г. Архив Ин-та археологии АН УССР.

[3] В. Г. Ляскоронский. Указ. соч., стр. 168.

[4] Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 2.

[5] Кроме автора, в раскопках участвовала аспирантка ИИМК В. Г. Петренко.

область распространения этих племенных группировок. Необходимо выяснить, к какой из этих культурных групп относится бассейн Псла.

К числу исследованных погребальных памятников скифского времени на р. Псёл относятся четыре кургана, раскопанных Н. Е. Бранденбургом в 1902 г. у с. Броварки, несколько курганов в той же местности, исследованных В. В. Хвойко, и два кургана, исследованных нами в 1954 г. у с. Дудчанцы.

Курганная группа у с. Броварки[1] находится непосредственно на территории этого села и в его ближайших окрестностях, на мысу правого высокого берега р. Псёл, круто поднимающегося здесь над пойменной долиной. Курганы расположены вдоль берега узкой полосой на участке длиной около 1—1,5 км, при ширине не более 250—330 м. В восточной части могильника вдоль берегового обрыва расположены цепочкой четыре крупных нераскопанных кургана конической формы, с крутыми склонами, высотой около 10 м. В западной части могильника сосредоточено около десятка курганов высотой 2—3 м. Курганов средней и малой величины насчитывается в настоящее время не менее 200. Очевидно, раньше их было значительно больше, так как основная часть могильника, находящаяся на усадьбах колхозников и на ближайшем к селу участке поля, ежегодно распахивается.

Наибольший курган этой группы, имевший первоначальную высоту не менее 12—14 м, находится в западной части могильника на расстоянии 150—200 м от края берега. Курган этот разрыт круглым колодцем, вершина его срезана. Возможно, что эти раскопки были произведены Бранденбургом, Хвойко или Мазараки. Во всяком случае, метод, которым были произведены раскопки, очень похож на тот, которым эти же исследователи раскапывали курганы Посулья. Однако в публикации раскопок Бранденбурга не имеется сведений о раскопках курганов такого большого размера.

По количеству курганов и размерам некоторых насыпей могильник у с. Броварки, несомненно, принадлежит к числу выдающихся курганных групп в Левобережье и является самым большим в бассейне р. Псёл. Он почти не затронут раскопками и представляет ценный объект для археологических исследований.

В «Журнале раскопок» Н. Е. Бранденбурга курганы у с. Броварки записаны под № 502—505.

Курган № 502 имел высоту 3,5 м. В центре кургана под насыпью была обнаружена могильная яма 4,2 м длины, 3,5 м ширины, 2,5 м глубины. В яме находились остатки деревянного склепа и гнезда от четырех столбов. Могила оказалась разграбленной. Сохранившиеся на первоначальном месте кости ног скелета указывают, что костяк был ориентирован головой на юг. По левую сторону от погребенного были найдены обломки железных изделий, часть рукоятки ножа с костяной обкладкой (рис. 1, *8*). Справа у головы лежали два железных наконечника копья (рис. 1, *1*), а несколько в стороне — остатки трех железных удил с железными псалиями, девять бронзовых блях от узды, три бронзовые ворварки. С этой же стороны могилы лежали череп и кости какого-то крупного животного. В северо-восточном углу могилы, вне склепа, лежали черепки простой амфоры.

Три пары псалий, найденные в могиле, — одинаковые, с двумя отверстиями в расширяющейся средней части, с концами, плоско раскованными в форме лезвия топорика, загнутыми в разные стороны. К одному псалию (рис. 1, *9*) пристала крупная бронзовая бляшка в виде орлиной головки;

[1] Описание Броварской курганной группы дается на основании осмотра ее в 1954 г. В «Журнале раскопок» Н. Е. Бранденбурга она ошибочно указана на левом берегу Псла.

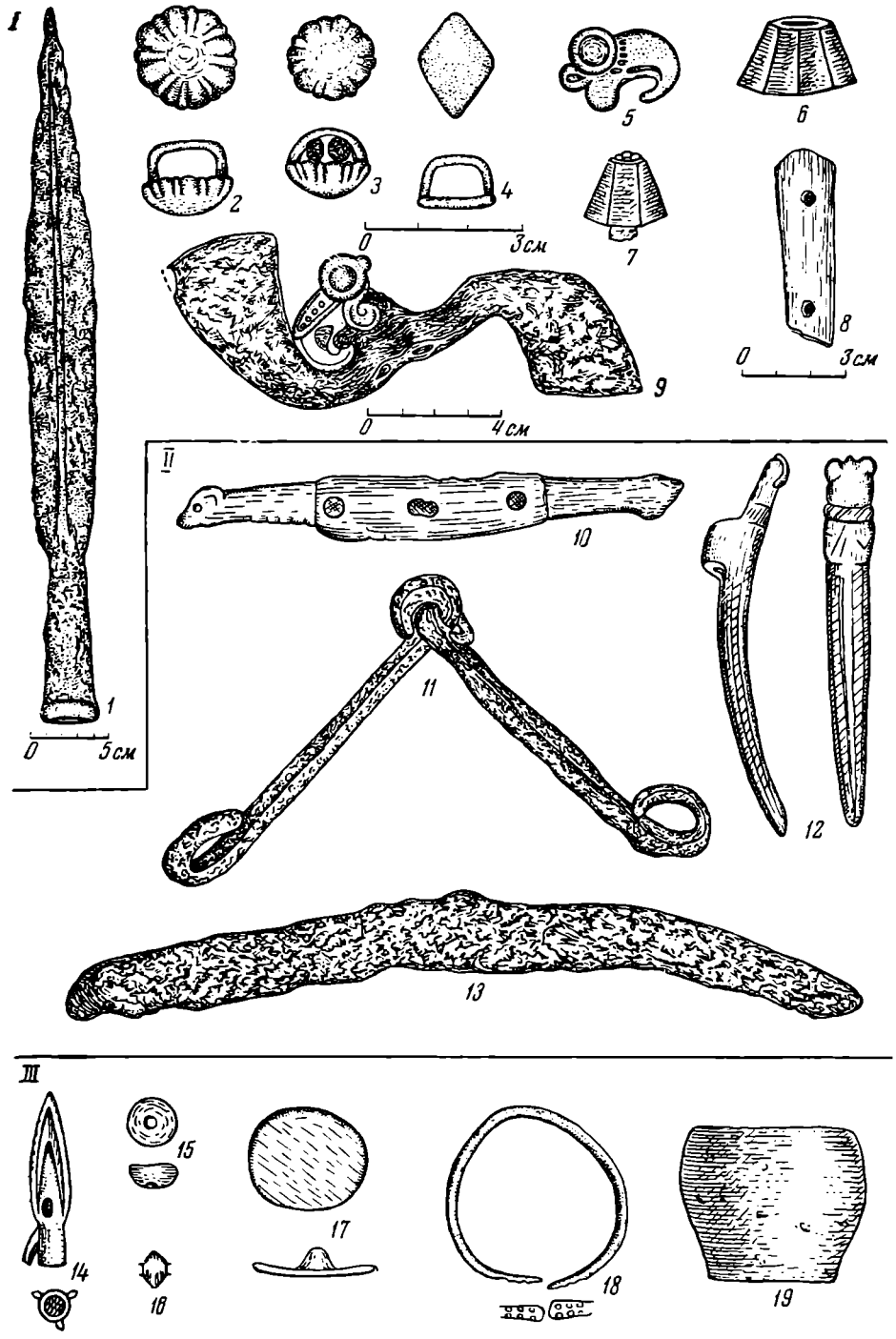


Рис. 1. Предметы из курганов у с. с. Броварки и Дудчанцы:

I. Из кургана № 502 у с. Броварки: *1* — наконечник копья; *2—5* — бляхи; *6 — 7* — ворварки; *8* — обкладка ножа; *9* — псалий. *II*. Из кургана № 503 у с. Броварки: *10—11*— псалий и удила; *12* — обкладка конца лука; *13* — нож. *III*. Из кургана № 1 у с. Дудчанцы: *14* — наконечник стрелы; *15* — *16* — бусы; *17* — бляшка; *18* — браслет; *19* — сосуд.

из других уздечных блях одна имеет вид орлиной головки, несколько меньших размеров (рис. 1, *5*), вторая — вид ромба (рис. 1, *4*), три — форму выпуклых розеток с рельсфными рубчиками (рис. 1, *2*), три бляхи подобной же формы, но несколько меньших размеров (рис. 1, *3*), одна — крупная восьмигранная ворварка (рис. 1, *6*), две — шестигранные, меньших размеров (рис. 1, *7*).

Псалии и бронзовые бляхи уздечного набора позволяют датировать погребение серединой V в. до н. э.

Курган № 503 имел высоту 2,8 м. Открытая в центре могильная яма была ориентирована по оси север-северо-восток — юг-юго-запад; длина ее 4,2 м, ширина 2,8 м, глубина 2,5 м. Следов деревянного склепа при описании могилы не отмечается. Погребение разграблено, ориентировка не ясна. Сохранившиеся остатки инвентаря позволяют предположить, что захоронение было парным — мужское и женское. К предметам женского погребения можно отнести бронзовое зеркало, обломок гладкого серебряного браслета[1] и плоское каменное блюдо утюгообразной формы (не сохранилось).

Мужское захоронение сопровождали: нож, костяная пластинка от лука, обычные железные удила (рис. 1, *11*), пара пластинчатых костяных псалий с тремя отверстиями (рис. 1, *10*). Верхний конец псалия оформлен в виде головки животного [барана?], нижний — в форме конского копыта. Нож (рис. 1, *13*) — железный, большой, со слегка изогнутым клинком, отличающийся по форме от обычных скифских ножей, очевидно, он служил предметом вооружения. Обкладка конца лука (рис. 1, *12*) сделана из распиленной по длине трубчатой кости животного. Во внутренней стороне идет желобок, здесь же находится кольцевая муфточка из нерспиленной части кости. Пластинка изогнута, один конец ее заострен, противоположный конец широкий, оформленный в виде схематически выполненной головки животного. Наружная сторона, выпуклая в разрезе, украшена резным геометрическим узором.

Кроме перечисленных вещей, в северо-восточном углу ямы оказались черепки от глиняной амфоры (не сохранились). Находка в погребении таких раннескифских предметов, как костяные псалии и каменное блюдо, позволяет датировать его серединой — второй половиной VI в. до н. э.

В кургане № 504 (высота 4,2 м) была обнаружена могильная яма размерами 2,8 × 2,1 × 0,7 м. Погребение оказалось разграбленным. Все найденные предметы, очевидно разбросанные грабителями, оказались в нижней части насыпи. Отсюда происходят: обломки от нескольких (по-видимому, от пяти) наконечников копий, два железных меча, сто сорок один бронзовый наконечник стрел, два глиняных сосуда, два железных ножа с костяными ручками (рис. 2, *4*, *5*).

Все наконечники стрел из этого кургана (рис. 2, *2*) принадлежат в общем к одному типу трехгранно-пирамидальных, удлиненных, со скрытой втулкой. Такие наконечники имели особенно широкое распространение в скифских колчанных наборах конца V—IV вв.до н. э. На эту же дату указывает и железный меч с овальным навершием, бабочковидным перекрестием эфеса и сильно сужающимся клинком (рис. 2, *1*). Второй меч имел широкий клинок с закругленным концом, из-за плохой сохранности форма его не ясна.

Один сосуд (рис. 2, *7*) представляет собой небольшой горшочек (высота 7,5 см) с корпусом, расширяющимся на середине высоты, с обозна-

[1] Эти предметы были переданы В. В. Хвойко и поэтому в коллекции Бранденбурга в Эрмитаже отсутствуют.

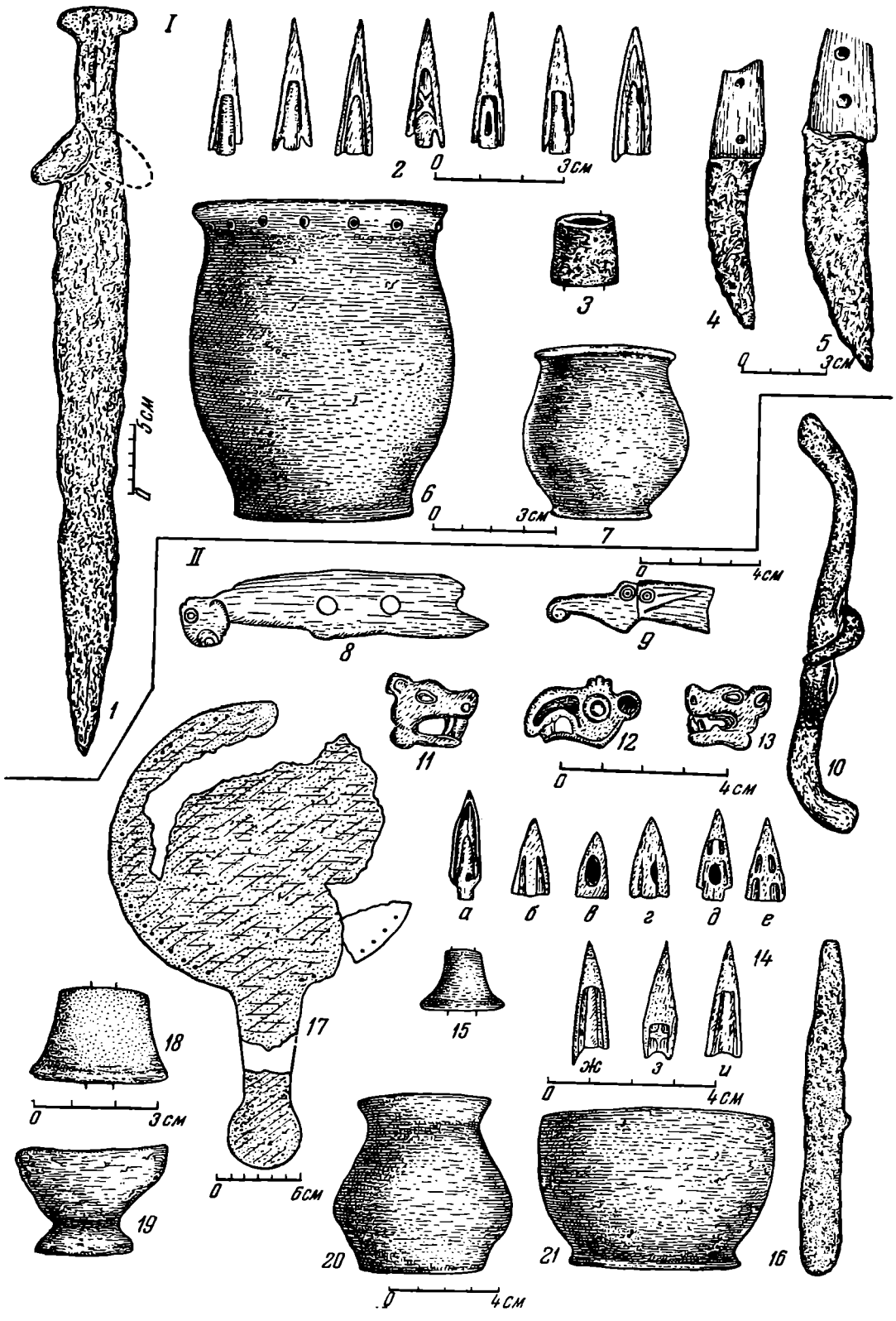


Рис. 2. Предметы из курганов у с. Броварки:

I. Из кургана № 504: *1* — меч; *2* — наконечники стрел; *3* — ворварка; *4—5* — ножи; *6—7*—сосуды. II. Из кургана № 505: *8—10* — псалии; *11—13* — бляшки; *14* — наконечники стрел; *15* — ворварка; *16* — нож; *17* — зеркало; *18* — пряслице; *19—21* — сосуды.

ченной шейкой и плавно отогнутым венчиком; поверхность темного цвета, заглаженная; орнамента нет. Второй горшок несколько бóльших размеров (высота 13,5 см), со слабо профилированным корпусом, шейка слегка сужена, днище широкое, ниже края венчика проходит ряд сквозных круглых отверстий, проткнутых изнутри (рис. 2, *6*). Глина — с примесью грубого шамота, поверхность неровная, шероховатая, имеет красноватый цвет.

Курган № 505, так же как и другие, оказался разграбленным. Размер насыпи, устройство и величина могилы не указаны. Судя по остаткам инвентаря, погребение было парным.

В коллекции Бранденбурга из этого кургана сохранились 29 бронзовых наконечников стрел (рис. 2, *14*); четыре пары железных удил в обломках, при одной из них были найдены железные псалии, имеющие форму буквы S, с двумя отверстиями (рис. 2, *10*); шесть обломков костяных псалий с тремя отверстиями, украшенных резными изображениями головок животных (рис. 2,*8*, *9*); четыре амулета из просверленных клыков кабана; две бронзовые бляшки в виде головки грифона (рис. 2, *12*); две пары бляшек в виде львиных головок в профиль, обращенных попарно в разные стороны (рис. 2, *11*, *13*); бронзовая воронкообразная ворварка (рис. 2, *15*); железный нож с закругленным концом (рис. 2, *16*); точильный оселок.

К числу предметов женского погребения относятся: большое глиняное пряслице в форме усеченного конуса (рис. 2, *18*); бронзовое зеркало из тонкой пластинки (диаметр 21,5 см), с точечным орнаментом по краю, с боковой плоской ручкой, имеющей круглый конец (рис. 2, *17*). Кроме того, в могиле были найдены три небольших глиняных сосуда. Один из них — мисочка (высота 4,5 см) на высокой полой изнутри ножке, сделан грубо, поверхность неровная, шероховатая (рис. 2, *19*); второй сосуд (рис. 2, *20*) имеет вид горшочка с корпусом, расширяющимся к низко поставленному поясу. Третий сосуд (рис. 2, *21*) представляет собою широкую миску (высота 7 см, ширина 10 см), поверхность темная, шероховатая, со следами копоти.

Обращает внимание несколько смешанный состав инвентаря этого погребения, в котором наряду с архаическими костяными псалиями есть характерные для начала V в. бронзовые бляшки конского убора. Таким же смешанным составом отличается набор наконечников стрел. Два из них (рис. 2, *14*,*а*) — трехлопастные с удлиненной втулкой, архаического типа, восемнадцать (рис. 2, *14*, *б*, *в*, *г*, *д*, *е*) — относятся к типу невысоких трехгранных с широким основанием и укороченной втулкой (базисные и опорно-втульчатые по Рау), типичных для колчанных наборов начала V в., девять наконечников стрел (рис. 2, *14*, *ж*, *з*, *и*) — трехгранной формы, удлиненных пропорций, со скрытой втулкой и заостренными концами граней. По-видимому, погребение может быть отнесено к первой половине V в. до н. э.

Помимо вещей из курганов № 502—505, в собрании Н. Е. Бранденбурга, хранящемся в Эрмитаже, имеется еще несколько скифских вещей из курганов у с. Броварки, не упоминающихся в «Журнале раскопок»[1]. К их числу относятся: железный меч (длина 57 см) с овальным навершием, бабочковидным перекрестием и сильно сужающимся клинком (рис. 3, *1*) и два железных наконечника копья (рис. 3, *2*, *3*).

В Киевском историческом музее хранится макет погребения в кургане у с. Броварки, раскопанном В. В. Хвойко. Судя по макету, погребение

[1] Краткий указатель коллекции Артиллерийского музея. Составили Давыдов, Генделевич, Воронец. М., 1927, стр. 65.

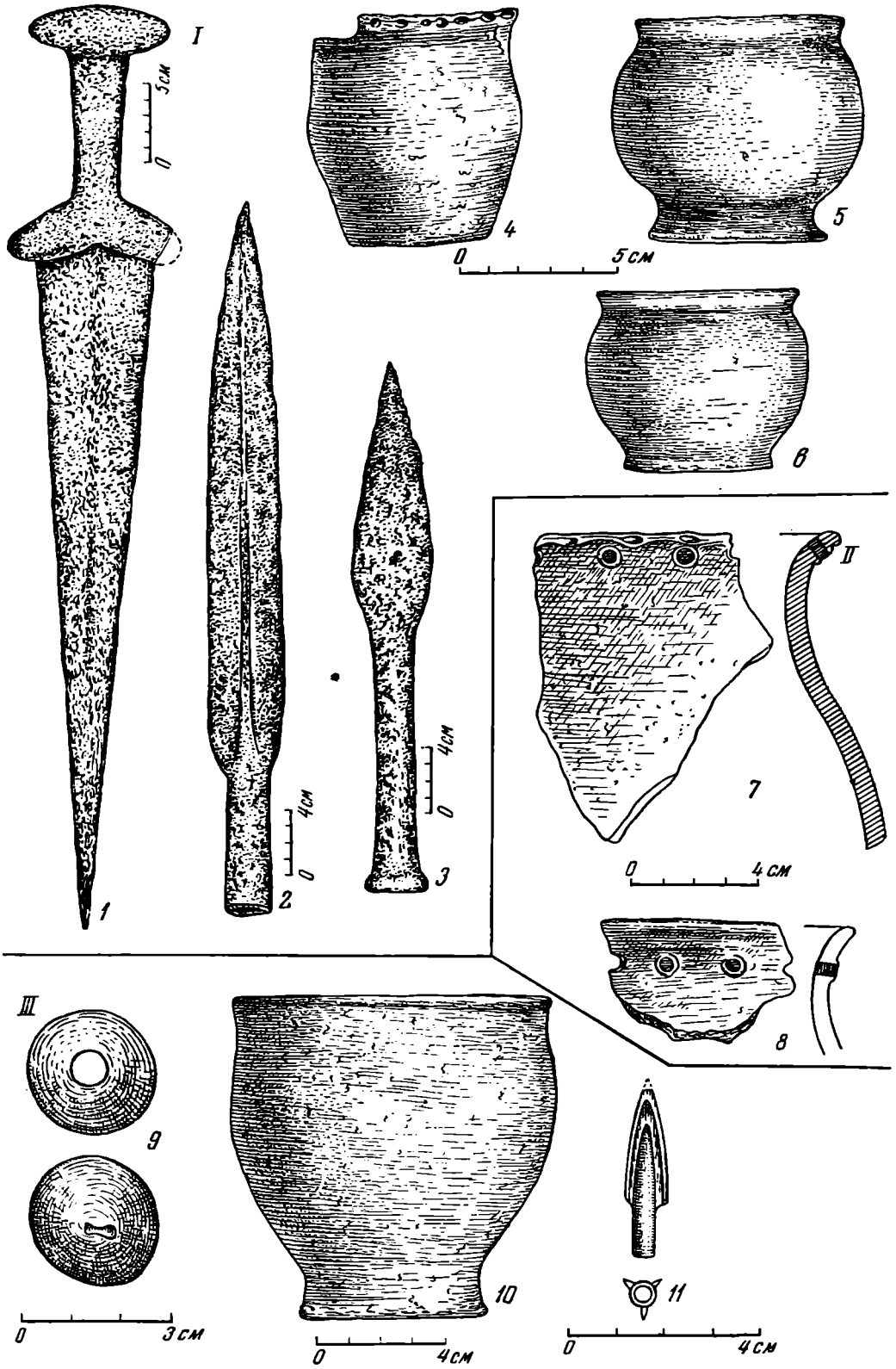


Рис. 3. Предметы из курганов у с. с. Броварки и Дудчанцы:

I. Из кургана у с. Броварки: *1* — меч; *2—3* — наконечники копий, *4—6* — сосуды. *II*. Из распаханного кургана у с. Дудчанцы; *7—8*—черепки от сосудов. *III*. Из кургана № 2 у с. Дудчанцы; *9*—бляшка; *10* — сосуд; *11* — наконечник стрелы.

было совершено в деревянном, позднее сожженном, склепе. На макете изображена прямоугольная могильная яма в центре курганной насыпи. На дне ямы видны следы поперечных бревен от деревянного пола. По краям ямы — обугленное дерево от поперечного перекрытия могилы, отдельные обгорелые плахи обрушились в яму. Стенки могилы и нижняя часть насыпи обожжены. Погребенный лежит в вытянутом положении на спине. В головах находится большая глиняная миска. У края могильной

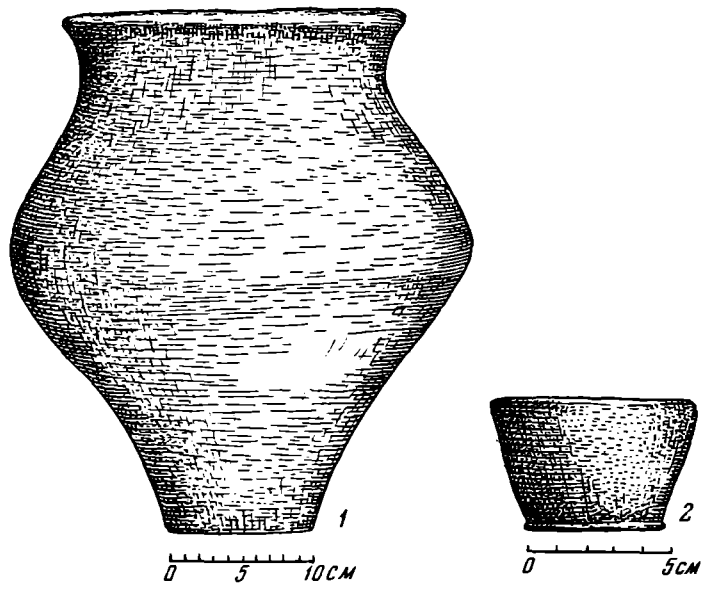


Рис. 4. Сосуды (1—2) из кургана у с. Броварки.

ямы сверху стоит глиняный горшок. В коллекции Киевского музея хранится несколько глиняных сосудов из курганов у с. Броварки (раскопки В. В. Хвойко и С. А. Мазараки). Один из них (рис. 4, *1*) весьма похож на изображенный на макете. Это высокий биконический горшок со слабо отогнутым венчиком, сильно расширяющимся у пояса корпусом и непропорционально маленьким неустойчивым дном (высота горшка 36 см, диаметр пояса 31 см, диаметр днища 9 см); в глине — шамот; поверхность — заглаженная, с серыми и бурыми пятнами. Кроме того, в музее хранится обожженная кость человеческой ноги с застрявшим в ней трехлопастным наконечником стрелы с длинной втулкой[1]. В каталоге музея отмечено, что эта кость из погребения с сожжением в кургане у с. Броварки, раскопанном В. В. Хвойко (по-видимому, из погребения, с которого был сделан макет).

Помимо этих предметов, в Киевском музее находятся еще четыре небольших горшочка из курганов у с. Броварки, раскопанных В. В. Хвойко и С. А. Мазараки. Один из них (рис. 3, *4*) — с корпусом, расширяющимся у середины, слабо отогнутым венчиком. По наружному обрезу венчика нанесен орнамент в виде неглубоких оттисков, сделанных пальцем. Цвет поверхности рыжеватый, в глине — шамот, поверхность неровная, плохо заглаженная, высота 8 см. Два других горшочка (высота 6, 5 и 8 см) — с широким округленным корпусом и слабо отогнутым венчиком, без орнамента; особенность одного из них составляет высокое днище с выступаю-

[1] Киевский исторический музей, № 10838.

щим краем (рис. 3, *5*, *6*). Четвертый горшочек (высотой 4,5 см) имеет вид невысокой открытой баночки или глубокой миски с прямыми расширяющимися стенками (рис. 4, *2*).

Курганный могильник у с. Дудчанцы расположен в таких же топографических условиях, как и могильник у с. Броварки, на небольшом мысу правого высокого берега р. Псёл, между селами Дудчанцы и Плешивец, на расстоянии около 300 м к северо-востоку от с. Дудчанцы. Бóльшая часть могильника находится в лесу Цепковского лесничества. Курганы расположены очень близко один от другого, так что нередко сливаются пóлами. Высота наибольших из них не превышает 3—3,5 м. Часть группы, расположенная в лесу, никогда не распахивалась. Она интересна тем, что дает представление о первоначальном виде курганных полей. Интересно отметить сравнительно небольшой диаметр курганов при значительной крутизне их склонов. Наиболее крупные имеют в поперечнике всего 15—17 м, небольшие — 8—10 м. Южная часть могильника расчищена из-под леса, участок распахивается, и курганы здесь почти уничтожены; большинство из них имеет вид едва заметных бугорков. После пахоты на поверхности поля заметны рыжеватые пятна от стертых курганных насыпей. На двух таких «пятнах» были выпаханы из разрушенных погребений человеческие кости и черепки глиняных сосудов (рис. 3, *7*, *8*) с пальцевыми нажимами по краю и сквозными проколами под венчиком. Могильник у с. Дудчанцы был неизвестен. Сведения о нем нам сообщил учитель истории средней школы в с. Веприк, краевед Г. С. Гурский. Раскопанные нами курганы находились на очищенном из-под леса участке могильника.

Курган № 1 имел высоту 0,75 м, диаметр 16 м (очевидно, ранее диаметр кургана был значительно меньше). Могильная яма ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ; форма ее прямоугольная со скругленными углами, длина 2,5 м, ширина 1,1 м, глубина от уровня погребенной почвы 0,55 м.

Погребение оказалось разграбленным. В центральной части насыпи были найдены бронзовый трехлопастный наконечник стрелы архаического типа со втулкой и шипом (рис. 1, *14*), небольшая биконическая бусина из золотисто-зеленого стекла (рис. 1, *16*), бусина из белой фаянсовой массы (рис. 1, *15*), бронзовая круглая плоская бляшка от конской узды, с петлей на обратной стороне (рис. 1, *17*) и обломки человеческого черепа.

В средней части могилы, на дне оказались только два обломка кости руки. Неподалеку лежал браслет из бронзовой, круглой в сечении проволоки с плоскими несомкнутыми концами, на которых виден орнамент в виде трех пар шишечек (рис. 1, *18*). В южной половине могилы были найдены три биконические бусины золотистого стекла, подобные найденной в насыпи кургана. Очевидно, эти бусы от ожерелья на шее; по ним можно судить, что погребение было ориентировано на юг.

Кроме основного захоронения, в 5,5 м к северо-востоку от центра в верхнем горизонте погребенного чернозема было открыто впускное погребение. Костяк, по-видимому женский, лежал на спине, вытянуто, головой на юго-восток. У черепа, выше правого плеча, находился небольшой (высота 5,5 см) горшочек баночной формы со слегка суженным венчиком (рис. 1, *19*), наружная поверхность его темного цвета, с рыжеватыми пятнами, примесь в глине — шамот, поверхность неровная.

Курган № 2 имел высоту 1,1 м, диаметр 20 м. Могильная яма — в центре, ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. Длина 3 м, ширина 1,75 м, глубина 1 м от уровня погребенного чернозема. У края ямы в восточной части, на уровне погребенного чернозема, заметны следы истлевшего дерева, по-видимому, деревянного перекрытия могилы. Погребение оказалось совершенно разграбленным. В засыпке ямы были найдены

обломок железа и круглая выпуклая бронзовая бляшка с небольшой петелькой сзади (рис. 3, *9*), с наружной стороны на месте присоединения петельки — круглая заклепка. В западной части насыпи была найдена кость человеческой голени и возле нее бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с длинной втулкой и укороченными концами граней (рис. 3, *11*), относящийся по типу к позднеархаическим (конец VI — начало V в. до н. э.). В насыпи кургана был найден, кроме того, горшок баночной формы, высотой 11,7 см, на высоком днище, с расширяющимися от дна к поясу стенками (рис. 3, *10*). Диаметр венчика почти такой же, как и диаметр корпуса, шейка едва намечена. Наружная поверхность красноватого цвета с темными пятнами, глина с шамотом, поверхность бугристая.

Погребальные памятники в бассейне р. Псёл имеют много общего с курганами Посулья. Это сходство, если не сказать тождество, наблюдается в расположении курганных полей компактными группами на высоких мысах коренного берега, в единообразии погребального обряда, преобладающей ориентировке могильных ям по оси север-юг северо-северо-восток — юг-юго-запад, ориентировке погребенных в южном направлении.

Так же как и на Суле, на Псле в ранних могилах часто встречаются изделия из резной кости, в частности костяные псалии. Изображение головки коня на костяном псалии из кургана № 505 имеет многочисленные аналогии среди костяных псалий Посулья, где изображение конских головок, исполненных в определенной манере, является одним из излюбленных и часто воспроизводимых образов звериного стиля[1]. Костяная обкладка конца лука из кургана № 503 имеет аналогии в кургане № 2 у с. Волковцы (раскопки Мазараки), где была найдена пара костяных обкладок концов лука такого же устройства[2]. Еще одна костяная обкладка, к сожалению, сохранившаяся значительно хуже, происходит из кургана у с. Великие Будки[3]. Большие железные однолезвийные ножи, подобные найденным в кургане № 503, отличаются по типу от обычных железных ножей с горбатой спинкой, бытовое назначение которых многократно подтверждено находками их совместно с костями животных — остатками напутственной пищи. Крупные железные ножи нередко встречаются в инвентаре ранних мужских погребений Посулья в числе других предметов вооружения[4].

Полную параллель сосудам из Посулья представляет глиняная посуда, найденная в курганах. Так же как и на Суле, здесь широко распространен обычай ставить с умершим небольшие горшочки и мисочки, имевшие, скорее всего, вотивное значение. Все сосуды, найденные в курганах на Псле, имеют самые близкие аналогии по формам, размерам, технике изготовления и наружной отделке в многочисленных сосудиках, происходящих из курганов Посулья[5].

---

[1] Например, костяные псалии из курганов Роменского уезда (Древности Приднепровья, вып. II, табл. LI, 531), кургана у хутора Шумейко (Древности Приднепровья, вып. III, табл. XLIX, 529, табл. L), из кургана у с. Великие Будки, урочище Провалье (раскопки Д. Я. Самоквасова), Волковцы, курган № 477 (раскопки Н. Е. Бранденбурга), Волковцы, курган № 12 (раскопки С. А. Мазараки 1886 г.).

[2] Древности Приднепровья, вып. II, стр. 7, табл. XXXII, 507.

[3] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской Земли. М., 1908, стр. 110.

[4] Курган Старшая Могила; курган № 446 у с. Аксютенцы (раскопки Н. Е. Бранденбурга); курган № 5 у с. Аксютенцы (раскопки С. А. Мазараки 1886 г.); курган № 1 у с. Волковцы (раскопки Мазараки 1886 г.); курганы № 478 и 495 у с. Волковцы (раскопки Бранденбурга); курган № 485 у с. Плавинищи (раскопки Бранденбурга).

[5] В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 168 и сл.

Городище у с. Кнышевка (см. план, рис. 5) расположено на расстоянии 0,5 км к западу от с. Кнышевка, на краю высокого правого берега Псла. Могильник у с. Броварки находится в 2—2,5 км к западу от городища, а могильник у с. Дудчанцы — на таком же расстоянии к северо-востоку от него.

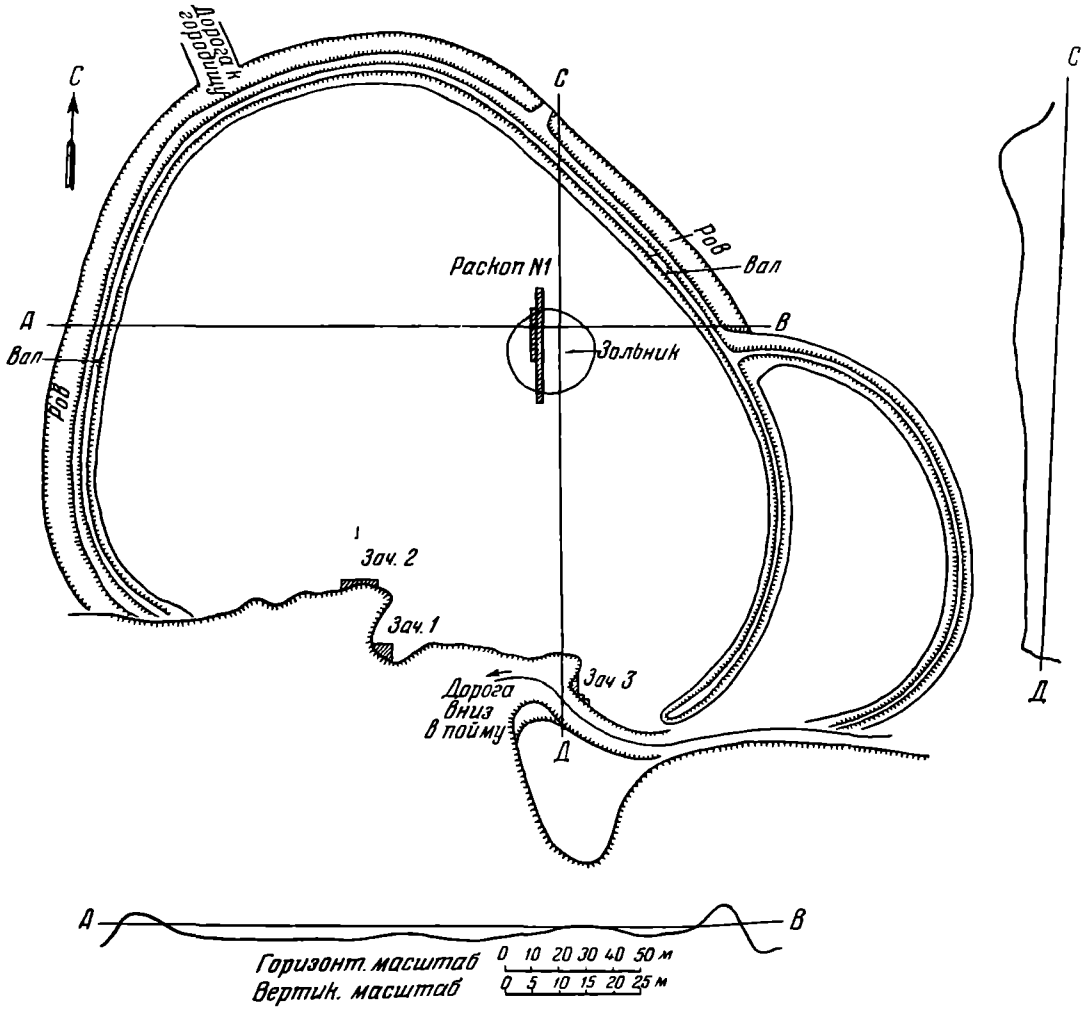


Рис. 5. План и профили городища у с. Кнышевка.

Городище в плане подковообразное. Южная сторона его примыкает к крутому обрыву берега, с трех остальных сторон оно не имеет естественных рубежей и ограждено валом и рвом. Наибольшая длина городища по линии юго-восток — северо-запад 265 м, поперечник 215 м. Высота вала со стороны поля в восточной части 1,8 м, в западной 1,3 м. Ширина основания вала 12—15 м, ширина верхней части вала 4—8 м. Ров сильно заплыл и едва прослеживается. В нескольких ямах, вырытых на поверхности вала, и в обнажениях его видны комья обожженной глины и уголь. В обрезе западной части вала в обрыве видна докрасна прокаленная глина. Очевидно, при строительстве вала этого городища, как и многих других городищ скифского времени в лесостепной полосе УССР, был применен прием обжига основания вала. В юго-восточной части, с наружной стороны к валу примыкает второй дугообразный отрезок вала, создающий с этой стороны вторую линию укреплений. Возможно, что здесь находился вход

в городище в виде узкой тропинки, поднимающейся вверх по склону на площадку городища.

Уровень площадки городища в черте вала на 0,7 — 1 м выше уровня окружающего поля, вследствие накопившихся здесь культурных наслоений. В северо-восточной части городища находится курганообразный зольник, поперечник которого равняется 30—35 м, высота 0,6 м. Поперек зольника в направлении с севера на юг была проложена траншея длиной 52 м и шириной 2 м (раскоп № 1). В центральной части зольника эта траншея расширена до 4 м. У южного края площадки городища были сделаны три небольших раскопа (зачистки 1, 2, 3).

При раскопках зольника удалось установить, что действительный диаметр его значительно меньше, чем это казалось при наружном осмотре. Диаметр его не превышает 15 м, толщина в центральной части 1—1,2 м, у краев толщина зольного слоя 40—50 см. За пределами зольника культурный слой состоял из чернозема с пятнами глины. Количество культурных остатков в зольном слое несколько больше, чем в окружающей его земле, но состав их совершенно одинаковый. В северной стороне траншеи, за пределами зольника, на глубине 0,5 м обнаружен сплошной завал глиняной обмазки от стен жилища.

В основании зольника и окружающего его культурного слоя, отличающегося сероватым оттенком почвы, находится коричневатый чернозем, содержащий незначительное количество культурных остатков. По всей вероятности, этот слой представлял собой древний уровень поверхности городища. Интересно отметить, что яма № 2, обнаруженная в северной части траншеи за пределами зольника, была вырыта от этого уровня. Под зольником, на поверхности погребенной почвы, обнаружена неглубокая западина грунта, глубина понижения 0,4 м, в поперечнике 10 м.

Основную массу находок в культурном слое составляют кости животных. Чаще всего встречаются обломки горшков обычной для Левобережья формы, с корпусом, расширяющимся у середины высоты, плавно отогнутым венчиком и невысоким днищем, иногда с выступающим краем. Профилировка сосудов несколько варьирует по степени суженности шейки, отгиба венчика, выпуклости плеча, но в целом они составляют один достаточно устойчивый тип. В большинстве горшки были орнаментированы по наружному обрезу края пальцево-ногтевыми отпечатками, реже — косыми насечками и сквозными круглыми дырочками под краем венчика, как правило, проткнутыми с внутренней стороны (рис. 6, *1*, *4*, *7*). Варианты орнамента зависят от частоты и глубины пальцевых оттисков. Встречаются горшки, украшенные только сквозными проколами, без рельефных отпечатков по краю венчика (рис. 6, *6*) и, наоборот, с косыми насечками или пальцевыми отпечатками без сквозных отверстий (рис. 6, *3*, *5*). Неорнаментированные горшки встречаются сравнительно редко (рис. 6, *2*). Примесь в тесте горшков, а также и других видов посуды, составляет шамот, отчего во многих случаях поверхность бывает неровная, бугристая. В отдельных случаях встречаются сосуды с более тщательно заглаженной поверхностью. Цвет поверхности чаще всего темный, с желтыми и бурыми пятнами. Черепок плотный и крепкий.

Из общего весьма значительного количества обломков посуды четыре фрагмента имели орнамент в виде налепных валиков. В двух случаях валик, украшенный пальцевыми нажимами, располагался по верхнему краю венчика (рис. 7, *26*), в одном случае — на шейке сосуда (рис. 7, *27*).

На днищах горшков встречаются отпечатки зерен злаковых растений, на одном — отпечаток грубой ткани из толстой пряжи.

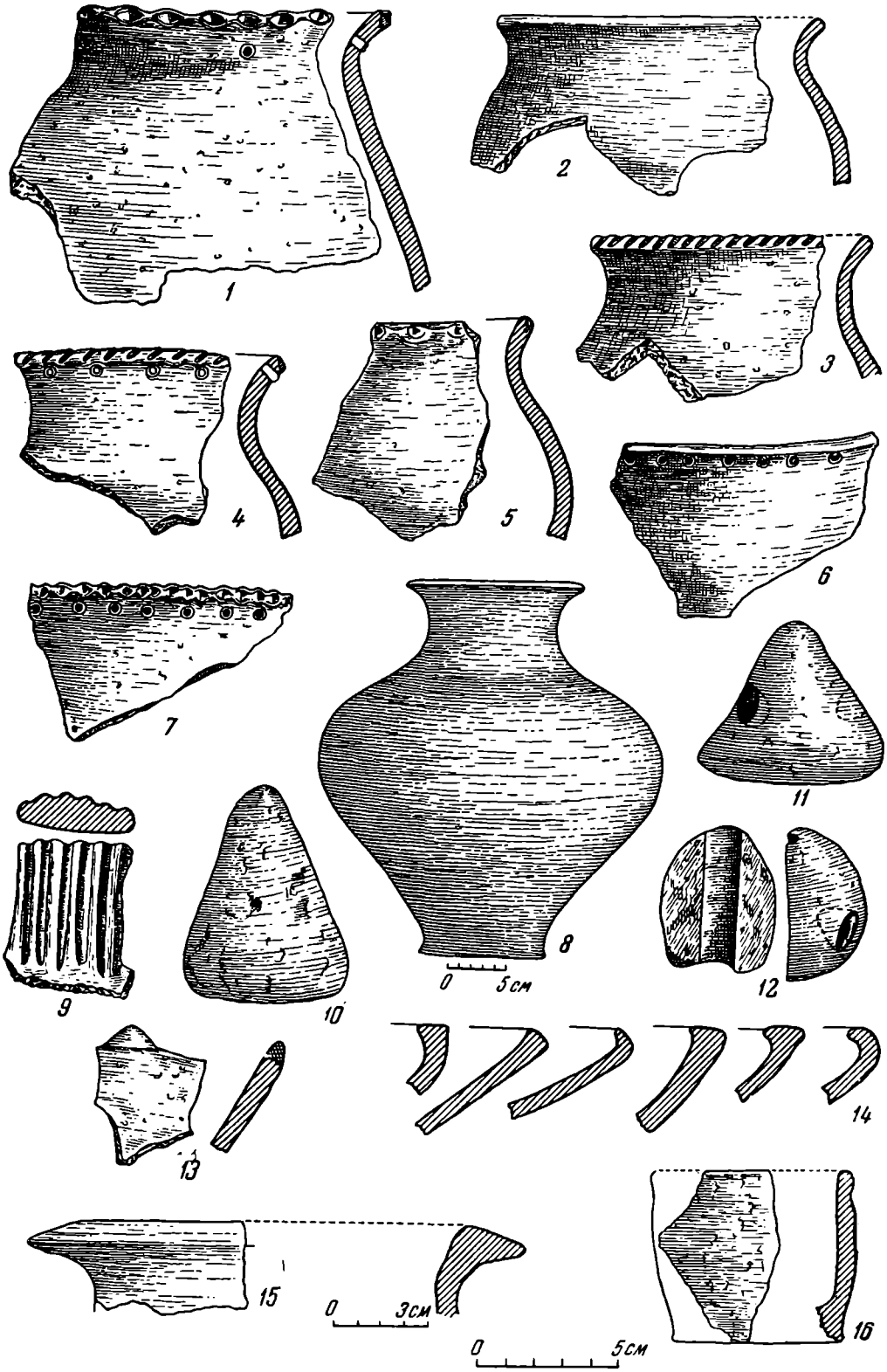


Рис. 6. Предметы из городища у с. Кнышевка:

1—7—обломки сосудов; *8*—сосуд; *9*— ручка от кувшина; *10—12*—грузила (конусы); *13*—обломок миски; *14* — профили верхних частей мисок; *15* — верхний край кувшина; *16* — обломок сосуда.

Весьма обычные находки составляют также обломки мисок с прямыми расширяющимися стенками. Верхний край у большинства из них плоско срезан и образует бортик с внутренней стороны. Встречаются миски с загнутым внутрь краем (рис. 6, *14*). Был найден обломок миски с округлым выступом у края (рис. 6, *13*). Поверхность мисок нередко бывает заглаженная, лощение отсутствует.

Встречаются сосуды в виде кувшина с высоким цилиндрическим горлом, резко отогнутым наружу краем венчика, образующим как бы козырек (рис. 6, *15*). Один такой сосуд удалось восстановить полностью (рис. 6, *8*). Он отличается довольно крупными размерами и значительной выпуклостью корпуса (высота 32 см, диаметр пояса 29 см). Цвет — бурый, с темными пятнами, поверхность заглаженная. Найдена широкая ленточная ручка от кувшина, украшенная с наружной стороны пятью продольными желобками (рис. 6, *9*).

Помимо сосудов большого размера, в культурном слое найдено несколько небольших сосудиков; обломки двух горшочков с прямыми вертикальными стенками (рис. 6, *16*), один из них имеет орнамент в виде неглубоких оттисков пальца по краю венчика (рис. 7, *29*); шесть мисочек, из которых некоторые на высокой ножке с перехватом (рис. 7, *25*, *31*), другие без поддона, с прямыми, воронкообразно расширяющимися стенками (рис. 7, *24*, *28*, *30*). Глина обычного качества, поверхность грубая, незаглаженная.

Найдена серия глиняных пряслиц и глиняных конусов, остающихся до сих пор предметами неизвестного назначения.

Пряслица обычных форм: шаровидные, овальные в сечении, биконические, в виде усеченного конуса, в виде плоского колесика. Некоторые сделаны из обточенного просверленного черепка (рис. 7, *14—21*).

Глиняные конусы (рис. 6, *10—12*) сделаны из рыхлой, слабо обожженной глины. Высота от 5 до 10 см. Встречаются такие же поделки яйцевидной и овальной формы. Многие из них — гладкие, другие имеют неглубокие вмятины, сделанные пальцем, реже встречаются конусы со сквозными проколами. Встречаются они в большом количестве, целые и в обломках. В средней части зольника, на глубине 0,2 — 0,4 м, была найдена кучка из 10 глиняных конусов.

Из прочих глиняных поделок интересен обломок фигурки какого-то животного (рис. 7, *9*).

Обломки греческих амфор встречались довольно часто во всех слоях. Большинство из них не поддается определению, несколько обломков ручек и горловин амфор относятся к раннеэллинистическому времени.

Кроме керамики, при раскопках найдены: обломок края скифского бронзового котла; четыре бронзовых трехгранных наконечника стрел поздних типов (рис. 7, *6*); две бронзовые, круглые в сечении ворварки (рис. 7, *4*, *5*); два железных четырехгранных шила (одно из них — на рис. 7, *3*); железная гвоздевидная булавка с круглой шляпкой (рис. 7, *2*); железная длинная булавка с головкой в виде двойной петли (рис. 7, *1*); железный нож с костяным черенком (рис. 7, *11*); костяная пластинка — заготовка для обкладки рукоятки ножа (рис. 7, *13*); несколько костяных проколок (рис. 7, *22*, *23*); костяная пряжка конской упряжи в виде кубика с парой поперечных сквозных отверстий (рис. 7, *8*); просверленные точильные оселки (рис. 7, *12*), гранитные терочники, свинцовое пряслице (рис. 7, 7).

Культурная и хронологическая связь городища у с. Кнышевка с описанными выше могилами в курганах у сел Броварки и Дудчанцы едва ли может вызывать сомнения. Памятники эти находятся на участке в 5 км вдоль края высокого берега Псла, причем городище занимает среди

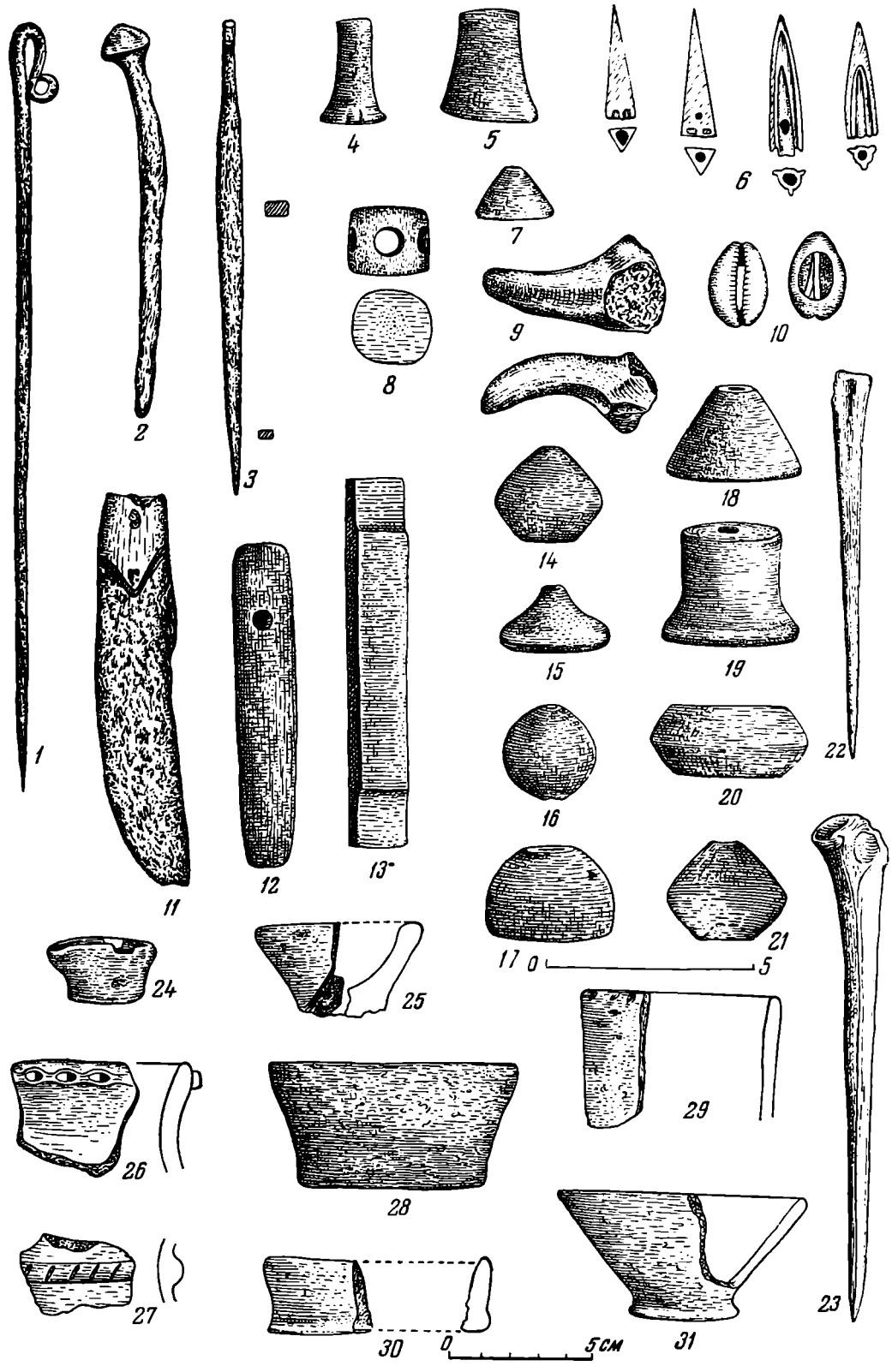


Рис. 7. Предметы из городища у с. Кнышевка:

1—2 — булавки; *3* — шило; *4, 5* — ворварки; *6* — наконечники стрел; *7, 14—21* — пряслица; *8* — пряжка; *9* — обломок фигурки; *10* — раковина; *11* — нож; *12* — оселок; *13* — обкладка ножа; *22—23* — шилья; *24, 28, 30* — сосуды целые и в обломках без поддона; *25, 31* — то же, с поддонами; *26—27* — обломки сосудов.

них центральное положение. Находка костяной просверленной пряжки от конской узды, не встречающейся в скифских погребениях позднее конца VI в. до н. э., увязывает ранний период существования городища с курганными памятниками VI в. до н. э. (курган № 503). Находка поздних наконечников стрел IV в. до н. э. совпадает с датой наиболее позднего из броварских курганов (№ 504). На городище и в курганах встречаются одинаковые бронзовые ворварки, ножи с горбатой спинкой и костяной ручкой, точильные оселки. Глиняная посуда на городище и в могилах одинакова. Разница заключается только в том, что в погребения чаще ставились горшочки и мисочки небольших размеров, а на городище преобладает бытовая посуда.

По своей материальной культуре Кнышевское городище на р. Псёл очень похоже на городища скифского времени в бассейне р. Сулы и, в частности, на Басовское городище[1]. Глиняная посуда городищ бассейнов Сулы и Псла представлена одинаковыми типами горшков, мисок, кувшинов, сосудов небольшого размера. Сходство их дополняется единством орнамента и одинаковым составом глиняного теста. По внешнему виду керамика Псла и Посулья совершенно неразличима. Однако при более тщательном рассмотрении удается установить, что глиняная посуда Кнышевского городища еще более проста и однообразна, чем в Посулье, варианты орнамента на ней еще более однородны. На Кнышевском городище не встречается вовсе орнамент в виде наколов с выпуклостями с наружной или внутренней стороны. Господствующим мотивом украшения служат сквозные проколы, во всех случаях сделанные изнутри, и пальцево-ногтевые отпечатки. По сравнению с районом Псла, на Суле чаще встречается неорнаментированная посуда или посуда, украшенная каким-либо одним видом орнамента — отпечатками пальца, косыми насечками или проколами, нанесенными как с внутренней, так и с наружной стороны.

На Суле кувшины и миски часто бывают отделаны хорошим лощением, тогда как на Псле лощеной посуды нет вовсе. Миски не имеют весьма обычного на Суле орнамента в виде сквозных дырочек или наколов с горошинами.

Несмотря на эти несущественные различия, не приходится сомневаться в том, что погребения и места поселения в бассейне Псла имеют тот же характер, что и памятники Посулья, и вместе составляют одну группу культуры скифского времени.

Исследование памятников скифского времени на р. Сейм, являющейся своего рода рубежом между лесостепью и более северной зоной леса, показало, что и здесь культура во многом схожа с культурой Посулья и бассейна р. Псёл. Однако она имеет при этом некоторые особенности, сближающие ее с юхновской культурой, памятники которой располагаются севернее, на Десне[2].

Работами Б. А. Шрамко[3] и П. Д. Либерова в настоящее время в значительной мере определен облик культуры скифского времени на Северном Донце. По мнению Б. А. Шрамко, керамика Северного Донца в общем весьма близка к посульской. Главное отличие ее заключается в том, что примесью в глине на Донце является песок, а не шамот, отчего черепок

---

[1] В. А. Ильинская. Верхнесульская экспедиция 1947 г. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV. Київ, 1952, стр. 34.

[2] В. А. Ильинская. Городище скифского времени на р. Сейм. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 109 и *сл.*

[3] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Автореферат диссертации. М., 1953; его же. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, стр. 105.

имеет несколько иную фактуру и более гладкую поверхность; в VI в. до н. э. на Донце несколько чаще встречается налепной, украшенный защипами валик, но отсутствует орнамент в виде наколов с горошинами.

А. Н. Москаленко выявлены особенности раннего железного века в пределах верхнего течения р. Дона[1]. Она указывает, что керамика находящихся там городищ имеет значительное сходство с керамикой одновременных памятников бассейнов Сейма, Сулы и Северного Донца, отмечая при этом некоторые черты местного своеобразия, заключающиеся в особом составе глиняного теста, отсутствии характерной для Посулья орнаментации в виде наколов с горошинами, относительно широком распространении лощеных сосудов.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о скифских памятниках лесостепной полосы к востоку от Днепра показывают, что на всей этой обширной территории, за исключением бассейна Ворсклы, в период с середины VI в. и до конца IV в. до н. э. была распространена весьма однородная культура, которую условно можно назвать «левобережной».

Насущнейшими задачами, стоящими перед исследователями скифского времени в Левобережье, являются вопросы о путях сложения этой культуры и о ее развитии в раннескифское время (VII — начало VI в. до н. э.).

---

[1] А. Н. Москаленко. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области. Доклады, прочитанные на краеведческой конференции в мае 1954 г. Воронеж, 1954.

А. А. ГАВРИЛОВА

РАСКОПКИ ВТОРОГО КАТАНДИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

(Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции 1954 г.)

Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции, руководимой С. И. Руденко, имели основной целью доследование большого Катандинского кургана, вскрытого В. В. Радловым в 1865 г., но оставшегося недокопанным. Попутно предстояло выяснить ряд вопросов, оставшихся неясными при прежних раскопках могильников близ с Катанда, производившихся В. В. Радловым в 1865 г. и С. И. Руденко в 1925 г. Как известно, близ этого селения находятся четыре могильника, обследованных Радловым, давшим их описание и номерные обозначения.

Первым могильником (Катанда I) Радлов назвал большой могильник на левом берегу р. Нижней Катанды.

Вторым могильником (Катанда II) был назван могильник, расположенный между речками Верхней и Нижней Катандой, около Большого Катандинского кургана.

Третьим могильником (Катанда III) назван был небольшой могильник на правом берегу р. Верхней Катанды.

И, наконец, четвертым могильником (Катанда IV) обозначен небольшой могильник, расположенный на р. Катуни к западу от устья р. Нижняя Катанда[1].

В. В. Радлов производил раскопки в 1865 г. на могильниках Катанда I и II. На интересовавшем нас могильнике Катанда II Радловым были вскрыты большой курган и девять могил VII—VIII вв. н. э. Результаты этих раскопок опубликованы наиболее полно А. А. Захаровым[2].

В 1925 г. на двух могильниках близ с. Катанда производил раскопки С. И. Руденко, сдавший коллекции в Гос. музей этнографии, где они были зарегистрированы под номерными обозначениями «Катанда I и II», но это, как выяснилось, не соответствовало обозначениям В. В. Радлова. Так, могильником «Катанда I» назван могильник, расположенный близ большого Катандинского кургана, обозначенный у В. В. Радлова могильником «Катанда II». На этом могильнике С. И. Руденко вскрыл два малых кургана VII—VIII вв. н. э. На могильнике,

---

[1] Архив ЛОИИМК, ф. I, 1865 г., дело № 8.

[2] А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. Труды ГИМ, вып. 1, М., 1926, стр. 80—106.

обозначенном в описи коллекции С. И. Руденко «Катанда II», им было вскрыто четыре малых кургана периода раннего железа.

Оставалось неясным, какой могильник из раскопанных С. И. Руденко назван могильником «Катанда II»; была ли это, как предполагал М. П. Грязнов, цепочка могил на интересующем нас втором Катандинском могильнике или совершенно другой могильник[1].

Необходимо было разобраться в этом на месте. Поэтому основное внимание при работах 1954 г. было уделено могильнику Катанда II. Произведена съемка плана могильника, учтены все нарушения насыпей, вскрыто пять малых курганов и, главное, раскопками доследован Большой Катандинский курган. Кроме того, осмотрен большой могильник Катанда I на левом берегу р. Нижней Катанды и осмотрен проездом могильник Катанда IV, к западу от устья р. Нижней Катанды[2].

Катандинская степь в верховьях р. Катуни, где находится Большой Катандинский курган, окаймлена со всех сторон белка́ми (горными хребтами со снежными вершинами): Теректинскими — с севера, Катунскими с г. Белухой — на юге, Чуйскими — на востоке, Тюгурюкским хребтом и отрогами Холзунских белков — на западе. Курган расположен между реками Верхней и Нижней Катандой, в 2 км к северо-востоку от села Катанда и, как упомянуто, входит в состав курганной группы Катанда II. Как видно на плане, этот могильник состоит не из 20 малых курганов, как писал Радлов, а насчитывает более 60 (рис. 1), и никакой отдельной цепочки могил здесь нет, как нет ее и на могильнике Катанда I. Как выяснилось, С. И. Руденко раскопал могилы периода раннего железа, расположенные цепочкой, в курганной группе Катанда IV. Это установлено на месте по фотоснимку и описанию могильника самим С. И. Руденко, совпадающему с описанием В. В. Радлова. В обоих описаниях указано, что этот могильник небольшой и находится, как уточнено С. И. Руденко, на берегу р. Катуни, в 750 м от впадения в нее р. Нижней Катанды.

Таким образом, на могильнике Катанда II до наших раскопок было вскрыто 11 малых курганов. Часть их оказалась или начисто разграбленными, или без погребений; сохранившиеся же погребения относятся к VII—VIII вв. н. э.

Из раскопанных нами на этом могильнике пяти малых курганов, диаметром от 3 до 7 м, три оказались начисто разграбленными (на плане—№ 5, 31 и 38), в четвертом (№ 14) не было погребения и только пятое погребение — женщины с конем (№ 22) — дало предметы, относящиеся также к VII—VIII вв. Здесь были найдены бронзовые серьги, обломок зеркала, поясные пряжки и бляшки, глиняное пряслице, роговые седельные канты, орнаментированные накладки на луки, седла и застежки, железные стремена, удила и роговые псалии с железными скобами.

Раскопки Большого Катандинского кургана в 1865 г. В. В. Радлов описал дважды: в работе «Aus Sibirien», откуда интересующая нас часть была переведена на русский язык А. А. Бобринским для «Записок Рус-

---

[1] Материалы из этих раскопок С. И. Руденко 1925 г., наиболее полно освещенные в докторской диссертации М. П. Грязнова, хранятся в настоящее время в Государственном Эрмитаже (колл. №№ 4390 и 4391). В полевой документации сохранился фотоснимок одной из раскопанных могил периода раннего железа. План цепочки курганов воспроизведен в диссертации М. П. Грязнова.

[2] В состав Катандинского отряда вошли: А. А. Гаврилова (начальник отряда), М. А. Сабурова (сотрудник Государственного исторического музея) и Л. А. Давыдова (сотрудник Горно-Алтайского музея). В работах отряда принимал участие Е. М. Виноградов, сделавший топографическую съемку могильника.

ского археологического общества», и в сборнике «Живописная Россия»[1]. Имеются в нашем распоряжении и первоисточники: рапорт В. В. Радлова в Археологическую комиссию от 23.I 1866 г. и «Список древностей, найденных на Алтае при раскопках летом 1865 г.»[2] Эти источники детально

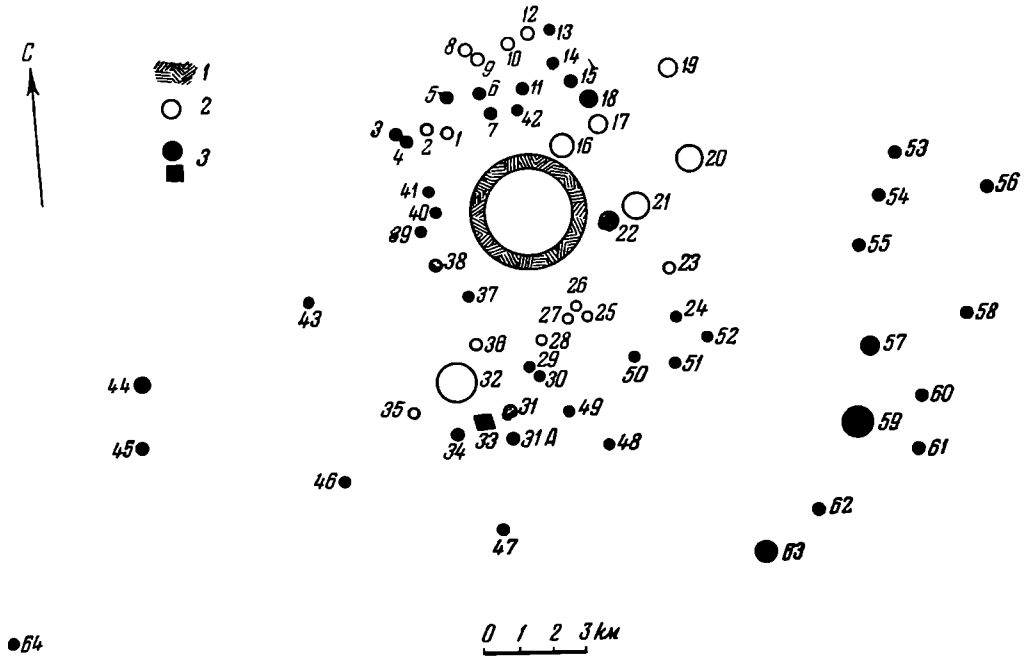


Рис. 1. Могильное поле Катанда II:

1 — задернованная каменная насыпь; *2* — раскопанные курганы и курганы с нарушенными каменными насыпями; *3* — нераскопанные или неопределенные памятники. Цифры на плане — №№ курганов.

проработаны А. А. Захаровым, издавшим дважды находки Катандинского могильника[3]. Как известно, ни сам Радлов, ни Захаров не смогли объяснить все части сооружения, вскрытого Радловым в Большом Катандинском кургане. М. П. Грязнов в своей диссертации, на основе раскопок Шибинского и Пазырыкского курганов, вновь пытался дать описание Катандинского кургана. Однако и у него еще многое осталось неясным. По мере накопления новых данных и материалов из раскопок последнего времени перед исследователями вставали, например, такие вопросы: имелось ли конское захоронение в Катандинском кургане или в могилу были положены вместо коней деревянные заседланные фигурки копытных животных, по-видимому лошадей, обнаруженные В. В. Радловым в погребальной камере. Вопрос этот, давно поставленный С. И. Руденко[4] и поддержанный С. В. Киселевым[5], требовал ответа, но ответить на него можно было только после доследования Большого Катандинского кургана.

[1] W. Radloff. Aus Sibirien. Löse Blätter aus meinem Tagebuch, II, Leipzig, 1893, стр. 106—109; В. В. Радлов. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Перев. А. А. Бобринского, Записки РАО, т. VII, СПб., 1896, стр. 37—39; В. В. Радлов. Древние аборигены Сибири. «Живописная Россия», т. XI, СПб.—М., 1884, стр. 16—17.

[2] Архив ЛОИИМК, ф. 1, 1865., дело № 8.

[3] А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири, стр. 80—100; Alexis Zakharou. Antiquites of Katanda (Altai). Journal of the Royal Antropological Institute, v. LV, 1925, стр. 41—51.

[4] С. И. Руденко. Скифская п облема и алтайские находки. Известия АН СССР, Серия истории и философии, № 6, (1944), стр. 274.

[5] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 340.

В настоящее время каменная насыпь Большого кургана заросла по краям травой и кустарником, а в центральной части растут деревья, до 14 м высотой (рис. 2). Диаметр насыпи 29,5 м с севера на юг и 34,5 м с запада на восток. В восточном направлении насыпь увеличена за счет выкида прежних раскопок. Высота кургана 2,10 м над уровнем степи.

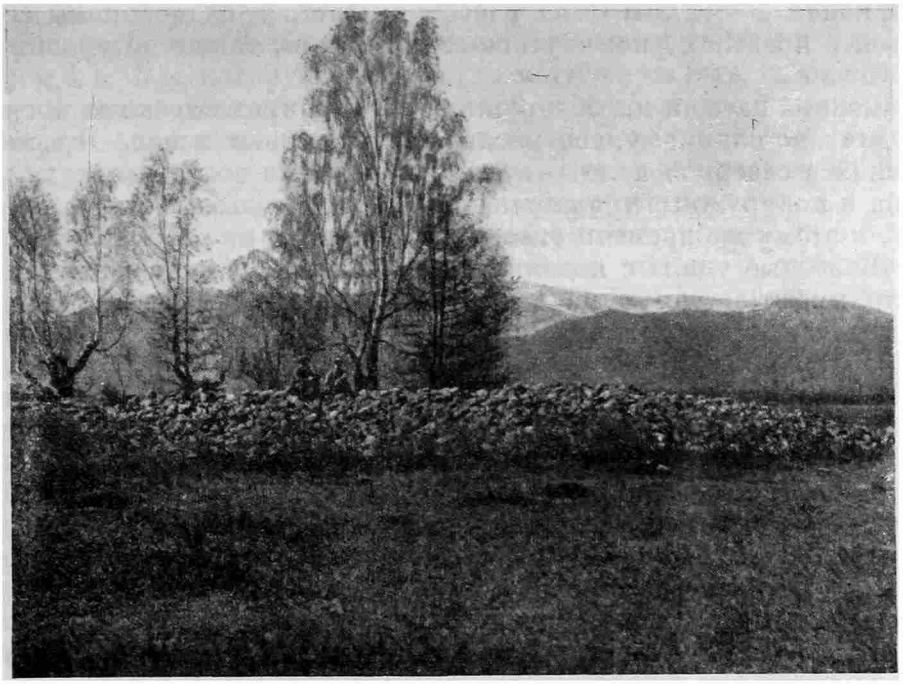


Рис. 2. Катанда II. Большой курган. Вид с востока.

Как известно, В. В. Радлов обнаружил в центральной части насыпи кургана в трех-четырех местах незначительные углубления, однако он высказал сомнение, «чтобы посредством их можно было дойти до дна такого огромного кургана»[1], и решил, что этот курган был разграблен лишь частично. Остатки разрушенного впускного погребения с конями, обнаруженные в насыпи, он принял за разграбленное конское захоронение основного погребения. Кроме того, в грабительском ходе, которым, как мы увидим, шел Радлов, на глубине около 4 м от поверхности насыпи, между камнями, в мерзлоте, Радловым были обнаружены остатки другого погребения человека с конями и железные удила с большими кольцами. А. А. Захаров и вслед за ним М. П. Грязнов считали, что эти находки были сделаны рабочими в насыпи и по ошибке отнесены к столь глубокому уровню. Нам кажется, что это могло быть погребение в грабительской яме, тем более, что, судя по находкам, опубликованным А. А. Захаровым, эти погребения подобны теленгетским XVII—XVIII вв.[2]

Раскопками Радлова, как известно, была разобрана центральная часть каменной насыпи с востока на запад, по-видимому, до уровня земляной насыпи. При наших раскопках были обнаружены углубления в северной и западной полах кургана и всхолмление — в его западной поле.

---

[1] Архив ЛОИИМК, ф. 1,1865 г., дело № 8.

[2] . . Захаров. Указ. соч., стр. 27, табл. II внизу.

Для выявления границ могильной ямы мы разобрали центральную часть насыпи также с востока на запад, раскопом 10 × 15 м, до уровня земельной насыпи по краям раскопа и до уровня погребенной почвы в центре раскопа.

Кроме того, раскопом 10 × 15 м с севера на юг нами была разобрана северная пола кургана на глубину до нижнего слоя камней по краям раскопа и до уровня погребенной почвы в его центральной части. И, наконец, раскопом 2 × 2,5 м была разобрана часть западной полы с запада на восток в пределах упомянутого всхолмления, также до уровня погребенной почвы.

В каменной насыпи мы обнаружили остатки трех впускных погребений и находки, по-видимому, еще из двух разрушенных могил. Предметы из погребений в северной поле — железные удила с эсовидными псалиями, стремена и подпружные пряжки могут быть отнесены к VII—X вв. По-видимому, к этому же времени относятся и черепки из разрушенного погребения. Железные удила с подвижными кольцами, обнаруженные в западной поле, имеют аналогию на Алтае в погребениях XIII—XIV вв.

Не поддается пока датировке найденное отдельно бронзовое височное кольцо, быть может, попавшее в насыпь случайно. Напомним, что и В. В. Радлов в насыпи нашел медный нож более раннего времени, чем время сооружения кургана.

Основное погребение, расположенное в центре кургана, при раскопках В. В. Радлова находилось в слое мерзлоты. Появление мерзлоты Радлов установил на 1 м ниже каменной насыпи, еще ниже в могиле был чистый лед, на дне могилы находилась вода.

После радловских раскопок в центре кургана осталась глубокая воронка диаметром около 10 м и глубиной 2,24 м, прикрытая небольшими деревьями и тальником, выросшими на земляном выкиде из раскопа. Нарушение режима мерзлоты радловскими раскопками привело к почти полному ее исчезновению.

При наших раскопках мерзлота появилась в северной поле на границе между каменной насыпью и погребенной почвой у края насыпи и в центральной части — между каменной насыпью и земляной, на уровне 1,70 м от репера[1].

В воронке мерзлота обнаружилась лишь на глубине около 3,0 м от репера. Сплошного льда в могиле не оказалось. И под насыпью, и в воронке мерзлота появилась в виде прослойки льда под камнями и в виде промерзлой земли. На глубине около 4,0 м от репера мерзлота исчезла.

В. В. Радлов оттаивал мерзлый грунт кострами и проник в могилу за 9 дней. Крупные камни, занимавшие значительную часть раскопа, нагревались от костров и способствовали быстрому оттаиванию грунта.

Для оттаивания мерзлоты, обнаруженной нами, достаточно было солнечного тепла.

Нам удалось выяснить, что каменная насыпь после снятия дерна имела диаметр около 40 м. Северная ее часть, высотой до 2,10 м, лежала на уровне 1,70 м от репера на земляной насыпи. Нижний слой каменной насыпи был сложен из крупных валунов, верхние слои — из булыжников, пересыпанных мелкой галькой. Кладки у края насыпи не оказалось. Никаких дополнительных сооружений около насыпи не обнаружено.

Земляная насыпь состояла из желтой глины и песка, смешанных

[1] Репером нам служила высшая точка северной полы каменной насыпи, отмеченная на растущей у края воронки березе.

с галечником. В северной части нами установлен ее радиус в 6 м, следовательно, ее диаметр равнялся приблизительно 12 м. Земляная насыпь первоначально возвышалась над могилой, затем вместе с надмогильным сооружением осела в могилу. В южной части могильной ямы, имевшей в верхней части форму круга диаметром около 6 м, хорошо прослеживалось темное пятно радловского раскопа, отличающееся от плотно сцементированной опустившейся в могилу земляной насыпи.

В. В. Радловым, по-видимому, была обнаружена аналогичная картина. Как мы знаем, после разборки каменной насыпи он увидел очертания ямы размером 4 × 5 м, которую и принял за могильную яму, считая окружающий ее плотно сцементированный слой земляной насыпи за материк. В действительности же им была открыта не могильная яма, а прорезавший земляную насыпь грабительский ход. Ведя свой раскоп по этой яме, В. В. Радлов проник прямо в юго-восточную часть могилы.

На уровне 3,0 м от репера радловский раскоп сузился до 4,5 × 2,5 м, и таким образом исследователем была изучена только $^1/_3$ могильной ямы.

Радловская воронка была использована для кладбища скота. Это продолжалось до недавнего времени, судя по заполнявшим ее свежим костякам лошадей и коров и современным предметам (горлышко бутылки, обломок рашпиля, обрывок санитарного журнала с новой орфографией). Из вещей, относящихся к основному погребению, в радловской воронке найдены: обрывок листового золота (на глубине 2,0 м от репера), кусок доски с красноватой поверхностью, обломки черепа и тазовой кости человека (на глубине 3,0 м) и куски бересты (на глубине 3,80 м). В воронке сохранились угли — от радловских костров. Заполнение воронки — земля, булыжники, крупные валуны.

Не затронутая грабителями и радловским раскопом северная и западная части могилы позволили проследить очень любопытную картину. Гумусный слой погребенной почвы не прерывался у края могилы, а опускался от края могилы на глубину около 2,0 м под углом в 45° до поверхности бревенчатого наката, находившегося на уровне около 4,0 м от репера.

С южного края могилы этот слой был нарушен прежними раскопками, сохранились лишь его незначительные части. С северного и западного края этот гумусный слой сохранился полностью (рис. 3, *1*).

На спускающейся книзу гумусной прослойке лежали остатки древесины от тонких бревен или толстых досок, истлевших до размочаленного состояния. Бревна лежали параллельно, в направлении с северо-запада на юго-восток. Судя по их остаткам, сохранившимся с трех сторон могилы (4— у северного края, 2—у западного и 1 —у южного), и по прослеженным концам бревен, заходящим на 1 м за край могильной ямы с восточной стороны, вся могила была перекрыта этим деревянным перекрытием.

В. В. Радловым это перекрытие было обнаружено над накатом в северной части, где радловский раскоп шире грабительского хода, и было им истолковано как крыша.

М. П. Грязнов более правильно объяснил это сооружение как дощатое перекрытие, но неправильно счел его за перекрытие наката. В действительности же это было перекрытие могильной ямы.

Совершенно неожиданным оказалось заполнение ямы над накатом. Между накатом и гумусной прослойкой находилась чистая желтая глина с песком; на пространстве между стенками могилы и концами бревен наката этот слой достигал мощности в 1,5—2 м. Как мог попасть в могилу этот чистый, не смешанный с землей грунт?

Как можно заключить по обрезу в стенках могильной ямы, для того чтобы выкопать эту яму, нужно было снять дерн с площади круга ди-

аметром 6 м, затем вынуть находившийся под ним слой желтой глины с прослойкой песка, мощностью около 1 м, ниже которого залегал

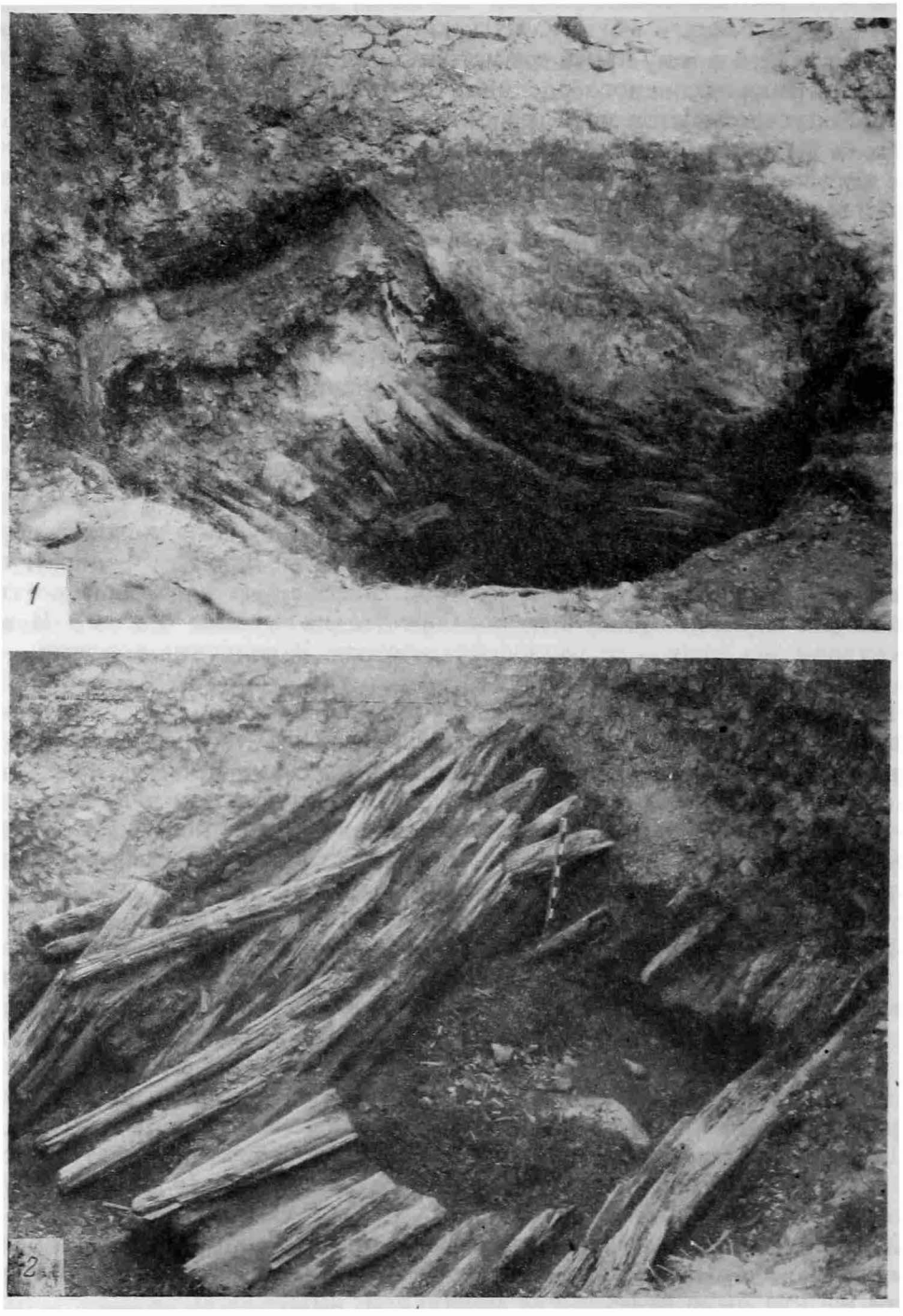


Рис. 3. Катанда II. Большой курган:
1 — остатки заполнения могилы над накатом; *2* — грабительский лаз в накате.

слой галечника, вычерпанный до дна ямы, до глубины около 6 м от репера. Судя по засыпке могильной ямы поверх наката чисто-желтой глиной с песком, без примеси земли и галечника, и по перекрытию этой засыпи гумусным слоем, очевидно, что дерн и глини-

сто-песчаный грунт были сложены отдельно от галечника и затем использованы для засыпки могилы поверх наката, заложенной затем дерном и перекрытой дощатым перекрытием. Галечник в чистом виде был использован для засыпки нижних слоев могильного сооружения, а смесь галечника с оставшимся глинисто-песчаным грунтом—для сооружения земляной насыпи.

Над накатом, кроме желтой глины и гумусной прослойки по всей поверхности могильной ямы от уровня 3,50 до уровня 4,0 от репера, обнаружены крупные валуны размерами до 90 × 45 × 40 см, такие же, как в нижнем слое насыпи.

Бревенчатый накат, находившийся на уровне около 4,0 м от репера, был сложен из бревен, положенных по линии северо-запад — юго-восток. Бревна длиной 4,0—4,5 м, диаметром 0,10—0,30 м, перекрывали всю могильную яму в 4—5 слоев, а около середины наката бревна лежали в 7—8 слоев.

В верхнем слое бревна лежали не параллельно, а под острым углом одно к другому. Края наката понижались к его центральной части на 0,30—0,40 м. На комлевых концах бревен наката имелись проушины в виде пары прямоугольных отверстий, служившие, видимо, для доставки бревен волоком к могиле и для спуска в нее.

Посредине южной части наката, ближе к его восточному краю, грабителями был прорублен широкий лаз, размерами 1,80 × 2,0 м (рис. 3, *2*). Над восточной частью лаза мы обнаружили остатки толстого бревна, лежавшего поперек бревен наката.

Судя по описаниям и схематическим чертежам, В. В. Радлов, проникший в могилу через грабительский лаз, принял его за «сруб». Он отметил лежащие под острым углом бревна с северной и южной сторон «сруба», что соответствует положению не разрубленных грабителями бревен верхнего слоя наката, и лежащие «вдоль» могилы короткие бревна коротких сторон «сруба» длиной около 1,0 м, что соответствует размерам и положению обрубков бревен наката с восточной стороны могилы (рис. 4).

Под бревнами наката, на уровне от 4,45 до 4,80 м от репера, мы обнаружили верхние концы шести столбов, поддерживавших три горизонтальные балки, на которых покоился накат. Столбы высотой от 2,20 до 2,30 м и диаметром от 0,56 до 0,62 м в верхней части и от 0,52 до 0,53 м в нижней части были поставлены на дно могилы вершинами вниз, комлями кверху; из них только центральный с северной стороны был вкопан в землю на 0,15 м.

На верхушке каждого столба имелась выемка, в которую вставлялся конец балки. В отличие от выемок на столбах в Пазырыкских курганах, имевших корытообразную форму, здесь выемки делались прямоугольные, с высокими закраинами, такие же, как в кургане в Шибе.

На всех столбах было сделано по три пары проушин со стороны выемки, а в одном случае имелись еще две дополнительные проушины сбоку. По-видимому, они служили для доставки столбов к могиле волоком, на трех парах лошадей.

Описанное сооружение было ориентировано, так же как и накат, не по странам света, а с отклонением центральной оси к северо-востоку. В дальнейшем же мы эти направления будем называть для удобства по странам света.

Южный ряд столбов стоял почти вплотную к южной стенке могилы, северный—отступя от северной стенки могилы на 0,80 *м*. Между северным рядом столбов и северной стенкой могилы на уровне верхушек столбов обнаружено конское захоронение (рис. 5, *1*).

Лежавшие на столбах балки при раскопках В. В. Радлова, по-видимому, все были целыми. Как известно, он разрубил одну из них, чтобы вынуть на обрубке лежавший на балке заледенелый сверток с вещами.

При наших раскопках оказалось, что центральная балка, проходившая под грабительским лазом, перерублена посередине, тогда как

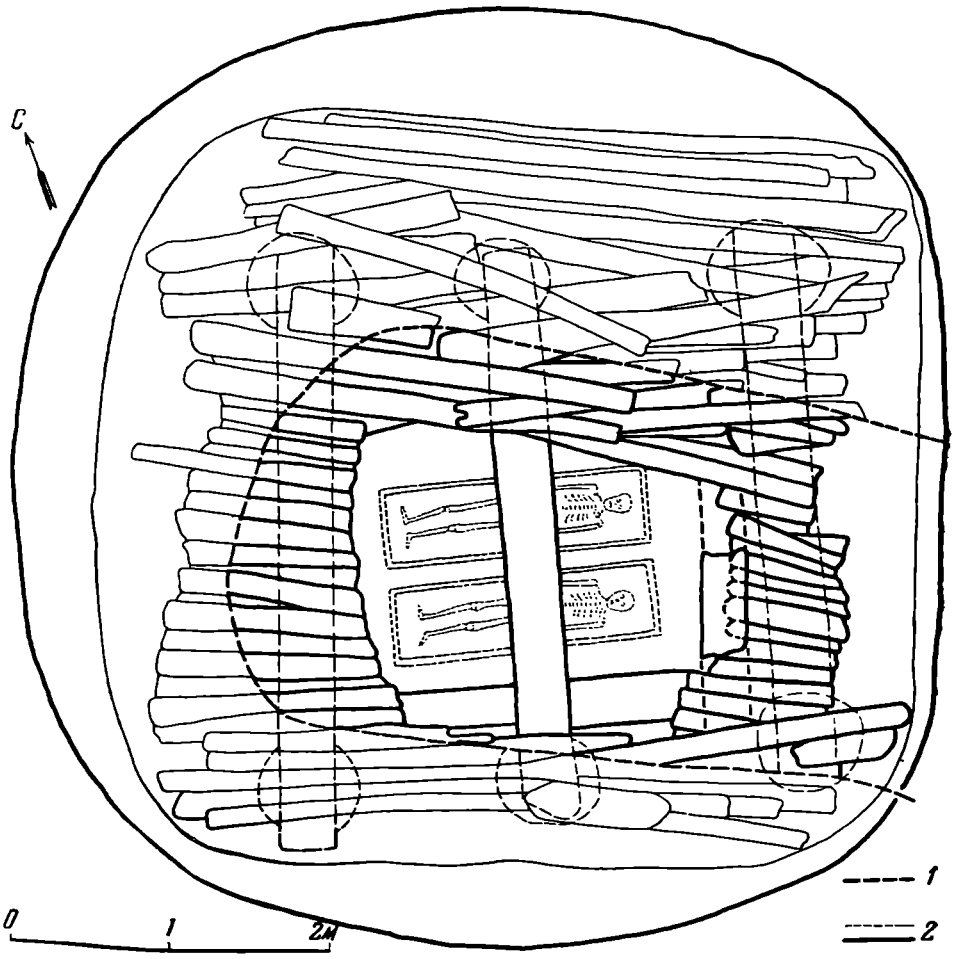


Рис. 4. Катанда II. Большой курган. Что видел и чего не видел В. В. Радлов (реконструкция):

1 — границы радловского раскопа; *2* — предметы, виденные и описанные В. В. Радловым.

западная и восточная балки переломились посередине и обрушились вниз.

Реконструируя положение балок по отношению к грабительскому лазу, мы можем заключить, что Радлов мог видеть только одну балку — центральную, отмеченную им как «западное» поперечное бревно. Что же касается восточной балки, то Радлов не мог ее видеть в грабительском лазе, так как она находилась под бревнами наката и могла быть видна лишь сбоку, в юго-восточном углу грабительского лаза. Остается предположить, что Радлов видел в восточной части лаза не восточную балку, а какое-то другое бревно, может быть, то, остатки которого нами были обнаружены на бревнах восточной части наката (рис. 4). Не исключена возможность, что виденное Радловым поперечное бревно, которое могло быть положено грабителями для предотвращения обвала, позволило ему

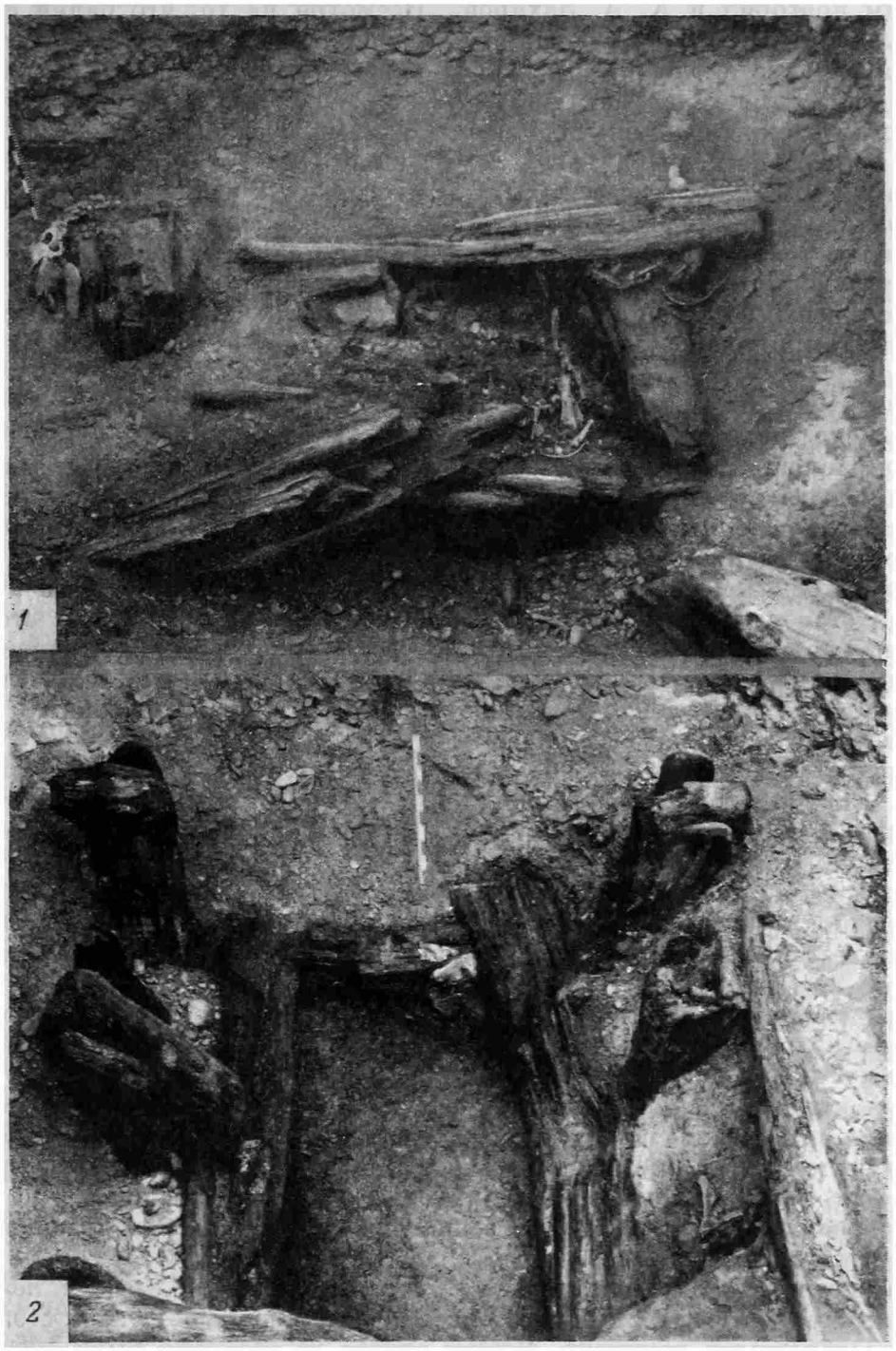


Рис. 5. Катанда II. Большой курган:
1 — конское захоронение; *2* — погребальная камера с остатками потолка.

принять и это бревно и балку за «распорки» стенок «сруба», что вслед за ним повторил и А. А. Захаров. Несмотря на то, что балки сильно разрушены, у некоторых сохранились проушины, такие же, как и на столбах.

На глубине около 6 м от репера, между рядами столбов, находилась камера (рис. 5, *2*), ориентированная короткой осью на северо-восток на 24°, с деревянным полом, двойными стенками и двойным потолком. Размеры внутреннего сруба 1,5 × 3,0 м, высота 0,90 м, размеры внешнего сруба 2,0 × 3,20 м, высота 1,0 м. Срубы сложены из 6—7 венцов бревен, не считая потолочных, обычным для этого времени способом: в замок с остатком и выемкой на верхней поверхности нижнего венца. Промежутки между срубами очень небольшие с коротких сторон (0,05—0,06 м) ничем не заполнены, более широкие с длинных сторон (0,12—0,16 м) заполнены галечником, причем с южной стороны — доверху, с северной — на 3 венца снизу.

Между потолком внутреннего сруба и потолком внешнего сруба было проложено два-три слоя бересты.

Сохранность дерева камеры очень плохая, стенки сруба местами превратились в гнилушки, особенно в нижней части, пол почти совершенно истлел. Это не позволило нам выяснить, какие части камеры были сделаны из бревен и какие—из плах.

От потолка внешнего сруба сохранились только четыре бревна с северной стороны и три с южной, концы всех бревен с западной стороны и конец одного бревна с восточной. Еще меньше бревен уцелело от потолка внутреннего сруба, так как они опустились книзу и почти полностью истлели. Хорошо сохранились лежавшие между верхним и нижним потолком слои не сшитой бересты.

Трудно определить, когда началось разрушение потолка, так как В. В. Радлов потолочных бревен не видел. По-видимому, в потолке грабителями был сделан такой же широкий лаз, как в накате, и бревна потолка опустились книзу.

Погребальная камера была перекрыта, как обычно, берестой и слоем кустарника курильского чая. Первоначально это заполнение занимало значительное пространство между верхом камеры и балками с накатом, высотой под балками 0,60 м, под бревнами наката 1,0 м.

При раскопках В. В. Радлова береста заполняла всю могильную яму, перекрывая обнаруженные им на дне могилы погребения. Между листами бересты Радлов нашел второй сверток с вещами.

При наших раскопках береста над камерой сохранилась лишь над бревнами потолка внешнего сруба в 18—20 слоев. Над этим мощным берестяным покрытием находились остатки слоя из кустарника курильского чая, спрессовавшегося до 0,20 м толщины и над ними еще 1—2 слоя бересты. Очевидно береста была положена и над заполнением из веток курильского чая.

Погребенные, обнаруженные В. В. Радловым на дне могилы, лежали, судя по его чертежам, в полном анатомическом порядке на двух столиках с конусообразными ножками. Ножки одного из столиков были обернуты медными обручами. В. В. Радлов указывает, что погребенные лежали головой на восток, но, судя по ориентировке длинной оси камеры с отклонением к югу, по-видимому, и погребенные также лежали головой по направлению ВЮВ. Как известно, В. В. Радлов не взял костяки, указав в отчете, что кости скелетов совершенно «иструхли» и вынуть их было невозможно. Не были взяты им и столики и медные обручи на ножках. Их схематические зарисовки имеются на чертежах и в альбоме Радлова, хранящемся в МАЭ.

Мы не нашли на дне могилы ни скелетов, ни столиков, ни медных обручей. От погребенных на дне камеры осталось только два зуба, от украшений — одна деревянная «пуговица», две белые цилиндрические бусины, небольшое количество листового золота, в том числе квадратики, фигурные листочки, листочек в виде гребешка и оттиски шнуров разной ширины, а также незначительные остатки квадратных и фигурных украшений из листового золота на медной подкладке.

И, наконец, в юго-восточном и северо-восточном углах камеры обнаружено два конских крестца, попавших в камеру, очевидно, из конской могилы тогда, когда рухнули балки.

Как и когда произошло ограбление камеры? Как мы убедились, камера была начисто разграблена, что возможно было сделать тогда, когда в ней еще не было льда. Погребенные в момент ограбления представляли собой мумифицированные трупы, чем и может быть объяснен анатомический порядок их костей, не нарушенный грабителями. Труднее представить себе заполнение могилы берестой, залегавшей поверх погребенных. По-видимому, после ухода грабителей камера заполнилась водой и береста поднялась вверх вместе с находившимся на ней свертком и перекрыла погребения. Вероятно, курган был разграблен современниками погребенных, вскоре после его сооружения.

О богатстве погребения мы можем судить по вещам, обнаруженным В. В. Радловым в найденных им свертках. Это — всем известные богатые меховые одежды, покрытые шелковой материей и украшенные листовым золотом[1], деревянные скульптурные и резные украшения, которые также были покрыты листовым золотом, очевидно, снятым грабителями. Перечислять эти находки нет необходимости, так как они многократно изданы и описаны. Отметим лишь грубость исполнения некоторых деревянных резных украшений, невыгодно отличающую их от изумительных образцов так называемого «звериного стиля» из курганов Пазырык № 1 и 2 и Башадар № 2.

Чрезвычайно важным результатом наших раскопок Катандинского кургана было выявление конского захоронения. Стало очевидным, что большой Катандинский курган является таким же типичным памятником, как и другие погребения племенных вождей древнего Алтая. Здесь те же характерные особенности: перекрытие могилы земляной и каменной насыпью, наличие погребальной камеры с двойными стенками и двойным потолком, с бревенчатым накатом над камерой, покоившимся на балках и на столбах, конское захоронение. Если здесь и есть некоторые особенности, то лишь в отдельных деталях — перекрытие могилы слоем бревен или досок, обилие бересты, перекрывающей и внутренний сруб, и внешний, и перекрытие из ветвей курильского чая, столики вместо колод-саркофагов.

Конское захоронение занимало все узкое пространство между северной стенкой камеры и северной стенкой могильной ямы, от основания до верхушки столбов. Здесь лежали в три слоя костяки 22 коней. Они были убиты ударами по черепу и без всякого порядка сброшены вниз. Это затруднило расчистку и не позволило установить точное положение каждого костяка (рис. 6).

В нижнем слое, на подстилке из курильского чая и жердей лежало девять конских костяков. При них, около черепа коня № 14, обнаружены две полушаровидные деревянные бляшки с проушиной для прикрепления к узде; железные удила с прямыми железными псалиями лежали между

[1] Е. С. Видонова. Катандинский халат. Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 169—178.

черепами коней № 16 и 17. В зубах черепа коня № 20 находились железные удила также с прямыми железными псалиями, под его черепом лежали две большие деревянные бляхи диаметром 11 см, украшенные резным изображением четырехлепесткового цветка, из них одна — целая (рис. 7), от другой — один обломок; остатки полушаровидных уздечных бляшек найдены на черепе этого же коня.

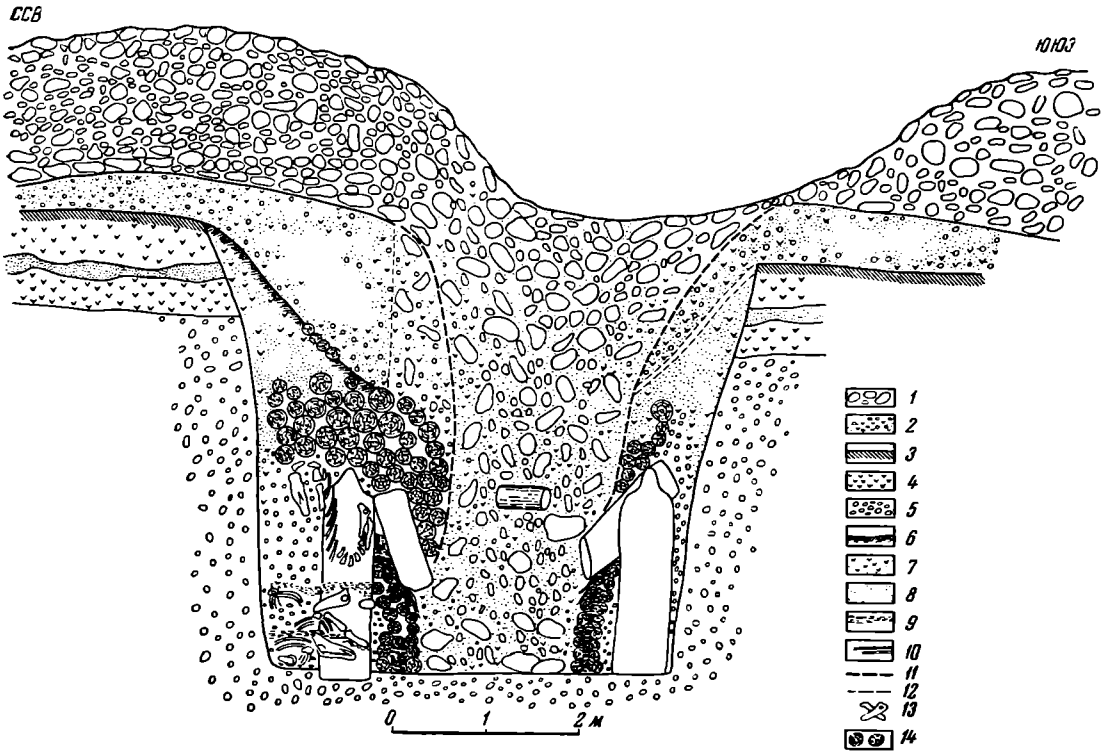


Рис. 6. Катанда II. Большой курган. Схематический разрез могилы по линии ССВ—ЮЮЗ:

1 — камни; *2* — галечник с глиной и песком; *3* — погребенная почва; *4* — глина; *5* — галечник; *6* — дерновое покрытие ямы; *7* — глина с песком; *8* — песок; *9* — курильский чай; *10* — береста; *11* — грабительский ход; *12* — северная граница радловского раскопа; *13* — кости лошадей; *14* — бревна.

В среднем слое конского захоронения на прослойке из галечника и подстилке из курильского чая лежало восемь конских костяков. При них обнаружены остатки четырех истлевших седел и украшения из листового золота около остатков седла (область ребер коня № 9). Здесь же лежали черепки трех раздавленных глиняных кувшинов. Один из них, без орнамента, сохранился не весь (нет венчика), зато еще два кувшина собраны целиком. Они одинаковые по форме, размерам и технике изготовления, с цилиндрическим горлом, со слегка отогнутым наружу утолщенным венчиком; сильно раздутое тулово суживается книзу, поверхность не залощена. На боках налепной спиральный меандровый орнамент (рис. 8, *1*, *2*). В одном случае (рис. 8, *2*) мастер, не рассчитав пространства для орнамента, добавил лишний завиток. Подобный орнамент на Алтае обнаружен впервые.

В верхнем слое конского захоронения, также на прослойке из галечника и подстилке из курильского чая, местами подостланной слоем бересты, лежало пять конских костяков. Находок при них, если не считать тлена от двух седел, не было.

Всего в конской могиле обнаружено: остатки шести седел в виде плотно спрессовавшегося тлена, сохранившего форму седел с высокими луками, и остатки, по-видимому, двух узд с деревянными украшениями и железными удилами и псалиями.

Поражает бедность украшения сбруи. Только одно седло украшено листовым золотом.

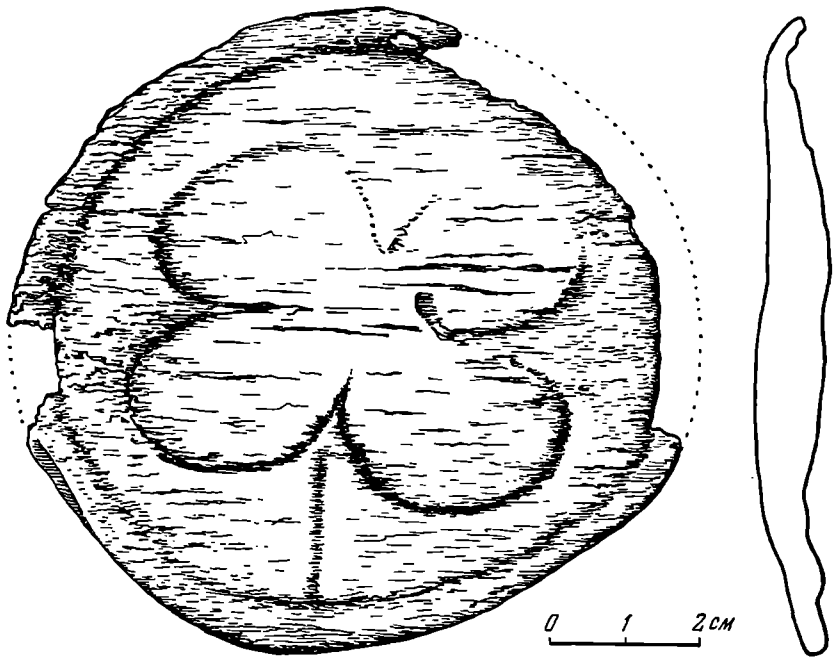


Рис. 7. Катанда II. Большой курган. Деревянное украшение узды.

Таким образом, в Большом Катандинском кургане богатое основное захоронение сопровождалось наибольшим количеством коней—22 (в Шибе—14, в Берели — 16), но, в отличие от других конских захоронений, при них почти ничего не было найдено. Этот факт может быть объяснен только при сопоставлении данного кургана с другими подобными памятниками на Алтае, т. е. после определения его относительной хронологии и, хотя бы приблизительно, хронологии абсолютной.

При современном состоянии изученности больших каменных курганов наиболее отчетлива их относительная хронология. Установлено, что Шибинский курган был сооружен позднее Пазырыкских. Поэтому нам важно выяснить место большого Катандинского кургана среди указанных курганов.

Судя по некоторым особенностям конструкции курганов Шибинского и Берельского (отсутствие каких-либо дополнительных сооружений при курганной насыпи) и поздних курганов № 3—5 Пазырыкской группы (наличие каменного завала над накатом), Катандинский курган ближе к более поздней Шибинской группе, чем Пазырыкские курганы № 1 и 2.

Особенно важны в этой связи найденные нами кувшины, отличающиеся от кувшинов ранней Пазырыкской группы и близкие к сосудам Шибинской группы не только по форме и орнаменту, но и по составу теста, приемам формования, обжигу кувшинов и отделке их поверхности.

Для всех сосудов из больших курганов характерна некоторая закругленность дна с последующим его уплощением. Это указывает на единый

способ формования сосуда в течение всего периода сооружения больших курганов и на преемственность техники изготовления кувшинов. Кувшины из больших курганов, как правило, требуют дополнительных приспособлений для придания им устойчивости. Для этого в качестве подставок служили войлочные кольца, ставшие известными по находкам в Пазырыкских курганах[1].

1 *2*

Рис. 8. Катанда II. Большой курган:
1 — кувшин № 1; *2* — кувшин № 2.

Очевидно, для придания сосудам устойчивости изменилась форма тулова кувшинов на Алтае — от овальной в пазырыкское время до шаровидной в шибинское время. Форма наших кувшинов приближается к шаровидной. Но, наряду с этим, применялся и другой способ придания устойчивости сосудам — изготовление под закругленным дном кольцевидного валика, сделанного на наших кувшинах путем натягивания глины от стенок. Это придавало нашим кувшинам устойчивость и служило как бы заменой применявшейся ранее войлочной подставки. Этот второй способ, по-видимому, не характерен для Алтая и для Енисея, где сосуды с закругленным дном имели небольшие поддоны, а не кольцевидные подставки. ольцевидные подставки характерны для сарматских сосудов I в. до н. э.— I в. н. э., на что обратил мое внимание В. П. Шилов.

Если мы обратимся к технологическим особенностям изготовления алтайских кувшинов, то убедимся, что изменение их формы сопровождалось и изменениями в технологии.

Для полной технологической характеристики интересующей нас керамики необходимы лабораторные анализы, еще не проделанные, но и

[1] С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 46.

предварительное ее изучение, произведенное под руководством проф. А. И. Августиника путем оптического анализа, дало интересную картину, отражающую единство формы и технологии производства сосудов и переход от одной технологии к другой.

Так, для сосудов с овальным туловом характерно следующее: наличие в тесте крупных зерен отощителя, необходимого для изготовления сосудов, особенно крупных, чтобы глина не дала усадку и не растрескалась при обжиге; крупные поры, указывающие на недостаточную проминку глины: рыхлость внутренней поверхности сосуда и прочность внешней, достигнутая заглаживанием и лощением; длительный обжиг в окислительной среде, дающий поверхность буровато-красного цвета, одинаковую снаружи и в изломе (рис. 9, *1*); снаружи могут быть пятна темносерого и черного цвета от частичного воздействия восстановительной среды (CO и сажистого углерода).

Такие кувшины изготовлялись на Алтае в пазырыкское время (Пазырык № 1 и 2, Туэкта № 1, 1954 г.).

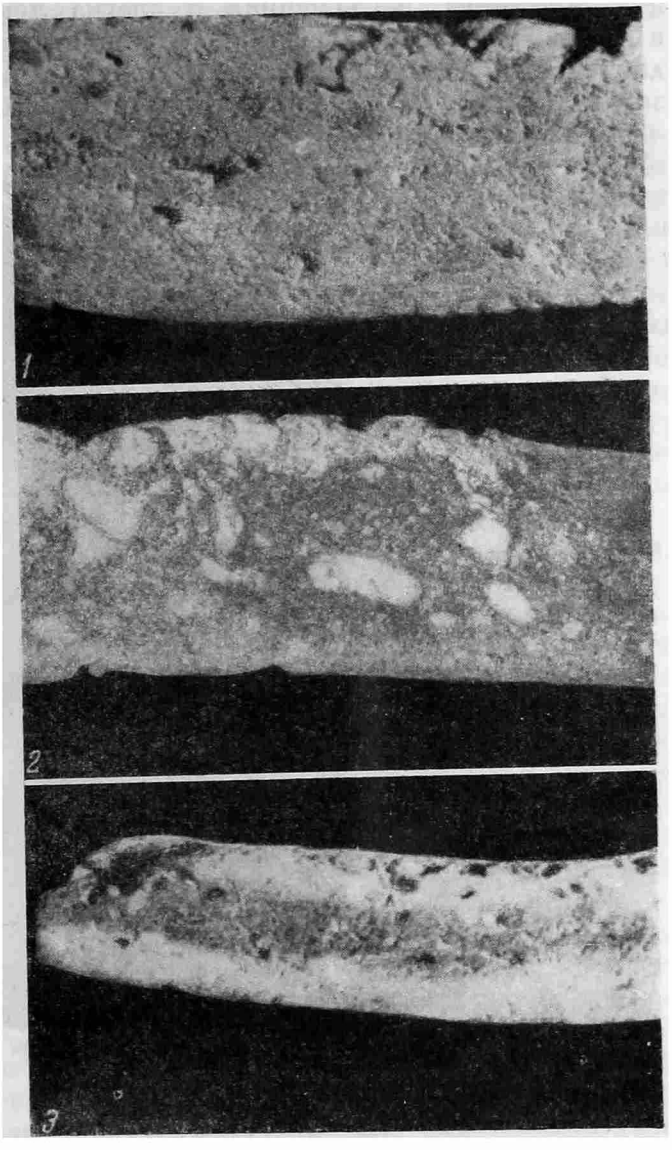


Рис. 9. Текстура черепков:

1 — кувшина с наклеенным орнаментом из кургана Пазырык № 2; *2* — кувшина № 2 из большого кургана могильника Катанда II; *3* — кувшина из кургана в Шибе.

Другая технология прослеживается на черепках сосудов, приближающихся по форме тулова к шаровидным, а именно: очень мелкие зерна отощителя; мелкие вытянутые поры, свидетельствующие о хорошей проминке; прочность внешней поверхности, не требующей лощения; обжиг в окислительной среде, но, в отличие от предыдущей группы, короткий, дающий поверхность красного цвета снаружи и внутри, а в изломе красную по краям и черную внутри от недожога (рис. 9, *3*). Такие кувшины изготовлялись на Алтае в шибинское время (Шиба, Башадар № 1). Из трех кувшинов нашего кургана два изготовлены по способу, характерному для шибинского времени, а третий—по способу еще пазырыкского времени.

Третий кувшин, найденный в Большом Катандинском кургане,— без орнамента. Форма его не устанавливается, но, судя по обломкам днища и стенок, это был очень крупный сосуд, в тесте которого велика примесь отощителя — дресвы (до 50%) и, как у пазырыкских, очень крупные поры, заглаженная и слегка лощеная внешняя поверхность и очень рыхлая внутренняя, обжиг в окислительной среде довольно длительный. Стенки этого сосуда пропускали воду, и он мог быть использован только для хранения сухих продуктов.

Рис. 10. Тувинская автономная область.
Сосуд из могилы у с. Туран.

Два наших орнаментированных кувшина, по форме тулова приближающиеся к шаровидным, также имели в тесте большое количество крупнозернистого отощителя, но, подобно шибинским, отличаются хорошей проминкой, уплотненной внешней поверхностью сосуда, не требующей лощения, и коротким обжигом в окислительной среде. Цвет черепков и снаружи и внутри красный, а в изломе черный с красными краями (рис. 9, *2*).

Таким образом, судя по близости керамических изделий из Большого Катандинского кургана к шибинским, Катандинский курган относился к шибинскому времени и, по-видимому, к ранней его поре, так как в период сооружения Катандинского кургана, наряду с изготовлением нелоще-

ных сосудов по способу, характерному для шибинского времени, еще продолжали изготовлять лощеные сосуды по способу, характерному для пазырыкского времени.

Что касается хронологии абсолютной, то наши находки ничего нового не внесли для уточнения даты шибинского времени, предложенной М. П. Грязновым (II в. до н. э.— I в. н. э.).

Явно привнесенный извне налепной спиральный орнамент на наших кувшинах этой дате не противоречит.

Налепной орнамент на Алтае появляется в шибинское время: налепным валиком у основания горла украшены кувшины из курганов в Шибе и Башадар № 1. Налепной спиральный орнамент известен на среднем Енисее в памятниках от тагарского времени III—II вв. до н. э., как указал мне Л. Р. Кызласов, по таштыкское время (могила у Горького озера, раскопки С. А. Теплоухова)[1]. Но этот орнамент отличается от алтайского и больше говорит о культурных связях, не уточняя даты нашего памятника. Находки сосудов с налепным спиральным орнаментом известны не только в Минусинской котловине, но и на территории Тувы (рис. 10 — раскопки С. А. Теплоухова) и свидетельствуют, по-видимому, о связях районов Алтая и Енисея с южными районами, так как и на Енисее, и на Алтае спиральный налепной орнамент явление редкое и украшены этим орнаментом, как правило, сосуды исконных местных форм.

Судя по всем имеющимся данным, Катандинский курган относится, по-видимому, к раннешибинскому времени, т. е. ко II—I вв. до н. э.

Этой дате не противоречат и предметы, найденные ранее в этом кургане. Так, найденная В. В. Радловым деревянная бляха[2], аналогичная золотым сибирским бляхам, чрезвычайно близка к бронзовым бляхам из могил в местности Дэрэстуйский култук на р. Джиде в Забайкалье[3] Эти бляхи найдены вместе с ханьскими китайскими монетами у-чжу, которые выпускались с 118 г. до н. э. и, следовательно, датируются не ранее II в. до н. э.

Возвращаясь к вопросу о причине бедности оснащения конского захоронения, укажем, что и другим курганам шибинского времени присуще бедное конское снаряжение при обилии коней в могилах. Так, в Берели, при 16 конях, В. В. Радлов обнаружил оснащение только у половины коней. В Шибе, при 14 конях, М. П. Грязнов обнаружил также незначительные остатки конского снаряжения. То же, по-видимому, было и в кургане Башадар № 1.

Можно предполагать, что на Алтае к шибинскому времени произошли какие-то изменения в идеологии, обусловившие изменения в погребальном обряде — сокращение, а иногда и обеднение конского снаряжения. Чем могли быть вызваны эти изменения — покажут будущие исследования.

В дальнейшем материалы большого Катандинского кургана могут быть изучены в двух направлениях. Во-первых, на данном этапе, благодаря наличию изображений зверей в поздних точно датированных комплексах гуннских и сарматских, могут быть установлены изменения в искусстве так называемого «звериного стиля», происшедшие на Алтае

---

[1] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 1.

[2] А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири, стр. 89, табл. IV, *3*.

[3] Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, т. III, вып. 2—3, 1900, г. Иркутск, 1902, стр. 21—31 и табл. II.

в период раннего железа, что может быть сделано на основании стилистического анализа соответствующих изображений, в том числе резьбы из Катанды. Во-вторых, на имеющемся материале может быть рассмотрен вопрос об изменениях в керамическом производстве на Алтае периода раннего железа, в частности, вопрос о причинах перехода от лощеной керамики к нелощеной, кроющихся, в технологии этого производства.

Решение вопроса об изменениях в культуре Алтая, происшедших за период сооружения больших курганов, позволит не только поставить на еще более прочную базу их относительную хронологию, с уточнением датировок, но и, в конечном счете, даст возможность восстановить ход развития культуры на данной территории в изучаемый период.

Следует отметить, что для более успешного решения поставленной задачи желателен дополнительный серийный материал, доставляемый, как правило, раскопками рядовых погребений. Поэтому необходимо, наряду с раскопками больших курганов, организовать планомерное изучение курганов с погребениями рядового населения Алтая периода раннего железа.

Г. А. ЛОМТАТИДЗЕ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ПАМЯТНИКОВ ФЕОДАЛЬНОЙ ГРУЗИИ

Археологические раскопки в советской Грузии получили особенно широкий размах, начиная с 1930-х годов. Ими охвачены (в различной степени) все основные периоды истории — от палеолита до позднего средневековья. Памятники многих из этих периодов впервые выявлены и исследованы советскими археологами.

Исследование памятников феодальной эпохи, охватывающей в Грузии VI—XVIII вв. и первую половину XIX в., до последних лет являлось сравнительно отстающим участком археологии Грузии. Первые научные раскопки были проведены в 1852 г., в древнем пещерном городе Уплисцихе, недалеко от г. Гори. Лет через 20 за ними последовали многолетние раскопки на Самтаврском поле — одном из могильников древней столицы восточногрузинского государства Мцхета. Позднейшие погребения могильника Самтавро, относящиеся к IV—IX вв., отразили в какой-то мере материальную культуру городского населения раннефеодальной эпохи. После этого значительные стационарные работы в Грузии до советского времени не производились.

Результаты раскопок в Уплисцихе, вернее, расчистки нескольких его пещер, проведенной грузинским археологом Дм. Мегвинет-Хуцесишвили в середине XIX в., к сожалению, не были отражены в научной литературе. Они стали достоянием широких научных кругов лишь по опубликовании в 1952 г., т. е. спустя ровно сто лет, переписки Мегвинет-Хуцесишвили с академиком М. Броссе, содержащей его письменные отчеты о работе.

В этих письмах автор сообщает Броссе, что он за свой счет нанял землекопов и поставил их на расчистку крупнейшего пещерного зала. На глубине 3 аршин показался пол, и зал предстал в своем первоначальном виде. Далее, он расчищал и другие пещеры и тщетно искал погребения, параллельно собирая сведения о памятнике в письменных источниках и предания о нем[1]. Раскопки там, к сожалению, пока не возобновлялись.

Первым средневековым памятником, ставшим объектом научных раскопок в советское время, явился Нокалакеви (Западная Грузия, Цхакаевский район, на р. Техури). Это развалины укрепленного города раннесредневекового царства Эгриси или Лазики, часто упоминающегося как в отечественных летописях (под названием «Цихе-Годжи», т. е. «Крепость

[1] Сборник Центрархива Груз. ССР «Саисторио Моамбе», 1952, т VI, публикация Ш. А. Хантадзе.

Годжи»), так и в сочинениях византийских писателей, описывающих политические и военные события (прано-византийские войны), связанные с этим центром Лазики, называемым ими Археополем, т. е. «Древним городом». Раскопки Нокалакеви были организованы Наркомпросом Грузии, под общим руководством акад. И. А. Джавахишвили, при участии Л. В. Мусхелишвили и Г. К. Гозалишвили. Первая кампания раскопок 1930—1931 гг., к сожалению, осталась пока и последней. Но и она выявила ряд важных и интересных фактов, проливших свет на сложную историю этого центра раннефеодальной Грузии, переставшего быть укрепленным городом после арабских нашествий в VIII в.

В 1936 г. в Грузии началась подготовка к празднованию 750-летнего юбилея неувядающего творения великого поэта и мыслителя средневековой Грузии Шота Руставели — «Витязь в тигровой шкуре». В качестве одного из важнейших мероприятий была намечена организация большой выставки, отображающей быт и культуру Грузии в XI—XIII вв. Был создан Музей Шота Руставели и его эпохи.

Как известно, основными очагами торговли и ремесел являлись города. Чтобы составить представление о городах Грузии, нужно было приступить к раскопкам остатков городов — современников Руставели. Выбор пал на Дманиси[1], развалины которого находятся в 100 км к югу от Тбилиси, на высоком мысу между реками Пинезаури и Машавери. В Дманиси были проведены две кампании раскопок (1936—1937 гг.) под руководством И. А. Джавахишвили и Л. В. Мусхелишвили. Результаты раскопок оказались значительными.

В 1936 г., по поручению юбилейного комитета, ИЯИМК Груз. ФАН организовал экспедицию в Болниси (под тем же руководством). Раскопками был расчищен известный храм и вскрыты погребения в каменных ящиках между храмом и его оградой. При этом были найдены весьма важные надписи на камнях. В результате этих работ опубликован отчет Л. В. Мусхелишвили о раскопках, с историческим описанием памятника[2], и монография акад. Г. Н. Чубинашвили[3] (консультировавшего раскопки средневековых памятников).

Юбилейный комитет и Музей Шота Руставели приступили к раскопкам (под руководством Л. В. Мусхелишвили) еще одного памятника — царского дворца в Гегути (к юго-востоку от Кутаиси), так как ни в Дманиси, ни в других городах не ожидалось наличие сооружений такого типа. Гегутский дворец служил местом пребывания грузинских царей в XII в. Опубликованы краткое описание и обмеры дворца архитектора В. Цилосани[4]. В 1954 г. возобновились работы по дочистке этого памятника Отделом охраны памятников Управления по делам архитектуры, под руководством архитектора В. Г. Цинцадзе.

Уже после юбилея, в 1938 г., Музей Шота Руставели провел раскопки и расчистку в ограде храма крупного монастырского комплекса XIII в. в Гударехи, в 70 км к юго-западу от Тбилиси. Отчет об этих раскопках опубликован в 1954 г.[5]

---

[1] И. А. Джавахишвили. Выставка Шота Руставели и его эпохи. Газ. «Комунисти», 1937, № 55; предисловие к сб. «Материальная культура эпохи Шота Руставели», Тбилиси, 1938.

[2] Болниси. Изв. ИЯИМК Груз. ФАН, т. III, 1938.

[3] Болнисский сион (Исследование по истории грузинской архитектуры). Изв. ИЯИМК Груз. ФАН, т. IX, 1940.

[4] Замок Гегути. Сб. «Материальная культура эпохи Руставели» 1938.

[5] Л. В. Мусхелишвили, Ш. В. Хидашели и В. В. Джапаридзе. Отчет Гударехских первой и второй (1938 и 1939 гг.) археологических кампаний, под ред. Л. В. Мусхелишвили, Тбилиси, 1954.

Наконец, Музеем Шота Руставели был раскопан еще один своеобразный памятник инженерно-гидротехнического искусства XII в.— керамический водопровод в Схалтба (Мцхетский район, 30 км к северо-западу от Тбилиси), сооруженный для снабжения водой большого монастыря — лавры Шио-Мгвиме [1]

После Великой Отечественной войны раскопки памятников феодальной эпохи ведутся Институтом истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР и в значительной части непосредственно связаны с крупными новостройками.

В 1944 и 1946 гг Институт вел разведочные раскопки (М. М. Иващенко и др.), а в 1949 — 1951 гг. — раскопки (Г. А. Ломтатидзе) в Рустави, в 30 км к юго-востоку от Тбилиси, на р. Куре, на территории строившегося Закавказского металлургического завода и нового социалистического города. Раскапывались могильники на правом и левом берегах и развалины города феодальной эпохи на левом берегу Куры.

В 1948—1949 гг. были проведены значительные раскопки (Г А. Ломтатидзе, О. М. Джапаридзе) в самом Тбилиси, в старой части города, в районе бальнеологического курорта, где при разбивке парка были обнаружены интереснейшие остатки керамических мастерских XIII в.

В 1949 г. Г. Ф. Гобеджишвили были проведены раскопки в Ванинари (Махарадзевский район), на территории строительства чайной фабрики. Раскапывались и фиксировались развалины значительного укрепленного города раннефеодальной эпохи.

В 1950—1952 гг. Институт, совместно с Тбилисским государственным университетом им. Сталина, под руководством акад. Н. А. Бердзенишвили провел историко-археологические исследования широкого масштаба в бассейне р. Иори, совпадающем с территорией Самгорводстроя. Одним из главных достижений этой экспедиции надо считать раскопки развалин чрезвычайно своеобразной крепости самого начала раннефеодальной эпохи в Уджарма, недалеко от головного сооружения строившегося канала[2]. Экспедицией вскрыто также несколько развалин с характерным инвентарем средневекового селища Лочини, на южной окраине Самгорской равнины, а в верховьях р. Иори, в с. Сиони (Тианетский район, территория строительства водохранилища Самгорского канала) были обнаружены и раскопаны развалины небольшого храма, аналогичного и одновременного с болнисским.

В 1948—1950 гг. работала комплексная историко-археологическая экспедиция в Тетрицкаройском, а частично и в Цалкском районах — на территории одной из наиболее развитых в древности и наиболее опустошенных вражескими нашествиями областей исторической Грузии — Нижней Картли, расположенной к югу от р. Куры. Экспедицией открыт ряд неизвестных памятников. Из них особо следует отметить раскопанные в 1949 г. развалины одного из летних царских дворцов, называемые Надарбазеви, недалеко от районного центра Тетри-Цкаро. Параллельно в 1949—1954 гг. раскапывались остатки крестьянских жилищ той же эпохи на селищах в окрестностях Тетри-Цкаро (И. А. Гзелишвили).

В 1953 г. подобные разведки в небольшом масштабе были проведены и в соседнем Болнисском районе (И. А. Гзелишвили), а в 1954 г. более широко — в Боржомском районе (Л. Д. Рчеулишвили), где были обсле-

[1] Ш. В. Хидашели. Водопровод Схалтба—Шио-Мгвиме (отчет об археологических раскопках). Сб. «Материальная культура эпохи Руставели», 1938.

[2] Г. А. Ломтатидзе. Результаты археологических раскопок в Уджарма. Тезисы сессии Института истории АН Грузинской ССР, посвященной полевым археологическим исследованиям 1952 г. Д. Л. Мусхелишвили. Город Уджарма. Кандидатская диссертация. Тбилиси, 1954.

дованы десятки селищ с весьма своеобразной, архаичной каменной архитектурой и раскопаны остатки нескольких таких сооружений.

С 1951 г. Институт организовал еще одну большую комплексную историко-археологическую экспедицию под руководством Н. А. Бердзенишвили, с целью широкого и планомерного изучения городов черноморского побережья Грузии, в первую очередь на территории Абхазской АССР, выявления культуры племен древней Колхиды, среди них — абазгов, вошедших, по мнению акад. С. Н. Джанашиа, вместе с родственными грузинскими племенами, к IV в. н. э. в западногрузинское царство Эгриси (Лазика).

В том же году экспедиция провела пробные раскопки городища Бичвинта, или Пицунда (Гагрский район), славящегося большим средневековым храмом. На основании этой разведки там же в 1952—1954 гг. развернулись крупные раскопочные работы под руководством А. М. Апакидзе[1].

Еще в 1945 г. были проведены работы по расчистке развалин здания академии при Гелатском монастыре, в окрестностях г. Кутаиси. Академия эта, по письменным источникам, основана Давидом Строителем, построившим и сам монастырь в первом десятилетии XII в.[2]

Развалины другого аналогичного и одновременного сооружения — академии при кахетинском монастыре Икалто, недалеко от г. Телави, расчищались в 1938 г. под наблюдением археолога М. М. Иващенко.

Экспедициями Института истории были проведены рекогносцировки и небольшие пробные раскопки крепостей (в основном раннефеодальной эпохи) Западной Грузии, хорошо известных по письменным источникам: Сканде (1949 г.) и Шорапани (1950 г.), под руководством С. Г. Каухчишвили.

Для изучения городов раннефеодальной Грузии в последнее время проводятся раскопки в с. Урбниси (Карельский район, в 10 км к западу от г. Гори) под руководством Г. А. Ломтатидзе[3]. В 1953 и 1954 гг. обследованы: стена из сырцовых саманных кирпичей с земляным валом и рвом за ним; укрепленный холм; остатки жилых и хозяйственных сооружений как внутри вала, так и за ним; два некрополя с глиняными саркофагами (рис. 1), кирпично-черепичными ящиками с детскими погребениями и грунтовыми могилами и т. д. Керамика и отдельные предметы из раскопок позволяют выделить два слоя — античной и раннефеодальной эпох, что вполне соответствует сведениям древнегрузинских письменных источников о г. Урбниси, который к концу раннего средневековья превратился в обычное село. Внутри ограды исследованы остатки керамического и стекольного производства; по-видимому, здесь был квартал ремесленников. Перспективы дальнейших исследований в Урбниси несомненно значительны[4].

Гораздо меньше затронуты раскопками памятники позднефеодальной эпохи. Из них можно назвать лишь ряд сооружений XVII—XVIII вв. в цитадели крепости Уджарма (1950—1952 гг.)[5]; бани XVII—XVIII вв.

[1] А. М. Апакидзе. Бичвинта. Результаты археологических раскопок 1952 г. Тезисы сессии Института истории АН Груз. ССР, посвященной полевым археологическим исследованиям 1952 г.

[2] С. Г. Каухчишвили. Гелатская академия. Тбилиси, 1948.

[3] Объединенная экспедиция Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа и Института истории им. акад. И. А. Джавахишвили.

[4] Г. А. Ломтатидзе. О результатах археологических исследований в Урбниси. Тезисы III научной сессии Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа, 1955; Его же. Археологические исследования в Урбниси. Журн. «Мецниереба да техника», 1956, № 1.

[5] Г. А. Ломтатидзе. Результаты археологических раскопок в Уджарма, Указ. Тезисы сессии Института истории АН Груз.ССР.

в Телави и среди развалин Гремн (XVI—XVIII вв.)[1]; остатки дворцового комплекса царя Ростома (1632—1658 гг.) в старой части Тбилиси, расчищенные Отделом охраны памятников в 1949 г.[2], а также ряд погребений, раскопанных в Болниси, Рустави и Уджарма.

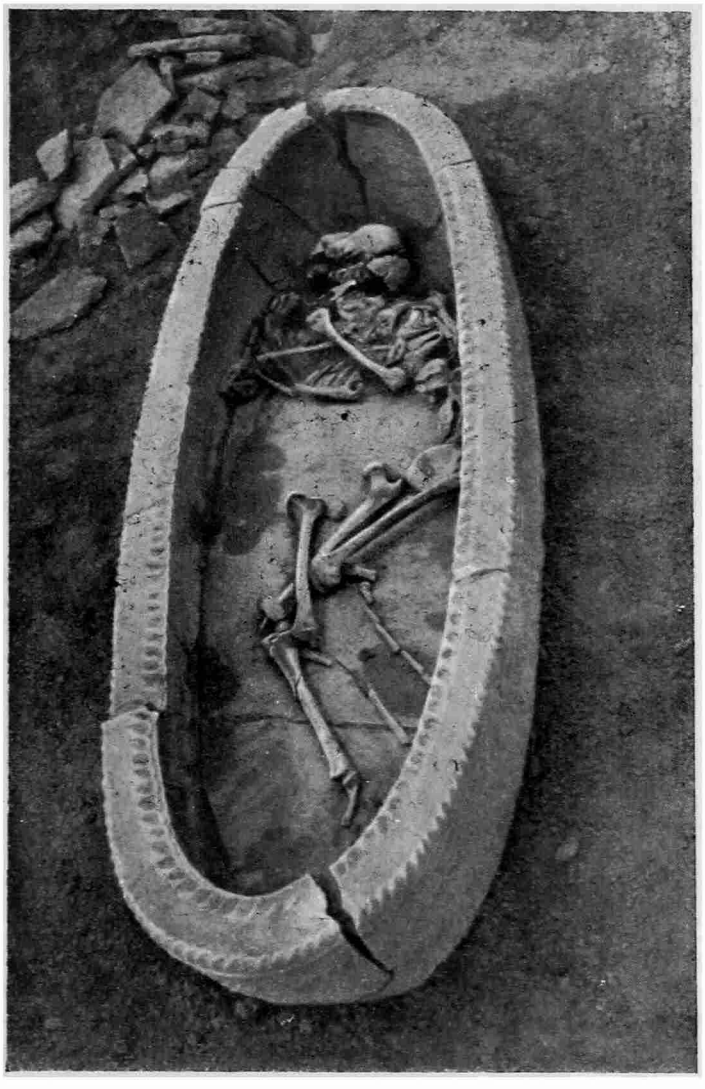


Рис. 1. Глиняный саркофаг могильника раннефеодальной эпохи. Урбниси. Раскопки 1953 г.

Такова краткая история археологических раскопок памятников феодальной Грузии. Можно сказать, что перечень этих памятников дан исчерпывающий[3]. Они раскопаны и изучены в различной степени: во многих случаях раскопки только начаты или проведена лишь расчистка развалин, значительная часть добытого раскопками материала обработана лишь частично, опубликованы или печатаются лишь предварительные

[1] А. Мамулашвили. Древние бани Кахети. Вестник Государственного музея Грузии, т. XIV-B, 1947.
[2] Раскопки А. Н. Каландадзе.
[3] Данные к началу 1956 г.

отчеты. Тем не менее уже имеется возможность наметить общую картину, сгруппировав изученные памятники в хронологической последовательности, останавливаясь более детально на ряде памятников для уточнения и конкретизации тех или иных моментов исторического процесса.

* * *

Согласно новейшим исследованиям советских историков, в частности акад. С. Н. Джанашиа и акад. Н. А. Бердзенишвили, феодальные отношения становятся господствующими в Грузии уже в VI в. Предшествовавшие два-три века являются периодом борьбы нарождающегося феодального уклада с рабовладельческим и с сильно ощутимыми еще пережитками родового строя. Эпоха от VI до X в., т. е. до начала объединения грузинских земель в виде централизованной феодальной монархии в конце X в., считается эпохой раннего феодализма. Эпохой развитых феодальных отношений являются X—XIII вв. Быстрое развитие этих отношений пресекается серией монгольских нашествий и долгим тяжелым господством монголов. С XVI в. развиваются крепостнические отношения, усиливаются феодальные распри, разъедающие единство страны,— начинается позднефеодальная эпоха, длившаяся вплоть до XIX в. Специфичность позднего феодализма в Грузии, связанная с особо тяжелой политической обстановкой, заключается в отсутствии ряда моментов, вообще присущих этому этапу: развития городов, усиления среднего социального слоя и т. д.

Одним из важнейших археологических памятников раннефеодальной эпохи является Уджарма (рис. 2). Это — довольно хорошо сохранившиеся развалины цитадели и отдельные сооружения крепости-замка, упоминания о котором содержатся в грузинских летописях, повествующих о событиях III—V вв., а также более позднего времени. Судя по этим сообщениям, цитадель построена до IV в. н. э., еще в дофеодальную эпоху, но особенно интенсивное строительство проведено там знаменитым Вахтангом Горгасалом (вторая половина V в.), сделавшим Уджарма царской резиденцией. Впервые крепость была взята и разрушена арабами в начале X в. (поход Абуль-Касима в 914 г.— последняя попытка арабов удержать Грузию). Затем царем Георгием III (1156—1184 гг.) в крепости устраивается казнохранилище.

В результате раскопок явно выделяются три строительных периода. Важнейший из них, оставивший основной костяк хорошо продуманного, сложного оборонительного сооружения, это — IV — V вв. н. э. Предположительно, главным образом по письменным сообщениям, можно допустить, что древнейшее строительство здесь относится к III в. Однако бросается в глаза, что как верхняя, так и нижняя части крепости построены на один лад, и не представляется возможным реально разграничить сооружения, построенные до Вахтанга и Вахтангом или его преемниками. Они все кажутся однородными и одновременными.

Основные характерные признаки сооружений этого периода: прямоугольные башни (рис. 3); строго горизонтальная кладка аккуратно вырезанных, прямоугольных и одного размера квадров; ограниченное применение известкового раствора; широкие и высокие окна и двери с подковообразными сводами. Культурный слой, соответствующий этому периоду, сохранился весьма фрагментарно. Однако он надежно датируется сасанидской монетой второй половины V в. (Пероз — 458—484 гг.).

К этому же слою принадлежит незначительное количество керамики, стекла, а также пара украшений, которые могут быть датированы VI, может быть, VII вв. Слой этот изобилует фрагментами черешц, видимо,

от кровли крепостных башен. По форме и размерам они почти неотличимы от черепиц позднеантичных сооружений I—III вв. н. э., остатки которых раскапывались в Мцхета (Багинети, Армазисхеви, Самтавро). Следовательно, этот важный элемент строительных материалов первоначальных сооружений Уджарма восходит по типу к дофеодальной эпохе. Все это свидетельствует о строительстве еще в III—IV вв.

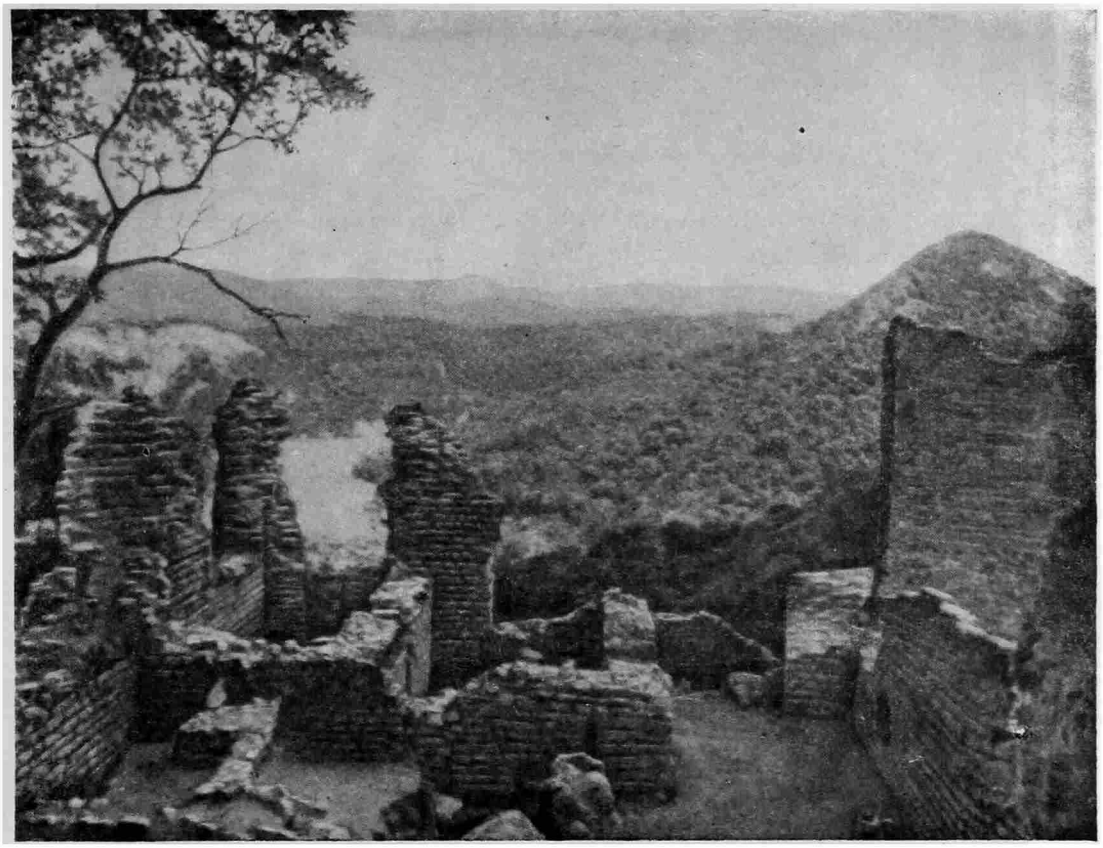


Рис. 2. Расчистка развалин царского дворца в северо-западном углу цитадели раннефеодальной эпохи в Уджарма. Раскопки 1950 г.

Характерна для зодчества дофеодальной Грузии и вышеупомянутая правильная кладка из одинаковых квадров, что совершенно не встречается в сооружениях среднефеодальной эпохи. С. Н. Джанашиа еще до начала раскопок Уджарма была высказана мысль, что эта своеобразная строительная техника является плодом еще рабовладельческого способа производства, рабского труда, что вполне закономерно для переходного периода IV—VI вв.[1] Аналогичная кладка засвидетельствована и в ограде, башнях и других сооружениях Вашнари (рис. 4). Этот комплекс памятников датируется также раннефеодальной эпохой (V—VIII вв.), хотя там появляются и прослойки из крупных квадратных кирпичей между квадрами, не свойственные строительной технике той же эпохи в Восточной Грузии и указывающие на византийское влияние.

Этот город в нынешнем Вашнари надо считать одним из важнейших центров раннефеодального государственного объединения Западной Грузии —

[1] Г. А. Ломтатидзе. Результаты археологических раскопок в Уджарма.

Эгриси (Лазики). По мнению Н. А. Бердзенишвили, этот город стал ядром образовавшейся впоследствии феодальной единицы — Гурии. Внутри крепостной ограды были раскопаны развалины жилых и культовых

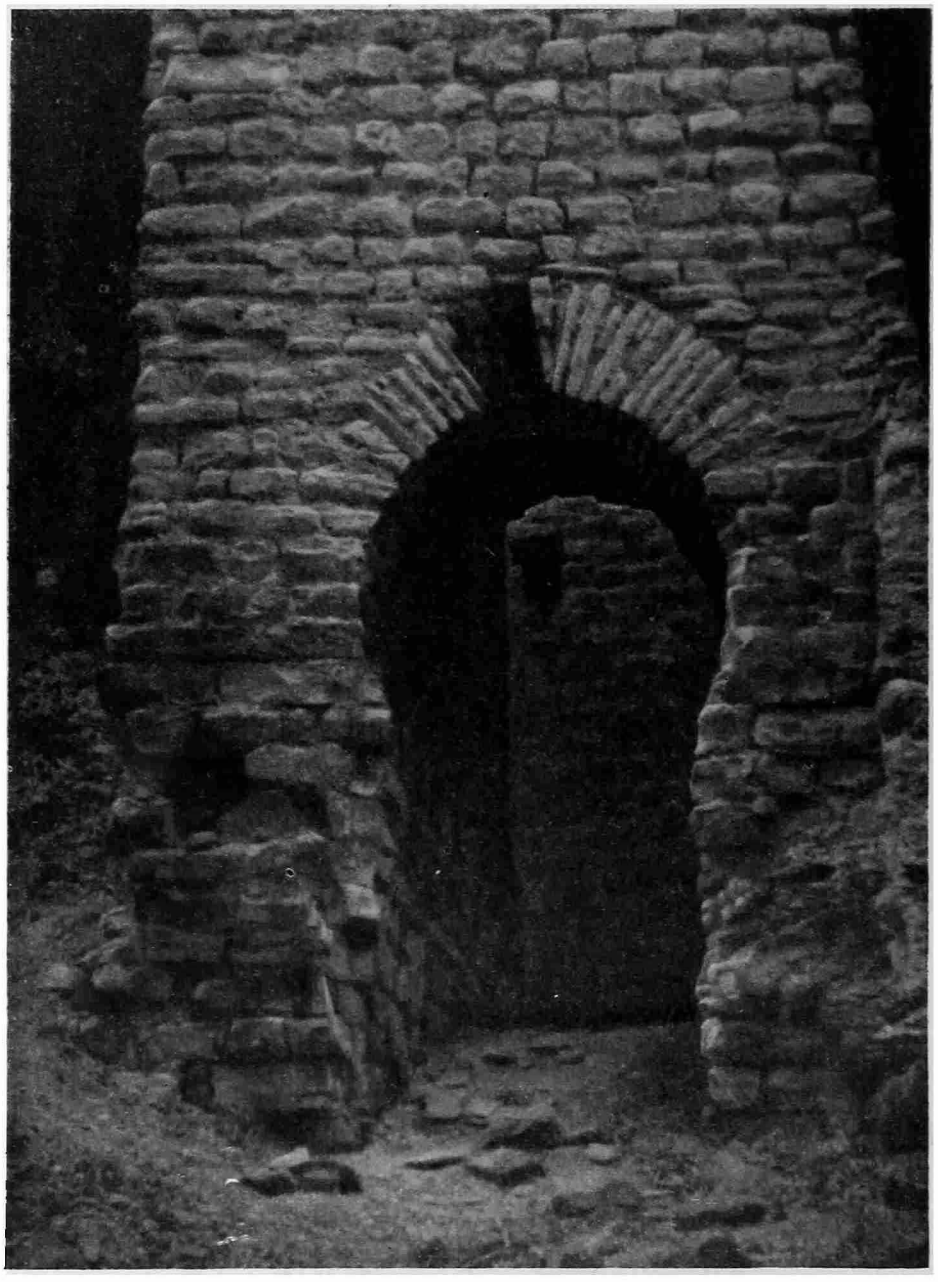


Рис. 3. Одна из башен крепости Уджарма.

сооружений, остатки керамического водопровода. Храм внутри был облицован мрамором (сохранились фрагменты пола), имел колонны с резными капителями и т. д. Рядом с храмом раскопаны гробницы знатных жителей города, не давшие, однако, инвентаря[1].

[1] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 154—156 (на груз. яз.).

Много общего у комплекса Вашнари с комплексом раскапывавшегося раньше Нокалакеви, а также лишь затронутых пробными раскопками Сканде и Шорапани. В частности, во всех этих памятниках прослеживается характерный, описанный выше тип кладки.

Рис. 4. Один из участков цитадели с остатками базилики. Вашнари. Раскопки 1949 г.

Одним из наиболее интересных среди этих памятников является Нокалакеви. В комплексе этого центрального пункта, столицы Эгриси (Лазики), выделяется основное ядро — укрепленный город позднеантичной эпохи, датируемый серединой IV в. Он характеризуется мелкоквадровой, а местами и крупной кладкой стен; в нем выделяются акрополь и собственно город с тремя воротами в ограде, с дворцом и храмом. Обнаружен зáмок более раннего сооружения, с небольшим поселением, датируемым рубежом н. э. После разрушения — в результате землетрясений — первоначальной ограды уже в конце VI или в начале VII в. сооружения были отстроены вновь [1].

Во время опустошительного нашествия арабского полководца Мервана Глухого (736—738 гг.) зáмок был разорен, но ограда сохранилась. Однако население после этого покинуло крепость и расселилось на равнине. Тогда и возникло название «Нокалакеви» — «Бывший город» [2].

Шорапани — крепость, известная еще античным писателям под названием «Сарапанис»,— расположена у слияния рек Дзирула и Квирила.

[1] Датируется по находке в одной из башен 23 золотых монет византийского императора Маврикия (582—602 гг.).

[2] Предварительные отчеты о раскопках в Нокалакеви — в виде приложения к книге С. Г. Каухчишвили. Лекции по истории Византии, Тбилиси, 1948, стр. 188—201.

На протяжении ряда веков она являлась важным стратегическим пунктом на рубеже Западной и Восточной Грузии[1]. Несмотря на интенсивное строительство и использование крепости в позднефеодальную эпоху, здесь хорошо сохранились как античные слои (остатки кладок), так и сооружения V—VI вв., с уже охарактеризованной типичной кладкой (ровные ряды одинаковых квадров, прослойки кирпича), однотипной и в общем одновременной с Вашнари и Нокалакеви, а отчасти и с Уджармой.

В Сканде, к северо-западу от Шорапани, на древнем пути из Эгриси (Лазики) в Картли (Иберию), нет античного слоя и древнейшей является кладка V—VI вв., с прослойками плоского кирпича. Имеется и керамика этого времени. Второй строительный период относится к XV—XVII вв.[2]

В Бичвинта (Пицунде) раскопками выявлены развалины, подтверждающие указание древних авторов, в частности Страбона, о существовании города «Великий Питиунт» еще в первых веках до н. э. Внутри ограды раскопаны величественные стены и башни, хозяйственные и культовые сооружения; собрана многообразная керамика — преимущественно первых веков н. э. Самым интересным было открытие развалин большого храма — трехнефной базилики с многогранной абсидой, с остатками мозаичного пола. Эта интересная и своеобразная мозаика отличается как от средневековой грузинской, так и от раннехристианской византийской мозаики. Параллелью ей является более поздняя херсонесская. Древнейший храм с мозаикой и с мраморными колоннами относится к концу V — середине VI в., затем он был разрушен и вторично построен в VI в.; к VIII в. храм был превращен в усыпальницу и позднее окончательно разрушен. Среди развалин найдено множество предметов (керамика, стекло и т. д.), соответствующих по возрасту указанным строительным периодам. Судя по мозаичной надписи, ктитором при постройке первого храма или устройстве мозаичного пола был некий Орэл, по-видимому, представитель местной знати.

Наличие этого большого и богатого храма в Бичвинта является одним из доказательств того, что по всей Грузии развернулось строительство христианских храмов в связи с распространением здесь христианства. По предположению раскопщика, в Бичвинта уже в IV в. стоял большой христианский храм, где, по-видимому, и была резиденция Питиунтского епископа Стратофила — участника первого вселенского Никейского церковного собора 325 г. Однако остатки этого храма пока не обнаружены. Раскопки базилики и других участков городища выявили интенсивную городскую жизнь древней Бичвинта, оживленные связи как с другими грузинскими областями, так и с соседними странами[3].

Из раскопок в Болниси, помимо расчистки одного из древнейших и интереснейших, хорошо сохранившихся храмов Грузии, самым важным является находка строительной надписи, датированной 492—493 гг. В ней говорится о постройке храма, длившейся 15 лет. Надпись эта до сих пор остается древнейшим из достоверно датированных памятников грузинской эпиграфики, демонстрирующим сформировавшуюся и отчеканенную письменность «асомтварули» (церковный заглавный шрифт). Совершенство этой надписи заставляет предполагать довольно длительный путь развития, пройденный грузинской письменностью к концу V в.[4]

[1] С. Г. Каухчишвили. Georgica. Сведения византийских писателей о Грузии, т. III, Тбилиси, 1941, стр. 304—307.

[2] Указ. соч., стр. 307—308. Тезисы сессии Института истории АН Грузинской ССР, посвященной памяти акад. И. А. Джавахишвили, 1950.

[3] А. М. Апакидзе. Бичвинта.

[4] Л. В. Мусхелишвили Болниси. Известия ИЯИМК Груз. ФАН СССР, т. III, 1938 (на груз. яз.).

В Рустави, недалеко от развалин жилого квартала среднефеодальной эпохи, вскрыты остатки довольно крупного сооружения с плитчатым полом и каменными базами от выстроенных в ряд колонн. Как среди развалин, так и неподалеку от них найдены желобчатые черепицы с рельефным изображением креста и несколько фрагментов орнаментированных камней. Поблизости вскрыты десятки погребений, а среди них — обломки надмогильных плит с надписями. Все это дает право предполагать, что развалины принадлежат культовому сооружению — может быть, одному из храмов г. Рустави. Характер орнаментальных мотивов позволяет предположительно датировать их IX—X вв. Известно, что в Рустави была резиденция епископа, основанная еще Вахтангом Горгасалом во второй половине V в.[1]

Все рассмотренные выше памятники, создавая определенное представление о структуре городов-крепостей, о своеобразных типах архитектуры (оборонительной, жилой и культовой) раннефеодальной Грузии, мало дают (кроме Урбниси) для характеристики быта и культуры масс основных производителей материальных благ. Этот недостаток частично компенсируется раскопками массовых могильников раннефеодальной эпохи в Мцхета (каменные ящики Карснисхеви и поздних слоев Самтавро, Армазисхеви и Навтсадени) и Рустави (грунтовые погребения правобережного могильника). Являясь большей частью коллективными гробницами представителей среднего и низшего социальных слоев городского населения, погребения эти содержат довольно многочисленный инвентарь (украшения, предметы одежды, стеклянные сосуды, немногочисленные монеты V—VIII вв. и т. д.) и датируются в общем IV—IX вв. Бросается в глаза большое типологическое сходство отдельных форм украшений и сосудов, что лишний раз подчеркивает единство, однородность материальной культуры в разных городах раннефеодальной Грузии. Отдельно следует отметить два погребения этой эпохи из Самтаврского могильника. От первого сохранилась эпитафия «архитектора и главного живописца» г. Мцхета по имени Ахол (IV—V вв.). Это свидетельствует о высоком развитии городской культуры и организованного строительства в столице Картлийского царства незадолго перед перенесением столицы в Тбилиси. Второе считается погребением ювелира, так как в нем обнаружены: миниатюрные весы с разновесками, а также несколько цветных камней, отшлифованных и заготовленных для вставки в перстни. Таким образом, это — погребение ремесленника, жителя Мцхета V или даже VI в., занимавшегося изготовлением и продажей украшений, столь популярных среди городского населения Мцхета тех времен[2]. Изучение стеклянных изделий из погребений мцхетских могильников раннефеодальной эпохи (в основном — Самтавро) дает основание предполагать наличие в то время развитого стекольного производства в Мцхета[3].

* * *

Интенсивнее и с более многосторонним охватом раскапывались памятники эпохи развитого феодализма. Здесь мы остановимся лишь на наиболее выдающихся и типичных памятниках.

[1] Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты раскопок в Рустави. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I. Тбилиси, 1955.

[2] Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 91—95.

[3] Н. Н. Угрелидзе. К истории стекольного производства в древней Грузии (по материлам из Самтаврского могильника IV—VIII вв.). Кандидатская диссертация, Тбилиси, 1954.

Большие археологические исследования средневекового провинциального города Дманиси дали много интересных и ценных материалов. Результаты исследования уже достаточно полно отражены в печати[1].

Раскапывался также другой, не менее известный по письменным источникам, средневековый город Рустави, один из типичных равнинных городов-крепостей Грузии. В исторических судьбах этих городов много

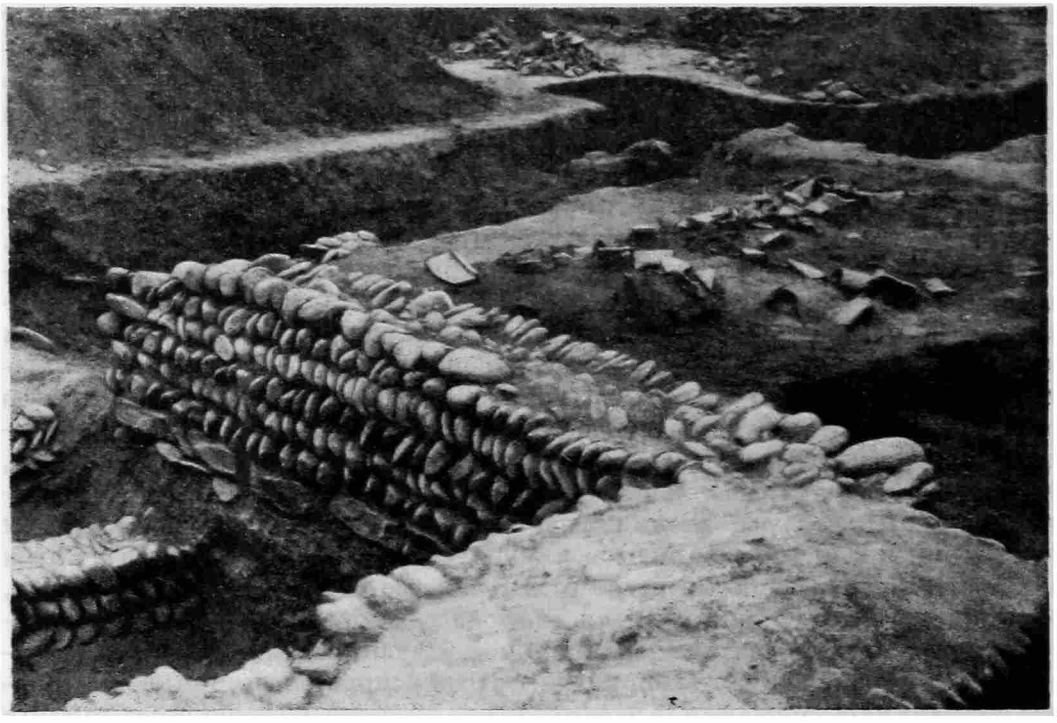


Рис. 5. Раскопки жилого квартала XIII в. Рустави.

общего. В частности, процветание Рустави, как и Дманиси, было оборвано в середине XIII в. нашествием монгольских войск, о чем говорит Вахушти Багратиони. До наших дней над землей сохранилась лишь цитадель — большая, довольно мощная крепость на острове между Курой и древним оросительным каналом, обновленным в XIX в. Все остальное было погребено под землей. Раскопки начались с первых дней строительства, в 1944 г. Самыми интересными оказались раскопки жилого квартала, расположенного у подножья цитадели, за каналом. На этом участке были вскрыты развалины десяти совершенно однотипных простых сооружений из булыжника, уложенного кладкой «рыбья кость», на глиняном растворе (рис. 5). Это были типичные для Восточной Грузии сооружения, наполовину под землей, с плоским перекрытием, с центральным подпорным столбом. Квартал, по-видимому, был сплошь застроен: сооружения примыкали одно к другому вплотную. Хозяйственные ячейки не были отделены от жилых. Деревянные части сооружений сохранились лишь в обгорелом виде, так как город был сожжен. Вследствие пожара обвалились крыши, стены домов, а посуда и другие домашние предметы упали на пол и разбились. Картину беспощадного разорения дополнило несколько костяков убитых людей и животных среди развалин. Среди них были:

[1] Л. В. Мусхелишвили. Раскопки в Дманиси. СА, VI, 1940; его же. Дманиси. Сб. «Материальная культура эпохи Руставели», Тбилиси, 1938.

обезглавленная девушка, свалившийся в яму мужчина с рассеченным лбом и две собаки, убитые перед дверьми. На полу кое-где были разбросаны женские украшения, в том числе золотые, тонкой работы серьги и кулон (рис. 6). Это заставляет предположить, что в домах этих жили представители средних городских слоев. Из многочисленных находок как в самих домах, так и поблизости от них надо отметить: пару мельничных жерновов;

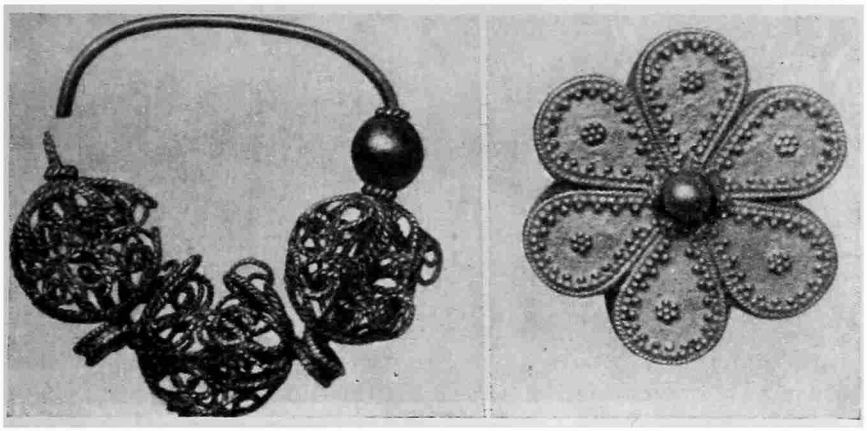


Рис. 6. Золотая серьга и кулон. XIII в. Рустави.

ручные вращающиеся зернотерки; железные топоры, в том числе специальный топор для вырубки кустарника и срезания лишних лоз в винограднике; «тоне» (рис. 7), «квеври» (рис. 8) для вина и, может быть, для запасов холодной воды; ямы для хранения зерна. В одном помещении обнаружены семена разных овощей (арбуза, огурцов, ароматной зелени и др.), а также кусочки яичной скорлупы с красной краской («пасхальные» яйца). Основную и самую интересную часть археологических находок здесь, так же как и в Дманиси, составляет посуда, большей частью поливная (рис. 9). Наряду с большим общим сходством с дманисской и тбилисской, руставской керамике свойственны черты некоторого своеобразия, что заставляет думать о наличии местного производства и в Рустави. То же самое можно сказать и о стеклянных изделиях, представленных как сосудами (главным образом флаконами), так и украшениями (главным образом разноцветными браслетами).

Раскопки жилого квартала Рустави дали также весьма обильный нумизматический материал, свидетельствующий об экономическом благосостоянии города. Основная масса (395 медных монет, весом 8 кг) была найдена в виде клада, зарытого в кожаном мешочке рядом с одним из «тоне», у основания деревянного столба. Состав клада таков: Деметра I, сына Давида Строителя (1125—1156 гг.) — 1 монета; Георгия III (1156—1184 гг.) — 29 монет; Георгия III и Тамары (1184—1187 гг.) — 1; Тамары (1184—1213 гг.) — 176; Георгия IV Лаша (1213—1222 гг.) — 162; истертых и неопознанных (Тамары или Лаша) — 25; неопознанная грузинская монета со вторичным штампом хорезм-шаха Джелал-эд-дина (1226—1227 гг.) — 1; монета, битая в Тбилиси от имени монгольского хана Мангу (1251—1259 гг.) — 1. Следовательно, клад зарыт в 50-х или 60-х годах XIII в., возможно, в тревожные дни закавказского похода войск властелина Золотой Орды Берке-хана (1262 г.). Владелец клада мог стать жертвой разорения Рустави монголами. Об этом событии говорят письменные источники.

Рис. 7. «Тоне» (хлебная печь), обложенная глиняными мисками. XIII в. Рустави.

Рис. 8. «Квеври» и куча битой посуды. XIII в. Рустави.

Среди развалин (на полах, в сосуде и т. д.) найдено 70 монет: 55 грузинских, 7 иностранных, 8 неопознанных, но, по-видимому, также иностранных. Древнейшая из них — византийская, Юстина I (518—527 гг.), новейшая — сельджукская (середины XIII в.). 33 монеты носят вторичные штампы Джелал-эд-дина. На некоторых из них распознаются первичные штампы Тамары и Лаша.

Такое обилие монет, огромное большинство которых датируется довольно ограниченным отрезком времени, облегчает датировку комплекса сооружений XII—XIII вв. Впрочем, здесь же надо оговориться, что под развалинами строений этого времени довольно четко видно несколько слоев развалин более древних сооружений того же типа, а также остаток стены — кладки из крупных четырехугольных тесаных камней. Этим, более древним, слоям соответствует несколько украшений и монет, относящихся к раннефеодальной эпохе.

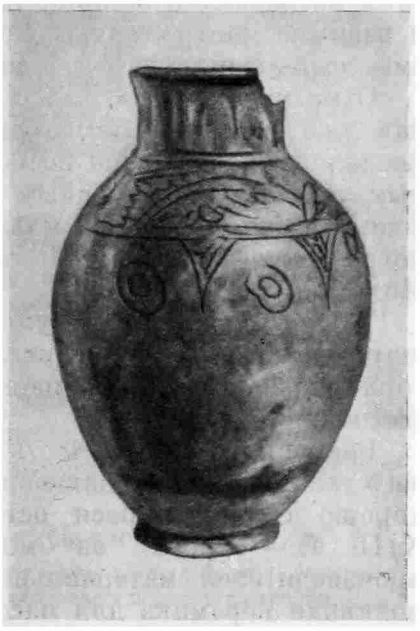


Рис. 9. Поливная ваза. XIII в. Рустави.

Раскопки в Рустави дали также значительный эпиграфический материал. Сюда относятся надписи древним заглавным грузинским шрифтом «асомтаврули», вырезанные на надгробных камнях типа небольших стел, сохранившихся в виде фрагментов. Это обстоятельство существенно корректирует вывод Л. Мусхелишвили, который, отмечая отсутствие грузинских надмогильных надписей в Дманиси, считает, что такие надписи в Грузии начали появляться сравнительно поздно — лишь с XV—XVI вв. Руставские надписи как по палеографическим, так и по стратиграфическим данным, не могут датироваться временем позже XI—XII вв., а возможно, и древнее этого времени. Кроме того, имеются: фрагмент надписи тем же шрифтом, вырезанной на черепице до ее обжига; надпись, выцарапанная на небольшом глиняном кувшинчике («Тепале» — по-видимому, имя владельца); отдельные буквы, надо полагать, инициалы, вырезанные на поверхности различных сосудов. В слое VI—VII вв. найдена круглая каменная печать с греческой надписью, на которой выцарапано и несколько грузинских букв «асомтаврули» — видимо, имя, начинавшееся на «Тем...». Уместно вспомнить здесь же, что при раскопках селища в Лочини также найден глиняный кувшинчик с вырезанными двумя буквами «асомтаврули» (имя владельца под титлом?).

Все это говорит о широком распространении грамотности среди населения, т. е. об общем довольно высоком уровне культуры народа в эпоху объединенного грузинского феодального государства. Интересно, что письменность «асомтаврули» была столь распространена, вопреки мнению Н. Я. Марра, считавшего ее лишь торжественно-церковной письменностью. Наконец, по этим разнообразным грузинским надписям можно заключить, что население в Рустави было гораздо менее смешанным, чем в Дманиси.

Одним из важных открытий в Рустави надо считать открытие могильника с каменными ящиками, сырцовым ящиком, имеющим параллель

в Азербайджане, и грунтовых погребений эпохи развитого феодализма, давших многочисленный и разнообразный инвентарь, в том числе — грузинские медные монеты XII в. До сих пор считалось, что погребения эпохи развитого феодализма в Грузии уже не содержат инвентаря.

Бросается в глаза почти полная идентичность предметов, в том числе поливной посуды, оружия и украшений из погребений (рис. 10) с предметами из развалин жилищ, так что эти две категории находок дополняют и взаимно контролируют друг друга как в смысле датировки, так и в смысле номенклатуры ведущих типов инвентаря.

Отметим здесь же, что в окрестностях крепости Уджарма, в которой, как уже было сказано, имеются остатки строительства эпохи развитого феодализма, раскопано несколько каменных ящиков с инвентарем, сходным и явно одновременным с инвентарем указанных руставских погребений (стеклянные браслеты, бронзовые перстни и т. д.). Одно такое погребение раскопано и в ограде храма Светицховели (XI в.) в Мцхета.

Таковы основные результаты раскопок в Рустави. Как мы видим, широко развернувшееся исследование этого, второго вслед за Дманиси, города-крепости внесло много нового в историю материальной культуры феодальной Грузии.

Раскопки в старой части столицы республики, Тбилиси, вскрыли то, чего так недоставало нашей археологии. Здесь были обнаружены довольно хорошо сохранившиеся остатки мастерских городских ремесленников XIII в. — одного из многочисленных отрядов непосредственных производителей материальных благ. В мастерских этих изготовлялась поливная керамика для массового потребления. Удалось раскопать семь более или менее сохранившихся печей для обжига, сложенных из плоскоквадратных, так называемых «грузинских» кирпичей (рис. 11). Все печи оказались заполненными обломками посуды, керамическими «клиньями», подставками-треножниками и двойными крюками для размещения и подвешивания сосудов, подвергавшихся обжигу. Около печей было обнаружено множество обломков уже готовых или неудавшихся сосудов, а также полуфабрикатов — стопки подготовленных, даже разрисованных, но не глазурованных чаш и т. д. Была вскрыта огромная куча производственных отбросов — бракованных сосудов и керамического и стеклянного лома. Среди развалин мастерских удалось найти некоторые инструменты мастеров-гончаров: массивную каменную ступку, несколько ручных мельниц для дробления и размола глазурного материала, две пары чаш от весов (одна — миниатюрная). Найдены сосуды с готовой глазурной «мукой», обломки белого кварца и т. д. Вскрыт ряд «тоне» и очагов — по-видимому, пища готовилась здесь же, в мастерской (цеховая организация гончаров?).

Бóльшую часть продукции мастерских составляет столовая посуда: миски и чаши для питья, покрытые одноцветной глазурью или полихромно разрисованные под прозрачной глазурью. Орнамент в основном растительный и геометрический. Часто встречаются изображения птиц (главным образом ястреба — рис. 12), реже — животных и фантастического существа — птицы с женской головой. Во множестве найдены также маленькие раковинообразные светильники и круглые солонки с одноцветной поливой. Сравнительно меньше кувшинов и банок.

Кроме посуды, мастерская изготовляла и строительную глазурованную керамику: черепицу (найдены экземпляры с рельефным «трилистником» типа дманисских и надарбазевских), изразцы для внутренней облицовки стен и т. д. Найдено некоторое количество обломков тонкой фаянсовой посуды, среди них — фаянс с люстровой росписью.

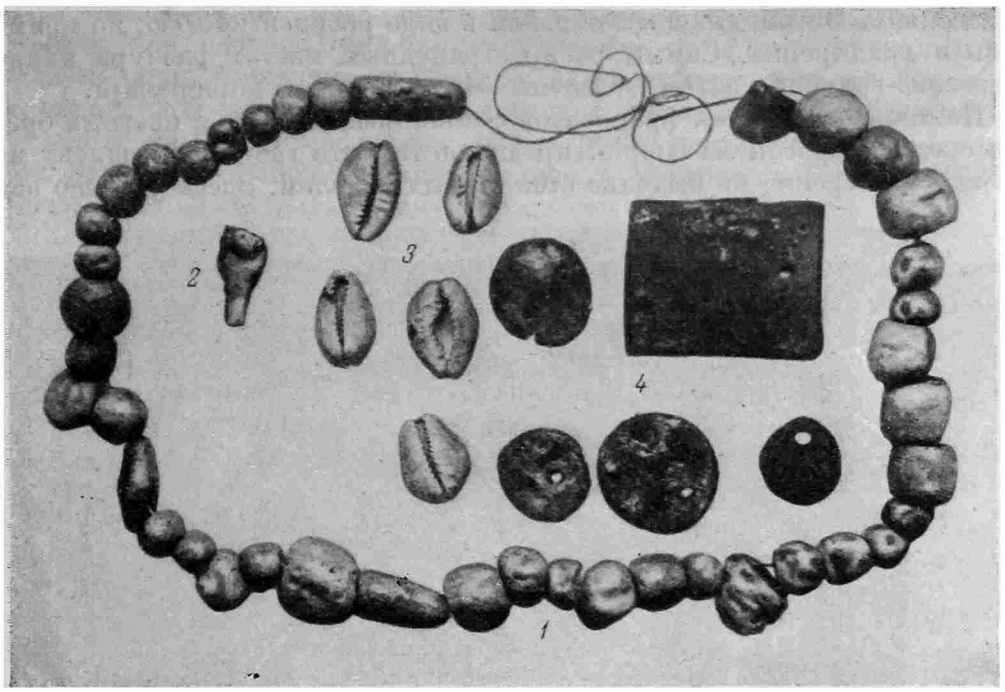


Рис. 10. Раскопки в Рустави. Инвентарь погребения:

1 — низка пастовых бус и подвесок; *2* — подвеска-амулет в виде руки; *3* — пять раковин «каури»; *4* — пять грузинских медных монет XII в., входивших в состав ожерелья.

Рис. 11. Остатки двух печей для обжига керамики XIII в. Тбилиси. Раскопки 1948 г.

Поливная посуда вся без исключения ангобирована. Изображения нанесены на ангоб, главным образом в виде росписи кистью, но применялась и гравировка. Самым распространенным цветом глазури является бирюзово-голубой, затем — зеленый и красновато-коричневый.

Наличие множества фрагментов стеклянных сосудов и цветных браслетов среди отбросов заставляет предполагать, что где-то неподалеку находились мастерские по выделке стеклянных изделий. Здесь уместно вспом-

Рис. 12. Поливная миска с полихромным изображением птицы из раскопок керамических мастерских. Тбилиси.

нить об открытии Г. Г. Леммлейном еще в 1918 г. остатков средневекового стеклодувного производства в Карсани (пригород Мцхета), которые сопровождались керамикой, весьма схожей с тбилисской[1].

Керамические мастерские, раскопанные в Тбилиси, довольно надежно датируются медными монетами, найденными как среди развалин рабочих помещений, так и среди отбросов, что заставляет предполагать наличие торговли посудой и на месте. Это были в основном грузинские монеты: Георгия III (1156—1184 гг.), Георгия IV Лаша (1213—1222 гг.) и его сестры — царицы Русудан (1222—1245 гг.), следовательно, монеты второй половины XII и первой половины XIII в. При раскопках, недалеко от мастерских, у подножья городской стены, к которой примостились мастерские, было обнаружено два человеческих костяка,— по-видимому, останки гончаров, убитых при разгроме мастерских. Признаки этого разгрома очевидны: рабочие помещения мастерской сожжены, работа как бы прервана внезапно. У одного из убитых мастеров оказались 133 мед-

[1] Отчет см. Сообщения АН ГССР, т. VI, № 9, 1945.

ные монеты, хранившиеся в кармане или кошельке, судя по сохранившимся фрагментам ткани. Две трети содержимого кошелька составляли монеты Русудан, позднейшими являлись две монеты со вторичным штампом Джелал-эд-дина. В отличие от Рустави, здесь не оказалось ни одной монеты, чеканенной монголами. Следовательно, временем гибели владельца этого кошелька, а следовательно, и разорения мастерских надо считать период недолгого господства хорезмийцев в Восточной Грузии (1225—1230 гг.)[1].

Рис. 13. Развалины летнего царского дворца. Надарбазеви.

Материалы тбилисской экспедиции приобретают немаловажное значение для истории средневекового керамического производства не только Грузии или Кавказа, но и вообще Передней Азии. С другой стороны, ими представлены вещественные памятники одного из видов товарного производства в городах средневековой Грузии.

Вместе с тем вскрытые многочисленные и разнообразные образцы, в том числе немало целых или почти целых сосудов, особенно ярко освещают большое своеобразие этой отрасли художественного ремесла феодальной Грузии в пору его наивысшего расцвета наряду со сходством с одновременной керамикой Армении и Азербайджана.

Как показали раскопки и случайные находки в ряде других пунктов Грузии (Гударехи, Надарбазеви, Начивчавеби, Уджарма, Самшвилде, Каспи и т. д., не говоря уже о Дманиси и Рустави), поливная керамика, в основном миски и чаши, являлась неотъемлемой принадлежностью

[1] Г. А. Ломтатидзе. Раскопки в Тбилиси, газ. «Заря Востока», 1949, № 152; О. М. Джапаридзе. Отчет о пробных раскопках в Тбилиси; Г А. Ломтатидзе. Раскопки в Тбилиси зимой 1948 г. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I, Тбилиси, 1955.

домашней утвари даже самых скромных, малоимущих земледельцев, в то время как фаянсом пользовались лишь люди зажиточные[1].

Ни в Дманиси, ни в Рустави не довелось обнаружить развалин дворцовых сооружений. Гегутский дворец оказался неоднородным зданием вследствие ряда переделок. Поэтому особенно большое значение приобрели раскопки одного из царских летних дворцов, открытых Нижнекартлийской экспедицией в Надарбазеви.

Дворец этот состоял из двух внушительных сооружений, окруженных каменной оградой. Облицовка везде состояла из крупных отесанных плит. Главное сооружение имело три двери, шесть узких окон и перекрытие, опирающееся на четыре мощных столба (рис. 13). Крыша была черепичная, причем часть черепиц — с рельефными изображениями в виде трилист-

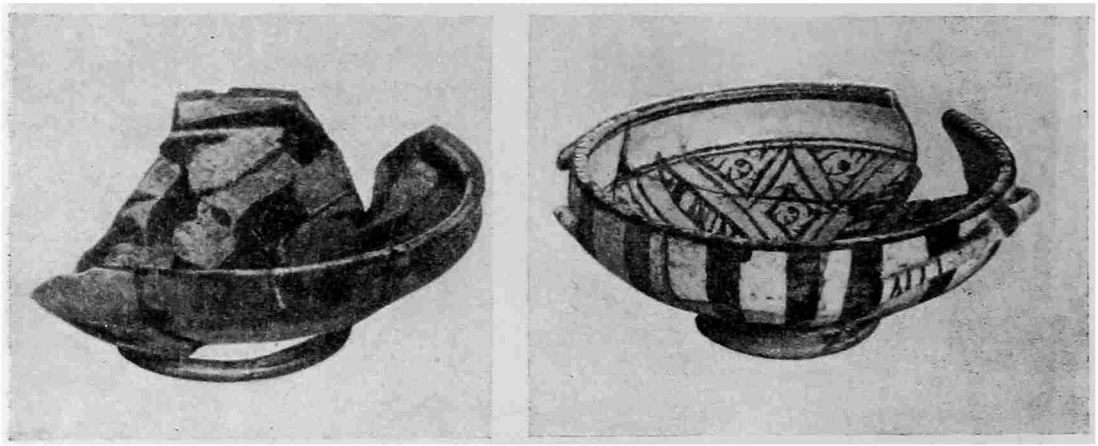


Рис. 14. Поливные миски из слоя среднефеодальной эпохи. Уджарма.

ника. В земле, почти наполовину заполнившей сооружение, были найдены медная монета сына Тамары Георгия Лаша, а также многочисленные обломки поливной керамики и браслетов из цветного стекла. Все это хорошо датируется XII—XIII вв., подкрепляя лаконичное и категорическое сообщение Вахушти Багратиони о том, что дворец принадлежал Тамаре. Впрочем, анализ архитектурных форм позволяет отнести сооружения к IX—X вв. Дворец снабжался питьевой водой водопроводом из керамических труб исключительной прочности: вода шла под очень сильным напором[2].

Резкий контраст с этими и другими, зафиксированными без раскопок, развалинами царских и феодальных дворцов составляют развалины жилищ деревенских жителей, во множестве зафиксированные и частично раскопанные за последнее время в селищах — пустырях двух районов Восточной Грузии: в Начивчавеби, недалеко от вышеописанного Надарбазеви, и в Лочини — на окраине Самгорской степи. Они выстроены из грубо обработанных камней или из булыжника на глиняном растворе и являются полуземлянками, без четкого разделения жилых и хозяй-

[1] Имеются монографические работы о средневековой керамике Грузии: В. В. Джапаридзе. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. СА, XVII, 1953; его же. Керамическая промышленность в Грузии XI—XIII вв. Тбилиси, 1956; З. П. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. Тбилиси, 1953.

[2] И. Н. Цицишвили, П. П. Закарая. Надарбазеви. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I. II. Н. Цицишвили. Водопровод в Надарбазеви. Сообщения АН Грузинской ССР, т. XI, 1950, № 8.

ственных ячеек. Одновременность этих жилищ с рассмотренными дворцами и городскими кварталами подтверждается наличием поливной керамики и стеклянных браслетов[1].

Это — вторая группа археологических памятников, наглядно знакомящих нас с культурой и бытом основной массы непосредственных производителей материальных благ — эксплуатировавшихся земледельцев.

Раскопки развалин Уджармской крепости выявили, кроме раннефеодального, второй слой, датируемый XII—XIII вв., и связанный с долгим обитанием в реставрированной крепости гарнизона, по-видимому, с семьями, судя по фрагментам женских украшений. Реставрацию эту письменные источники приписывают Георгию III, отцу Тамары, устроившему там казнохранилище. Второй слой дал: многочисленную керамику, в ряде случаев несхожую с дманисской, тбилисской или руставской и происходящую из какого-то четвертого центра (рис. 14); фрагменты стеклянных сосудов и браслетов, монеты Тамары и Русудан и т. д.

* * *

Подытоживая наш во многом предварительный обзор, мы можем сказать, что проведенные раскопки остатков средневековых городов, сел и связанных с ними могильников уже значительно обогатили наши представления о культуре, быте и повседневной жизни земледельцев и ремесленников, воинов отдельных гарнизонов и т. д. Памятники эти составляют разительный контраст с царскими дворцами и замками феодалов и убедительно показывают процесс углубления и обострения социального расслоения развитого феодального общества Грузии.

Вскрытые памятники и материалы пополняют, а также подтверждают или уточняют данные письменных источников (например, причисление древнегрузинскими историками Рустави к числу древнейших городов-крепостей Картли; сообщение о жестоком разорении его монголами в XIII в.; славу о Рустави как о значительном экономическом и стратегическом центре страны; сообщение о постройке Уджармской крепости еще на рубеже позднеантичной и феодальной эпох; другое сообщение о постройке там в XII в. казнохранилища и т. д.).

Перед археологией Грузии стоят дальнейшие большие задачи: завершение начатых раскопок, открытие новых, еще более значительных памятников феодальной эпохи—важного периода истории грузинского народа— и воссоздание по возможности полной картины жизни средневековой Грузии.

---

[1] И. А. Гзелишвили. Селища Тетрицкаройского района. Сообщения АН Грузинской ССР, т. XV, 1954, № 5.

К. В. ГОЛЕНКО

КОБУЛЕТСКИЙ КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ СЕРЕДИНЫ IV В. ДО Н. Э.

(*Предварительное сообщение*)

В 1948 г. в селении Пичвнари — пригороде Кобулети—местным жителем Н. Р Верулидзе при работе в огороде был обнаружен большой клад серебряных монет. По словам нескольких свидетелей находки, клад был заключен в глиняный сосуд и содержал в себе 6—8 кг монет. Клад был найден на глубине 10 см. На месте находки клада других древних вещей или следов культурного слоя обнаружено не было[1].

Разновременно и различными лицами было доставлено из числа монет Кобулетского клада в Государственный музей Аджарии (Батуми) 93 синопских драхмы и 55 колхидок и в Государственный музей Грузии (Тбилиси) — 8 синопских монет и 3 колхидки. Таким образом, нам известна 101 синопская драхма и 58 колхидок[2], по всей вероятности, незначительная часть (около $^1/_{10}$) всех монет клада. Вещей в составе клада, по словам находчиков, не было.

В 1954 г. все перечисленные монеты были изучены нами в указанных музеях. Сохранность всех монет клада очень хорошая, хотя низкопробные колхидки были окислены.

Все синопские монеты из известной нам части Кобулетского клада принадлежат к традиционному для Синопы типу драхм, имеющему на лицевой стороне изображение головы нимфы Синопы влево, а на оборотной — орла влево с приподнятыми крыльями, клюющего дельфина. Отличительным признаком группы, к которой принадлежат наши синопские монеты, является наличие имени города в форме ΣΙΝΩ в нижней части оборотной стороны и имени магистрата, хотя и сокращенного, но в довольно полной форме, справа[3], между приподнятыми крылом и хвостом орла. Прекрасное состояние синопских драхм позволило прочесть на

[1] Сведения об обстоятельствах находки клада и археологическая характеристика района Кобулети-Пичвнари были любезно сообщены нам Н. В. Хоштария. Ей, а также работникам Министерства культуры Грузинской ССР И. Г. Ахвледиани и П. В. Кикнадзе и сотрудникам Тбилисского и Батумского музеев Д. Г. Капанадзе, Х. Ахвледиани и Б. А. Циховскому, предоставившим возможность изучения этого клада, автор выражает свою искреннюю признательность.

[2] Кроме сведений, полученных от находчиков, и того обстоятельства, что в Батумский музей приносили в одной партии и синопские и колхидские монеты, смешанный состав Кобулетского клада подтверждается и тем фактом, что многие синопские монеты, чеканенные из хорошего серебра, имели местами зеленоватую окись, перешедшую с колхидок, которые были почти все окислены. Характер окиси как на синопских монетах, так и на низкопробных колхидках был одинаков.

[3] Известны серии более ранних синопских драхм также с греческими надписями, на которых имена магистратов проставлены в более краткой форме.

всех экземплярах, кроме одного[1], имя магистрата, что дало возможность разбить их на группы, объединенные одним магистратским именем.

По своим типологическим признакам синопские монеты из известной нам части Кобулетского клада распадаются на две неравные группы. К первой группе принадлежат только девять монет с четырьмя магистратскими именами: NEY — 1 экз. (табл. I, № 1)[2], ΔIO — 5 экз. (табл. I, № 2—6), имя неясно — 1 экз. (табл. I, № 7) и ΣΦAI — 2 экз. (табл. I, № 8—9). Отличительным признаком этой группы монет является отсутствие у нимфы украшений. Вторая группа монет включает 92 монеты с восемью магистратскими именами: ΑΓΡΕΩΣ — 22 экз. (табл. I, № 10—31), HPOΞE — 2 экз. (табл. I, № 32—33), KAΛΛIA — 3 экз. (табл. I, № 34—36), ΦAΓETA — 19 экз. (табл. I—II, № 37—55), ΔIOY — 42 экз. (табл. II, № 56 — 97), ΛEΩM — 2 экз. (табл. II, № 98—99), ΔION — 1 экз. (табл. II, № 100), IKEΣI — 1 экз. (табл. II, № 101). Для второй группы характерным является наличие ожерелья и трехлопастной серьги, украшающих голову нимфы. При просмотре монет второй группы обращает на себя внимание отсутствие среди них, помимо № 37, 38 (табл. I), тяжелых драхм, которые отличаются от легких изображением аплюструма перед головой нимфы. Отсутствие в кладе тяжелых драхм тем более примечательно[3], что оба вида драхм чеканились с одинаковой интенсивностью и, судя по стилистическим признакам и общим именам магистратов, одновременно.

Синопские монеты, подобные нашим, несмотря на их редкость, издавались неоднократно. Ж. Сикс в своей сводной работе о чеканке Синопы[4] издал сведения о всех известных ему как по публикациям, так и по различным коллекциям синопских монетах; он относил чеканку драхм с изображением трехлопастной серьги у нимфы к 333—306 гг. до н. э. В 1925 г. Е. Бабелон и Т. Рейнак опубликовали второе издание своего капитального труда о малоазийских монетах, где были существенным образом пересмотрены классификация и датировка синопских монет; в частности, интересующие нас монеты авторы отнесли ко времени около 360—320 гг. до н. э.[5]

Указанным авторам неизвестны монеты с изображением головы нимфы без украшений. Просмотр доступных нам более мелких публикаций синопских монет убедил нас в том, что экземпляры, соответствующие первой группе синопских монет Кобулетского клада (№ 1—9), неизвестны в нумизматической литературе. В числе синопских монет второй группы клада есть также неизданные экземпляры, к которым относятся монеты с именами NEY (№ 1), ΣΦAI (№ 8—9), ΔION (№ 100) и HPOΞE (№ 32—33). Что касается имени ΛEΩM (№ 98—99), то оно до сих пор было известно только на тяжелых драхмах.

Таким образом, синопские монеты известной нам части Кобулетского клада содержат не только неизданные экземпляры, но и пополняют новыми именами список монетных магистратов Синопы IV в. до н. э.

---

[1] Табл. I, № 7; на этой монете имя неразборчиво, хотя сохранность ее хорошая.

[2] Номера даны по общему списку синопских монет клада, приложенному в конце статьи, и соответствуют номерам на прилагаемых таблицах.

[3] П. О. Карышковский в прениях по сообщению о Кобулетском кладе высказал предположение, что легкие драхмы специально предназначались для внешней торговли. Однако отсутствие находок монет, подобных нашим, не позволяет проверить эту догадку.

[4] J. P. Six. Sinope. Numismatic Chronicle, 1885, стр. 33.

[5] E. Babelon et Th. Reinach. Recueil Général des monnaies Greques d'Asie Mineure. Paris, v. I, 1925, стр. 193.

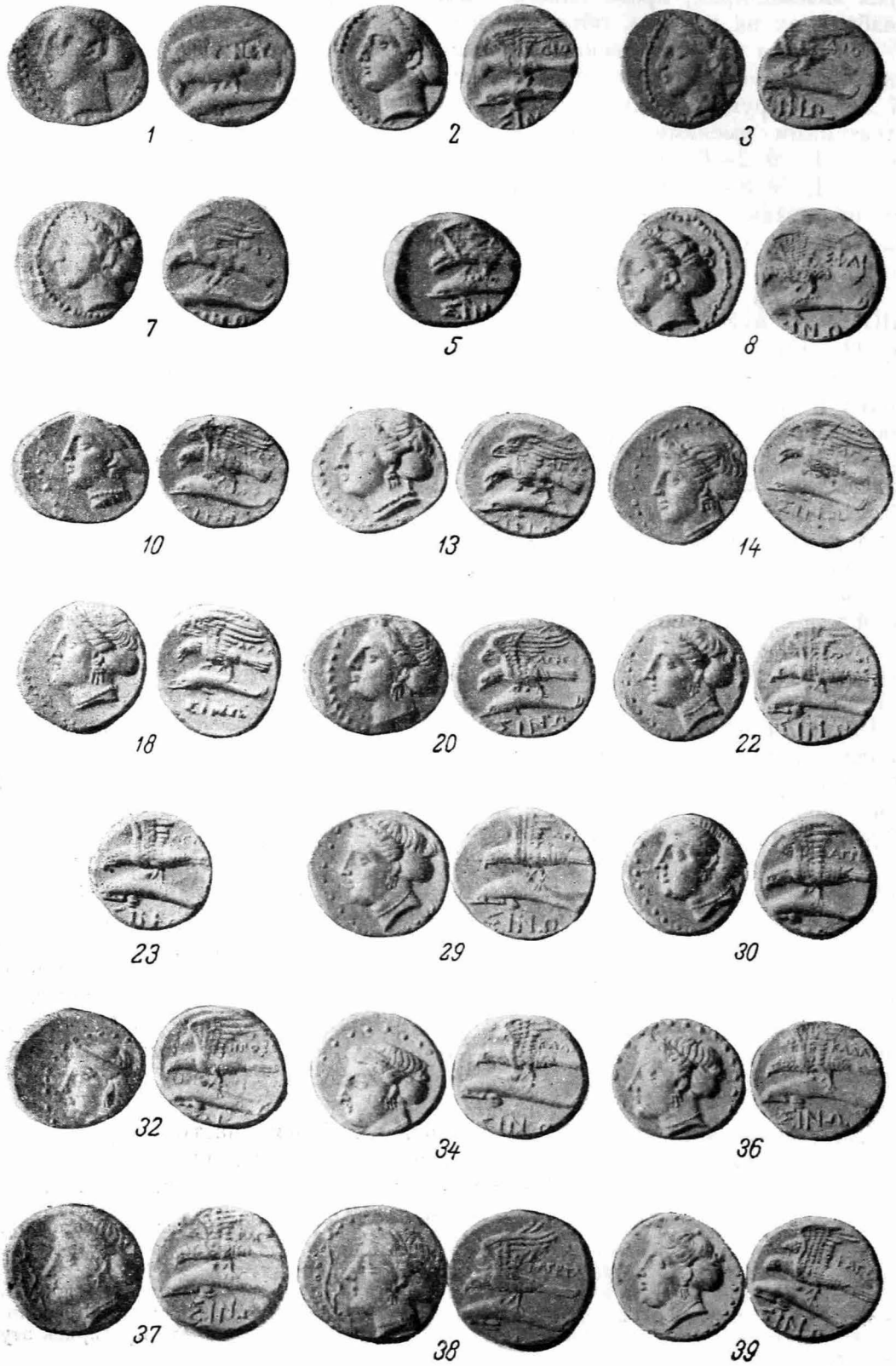


Табл. I. Синопские монеты Кобулетского клада (нат. вел.).

Табл. II. Синопские (нат. вел.) и колхидские (*а*, *б*, *в* увеличены в 2 раза) монеты Кобулетского клада.

В упомянутой выше работе Е. Бабелона и Т. Рейнака монеты интересующей нас группы разбиты по магистратским именам, которые расположены в алфавитном порядке. Видимо, указанные авторы не располагали достаточным количеством экземпляров для того, чтобы сделать попытку установить хронологическую последовательность выпуска монет внутри самой группы.

Прекрасная сохранность всех синопских монет Кобулетского клада позволила, как мы уже говорили, разбить их на группы, объединенные общим именем магистрата. Внутри групп нам удалось выделить ряд экземпляров, чеканенных или общей парой штемпелей, или общим штемпелем лицевой стороны. Обилие разных штемпелей, указывающее на интенсивность чеканки, не позволило, к сожалению, проследить (за исключением одного случая — № 5—7) случаи употребления общих штемпелей аверса для монет с разными именами магистратов. Поэтому у нас также нет твердых объективных данных для установления несомненной и точной преемственности магистратских имен в Синопе в IV в. до н. э.

Тем не менее большое количество синопских монет в Кобулетском кладе, прекрасная их сохранность, а также очевидная в ряде случаев стилистическая преемственность между различными сериями позволяют все же попытаться определить последовательность выпусков.

Синопские монеты Кобулетского клада, безусловно, одновременно завезены непосредственно из Синопы в район Кобулети и не были или почти не были в обращении. Это предположение подтверждается рядом наблюдений над синопскими монетами: 1) большое количество монет, чеканенных общими штемпелями; 2) прекрасная сохранность монет; 3) отсутствие среди них потертых или надрубленных (последние — очень часты среди синопских драхм) экземпляров; 4) несмешанность синопских монет с другими греческими монетами. То обстоятельство, что на синопских монетах клада, несмотря на их многочисленность, представлены не все магистратские имена, известные для данной группы монет, заставляет предполагать, что эти монеты были вывезены из Синопы еще в то время, когда там продолжали чеканиться монеты этой группы.

Наиболее ранними из синопских монет Кобулетского клада являются, по нашему мнению, монеты с изображением головы нимфы без украшений. Этому не противоречит небольшое число их в кладе (всего девять экземпляров, № 1—9), а также более свободная трактовка изображений и отсутствие мелочной детализации, свойственной более поздним выпускам. Две монеты с именами NEY (№ 1) и ΔIO (№ 2) по своим стилистическим особенностям явно примыкают к более ранним, чем наша, группам синопских монет. Но на остальных монетах, помеченных именем ΔIO (№ 3—6), наблюдается иная трактовка головы нимфы. Две монеты с именем ΔIO (№ 5—6) чеканены общим штемпелем лицевой стороны с монетой № 7, имеющей другое магистратское имя. Это единственный среди монет клада случай, когда для монет с разными магистратскими именами употреблялся общий штамп лицевой стороны. Монеты с именем ΣΦAI (№ 8—9) стилистически очень близки предыдущим (№ 3—7).

Переходя к синопским монетам второй группы, с изображением головы нимфы с ожерельем и серьгой, следует отметить их большую стилистическую близость между собой, весьма затрудняющую их классификацию. Последняя сделана на основе наблюдения над стилем монет, а также над изменениями трактовки в разных сериях монет отдельных деталей изображения (например, форма серьги, поза орла).

Монеты с именем АГРЕΩΣ, безусловно, принадлежат к ранним сериям монет второй группы. По стилистическим признакам эти монеты распадаются на две серии, для первой из которых (№ 10—20) характерна свободная трактовка орла на реверсе, близкая трактовке на монетах более ранней первой группы, а также необычная форма серьги, не имеющая аналогий среди монет с другими магистратскими именами. Вторая серия монет с именем АГРЕΩΣ (№ 21—31) отличается от первой более выработанными чертами стиля; поза орла и форма серег уже очень близки ряду более поздних групп. Крайняя малочисленность монет с именами НРОΞЕ (№ 32—33) и КАΛΛΙА (№ 34—36) заставляет отнестись с осторожностью к определению их места, но некоторые типологические признаки их (форма серьги) позволяют все же предположительно поставить эти монеты между монетами с именем АГРЕΩΣ и последующей серией с именем ФАГЕТА. Последняя имеет в своем составе 19 экземпляров, причем два из них (№ 37, 38) имеют изображение аплюструма перед лицом нимфы, т. е. являются тяжелыми драхмами. Несмотря на большое число монет с именем ФАГЕТА, биты они сравнительно небольшим числом разных штампов; о стилистических особенностях этих монет ничего сказать нельзя, так как, начиная с № 21 с именем АГРЕΩΣ, все монеты клада приобретают черты твердого очерченного стандартного типа. Исключение составляет одна небольшая серия монет (№ 49—55), отличающаяся от других монет с именем ФАГЕТА совершенно необычным высоким рельефом и крупным свободным рисунком; у этих монет несколько необычно и начертание магистратского имени — ФАГЕ. Но предположить, что эти монеты выпущены другим магистратом, имевшим то же имя, не приходится, так как монета № 48 с полным написанием ФАГЕТА чеканена общим штемпелем аверса с монетами № 49—50.

Следующая очень многочисленная серия монет (42 экземпляра) с именем ΔΙΟΥ (№ 56—97) чеканена сравнительно небольшим числом разных штемпелей и в стилистическом отношении представляет чрезвычайно однородную картину.

Что касается монет с именами ΛΕΩΜ (№ 98—99), ΔΙΟΝ (№ 100) и ΙΚΕΣΙ (№ 101), то они чрезвычайно близки предыдущим монетам. По всей вероятности, во время деятельности одного из этих магистратов[1] произошел вывоз синопских монет в район Кобулети.

Как мы уже говорили, в состав известной нам части Кобулетского клада, кроме синопских монет, входило также 58 колхидок. Несмотря на то, что все они принадлежат к обычному типу полудрахм с изображением на лицевой стороне человеческой, вероятно, женской, головы вправо, а на оборотной — головы быка вправо (табл. II, *а*, *б*, *в*), они не представляют как в стилистическом, так, вероятно, и в хронологическом отношении однородной массы. Колхидки из Кобулетского клада представлены различными вариантами, как относящимися к ранним выпускам (например, две монеты, на которых шея человеческой головы трактована двумя точками)[2], так и явно более поздними (см., например,

---

[1] Скорее всего, во время магистрата с именем ΙΚΕΣΙ, монеты которого, по словам Ж. Бабелона (J. Babelon. Diogène et la monnaie Demaration, I, № 2, 1935, стр. 63) довольно многочисленны в собрании Национальной библиотеки, в то время как монеты с именами ΛΕΩΜ и ΔΙΟΝ встречаются, как уже отмечалось нами, редко.

[2] См. А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, вып. I, табл. I, № 7.

табл. II, *в*). Среди них есть также один экземпляр с греческими буквами МО, что является большой редкостью для этих монет[1].

Кобулетский клад представляет значительный интерес с различных точек зрения. Судя по нумизматической литературе, он является третьим известным кладом, содержащим синопские монеты. Два других опубликованы Е. Робинзоном. В одном случае клад был найден «где-то в Крыму»[2] и состоял из 36 синопских драхм. Место находки второго клада вообще неизвестно, но, по словам издателя, он происходил из района Черного моря; в его состав, помимо синопских монет, входило небольшое количество гераклейских[3].

В отличие от синопских монет из Кобулетского клада, монеты, изданные Е. Робинзоном, относятся к более раннему периоду. Таким образом, Кобулетский клад является первым известным кладом, содержащим синопские монеты середины IV в. до н. э.

Если не считать упоминания о находке в районе Сухуми синопской драхмы IV в. до н. э.[4], то наш клад является первым случаем обнаружения ранних синопских монет в Закавказье. Тот факт, что синопские драхмы были непосредственно завезены из Синопы в район Кобулети, имеет большое значение для изучения торговых связей Синопы, хорошо прослеживаемых на археологическом материале (клейменые амфоры)[5]. Особенно хорошо прослеживается торговля Синопы с Северным Причерноморьем, но она плохо улавливается в Восточном Причерноморье, где археологический материал греческих городищ и специально привозная керамическая тара еще не подверглись систематическому специальному изучению. Таким образом, наш клад является ценным свидетельством связей Синопы с древней Колхидой.

Наличие в кладе вместе с синопскими драхмами колхидок представляет большой интерес, так как, несмотря на очень ограниченный район обращения колхидок[6], находки этих монет в Западной Грузии встречаются очень часто[7]. Колхидки находят в большинстве случаев в виде кладов, иногда очень значительных, но известны лишь единичные случаи совместного обнаружения колхидок с другими монетами: 1) находка в 1856 г. «ахеменидского сикла» вместе с колхидками в районе Сурами[8]; 2) совместная находка колхидок и трех монет, приписывавшихся ранее Савмаку, где-то на восточном побережье Черного моря[9]; 3) клад из 291 колхидки, содержащий, помимо них, пару золотых серег и кизикин конца VI — начала V в. до н. э., найденный в 1952 г. в районе Кобулети[10]; 4) там же и

---

[1] По словам Д. Г. Капанадзе, в богатом собрании колхидок Государственного музея Грузии колхидки с греческими буквами составляют только около 0,1% от общего числа этих монет.

[2] E. S. G. Robinson. A find of coins of Sinope. Num. Chron. 1920.

[3] E. S. G. Robinson. Sinope. Num. Chron., 1930.

[4] А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет..., стр. 60.

[5] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 11 и сл. См. рецензию А. Н. Зографа на эту книгу в Zeitschrift für Numismatik, T. XL, 1930, стр. 173.

[6] Известны только две находки колхидок вне пределов Закавказья: 1) в Херсонесе — Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. III, Баку, 1940, № 977, и 2) в Нимфее — В. М. Скуднова. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее. ВДИ, № 2, 1952.

[7] См., например, указ. соч. А. Н. Зографа.

[8] А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 56, № 24.

[9] А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Нумизматический сборник, III, стр. 6 и сл.

[10] Находка не опубликована, в Государственном музее Грузии.

примерно в то же время найден статер александровского типа вместе с двумя колхидками[1].

Таким образом, если исключить местные, чеканенные, по нашему мнению, Саулаком, монеты[2], мы располагаем лишь тремя случаями совместных находок колхидок и иноземной монеты, причем во всех трех случаях последние были представлены лишь одним экземпляром, что позволяет рассматривать это как случайное явление. В Кобулетском же кладе мы видим обратное: синопские монеты в количественном отношении явно преобладают над колхидками, т. е., очевидно, к кладу греческих (синопских) монет были примешаны местные — колхидки.

Естественно предположить, что этот смешанный клад был зарыт около греческого поселения или около пункта, часто посещаемого греками[3]. Это предположение подтверждается случайными находками монет в районе Пичвнари — Кобулети — Батуми, где, помимо нашего клада и упомянутых находок клада колхидок с кизикином и александровского статера, обнаружены такие редкие для Закавказья монеты, как ранняя афинская тетрадрахма[4] и три медные монеты Птолемеев[5].

ОБЩИЙ СПИСОК СИНОПСКИХ МОНЕТ КОБУЛЕТСКОГО КЛАДА[6]

I. Магистратское имя NEY

1. Табл. I.

II. Магистратское имя ΔIO

2. Аверс очень близок монете № 1, табл. I.
3. Трактовка аверса отлична от предыдущих, табл. I.
4. Аверс одного штампа с № 3, реверс другого, но близок.
5. Очень близка № 3—4, табл. I (только реверс).
6. Одной пары штемпелей с № 5.

III. Магистратское имя неясно

7. Аверс одного штампа с № 5—6, табл. I.

IV. Магистратское имя ΣΦAI

8. Очень близка № 3—7, табл. I.
9. Близка предыдущей.

V. Магистратское имя АГРЕΩΣ

10. Табл. I.
11. Близка № 10.
12. Близка № 10.
13. Изображение на аверсе крупнее, табл. I.
14. Очень близка предыдущей, табл. I.
15. Одной пары штемпелей с № 14.
16. Одной пары штемпелей с № 14—15.
17. Одной пары штемпелей с № 14—16.
18. Очень близка предыдущим, табл. I.
19. Аверс одного штампа с № 18, реверс близок.
20. Несколько отлична от предыдущих, табл. I.
21. Аверс одного штампа с № 20, реверс близок.
22. Аверс отличен, табл. I.
23. Аверс одного штампа с № 22, табл. I.
24. Одной пары штемпелей с № 23.
25. Аверс одного штампа с № 22—24 (только реверс).
26. Очень близка № 22—25.
27. Близка № 22—25.
28. Аверс одного штампа с № 27.
29. Табл. I.
30. Табл. I.
31. Близка № 30.

VI. Магистратское имя НРОΞЕ

32. Близка некоторым предыдущим, табл I.
33. Других штемпелей, несколько отлична от предыдущей.

VII. Магистратское имя КАΛΛIA

34. Табл. I.
35. Близка № 34.
36. Несколько отлична от № 34—35, табл. I.

VIII. Магистратское имя ФАГЕТА

37. С изображением аплюструма, табл. I.
38. С изображением аплюструма, табл. I.

[1] Находка не опубликована, в Государственном музее Грузии.
[2] К. В. Голенко. О монетах, приписываемых Савмаку. ВДИ, № 4, 1951.
[3] Доклад Н. В. Хоштария на археологической сессии ИИМК АН СССР 1955 г.
[4] А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 60, № 58.
[5] Найдены в Батуми. Гос. музей Аджарии.
[6] К сожалению, веса синопских монет Кобулетского клада, по не зависящим от нас причинам, мы привести не можем.

39. Табл. I.
40. Одной пары штемпелей с № 39.
41. То же.
42. То же.
43. То же.
44. Аверс одного штампа с № 39—43, табл. II (только реверс).
45 Других штампов, табл. II.
46. Других штампов, табл. II.
47. Одной пары штемпелей с № 46.
48. Аверс одного штампа с № 49, табл. II (только реверс).
49. Стиль реверса совершенно отличен от предыдущих, табл. II.
50. Одной пары штемпелей с № 49.
51. То же.
52. Аверс одного штампа с № 49—57, табл. II (только реверс).
53. Аверс одного штампа с № 49—52.
54. Аверс одного штампа с № 49—53.
55. Близка № 49—54, табл. II.

IX. Магистратское имя ΔIOY

56. Табл. II.
57. Аверс одного штампа с № 56.
58. То же.
59. Очень близка № 56—58.
60 Табл. II.
61. Одной пары штемпелей с № 60.
62. Общего штампа аверса с № 61.
63. Одной пары штемпелей с № 62.
64. Общего штампа аверса с № 60—63.
65. То же.
66. Очень близка № 60—65.
67. Табл. II.
68. Одной пары штемпелей с № 67.
69. Общего штампа аверса с № 67, 68, табл. II (только реверс).
70. Общего штампа аверса с № 67—69, табл. II (только реверс).
71. Одной пары штемпелей с № 70.
72. То же.
73. Других штемпелей, табл. II (только реверс).
74. Других штемпелей. табл. II.
75. Других штемпелей, табл. II.
76. Одной пары штемпелей с № 75.
77. То же.
78. Общего штампа аверса с № 75—77.
79. Одной пары штемпелей с № 78.
80. Общего штампа аверса с № 75—79.
81. Других штемпелей, табл. II.
82. Других штемпелей, табл. II.
83. Одной пары штемпелей с № 82.
84. То же.
85. То же.
86. Одного штампа аверса с № 82—85.
87. Одной пары штемпелей с № 86.
88. Табл. II
89. Табл. II
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.

Все монеты разных штемпелей, очень близки между собой.

X. Магистратское имя ΛEΩM

98. Очень близка предыдущей, табл. II.
99. Других штемпелей.

XI. Магистратское имя ΔION

100. Очень близка предыдущим, табл. II.

XII. Магистратское имя IKΕΣI

101. Близка предыдущим.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

С. И. РУДЕНКО

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОЦЕНКЕ ГОРНОАЛТАЙСКИХ НАХОДОК

В XIX сб. «Советская археология» опубликована рецензия Л. Р. Кызласова и К. Ф. Смирнова на мою книгу «Горноалтайские находки и скифы», а в журнале «Вопросы истории» (1954, кн. 6) — рецензия Л. А. Евтюховой на книгу «Культура населения Горного Алтая в скифское время». Л. А. Евтюхова, в общем соглашаясь с моей оценкой культуры населения Горного Алтая в рассматриваемое мною время, в своей рецензии стремится доказать принадлежность племен времени Пазырыка к гуннo-сарматскому, а не к скифскому времени, опираясь на аналогии для меня неубедительные, а в некоторых случаях просто несуществующие [1]. Рецензенты книги «Горноалтайские находки и скифы» не согласны ни с моей датировкой, ни с общей историко-культурной оценкой горноалтайских находок, которые, с их точки зрения, должны быть коренным образом пересмотрены.

В примечании к рецензии редакцией снимается ряд претензий, предъявляемых мне рецензентами, и на них я не буду останавливаться. Одновременно в примечании «от редакции» отмечается, что в значительной части возражения авторов публикуемой рецензии все же не снимаются. Ответить на эти возражения и затрагиваемые в рецензии общие вопросы я считаю себя обязанным тем более, что «Метод замалчивания иных точек зрения,— как справедливо указывают авторы рецензии,— не есть метод, приводящий к объективно-научной, правильной оценке археологических материалов».

Начну с вопроса, который рецензенты считают частным, я же полагаю, что он весьма существен. Это вопрос о хозяйстве и связанном с ним образе жизни племен Горного Алтая в рассматриваемую эпоху. М. П. Грязнов назвал эти племена «ранними кочевниками», что безоговорочно принимается рецензентами. Термин этот я считаю неудачным не только вследствие его неопределенности, но и потому, что он неприменим к племенам Горного Алтая. Свою точку зрения я достаточно подробно изложил в рецензируемой книге, и отрицать ее, значит не считаться с реальными фактами и игнорировать исторический ход развития скотоводческого хозяйства в евразийских странах в I тысячелетии до н. э.

Мы знаем, что в первой половине I тысячелетия до н. э. значительная часть оседлых племен евразийских степей и предгорий перешла к относительно подвижному образу жизни, связанному с массовым разведением лошадей и, как следствие,— с освоением огромных пространств до того почти не использованных степей и полупустынь. При этом вследствие климатических условий евразийских степей и того, что у всех племен имелся крупный рогатый скот, основная масса племен продолжала оседлый образ жизни, и только богатые семьи две трети года передвигались со своими стадами в поисках корма. Таким образом, во все времена скотоводческие племена, обитавшие

[1] Ответ на рецензию Л. А. Евтюховой опубликован мною в «Вопросах истории», 1955, № 11.

в евразийских степях, в том числе и причерноморские скифы-номады, вели полукочевой образ жизни, притом многие — с отгонным пастушеским скотоводством.

Если такое положение было в степных районах, как же можно говорить о кочевом образе жизни в горах Алтая, где степные участки в узких долинах рек в этой горно-лесной стране занимают всего несколько процентов общей площади края? Никаких «юртообразных устройств каменных курганов» в Горном Алтае никто не видел. В пятом Пазырыкском кургане, как показали детальные исследования, не было найдено никаких остатков войлочной юрты. Погребение верховых коней со всем их убранством действительно характерно для части коневодческих племен, но не свидетельствует о кочевом образе их жизни, деревянные «столики со съемными крышками» по существу были блюдами. Столы, как показали раскопки Туэктинских курганов 1954 г., у горно-алтайцев в рассматриваемую эпоху были отнюдь не «кочевнические», а массивные — длиной до 2,30 м, на ножках высотой 0,90 м. Как показали раскопки того же года, древние горноалтайцы не только были оседлы, но и занимались посевом проса.

Перехожу к основным положениям рецензентов относительно датировки и историко-культурной оценки горноалтайских находок.

Вполне справедливо утверждение рецензентов, что без правильной датировки археологических памятников невозможны и правильные исторические выводы. Однако датировка археологических памятников, относящихся даже к такому сравнительно недавнему времени, как I тысячелетие до н. э., задача не такая уж простая. Абсолютная, да и относительная датировка памятников этого времени в Южной Сибири до сих пор не имеет твердых точек опоры. В них мы не находим ни монет, ни античной керамики, хорошо датирующей скифские памятники Северного Причерноморья. Такое положение сохранится до тех пор, пока в практике археологических исследований не найдут применения современные физико-химические методы определения возраста ископаемых объектов. Пока этого нет, приходится пользоваться косвенными приемами, прибегая к аналогиям с хорошо датированными памятниками.

В своей датировке горноалтайских курганов с каменной наброской, в частности, Пазырыкской группы, я исходил из анализа вещей, импортных из Передней Азии, из анализа стиля искусства и из сопоставления с предметами из хорошо датированных курганов Причерноморья.

Методом аналогий следует пользоваться очень осторожно, если он применяется в целях датировки. Прежде всего, объекты, принимаемые в качестве аналогов для установления того или иного памятника, должны иметь короткий срок бытования и отличаться такими частными особенностями, которые не встречаются на других подобных объектах. Кроме того, сами они должны быть хорошо датированы. В этом отношении большую ценность имеет стиль искусства, обычно весьма выразительный и быстро меняющийся.

Переднеазиатское происхождение вещей, таких, как шерстяные ткани и ворсовый ковер из пятого Пазырыкского кургана, датируемых ахеменидским временем, не вызывает никаких сомнений. Не случайно полное отсутствие в горноалтайских курганах с каменной наброской вещей греко-бактрийских, которые после похода Александра Македонского должны были бы проникнуть в Горный Алтай. Показательно также отсутствие китайских вещей ханьского времени, что отрицается рецензентами. Все это, включая и стиль искусства, о чем речь ниже, не позволяет мне датировать горноалтайские курганы, о которых идет речь, временем позднее IV в. до н. э.

Рецензенты не отрицают наличие отмеченных мною доахеменидских и раннеахеменидских элементов в привозных вещах (ткани, ковры) и в местном изобразительном искусстве. «Однако не эти архаические черты, действительно свойственные Пазырыку,— как пишут рецензенты,—должны лечь в основу датировки Пазырыкских памятников».

На что же они предлагают опереться при датировке этих курганов? На памятники искусства Амударьинского клада и особенно на серию золотых предметов из так называемой скифо-сибирской коллекции Эрмитажа. Но ведь рецензентам должно быть

известно, как я уже об этом писал, что Амударьинский клад, раз они о нем уже заговорили, не является кладом в общепринятом понимании, как вещи кем-то собранные и все вместе где-то спрятанные. Это собрание вещей, которое в 1880 г. А. В. Фрэнсис приобрел в Индии, в Пешаваре. Точно место происхождения вещей не установлено. Был ли это берег Аму-Дарьи, место одной из переправ через нее, или Кафирниган —неизвестно, что, впрочем, для нас особого значения не имеет. Важнее то обстоятельство, что неизвестно,были ли монеты и геммы, которые могли бы датировать эту покупку, найдены с другими вещами в Средней Азии или они иного происхождения и были только приобщены индийскими купцами к среднеазиатским вещам при продаже коллекции. Следовательно, сами по себе амударьинские вещи не могут быть опорным пунктом для датировки других комплексов, а сами нуждаются в определении их времени.

О скифо-сибирской коллекции Эрмитажа мы знаем только, что ее вещи происходят из курганов от Урала до Алтая. Коллекция эта детально мною изучена, и я надеюсь, что в непродолжительном времени она будет опубликована. Заключающиеся в ней предметы разновременны, начиная с VI в. до н. э. и кончая II, а быть может, и более поздними веками нашей эры. И это собрание нуждается в определении времени вещей, вошедших в его состав, и совершенно непригодно для датировки каких бы то ни было археологических комплексов.

Рецензенты подчеркивают, что такие черты, «свойственные пазырыкскому изобразительному искусству, как сцены борьбы фантастических животных, особая трактовка тела зверя с вывернутой задней половиной тела, полихромия, выраженная в украшении тела цветными вставками в виде запятых, кружков и т. п.,— чужды скифскому искусству и составляют основу гунно-сарматского изобразительного искусства III в. до н. э.—II в. н. э.». Рецензенты при этом не считаются с тем, что все эти черты свойственны прежде всего переднеазиатскому искусству доахеменидского и ахеменидского времени и раннему скифскому (курганы Келермесский, Костромской и др.).

Все это — высказывания декларативного порядка. Какие же конкретные аналогии приводятся рецензентами для датировки интересующих нас курганов по линии стиля и художественных форм?

Из датированных памятников рецензенты ссылаются на известные бляхи из древнейших (II—I вв. до н. э.) гуннских погребений Дэрестуйского могильника в Забайкалье и на гуннские ковровые аппликации из Ноин-Улы (I в. н. э.).

Дэрестуйские бляхи не имеют аналогов в горноалтайских погребениях. Подобные им по сюжету и форме имеются в Эрмитажной коллекции скифо-сибирского золота. Из сопоставления этих блях очевидно, что дэрестуйские бляхи являются грубым подражанием более совершенным образцам, представленным в Сибирской коллекции. Кроме того, сибирские бляхи этого типа служили застежками кафтанов, дэрестуйские же, сохранив древнюю форму застежек, утратили свое назначение и были прибиты к внутренним стенкам гроба как украшение.

То, что рецензенты называют аппликациями на ноинулинском ковре, на самом деле — вышивки. Там изображены два сюжета: борьба тигра с яком и нападение орлиного грифона на оленя.

Первый сюжет не имеет аналогий в предметах из горноалтайских находок, но подобные ему и синхронные горноалтайским памятникам, о которых идет речь, имеются в Сибирской коллекции Эрмитажа. Однако и здесь ноинулинская сцена является слабой копией сибирских образцов. Головки грифов на кончике носа, на загривке и на кончике хвоста тигра весьма условны, фактура тела, хорошо переданная на сибирских образцах, на ноинулинском ковре не передана, формы тела животных подчеркнуты стандартным орнаментом, неизвестным на подобных изображениях Южной Сибири. Второй сюжет — нападение грифона на оленя. Подобная композиция в середине I тысячелетия до н. э. получила весьма широкое распространение. Ее мы видим на персепольских барельефах (нападение льва на быка), на знаменитой чаше из скифского Келермесского кургана (нападение льва на козла), на серебряном сосуде из скифского же кургана Куль-Оба (нападение льва на оленя), в нескольких вариантах

на предметах из Пазырыкского кургана. Все эти сцены аналогичны по сюжету и композиции, стилистически же они весьма различны. В частности, на кожаном покрывале из второго Пазырыкского кургана, где крылатый и рогатый, типично персидский, львиный грифон напал на лося, формы тела последнего подчеркнуты условными значками в виде «запятых, точек, полуподковок или скобок» — прием, характерный для изображений животных в ахеменидской Персии (см. известные кафели во дворце в Сузах). В вышивке на ноинулинском ковре этих условных значков уже нет, их заменил все тот же стандартный орнамент, происхождение которого следует еще выяснить.

Сопоставляя художественные реалистические изображения животных из горноалтайских курганов с в значительной мере уже условными изображениями на ноинулинском ковре, любой непредубежденный наблюдатель скажет, какие из них являются оригинальными и какие позднейшим подражанием.

Стремясь доказать гунно-сарматское время горноалтайских находок, рецензенты широко пользуются аналогиями из погребений Минусинской котловины, из погребений сарматских — на западе, северомонгольских ханьского времени — на востоке. Какая же цена этим аналогиям?

За неимением других художественных мотивов, общих искусству древних горноалтайцев и племен, населявших в последние века до нашей эры Минусинскую котловину, рецензенты выбрали один из сотен встречающихся в Горном Алтае художественных мотивов — две геральдически сопоставленные лошадиные головы, украшение седельной луки из пятого Пазырыкского кургана и лошадиные же головы в бронзовых пластинках из таштыкских склепов. Пример неудачный, так как материал, форма, назначение этих вещей, стиль воспроизведения голов, детально проработанный в Пазырыке и условно схематичный в Уйбате, ничего общего между собой не имеют.

Второй пример. В качестве аналога деревянному сосуду (с ручкой-сучком) из второго Пазырыкского кургана приводится подобный же деревянный сосуд и его миниатюрные воспроизведения из бронзы из минусинских погребений рубежа нашей эры. Но ведь подобные же сосуды нам известны и в ранних погребениях, имеются они и в современных этнографических коллекциях из Средней Азии и Казахстана. Далее перечисляются «сарматские» вещи из погребального инвентаря Пазырыкских курганов, а именно: круглые деревянные бляхи с выпуклой центральной частью от уздечного набора, каменная жаровня на четырех ножках, деревянный круглодонный сосуд с ручкой-колодкой, золотые серьги с подвесками, серебряное зеркало с ободком и выпуклостью в центре.

Круглые деревянные бляхи с выпуклой центральной частью из сарматских погребений мне неизвестны.

Каменные жаровни, по признанию рецензентов, встречаются в сарматских древностях, датируемых не позднее IV в. до н. э., что, казалось бы, свидетельствует в пользу моей датировки Пазырыкских курганов. К сожалению, тот предмет из второго Пазырыкского кургана, который рецензенты называют жаровней, в действительности — светильня и ничего общего с сарматскими «жаровнями» не имеет ни по форме, ни по назначению. Деревянный круглодонный сосуд с ручкой-колодкой, по-видимому, сопоставляется с известной золотой чашей из Новочеркасского клада, имеющей существенно отличную от пазырыкского сосуда форму и ручку в виде скульптурной фигуры копытного животного. Плохая аналогия.

Золотые серьги из цилиндрика с подвесками. Рецензенты упрекают меня в том, что я оставил их без аналогий, между тем как подобный же золотой цилиндрик, как они предполагают, от серьги найден в кургане № 27 Ноин-Улы. Упрек этот несправедлив, так как при анализе серег, о которых идет речь, я ссылаюсь на ювелирные изделия, найденные Морганом в известном женском погребении в Сузах. В данном частном случае важен вопрос, могут ли подобные ювелирные изделия с зернью служить критерием для датировки памятников? Прием использования зерни в ювелирных изделиях — древний и уходит в микенский период. В Малую Азию и Иран техника украшений ювелирных изделий зернью была перенесена в VII в. до н. э. с греческих островов. Впослед-

ствии она получила весьма широкое распространение как в Европе, так и в Азии по крайней мере до первых веков нашей эры включительно.

Серебряное зеркало из второго Пазырыкского кургана состоит из двух склепанных между собой половин, одной плоской и другой рельефной, с пустотой между ними. Зеркало это пока уникально. Подобных ему нет не только в сарматских изделиях, но и вообще неизвестно, и я был бы очень признателен, если бы мне кто-нибудь указал на подобное зеркало, найденное где-либо.

Рецензенты в качестве аналогий ссылаются на медное зеркало с короткой ручкой и на кожаную диадему с петушками из того же второго Пазырыкского кургана. Рецензенты указывают, что подобный тип зеркал характерен для сарматских зеркал III—II вв. до н. э. Это правильно, но он же встречается и в более ранних погребениях V—IV вв. до н. э. (Покровские и Прохоровские курганы Чкаловской обл.). Пазырыкская «диадема» представляет собой ремешок с нашитым на него рядом вырезанных из кожи петушков. Большая диадема из Новочеркасского клада, с которой она сопоставляется, состоит из широких золотых пластин, украшенных халцедоновым бюстом римской императрицы и крупными вставками аметистов и гранатов. По верхнему краю диадемы припаяны изображения деревьев, оленей и уток. По нижнему краю прикреплен ряд подвесок тонкой ювелирной работы. Что же общего между этими двумя предметами и как можно в серьезном археологическом издании приводить подобные аналогии для датировки серии памятников?

Рецензенты пишут, что перечень аналогий горноалтайских древностей с сарматскими можно было бы еще пополнить, но я полагаю, что достаточно и этих, чтобы убедиться в полной безнадежности защиты позиции, занятой рецензентами.

Пренебрежением к восточным аналогиям рецензенты объясняют мою ошибку в датировке горноалтайских находок скифским, а не гунно-сарматским временем. В силу тех же причин, как полагают рецензенты, я уклоняюсь от обсуждения совершенно иной точки зрения на горноалтайские курганы, которая существует в археологической литературе и хорошо аргументирована С. В. Киселевым, относящим эти горноалтайские памятники к гунно-сарматскому времени, а именно — не ранее III в. до н. э.

Мои соображения о предлагаемой С. В. Киселевым датировке Пазырыкских курганов изложены мною в работе «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (стр. 346—348) и здесь повторяться я не буду. Остановлюсь только на доводах, которые приводятся рецензентами в доказательство «гуннского» времени горноалтайских курганов. Речь идет о совершенно будто бы сходном устройстве погребальных камер гуннских шаньюев в Ноинулинских курганах I в. н. э. и горноалтайских. Эта аналогия вряд ли удачна. Что же общего между горноалтайскими и ноинулинскими погребальными сооружениями? Только устройство погребальной камеры, да и то далеко не одинаковой конструкции, и драпировка стен войлоками. В могильные ямы Ноин-Улы ведет дромос, в горноалтайских он отсутствует. Все гуннские захоронения в гробах, в Горном Алтае — в саркофагах-колодах. В гуннских курганах нет захоронений коней, во всех горноалтайских они обязательно имеются. В ноинулинских мы имеем положенные в знак траура отрезанные косы, в горноалтайских их нет.

Обращаясь к связям древних горноалтайцев с Китаем, рецензенты пытаются доказать, что эти связи появились не ранее ханьского времени. Какие же приводятся доказательства?

Утверждается, что орнаментация пазырыкских тканей ханьская. Это утверждение бездоказательно. Из сопоставления пазырыкских шелковых тканей с ноинулинскими очевидно, что ни по технике выполнения этих тканей, ни по орнаментации нет вполне сходных, если не считать простые ткани полотняного переплетения, бытующие в Китае в течение тысячелетий. Неправильно рецензенты относят китайское зеркало из белого металла из шестого Пазырыкского кургана ко II в. до н. э., ссылаясь на работу Крюммеля (1930). Я в своей работе придерживаюсь более авторитетной датировки Умехары и Сваллоу, разделяемой Е. Чайльдом (VI—III вв. до н. э.—Antiquity, № 12, 1954).

Мою значительную ошибку рецензенты книги усматривают в том, что я смешал воедино все алтайские памятники эпохи, по их выражению, ранних кочевников, среди которых имеются и более ранние и более поздние. Что касается более ранних, т. е. VII—VI вв. до н. э., то их я в рецензируемой работе не касаюсь, что же до более поздних, например, Шибинского кургана, то, вслед за М. П. Грязновым, я не могу датировать его временем I в. до н. э.— I в. н. э. по нахождении в этом кургане пресловутых китайских лаковых чашечек 86—48 гг. до н. э. (а не 86г. до н. э. и 48г. н. э., как пишут рецензенты). Однако это тема особая, не имеющая отношения к рассматриваемой книге.

Таким образом, авторы рецензии ничем мне не помогли в уточнении датировки горноалтайских находок. Тем не менее положительная сторона рецензии заключается в том, что она ярко показывает археологам, особенно молодым, с какой осторожностью следует прибегать к аналогиям в датировке археологических памятников, чтобы не впасть в ошибку.

Так обстоит дело с датировкой, что же касается исторических выводов, то они совершенно очевидны. Они с исключительной для археологических памятников полнотой, раскрывая богатую и своеобразную культуру населения Горного Алтая в скифское время, показывают, что культура эта не была изолированной. Культура эта представляла собой часть той общей культуры, которая была в середине I тысячелетия до н. э. присуща в Азии массагетам и сакским племенам античных авторов, юэчжийским китайских источников, в Европе — племенам скифским, включая и собственно скифов. Последнее вполне естественно, если принять во внимание не подлежащее теперь сомнению азиатское происхождение скифов и те оживленные связи, которые в отдаленную эпоху имелись между подвижными коневодческими племенами евразийских степей.

Второй не менее существенный вывод заключается в том, что в данную эпоху существовали тесные связи этих племен не только с греками в области Причерноморья, но и в Азии, с государствами Передней Азии и Китаем, причем связи эти распространялись и на Горный Алтай.

Я далек от мысли, что у культуры, вскрытой раскопками в Горном Алтае, не было связей с культурами сарматов и гуннов. Напротив, я убежден в том, что связи эти имеются, так как сарматская культура является непосредственной преемницей культуры скифской или сакской, в широком их понимании. В меньшей степени наследие горноалтайской культуры прослеживается в культуре гуннов.

Я специально не занимаюсь ни сарматской, ни гуннской культурой, для тех же, которые ею занимаются, благодарной задачей будет проследить тот вклад, который культура евразийских степных племен скифского времени внесла в последующее развитие специально сарматской и гуннской культур.

Меня часто упрекают в том, что я занимаюсь исследованием почти исключительно курганов родо-племенной знати, игнорируя погребения рядовые, основной массы населения, и в этом усматривают односторонность привлекаемого мною археологического материала. Малые курганы исследовать проще и легче. Материалом, добытым из таких курганов, я не пренебрегаю, но в них мы, учитывая, что и они в большинстве своем ограблены, помимо скелетов и скудного инвентаря, почти ничего не находим. Иное дело большие горноалтайские погребения племенной знати, хотя и ограбленные, но скованные курганной мерзлотой. Поэтому меня удовлетворяет признание рецензентов, которые пишут, «что несмотря на односторонность археологического материала, добытого лишь из курганов родо-племенной знати, С. И. Руденко удалось показать широкую и разностороннюю производственную деятельность, высокую культуру и широкие культурные связи древнего населения Горного Алтая».

В заключение я хотел бы выразить своим товарищам пожелание, не останавливаясь перед трудностями, шире развернуть работы по раскопкам больших курганов в полной уверенности, что их труд будет возмещен сторицею.

С. А. САРДАРЯН. ПАЛЕОЛИТ В АРМЕНИИ. Изд. Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1954

Одним из важнейших достижений советской археологии в послевоенные годы явилось открытие древнейших палеолитических стоянок в Армении. Заслуга этого открытия, наряду с А. П. Демехиным, М. З. Паничкиной и С. Н. Замятниным, принадлежит молодому армянскому археологу С. А. Сардаряну. С 1944 г. он систематически обследовал склоны горы Артин близ Арагаца, где на местонахождении Сатани-дар собрал обширную коллекцию палеолитических орудий.

Результаты исследований М. З. Паничкиной по палеолиту Армении уже освещены в печати как в ее монографии «Палеолит Армении» (1950 г.), так и в ряде статей. М. З. Паничкина подробно описала шелльские и ашельские орудия Сатани-дара, ашельские и мустьерские находки в Арзни, верхнепалеолитические стоянки Джаткран и Нурнус. Настала пора опубликовать и материалы из сборов С. А. Сардаряна. И вот в 1954 г. Издательством Академии наук Армянской ССР была издана книга С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении».

Следует отметить, что Издательство Академии наук Армении правильно оценило значение выхода в свет публикации материалов, являющихся в настоящий момент древнейшими памятниками человеческой культуры не только в Армении, но и для всей территории СССР. Книга хорошо оформлена, она имеет переплет и суперобложку, в ней есть цветная вкладка и таблицы на меловой бумаге. В работе около 70 таблиц с изображениями каменных орудий, прекрасно выполненными Б. А. Арзуманяном и Л. А. Садояном. В этих таблицах изображено несколько сот изделий из камня, что позволяет составить достаточно полное представление о коллекции С. А. Сардаряна. Но, к сожалению, текст работы С. А. Сардаряна ни в коей мере не может удовлетворить читателя. Не касаясь многих частностей, остановимся на главных недостатках этой работы.

В центре внимания автора стоит вопрос о периодизации материалов по каменному веку Армении. Публикуя свое собрание, С. А. Сардарян сообщает, что им найдены орудия следующих эпох: дошелльской, шелльской, подразделяющейся на древний, средний и поздний шелль (стр. 53), ранней и поздней ашельской (стр. 78), мустьерской, ранней, средней и поздней ориньякской (стр. 129), солютрейской, мадленской и азильской (стр. 153). Таким образом, на склонах горы Артин якобы найдены памятники всех стадий палеолита. Можно думать, что это единственное место в мире, где история первобытного человечества представлена без каких-либо пропусков. Уже это обстоятельство вызывает большие сомнения у читателя. Эти сомнения перерастают в недоверие к выводам автора, когда читатель пытается найти обоснование периодизации палеолита Армении, данной С. А. Сардаряном.

По сути дела, никакого обоснования выводов автора в книге нет. С. А. Сардарян предлагает читателю свои взгляды как аксиому. Так, он пишет: «вместе с нижнепалеолитическими рубилами на стоянках горы Артин найдены и другие,более примитивные, т. е. дошелльские (возможно раннешелльские) и шелльские изделия» (стр. 64). Вот все,

чем обосновывается выделение дошелльского комплекса из сборов на Сатани-даре. Какого-либо анализа типологии изделий, особенностей сохранности и патинизации орудий разных форм и т. п. в книге С. А. Сардаряна нет. Поэтому вся его периодизация повисает в воздухе и вызывает чувство недоверия.

Особенно сомнительно выделение шести стадий верхнего палеолита на материалах сборов на Сатани-даре. «Основной инвентарь верхнепалеолитической техники,— говорит С. А. Сардарян,— ...состоит из крупных пластин с ретушью по краям» (стр. 130). Но ведь данный тип орудий в такой же мере характерен и для южного неолита, как и для верхнего палеолита, а после работ Ж. де Моргана и М. З. Паничкиной мы знаем именно неолитические памятники с крупными пластинами в окрестностях Арагаца и на самой горе Артин.

Просматривая хорошо исполненные таблицы к работе С. А. Сардаряна, мы не видим на них ни одного бесспорно верхнепалеолитического орудия. Хотя ко многим пластинкам на таблицах XXXIII, XXXIV, XXXIX, XL автор старательно пририсовал стрелки резцовых сколов, по рисункам видно, что ни одного резца здесь нет. На странице 166 С. А. Сардарян говорит о нуклевидных орудиях, но на таблицах нет изображений таких орудий. Пластины и скребки, нарисованные на двадцати таблицах, иллюстрирующих «верхний палеолит Армении», вполне могут относиться к неолитическому и энеолитическому времени. Более того, на таблице LIII на рис. 20 читатель с удивлением видит типичный для энеолита и эпохи бронзы в Закавказье вкладыш для серпа с зубчатым рабочим краем, отнесенный С. А. Сардаряном к мадленскому времени.

В сборах автора на горе Артин нет изделий, близких к находкам М. З. Паничкиной на верхнепалеолитических стоянках Нурнус и Джаткран; напротив, аналогии с неолитическими материалами из сборов Ж. де Моргана и М. З. Паничкиной многочисленны.

Отсюда ясно, что все попытки С. А. Сардаряна выделить разные стадии верхнего палеолита в сборах на горе Артин бездоказательны, а потому беспочвенны и общие заключения автора, например, утверждение о наличии солютрейских памятников на Кавказе, в противоположность принятому всеми советскими археологами положению С. Н. Замятнина, и т. д.

Несколько более обосновано выделение С. А. Сардаряном мустьерского комплекса в сборах на Сатани-даре, не выделявшегося М. З. Паничкиной. Мелкие, двусторонне обработанные орудия типа рубил, изображенные на таблице XXIV, трудно отнести к ашельскому или к неолитическому времени; мустьерский же возраст их возможен. Однако большинство изделий из камня, описанных С. А. Сардаряном как мустьерские (табл. XXV—XXVIII), характеризует, по-видимому, ту же неолитическую эпоху.

Следует отметить, что некоторые типы орудий выделены здесь С. А. Сардаряном искусственно. При знакомстве с коллекцией С. А. Сардаряна мы убедились, что изделия, характеризующиеся им как мустьерские наконечники дротиков (табл. XXVIII), являются случайными отщепами с краевой подработкой. Без достаточных научных оснований автор стремится выделить новые типы орудий, описывая совершенно случайные предметы. Таковы какие-то «гравёры» (стр. 136), «птичьи головки» (стр.160).

Все это подрывает доверие к работе С. А. Сардаряна. В его сборах на Сатани-даре есть великолепные характерные шелльские и ашельские вещи, достойные быть изображенными в учебниках, но публикация их наряду со случайными вещами, бездоказательными высказываниями (выделение трех стадий шелля на 27 предметах и т. д.) дискредитирует этот ценный материал.

Автор, писавший во введении, что его работа «выполнена на основе всестороннего изучения конкретного материала» (стр. 10), по-видимому, недостаточно знаком с методикой археологического исследования и даже вообще с палеолитическим материалом. Сопоставления шелльских и ашельских памятников Армении с зарубежными у С. А. Сардаряна случайны, а аналогии заимствованы из устаревших работ. Автор, по-видимому, не в курсе новейших исследований советских археологов. Так, он повторяет на стр. 152 давно пересмотренное в свете новых раскопок в Костенках положение об ориньякском возрасте Костенок I. Вызывает удивление игнорирование в работе, вышедшей

в 1954 г., статей М. З. Паничкиной по палеолиту Армении, опубликованных в «Кратких сообщениях ИИМК» в 1950 и 1952 гг. В этих статьях содержится новый материал по сравнению с опубликованным в монографии 1950 г. «Палеолит Армении», которая цитируется С. А. Сардаряном.

Плохо ориентирован автор и в тех общих вопросах, над которыми работают советские ученые. Проблема соотношения шелльских и ашельских стоянок с большим числом рубил со стоянками, инвентарь которых изготовлен почти исключительно на отщепах,— едва ли не главная проблема, вставшая в связи с открытием древнего палеолита в Армении. Между тем для С. А. Сардаряна этой проблемы фактически не существует.

Вопрос о том, входило ли Закавказье в область очеловечения обезьяны, дискутирующийся в советской науке, изображается С. А. Сардаряном как давно решенный (стр. 44—«...наукой установлено...»).

В заключении к своей книге С. А. Сардарян излагает взгляды советских археологов на своеобразие верхнего палеолита Крыма и Кавказа, как более близкого к палеолиту Средиземноморья, чем к палеолиту приледниковых областей (стр. 171). Но он, очевидно, не понимает, что выше он отрицал это положение, утверждая существование в Армении солютрейских стоянок. Если С. А. Сардарян настаивает на этом, то в чем же он усматривает близость палеолита Кавказа к палеолиту Средиземноморья?

Большое место в книге занимают вопросы геологии, палеоботаники, палеозоологии. Здесь автор приводит много не имеющего отношения к теме исследования материала, в частности по третичному периоду. Компилятивная сводка по третичной и четвертичной флоре и фауне Армении, составленная С. А. Сардаряном, также не свободна от ошибок. Так, к изображенным на рис. 9 отпечаткам листьев клена автор дает подпись: «отпечатки листьев кедра».

Наконец, надо сказать и о стиле автора. Он ниже всякой критики. Работа пестрит такими фразами, как: «верхнепалеолитические культуры на стоянках горы Артин сходятся с ранним ориньяком своими кривыми остроконечниками» (стр. 153). Все время встречаются запутанные фразы вроде следующих: «с помощью археологических материалов выявляются... закономерности развития первобытного общинного строя и составляется приблизительная хронология его продолжительной истории. Конечно, во всем этом нет еще той точности, какая имеется в истории поздних времен, хронология которой ведется не по годам, а по тысячелетиям и даже десяткам тысячелетий» (стр. 7). Автор говорит здесь, по-видимому, прямо противоположное тому, что он хотел сказать. Режут слух и отдельные термины вроде «обмельчание инвентаря» (стр. 167), «трогонтерский слон» вместо трогонтериев (стр. 30) и многие другие.

Подводя итоги, приходится сказать, что Академия наук Армянской ССР, уделив большое внимание внешнему оформлению книги С. А. Сардаряна, не позаботилась о ее содержании. Редактором книги являлся человек, не занимающийся специально палеолитом (М. С. Асратян), консультаций со специалистами, очевидно, не было, литературный редактор работал над рукописью недостаточно.

В результате, большие и ценные материалы из разведок С. А. Сардаряна изданы так, что пользоваться ими можно только со значительными оговорками[1].

А. А. Формозов

---

[1] Когда эта рецензия была уже сдана в печать, в журнале «Советская этнография» (№ 2, 1955, стр. 169) была опубликована рецензия З. А. Соколовой на книгу С. А. Сардаряна. Без всякого разбора книге дана положительная оценка. Нельзя не удивиться тому, что редакция журнала «Советская этнография» поручила написать рецензию человеку, никогда не занимавшемуся палеолитом и, в частности, не знакомому с коллекциями по палеолиту Армении.

HANS JÜRGEN EGGERS. DER RÖMISCHE IMPORT IM FREIEN GERMANIEN. ATLAS DER URGESCHICHTE. BAND I. HAMBURG, 1951, ч. I текст, 212 стр.; ч. II табл. и карты — 16 табл. и 64 карты + 1 карта-вкладыш

Известный своими работами о римских импортах [1] немецкий археолог H. J. Eggers, работавший до 1945 г. в Штеттине, а теперь заведующий археологическим отделом «Hamburgisches Museum für Völkerkunde u. Vorgeschichte» и редактор журнала «Archaeologia Geographica», начал издание задуманного в крупном масштабе «Atlas der Urgeschichte». Этот атлас должен быть построен на монографическом описании отдельных археологических эпох на определенной территории. Каждый выпуск атласа будет содержать: большую общую карту находок, относящихся к данной эпохе, в масштабе 1 2 000 000, полный список археологических памятников, обзор главных типов памятников с рисунками, а также ряд карт распространения отдельных типов в масштабе 1 : 8 000 000. Ближайшая цель автора — исчерпывающая обработка периода Римской империи в Центральной и Северной Европе в четырех выпусках. За первым из них, являющимся предметом настоящей рецензии, охватывающим римские и кельтские импорты от позднелатенского и до позднеримского времени включительно, должны последовать остальные три. Они будут касаться находок местной культуры позднелатенского, а также ранне- и позднеримского времени. Подготовка этих публикаций является главной задачей Эггерса и его сотрудников на ряд лет. В описании остальных эпох он полагается на других археологов.

Часть I начинается вступлением, в котором автор информирует, что в указанной работе он излагает первую часть своих многолетних исследований, имеющих целью дать описание полного собрания кельтских и римских импортов (за исключением монет и стеклянных бус) на территории «свободной Германии» за период от 150 г. до н. э. до 400 г. н. э. Эггерс трактует импорт как источник для истории римско-германской торговли и как ключ для установления абсолютных датировок местных изделий. В первом выпуске атласа римские импорты рассматриваются как источники по истории торговли.

В связи с изложенным выше вступлением Эггерса приводим два замечания, касающиеся принципиальных вопросов. Во-первых, относительно территории, определенной автором как «свободная Германия». Термин этот в этническом смысле (за исключением балтийских и финских народов) распространяется им на всю территорию Центральной и Северной Европы, от северных границ Римской империи и до полярного круга и от Рейна до западных границ СССР 1939 г., что нашло свое выражение во всех картах атласа, хотя, как известно, никакие древние источники не дают основания для помещения Германии в столь пространных границах. Так как автор не мотивирует

[1] H. J. Eggers. Das römische Einfuhrgut im freien Germanien. VI Internationaler Kongress für Archäologie. Berlin, 1939, стр. 569 и сл.; H. J. Eggers. Das römische Einfuhrgut in Pommern. Baltische Studien, N. F. XLII, 1940, стр. 1—35.

этого, возникает подозрение, что он хочет продолжить традиции фашистской немецкой археологии, которая фальсификацией истории старалась «обосновать» гитлеровское завоевание Европы. Во-вторых, вызывает возражение трактовка импортов только как источников по истории торговли и установлению хронологии. Действительно, эти два вопроса являются для буржуазных археологов центральными при изучении импортов, тогда как в марксистской науке импорты служат источником для изучения истории общества.

В первом разделе — «Состояние исследования и обработки» («Der Vorschungs- und Bearbeitungsstand»— стр. 13—22) Эггерс вкратце останавливается на источниках по римско-германской торговле, а затем пространно разбирает современное состояние исследований и обработки римских импортов в Центральной и Северной Европе. Под понятием «состояние исследований» он подразумевает раскопки и охрану памятников, под «состоянием обработки»— их публикацию и каталогизацию. Оба «состояния» отнюдь не совпадают со степенью изученности. Есть страны, в которых исследования стоят на высоком уровне (например, Швеция), но которые не обладают полным опубликованным инвентарем римских импортов. С другой стороны, существуют страны, с относительно низким уровнем исследований (автор относит к ним Литву), где, однако, опубликована почти каждая находка.

Современное состояние обработки римских импортов Эггерс наглядно представил на карте 1, на которой более темными тонами обозначены области, для которых существуют новейшие, наиболее полные каталоги, более светлыми — территории с устаревшими или очень неполными каталогами. На этой карте Польша, благодаря работам И. Костжевского и предварительному каталогу К. Маевского, выгодно отличается от восточной и северо-западной Германии и Скандинавии. Вместе с тем вызывает удивление нанесение на эту карту государственных границ 1920 г., а в отношении западных польских земель — даже 1914[!], что автор пытается объяснить территориальным охватом большинства опубликованных работ, а также и тем, что это якобы «последняя политическая карта Европы, которая осталась признанной всеми государствами» (стр. 14). Этот факт, наряду с другими, о которых мы уже говорили и будем говорить, полностью рисует нам политическое лицо автора.

Эггерс кратко рассматривает состояние обработки всех или некоторых видов римских импортов (например, бронзовых сосудов), на всей территории Центральной и Северной Европы, по работам Виберга, Виллерса, Кизы, Альмгрена, Зелинга, Фредриха, Болина и Брогана. Далее автор рассматривает состояние исследований и обработки римских импортов по отдельным странам. Западные и северные области Польши, как и можно было ожидать, судя по политическим взглядам Эггерса, он разбирает «с точки зрения научно-исторической» в пределах бывшего Германского государства. Коль скоро речь идет об остальной территории Польши в границах 1920 г., то автор подчеркивает значительную степень изученности импортов в Великопольше и разбирает книгу К. Маевского «Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich». Вроцлав, 1949. Однако Эггерс ошибочно определяет территорию, представленную в этой последней работе, отмечая, что она охватывает пространство Польши от «линии» Одер — Нейсе на западе и до старой границы 1920 г. с Советским Союзом, которая, по его мнению, является одновременно и границей исследований римских импортов в Европе. Эггерс считает, что книга К. Маевского может быть полезна только как сборник материалов, в то время как обобщающая часть поверхностна и не заслуживает полемики. Таким образом, Эггерс уклоняется от дискуссии по новым выводам К. Маевского, построенным, правда, на совершенно других методологических основах. Автор упрекает Маевского в отсутствии почти всяких данных о типе вещей, условиях находок и сопутствующих вещах. Однако в конце разбора он высоко оценивает книгу К. Маевского как впервые дающую представление об объеме польского материала (стр. 21).

Раздел второй — «Большая обзорная карта» (Die große Gesamtkarte», стр. 23—27) — посвящен автором разбору методологических предпосылок его работы и выводов, которые он делает в результате картографического анализа римских импортов.

Эггерс утверждает, что распространенной методической ошибкой является отождествление археологической группы находок или культуры с исторической действительностью. Он устанавливает три ступени (Stufen): 1) «живая культура» («die lebende Kultur»), 2) «мертвая культура» («die tote Kultur»), т. е. части живой культуры, которые сохранились до нашего времени на или под поверхностью земли, и 3) «вторично открытая культура» («die wiederentdeckte Kultur»), или части «мертвой культуры», открытые в наше время. Современный исследователь имеет в своем распоряжении в качестве источника лишь третью ступень. Его задачей должно быть, при учете состояния исследований и обработки, изучение второй ступени, чтобы посредством анализа «мертвой» культуры перейти к реконструкции «живой культуры» и тем самым подойти к первой ступени.

Стремление автора в археологических работах всегда отдавать себе отчет в степени изученности исследуемой культуры несомненно справедливо. Однако само разделение на три отдельные «ступени» представляется нам формалистичным. Для исследователя, сознающего разницу между современным состоянием изученности данного комплекса памятников материальной культуры — части определенной исторической культуры — и действительным первичным обликом этой культуры, схема Эггерса не нужна. Поэтому, излагая выводы автора, я буду сознательно пропускать те места рецензируемой работы, в которых он останавливается на этих ступенях культуры.

Основой для дальнейшего рассуждения Эггерса является составленная им обзорная карта «римских импортов свободной Германии», исполненная в масштабе 1:2 000 000, и карты 6—8 и 60—64 в масштабе 1 : 8 000 000 из части II. Обзорная карта демонстрирует весьма неравномерное размещение находок. Рядом с большими густыми скоплениями, например, на островах западной части Балтийского моря и на голландском побережье, в районе нижней Эльбы и в Чехии, находятся пространства с редкими находками или вовсе пустые. Является неожиданностью наличие некоторых таких белых пятен в непосредственном соседстве с римскими границами, хотя эти территории неплохо исследованы и хорошо изучены. Автор объясняет это действительным состоянием «мертвой культуры». Сравнение обзорной карты с картой состояния изучения в отмеченных политических границах 1914—1920 гг., которые, по Эггерсу, «представляют одновременно политическую карту современной Европы» (стр. 24; подчеркнуто мною.— *Е. В.*), показывает, что почти нигде нет такой большой разницы в изучении, которая бы совпадала с границами государств. Только в одном случае линия понижения степени изученности совпадает с государственной границей — между Германией и Голландией. Сильному скоплению памятников на голландской стороне соответствует пустота на германской. Это явление автор объясняет следующим образом. Римские импорты с территории Голландии (главным образом terra sigillata и культовые статуэтки) происходят из так называемых «терпов» или убежищ на холмах, искусственно подсыпанных в римское время, на которых население спасалось во время наводнений.

Интенсивное сельское хозяйство современной Голландии привело к тому, что эти участки, содержащие плодородную гумированную почву, были в большинстве случаев раскопаны и использованы под огороды. Во время производившихся одновременно с этим археологических исследований было найдено огромное количество римских импортов. В германской же части Фрисландии, где эти «терпы» выступают столь же часто, как и с голландской стороны, они использовались в качестве лугов, результатом чего и является «отсутствие» импортов. Итак, различная система хозяйства двух соседних стран с однородным культурным ландшафтом явилась причиной значительной разницы в современном состоянии исследований.

Автор сравнивает далее карты 6, 7 и 8, на которых нанесены римские импорты, обнаруженные в могильниках, кладах и поселениях. Находки в могильниках охватывают почти всю исследованную область, клады и болотные городища группируются главным образом в северо-западной Германии и Дании, в то время как поселения тянутся до-

вольно широким поясом вдоль римских границ. Характерно, что в состав каждой из этих трех групп памятников входят различные виды импортных предметов. Могильники содержат прежде всего бронзовые и стеклянные сосуды, кроме этого, фибулы, реже terra sigillata и оружие; клады и находки в болотах — серебряные и бронзовые сосуды, оружие и статуэтки и, наконец, в поселениях находят главным образом керамику, реже обломки бронзовых и стеклянных сосудов. Эггерс объясняет это следующим образом. Могильники с римскими импортами разбросаны на всей территории Центральной и Северной Европы потому, что повсюду там господствовал обычай приносить в дар покойникам импорты. Также и сосредоточение на территории северо-западной Германии и Дании кладов и отдельных предметов, спрятанных в землю или брошенных в болото, можно объяснить обычаями, господствовавшими у тамошних племен. Это положение представляется нам тем более правильным потому, что и клады римских монет, которыми автор в настоящей работе не занимается, имеются главным образом на этих же территориях. В поселениях, главным образом вдоль границы римской империи, также представлены импорты (преимущественно — terra sigillata).

Далее Эггерс анализирует распространение отдельных видов импортов. Наиболее важным из них и наиболее часто встречающимся являются бронзовые сосуды. Обнаруживаются они на всей территории, где встречаются римские импорты, и совпадают в общем с территорией распространения находок в могильниках, с одним, однако, исключением. Могильники простираются на северо-восток до самой Двины, тогда как римские бронзовые сосуды, которые обычно в них находятся, распространяются лишь до линии р. Пасленки в Вармии (за двумя исключениями), хотя другие виды Римских импортов обнаруживаются и на восток от этой линии.

Река Пасленка уже давно была признана германскими археологами, на основании различного характера могильников, границей между германскими и балтийскими племенами. Эггерс подтверждает этот факт и идет еще дальше. Он утверждает, что, поскольку бронзовые импортированные сосуды более чем на 90% происходят из погребений, надо полагать, что обычай давать их покойникам был типичным для германской территории. Этот обычай был неизвестен балтийским племенам, которые, в противоположность народу, живущему на запад от р. Пасленки, клали в могилы римские монеты. Помещенные в тексте две карты: распространения погребений с римскими бронзовыми сосудами и погребений с римскими монетами, подтверждают справедливость вывода автора о том, что р. Пасленка действительно могла быть этнической границей. Однако его заключение, что обычай класть в могилу импортные бронзовые сосуды является «типично германским» (стр. 29) и в связи с этим территория распространения этих сосудов совпадает с территорией, населенной ранее германцами, не имеет никаких научных оснований. Также необоснованно заключение, сделанное Эггерсом (стр. 32) на основе распространения римских стеклянных сосудов (карта 61). Автор не принял во внимание, что римские бронзовые и стеклянные сосуды клали в погребения и на других территориях, например, на Украине в раннеримское время, где не было никаких германских племен.

Затем, основываясь на распространении римских фибул, Эггерс пытается установить границу между балтийскими и угрофинскими племенами. Собственно римские фибулы встречаются в погребениях до самой Двины, в то время как на северо-восток от этой реки и в северной части Курляндии встречаются фибулы только местного производства. Эти попытки установления этнической границы на основании распространения определенного типа римских импортов, принимая во внимание и условия их обнаружения, представляются нам удачными. Обе они, так же как и более ранние попытки К. Маевского [1], получившие благоприятную оценку в печати, доказывают, что римские импорты можно использовать для определения территорий распространения различных племен и народов.

[1] K. Majewski. Obszar Słowiańszczyzny Zachodniej w świetle importów rzymskich. Archeologia, I, 1947, стр. 185—202.

Рассматривая территорию распространения terra sigillata, автор упрекает польских археологов за то, что они не указывают на условия обнаружения этих предметов (стр. 32). Однако Эггерс не использовал, видимо, хотя в списке литературы упоминает «Przegląd Archeologiczny», основную для территории Польши работу Р. Ямки [1], в которой он мог бы найти необходимые ему сведения. Разбирая вопрос о торговле этими сосудами, автор отмечает, что они были дешевым, но очень хрупким товаром и вследствие этого не могли перевозиться на слишком большие расстояния. Они полностью отсутствуют в странах Северной Европы. В Центральной Европе можно установить четыре центра керамики этого типа, которые совпадают в общем [за исключением средней Польши.— *Е. В.*] с исходными пунктами торговых путей, идущих от границ римской империи. Обстоятельному анализу хронологии и происхождения керамики terra sigillata каждого из этих центров автор предполагает посвятить второй выпуск атласа.

Римские культовые статуэтки (карта 63) группируются главным образом в Голландии, где найдена почти третья часть их (34 экз.), затем в северо-западной Германии, Дании и на нижнем Одере; меньшие скопления имеются в центральной и южной Польше, в западной части Украины, в Литве, Моравии и восточной Швеции. Автор допускает, что эти статуэтки были предметом культа местного населения, особенно в Голландии.

Эггерс рассматривает также распространение находок римского импортированного оружия (карта 64). Обнаруживается оно прежде всего в Дании, в западной Германии, в бассейне нижней Эльбы и верхней Варты, а также на нижней Висле, в Самбии и Норвегии.

Касаясь размещения импортов, автор отмечает, что они группируются главным образом в низинах и редко встречаются на высоте более 200 м над уровнем моря, как, например, в чешской котловине (500 м). На основании карты всех археологических находок раннего римского времени в Германии, опубликованных Усларом[2], Эггерс утверждает, что территория распространения римских импортов совпадает с главными центрами колонизации. По вопросу же о торговых путях Эггерс считает, что «находки импортов лежат не на торговых дорогах, а в области сбыта» («im Absatzgebiet»,—стр. 36). Вопрос этот не может быть разрешен без специального анализа, попытку которого автор и дает в заключительном разделе.

Области с большими скоплениями импортов в четырех местах непосредственно примыкают к границам империи: на побережье Северного моря, в устье Рейна (Fectio), на нижнем Рейне, по рекам Липпе и Рур (Vetera), на верхнем Лане до самого Лимеса (Moguntiacum) и на Дунае, в устье Моравы (Carnuntum). Только в этих районах римские кастели и поселки выступали за официальную границу. Они-то и служили римским полководцам Друзу, Тиберию, Вару, Марку Аврелию и другим базами для военных операций, а купцам — исходными пунктами для дальней торговли.

В третьем разделе — «Импорт позднелатенского времени» («Der Import der Spätlatenezeit», стр. 38—42) Эггерс рассматривает этрусские, кельтские и римские импорты на территории Центральной и Северной Европы во II и I вв. до н. э.,— почти исключительно бронзовые сосуды, поскольку другие виды импортов этого периода не удается четко отличить от изделий местного производства.

Позднелатенские импортированные бронзовые сосуды обнаруживаются в погребениях с трупосожжением, в болотах и в виде отдельных находок. При этом заслуживает внимания, что находки в погребениях и болотах встречаются не только преимущественно в различных областях, но и представлены разными типами вещей. Так, например, роскошные этрусские и кельтские котлы находят почти исключительно на болотах, тогда как кампанские бронзовые сосуды обнаруживаются только в погребе-

[1] R. Jamka. Rozmieszczenie naczyń typu terra sigillata na obszarze dzisiejszej i dawnej Polski. Przegląd Archeologiczny, IV, 1928—1932, стр. 181—199.

[2] R. Uslar. Germania, 29, 1951, стр. 44 и сл.

ниях. Что же касается территории распространения этих типов памятников, то болотные местонахождения группируются главным образом в Ютландии и на датских островах, тогда как погребения с импортированными сосудами известны в южной Скандинавии, южной Дании, по Эльбе, Одеру и Висле (в верхнем и нижнем ее течениях).

Бронзовые сосуды позднелатенского времени можно по технике производства подразделить на две большие группы. Котлы с железным краем (Bronzekessel mit eisernem Rand), цилиндрические или конические ведра (Bronzeeimer), миски (Ausgußbecken) и роскошные котлы (Prunkkessel), основываясь на ряде общих технических особенностей (листовая бронза и клепка из лент), следует считать кельтскими изделиями, тогда как отлитые и частично обточенные и орнаментированные припаянными украшениями стамнозы, ситулы, ведра, миски, кувшины и сковороды — италийского происхождения и были, вероятно, изготовлены в известных капуанских мастерских.

Далее Эггерс рассматривает распространение отдельных типов сосудов. Бронзовые котлы с железным краем, относящиеся частично к позднелатенскому времени, частично к раннеримскому, обнаруживаются на всей территории. В Польше они группируются в центральной Силезии и в районе нижней Вислы. Ситулы, украшенные оковками в виде дельфинов, встречались в бассейне Эльбы, Одера и нижней Вислы. Однако на карте распространения сосудов этого типа (карта 13) Эггерс не принял во внимание трех памятников на территории Польши (Ставяны — повят Пиньчув, Рокосовски Ляс — повят Кошалин и Слупы — повят Шубин), хотя и упоминает их в приложении к этой карте. Ситулы с оковками в форме сердцевидных листьев обнаруживаются главным образом в бассейне средней и нижней Эльбы. Весьма немногочисленные ситулы с трапециевидными оковками были найдены к западу от Эльбы, в Зееланде и в районе устья Вислы. Ранние миски с наклонными стенками группируются главным образом на нижней Эльбе. Остальные типы обнаруживаются преимущественно в западной Германии и в Дании, за исключением кувшинов, которые были найдены главным образом на территории Польши. По мнению Эггерса, посредниками в торговле бронзовыми котлами были кельты, которых только в I в. вытеснили римские купцы.

Раздел четвертый — «Импорт эпохи ранней империи» («Der Import der älteren Kaiserzeit», стр. 43—51) — посвящен римским импортам I и II вв. н. э. По сравнению с предыдущим периодом, их количество, область распространения и густота значительно возросли. Появляются новые типы импортов, такие, как стеклянные сосуды и terra sigillata, фибулы, оружие и другие вещи.

Наибольшие сосредоточения импортов (карта 4) обнаруживаются в Чехии, Моравии, Дании, на о. Готланд и в северной Голландии. Большие скопления имеются в бассейнах Рейна, Эльбы, в южной Норвегии и в западной части Украины. На территории Польши импорты группируются в бассейнах верхнего и нижнего Одера и Вислы, в западной части Поморья и между верхней Вартой и Просной.

Далее Эггерс рассматривает распространение каждого вида импортов, начиная с бронзовых сосудов. Кельтские котлы с железным краем обнаруживаются, в общем, в тех же самых районах, что и в позднелатенское время (карта 11). Вместе с тем ситулы с оковками в виде дельфинов становятся значительно более редкими и сосредоточены главным образом в Чехии (карта 13). Ситулы с оковками в форме женских головок обнаруживаются почти на всей территории, рассматриваемой автором; к карте распространения этого типа сосудов (карта 16) следует добавить еще один памятник из Польши (Виташевице — повят Ленчица). Также почти на всей территории распространения бронзовых сосудов представлены бочонковидные ведерки типа Östland («тип Кажец»— по Маевскому), большие скопления которых выявляются в Скандинавии, Дании, на нижней Эльбе и в Чехии. В Польше они группируются главным образом в Силезии и в Поморье. Оба последних типа сосудов служили своим хозяевам для приготовления вина, а затем их ставили в погребения и использовали даже в качестве урн в погребениях с трупосожжениями. Эггерс пишет (впрочем, не он первый обратил на это внимание), что погребения с римскими импортами представляют богатые погребения; от этих

именно погребений начинается в раннеримское время обычай хоронить покойников несожженными, который распространяется в позднеримское время и на погребения с бедным инвентарем. Наибольшее количество бронзовых мисок имеется в Дании, в бассейне Эльбы (карты 30 и 31), тогда как бронзовые кувшины группируются главным образом на территории между Эльбой и Вислой (карты 37 и 38). Подробнее Эггерс рассматривает распространение отдельных типов бронзовых ковшей. Ковши с ручками, украшенными головками лебедей, концентрируются в Чехии и на обоих берегах нижнего Одера (карта 39). Попали они туда, вероятно, в начале I в. н. э., главным образом янтарным путем. Ковши с ручками с полукруглыми отверстиями имеют почти ту же территорию распространения, однако очень редки в Чехии (карта 40). Большое количество ковшей с округлыми отверстиями сосредоточено в Дании, затем они встречаются в бассейнах Эльбы, Одера и нижней Вислы (карта 41). Серебряные и бронзовые ковши с бараньими головами весьма немногочисленны (карты 43 и 44), в противоположность цедилкам с веслообразными ручками, большие скопления которых находятся в Дании, бассейне Эльбы и в Чехии. В Польше они имеются в Поморье и Силезии (карты 45—47).

Что же касается серебряных кубков, желобчатых чаш и стеклянных бокалов, то они происходят преимущественно из так называемых «княжеских погребений Любешевской группы». Автор насчитывает здесь 21 погребение (19 трупоположений) I и II вв. н. э., которые отличаются как особо богатым инвентарем, представленным римскими импортами и ценными местными изделиями, так и специальным сооружением (деревянная камера, накрытая камнями, в кургане). Погребения эти обнаруживаются главным образом в Дании, северной Германии и Польше. В противоположность другим немецким исследователям (Лишу, Альмгрену, Яну), Эггерс утверждает, что эти погребения принадлежат представителям верхушки общества [«Einheimische einer gehobenen Gesellschaftschicht (Adlige, Fürsten, Könige?) стр. 50]. Однако он не указывает, что первым социологическую интерпретацию «княжеских» погребений римского периода как погребений племенных начальников дал К. Маевский [1]. Эггерс отмечает, что «однородный погребальный обряд связывал высшую германскую знать этой эпохи и единство это находится в остром противоречии, не уменьшившим, однако, внутренней связи с политической раздробленностью на мелкие и мельчайшие племена» (стр.50) о которой писал Тацит. Эггерс приписывает «княжеские погребения Любешевской группы» восточным и северным германцам, о которых письменные источники сообщают, что они имели королей; таких погребений не установлено у западных германцев, у которых, по мнению автора, существовал более «демократический» общественный строй.

Представленная выше попытка Эггерса применения социологического метода заслуживает внимания постольку, поскольку она является довольно характерной для буржуазной археологии. Установление имущественных и общественных различий на основе различного погребального инвентаря является, конечно, правильным. Однако при интерпретации этих явлений существенная разница между социологизирующими археологами и марксистами заключается в том, что тогда как для первых задача чаще всего решается установлением общих социальных различий, для вторых это является лишь началом исследовательской работы. Буржуазные археологи, правда, пишут иногда о существовании в древности бедных и богатых, но не делают из этого дальнейших выводов (кроме таких, что в с е г д а б ы л о общественное неравенство). Археологи же, применяющие метод исторического материализма, не останавливаются на этом начальном этапе исследования, а стараются раскрыть,какие причины вызвали расслоение общества и на каком этапе общественного развития находилось данное общество. Интерпретация Эггерса, следовательно, совсем не разрешает вопроса о появлении в раннеримское время погребений с богатым инвентарем. Проблему эту удастся

[1] K. M a j e w s k i. Pamiętnik VII Zjazdu Historyków Polskich, t. I, Warszawa, 1940, стр. 186.

разрешить, лишь применяя методы исторического материализма и рассматривая ее на материале более широких сравнений.

В пятом разделе — «Импорт эпохи поздней империи» («Der Import der jüngeren Kaiserzeit», стр. 52—63) — автор занимается римскими импортами, которые нахлынули в Центральную и Северную Европу в III и IV вв. н. э. Это период хозяйственного и политического упадка Италии и расцвета провинций, в которых появляются новые центры производства (например, мастерские для изготовления бронзовых, стеклянных и глиняных сосудов типа terra sigillata в Галлии и нижней Германии). В позднеримское время наступает политическая консолидация мелких германских племен в большие объединения и начинается натиск этих последних на границы Римской империи.

Распространение импортов обнаруживает известные изменения по сравнению с предыдущим периодом (карта 5): исчезает пустое пространство на западе Германии, уступая место сильным сгущениям по Рейну и в бассейне Везера; наибольшее скопление импортов в этот период в Дании — на островах Зеландия, Фюк и Борнхольм; много импортов обнаруживается в левобережье Эльбы, в Норвегии и Польше (главным образом — в Поморье в Силезии). То обстоятельство, что импорты относительно редко встречаются на территории Польши и западной части СССР, Эггерс относит за счет недостаточного их исследования и обработки. Значительно слабее, чем в раннеримское время, представлены импорты в Чехии и Моравии, зато в западной и восточной Словакии появляются погребения с богатым импортным инвентарем.

Разбор отдельных типов вещей автор начинает с бронзовых ведер типа Hemmoor, (карты 23 и 24), бóльшая часть которых обнаружена в бассейнах Везера и Эльбы и в Дании. На карте 24 он помещает единственный раз в своем атласе также провинциальные римские памятники с сосудами этого типа и получает интересный результат: ведра типа Hemmoor, находимые в погребениях, были обнаружены исключительно лишь за римской границей, внутри же этих границ эти ведра находили только в поселениях и кладах. Эггерс видит в этом подтверждение своего тезиса о германском характере обычая наделять покойников бронзовыми сосудами. На карте 24 обозначены также отдельные виды погребальных памятников, в которых были обнаружены ведра типа Hemmoor, а именно: погребения в урнах, в ямах и трупоположения. Знаменательно, что каждый тип погребений занимает совершенно обособленную территорию. Погребения с трупоположениями находятся главным образом в Дании, Мекленбурге и центральной Германии; погребения с трупосожжениями — в северо-западной Германии и в Лужице (ямные погребения). Эггерс идентифицирует эти группы погребений с германскими племенами и локализует бургундов в Лужице, тюрингов в центральной Германии и саксов в северо-западной Германии.

Вместе с ведрами типа Hemmoor умершим часто ставили миски с наклонными стенками (карта 28); ведра часто служили урнами, миски — их крышками. В погребениях с трупоположением ведра типа Hemmoor сопровождают главным образом поздние ковши с весловидной ручкой и плоским дном (карта 46); в Польше они обнаруживаются прежде всего в Поморье.

Далее Эггерс рассматривает каннелированные сосуды со скошенными желобками (карты 21—22), которые концентрируются главным образом в бассейне нижней Вислы и в восточной Дании, меньшие скопления их замечены в устье Одера и в Южной Норвегии. Вопрос о центре производства этих сосудов является спорным. Разные исследователи высказываются то за западный (в Польше —К. Маевский), то за восточный центр их производства. Эггерс, который вначале склонялся к первой гипотезе, теперь считает, что эти сосуды производились в каком-то из восточных производственных центров империи, и по Днестру, а может быть, и через Карнунтум проникали к устью Вислы и далее на север. Находки некоторого количества этих сосудов в пограничных римских кастелях в южной Германии можно объяснить перемещениями войск из восточных гарнизонов в западные. По технике производства этим сосудам со скошенными желобками родственны немногочисленные желобчатые миски, находки которых тянутся длинным узким поясом от западной Дании через о. Борнхольм до устья Вислы (карта 27).

Распространенными типами бронзовой посуды позднеримского времени являются поздние ситулы с оковками в форме головок и ведра типа Östland (карта 20), группирующиеся на тех же территориях, что и в предшествующее время. Так как по Эггерсу оба вида сосудов как в «живой», так и в «мертвой» культуре исполняли ту же самую роль, что и ведра типа Hemmoor и сосуды со скошенными желобками, все они относятся к одному времени и группируются на разных территориях, то требуется выделить три производственных центра, три исходных пункта и три области сбыта.

Из прирейнских производственных центров эти сосуды поступали через Карнунтум в область между Эльбой и Вислой, другие западные мастерские могли снабжать главным образом территорию к западу от Одера, в то время как территории на восток от этой реки, вероятно, могли обслуживаться восточными мастерскими.

Поздние миски с неподвижными ручками занимают центральную территорию (карта 32), тогда как ведерки типа Westland обнаруживаются в большом количестве в Норвегии (карта 12). Наконец, автор рассматривает посеребренные кубки и тарелки, а также овальные подносы.

Далее дается обзор импортных стеклянных сосудов, которые хорошо сохранились только в погребениях с трупоположением. Эггерс выделяет два центра производства стекла римского времени: западный и восточный. С запада импортировались ребристые и раскрашенные чаши (карты 55 и 56) и тонкостенные чаши с шлифованными овалами (карта 57). Восточного происхождения — широкие стеклянные бокалы на поддонах, украшенные шлифованным орнаментом, и другие сосуды (карты 51—54). Эггерс не очерчивает более четко центр производства стекла восточного происхождения; он только пишет, что через античные города на северном побережье Черного моря по Днестру, Сану и Висле восточное стекло достигало Прибалтики, а оттуда — стран Северной Европы. Краткая характеристика памятников с известными типами стеклянных сосудов показывает, что стекло западного производства группируется главным образом между Рейном и Одером. Стеклянные сосуды западного происхождения находили на восток от Одера 6 раз, тогда как стекло восточного производства — 19 раз. В Дании в равной мере представлены сосуды из обоих центров производства, тогда как в Норвегии и Швеции преобладает восточное стекло.

В конце раздела автор разбирает «княжеские» погребения позднеримского времени, которые значительно отличаются от аналогичных погребений предыдущего времени. В то время как ранние погребения не различались особенно ни своей конструкцией, ни по инвентарю, в позднеримское время можно выделить несколько больших локальных групп, например, датско-мекленбургскую, среднегерманскую и силезско-словацкую. По мнению Эггерса, с начала III в. н. э., параллельно с возникновением больших племен, происходит преобразование общегерманской «знати» в собственно «племенную знать», что находит отражение в особенностях погребального обряда (стр. 63).

В последнем разделе (стр. 64—70) Эггерс подытоживает свои выводы и рассматривает вопрос о торговых путях. Он утверждает, что не имел целью дать представление об истории римско-германской торговли, а стремился дать лишь археологическое введение к истории этой торговли.

Автор особенно подчеркивает, что установление точных вех торговых путей, как это пытался сделать Шпрокхоф для эпохи бронзы и Броган для римского времени, является делом невозможным и не стоящим труда. Исходя из этого, Эггерс старается исследовать исходные пункты и главные направления торговли римскими импортами. Находки импортов обнаруживаются обычно не на торговых путях, а в областях сбыта или на территории местных поселений. Следует при этом различать торговлю пограничную и торговлю на далекие расстояния. «Зона малого пограничного движения», шириной около 100 км, характеризуется массовыми находками римской керамики, фибул и других мелких вещей. В торговле же на далекие расстояния преобладают ценные бронзовые, серебряные и стеклянные сосуды, издержки транспорта которых лучше оплачиваются. В то время как в торговле на близком расстоянии участвовали каждый

пограничный кастель,каждая переправа, торговля на далекие расстояния сосредоточивается в нескольких отправных пунктах: устье Рейна (Fectio),устье р. Липпе (Vetera), Moguntiacum, устье Моравы (Carnuntum) и устье Днепра и Буга (Olbia). Эти пограничные районы не идентичны центрам производства, которые вначале лежали в глубине империи (Капуя), позднее же были перенесены непосредственно к границе (Колония). Центры производства автор предполагает осветить во втором выпуске работы об импортах, ограничиваясь пока общим рассмотрением главных направлений торговых путей, которые вели через указанные исходные пункты на территорию «свободной Германии».

Создается, однако, впечатление, что правильная в принципе критическая точка зрения Эггерса завела его слишком далеко. Вывод этот напрашивается после рассмотрения его карты Д (в тексте) — «Торговые пути» («Die Handelswege»), на которой обозначены торговые пути через территории, лежащие к северу от границ империи. Количество намеченных дорог кажется абсолютно недостаточным для распространения массы римских импортов по всей территории Центральной и Северной Европы. Так, например, большое скопление находок импортов в бассейне верхней Вислы не может быть связано, вопреки основной предпосылке Эггерса, ни с одним из указанных им путей. Чересчур схематичное их изображение соответствует скорее, хотя тоже не полностью, главным направлениям римской торговли, а не действительным важнейшим торговым путям того времени, как указано в подписи к карте.

Признавая правильность основной концепции Эггерса, нельзя, однако, при исследовании торговых путей отказываться от таких данных, как характер местности, экономические отношения местного населения и находки импортов, расположенные за пределами основной территории их распространения. Уместно здесь вспомнить, что на необходимость равномерного привлечения всех источников и косвенных данных при воссоздании древних торговых путей указывал еще 80 лет назад И. Н. Садовский [1], правильные методические указания которого не были, однако, по большей части реализованы позднейшими исследователями.

То, что Эггерс обошел молчанием соответствующие работы польских [2], а также чешских [3] и немецких [4] ученых, не позволило ему представить правильно современное состояние изученности римских торговых путей на территории теперешней Чехословакии и Польши. Не упоминает он совсем о раннем южном участке янтарного пути, который с территории Чехии вел через перевал к Вроцлаву (три склада запасов янтаря I в. до н. э. обнаружены во Вроцлаве — Партиницах), а оттуда к р. Просне в районе Калиша. Вместе с тем он устанавливает новое восточное ответвление янтарного пути, которое отделялось в районе Калиша и вело в северо-восточном направлении к Самбии и Литве. Пути, которые вели из Паннонии через карпатские перевалы, Эггерс обошел молчанием.

Большое значение приписывает автор пути, который вел с северного побережья Черного моря к устью Вислы. Северное ответвление шло вдоль Южного и Западного Буга, южнее — по Днестру и Сану. Существовал ли в римское время другой восточный путь, который вел вверх по Днепру, а позднее вдоль Двины, Эггерс сказать не может. Этому не приходится удивляться, поскольку он не знает соответствующей литературы. На этом кончается общая часть работы.

---

[1] J. N. Sadowski. Drogi handlowe Greków i Rzymian przez porzecza Odry, Wisły, Dniepru i Niemna do wybrzeży Morza Bałtyckiego. Pamiętnik A. U. Wydz. Filol. i Hist.-Filoz. t. III, Kraków, 1876, стр. 2.

[2] B. Biliński. Drogi świata starożytnego ku zachodnim ziemiom polskim i problem Odry u Ptolemeusza. Eos, XLI, 1940—1946, стр. 157—196; K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949, стр. 20—27.

[3] Np. J. Filip. Pravěké Československo. Praha, 1948, стр. 272 и сл.

[4] Np. H. Preidel. Handel und Verkehr in den Sudetenländern während der ersten Hälfte des ersten Jahrhunderts n. Chr. Südost-Forschungen, IX—X, 1944—1945, стр. 41—80.

Далее следуют два приложения. В первом автор дает ориентировочную сводку важнейших памятников, предполагая дать тщательную разработку хронологии позднелатенского и римского времени в специальной работе. Он отмечает при этом, что обязательным будет пересмотр принятой ныне абсолютной хронологии, поскольку принятые даты дают запаздывание на пятьдесят и более лет.

Интересным и полезным является второе приложение, в котором собраны свидетельства древних авторов (дается текст оригинальный и переводной) относительно торговли на территориях, лежащих в Центральной Европе за пределами империи. Письменные источники сообщают о различных формах обмена материальных благ (торговля, военная добыча, контрибуция и подарки). Эггерс включает сюда также и жалованье, которое получали и затем уносили на родину служившие в римских легионах германцы, хотя на это в источниках нет ясных указаний. Древние авторы упоминают предметы, экспортировавшиеся на территорию Германии и вывозившиеся оттуда. К первым относятся монеты, серебряные сосуды, вино и съестные припасы, ко вторым — различные товары, в том числе: янтарь, кожи, хлеб и рабы.

Древние источники содержат такие сведения об организации торговли. Купцами (mercator), маркитантами (lixa) и торговцами (negotiator) были преимущественно римляне и кельты. Среди германцев же, по мнению Эггерса, не было профессиональных торговцев, что, однако, представляется сомнительным в свете сведений Плиния (Nat. Hist. XXXVII; 3) и Тацита (Германия 41; 45). Римские писатели дают сведения о нормальных торговых отношениях и рынках в пограничной зоне, различают торговлю с соседними племенами (proximi) и с более дальними (interiores). О торговых путях на далекие расстояния мы имеем только одно сообщение Плиния, относящееся к янтарному пути. Трудно, однако, согласиться с Эггерсом,что экспедиция этого римского всадника, которого он ошибочно называет «рыцарем» (Ritter — стр. 76, 77), была исключительным случаем. О том, что римские купцы предпринимали далекие экспедиции за янтарем, свидетельствуют также многочисленные находки импортов на янтарном пути и массовый наплыв янтаря в провинции империи. Удачным является предположение автора, что римские импорты, которые попадали к пограничным племенам, в глубь страны распространялись местными торговыми посредниками (стр. 77).

В следующей части текста атласа помещен общий каталог, который содержит нумерованный список памятников с римскими импортами (в алфавитном порядке, по странам—без находок монет, орудий, бус и мелких предметов) на территории Центральной и Северной Европы. Он насчитывает 2257 пунктов. По каждому пункту дается место находок (например, погребение с трупосожжением или поселение), род импорта, по мере возможности с указанием типа и места хранения, сопутствующие находки местной культуры и основная литература. Ценность этого каталога, между прочим, в том, что автор включил в него все данные об импортах, полученные во время многочисленных поездок по музеям, в том числе и такие сведения, которых нет в специальной литературе. Каталог охватывает 31 государство; страны и провинции, конечно, в границах 1914 и частично 1939 г., причем, например, памятники с римскими импортами нынешней Польши следует искать в разделе «Polen», а также «Ostpreussen», «Pommern», «Posen», «Schlesien», «Westpreussen» и «Brandenburg». Каталог содержит довольно полный список импортов, найденных на территории западной части СССР, Польши и Чехословакии. Однако описания ряда памятников даны неверно. Так, подробно перечисляя содержимое погребения в местности Рудки (повят Кшеменец, № 2150), автор упоминает, между прочим, 14 глиняных сосудов, пряслице и бронзовые предметы: нож, шпору и застежку. Однако в действительности, согласно Петерсену, там было найдено 9 керамических сосудов, нож, шпоры и застежка из серебра, пряслице же Петерсен вовсе не упоминает [1]. Известное «княжеское» погребение в местности Денба (повят Калиш, № 2025) Эггерс описывает как трупоположение, так и обозначая его на карте С в тексте

[1] E. Petersen. Gothiskandza, 3, 1941, стр. 41 и сл.

(стр. 48), хотя в цитированной им первой публикации этого памятника [1] указано, что это было двойное погребение с захоронением в урнах. В Гебулте (повят Краков, № 2038) были найдены, согласно основной публикации Т. Реймана [2], три импортных ключа и один местный, железные ножницы и простой нож, а не один римский и один германский ключ, бронзовые ножницы и серповидный нож, как ошибочно указывает Эггерс. Некоторые находки неверно обозначены как римские изделия. Так, например, два сосуда серой глины с вдавленным орнаментом из Зофиполя (повят Мехув, № 2236) обозначены как римские, тогда как они являются только подражанием соответствующим римским сосудам.

За общим каталогом следуют 112 приложений, которые составляют каталог типов металлических и стеклянных сосудов, дополняющий карты и рисунки отдельных типов сосудов, входящих во вторую часть работы Эггерса. В каждом приложении дается краткая характеристика данного типа (вместе с разновидностями), важнейшая литература о нем, хронология и нумерованный список памятников в соответствии с общим каталогом.

В работе помещен список литературы о римских импортах (стр. 184—191), охватывающий 324 названия. Эггерс обошел молчанием работы советских и русских исследователей, за исключением работы Антоновича [3]. Из польских работ учтена большая часть монографий и статей, но не все они полностью использованы автором.

В конце первой части дается алфавитный указатель памятников (стр. 193—203) и ключ для идентификации знаков на общей карте с местами находок. Этот ключ на практике оказывается, однако, мало пригодным.

Вторая часть включает 250 рисунков типов импортированных металлических и стеклянных сосудов, размещенных на 16 таблицах, и 64 цветные карты в масштабе 1 : 8 000 000 (с обозначением уровня и сети вод) размещения отдельных типов импортов или всех описанных Эггерсом импортов одного времени (например, в раннеримское время). В конце находится общая карта-вкладыш в масштабе 1 2 000 000 , на которую нанесены все памятники. Все карты атласа отличаются тщательным графическим исполнением.

Значение работы Эггерса следует оценить в двух плоскостях: научной и политической.

С точки зрения научной требует критического разбора предмет исследования, его методологическая и методическая стороны и то новое, что внесла эта работа в наши знания о римских импортах.

По названию можно было заключить, что автор займется всеми известными видами импортов на территории, которую он называет «свободной Германией». В действительности же он дал только типологию бронзовых, серебряных и стеклянных сосудов и картографический анализ этих сосудов, а также статуэток, керамики и римского оружия. Таким образом, он занялся только эффектными типами импортов, полностью опустив без всякого научного основания орудия труда, украшения, предметы туалета, фибулы и монеты.

Автор утверждает, что в своей работе он применил географическо-картографический метод, для популяризации которого служит выпускаемый под его редакцией журнал «Archaeologia Geographica». В первом номере этого журнала Эггерс характеризует цели этого метода[4] Он указывает, что при помощи карт или серии карт лучше достичь результата, чем путем целого ряда рассуждений. Метод этот давно применяется в археологии, однако, по мнению автора, лишь спорадически и не в полной мере. В приме-

[1] Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, t. XVII, стр. 47.

[2] T. Reyman. Zespół importów rzymskich z grobu ciałopalnego w Giebultowie w pow. krakowskim. Wiadomości Archeologiczne, t. XVI, 1939 (1948), стр. 192.

[3] В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. М., 1900.

[4] H. J. Eggers. Die vergleichende geographisch-kartographische Methode in der Urgeschichtsforschung. Archaeologia Geographica, I, 1950, стр. 1—3.

нении к начатому изданию «Atlas des Urgeschichte» географическо-картографический метод должен дать в исчерпывающей полноте памятники данной археологической эпохи на большой территории. В этом случае каждая отдельно взятая карта ничего не говорит, но все вместе они представляют целое и взаимно друг друга дополняют. Эти карты не имеют целью дать ответ на какой-нибудь один определенный вопрос, как это имело место, например, при этнической интерпретации, а должны быть исследованы для исторической интерпретации явлений. То, что карты памятников должны в каждом случае иметь исторический смысл, для Эггерса является очевидностью; он замечает, однако, что нужно исследовать, какие исторические факты или общности скрываются за картой: область государственная или языковая, общность религиозная, экономическая или социальная и т. д.

В конце статьи автор утверждает, что географическо-картографический метод не является единственным средством, при помощи которого можно вывести археологию из ее современного состояния косности, но с его помощью можно будет сделать большой шаг вперед к конечной цели нашей науки,— превращению ее из предыстории в настоящую историю.

Из приведенных выше рассуждений Эггерса о применении географическо-картографического метода в археологии можно сделать следующие выводы. Прежде всего мы видим, что некоторые из западноевропейских археологов отдают себе отчет в косности и застойности традиционной предыстории и стараются этому противодействовать. В этом положении единственным эффективным средством был бы полный переход к применению в археологических исследованиях метода исторического материализма. На этот путь не хотят, однако, стать из-за политических соображений буржуазные западноевропейские и особенно западногерманские археологи. Они пытаются выйти из кризиса в археологии путем развертывания и улучшения отдельных методических приемов исследования. С этой целью именно ряд археологов Западной Германии, группирующихся вокруг журнала «Archaeologia Geographica», пропагандирует применение и развитие в археологических работах географическо-картографического метода, надеясь с помощью его превратить археологию в историю. Без сомнения, они достигли известных положительных результатов в использовании картографического метода для выяснения определенных исторических явлений, на основе археологического материала. Об этом говорит рецензируемая работа Эггерса. Ясно, однако, что улучшение одного или даже нескольких частных методов археологии не приблизит ее к истории, если будет обойдена методологическая основа всех общественных наук — исторический материализм. В этом отношении работа Эггерса не отличается принципиально от других публикаций буржуазных археологов, остающихся на позициях исторического идеализма.

Принципиальное возражение вызывает определение картографической обработки памятников с импортами, представленной в данной работе, от такой же обработки находок местной культуры. Представляется, что только карты, учитывающие все исторические памятники позднелатенского и римского времени, могут дать полную историческую картину.

Следует теперь остановиться на том, что нового внесла работа Эггерса в наши представления о римских импортах на территории Центральной и Северной Европы. Главным ее достоинством является разработка типологии бронзовых, серебряных и стеклянных сосудов, а также собрание их в каталог, учитывающий также и некоторые другие виды импортов. Во-вторых, в этом исследовании последовательно применен картографический метод, что дало автору возможность получить ряд интересных выводов. В-третьих, Эггерс попытался по-новому определить производственные центры некоторых типов импортов (например, сосудов со скошенными желобками и стеклянных сосудов) и сделал ряд верных наблюдений о торговых путях.

Следует также поставить в заслугу автору и то, что он дал оценку современного состояния исследования и изучения римских импортов по отдельным странам. Все эти достижения сделали рецензируемую работу ценным исследованием, представляющим

большой шаг вперед в направлении полного систематического изучения римских импортов в странах, лежавших в древности на север от границ империи.

Для того чтобы оценить как можно полнее работу, необходимо остановиться и на политической стороне вопроса. На политические акценты, содержащиеся в труде Эггерса, я обращал уже несколько раз внимание, разбирая отдельные его части. Ибо имеет свой смысл тот факт, что автор упорно придерживается границ 1920 и даже 1914 гг., рассматривает некоторые советские и польские земли в качестве провинций бывшего Германского государства или без оснований растягивает германские поселения чуть ли не по всей территории Центральной и Северной Европы. За всеми этими фактами кроются, с уверенностью можно сказать, не научные, а политические причины. Они являются следствием поддерживаемых англо-американскими империалистами стремлений западногерманских реваншистов разрушить новый политический и общественный строй в странах Центральной и Восточной Европы и вновь поработить эти страны. Не умаляя, таким образом, позитивных достижений работы Эггерса, надо, однако, сказать, что она является типичным для возрождающейся националистической германской археологии примером использования научной публикации для пропаганды реакционных политических целей.

Ежи Веловейский

А. В. *АРЦИХОВСКИЙ*. НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ (из раскопок 1952 г.). Академия наук СССР, Институт истории материальной культуры. Изд. АН СССР, М., 1954, 91 стр.

Каждый год Новгородская археологическая экспедиция под руководством А. В. Арциховского приносит нам все новые и новые открытия берестяных грамот — совершенно особого исторического и лингвистического источника, исключительно важного для историков и языковедов. Для советских историков берестяные грамоты особенно ценны тем, что они восполняют пробелы, существующие в источниках по истории народа; для советских же лингвистов — это неоценимый источник по истории русского народного языка.

Берестяные грамоты привлекли к себе внимание исследователей всех стран. Их открытие бесспорно имеет мировое значение. Они представляют собой огромный реальный и чисто теоретический источниковедческий интерес, заставляя решать ряд источниковедческих вопросов на совершенно новом источниковедческом материале. Открытие берестяных грамот привлекло внимание ко многим нерешенным вопросам русской палеографии и поставило новые задачи перед нашей публикаторской и текстологической практикой.

Хотелось бы, чтобы издание берестяных грамот велось на том же высоком научном уровне, на котором ведутся все археологические исследования в Новгородской экспедиции А. В. Арциховского.

Предварительные результаты обычно сообщаются А. В. Арциховским в «Вестнике Академии наук СССР» и в журнале «Вопросы истории». Форма, которая избрана А. В. Арциховским для опубликования предварительных результатов, не вызывает возражений. Она мне кажется удачной. В ней не только приводятся тексты наиболее интересных грамот, но и дается им всесторонняя характеристика, раскрывается значение сделанных открытий. Совсем другие задачи стоят перед научной публикацией грамот. Здесь основное — безукоризненная точность передачи текста и всех особенностей грамот как материала для будущих исследований — исторических, лингвистических, литературоведческих и т. д. Толкования здесь должны быть сведены до минимума, текст должен быть прежде всего правильно прочтен. Издания эти, рассчитанные на исследователей, должны служить науке многие годы и, в известной мере, заменить исследователям хрупкие подлинники, подверженные разрушению [1].

Издание первых десяти берестяных грамот из раскопок 1951 г. имело существенные недочеты. В нем был правильно разработан план публикаций: грамоты печатались в фотографиях, прорисях, транскрипции и с разбивкой на слова, однако издание было перегружено различного рода весьма предварительными толкованиями, как историческими, так и лингвистическими (но без участия лингвистов) и, самое существенное, при транскрибировании текста грамот не было выработано четких правил. Так, в ре-

[1] См., например, грамоту № 17, в которой выпал кусочек с буквами «ха» уже после того, как с нее была сделана прорись художником М. Н. Кисловым.

конструкциях то применялось «ѣ», то не применялось, иногда древнерусские формы модернизировались и т. п.[1]

Второй том берестяных грамот, охватывающий 11—83, более четок по построению и по идее. Он ставит себе задачей, действительно, только публикацию и охватывает те материалы, которые для этой публикации необходимы. Поэтому в нем меньше различного рода временных «мнений» и предположительных высказываний. Автор его строже относится к своим обязанностям публикатора, не подменяя собой лингвиста и историка. Материалы лингвистические и палеографические приводятся только постольку, поскольку они необходимы для публикации. В новом издании А. В. Арциховский правильно отказался от условных названий грамот, которые в предшествующем издании грамот из раскопок 1951 г. были даны им «для большего удобства»[2]. Грамот так много, что названия все равно не облегчат ориентировки в них. Кроме того, часть грамот никак не может быть раскрыта в названии по содержанию из-за своей обрывочности. Гораздо четче в последней публикации и принципы транскрипции. Необходимо только отметить, что и в этом воспроизведении грамот — в реконструкциях с разделением на слова, следует сохранять букву «ѣ», особенно важную в новгородских памятниках, где ей соответствовало особое произношение, облегчающую определение морфологической формы слов. В воспроизведении текста с делением на слова необходимо также соблюдать распределение текста по строкам. Это нужно не только для удобств цитирования и нахождения нужного места в грамоте, но и потому еще, что окончания или начала строк чаще всего бывают повреждены и обрывы строк не всегда легко заметить. Кроме того, в конце строк обычны разного рода сокращения, текст может не умещаться и т. д. Все это следует иметь в виду при толковании содержания грамоты. В издании А. В. Арциховского разделение на строки в реконструкциях то соблюдается (грамоты № 11, 15, 28), то (по большей части) не соблюдается и текст дается с беспорядочным разделением на строки (грамоты 14, 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30, 31, 32, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 49 и др.). В издании берестяных грамот Л. П. Жуковской[3] разделение на строки соблюдается точно. Преимущество такой подачи текста очевидно.

Палеографические замечания, которые приводятся в книге А. В. Арциховского, вполне компетентны и в целом не вызывают возражений. Есть только одно общее замечание, которое необходимо сделать как в отношении палеографической части книги А. В. Арциховского, так и особенно в адрес наиболее значительной работы по палеографии берестяных грамот, принадлежащей Л. П. Жуковской[4] в палеографических исследованиях надо шире приводить сравнительный материал датированных памятников. Одно только внешнее описание характера начерков не может дать больше, чем дают сами фотографии. Основное правило методики установления времени написания документов в палеографии заключается в сопоставлении их с датированными рукописями. Эти сопоставления нужно делать с возможно большей точностью и об этом не следует забывать нашим палеографам. В книге А. В. Арциховского даются некоторые сопоставления с изданными снимками датированных рукописей XII—XVI вв.; в статье же Л. П. Жуковской сопоставлений почти нет. В ней имеются скудные ссылки почти исключительно на грамоту Климента Новгородца[5] и на весьма

---

[1] См. рецензию на первый выпуск. СА, т. XIX, 1954, стр. 318—327.

А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 15.

[3] Тексты грамот и переводы с разночтениями (подготовлены Л. П. Жуковской). В кн. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955.

[4] Л. П. Жуковская. Палеография. В кн. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955.

[5] М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности, М., 1952.

неудовлетворительную, дилетантскую работу Я. И. Трусевича [1], представляющую собой сводную таблицу отдельных букв из 260 документов.

Сделаем некоторые поправки к палеографической терминологии А. В. Арциховского. На стр. 11 говорится о «вязи» — в данном случае имеется в виду, конечно, не «вязь», а лигатуры отдельных букв. Наклонные почерки рукописей XI—XVII вв. нельзя называть «курсивом» (стр. 11)[2]. Предпочтительнее называть «і» — «и десятиричным», но не «ипотом».

С точки зрения палеографической большой интерес представляет форма буквы «д» в грамотах № 1, 3, 25, 26, 28, 43, 47, 51, 55, 65, 78. Ножки буквы «д» имеют форму небольших треугольничков, одна сторона которых представляет собой продолжение боковых сторон верхнего большого треугольника, а другая — продолжение нижней стороны того же треугольника. Такой формы буква «д» нигде, кроме берестяных грамот, не встречается и, очевидно, связана с особенностью самой техники письма: процарапыванием невозможно делать нажимы, между тем для буквы «д», особенно XIII—XIV вв., характерна треугольность ее ножек; эта треугольность ножек и показана писцами берестяных грамот контуром. Л. П. Жуковская утверждает, что на данное начертание оказало влияние глаголическое «л»[3]. Никакого отношения берестяное «д» к глаголическому «л» не имеет. Оно на него нисколько не похоже. Утверждение, что в надписи №3 на деревянной крышке кадушки имеется глаголическое «м», явно ошибочно [4], а поэтому какие-либо аналогии в данном случае неприменимы. Интерес представляет собой и буква «з» («земля») в грамоте № 43, пишущаяся в два приема. Такая форма этой буквы в грамотах на пергамене и бумаге не встречается. Единственное исключение, которое нам удалось обнаружить,— в рукописи Евангелия XIII в. Софийской Народной библиотеки. № 19 (199)[5].

Перехожу к рассмотрению отдельных грамот.

Грамота № 17 в реконструкции А. В. Арциховского имеет следующий вид: «Поклонъ от Михаили к осподину своему Тимофию. Земля готова, надобе семяна. Пришли, осподине, целовекъ спроста, а мы не смиемъ имать ржи безъ твоего слова» (стр. 17). Исследователей и, в первую очередь, самого А. В. Арциховского смущало слово «спроста», не имеющее подходящего значения. В. М. Глухов в частном письме ко мне предлагает читать вместо слова «спроста» — «спростать», указывая, что над буквой «а» как будто прослеживается надстрочное «т». Впрочем, можно предположить и простой пропуск букв «ть». «Спростать» значит «опростать», «опорожнить». Для того чтобы

---

[1] Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы из снимков рукописей X—XVIII вв. русско- и юго-славянских, вып. 1 и 2, СПб., 1905. Свод азбук Я. И. Трусевича неудовлетворителен уже прежде всего потому, что составитель пользовался не оригиналами, а копиями разной степени точности. Воспроизведения с этих копий в свою очередь сделаны не фотографически, а от руки (литографски), подбор памятников случаен, и, наконец, самое главное, нельзя искусственно изымать отдельные буквы из всего почерка в целом и сопоставлять их с другими, не считаясь даже с величиной букв в том или ином почерке.

[2] Курсив — это типографский шрифт, подражающий рукописному почерку нового времени.

[3] Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 74—75.

[4] См. мою рецензию на первый выпуск «Новгородских грамот на бересте». СА, т. XIX, М., 1954, стр. 325.

[5] См. табл. 24 в книге П. А. Лаврова «Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма». Энциклопедия славянской филологии, под ред. акад. И. В. Ягича, приложение к выпуску 4_1 — 4_2, Птгр., 1916.

опорожнить амбар от семян, требуется доверенный человек господина, без этого корреспонденты не решаются «имать ржи».

Нельзя согласиться с прочтением и переводом грамоты № 19. А. В. Арциховский предлагает следующую реконструкцию: «Да цобъ ти година оттьправить отьцу, ино бъ добро. Да только буде сьтарому мъсель доводъ ле. Ино надо бы дворянине. А приставе ино зде. Филистъ ехать хоце, а судъно есть у мене. А хлебъ сухои суитъ, саме отпразновавъ да поедь семъ. А хлебе здесе в...» Соответственно перевод А. В. Арциховского следующий: «... да срок, чтоб тебе отправить отцу, это бы хорошо. Да только едва ли будет старому выгода-добыча. Но нужен бы дворянин. А пристав то здесь. Филист ехать хочет, а судно есть у меня. А хлеб сухой дает, чтобы самому после праздника ехать сюда. А хлеб здесь в...» (см. стр. 20).

Гораздо более удачное прочтение грамоты № 19 предлагает В. М. Глухов. Он обращает внимание на то, что слово «година» в данном контексте лучше перевести как «пора», «время», «благоприятный случай», а не «срок», как это предложено А. В. Арциховским. Вряд ли правилен также перевод А. В. Арциховского слова «мъсель», как «корысть». В данном случае «мъсель» скорее означает «намерение». Неправильно последующее разделение текста на слова «доводъ ле»; следует, конечно, читать: «до Водъле». Водла и Сухая Водла соединяют Онежское озеро с Водлоозером. Из Новгорода в Водлоозеро можно попасть, плывя Волховом, затем Ладожским озером и вверх по Свири, далее по Онежскому озеру до устья Водлы. Вверх по Водле и Сухой Водле можно проплыть в Водлоозеро[1]. Неправильно прочтен в грамоте и текст: «А приставе ино зде. Филистъ ехать хоце». Во-первых, за словом «зде» в реконструкции А. В. Арциховского почему-то пропали буквы «со», ясно читаемые на фотографии, в прориси и в транскрипции, а кроме того, в прориси и на фотографии отчетливо видна буква «а», вместо читаемой А. В. Арциховским буквы «л», в сочетании: «софилистъ ехать хоце». Кроме того, вертикальная мачта между буквами «ъ» и «е» относится, конечно, к первой букве, а не ко второй. Прочесть это место следует так: «Софиа и с ты ехать хоче». В слове «суитъ», по-видимому, пропущена буква «л»; она могла быть написана сверху; читать это слово надо так: «сулитъ». В целом весь текст грамоты № 19, согласно реконструкции В. М. Глухова, читается следующим образом:

1. Да цобъ ти година оттьправить от-
2. ьцу, ино бъ добро. Да только буде сьта-
3. рому мъсель до Водълѣ, ино надобы
4. дворянине, а приставе ино здѣ. Софи-
5. а и с ты ехать хоце, а судъно есть
6. у мене. А хлѣбъ Сухѣй су[л]итъ. Саме отп-
7. разновавъ, да поедь сѣмъ, а хлѣбе з-
8. дѣсе в...

Последнее слово возможно следует реконструировать так: «в[озмешь]». Перевод всей грамоты предлагаем следующий: «Если бы тебе выдалось благоприятное время отправить отцу, то было бы хорошо. Но если появится у старого намерение [плыть] до Водлы, то нужен бы дворянин, а пристав здесь есть. София с тобой ехать хочет. А судно есть у меня, а хлеб Сухой сулит. Сам, отпраздновав, поезжай сюда, а хлеб здесь [возмешь]».

---

[1] О торговле хлебом с Обонежьем и о торговом пути к Водлоозерскому погосту см.: Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV — XV вв. М., 1955, стр. 290—291. Водлоозерский погост описан в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.

Не все, конечно, в этой грамоте ясно. Прежде всего было бы очень важно знать, где живут все трое: автор, адресат и отец. Адресат,по-видимому, жил там, где найдено письмо, т. е. в Новгороде; отец адресата — где-то в другом месте; сам автор письма — в третьем, где можно было достать хлеб: где-то, по-видимому, по-пути из Новгорода на Водлу. Вместе с автором письма жила какая-то София, намеревавшаяся ехать либо вместе с адресатом к отцу, либо вместе с адресатом и отцом до Водлы. Менее вероятно предположение, что сам автор находился на Водле. Несмотря на неясности самих обстоятельств, о которых говорится в письме, все же данная реконструкция понятнее, чем та, которую предлагает А. В. Арциховский. Чрезвычайно интересен и сам факт хлебного экспорта в район Водлы — с целью ли торговли или по каким-то потребностям ведения крупного феодального хозяйства, разбросанного по разным районам.

В грамоте № 22 А. В. Арциховский определяет форму слова «пшенъ» как родительный падеж множественного числа. Такое определение мало вероятно. По-видимому, конечное «ъ» надо читать как «о» (таких случаев в берестяных грамотах, как известно, много) и видеть здесь следует именительный падеж единственного числа — «пшено».

В грамоте № 25 неправильно прочитана буква «ъ» в первой строке: «ухо к тобѣ с Васильемъ со Желутковымъ». В первой транскрипции здесь почему-то стоит буква «а», обессмысливающая первую фразу. Между тем на фотографии и в прориси М. Н. Кислова отчетливо видна буква «ъ».

Начало грамоты № 32 «Фешке Юрьгию» вряд ли следует толковать так, как толкует А. В. Арциховский: что здесь только прозвище и имя адресата. Судя по другим берестяным документам, здесь указано, от кого к кому адресовано письмо: «[от] Фешке Юрьгию...» Предлог «от» оказался пропущен, возможно он был написан сверху. Утверждение А. В. Арциховского, что «прозвище «Фешка» среди древнерусских имен и прозвищ не встречается» (стр. 35), неверно: Фешка — обычное сокращение имени Порфирия (Перфешка, Фешка).

В грамоте № 40, по-видимому, следует считать более правильной расстановку знаков препинания, предложенную В. И. Борковским. В. И. Борковский предполагает, что слово «стоять» относится к предметам, помещавшимся в подклети, а последнее предложение начинается со слова «кто» и осталось незаконченным:[1] «...в ней гвозду. А стоять во потклѣтѣ. Кто придеть з беростомъ...».

В реконструкции грамоты № 41 в слове «кланаемся» второе «а» ошибочно заменено на «я».

В грамоте № 42 явно неправильно прочитано начало: «Въ имя оца и сына и свя... а се азъ, Бъбжи Михаль, отхождя живота сего...» и т. д. Имя «Бобжи» в древнерусском языке невероятно. Между тем, перед нами типичное начало духовной грамоты. Согласно обычной форме завещаний [2], текст «Бъбжи Михаль» следует читать так: «[ра]бъ б[о]жи Михаль»[3]. Выпадения отдельных слогов в берестяных грамотах постоянны (сравнить, например, в грамоте № 59: «пору[ки]» и др.). Очевидно, это было связано с системой читать и писать «по слогам», особенно характерной для лиц, нетвердо владеющих грамотой. Сокращение же слова «божий» — «бжи» — вполне обычное [4].

Грамота № 59 восстанавливается А. В. Арциховским в следующем виде: «Поклоно от Омросии ко Степану... Язо во поруки за сироти, а ны...полон води язо видаюся

[1] В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 126.

[2] Ср. Л. В. Черепнин. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (М., 1950): «Во имя отця и сына и святого духа, се яз, грешный худый **рабъ б[о]жии** Иван, пишу душевную грамоту, ида в Ворду...» (стр. 7); ср. то же на стр. 9, 13 и др.

[3] Так же прочел это место редактор книги Б. А. Рыбаков (см. рецензируемую книгу, стр. 42, прим. 1).

[4] Слово «божий» в духовных грамотах сокращается так: «б͡жи», «б͡жии», «б͡жей», «б͡.и».

с тоб... мысли вся, тако буду к тоби, а ты виши а... а дар ко соби восми, а посемо больша бу...» Поскольку утраты текста невелики, заманчиво попытаться реконструировать весь текст этой грамоты. Прежде всего встает вопрос: какой текст мог читаться после слов «видаюся с тоб...» Окончание последнего слова не вызывает сомнения, это — «с тоб[ою]», но дальше остается место букв на 5—6. Вряд ли «Омвросии» необходимо было сообщить Степану, что она видается с ним редко или мало: Степан это и сам, очевидно, знал. Поэтому с известной долей вероятности подставляю в этом месте слово «только» (или «толко»). Во-вторых, сомнение вызывает слово «виши». Предполагаю, что здесь пропущен слог «ди» и все слово должно читаться так: «ви[ди]ши». Возможно, что буквы «ди» были надписаны сверху, подобно тому, как надписаны буквы «ки» в той же грамоте выше во второй строке в слове «пору[ки]». Во всяком случае, над текстом «виши» видны какие-то остатки букв. Что означает в четвертой строке последнее «а», сказать трудно. Возможно, что косая черточка посередине буквы случайная и тогда букву следует читать как «л». Это дало бы осмысленный текст: «ли» или «ль». Можно, впрочем, предположить, что и здесь было что-то надписано над строкой (см. снимок). В связи с этими соображениями предлагаю следующую, весьма, впрочем, предположительную, реконструкцию грамоты № 59:

1. Поклон от Омросии ко Степаноу
2. Язо во пороуки за сироти. А ны[не из-за]
3. полой води язо видаюся с тоб[ою толко в]
4. мысли. Вся тако буду к тоби. А ты ви[ди]ши [ли?]
5. А дар ко соби восми, а по сем больша боу[дет]

В словах «вся тако буду к тоби» Амвросия описывает свое мысленное свидание со Степаном. Перед нами, следовательно, любовная записка.

Странно и неудобно дана А. В. Арциховским транскрипция грамоты № 64: комментарии издателя вторгаются прямо в текст, причем авторский текст и текст грамоты напечатаны одним и тем же полужирным шрифтом, который всюду в других случаях употребляется только для подлинного текста грамот. Гораздо правильнее в совершенно аналогичном трудном случае издана грамота № 83: в ней комментарий отделен от текста грамоты значительным расстоянием и дан обычным шрифтом, в отличие от полужирного шрифта текста самой грамоты.

В грамоте № 65 слово «водя» В. М. Глухов предлагает перевести словом «торгуясь». Такое значение слова «водя» весьма вероятно. Во всяком случае у Даля для слова «водить» отмечено значение «дурачить». Если В. М. Глухов прав, то слова на обороте («ажь водя, по 3 рубля продай, али не водя нь продай») оказываются совершенно понятными: «поторговавшись, по 3 рубля продай, а не торгуясь не продавай».

Вызывает возражение реконструкция второй половины грамоты № 68. А. В. Арциховский предлагает следующее разделение на слова: «...оставиво, а ты, брать, нь дьщиси сделити, буть тамо л и в с о ш и. И ты, аци восопрашеть Местиловь сыно: цого мала года, и ту я стою». Мало вероятен глагол «сделити», памятниками XI—XVII вв. не зарегистрированный. Естественнее предположить, что перед нами два слова: «сделити». Вторично глагол «лить» в причастной форме повторяется двумя словами дальше: «лив соши» (а не «ли в соши» как предлагает читать А. В. Арциховский). Смысл этой части грамоты следующий: корреспондент запрещает своему адресату, по-видимому ремесленнику, отливать сошники где-то «здесь» и предлагает ему оставаться на месте, «тамо», и отливать сошники у себя. В связи с этим особый интерес приобретают в первой части грамоты слова: «ожь ти будь гостьмь, нь жди торъгу». Корреспондент здесь запрещает своему адресату-ремесленнику торговать самому («если будешь «гостем»— купцом — не рассчитывай на торг»). Отсюда ясно, что и запрещение отливать сошники «здесь» надо понимать как предосторожность автора письма, вызванную его опасением, чтобы ремесленник не стал сам, как «гость», торговать этими сошниками. Содер-

жание грамоты, как видим, имеет очень большой интерес для истории ремесла и, в частности, для вопроса о работе ремесленников на рынок.

Существенное значение имеет правильная палеографическая датировка грамоты № 69. Если грамоту относить к XII в., то возникает соблазн сопоставить ее с летописным известием 1148 г. о ярославском походе новгородцев. В грамоте говорится о новгородской дружине в Ярославле и об угличанах, «замерзших» (речь, очевидно, идет о ладьях угличан, а не о самих угличанах) у Ярославля; в известии же четвертой Новгородской летописи под 1148 г. рассказывается о том, что новгородцы ходили по Волге до Ярославля и «от Углеча поля воротишася к Новугороду». Между тем, стратиграфически грамота № 69 относится к XIII в. К этому же времени или даже позднее относят ее и языковеды [1]. Однако палеографически А. В. Арциховский относит ее к XII в., Л. П. Жуковская [2] — к XII—XIII вв. Оба при этом ссылаются на то, что в этой грамоте имеются отдельные архаические написания букв («ч», «н», «и»). Здесь полезно вспомнить основное палеографическое правило: «для определения места и времени написания палеограф... должен взвесить все приметы и руководиться самой последней датой: датой самого позднего из начерков (т. е. буквенных начертаний» [3]. Древнерусские рукописи постоянно содержат множество архаических начертаний. Датирующим является самое позднее из встретившихся начертаний. Поэтому архаические написания отдельных букв, при наличии более новых, ни о чем не свидетельствуют, а новые начертания в грамоте № 69 имеются: набухшие, характерные для XIII и XIVвв. петли у букв «ъ»,«ь»,«б», начертание буквы «р» с сильно выгнутой спинкой (это «р» вовсе не «очень индивидуальное», как утверждает А. В. Арциховский; см. такое же «р» в Грамоте Александра Невского и сына его Дмитрия о мире между Новгородом и немцами 1262—1263 гг.[4], в договоре Симеона Гордого 1341 г.[5]), буква «в» в слове «ярославли» (вторая строка снизу) с нижней петлей, несколько врезающейся в верхнюю. Архаичные формы букв «н» (с диагональной чертой от верхней точки левой мачты к нижней точке правой) и «и» (с горизонтальной чертой посередине) постоянно встречаются (особенно в деловом письме) в XIII и XIV вв. (ср. похожее «н» в духовной Симеона Гордого 1353 г.[6] и в грамоте Корибута 1388 г.[7], в договоре Дмитрия Любарта с королем Казимиром 1366 г.[8]; «н» и «и» в договоре Смоленска с Ригою 1229 г.[9], в грамоте 1378 г.[10] и многие другие). Чашеобразное или бокаловидное «ч»

---

[1] В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот, стр. 82, 86, 107. См. сборник «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 68—70.

[3] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 6. Л. П. Жуковская придерживается обратного мнения и при этом ссылается также на учебник В. Н. Щепкина. На стр. 100 учебника В. Н. Щепкина, на которую ссылается Л. П. Жуковская, речь идет только о двух буквах — омеге и пси, приметы которых XI—XII вв. «не являются абсолютными» и «более поздние типы» которых «не говорят непременно против 11-го века». Общее палеографическое правило, что при датировке следует верить наиболее поздним начертаниям, остается непоколебленным. Довольно хорошо это же основное палеографическое правило сформулировано в «Русской палеографии» Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина (М., 1946, стр. 133).

[4] А. И. Соболевский и С. Л. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в., СПб., 1903, табл. 40 (ср. там же сходные «ъ» и «ь»).

[5] Там же, табл. 1.

[6] Там же, табл. 2.

Там же, табл. 5.

[8] Там же, табл. 8.

Там же, табл. 37 и 38.

[10] Там же, табл. 24.

очень типично для XIII и XIV вв. и нет нужды приводить здесь примеры [1]. Правильная форма верхней чаши (в единственном случае в третьей строке, в слове «чадь») могла быть делом случая. В целом же почерк данной грамоты никак не может быть отнесен к XII в., а по отдельным приметам должен быть определен как почерк XIII в. и даже, может быть, XIV в.

В грамоте № 82 в нижней строке надо читать не «ширина и моего», а, как предлагает В. М. Глухов, «шюрина и моего» с ясно определяющимся зеркально перевернутым «ю». Именно такое зеркально перевернутое «ю» имеется в той же грамоте в первой строке в слове «кланяюся» [2] (ср. также зеркально перевернутое «а» в грамоте № 80). В связи с этим окончание грамоты, которое А. В. Арциховский считает «самым трудным для понимания местом во всех восьмидесяти трех грамотах» (стр. 81), до известной степени осмысляется: «...нь вда шюрина и моего оти (т. е. отца) выволоци доскы». «Вьршь» той же грамоты — это, конечно, не наречие «верхом», а существительное «вершь» или «верша» — рыболовная снасть, ставящаяся в разрыве закола. Доски, о которых идет речь в конце грамоты, по-видимому, доски этого закола (предположение В. М. Глухова). Правда, несколько непонятна буква «а» в слове «моега», но здесь писец мог и ошибиться.

* * *

Книги А. В. Арциховского о берестяных грамотах дают увлекательный материал для различного рода реконструкций, лингвистических, исторических и палеографических исследований. Они не принадлежат к числу тех книг, которые будут прочитаны и затем отложены, чтобы пылиться на полках библиотек. Исследователи будут к ним возвращаться постоянно. С комментариями А. В. Арциховского будут соглашаться, будут и возражать им. Мне кажется, что это самая счастливая судьба, какую только могут ожидать книги. Но раз так,— надо постараться, чтобы в будущих книгах не было случайных недостатков и чтобы система публикации грамот была продумана до мелочей, была выполнена с педантической тщательностью. Должны быть разработаны правила публикации берестяных грамот, по которым будут публиковаться новые грамоты.

Литература, которая со временем появится о берестяных грамотах, найденных экспедицией А. В. Арциховского, будет огромна. Мимо них не пройдет ни один историк русского языка; они будут нужны каждому историку русской культуры, русского права, экономики. Вот почему своевременно также поставить вопрос о тираже изданий берестяных грамот. Последняя книга А. В. Арциховского издана тиражом 3000 экземпляров. Этот тираж крайне мал.

Думается, что пора поставить вопрос о создании в Новгороде заповедников, на территории которых не разрешалось бы сооружать капитальные здания и производить земляные работы. В связи с этим, конечно, надо было бы создать новый проект планировки города. Уже давно был поставлен вопрос о том, что Новгород должен развиваться на восток и северо-восток по Ленинградскому шоссе, что сохранило бы древнюю территорию Новгорода и было бы удобнее с точки зрения экономической. Вопросы застройки исторических городов, таких, как Новгород, Псков, Владимир, Ростов Великий и др., не должны решаться только местными городскими советами и планировочными организациями; к обсуждению их должны быть привлечены ученые — историки и археологи, художники, широкая общественность всей страны. Старые русские

---

[1] См. Болонскую псалтырь 1230—1245 гг.— снимок в книге Е. Ф. Карского: Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 394, вторая строка сверху.

[2] Зеркально перевернутое «ю» довольно обычно в рукописях: в Болонской псалтыри, Слепчанском апостоле, псалтыри Григоровича XIII в. и в Святославовом изборнике 1073 г.

города — национальная гордость всего русского народа — и решать их судьбу не должны только люди, в данный момент ведающие планировочными работами.

Закрывая книгу А. В. Арциховского, читатель с нетерпением будет ждать скорейшего выхода следующих публикаций — результатов раскопок 1953, 1954 и 1955 гг. Институт истории материальной культуры — в долгу перед читателями. Результаты замечательных раскопок в Новгороде должны публиковаться быстрее.

Д. Лихачев

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. ВИНБЕРГ и Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1953 ГОД

I. ОРГАНИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР *

Археологический сборник. Под ред. А. Я. Брюсова. М., Госкультпросветиздат, 1953, 216 стр. с илл. и карт.; 11 л. илл. (Труды Гос. ист. музея, вып. XXII).
См. № 142, 161, 196, 251, 324, 377, 378, 463.

«Археологія», т. VIII. [Сборник статей. Ред. коллегия: П. П. Ефименко и др.] Київ, 1953, 158 стр. с илл. (АН УРСР. Ін-т археології).
См. № 3, 51, 131, 167, 172, 181, 186, 194, 241, 257, 260, 327.

1. В Институте истории материальной культуры. — ВАН СССР, 1953, № 9, стр. 103.
О защите диссертаций на соискание учен. степени кандидата ист. наук: Поповой Т. Б. «Катакомбная культура», Успенской А. В. «Белорусское Полесье в X—XIII веках» и Шрамко Б. А. «Памятники скифского времени бассейна Северного Донца».
2. Верещагин Н. К. и Громов И. М. Сбор остатков высших позвоночных четвертичного периода. М. — Л., 1953, 39 стр. с илл. (АН СССР. Зоол. ин-т). Библиогр.: стр. 36—37.
Инструкция в помощь работающим на новостройках. Имеется раздел о сборе остатков позвоночных на местах поселений и погребений.
3. Виезжев Р. І., Максимов Є. В. VI наукова конференція Інституту археології Академії наук Української РСР [3—7 июня 1952 г.]. — Археологія, т. VIII, 1953, стр. 148—155.
4. Винберг Н. А. и Ечеистова В. Б. Советская археологическая литература за 1950 г. — СА, XVII, 1953, стр. 329—375.
5. Всесоюзное совещание по охране и реставрации памятников архитектуры. [Декабрь 1952 г., Москва]. — «Архитектура СССР», 1953, № 2, стр. 31, 32 с 1 илл.
Доклады VI научной конференции Института археологии [3—7 июня 1952 г.]. Киев, 1953, 276 стр. с илл. (АН УССР).
См. № 38, 50, 63, 109, 136, 170, 174, 177,197,200,235,263,272,286, 295, 312,336.
6. Евтюхова Л. А. О некоторых вопросах современной археологической методики в СССР. — КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 149—155.
7. Защита диссертаций. (Январь — март 1953 г.). В Институте истории материальной культуры. — ВАН СССР, 1953, № 7, стр. 106, 107.
Докторские диссертации: 1. Бибиков С. Н. «Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре»; 2. Фосс М. Е. «Древнейшая история Севера Европейской части СССР»; 3. Збруева А. В. «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху»; кандидатские диссертации: 1. Соркина Н. П. «Античная архитектурная терракота»; 2. Негматов Н. «Усрушана в VII—X веках».
8. Издания Института археологии АН УССР [обзор]. («Археологія», т. I, 1947; т. II, 1948; т. III, 1950; т. IV, 1950; т. V, 1951. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, 1949; т. II, 1949). — СА, XVII, 1953, стр. 251—259.
9. Итоги полевых археологических исследований 1951 г. (Сессия Отд. истории и философии и пленум ИИМК АН СССР. Март 1952 г.).— СА, XVII, 1953, стр.295—308.

---

* Этот раздел включает работы по методике археологических исследований, преподаванию археологии, истории археологии, библиографии, а также описания археологических продолжающихся изданий, вышедших в 1953 году.

10. Кирьянов А. В. Применение разъемных гипсовых форм при археологических раскопках. — КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 139—142.
Краткие сообщения Института археологии. Вып. 2. Тезисы докладов VI научной конференции Института, прочитанных на секционных заседаниях. Киев, 1953, 88 стр. (АН УССР. Ин-т археологии.)
См. № 39, 108, 112, 122,124,128, 132, 133, 139, 147, 152, 173, 178, 182, 184, 187, 193, 199, 203, 205, 216, 221, 228, 239, 256, 258, 259, 264, 265, 279, 290, 292, 361, 389.
Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XLIX — вып. 52. М., 1953. (АН СССР. ИИМК).
Вып. XLIX. 164 стр. с илл. См. № 10, 27, 59, 84, 114, 121, 149, 165, 185, 188, 254, 255, 273, 278, 282, 335, 347, 362, 363, 370, 376, 599.
Вып. L. 231 стр. с илл. См. № 6, 28, 29, 93, 98, 99, 134, 176, 190, 252, 253, 298, 328, 329, 366, 379.
Вып. 51. 175 стр. с илл. См. № 74, 83, 120, 130, 137, 146, 189, 222, 227, 230, 231, 233, 243, 401, 404, 411, 419, 592, 617.
Вып. 52. 148 стр. с илл. См. №92, 261, 269—271, 274, 289, 291, 319, 322, 341, 349, 354, 359, 384, 385.
11. Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии. (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии.) — ЭВ, VII, 1953, стр. 45—69.
Материалы и исследования по археологии СССР, 7 т., М., 1953. (АН СССР, ИИМК).

№ 32. 259 стр. с илл. См. № 338.
№ 34. 438 стр. с илл. См. № 208—214, 267, 293, 294, 311, 317, 321, 373, 382.
№ 35. 360 стр. с илл. См. № 595, 597, 613—616, 621, 622.
№ 37. 316 стр. с илл. См. № 509.
№ 38. 460 стр. с илл. См. № 110.
№ 39. 477 стр. с илл. См. № 60.
№ 40. 464 стр. с илл. См. № 113.

12. Мелюкова А. И. Конференция ИИМК, посвященная вопросам скифосарматской археологии — см. № 188.
12а. Монгайт А. Л. Итоги археологических и этнографических экспедиций за 1952 г. (Сессия Отд. истории и философии и пленумы ИИМК и ИЭ). — ВАН СССР, 1953, № 5, стр. 92—100.
13. Москаленко А. Н. К вопросу о преподавании курса «Основы археологии».— ВДИ, 1953, № 3, стр. 191—196.
14. Научные и организационные задачи советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС. — СА, XVIII, 1953, стр. 5—12.
15. Никольская Т. Н. Изучение работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» в институтах АН СССР. В Институте истории материальной культуры. — ВДИ, 1953, № 1, стр. 235, 236.
16. Обсуждение на Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» (Л., 1951). — СА, XVII, 1953, стр. 320—326.
17. Программа курса «Железный век» (Утв. 9/VI 1953 г.). М., 1953, 7 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак). В вып. дан. авт.: Б. Н. Граков. Без тит. л. и обл.
18. Программа курса «Историография археологии» (Утв. 9/VI 1953 г.). М., 1953, 7 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист.фак.). В вып. дан.авт.: А. В. Арциховский. Без тит. л. и обл.
19. Программа курса «История материальной культуры». Для специальности «Худож. оформление печатной продукции» (Утв. 9/VII 1953 г.). М., «Сов. наука», 1953, 12 стр. (М-во культуры СССР. Глав. упр. высш. образования). В вып. дан. авт.: Ю. Б. Горбатов. Без тит. л. и обл.
20. Программа курса «История первобытного общества». Для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. М., Изд-во МГУ, 1953, 23 стр. (М-во культуры СССР. Глав. упр. высш. образования). В вып. дан. авт.: В. К. Никольский.
21. Программа курса «История первобытного общества». Для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. Баку, Изд-во АГУ, 1953, 19 стр. (М-во культуры СССР). (На азерб. яз.).
22. Программа курса «Методика полевых археологических исследований». (Утв. 5/VI 1953 г.). М., 1953, 4 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак.). В вып. дан. авт.: Д. А. Авдусин.
23. Программа курса «Основы археологии». Для ист. фак. гос. ун-тов [М., 1953]. 8 стр. (М-во культуры СССР. Глав. упр. высш. образования). В вып. дан. авт. и ред.: А. В. Арциховский. Без тит. л. и обл.
24. Программа курса «Основы археологии». Для ист. фак. гос. ун-тов. Тбилиси, Изд-во ТГУ, 1953, 8 стр. (М-во высш. образования СССР. Тбилис. гос. ун-т. Без тит. л. и обл. (на груз. яз.).

25. Программа по истории первобытного общества. Тбилиси, 1953, 16 стр. (Тбилис. гос. ун-т). (На груз. яз.).
26. Программа спецкурса «Античная археология» (Утв. 9/VI 1953 г.). М., 1953, 7 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.). В вып. дан. авт.: В. Д. Блаватский.
27. Румянцев Е. А. Использование синтетических смол при археологических раскопках. — КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 133—138.
28. Сессия Отделения истории и философии АН СССР и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Ин-та истории материальной культуры за 1951 год. Информация. — КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 3, 4.
«Советская археология» [Сб. статей]. XVII—XVIII. М., 1953 (АН СССР. ИИМК).
XVII. 378 стр. с илл. См. № 4, 8, 9, 16, 53, 66, 87, 144, 191, 198, 217, 268, 277 — 334, 348, 453.
XVIII. 482 стр. с илл. См. № 14, 48, 135, 175, 180, 246, 280, 284, 307, 342, 367, 383, 417, 508, 540, 589.
29. Столяр А. Д. Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950—1951 гг. — КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 156—170 с 6 илл.
30. Твелькмейер Л. Б. История исследований и обмеров архитектурных памятников античности. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Л., 1953, 23 стр. (Ленингр. инж.-строит. ин-т).
31. Твелькмейер Л. Б. Роль русских зодчих первой половины XIX века в исследовании античных памятников архитектуры. — Науч. труды (Ленингр. инж.-строит. ин-т), вып. 14, 1953, стр. 75—85. Библиогр.: 9 назв.
32. Тематика курсовых работ по древней истории Подонья. Воронеж, 1953, 28 стр. (Воронежский гос. пед. ин-т. Кафедра всеобщей истории). На 5-й стр. сост.: А. Ф. Шоков.
По археологическим памятникам.
33. Трубникова Н. В. Итоги сессии Государственного Исторического музея по археологическим работам. — ВДИ, 1953, № 1, стр. 236—238.
Информация о заседании ученого совета ГИМ, посвященного археологическим работам музея в 1950—1951 гг.
34. Федоров Г. Б. Археологические работы в Молдавии. (Совместная сессия ученых советов ИИМК АН СССР и Ин-та истории, языка и лит-ры Молдавского филиала АН СССР. Кишинев. Май 1953 г.). — ВАН СССР, 1953, № 9, стр. 75—82.
35. Федорова Р. В. Результаты исследования спорово-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. — ИГрозОКМ, вып. 5, 1953, стр. 154—162. Библиогр.: 10 назв.
36. Шелов Д. Археологические экспедиции Института истории материальной культуры в 1953 г. — ВИ, 1953, № 9, стр. 159—161. Подпись: Д. Ш.
37. Шовкоплясі. Г. Археологічні досліджения на Україні за роки Радянської влади. — ВАН УРСР, 1953, № 2, стр. 36—46.
38. Шовкоплясі. Г. Итоги и задачи археологических исследований на территории новостроек Юга Украинской ССР. — Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 20—28.
39. Шовкоплясі. Г. VI научная конференция Института археологии Академии наук УССР. [Киев, 3—7 июня 1952 г.]. — КСИА, вып. 2, 1953, стр. 3—13.
40. Шофман А. С. Первобытно-общинный строй. Учебно-метод. руководство для студентов-заочников. Казань, 1953, 36 стр. (Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Отд. заоч. обучения). Сост. указан на обороте тит. л.
Эпиграфика Востока, VII—VIII. М., 1953. (АН СССР. ИИМК).
VII. 124 стр. с илл. См. № 11, 380, 553, 570, 624, 636, 640.
VIII. 98 стр. с илл. См. № 77, 469, 558, 571, 619, 637, 641.
41. Якимов В. П. Дополнительные расодиагностические признаки на черепе. — КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 76—80 с 3 илл. и 1 табл.
Дополнительные признаки особенно нужны при определении черепов из древних погребений вследствие их плохой сохранности.

II. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

42. Арциховский А. В. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 51—69.
43. Астахов П. Б. Происхождение и развитие искусства в свете марксистско-ленинской эстетики. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук. М., 1953, 31 стр. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
См. Окладников А. П. Против вульгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства. — ВФ, 1954, № 2, стр. 232—243.

44. Астахов П. Б. Рецидивы марровской «теории» в разработке вопросов происхождения искусства. — ВИ, 1953, № 1, стр. 131—144.
По поводу работы А. П. Окладникова «К вопросу о происхождении искусства» (СЭ, 1952, № 2).
45. Борисковский П. И. и Окладников А. П. Каменный век. — БСЭ, изд. 2-е, т. 19, М., 1953, стр. 511—519; 2 стр. илл. и 1 карта; библиогр.
46. Борисковский П. И. и Окладников А. П. О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя.—Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М , 1953, стр. 70—93.
47. Брюсов А. Я. К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов. — Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 94—103.
48. Брюсов А. Я. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. — СА, XVIII, 1953, стр. 13—48 с 5 илл.
49. Брюсов А. Я. [Рец. на сб.:] Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951 г. (Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XVI). — ВДИ, 1953, № 2, стр. 111—117.
50. Ефименко П. П. Итоги работы и задачи Института археологии АН УССР в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. —Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 5—19.
51. [Ефименко П. П.] Єфіменко П. П. На новому етапі. — «Археологія», т. VIII, 1953, стр. 3—9.
52. Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3-е, переработ. и доп. Киев, 1953, 664 стр. с илл. и карт.; 15 л. илл. (АН УССР. Ин-т археологии).
Рец.: 1. Борисковский П. — СЭ, 1954, № 1, стр. 177—181; 2. Борисковский П. И. Визначний історико-археологичний твір. — ВАН УРСР, 1954, № 2, стр. 63—69; 3. Брюсов А. Я. — ВДИ, 1954, № 1, стр. 52—56; 4. Громов В. И. — ИАН СССР, сер. геол., 1954, № 3, стр. 158, 159.
53. Задачи советских археологов в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам. — СА, XVII, 1953, стр. 9—22.
54. Кафадарян К. Задачи советской археологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». — ИАН Арм. ССР. Обществ. науки, 1953, № 4, стр. 49—56. (На арм. яз.).
55. Киселев С. В. О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века. — Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 129—140.
56. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, 216 стр. (АН СССР. Научн.-попул. серия).
Рец.: 1 — Борисковский П. И.—СЭ, 1954, № 2, стр. 179, 180; 2. Брюсов А. и Першиц А. — ВДИ, 1954, № 2, стр. 75—81.
57. Маамаги В. А. О состоянии и задачах исторической науки в Эстонской ССР.— ВИ, 1953, № 12, стр. 174—178.
В частности, о состоянии и задачах археологии.
58. Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы. — Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 165—190.
59. О задачах советских археологов в свете решений XIX съезда партии. [Передовая]— КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 3—7.
60. Палеолит и неолит СССР. Под ред. А. П. Окладникова. М. — Л., 1953, 478 стр. с илл.; карт 1 (АН СССР. ИИМК. МИА, № 39).
См. № 115, 117, 119, 125, 143, 145, 148, 150, 154, 155, 247, 248, 399, 598, 600—602, 604, 605, 606.
Рец.: Формозов А. А. Новые работы по каменному веку СССР. — ВДИ, 1954, № 3, стр. 100—104.
61. Пассек Т. С. О марровских ошибках в изучении трипольских племен. — Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 104—118.
62. Пидопличко И. Г. Достижения и задачи археологической палеонтологии в познании прошлого Юга СССР.— Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 261—274.
63. Пиотровский Б. Б. О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике. — Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 119—128.
64. Против вульгаризации марксизма в археологии. [Сборник статей. Отв. ред. А. Д. Удальцов]. М., 1953, 192 стр. (АН СССР, ИИМК).
См. № 42, 46, 47, 55, 58, 62, 64, 68, 69, 387.
Рец.: Филин Ф. П. — ВЯ, 1954, № 4, стр. 141—147.

65. Развивать передовую советскую науку.— ВАН СССР, 1953, № 1, стр. 37—39.
66. Рыбаков Б. А. Древние русы. — СА, XVII, 1953, стр. 23—104 с 28 илл.
67. Сорокин В. С. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита. — СЭ, 1953, № 3, стр. 145—160 с 4 илл.
Третьяков П. Н. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языкознании — см. № 295.
68. Третьяков П. Н. Произведения И. В.Сталина о языке и языкознании и некоторые вопросы этногенеза. — Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 19—50.
69. Удальцов А. Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке. — Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 9—18.
70. Шаревская Б. И. Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии. — СЭ, 1953, № 3, стр. 9—26.

III. PERSONALIA

71. Бадер М. А. Михаил Васильевич Талицкий (1906—1942).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 192, 193. «Список печатных работ М. В. Талицкого», 13 назв.
72. Бадер О. Н. Павел Алексеевич Дмитриев (1902—1943).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 188—190. «Список печатных работ П. А. Дмитриева», 26 назв.
73. Бадер О. Н. Сергей Николаевич Топорков (1894—1944).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 196, 197.
74. Беленицкий А. М. и Дьяконов М. М. Памяти Александра Юрьевича Якубовского.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 166—172 с портр. «Список печатных трудов А. Ю. Якубовского», стр. 169—172.
75. Берс Е. М. Николай Николаевич Бортвин (1892—1943).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 187, 188. «Список печатных работ Н. Н. Бортвина», 15 назв.
76. Збруева А. В. Николай Афанасьевич Прокошев (1907—1942).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 190, 191. «Список печатных работ Н. А. Прокошева», 17 назв.; рукописи, 41 назв.
77. Крачковская В. А. В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист. — ЭВ, VIII, 1953, стр. 10—23; 1 портр.
78. Оборин В. Егор Петрович Аликин (1872—1939).— УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 195, 196.
79. Смирнов А. П. Дмитрий Николаевич Эдинг (1887—1946).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 193—195.«Список работ Д. Н. Эдинга (по археологии)», 18 назв.; рукописи, 5 назв.
80. А. Ю. Якубовский. [Некролог. 1886 — 1953]. — ВИ, 1953, № 5, стр. 139—142.

IV. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

1. Общие работы

81. Асылбаев А. А. Краткие итоги экспедиции МарНИИ 1952 года.— УЗМарИЯЛИ, вып. 5, 1953, стр. 273—283.
Обследование памятников разных эпох.
82. Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края.—УЗМолотУ, т. 8, вып. 2, 1953, стр. 311—364 с 5 илл.; 7 л. илл.
Материалы к археологической карте. Памятники от эпохи палеолита до XV—XVI н. э.
83. Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция (1951 г.).—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 82—92 с 5 илл.
Памятники от эпохи мезолита до XV в. н. э.
84. Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1950 году.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 97—103 с 4 илл.
Памятники эпохи палеолита, эпохи бронзы и VII в. н. э.
85. Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 3—88 с 1 карт.; 2 разв. л. карт. Библиогр.: стр. 87, 88.
86. Бадер О. Н. и Оборин В. А. Археологические исследования на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941—1945).—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 179—186.

87. Ефименко П. П. и Шовкоплясс И. Г. Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г.—СА, XVII, 1953, стр. 309—319.

88. История Литовской ССР. Ред. Ю. Жюгжда, ч. 1. С древнейших времен до 1861 г. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1953. 492 стр. (АН Литов. ССР. Ин-т истории и права). На правах рукописи.

Гл. 1 (стр. 11—24) «Первобытное общество» и гл. 2 (стр. 25—38) «Разложение первобытного строя и формирование классового общества» построены на археологическом материале.

Рец.: Конюхов Г. А. Обсуждение макета 1-го тома «Истории Литовской ССР».—ВИ, 1954, № 5, стр. 179—181.

89. История Украинской ССР. Ред. коллегия: А. К. Касименко (глав. ред.) и др., т. 1. Киев,1953. 839 стр. с илл. и карт.; 16 л.илл. и карт. (АН УССР.Ин-т истории).

Гл. 1 «Первобытно-общинный строй и зарождение классового общества» и гл.2 «Формирование и развитие феодальных отношений у восточных славян» построены с широким привлечением археологических источников.

Рец.: 1. Греков И. и Миллер И.—«Известия», 13/V 1954; 2. Зимин А. А., Мочалов В. Д. и Новосельский А. А. Ценный труд по истории Украинской ССР.—ВИ, 1954, № 6, стр. 128—132; 3. Корыхалов П. Истоки великой дружбы.—«Ленингр. правда», 21/V 1954; 4. Порох И., Бурдей Г. и Эльфонд Я. Книга о героическом прошлом украинского народа.—«Коммунист» (Саратов), 20/V 1954; 5. Тихомиров М., Яцунский В., Черменский Е. и Дмитриев С. Научный труд по истории Украины.—«Правда», 18/IV 1954.

90. Крупнов Е. И. Сталинградская археологическая экспедиция. (Работы 1952 года). — ВАН СССР, 1953, № 6, стр. 42—48.

Памятники от эпохи палеолита до XV в. н. э.

91. Лебедев В. Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата биол. наук. М., 1953, 16 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Биолого-почвенный науч.-исслед. ин-т. Кафедра ихтиологии).

На основе изучения материала раскопок памятников от эпохи верхнего палеолита до середины II тысячелетия.

92. Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1951 году.—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 132—146.

93. Ляпушкин И. И. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г.—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 127—136 с 4 илл.

Памятники эпохи бронзы, VIII—X вв., XIII—XIV вв.

94. Марк К. Ю. О палеоантропологических исследованиях в Эстонской ССР.—ИАН ЭстССР,1953,т.2,№4,стр.505—523 с 4 илл. (На эстон. яз., резюме на рус.яз.).

Палеоантропологические материалы эпохи неолита, I тысячелетия до н. э., V—VIII вв. и XI—XVII вв. н. э.

Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). Сборник статей. Отв. ред. Е. Ч. Скржинская М. — Л., 1953. 438 стр. с илл.; 7 л.илл. (АН СССР. ИИМК. МИА № 34).

См. № 208—214, 267, 293, 294, 311, 317, 321, 373, 382.

95. Монгайт А. Л. Исследование, обогащающее историю народов СССР. [Рец. на кн.:] Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. (АН СССР, ИИМК. МИА № 28). —ВАН СССР, 1953, № 2, стр. 100—105.

96. Моора Х. А. Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1952 году.—ИАН ЭстССР, 1953, № 1, стр. 60—69 с 7 илл. (На эстон. яз., резюме на рус. яз.).

Памятники от эпохи неолита до XIII в. н. э.

97. Москаленко А. Н. Из древнейшего прошлого Гремяченского района. (По археологическим данным.) — Сб. «Природа и хозяйство Гремяченского района Воронежской области», Воронеж, 1953, стр. 15—37 с 13 илл. и 1 карт. Библиогр.: стр. 36—37.

Памятники эпохи палеолита, эпохи бронзы и VIII—X вв. н. э.

98. Синицын И. В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС.—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 77—91 с 8 илл.

Памятники от эпохи неолита до XV в. н. э.

99. Смирнов А. П. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС.—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 5—14 с 5 илл.

Памятники от эпохи палеолита до XV в. н. э.

100. Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Археологическая экспедиция на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции в 1952 году. — ВАН СССР, 1953, № 1, стр. 53—73 с 4 илл.

Памятники от эпохи палеолита до XV в.

101. Стубав А. Новая книга по археологии Латвийской ССР. [Рец. на кн.:] Моора Х. Первобытно-общинный строй и раннефеодальное общество на территории Латвийской ССР. Рига, 1952. На латыш. яз.—«Падомью Латвияс скола» («Школа Сов. Латвии»), 1953, № 4, стр. 96—103. (На латыш. яз.).

Труды Камской археологической экспедиции. 1947—1952. [Сборник статей. Отв. ред. В. Ф. Тиунов]. Харьков, Изд-во Харьковск. гос. ун-та. 1953. 199 стр. с илл. и карт.; 2 л. карт. (М-во культуры СССР. Молот. гос. ун-т им. А. М. Горького. Учен. записки, т. 9, вып. 3). «Список печ. работ, в которых публиковались материалы и результаты исследований КАЭ»,стр.87, 88 (39 назв.).

См. № 71—73, 75, 76, 78, 79, 85, 86, 107, 245, 250, 283.

102. Чубарова Р. В. Археологическая экспедиция МарНИИ 1953 года.—УЗМарИЯЛИ, вып. 5, 1953, стр. 285—291.

Памятники III—II тысячелетий до н. э.,VIII—III вв. до н. э., XV—XVI вв.

103. Чубарова Р. В. Археологические памятники на территории Горно-Марийского района Марийской АССР.—УЗМарИЯЛИ,вып.5. 1953, стр. 177—196 с 6 илл.

Памятники II—I тысячелетий до н. э. и XV—XVI вв. н. э.

104. Шульц П. Н. О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму.—ИКрымОГО,вып. 2, 1953, стр.115—124.

Работы Северо-Крымской историко-археологической экспедиции 1951 г. по исследованию памятников эпохи бронзы, скифских и средневековых.

2. Палеолит и неолит

105. Акимова М.С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР. — КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 55—65.

106. Бадер О.Н. Позднечетвертичные палеоантропологические находки в Среднем и Нижнем Поволжье.—БКИЧП, № 18, 1953, стр. 51—63 с 3 илл. Библиогр.: стр. 62, 63.

107. Бадер О. Н. и Соколова З. П. Новые стоянки Чусовского Прикамья.—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 89—126 с 16 илл.

Памятники эпохи мезолита, неолита и бронзы.

108. Бибиков С.Н. К вопросу о ритуальных погребениях в трипольских жилищах. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 84.

По материалам раскопок поселения Лука-Врублевецкая.

109. Бибиков С.Н. Поселение в с. Лука-Врублевецкая и проблема раннего триполья.— Доклады VI научной конференции Ин-та археологии, Киев, 1953, стр.247—260.

110. Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на Юго-Востоке Европы. М. —Л., 1953. 460 стр. с илл.; 1 л. план. (АН СССР. ИИМК. МИА № 38). Прил.: В. И. Бибикова. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, стр. 411—458.

Рец.: Пассек Т. С.—ВДИ, 1954, № 2, стр. 70—75.

111. Бибикова В.И. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая.—МИА, № 38, 1953, стр. 411—458 с 9 илл.

112. Борисковский П. И. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Миус (Приазовье) в 1949 и 1950 гг. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 63—64.

Памятники мустьерского времени.

113. Борисковский П. И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. М.—Л., 1953. 464 стр. с 203 илл.; 1 разв. л. илл. (АН СССР. ИИМК. МИА № 40). Библиогр.: стр. 450—463.

Рец.: Черниш О.П. Нова робота з найдавнішної історії України.—ВАН УРСР, 1954, № 8, стр. 73—76.

114. Брюсов А. Я. К вопросу о заселении Севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 8—12.

115. Векилова Е. А. Палеолитическая стоянка Боршево I.—МИА, № 39, 1953, стр. 111—136 с 14 илл.

Воронежская обл.

116. Векилова Е. А. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953. 21 стр. (АН СССР. ИИМК).

117. Гвоздовер М. Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.—МИА, № 39, 1953, стр. 192—226 с 26 илл.

Курская обл.

118. Грищенко М. Н. Краткое сообщение о геологических условиях залегания новой палеолитической стоянки в районе Сталинграда. — БКИЧП, № 18, 1953, стр. 87—89.

118-а Громов В. И. Первая находка древнего палеолита на Волге, — Бюллетень Моск. о-ва испытателей природы, нов. серия, т. 58. Отд. геологич., т. 28, вып. 3, 1953, стр. 64. Сталинградская обл.

119. Громов И. М. Фауна позвоночных тарденуазской стоянки Мурзак-Коба в Крыму.—МИА, № 39, 1953, стр. 459—462.

120. Гурина Н. Н. Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области.— КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 23—35 с 1 карт. и 2 илл. Раскопки 1951 г. Памятники эпохи неолита и X—XIII вв. н. э.

121. Гурина Н. Н. Археологические исследования на Северо-Западе Европейской части СССР.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 65—77 с 5 табл. илл. и 1 карт. Памятники эпохи неолита и раннего железа.

122. Даниленко В. Н. К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 81—83.

123. Дебец Г. Ф. К палеоантропологии Урала.—КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 66—68. Эпоха неолита.

124. Добровольский А. В. Чаплинский могильник. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 74, 75. Эпоха неолита. Днепропетровская область.

125. Ефименко П. П. и Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Боршево II.—МИА, № 39, 1953, стр. 56—110 с 28 илл. Воронежская обл.

126. Замятнин С. Н. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья.—СМАЭ, XIV, 1953, стр. 231—255 с 15 илл.

127. Захарук Ю. До питання про обряд поховання населення трипільської культури в Середньому Подніпров'ї.—НЗІСН, т. 1, 1953, стр. 153—162. Библиогр.: стр. 161, 162.

128. Захарук Ю. Н. Проблема позднего триполья в Среднем Поднепровье по материалам исследований последних лет. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 78—80.

129. Карлов Н. Н. О некоторых мустьерских и ашельских охотничьих стоянках Среднего Приднепровья в связи с вопросом их датировки.—БКИЧП, № 17, 1953, стр. 52—63 с 10 илл. Библиогр.: 7 назв. Кодацкая, Волнянская, Григоровская и Федоровская стоянки.

130. Крижевская Л. Я. Археологические работы в Башкирии.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 74—81 с 3 илл. Раскопки 1951 г. Усть-Юрюзанского поселения; нижний слой — неолитическая мастерская, верхний — конец эпохи бронзы.

131. Лагодовская Е. Ф. Памятники усатовского типа.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 95—108 с 5 илл. Библиогр.: 21 назв. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).

132. Лагодовская Е. Ф. Трипольское поселение в с. Сандраки, Винницкой области, и некоторые вопросы позднего триполья. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 76, 77.

133. Мовша Т. Г. К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 85—87.

134. Паничкина М. З. О работах по изучению палеолита на Волге. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС).—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 15—20 с 2 илл.

135. Паничкина М. З. Разведки палеолита на Средней Волге.—СА, XVIII, 1953, стр. 233—264 с 19 илл.

136. Пассек Т. С. Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре.— Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 229—246 с 3 илл.
Пассек Т. С. О марровских ошибках в изучении трипольских племен—см. №61.

137. Пассек Т. С. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 46—59 с 6 илл. Раскопки 1951 г. Черновицкая обл. и Молдавская ССР.

138. Пассек Т. С. [Рец. на кн.:] Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.—ВДИ, 1953, № 2, стр. 106—111.

139. Пидопличко И. Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 65—68. Сталинская обл.

140. Потоцкий С. П. Находка черепа неолитического человека.—«Природа», 1953, № 5, стр. 111, 112 с 1 илл.
Конец III тысячелетия до н. э. Близ ст. Быково, Московской обл.
141. Раскатов Г. И. К вопросу о четвертичной фауне, флоре и палеолите Восточных Карпат, Предкарпатья и Закарпатья. —БКИЧП, № 18, 1953, стр. 64—75 с 1 карт. Библиогр.: стр. 75.
142. Раушенбах В. М. Неолитические стоянки верхней Клязьмы.—ТрГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 7—18 с 7 илл.
143. Рогачев А. Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г.—МИА, № 39, 1953, стр. 137—191 с 23 илл.; 1 разв. л. план.
144. Рогачев А. Н. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. (По материалам Тельманской стоянки в Костенках).—СА, XVII, 1953, стр. 149—160 с 5 илл.
Воронежская обл.
145. Рогачев А. Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточноевропейской равнины.—МИА, № 39, 1953, стр. 39—55 с 11 илл.
По материалам Костенковских стоянок.
146. Рогачев А. Н. Раскопки Костенок I.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 3—15 с 8 илл.
Раскопки 1951 г. Воронежская обл.
147. Рудинский М. Я. Каменная могила. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 69—71.
Автор датирует петроглифы «Каменной могилы» эпохой неолита и бронзы. Запорожская обл.
148. Семенов С. А. Каменные ретушеры позднего палеолита.—МИА, № 39, 1953, стр. 446—454 с 7 илл.
По материалам стоянок на территории Европейской части СССР.
149. Семенов С. А. Костяные орудия из древнепалеолитических стоянок Киик-Коба и Кош-Коба.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 143—147 с 2 илл.
Крымская обл.
150. Семенов С. А. О каменных сверлах.—МИА, № 39, 1953, стр. 455—458 с 3 илл.
Характеристика орудий для сверления и процесса сверления в эпоху палеолита и неолита на материале стоянок Сибири и Европейской части СССР.
151. Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953, 24 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
Рубеж III—II тысячелетий до н. э. Сталинская обл.
152. Столяр А. Д. Опыт историко-культурного анализа Мариупольского могильника. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 72, 73.
153. Телегин Д. Я. Неолитические памятники на Среднем Донце. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1953. 11 стр. (Ин-т археологии АН УССР).
154. Федоров В. В. К вопросу о «кремневых складах» в неолитическое время.—МИА, № 39, 1953, стр. 286—292 с 5 илл.
По материалам из раскопок стоянки № 17 у оз. Пудоро, Калининская обл.
155. Федоров В. В. Плехановская неолитическая стоянка. (По материалам Музея антропологии и этнографии АН СССР).—МИА, № 39, 1953, стр. 293—331 с 25 илл.
Владимирская обл.
156. Федоров В. В. Светильник-лампа из стоянки Балин-Кош в Крыму.—КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 50—54 с 3 илл.
Стоянка эпохи палеолита.
157. Формозов А. А. Возобновление полевых исследований по каменному веку Крыма.—БКИЧП, № 18, 1953, стр. 89—94 с 3 илл. Библиогр.: стр. 94 (7 назв.).
Раскопки палеолитической стоянки Староселье в 1952 г.
158. Формозов А. А. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита.—СЭ, 1953, № 1, стр. 168—172 с 1 илл.
На основе археологического материала стоянок территории СССР.
159. Формозов А. А. [Рец. на кн.:] Ископаемый человек и его культура на территории СССР. М., 1952. (Ученые записки МГУ, вып. 158).—СЭ, 1953, № 4, стр. 156—158.
160. Фосс М. [Рец. на кн.:] Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.—ВДИ, 1953, № 2, стр. 102—106.
161. Цветкова И. К. Волосовские неолитические племена.—ТрГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 19—52 с 7 илл. и 1 карт.; 1 табл.
II тысячелетие до н. э.; берега рр. Оки и Верхней Волги.

162. Черныш А. П. Владимировская палеолитическая стоянка.—БКИЧП, № 17, 1953, стр. 43—51 с 1 табл. Библиогр.: 8 назв.
Кировоградская обл.
163. [Черныш А. П.] Черниш О. П. Владимирівська палеолітична стоянка. Київ, Видавництво АН УРСР, 1953. 76 стр. с илл. (Ін-т суспільних наук Львівського філіалу АН УРСР).
164. [Черныш А. П.] Черниш О. Звіт про дослідження палеоліту на середньому Дністрі в 1949 р.—НЗІСН, т. 1, 1953, стр. 163—183.
165. Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Бабин I по материалам раскопок 1949—1950 гг.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 56—64 с 3 табл. илл.
Черновицкая обл.
166. Черныш А. П. Пещера с древними рисунками.—БКИЧП, № 18, 1953, стр. 99—103 с 5 илл.
Наскальные изображения эпохи мезолита в пещере у дер. Баламутовки Черновицкой обл.
167. Шапошникова О. Г. Памятники неолита и трипольской культуры в районе Киева.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 138—147 с 5 илл. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).
168. Якимов В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцово море).—СМАЭ, XV, 1953, стр. 448—467.
Начало I тысячелетия до н. э.
169. Янитс Л. Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги Эстон. ССР. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тарту, 1953. 21 стр. (Тартуский гос. ун-т).
См. также № 9, 28, 34, 36, 37, 45—48, 52, 67, 82—85, 89—92, 94, 96—100.

3. Эпоха бронзы и железа Юга Европейской части СССР

170. Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 169—196.
171. Березанская С. С. Памятники предскифского времени на Уманщине и их историческое значение. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1953. 16 стр. (АН УССР. Ин-т археологии).
172. Вязьмитина М. И. Изучение сарматов на территории УССР. — «Археологія», т. VIII, 1953, стр. 56—75 с 10 илл. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).
173. Вязьмитина М. И. Изучение сарматских племен степной Украины. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 58—60.
174. Граков Б. Н. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и лесостепной зоне.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 155—168.
175. Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота.—СА, XVIII, 1953, стр. 111—127 с 3 илл.
176. Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. (Из работ в зоне строительства Волго-Донского канала.)—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 137—148 с 6 илл.
Воронежская обл.
177. Даниленко В. Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 197—208 с илл.
178. Добровольский А. В. Золотобалковское поселение. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 56, 57.
Поселение II в. до н. э.—I в. н. э., по раскопкам 1951 г. Херсонская обл.
179. Елагина Н. Г. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э.—IV в. н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 19 стр. (АН СССР. ИИМК).
180. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.).—СА, XVIII, 1953, стр. 49—110 с 30 илл.
Ростовская обл.
181. Ильинская В. А. Городище скифского времени на р. Сейм.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 109—122 с 7 илл. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).
Раскопки Ширяевского городища в 1950 г.
182. Ильинская В. А. К вопросу о развитии общественных отношений в Скифии. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 38—40.

183. К а н и в е ц В. И. Памятники высоцкого типа как исторический источник. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1953, 16 стр. (АН УССР. Отд. обществ. наук).
X—VI вв. до н. э. Западные области Украины.
184. К а н и в е ц В. И. Памятники лужицкой культуры на территории западных областей Украины. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 44, 45.
185. К а р а с е в А. Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 78—85 с 3 илл.
Крымская обл.
186. М а х н о Е. В. Курганы скифского времени около с. Малые Будки.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 123—127 с 4 илл. (На укр. яз., резюме на рус. яз.),
Сумская обл.
187. М а х н о Е. В. Сарматский могильник у с. Усть-Каменка. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 61.
Первые века нашей эры. Херсонская обл.
188. М е л ю к о в а А. И. Конференция ИИМК, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии [28 янв.—2 февр. 1952 г.].—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 155—162.
189. М е л ю к о в а А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. — КСИИМК, вып. 51. 1953, стр. 60—73 с 7 илл.
VI—V вв. до н. э.—I—III вв. н. э. Раскопки 1951 г. в Черновицкой обл.
190. М е р п е р т Н. Я. Археологические памятники у села Хрящевки. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС.)—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 43—54 с 4 илл.
Памятники эпохи бронзы, I и начала II тысячелетия н. э.
191. П о г р е б о в а Н. Н. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. По поводу статей А. П. Манцевич [«К вопросу о торевтике в скифскую эпоху», ВДИ, 1949, № 2 и «Гребень и фиала из кургана Солоха»—СА, XIII, 1950].—СА, XVII, 1953, стр. 285—291.
192. П о к р о в с к а я Е. Ф. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен правобережного Приднепровья (бассейн р. Тясмин) в VIII—VI вв. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1953. 13 стр. (АН УССР. Отд. обществ. наук).
193. П о к р о в с к а я Е. Ф. К вопросу о сложении культуры раннего железа в лесостепном правобережном Поднепровье (бассейн р. Тясмин). [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 36, 37.
IX—VI вв. до н. э.
194. П о к р о в с к а я Е. Ф. Курганы предскифского времени в бассейне р. Тясмин.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 128—137 с 5 илл. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).
Киевская обл.
195. П о п о в а Т. Б. «Катакомбная культура». Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 15 стр. (АН СССР. ИИМК).
196. П о п о в а Т. Б. Керамика мелекесских курганов.—ТрГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 53—62 с 2 илл.
Курганы срубной культуры в Нижнем Поволжье.
Р у д и н с к и й М. Я. Каменная могила.—см. № 147.
197. Р ы б а л о в а В. Д. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе правобережной Украины.— Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 209—228 с 3 илл.
198. С м и р н о в К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. — СА, XVII, 1953, стр. 133—148 с 1 карт.
199. Т е р е н о ж к и н А. И. Курганы бронзового века на р. Молочной. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 88.
Запорожская обл.
200. Т е р е н о ж к и н А. И. Некоторые актуальные вопросы скифоведения.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 140—154.
201. Ф о р м о з о в А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками.—ВДИ, 1953, № 1, стр. 193—200 с 2 илл.
202. Ш е л о в Д. Б. Сухо-Чалтырское городище.— ВДИ, 1953, № 2, стр. 188—192 с 3 илл.
Городище позднесарматского времени. Ростовская обл.
203. Ш о в к о п л я с И. Г. Курганный могильник предскифского времени на

Среднем Днестре. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 41—43.

Могильник VIII—VII вв. до н. э. у с. Лука-Врублевецкая.

204. Шрамко Б. А. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 14 стр. (АН СССР. ИИМК).

205. Штительман Ф. М. Поселения скифского времени на побережье Бугского лимана. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.] — КСИА, вып. 2, 1953, стр. 46, 47.

206. Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., «Искусство», 1953. 88 стр. с илл.; 20 л. илл.

II в. до н. э.—II в. н. э. Крымская обл.

См. также № 9, 12, 38, 55, 87, 93, 97, 98—100, 104.

4. Античные города

207. Бокщанин А. Г. [Рец. на кн.:] Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., Учпедгиз, 1952.—ПИШ, 1953, № 1, стр. 119—122.

208. Белов Г. Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее. (Раскопки 1948 г.). — МИА, № 34, 1953, стр. 237—254 с 26 илл.

Херсонес. IV в. н. э.

209. Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса. (По новейшим раскопкам.)— МИА, № 34, 1953, стр. 11—31 с 5 илл.

Памятники античные и средневековые.

210. Белов Г. Д. Эллинистическая мозаика.—МИА, № 34, 1953, стр. 279—295 с 8 илл.; 1 л. илл.

Херсонес. II в. до н. э.

211. Белов Г. Д. и Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. (Раскопки 1937 г.)—МИА, № 34, 1953, стр. 32—108 с 70 илл.; 2 разв. л. план.

Херсонес. Памятники античные и средневековые.

212. Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. и Якобсон А. Л. Квартал XVIII. (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.)—МИА, № 34, 1953, стр. 160—236 с 89 илл.; 1 разв. л. план.

Херсонес. Памятники античные и средневековые.

213. Белов Г. Д. и Якобсон А. Л. Квартал XVII. (Раскопки 1940 г.) —МИА, № 34, 1953, стр. 109—159 с 45 илл.; 1 разв. л. план.

Херсонес. Памятники античные и средневековые.

214. Белова Л. Н. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII.—МИА, № 34, 1953, стр. 255—278; 1 л. илл.

Херсонес. Монеты античные и средневековые.

215. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. 208 стр. с 91 илл. (АН СССР. ИИМК. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 5).

216. Блаватский В. Д. Непосредственный производитель материальных благ в сельском хозяйстве северопонтийских государств. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 62.

217. Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея.—СА, XVII, 1953, стр. 163—182 с 15 илл.

По материалам раскопок 1945—1949 гг.

218. Болтенко М. Ф. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха. — ВДИ, 1953, № 4, стр. 130—135 с 1 илл.

Греческая надпись II в. из с. Малый Бейкуш близ Ольвии.

219. Ветштейн Р. И. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1953. 15 стр. (АН УССР. Отд. обществ. наук).

220. Гайдукевич В. Ф. [Рец. на кн.:[Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Под ред. В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова, т. 1. М., 1951. (АН СССР. ИИМК. МИА, № 19).—ВДИ, 1953, № 1, стр. 83—92.

221. Дмитров Л. Д. Итоги Измаильской археологической экспедиции Института археологии АН УССР за 1947—1950 гг. и перспективы ее дальнейших работ. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 54, 55.

Раскопки на терр. Белгорода-Днестровского. Памятники V—IV вв. до н. э. (античный город Тира), первых веков нашей эры, XIII—XV вв.

222. Зеест И. Б. Раскопки Феодосии.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 143—148 с 3 илл.

Раскопки 1951 г. Памятники античные и средневековые.

223. Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953. 192 стр. с илл. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова). Библиогр.: стр. 186—191.

224. Ионина З. С. Из истории экономики Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 16 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина).
225. Карышковский П. О. Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным.—ВДИ, 1953, № 3, стр. 179—190; 1 л. табл.
226. Карышковский П. О. Еще раз о книге Зографа «Античные монеты» [МИА, № 16, 1951].—ВДИ, 1953, № 1, стр. 105—111.
227. Книпович Т. Н. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 112—121 с 5 илл.
Раскопки 1951 г.
228. Книпович Т. Н. Население Ольвии догетского периода по данным эпиграфических источников. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 48—51.
V—I вв. до н. э.
229. Книпович Т. Н. Перистильный двор первых веков нашей эры на территории римской цитадели в Ольвии. (Из работ Ольвийской экспедиции 1951 г.).—ВДИ, 1953, № 1, стр. 183—188 с 2 илл.
230. Кобылина М. М. Раскопки Фанагории. — КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 122—127 с 3 илл.
Раскопки 1951 г.
231. Кругликова И. Т. Раскопки Киммерика. — КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 132—142 с 2 илл.
Раскопки 1951 г. Крымская обл.
232. Леви Е. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г.—ВДИ, 1953, № 1, стр. 177—183 с 1 илл.
Публикация и перевод греческой надписи середины III в. до н. э.
233. Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории. — КСИИМК, вып. 51, 1953 стр. 128—131 с 1 илл.
Раскопки 1951 г. Памятники IV—III вв. до н. э.
234. Розанова Н. Неизданные надгробные стелы Таманского музея.—ВДИ, 1953, № 1, стр. 174—176 с 5 илл. (Продолжение. См. ВДИ, 1951, № 3).
II—I вв. до н. э.
235. Славин Л. М. Основные итоги исследований Ольвии за последние годы.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 119—139 с 8 илл.
236. Соболев И. Н. О реконструкции ольвийского жилого дома II в. до н. э., открытого Б. В. Фармаковским в 1902 — 1903 гг. — ВДИ, 1953, № 1, стр. 188—192 с 1 илл.
237. Суров Е. Г. Новые материалы по истории Боспорского государства. [Рец. на кн.:] МИА, № 19 (Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху, 1951) и № 25 (Боспорские города, 1952).—ВДИ, 1953, № 1, стр 74—83.
238. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953. 155 стр. с илл. (АН СССР. ИИМК. Ин-т языкознания). На обороте тит. л.: Граффити Государственного Эрмитажа.
Рец.: Карышковский П.—ВДИ, 1954, № 1, стр. 69—72.
239. Фурманская А. И. К вопросу о литейном ремесле Ольвии. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].— КСИА, вып. 2, 1953, стр. 52, 53.
240. Фурманская А. И. Меднолитейное ремесло в Ольвии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1953. 15 стр. (АН УССР. Отд. обществ. наук).
241. Фурманская А. И. Фибулы из раскопок Ольвии.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 76—94 с 7 илл. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).
242. Шелов Д. Б. Денежная реформа Левкона II.—ВДИ, 1953, № 1, стр. 30—39.
Реформа боспорского правителя III в. до н. э.
243. Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 159—165 с 3 илл.
VI в. до н. э.—IV в. н. э.
244. Шелов Д. Б. [Рец. на кн.:] Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., Учпедгиз, 1952. —ВДИ, 1953, № 1, стр. 98—105.

5. Эпоха бронзы и раннего железа Севера и Центра Европейской части СССР (включая Урал)

245. Бадер О. Н. Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение турбинского типа на Каме.—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 135—144 с 3 илл.
II тысячелетие до н. э. Молотовская обл.

Бадер О. Н. и Соколова З. П. Новые стоянки Чусовского Прикамья— см. № 107.

246. Бадер О. Н. и Соколова З. П. Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой.— СА, XVIII, 1953, стр. 265—280 с 10 илл.
II тысячелетие до н. э.

Гурина Н. Н. Археологические исследования на Северо-Западе Европейской части СССР — см. № 121.

247. Гурина Н. Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцова морей.— МИА, № 39, 1953, стр. 408—420 с 6 илл.
Рубеж II и I тысячелетий до н. э.

248. Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова.—МИА, № 39, 1953, стр. 347—407 с 36 илл.

Крижевская Л. Я. Археологические работы в Башкирии — см. № 130.

249. Окладников А. П. Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы (по материалам памятников бронзового века.) — Сб. «Языки и история народностей Крайнего Севера СССР», Л., 1953. (Учен. записки ЛГУ, № 157. Фак. народов Севера, вып. 2), стр. 151—166.

250. Тихонов Б. Г. Кама-Жулановская стоянка бронзовой эпохи на Средней Каме.— УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 127—133 с 5 илл.
XIII—XI вв. до н. э. Молотовская обл.

251. Трубникова Н. В. Племена городецкой культуры.—ТрГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 63—96 с 2 илл.; 1 л. илл.
Культура Куйбышевского и Саратовского Поволжья VII в. до н. э.—I—II вв. н. э.

252. Трубникова Н. В. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС).—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 21—30 с 5 илл.

253. Халиков А. Х. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС).—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 31—42 с 6 илл.

См. также № 82—86, 90, 96, 102, 103.

6. Восточная Европа в I тысячелетии н. э. (славяне и соседние племена)

254. Анфимов Н. В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова.— КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 151—154 с 1 илл.
IX—X вв.

255. Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское. (Раскопки 1949—1951 гг.). — КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 104—116 с 8 илл.
VIII—IX вв. Крымская обл.

Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса.—см. № 209.

Белов Г. Д. и Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI [Херсонес]—см. № 211.

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. и Якобсон А. Л. Квартал XVIII [Херсонес] —см. № 212.

Белов Г. Д. и Якобсон А. Л. Квартал XVII [Херсонес]—см. № 213.

256. Березовец Д. Т. Археологические памятники летописных северян. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР]. — КСИА, вып 2, 1950, стр. 25, 26.
VII—IX вв.

257. Березовец Д. Т. К вопросу о летописных северянах.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 28—44 с 6 илл. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).

258. Блифельд Д. И. Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 29—30.

259. Брайчевская А. Т. К вопросу о ремесле культуры полей погребений. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]— КСИА, вып. 2, 1953, стр. 21, 22.

260. Брайчевский М. Ю. Археологические свидетельства участия восточных славян в политических событиях римской истории III—IV вв. н. э. — «Археологія», т. VIII, 1953, стр. 45—55. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).

261. Брайчевский М. Ю. Древнеславянское святилище в селе Иванковцы на Днестре. — КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 43—53 с 7 илл. и план.
Каменец-Подольская сбл.

262. Брайчевский М. Ю. Об «антах» Псевдомаврикия.—СЭ, 1953, № 2, стр. 21—36.

263. Брайчевский М. Ю. Основные вопросы археологического изучения антов. (Культура полей погребений).—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 60—81.

264. Брайчевский М. Ю. Пастырское городище в связи с проблемой восточнославянских племен. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 27, 28.
VII—IX вв. Кировоградская обл.

265. Брайчевский М. Ю. и Довженок В. И. Древнеславянское святилище в с. Иванковцы на Поднестровье. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 23—24.

266. Бураков А. В. Слов'янське поселення на Нижньому Дніпрі.—ВАН УРСР, 1953, № 10, стр. 38—42.

267. Вейнарн Е. В. Разведка оборонительных стен и некрополя.—МИА, № 34, 1953, стр. 419—429 с 8 илл.
Дорос — Феодоро — Мангуп. Крымская обл.

268. Вощинина А. И. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.).— СА, XVII, 1953, стр. 183—196 с 9 илл.
Рец.: Ищериков П. Об уфимском кладе серебряных сосудов. — «Сов. Башкирия», 29/VII 1953.

269. Генинг В. Ф. Бродовский могильник.—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 87—98 с 7 илл. и план.
VIII в. Молотовская обл.

270. Горюнова Е. И. Муромский могильник. (К истории г. Мурома).—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр 33—42 с 3 табл. илл.
VII—XI вв.

271. Гуревич Ф. Д. Раскопки на городище Грачевка.—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 80—86 с 2 илл.
I тысячелетие н. э. Калининградская обл.

272. Довженок В. И. К вопросу о сложении древнерусской народности.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 40—59. Библиогр.: стр. 57—59.

273. Збруева А. В. Котловское городище.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 117—123 с 3 илл.
Рубеж I и II тысячелетий н. э. Тат. АССР.

274. Изюмова С. А. Археологическая разведка в 1951 году в Тульской области.—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 68—79 с 6 илл. и план.
Обследование городищ и селищ 1-й половины I тысячелетия н. э. и XII—XIII вв.

275. Кропоткин В. В. Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 16 стр. (АН СССР. ИИМК).

276. Кудряшов К. В. К вопросу о местонахождении Саркела. — ИВГО, т. 85, вып. 4, 1953, стр. 480—482. Библиогр.: 12 назв.
На основе данных письменных и археологических источников автор отрицает возможность отождествления Цимлянского городища с древним городом Саркелом.

277. Куликаускене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев.—СА, XVII, 1953, стр. 211—222 с 9 илл.
Погребения конца I — начала II тысячелетия н. э.

278. Кухаренко Ю. В. Клад из села Турии.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 148—150 с 1 илл.
Клад II—III вв. Златопольский район Киевской обл.

279. Махно Е.В.Корчеватовские памятники в Среднем Поднепровье. (По материалам раскопок последних лет). [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР.]—КСИА, вып. 2, 1953, стр. 14.
II в. до н. э. —II в. н. э.
Мерперт Н. Я. Археологические памятники у села Хрящевки—см. № 190.
Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы—см. № 58.

280. Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.—СА, XVIII, 1953, стр. 151—189 с 15 илл.; 1 разв. л. карт.

281. Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. (По археологическим данным).— СА, XVII, 1953, стр. 105—132 с 16 илл.
Памятники 2-й половины I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э.

282. Никольская Т. Н. Городище у деревни Свинухово.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 86—96 с 8 илл.
Городище III—V вв. н. э. Калужская обл.

283. Оборин В. А. Бояновский могильник на р. Косьве.—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1954, стр. 145—160 с 8 илл.
IX—X вв. Молотовская обл.
Рыбаков Б. А. Древние русы—см. № 66.

284. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953, стр. 128—150 с карт. и 1 илл.
285. Смирнов А. П. К вопросу о славянах в Крыму.—ВДИ, 1953, № 3, стр. 32—45 с 8 илл.
286. Смишко М. Ю. Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 82—94.
287. [Смишко М. Ю.] Смішко М. Ранньослов'янська культура Карпатського підгір'я.—НЗІСН, т. 1, 1953, стр. 131—151. Библиогр.: стр. 150—151.
288. Соловьева Г. Ф. Славянские племенные союзы по археологическим данным (вятичи, радимичи, северяне). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 14 стр. (АН СССР. ИИМК).
289. Станкевич Я. В. Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы. — КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 60—67 с 2 илл.
290. Сымонович Э. А. Раннеславянские поселения у сс. Грушевка и Кут, Апостоловского района Днепропетровской области. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР].— КСИА, вып. 2, 1953, стр. 20.
II—IV вв.
291. Тимощук Б. А. Подкарпатские курганы III—V веков нашей эры.—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 54—59 с 3 илл.
Черновицкая обл.
292. Тиханова М. А. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР]. — КСИА, вып. 2, 1953, стр. 15—19.
293. Тиханова М. А. Базилика. —МИА, № 34, 1953, стр. 334—389 с 58 илл.
VI и XIV вв. По раскопкам 1938 г. древнего города Дорос—Феодоро—Мангуп. Крымская обл.
294. Тиханова М. А. Дорос—Феодоро в истории средневекового Крыма.—МИА, № 34, 1953, стр. 319—333.
Тиханова М. А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. [в Мангупе]— см. № 373.
295. Третьяков П. Н. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языкознании. — Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 29—39.
296. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2-е, переработ. и расшир. М., 1953. 312 стр. с илл. и карт. (АН СССР. Науч.-попул. серия).
Рец.: Мавродин В. В.—СЭ, 1954, № 3, стр. 153—160.
297. Третьяков П. Н. О происхождении славян.—ВИ, 1953, № 11, стр. 69—82.
298. Федоров Г. Б. Городище Екимауцы. (Работа Славяно-Днестровской экспедиции в 1951 г.).—КСИИМК, вып. L., 1953, стр. 104—126 с 10 илл.
IX—XI вв. Молдавская ССР.
299. Федоров Г. Б. Из итогов работ Славяно-Днестровской археологической экспедиции в 1950—1951 гг.—ИМолдФАН СССР, 1953, № 3—4, стр. 41—64. (Резюме на молдав. яз.).
Памятники культуры полей погребений и славянские городища.
300. Федоров Г. Б. Славянские городища в Молдавии. (К итогам Молдавской археологической экспедиции в 1952 г.).— ВАН СССР, 1953, № 4, стр. 43—51.
Конец I — начало II тысячелетия н. э.
См. также № 82—85, 87, 93, 96, 98—100.

7. Древняя Русь и ее соседи

301. Авдусин Д. А. Гнёздовские городища. — «Смол. альманах», кн. 12, 1953, стр. 217—228.
XVI—XVII вв. Смоленская обл.
302. Авдусин Д. А. К вопросу о первоначальном месте Смоленска. — ВМГУ, 1953, № 7, сер. обществ. наук, № 3, стр. 123—137.
Раскопки городищ конца I — начала II тысячелетия.
303. Авдусин Д. А. Неонорманистские измышления буржуазных историков.—ВИ, 1953, № 12, стр. 114—120.
О норманистских концепциях шведского ученого Т. Арне.
304. Авдусин Д. А. Раскопки гнёздовских городищ в 1953 году. — ВМГУ, 1953, № 11, стр. 111—117.
Автор датирует городища XVI—XVII вв. и доказывает, что они не связаны с Гнёздовским могильником.
305. Авдусин Д. А., Костомаров Г. Д., Брунов Н. И. Московский кремль.—БСЭ, изд. 2-е, т. 23, М., 1953, стр. 320—323 с илл.; 2 л. илл.; Библиогр.

306. Алферова Г. Памятник гражданского зодчества XVI—XVII вв.—«Архитектура СССР», 1953, № 4, стр. 23—25 с 4 илл.
Реставрация дворца Троекурова в Москве.
307. Арциховский А. В. Раскопки 1951 г. в Новгороде.—СА, XVIII, 1953, стр. 342—371 с 26 илл.
308. Арциховский А. В. Раскопки 1952 года в Новгороде.—ВИ, 1953, № 1, стр. 113—124 с 15 илл.
309. Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г.).М., 1953. 68 стр. с черт.; 15 л. илл. (АН СССР. ИИМК).
Содерж.: М. Н. Тихомиров. Грамоты и надписи; А. В. Арциховский. Стратиграфическая датировка грамот и надписей.
Рец.: 1. Варшавский А. Грамоты на бересте.—«Моск. комсомолец», 18/V 1954; 2. Лихачев Д. С. — СА, XIX, 1954, стр. 318—327; 3. Николаева А. Уникальные памятники.—НМ, 1954, № 1, стр. 283—286; 4. Щепкина М. В.—ВИ, 1954, № 4, стр. 158—161
310. Афанасьев К. Новый вариант реконструкции храма Софии в Новгороде.—СИИИ, № 2, 1953, стр. 91—111 с 11 илл.
311. Банк А. В. Вислая свинцовая печать XI—XII вв.—МИА, № 34, 1953, стр. 296—298; 1 л. илл.
Византийская печать, найденная в Херсонесе.
Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса — см. № 209.
Белов Г. Д. и Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI [Херсонес]—см. № 211.
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. и Якобсон А. Л. Квартал XVIII [Херсонес]—см. № 212.
Белов Г. Д. и Якобсон А. Л. Квартал XVII [Херсонес]— см. № 213.
Белова Л. Н. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII [Херсонес]—см. № 214.
312. Богусевич В. А. Итоги и задачи археологического изучения древнерусских городов на территории Украинской ССР.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 95—106.
313. Борковский В. И. Новые находки берестяных грамот. (О статьях А. В. Арциховского, посвященных раскопкам 1952 г. в Новгороде).—ВЯ, 1953, № 4, стр. 122—133.
314. Брунов Н. И. Мастера древнерусского зодчества. М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 80 стр. с 17 илл. (Моск. гор. отд. Всесоюз. об-ва по распростр. полит. и науч. знаний. Цикл лекций «Мастера русского зодчества»). На обл. автор не указан.
315. Брунов Н. И. [Рец. на кн.:] Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев, Изд-во АН УССР, 1950.—ВВ, т. 7, 1953, стр. 296—306.
316. Брюсова В. Г. Фрески Успенского собора на Городке гор. Звенигорода. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. М., 1953. 14 стр. (АН СССР. Ин-т истории искусств).
Фрески XIV—XV вв., приписываемые Андрею Рублеву.
Бунин А. В. История градостроительного искусства. Т. 1. Рабовладельческий строй. Феодализм. Капитализм.—см. № 632.
317. Быков А. А. Описание монет из раскопок на плато Мангупа в 1938 г.—МИА, № 34, 1953, стр. 435.
Византийская монета рубежа IV и V вв. и монеты Крымского ханства XIV—XVIII вв.
318. Волков Ю. А. Приемы цветного убранства русской архитектуры. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. М., 1953. 16 стр. (Моск. архитектурный ин-т).
XI—XX вв.
319. Володченко З. А. К вопросу о технике черни на Руси.—КСИИМК, вып. 52, 1953. стр. 10—16 с 2 илл.
320. Воронин Н. Улучшить издание книг о памятниках архитектуры. [Рец. на кн.:] Тракайский замок XV в. [сост. А. Яникас. Альбом 1]. Вильнюс, 1952. (На литов. и русс. яз.).—«Архитектура СССР», 1953, № 2, стр. 32.
321. Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия.—МИА, № 34, 1953, стр. 299—315 с 11 илл.
Часовня XII—XIII вв. в Херсонесе.
322. Гиршберг В. Б. Эпиграфические заметки. 1. Граффити на стене церкви Трифона в Напрудном. — КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 121—131 с 3 илл.
XV—XVII вв. Москва.
323. Голенко К. В. Подражания византийским монетам X—XI вв., найденные на Таманском полуострове. — ВВ, т. 7, 1953, стр. 269—275; 2 л. табл.

324. Голубева Л. А. Раскопки в г. Рузе. — ТрГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 141—162 с 4 илл.; 1 л. илл.

Памятники XIII—XVII вв.

325. Грач А. [Рец. на кн.:] Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. [Сборник статей]. Л.—М. Изд-во Главсевморпути, 1951.—СЭ, 1953, № 4, стр. 158—160.

Гурина Н. Н. Археологические исследования в Карелии и Ленинградской обл.—см. № 120.

326. Денисова М. М., Портнов М. Э. и Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX вв. М., 1953. 168 стр. с илл.; 23 л. илл. (Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров РСФСР. Науч.-исслед. ин-т краевед. и музейной работы).

Дмитров Л. Д. Итоги Измаильской археологической экспедиции—см. № 221.

327. Довженок В. И. Феодальное имение в эпоху Киевской Руси в свете археологических данных.—«Археологія», т. VIII, 1953, стр. 10—27. (На укр. яз., резюме на рус. яз.).

328. Ефимова А. М. Гидротехнические сооружения XIV в. в городе Болгаре. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС).—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 64—68 с 2 илл.

329. Жеромский Б. Б. Подгорная слобода города Болгары. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС.)—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 55—63 с 5 илл.

Зеест И. Б. Раскопки Феодосии — см. № 222.

330. Зимин А. А. [Рец на кн.:] Тихомиров М. Н и Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.— ВИ, 1953, № 12, стр. 161—162.

Изюмова С. А. Археологическая разведка в 1951 году в Тульской области — см. № 274.

331. Ильин М. А. [Рец. на:] Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 2. Под ред. Н. Н. Воронина. М.—Л., 1952 (АН СССР. ИИМК. МИА, № 31).— ВИ, 1953, № 5, стр. 117—119.

332. История русского искусства. Под общ. ред. акад. И. Э. Грабаря [и др.], т. 1, Ред. И. Э. Грабарь, В. Н. Лазарев. М., 1953. 575 стр. с илл.; 6 л. илл. (АН СССР. Ин-т истории искусств). Библиогр.: стр. 526—536.

Авторы глав: В. Д. Блаватский, Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев, Б. А. Рыбаков.

Рец.: 1. Дмитриев Ю.—«Искусство», 1954, № 4, стр. 77—80; 2. Зотов А.—«Сов. культура», 14/IX 1954.

333. Каргер М. К. Археологічні розкопки в Переяславі-Хмельницькому.—ВАН УРСР, 1953, № 6, стр. 43—50.

Раскопки 1952 г. Памятники XI и XII—XIII вв.

334. Каргер М. К. К истории киевского зодчества конца XI — начала XII в. Церковь Спаса на Берестове. — СА, XVII, 1953, стр. 223—247 с 19 илл.

335. Каргер М. К. «Летская божница» Владимира Мономаха.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 13—20.

Раскопки остатков храма XI в., с. Борисполь Киевской обл.

336. Каргер М. К. Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева.—Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 107—118.

336-а. Кислов М. Н. Археологические раскопки в Новгороде.—ВМГУ, 1953, вып. 11. Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 157—159.

337. Колчин Б. А. Техника обработки металла в древней Руси. М., Машгиз, 1953. 160 стр. с илл. Библиогр.: стр. 154—159.

338. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. (Домонгольский период). М., 1953, 260 стр. с илл. и карт. (АН СССР. ИИМК. МИА. № 32).

Рец.: 1. Бриткин А. С. и Монгайт А. Л. Книга по истории русской металлургии. — ВАН СССР, 1954, № 5, стр. 103—106; 2. Федоренко П. Техника древней Руси.—НМ, 1954, № 3, стр. 281—283.

339. Косточкин В. Архитектура Ивангородской крепости. — «Архитектура СССР», 1953, № 2, стр. 19—25 с 11 илл.

XV в.

340. Косточкин В. В. Ивангород и его место в развитии русского крепостного зодчества XV—XVII веков. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствовед. наук. М., 1953. 20 стр. (Ин-т истории искусств АН СССР).

341. Косточкин В. В. Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки Наровы.—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 25—32 с 2 илл.

342. Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г.—СА, XVIII, 1953, стр. 386—448 с 34 илл.; 1 л. табл.

343. Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве.—ВВ, т. 6, 1953, стр. 186—222; 12 л. илл.
Икона Успенского собора в Москве, открытая под слоем масляной краски на обратной стороне более поздней иконы.
344. Лазарев В. Н. Этюды о Феофане Греке.—ВВ,т.7,1953,стр.244—258;12 л.илл.
345. Мамолат Ю. Реставрація мозаїк і фресок Софійського собору в Києві.— «Архітектура і будівництво», 1953, № 3, стр. 29—30 с 3 илл.
346. Медведев А. Ф. Древнерусские лучники и их оружие. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 13 стр. (АН СССР. ИИМК).
347. Медведев А. Ф. К истории кольчуги в древней Руси.—КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 26—31.
348. Мерперт Н. Я. Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары». М., 1951.—СА, XVII, 1953, стр. 274—284.
349. Мец Н. Д. Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1945—1952 гг.).—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 113—120.
Зарегистрировано 57 кладов, найденных на территории Московского государства, большинство которых относится к XVI—XVII вв.
350. Монгайт А. Л. За высокое качество трудов по местной истории.—ВИ, 1953, № 4, стр. 106—115.
По поводу низкого качества изданий Смоленского обл. гос. изд-ва, в частности статей Д. П. Маковского «К вопросу происхождения северных славян (кривичей)», И. Д. Белогорцева «Новые исследования древнесмоленского зодчества» и Н. В. Андреева «Очерки по истории культуры на Смоленщине» в сб. «Материалы по изучению Смоленской области». Смолгиз, 1952.
Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике — см. № 281.
351. Моора Х. А. О возникновении города Таллина.—ИАН ЭстССР, т. 2, № 2, 1953, стр. 175—180.
Время возникновения — X—XI вв.
352. Мухаммедьяров Ш. Ф. [Рец. на кн.:] Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. (Тр. ГИМ, вып. XIX).—СА, XVII, 1953, стр. 260—273.
353. Нельговский Ю. А. Резьба по камню в архитектуре Украины. (По материалам каменного зодчества западных областей УССР конца XVI в.—1-й половины XVII в.) Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Киев, 1953. 18 стр. (Акад. архитектуры УССР).
354. Никитин А. В. Раскопки в Вологде в 1948 году.—КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 99—105 с 5 илл.
Выявлены слои XV—XVI вв.
355. Об открытиях Новгородской археологической экспедиции в 1952 году. — ВАН СССР, 1953, № 2, стр. 50, 51.
Открытие новых берестяных грамот.
356. Оборин В. А. Рождественское городище и могильник.—УЗМолотУ, т. 9, вып. 3, 1953, стр. 161—177 с 7 илл.
XII—XIV вв. Молотовская обл.
357. Постникова-Лосева М. М. Русские серебряные и золотые ковши. Под ред. С. Л. Марголина. М., Госкультпросветиздат, 1953. 60 стр.; 7 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры, вып. X).
358. Путеводитель по музею «Коломенское». М., 1953. 80 стр. с илл.; 1 л. план. (Мин-во культуры РСФСР. Гос. ист. музей).
359. Раппопорт П. А. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки.— КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 17—24 с 3 илл.
X—XI вв. Киевская обл.
360. Ратич А. А. Древнерусские археологические памятники на территории Галицкой и Волынской земель. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Львов, 1953. 16 стр. (Львовский филиал АН УССР. Ин-т обществ. наук).
Памятники IX—XIII вв.
361. Ратич А. А. Итоги археологических исследований древнерусских памятников IX—XIII вв. на территории Галицкой и Волынской земель: (Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии Акад. наук Укр. ССР) — КСИА, вып. 2, 1953, стр. 31—33.
362. Рикман Э. А. Новые материалы по топографии древней Твери. — КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 39—50 с 4 илл.
XI—XII вв.
363. Розенфельдт Р. Л. Русские замки домонгольского времени. — КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 32—38 с I табл. илл.

364. Русское зодчество. Чертежи и фотографии. [Серия альбомов]. Под ред. Д. П. Сухова [и др. Вводные статьи А. Г. Чинякова]. Вып. 1—3. М., 1953. (Акад. архитектуры СССР. Ин-т истории и теории архитектуры.)
Вып. 1. Памятники архитектуры X—[начала] XV веков. 19 стр.; 34 отд. л. илл.
Вып. 2. Памятники архитектуры [конца] XV—XVI веков. 19 стр.; 34 отд. л. илл.
Вып. 3. Памятники архитектуры XVII века. 22 стр.; 43 отд. л. илл.

365. Сахаров А. М. Феодальные города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 16 стр. (Моск. гос. ун-т им М. В. Ломоносова. Ист. фак.).
С привлечением данных археологии.

366. Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни.—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 92—103 с 5 илл.
X—XI в. в. В 4 км от Новгорода.

367. Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).—СА, XVIII, 1953, стр. 190—229 с 7 карт. и 1 илл.; 1 разв. л. карт.

368. Скржинская Е. Ч. [Рец. на кн.:] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.—Л., 1950. (АН СССР. ИИМК. МИА, № 17).—ВВ, т. 6, 1953, стр. 252—269.

369. Снегирев В. Л. Памятник архитектуры — храм Василия Блаженного. М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 166 стр. с илл.; 1 л. илл. Библиогр.: стр. 159—162.

370. Соловьева Г. Ф. и Кропоткин В. В. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси.— КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 21—25 с 1 карт.
X—XIII вв.

371. Тараканова С. А. Археологические раскопки древнего Таллина.—ВАН СССР, 1953, № 2, стр. 28—30.
Раскопки 1952 г. Памятники XIII—XVI вв.

372. Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов. Под ред. Н. Б. Бакланова. Л.—М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 215 стр. с 153 илл. Библиогр.: стр. 202—207.
Рец.: Воронин Н. Ценный вклад в градостроительную науку.—«Архитектура СССР», 1954, № 5, стр. 38, 39.

373. Тиханова М. А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г.—МИА, № 34, 1953, стр. 430—434 с 1 илл.
Черепицы VI—XII вв. из раскопок древнего города Дорос — Феодоро — Мангуп. Крымская обл.

374. Уваносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства (XV—XVII вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 16 стр. (Моск. гос. ист.-архивн. ин-т М-ва культуры СССР. Кафедра вспомогат. ист. дисциплин).

375. Успенская А. В. Белорусское Полесье в X—XIII вв. (К истории древнерусской деревни). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 19 стр. (АН СССР. ИИМК).

376. Успенская А. В. Звенигородские курганы. — КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 124—132 с 6 илл.
XII—XIII вв. Московская обл.

377. Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии X—XIII веков.—ТрГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 97—124; 3 л. илл.; 1 табл.
Федоров Г. Б. Славянские городища в Молдавии — см. № 300.

378. Фехнер М. В. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской области.—ТрГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 125—140 с 6 илл. и 1 карт.
Памятники IX—XV вв.

379. Хованская О. С. Водоснабжение и канализация болгарской бани. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС.)—КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 69—76 с 2 илл.
XIV в.

380. Юсупов Г. В. О некоторых булгарских эпиграфических памятниках.—ЭВ, VII, 1953, стр. 26—29; 1 л. илл.
XIV—XVII вв.

381. Яблонский Д. Н. Порталы украинской архитектуры XVII—XVIII вв. (По материалам исследования памятников архитектуры Левобережной и При-

днепровской Украины). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Киев, 1953. 16 стр. 1 л. илл.; 1 разв. л. илл. (Акад. архитектуры УССР. Ин-т аспирантуры).

382. Якобсон А. Л. Дворец. — МИА, № 34, 1953, стр. 390—418 с 34 илл.
Дворец XIV—XV вв. по раскопкам 1938 г. в древнем Дорос — Феодоро — Мангуп. Крымская обл.

383. Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г.—СА, XVIII, 1953, стр. 372—385 с 14 илл.
Печати XII и XIV—XVI вв.

384. Янин В. Л. Печати ладожских наместников. — КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 111, 112 с 1 илл.
Печати XIII—XIV вв.

385. Янин В. Л. Печати новгородских тиунов как исторический источник.— КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 106—111.
Печати XIII—XV вв.
См. также № 82, 83, 85, 87, 93, 96, 98, 99, 100, 102—104.

V КАВКАЗ (ВКЛЮЧАЯ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ПРИКУБАНЬЕ)

1. Общие работы

386. Бахтадзе Р. А. Восстановление серебряного сосуда из погребения № 6 Армазисхевского могильника.—САН ГрузССР, 1953, № 8, стр. 507—512 с 1 илл.
Устранение коррозии термическим способом.

387. Крупнов Е. И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа.— Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 141—164.

388. Лавров Л. [Рец. на кн.:] Семенов Л. П. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952,—СЭ, 1954, № 3, стр. 174—175.
Материальная культура Азербайджана. 3. Баку, 1953. 128 стр. с илл. (АН АзССР. Ин-т истории и философии). (На рус. и азерб. яз.).
См. № 391, 420—422, 437, 474.

389. Минаева Т. М. Археологические исследования Черкесии. [Тезисы доклада на VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР]. — КСИА, вып. 2, 1953, стр. 34, 35.
Памятники эпохи бронзы, IV—V вв. и IX—XV вв. н. э.
Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. [План работы и тезисы докладов]. Тбилиси, 1953. 36 стр. (АН ГрузССР). (Текст парал. на груз. и рус. яз.).
См. № 393, 394, 396, 400, 405, 414, 416, 435, 438, 440, 465.

390. Чубинишвили Т. Н. Археологические памятники из окрестностей «Цихури» (Кутаис. обл., Терджольский район.)— ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр. 167—188, 7 илл. 8 табл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Публикация и описание разновременных случайных находок.

2. Палеолит и неолит

Абибуллаев О. А. Раскопки холма Кюль-Тапа — см. № 401.

391. Асланов Г. М. Каменные орудия из Мингечаура. (Предварительное сообщение). — Сб. «Материальная культура Азербайджана». 3. Баку, 1953, стр. 61 — 66 с 1 илл. (Резюме на азерб. яз.).
Орудия эпохи неолита и энеолита.

392. Гзелишвили И. А. К вопросу о стратиграфии «Сагварджиле». — САН Груз. ССР, 1953, № 9, стр. 669—675 с 1 илл.
Стратиграфия палеолитических слоев пещеры Сагварджиле. Грузинская ССР.

393. Гзелишвили И. А. К стратиграфии «Сагварджиле». — Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г., Тбилиси, 1953, стр. 7 и 23. (На груз. и рус. яз.)
Слои эпохи палеолита и неолита.

394. Каландадзе А. Н. Юго-Осетинская археологическая экспедиция. — Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г., Тбилиси, 1953, стр. 8—10 и 24—25. (На груз. и рус. яз.).
Исследование памятников эпохи палеолита и мезолита первым отрядом экспедиции.

395. Киладзе Н. З. Многослойный археологический памятник «Сагварджиле».— САН Груз. ССР, 1953, № 9, стр. 561—567 с 2 илл.; 3 л. табл. Библиогр.: 11 назв.
Описание материала из слоев эпохи нижнего палеолита и неолита пещеры Сагварджиле.

396. К и л а д з е Н. З. Результаты полевых работ Дзеврской археологической экспедиции 1952 года.— Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 5, 6 и 21, 22. (На груз. и рус. яз.).
Памятники эпохи палеолита и неолита в пещере Сагварджиле.

397. Л ю б и н В. П. Каменный век Юго-Осетии. (В связи с некоторыми вопросами нижнего палеолита Закавказья и стран Передней Азии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953. 21 стр. (АН СССР. ЛОИИМК).

398. Н и о р а д з е Г. Человек каменного века в пещере Сакажия. Тбилиси, «Техника да шрома», 1953. 91 стр.; 76 л. илл. (На груз. яз.).
Стоянка эпохи палеолита. Грузинская ССР.

399. П а н и ч к и н а М. З. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар.— МИА, № 39, 1953, стр. 9—38 с 14 илл.
Армянская ССР.

400. Х о ш т а р и а Н. В. Археологические исследования в Ванском районе в 1952 году.— Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 12, 13, 28, 29. (На груз. и рус. яз.).
Памятники эпохи неолита, эпохи бронзы и VII—V вв. до н. э. Грузинская ССР.

См. также № 52.

3. Эпоха бронзы и железа

401. А б и б у л л а е в О. А. Раскопки холма Кюль-Тапа.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 36—45 с 4 илл.
Раскопки 1951 г. Памятники конца неолита, энеолита, бронзы и раннего железа. Азербайджанская ССР.

402. А б и л о в а Г. А. Мегалитические памятники Закавказья. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Бакус, 1953. 29 стр. (Азерб. гос. ун-т им. С. М. Кирова).

403. А н ф и м о в Н. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, Краснодарск. кн. изд., 1953. 79 стр. с илл.; 1 л. карт.
Поселения I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры.
Рец.: 1. Коровина А.—ВДИ, 1954, № 2, стр. 84—86; 2. Чудный В. Далекое прошлое Кубани. — «Сов. Кубань», 18/IV 1953.

404. А н ф и м о в Н. В. Исследования Семибратнего городища.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 99—111 с 4 илл.
VI—II вв. до н. э. Краснодарский край.

405. А п а к и д з е А. М. Бичвинта. Результаты археологических раскопок 1952 г.— Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 16—18 и 31—33. (На груз. и рус. яз.).
Раскопки древнего города-крепости Питиунта. Памятники первых веков нашей эры и VI в. Пицунда. Грузинская ССР.

406. Апакидзе А. М. К вопросу о локализации «Севсаморы» античных источников.— Четвертая научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1953, стр. 8, 9 и 21, 22. (На груз. и рус. яз.).
По материалам Мцхетской археологической экспедиции 1953 г.

407. А р а к е л я н Б. Н. Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении. — ВДИ, 1953, № 3, стр. 151—159 с 8 илл.
III в. до н. э. —IV в. н. э.

408. А с л а н о в Г. М. Мингечаурское погребение с костяком, закованным в кандалы.– ДАН АзССР, 1953, № 4, стр. 245—250 с 6 илл. (Резюме на азерб. яз.).
V—VI вв. н. э.

409. А с л а н о в Г. М. Об одной печати (деж), найденной в Мингечауре. — ДАН АзССР, 1953, № 9, стр. 561—563 с 2 илл. (На азерб. яз., резюме на рус. яз.).
Печать начала I тысячелетия до н. э.

410. Б а д р и а ш в и л и М. М. Археологические памятники из сел. Сатовле.—ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр. 235—241 с 4 илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Вещи VIII—VI вв. до н. э., случайно обнаруженные при земляных работах. Грузинская ССР.

411. Б л а в а т с к и й В. Д. Второй год работ Синдской экспедиции.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 149—155 с 3 илл.
Экспедиция 1951 г. Памятники от VI в. до н. э. до средневековья. Таманский полуостров.

412. Болтунова А. [Рец. на кн.:] Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951.—ВДИ, 1953, № 4, стр. 78—84.

413. Глонти Л. И. Археологические памятники из сел. Эшери.—ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр. 227—233; 1 л. илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Коллекция вещей I тысячелетия до н. э. Гос. музея Грузии.

414. Гобеджишвили Г. Ф. Результаты археологических раскопок в верховьях р. Риони в 1952 г. — Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 13—15 и 29, 30. (На груз. и рус. яз.).
Памятники эпохи бронзы, раннего железа и рубежа нашей эры.

415. Горбунова К. С. Серебряные килики из Семибратних курганов и их место в развитии греческого реалистического искусства V в. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Л., 1953. 16 стр. (Государственный Эрмитаж).
Краснодарский край.

416. Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в сел. Квасатали в 1952 году.—Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 10 и 26. (На груз. и рус. яз.).
Раскопки могильника с погребениями эпохи средней и поздней бронзы. Грузинская ССР.

417. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры) —СА, XVIII, 1953, стр. 281—300 с 11 илл.

418. Джапаридзе О. М. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии. — Труды ТГУ, т. 49, 1953, стр. 173—213 с 10 илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).

419. Зеест И. Б. Земляные склепы некрополя Тузлы. — КСИИМК, вып. 51, 1953. стр. 156—158 с 2 илл.
I—II вв. н. э. Таманский полуостров.

420. Ионе Г. И. Глиняные сосуды-сапожки из Мингечаура.—Сб. «Материальная культура Азербайджана». 3. Баку, 1953, стр. 36—60 с 7 илл. (Резюме на азерб. яз.)
XI—VIII вв. до н. э.

421. Ионе Г. И. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа.—Сб. «Материальная культура Азербайджана». 3. Баку, 1953, стр. 81—97 с 6 илл. (Резюме на азерб. яз.).
VII—V вв. до н. э.

422. Казиев С. М. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях.—Сб. «Материальная культура Азербайджана». 3. Баку, 1953, стр. 5—35 с 13 илл. (На азерб. яз., резюме на рус. яз.).
Кувшинные погребения рубежа нашей эры; катакомбные III—IX вв. н. э.

423. Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, Абгиз, 1953 (обл.: 1954). 102 стр. с 30 илл.; 22 л. илл. (АН ГрузССР. Труды Абхаз. ин-та языка, литературы и истории). (На груз. яз., резюме на рус. яз. Тит. л. на груз. и рус. яз.).
Конец II тысячелетия — II в. до н. э.

424. Капанадзе Д. Г. О назначении монет так называемой «варваризованной» чеканки, находимых на территории Грузии. (По поводу статьи С. И. Макалатия.)—ВДИ, 1953, № 1, стр. 210—214; 1 л. илл.
О статье «Археологические находки в селении Ахриси (Картли)». (ВДИ, 1951, № 3). I в. до н. э.—III в. н. э.

425. Коридзе Д. Л. Памятник позднебронзовой эпохи из Тбилиси.—ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр. 127—165 с 8 илл.; 10 табл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Грунтовые погребения курганного типа XIV—XII вв. до н. э.

Ломтатидзе Г. А. Результаты археологических раскопок в Уджарма — см. № 465.

426. Лорткипанидзе М. Н. Произведение Платона — резчика III в. н. э.— ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр. 243—250 с 8 илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Золотой перстень с резным праземом и надписью резчика из погребения питиахша Берсумы (Армазисхеви).

427. Марковин В. И. Наскальные изображения в Дагестане.—ИВГО, т. 85, вып. 2, 1953, стр. 209—212 с 7 илл. Библиогр: 9 назв.
II—I тысячелетия до н. э. и VIII—IX вв. н. э.

428. Мартиросян А. А. К вопросу о культуре Армении в VII—VI вв. до н. э.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1953, № 10, стр. 67—80; 7 л. илл.
По материалам могильника в ущелье Хртаноц.

429. Меликишвили Г. А. [Рец. на кн.]: Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. I—II. Результаты работ Археологической экспедиции Института истории АН АрмССР и Гос. Эрмитажа. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1950—1952.—ВДИ, 1953, № 3, стр. 107—113.

430. Мелитаури К. Н. Один вид жилища в Грузии.—САН ГрузССР, 1953, № 5, стр. 313—319 с 6 илл.

Пещерные жилища в Уплисцихе (I—III вв.) и Вардзия (XII в.).

431. Мунчаев Р. М. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. (III—II тысячелетия до н. э.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 16 стр. (АН СССР. ИИМК).

432. Оганесян К. Л. Исследование архитектуры урартского города Тейшебаини. (По материалам раскопок 1939—1950 гг.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Ереван, 1953. 24 стр. с 6 илл. (Мин-во культуры СССР. Ереванский политехн. ин-т им. Карла Маркса).

433. Пиотровский Б. Б. Раскопки Урартской крепости на холме Кармир-Блур. —ВАН СССР, 1953, № 4, стр. 52—60 с 6 илл.

Армянская ССР.

434. Смирнов К. Ф. Северский курган. Под ред. Н. Пятышевой, М., Госкультпросветиздат, 1953. 44 стр. с 13 илл.; 4 л. илл. (Труды Гос. ист. музея, Памятники культуры, вып. XI).

Начало I в. до н. э. Краснодарский край.

435. Трапш М. М. Бирцхский могильник.—Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 15, 16 и 30, 31. (На груз. и рус. яз.).

VI—V вв. до н. э. Грузинская ССР.

436. Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.—IV в. н. э.). М.—Л., 1953. 294+XXIV стр. с илл.; 42 л. илл. (АН СССР. ИИМК). Библиогр.: «Литература, посвященная Гарнийскому храму», стр. 29—34.

437. Фоменко В. П. Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре. — Сб. «Материальная культура Азербайджана».3.Баку,1953,стр.67—80 с 4 илл.(Резюме на азерб. яз.).

Конец II — начало I тысячелетия до н. э.

438. Хахутайшвили Д. Х. Результаты раскопок северо-восточной части города-крепости Бичвинта. — Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 15 и 34. (На груз. и рус. яз.).

I—VI вв. н. э. Грузинская ССР.

Хоштария Н. В. Археологические исследования в Ванском районе в 1952 г. — см. № 400.

439. Хоштария Н. В. К истории Цихисдзири по археологическим данным.— Четвертая научная сессия Ин-та истории им. И А. Джавахишвили. Тбилиси, 1953, стр. 17 и 30, 31. (На груз. и рус. яз.).

По археологической коллекции вещей II в. н. э. из Цихисдзири (Кобулетский район Груз. ССР), хранящейся в Государственном Эрмитаже.

440. Цкитишвили Г. Г. Грунтовые погребения Сагварджиле.—Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр.7, 8 и 23, 24. (На груз. и рус. яз.).

Погребения III—VI вв. из верхних слоев культурного комплекса в пещере Сагварджиле.

См. также № 389.

4. Средневековые памятники

441. Аладашвили Н. А. Сюжетные рельефы Никорцминда. (О фасадной скульптуре в средневековой Грузии). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствовед. наук. Тбилиси, 1953. 29 стр. (АН ГрузССР. Ин-т истории грузинского искусства).

442. Ализаде Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана. Ленточные орнаменты. — ИАН АзССР, 1953, № 2, стр. 83—100 с илл. (Резюме на азерб. яз.).

Развитие орнамента прослеживается с древнейших времен до современности.

443. Ализаде Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана. Надмогильные памятники. (Материалы).— ИАН АзССР, 1953, № 4, стр. 101—129 с 48 илл. (Резюме на азерб. яз.)

Публикация памятников XVI—XIX вв.

444. Амиранашвили Ш. Сокровищница художественных ценностей. К открытию постоянной экспозиции Гос. музея искусств ГрузССР. — ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1953, № 2, стр. 71—79.

Отдел грузинского искусства содержит памятники с IV в. н. э. до современности.

Апакидзе А. М. Бичвинта.—см. № 405.

445. А р у т ю н я н В. Новый памятник светского зодчества в VII веке. — ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1953, № 8, стр. 53 — 65 с 2 илл.; 3 л. илл. (На арм. яз.).
Дворец в с. Аруче, Армянская ССР.

446. Б а к р а д з е А. К. Надпись XIII в. из Гуниа-Кала.—ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр. 219—225 с 1 илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Грузинская ССР.

447. Б е р и д з е Вахтанг. Некоторые вопросы грузинского искусства в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. Тбилиси, 1953, 50 стр. (АН ГрузССР. Ин-т истории грузинского искусства. Серия науч.-попул. литературы.)
То же на груз. яз., 56 стр.

Б л а в а т с к и й В. Д. Второй год работ Синдской экспедиции — см. № 411.

448. Б р е т а н и ц к и й Л. С. К изучению русскими учеными азербайджанской архитектуры. — ДАН АзССР, 1953, № 3, стр. 181—185 с 1 илл. (Резюме на азерб. яз.). Библиогр.: 8 назв.
Об изучении средневекового памятника «Диван-хане» в ансамбле зданий дворца Ширваншахов в Баку.

449. Б у н а к В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении.— СМАЭ, XIV, 1953, стр. 306—419 с 42 илл.; 1 разв. л. илл. Библиогр.: стр. 365—366.
Черепа из погребений в склепах XIV—XVIII вв.

450. В о л ь с к а я А. И. Рельефы из Шиомгвиме и их место в развитии грузинской средневековой скульптуры. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствовед. наук. Тбилиси, 1953. 22 стр. (АН ГрузССР. Ин-т. истории грузинского искусства).
XI в.

451. Г е г е ш и д з е М. К. Водный транспорт в Западной Грузии (басс. р. Риони).— Сб. «Мимомхилвели», III. Тбилиси, 1953, стр. 229—245. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
По данным письменных, археологических и этнографических источников.

452. Г о г с а д з е М. С. Очерки истории Гелатского памятника. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1953. 25 стр. (АН ГрузССР. Ин-т истории им. акад. И. А. Джавахишвили).
Архитектурный комплекс XI—XVI в. Грузинская ССР.

453. Д ж а п а р и д з е В. В. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. (Краткий очерк.)—СА, XVII, 1953, стр. 197—210 с 3 илл.

454. З а к а р а я П. Архитектурный ансамбль Ананури. Тбилиси, «Техника да шрома», 1953. 125 стр. с илл.; 16 л. илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
XVI—XVII вв. Грузинская ССР.

455. З а к а р а я П. Болниси и Цугругашени. Три памятника грузинской архитектуры. Науч.-попул. очерк. Тбилиси, «Хеловнеба», 1953. 74 стр. с 17 илл.; 11 л. илл. (Упр. по делам архитектуры при Совете Министров ГрузССР. Отд. охраны памятников архитектуры). Библиогр.: стр. 72. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Болниси — V—VI вв.; Цугругашени — XIII в.

456. З а к а р а я П. П. Дигоми. (Архитектурный памятник первой четверти XI века.) — ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр. 81—108 с 17 илл. и 5 л. илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).

457. Каталог грузинских эпиграфических памятников Государственного музея Грузии. Сост. и подгот. к печати А. Бакрадзе и С. Болквадзе. Под руковод. и ред. И. Абуладзе. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1953. 61 стр.; 29 л. илл. (Гос. музей Грузии им. С. Джанашиа). (На груз. яз.).

458. К а у х ч и ш в и л и Т. С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики. —Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 20 и 35. (На груз. и рус. яз.).
Автор датирует надпись VI—VII вв.

459. К а ф а д а р я н К. Г. Город Двин и его раскопки. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук. Ереван, 1953. 37 стр. (АН АрмССР. Ин-т истории).
V—XIII вв.

460. К у с с а е в а С. С. Археологические памятники Восточной Осетии (Чми и Балта) как исторический источник по древней Алании. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953. 26 стр. (Государственный Эрмитаж).
VI—XIII вв.

461. Л а в р о в Л. И. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов.— СМАЭ, XIV, 1953, стр. 256—262 с 9 илл.
Памятники XI—XIII вв.

462. Л а в р о в Л. И. Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг.—КСИЭ, XIX, 1953, стр. 3—7.

Обследование средневековых могильников, селищ, оборонительных сооружений, надписей и наскальных изображений.

463. Левашева В. П. Белореченские курганы.— Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 163—213 с 7 илл. и 3 табл.; 3 л. илл.
XIV—XV вв. Краснодарский край.

464. Ломинадзе Б. Р. Шиомгвиме. Тбилиси, 1953. 52 стр. с илл. (АН ГрузССР. Ин-т истории им. И. Джавахишвили. Серия науч.-попул. литературы). Библиогр.: стр. 50, 51. (На груз. яз.).
Памятник архитектуры XI в.

465. Ломтатидзе Г. А. Результаты археологических раскопок в Уджарма.— Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 11, 12 и 27, 28. (На груз. и рус. яз.).
Раскопки древнего города-крепости IV—V вв. и XII—XIII вв.

466. Ломоури Т. Н. Патара-Джихаишский клад XVI века.—ВГМГ, XVII-Б, 1953, стр 5—24 с 13 илл. (На груз. яз., резюме на рус. яз.).
Клад найден в 1946 г. в Цулукидзевском районе Грузинской ССР.

467. Майсурадзе З. П. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. (Дманисская ангобированная керамика). Тбилиси, 1953. 39 стр.; 40 л. илл. (АН ГрузССР. Ин-т истории грузинского искусства). (На груз. яз.).

Марковин В. И. Наскальные изображения в Дагестане — см. № 427.

468. Маруашвили Л. И. Эффект выветривания на стенах средневекового храма.—«Природа», 1953, № 7, стр. 115, 116 с 1 илл.

469. Меликсет-Беков Л. М. Гареджийская тетралингва эпохи монголов 1352 г.— ЭВ, VIII, 1953, стр. 56—62; 1 л. илл.
Публикация и перевод надписи из пещерного монастыря в Восточной Грузии.

Мелитаури К. Н. Один вид жилища в Грузии — см. № 430.

470. Минаева Т. М. Золотоордынский город Маджар.—Материалы по изучению Ставроп. края, вып. 5, 1953, стр. 131—158 с 5 илл. Библиогр.: 12 назв.

471. Минкевич-Мустафаева Н. В. К изучению керамики из Орен-Кала.— ТИИФ АН АзССР, т. 3, 1953, стр. 103—116 с 14 илл. (Резюме на азерб. яз.).
VIII—IX вв. — начало XIII в., по материалам раскопок 1933 и 1951 гг. Азербайджанская ССР.

472. О расширении деятельности Орен-Калинской археологической экспедиции. [Постановление Президиумов АН СССР и АН АзССР. 1953 г.] — ВАН СССР, 1953, № 9, стр. 55.

473. Пахомов Е. А. Маштагинский клад 1952 года.—ДАН АзССР, 1953, № 2, стр. 105—108. (Резюме на азерб. яз.).
Рубеж XIV и XV вв. Азербайджанская ССР.

474. Рагимов А. В. Бакинский клад. (Находка 1948 г.)—Сб. «Материальная культура Азербайджана». 3. Баку, 1953, стр. 98—126 с 2 илл. (Резюме на азерб. яз.)
Клад монет XV—XVI вв.

475. Саинян А. Формирование базиличных строений Армении и ход их дальнейшего развития.—ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1953, № 3, стр. 63—87 с 10 илл.; 3 л. илл. (На арм. яз.).

476. Халпахчьян О. Архитектура армянских трапезных.—«Архитектурное наследство», 3. М., 1953, стр. 130—147 с 26 илл.
XII—XIII, XVII—XVIII вв.

477. Халпахчьян О. Строительные традиции народных мастеров Армении. (Материалы к истории строительного искусства на примере памятников Санаина.)— «Архитектурное наследство», 3, М., 1953, стр. 36—78 с 64 илл.
Архитектурный комплекс Санаина относится к X—XIII вв.

Хахутайшвили Д. Х. Результаты раскопок северо-восточной части города-крепости Бичвинта—см. № 438.

478. Цибадзе О. В. Грузинский архитектурный орнамент. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Тбилиси, 1953. 16 стр. (Мин-во культуры СССР. Груз. политехнический ин-т им. С. М. Кирова).

479. Цинцадзе В. Г. Некоторые вопросы научной охраны памятников культуры. («Храм Баграта» в г. Кутаиси).—VII научная сессия Ин-та истории грузинского искусства 15—16 июня 1953 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1953, стр. 12—14 и 26—28. (На груз. и рус. яз.).

480. Цицишвили И. Н. Храм в Бичвинте.—Научная сессия Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, стр. 18, 19 и 33, 34. (На груз. и рус. яз.).
V—VI вв.

481. Чубинашвили Г. Н. Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и задачи изучения грузинского искусства.—VII научная сессия

Ин-та истории грузинского искусства 15—16 июня 1953 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1953, стр. 5, 6 и 21, 22. (На груз. и рус. яз.).

482. Чубинашвили Н. Г. Мелесская деревянная резная балка XI века. —VII научная сессия Ин-та истории грузинского искусства 15—16 июня 1953 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1953, стр. 18, 19 и 31, 32. (На груз. и рус. яз.).
483. Шервашидзе Л. А. Миниатюры Кутаисской рукописи № 115 и Ленинградской 01 № 58.—САН ГрузССР, 1953, № 1, стр. 55—62 с 6 илл. Библиогр.: 10 назв.

Грузинские миниатюры XV в.

484. Шлеев В. Об альбоме «Древнеармянская миниатюра» [Рец. на кн.:] Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952. — «Искусство», 1953, № 4, стр. 90, 91.
485. Ялалов Ю. Некоторые особенности памятников армянской архитектуры VII в. —«Архитектурное наследство», 3, М., 1953, стр. 79—91 с 25 илл.

VI. СРЕДНЯЯ АЗИЯ (УЗБЕКСКАЯ ССР, КИРГИЗСКАЯ ССР, ТАДЖИКСКАЯ ССР, ТУРКМЕНСКАЯ ССР И ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ ЧАСТИ КАЗАХСКОЙ ССР)

1. Общие работы

486. Агеева Е. И. Керамика Южного Казахстана. (Опыт историко-археол. периодизации.) Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953. 16 стр. (Государственный Эрмитаж).

Керамика от VII в. до н. э. по XV в. н. э.

487. Бачинский Н. М. и Хмельницкий С. Г. [Рец. на кн.:] Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. Под ред. проф. С. П. Толстова и Т. А. Жданко. М., Изд. АН СССР, 1952.—ВДИ, 1953, № 4, стр. 72—78.
488. Библиография Таджикской археологической экспедиции 1946—1952 гг. — МИА, № 37, 1953, стр. 312—314.
489. Воронковский Д. Г. Библиография научных работ А. А. Семенова.—Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953. (АН ТаджССР. Ин-т ист., археол. и этногр. Труды, т. 17), стр. 7—24.

Учтено 173 опубликованных и 55 неопубликованных работ по истории, филологии, этнографии и археологии Средней Азии.

490. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.).—МИА, № 37, 1953, стр. 253—293 с 28 илл.; 1 разв. л. табл.

Юго-западная часть Таджикской ССР.

491. Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи-Мир.—МИА, № 37, 1953, стр. 294—301 с 2 илл.

Многослойное городище: VII — V вв. до н. э.; II — I вв. до н. э.; XV в.; XVIII—XIX вв. Юго-западная часть Таджикской ССР.

492. Заднепровский Ю. А. [Рец. на кн.:] Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Ташкент, 1951. (АН УзССР. Труды Ин-та истории и археологии, т. 4.)—ВДИ, 1953, № 2, стр. 117, 118.
493. Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении.— В кн.: Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, стр. 97—112 с илл.; табл. 45—54 (стр. 152—162). Библиогр.: 11 назв.

Палеоантропологические материалы от эпохи бронзы до XIX в.

494. Левин М. Г. Полевые исследования Института этнографии в 1952 году. — СЭ, 1953, № 2, стр. 194—197.

Сообщение о работах Хорезмской экспедиции.

495. Литвинский Б. А. О принципах составления археологической карты Таджикистана.—ДАН ТаджССР, вып. 7, 1953, стр. 9—15.
496. Литвинский Б. А. Полевые археологические работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1952 году. (Отчет о заседании Ученого совета Ин-та истории, археологии и этнографии).—ИООН АН ТаджССР, вып. 3, 1953, стр. 157—161.
497. Мариковский П. И. Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор (Казахская ССР).—ЗЖ, т. 32, вып. 6, 1953, стр. 1064—1073 с 3 илл. Библиогр.: 6 назв.
498. Массон В. М. Хумы Нисы. (О некоторых формах неполивной керамики).— ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 413—436 с 3 илл.; 1 л. илл. Библиогр.: стр. 434—436.

Эволюция форм и техники изготовления хумов, начиная от II тысячелетия до н. э. (культура Анау) и до XVI в. н. э., главным образом по материалам из раскопок древней Нисы.

499. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953. 144 стр. с 55 илл.: 1 л. илл.; 1 л. карт. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр. стр 139—144.

Обзор памятников от конца II — начала I тысячелетия до н. э. до позднего средневековья. Ташкентская обл.

500. Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953. 75 стр. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

501. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г.—ТЮТАКЭ, т. 2, Ашхабад, 1951 [переплет: 1953], стр. 7—72 с 59 илл.; 4 л. илл.

Экспедицией исследованы памятники от эпохи палеолита до позднего средневековья.

502. Отчет Хорезмской археолого-этнографической экспедиции о результатах работы 1952 года.—ВАН СССР, 1953, № 5, стр. 75, 76.

503. Ошанин Л. В. Палеоантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии.—В кн.: Ошанин Л.В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, стр. 74—96. Библиогр.: 41 назв.

От эпохи неолита до II тысячелетия н. э.

504. Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Сборник статей. Ташкент, 1953. 164 стр.; 1 л. илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

См. № 493, 503, 575.

Рец.: Дебец Г. Ф.— СЭ, 1954, № 2, стр. 187—189.

505. Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 169—191 с 25 илл. Библиогр.: стр. 189—191.

От эпохи неолита до VII в.

506. Толстов С. П. Археологические исследования Хорезмской экспедиции 1952 года.— ВАН СССР, 1953, № 8, стр. 34—45 с 6 илл.

Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.

507. Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. (Краткая информация).—ВДИ, 1953, № 2, стр. 154—188 с 31 илл.

Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.

508. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г.—СА, XVIII, 1953, стр. 301—325 с 18 илл.; 1 разв. л. илл.; 2 л. табл.

Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.

509. Труды Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа, т. 2. 1948—1950 гг. Под общ. ред. А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1953; 316 стр. с илл.; 6 л. табл. (АН СССР. ИИМК. МИА, № 37).

См. № 488, 490, 491, 510, 511, 541, 542, 546, 551, 583, 584, 586—588.

Рец.: Воробьева М. Г — ВИ, 1954, № 8, стр. 139—142.

Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. 1947. Под ред. М. Е. Массона. Т. 2. Ашхабад, 1951 [переплет: 1953], 449 стр. с илл.; 8 л. илл. (АН ТуркмССР).

См. № 498, 501, 505, 515, 519, 521, 524, 533, 538, 557, 562, 564, 568, 573, 577.

510. Хроника работ Таджикской археологической экспедиции с 1946 по 1951 г. (До 1952 г. носила название Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.)—МИА, № 37, 1953, стр. 307—311.

511. Якубовский А. Ю. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг.—МИА, № 37, 1953, стр. 9—20.

Памятники с III в. до н. э. по VIII в. н. э.

2. Палеолит и неолит

512. Лавров В. Условия залегания костей палеолитического иртышского человека. (Предварительное сообщение).—ВАН КазССР, 1953, № 5, стр. 110—112 с 1 илл.

Местонахождение между гг. Семипалатинском и Павлодаром.

513. Лев Д. Н. Пещеры эпохи палеолита близ Самарканда.—«Природа», 1953, № 7, стр. 105, 106 с 2 илл.

514. Максимова А. Г. Находка палеолитических орудий в северо-восточной части Центрального Казахстана.—ВАН КазССР, 1953, № 2, стр. 97—101 с 2 л. илл.
515. Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. (Отчет о полевых исследованиях в 1947 г.).—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 73 —104 с 9 илл.

Памятники эпохи палеолита и раннего неолита. Туркменская ССР.

516. Окладников А. П. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.),— ИАН ТуркмССР, 1953, № 2, стр. 28—32.

Памятники эпохи мезолита и неолита.

517. Ранов В. А. Изучение каменного века Таджикистана.— ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 21—23.

См. также № 52, 501, 503, 505—508.

3. Эпоха бронзы и железа

518. Акишев К. А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени кандидата ист. наук. Л.,1953. 13 стр. (Государственный Эрмитаж).
519. Вязьмитина М. И. Археологические работы на городище Новая Ниса.— ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 147—168 с 20 илл.; 1 л. илл.

Памятники парфянского времени и средневековые.

520. Ганялин А. Ф. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копет-Дага. (По данным археологических разведок 1952 г.).— ИАН ТуркмССР, 1953, № 5, стр. 14—20 с 5 илл. Библиогр.: 5 назв.

Памятники главным образом эпохи бронзы, III — II и начала I тысячелетия до н. э.

521. Давидович Е. А. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы.— ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 108—142 с 17 илл. Библиогр.: стр. 141—142.

Памятник парфянского времени I в. до н. э. —II в. н. э.

522. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Новые находки парфянских документов.— ИАН ТуркмССР, 1953, № 6, стр. 3—10.

Из раскопок ЮТАКЭ 1951 г. на городище Старая Ниса.

523. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Парфянский архив из древней Нисы.—ВДИ, 1953, № 4, стр. 114—130 с 4 илл.
524. Ершов С. А. Полевой отчет о раскопочных работах отряда № 1 ЮТАКЭ на крепости Старая Ниса в 1947 г.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 105—107 с 1 илл.

Памятники парфянского и сасанидского времени.

525. Кабанов С. К. К вопросу о столице кидаритов.—ВДИ, 1953, № 2, стр. 201—207 с 3 илл.

Отождествление городища II в. до н. э.—III—V вв. н. э. Ер-курган (Каршинский район Сурхан-Дарьинской обл.) со столицей кидаритов.

526. Копылов И. И. Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953. 19 стр. (Государственный Эрмитаж).

VII—I вв. до н. э.

527 Лившиц В. А. Тохарская надпись на хуме.— ДАН ТаджССР, вып. 7, 1953, стр. 23—28 с 2 илл.

I—II вв. н. э.

528. Массон В. М. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. (Из работ ЮТАКЭ 1951 г.).—ИАН ТуркмССР, 1953, № 1, стр. 54—61 с 3 илл. Библиогр.: 18 назв.

Памятники II тысячелетия до н. э.—VI—VIII вв. н. э. Юго-зап. часть Туркменской ССР.

529. Массон В. М. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа.— ВДИ, 1953, № 3, стр. 167—169; 1 л. илл.

II в. до н. э.

530. Массон М. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. (Из работ ЮТАКЭ, 1951 г.).— ВДИ, 1953, № 1, стр. 143—160 с 20 илл.
531. Мешкерис В. Изображение музыкантов в согдийской коропластике.— Сборник студенческих работ Среднеазиат. ун-та, вып. 5, 1953, стр. 41—49 с 3 илл. Библиогр.: стр. 48, 49.

По материалам городища Афрасиаб II в. до н. э.—I в. н. э. в г. Самарканде.

532. Овезов Д. К истории селения Мурча.—ИАН ТуркмССР, 1953, № 5, стр. 9—13. Библиогр.: 7 назв.
Памятники парфянского времени (III в. до н. э.—III в. н. э.) и VI—XV вв. н. э. Бахарденский район Туркменской ССР.
533. Пугаченкова Г. А. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы.—ТЮТАКЭ, т. 2. 1951 [переплет: 1953], стр. 143—146; 1 л. илл.
Конец II в.— начало III в. н. э.
534. Пугаченкова Г. А. Храм и некрополь в Парфянской Нисе. (Из работ ЮТАКЭ).—ВДИ, 1953, № 3, стр. 159—167 с 5 илл.
III—I вв. до н. э.
Смирнова О. И. Археологические разведки в верховьях Зерафшана в 1948 г.—см. № 583.
Смирнова О. И. Археологические разведки в Усрушане — см. № 584.
535. Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э.—Кой-Крылган-кала. (Март — май 1952 г.).—ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—174 с 16 илл.
См. также № 486, 490, 491, 493, 496, 498—501, 503, 505—508, 511.

4. Средневековые памятники

536. Алпысбаев Х. А. [Рец. на кн.:] Полупанов С. Н. Архитектурные памятники Самарканда. М., 1948.—ТСАГУ, нов. серия, вып 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 200—205.
537. Альбаум Л. И. Панель Гуримира.—ТСАГУ, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 131—141 с 3 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 141.
XV в.
538. Альхамова З. А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 404—412 с 9 илл.
Памятники от IV в. до XV в.
539. Альхамова З. А., Давидович Е. А., Литвинский Б. А., Массон М. Е. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте.— ТСАГУ, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 171—199 с 2 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 197—199.
XV в.
Археология Средней Азии. [Сб. статей]. Ташкент, Изд-во САГУ, 1953. 206 стр. с илл.; 2 карт. (Труды Среднеаз. гос. ун-та, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6. Прил.: «План Самаркандского Хисара XV века; историческая карта окрестностей Самарканда XV века». На тит. л. и обл. ошибочно: вып. 49.
См. № 536, 537, 539, 559, 563, 572, 578, 580.
540. Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пянджикенте в 1951 г.— СА, XVIII, 1953, стр. 326—341 с 10 илл.
VII—VIII вв. Таджикская ССР.
541. Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. — МИА, № 37, 1953, стр. 21—58 с 22 илл.; 7 л. табл.
Храмы VII—VIII вв. из раскопок в Пянджикенте.
542. Бентович И. Б. Керамика Пянджикента.—МИА, № 37, 1953, стр. 133—145 с 14 илл.: табл. VIII—XI.
VII—VIII вв.
543. Бретаницкий Л. Выдающийся памятник зодчества Средней Азии. [Рец. на кн.:] Ратия Ш. Е. Мечеть Биби-Ханым в Самарканде. М., 1950.—«Сов. Архитектура», № 4, 1953, стр. 129—131.
544. Булатов М. С. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии.— ИООН АН ТаджССР, вып. 3, 1953, стр. 3—20 с 8 илл.
По памятникам архитектуры IX—X вв.
545. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 15 стр. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая).
546. Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пянджикента.— МИА, № 37, 1953, стр. 99—132 с 23 илл.
VII—VIII вв.
547. Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента.—Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953. (АН ТаджССР. Ин-т ист., археол. и этногр. Труды, т. 17), стр. 55—67 с 13 илл.
VII—VIII вв.

548. Воронина В. Л. Гробница эмира Хамадони.(Предварительное сообщение).— ДАН ТаджССР, вып. 7, 1953, стр. 39—43 с 1 илл.
Архитектурный памятник XIV в. Таджикская ССР.
549. Воронина В. Древняя строительная техника Средней Азии.—«Архитектурное наследство», 3, М., 1953, стр. 3—35 с 42 илл.
С конца I тысячелетия до н. э. до средневековья.
550. Воронина В. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана.— «Архитектурное наследство», 3, М., 1953, стр. 107—129 с 29 илл.
Мечеть в Хазаре XI в. и архитектурные памятники Шахрисябза XIV в.
551. Гинзбург В. В. Материалы к краниологии Согда.— МИА, № 37, 1953, стр. 157—167.
По материалам из погребений VII—VIII вв. древнего Пянджикента.
552. Давидович Е. А. Бальджуанский клад XVII века и некоторые особенности серебряного обращения в Средней Азии при Аштарханидах.— Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953. (АН ТаджССР. Ин-т ист., археол. и этногр. Труды, т. 17), стр. 69—89.
Клад, найденный в 1938 г. в Бальджуанском районе Таджикской ССР.
553. Давидович Е. А. Надписи на среднеазиатских серебряных монетах XVI в.— ЭВ, VII, 1953, стр. 30—40 с 2 илл.; 1 л. табл.
554. Давидович Е. А. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов.— ИООН АН ТаджССР, вып. 3, 1953, стр. 45—72 с 6 илл.
555. Давидович Е. А. Среднеазиатские серебряные монеты XVI в. с наименованием хорасанских городов.— ИООН АН ТаджССР, вып. 4, 1953, стр. 97—106.
556. Давидович Е. А. Средневековое оконное стекло из Таджикистана.—ДАН ТаджССР, вып. 7, 1953, стр. 29—37 с 2 илл.
X—XII вв.
557. Давидович Е. А. Средневековый чекан Нисы.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 437—448. Библиогр. в примеч.: стр. 447, 448.
558. Давидович Е. А. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г.—ЭВ, VIII, 1953, стр. 43—55 с 2 илл.
XIII в.
559. Давидович Е. А. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда.—ТСАГУ, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 143—159 с 2 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 156—159.
560. Давидович Е. А. Шаартузский клад двойных динаров 906/1500—1501 и 907/1501—1502 гг.— ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 31—42 с 4 илл.
Таджикская ССР.
561. Кабанов С. К. Нахшеб в III—VIII веках в свете археологических данных. Автореферат дисс. на соискание учен.степени кандидата ист.наук.Ташкент, 1953. 16 стр. (АН УзССР).
Нахшеб — древнее название Каршинского оазиса, Кашка-Дарьинской обл., Узбекской ССР.
561а. Кызласов Л. Р. Раскопки древнего Баласагуна. — ВМГУ, 1953, вып. 11, серия обществ. наук, вып. 4, стр. 159—160.
VIII—XI вв. Киргизская ССР.
562. Левина В. А. Жилище Анау.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 379 — 395 с 10 илл. Библиогр.: стр. 394, 395.
Изучение остатков зданий XVIII—XIX вв. с целью выяснения исторической топографии городища Анау.
563. Левина В. А. О резной деревянной двери медресе Улугбека в Бухаре.—ТСАГУ, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 161—169 с 4 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 169.
XV в.
564. Левина В. А. Позднее городище Анау.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 344—378 с 14 илл.; 1 вкл. л. илл. Библиогр. в примеч.: стр. 376—378.
IX—XIX вв.
565. Литвинский Б. А. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран.—Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953. (АН ТаджССР. Ин-т ист., археол. и этногр. Труды, т. 17), стр. 121—138 с 17 илл.
Два мавзолея, XI—XII и XII-XIII вв. в Регарском районе Таджикской ССР.
566. Литвинский Б. А. Мечеть-намозго в кишлаке Навгулем (Исфаринский район).—ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 43—48 с 3 илл.
XVI—XVII вв. Таджикская ССР.

567. Литвинский Б. А. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии.—ИООН АН ТаджССР, вып. 4, 1953, стр. 55—67.
568. Литвинский Б. А. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. (Рекогносцировка района Безмеин—Кизыл-Арват).—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 253—314 с 21 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 309—312.
Памятники IX—XVI вв.
569. Литвинский Б. А. и Исламов О. И. О некоторых орудиях и приемах средневековых рудокопов Средней Азии.—ИООН АН ТаджССР, вып. 3, 1953, стр. 21—44 с 8 илл.
570. Массон М. Е. Новые данные о надписях одного мешхед- и-мисрианского минарета.—ЭВ, VII, 1953, стр. 7—16 с 2 илл.; 1 л. илл.
XI—XII вв. Туркменская ССР.
571. Массон М. Е. Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса.—ЭВ, VIII, 1953, стр. 24—35 с 6 илл.; 1 л. илл.
Публикация и перевод надписей на кирпичах.
572. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке.—ТСАГУ, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 17—97 с 8 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 87—96.
573. Мерщиев М. С. Сардоба городища Анау.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 396—403 с 4 илл.
XIV—XVI вв.
Нильсен В. А. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде.—см. № 574.
574. Обсерватория Улугбека. Ташкент, 1953. 128 стр. с илл.; 4 л. план. (АН УзССР. Труды Ин-та истории и археологии, т. 5).
Содерж.: В. А. Шишкин. Обсерватория Улугбека и ее исследование; В. А. Нильсен. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде.
575. Ошанин Л. В. К проблеме этногенеза уйгуров (по данным сравнительной антропологии населения Средней Азии и Синьцзяна). —В кн.: Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, стр. 61—73.
576. Прибыткова А. Караван-сарай Дая-Хатын.—«Архитектурное наследство», 3, М., 1953, стр. 92—106 с 28 илл.
XI в. Туркменская ССР.
577. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса.—ТЮТАКЭ, т. 2, 1951 [переплет: 1953], стр. 192—252 с 41 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 250—252.
Памятники IX—XIII вв. Южная часть Туркменской ССР.
578. Пугаченкова Г. А. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-Ханым.—ТСАГУ, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 99—130 с 8 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 127—130.
XIV в. Самарканд.
579. Пугаченкова Г. А. По листам миниатюр.— ИАН УзССР, 1953, № 4, стр. 106—112 с 2 илл.; 2 л. илл. (Резюме на узбек. яз.).
Среднеазиатские миниатюры XIV—XVI вв.
580. Работы кафедры археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимура и Тимуридов.—ТСАГУ, нов. серия, вып. 61. Гуманитар. науки, кн. 6, 1953, стр. 3—15. Библиогр.: 29 назв.
581. Ремпель Л. И. Изображение. «Дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба.—ДАН ТаджССР, вып 9, 1953, стр. 25—30 с 3 илл.
IX—XII вв. Район г. Самарканда.
582. Сарианиди В. Керамические печи городищ древнего Мерва. (Из работ ЮТАКЭ 1950 года).—Сборник студенческих работ Среднеазиатского гос. ун-та, вып. 5, 1953, стр. 51—57.
VI—XII вв.
583. Смирнова О. И. Археологические разведки в верховьях Зарафшана в 1948 г.—МИА, № 37, 1953, стр. 168—188 с 18 илл.
Памятники II в. до н. э.— II в. н. э. и средневековые. Таджикская ССР.
584. Смирнова О. И. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г.—МИА, № 37, 1953, стр. 189—230 с 47 илл.
Памятники II в. до н. э.—II в. н. э. и средневековые. Северная часть Таджикской ССР.
585. Смирнова О. И. К имени согдийского ихшида Тукаспадаха.—Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953. (АН ТаджССР. Ин-т ист., археол. и этногр. Труды, т. 17), стр. 205—210 с 1 илл.
По легендам согдийских монет VII в.

586. Ставиский Б. Я. Раскопки жилого здания на шахристане древнего Пянджикента в 1950 г.—МИА, № 37, 1953, стр. 59—63 с 4 илл.
VII—VIII вв.
587. Ставиский Б. Я., Большаков О. Г. и Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь.— МИА, № 37, 1953, стр. 64—98 с 17 илл.
VII—VIII вв. По материалам археологических раскопок 1948—1950 гг.
588. Шейнина Е. Г. Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пянджикента.— МИА, № 37, 1953, стр. 146—156 с 7 илл.
Шишкин В. А. Обсерватория Улугбека и ее исследование — см. № 574.
См. также № 486, 490, 491, 493, 496, 498—501, 503, 506—508, 511.

VII. СИБИРЬ, СЕВЕРНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

1. Общие работы

589. Иваньев Л. Н. Литература по археологии советского Дальнего Востока.(Опыт библиографического указателя).—СА, XVIII, 1953, стр. 445—477.
590. Маракуев А. В. Опыт корреляции антропогеновых отложений Китая и Сибири в связи с эволюцией человека.— ИАН КазССР, сер. геол., вып. 17, 1953, стр. 157—161; 1 табл. Резюме на казах. яз. Библиогр.: 6 назв.
591. Новиков-Даурский Г. С. Приамурье в древности.— ЗАОМК, т. 2, 1953, стр. 3—25 с 2 илл.
От каменного века до позднего средневековья.
592. Окладников А. П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом.— КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 16—22 с 4 илл.
Памятники от эпохи палеолита до начала нашей эры.
593. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. [2-е изд., доп.] М.—Л. 1953. 444 стр. с илл.; 2 л. илл.и карт. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая).
Очерк древнейшей истории алтайцев (ч. 1, гл. 1—3) построен на археологическом материале.
594. Румянцев Г. Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа.— ЗБМИК, XVII, 1953, стр. 30—61.
Привлекаются данные археологии.
595. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья.—МИА, № 35, 1953, стр. 242—357 с 3 илл. и 3 карт; 6 разв. л. карт. Библиогр.: стр. 340—345.
Памятники от эпохи палеолита до XVIII в.
596. Токарев С. А. О происхождении бурятского народа.—СЭ, 1953, № 2, стр. 37—52 с 1 карт.
Привлекаются данные археологии и палеоантропологии.
597. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья.—МИА, № 35, 1953, стр. 7—71 с 6 илл., 1 карт. и 22 табл. илл.
Памятники эпохи неолита, энеолита и раннего железа.
Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. Под ред. А. В. Збруевой. М., 1953. 360 стр. с илл.; 4 л. илл.; 4 л. отд. карт. (АН СССР.ИИМК. МИА, № 35). Библиогр.: стр. 340—345.
См. № 595, 597, 613, 616, 621, 622.

2. Палеолит и неолит

598. Абрамова З. А. Палеолитические находки в районе Кяхты.—МИА, № 39, 1953, стр. 266—275 с 6 илл.
599. Арембовский И. В. и Иваньев Л. Н. Новое обследование Иркутской палеолитической стоянки.— КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 51—55 с 2 илл.
600. Береговая Н. А. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса. (Раскопки Колымской экспедиции 1946 г.). — МИА, № 39, 1953, стр. 421—445 с 8 илл. Библиогр.: стр. 444, 445.
601. Бибикова В. И., Верещагин Н. К., Гарутт В. Е., Юрьев К. Б. Новые материалы по четвертичной фауне Забайкалья. (Ошурково, Тологой).— МИА, № 39, 1953, стр. 463—475 с 4 илл.
Фауна палеолитических стоянок у дер. Ошурково и у горы Тологой.
602. Грязнов М. П. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее.— МИА, № 39, 1953, стр. 332—335 с 1 илл.
603. Окладников А. П. О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова.—ИВГО, т. 85, вып. 4, 1953, стр. 405—412 с 3 илл. Библиогр.: 17 назв.
По памятникам эпохи неолита.

604. Окладников А. П. Следы палеолита в долине р. Лены.—МИА, № 39, 1953, стр. 227—265 с 18 илл.
605. Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея.—МИА, № 39, 1953, стр. 276—285 с 5 илл.

Поселения эпохи палеолита.

Семенов С. А. О каменных сверлах.—см. № 150.

606. Чернышев Н. А. Кузнецкий неолитический могильник.—МИА, № 39, 1953, стр. 336—346 с 13 илл.

Кемеровская обл.

См. также № 52, 591, 592, 595, 597.

3. Эпоха бронзы и железа

607. Аранчын Ю. Л. О древних енисейских камнеписных памятниках на территории Тувинской автономной области.—УЗТувИЯЛИ, вып. 1, 1953, стр. 55—58 с 1 илл. В оглав. авт.: Ю. Аранчин.

Публикация и дешифровка древнетюркской надписи Сайгынской плиты. VI—VIII вв.

608. Баранов И. Я. Мерзлота в «скифских» могилах урочища Пазырык в Горном Алтае. — ИВГО, т. 85, вып. 3, 1953, стр. 269—278 с 1 карт. Библиогр.:4 назв.
609. Давыдова А. В. и Шилов В. П. К вопросу о земледелии у гуннов.—ВДИ, 1953, № 2, стр. 193—201 с 5 илл.

По материалам Иволгинского городища рубежа н. э. Бурят-Монг. АССР.

610. Диков Н.Н.Бронзовый век Забайкалья.Автореферат дисс.на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953. 15 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
611. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. (I в. до н. э.—V в. н. э. в истории Хакасско-Минусинской котловины). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1953. 16 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.).
612. Левин М. Г. Древний череп с реки Шилки. — КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 69—75 с 2 илл.

Череп эпохи энеолита. Читинская обл.

613. Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш. (К вопросу о потчевашской культуре.).—МИА, № 35, 1953, стр. 189—220 с 22 илл.

Памятники конца I тысячелетия до н. э. —I в. н. э. Тобольский район Тюменской обл.

614. Мошинская В. И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде.— МИА, № 35, 1953, стр. 179—188 с 5 илл.

Памятники эпохи бронзы и конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. Тюменская обл.

615. Мошинская В. И. Керамика усть-полуйской культуры.—МИА, № 35, 1953, стр. 107—120 с 7 табл. илл.

Керамика городищ IV в. до н. э.— II в. н. э. Нижнего Приобья.

616. Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя.—МИА, № 35, 1953, стр. 72—106 с 1 илл. и 17 табл. илл.
617. Мошинская В. И. и Чернецов В.Н. Городище Андрюшин городок.—КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 93—98 с 2 илл.

Городище V—III вв. до н. э. потчевашской культуры. Тюменская обл.

Окладников А. П. Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы (по материалам памятников бронзового века) —см. № 249.

618. Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время.—М.—Л., 1953. 404 стр. с илл.; 76 л. илл. (АН СССР. ИИМК). Библиогр. стр. 377—380.

Рец. 1. Евтюхова Л. А.—ВИ, 1954, № 6, стр. 145—150; 2. Каралькин П. Древняя культура населения Горного Алтая.—«Сиб. огни», 1953, № 6, стр. 179, 180. 3. Чернецов В. Н.—СЭ, 1954, № 2, стр. 183—187.

619. Рыгдылон Э. Р. К древнетюркским рунам Прибайкалья.—ЭВ, VIII, 1953, стр. 86—90 с 4 илл.
620. Смирнов К. Ф. [Рец. на кн.] Руденко С. И.Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952.—ВИ, 1953, № 2, стр. 119—122.
621. Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени. — МИА, № 35, 1953, стр. 121—178 с 26 илл.

Конец I тысячелетия до н. э.—начало I тысячелетия н. э. Тюменская обл.

622. Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье.—МИА, № 35, 1953, стр. 221—241 с 2 илл. 15 9

См. также № 591, 592, 595, 597.

4. Средневековые памятники

623. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар.—УЗТГПИ, т. X, 1953, стр. 127—334 с 49 илл. и 15 л. илл.; 2 разв. л. илл.
Курганы главным образом XVI—XVII вв. и более ранние — XII—XIII вв. Томская обл.
624. Рыгдылон Э. Р. Остатки монгольской надписи Бухтарминской пещеры.—ЭВ, VII, 1953, стр. 77—80 с 3 илл.
XVII в. Восточно-Казахстанская обл. Казахской ССР.

VIII. РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

625. Банк А. В. Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства.—ВВ, т. 7, 1953, стр. 259—268.
626. Банк А. В. Письмо в редакцию.—ВВ, т. 7, 1953, стр. 317, 318.
О византийской иконе 1363 г., хранящейся в Государственном Эрмитаже. По поводу статьи об этой иконе. P. Lemerle («Cahiers archéologiques», t. 2, Paris, 1947).
627. Банк А. В. [Рец. на кн.:] Матье М. Э. и Ляпунова К. С. Художественные ткани Коптского Египта. М.—Л., «Искусство», 1951.—ВВ, т. 6, 1953, стр. 288—294.
628. Бужуньская-Маловист И. Работы польских ученых по древней истории (1949—1952 гг.). —ВДИ, 1953, № 1, стр. 124—131.
629. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1953. 304 стр. с илл. и карт. Библиогр: стр. 297—299.
630. Брунов Н. И. [Рец. на кн.:] M. Rumpler-Schlachter. Le triomphe de la coupole dans l'architecture byzantine. Strasbourg, 1947.—ВВ, т. 7, 1953, стр. 378—384.
631. Брюсов А. [Рец. на кн.:] Clark J. Prehistoric Europe. The economic basis. London, 1952.—ВДИ, 1953, № 3, стр. 130—137.
Рус. перевод.: Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк. Пер. с англ. М.Б. Граковой-Свиридовой. Ред. и предисл. А. Я. Брюсова. М., Изд-во иностр. лит., 1953. 332 стр.с илл. и карт.; 16 л. илл.Библиогр.:стр. 312, 331.
632. Бунин А. В. История градостроительного искусства. I. Рабовладельческий строй. Феодализм. Капитализм. М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. Библиогр.: стр. 506—515. На переплете авт. не указан.
633. Воробьев М. В. Каменный век стран Японского моря. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953. 18 стр. (АН СССР. ЛОИИМК).
634. Воробьев М. В. Находка ископаемого человека в Южном Китае.—СЭ, 1953, № 3, стр. 201—203 с 1 илл.
635. Воробьев-Десятовский В. С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым.—УЗИВ, VI, 1953, стр. 167—175.
Документы VII—IX вв. из Миранского городища (район оз. Лоб-Нор.).
636. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор. — ЭВ, VII, 1953, стр. 70 —76; 1 л. илл.
VII—IX вв. Из коллекции, происходящей из Миранского городища.
637. Воробьев-Десятовский В. С.Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. II.—ЭВ, VIII, 1953, стр. 77—85; 1 л. илл.
638. Глухарева О. Н. Китай. XXI. Изобразительные искусства и архитектура.—БСЭ, изд. 2-е, т. 21, М., 1953, стр. 289—298 с илл. Библиогр.
639. Глухарева О. Н. Корея. XX. Изобразительные искусства и архитектура.—БСЭ, изд. 2-е, т. 22, М., 1953, стр. 619—621 с илл.
640. Гюзальян Л. Т. Два отрывка из Низами на изразцах XIII и XIV вв.—ЭВ, VII, 1953, стр. 17—25; 1 л. илл.
641. Добрынин М. А. Стихотворные легенды на монетах Сефевидов.—ЭВ, VIII, 1953, стр. 63—76; 1 л. табл.
XVI в.
642. Дьяконов М. М. Иран. XIV. Изобразительные искусства и архитектура.—БСЭ, изд. 2-е, т. 18. М., 1953, стр. 427—430 с илл. Библиогр.
643. Итс Р. Ф. Археологические исследования в Чжоукоудяне. — СЭ, 1953, № 4, стр. 109—112.
Находки синантропа в Китае.
644. Киселев С. В. Китай. VI. Археологический очерк.—БСЭ, изд. 2-е, т. 21, М., 1953, стр. 197, 198.
645. Кобылина М. М. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. М., Изд-во Моск. ун-та, 1953. 144 стр. с илл. и табл. Библиогр. в примеч.: стр. 133—142.
646. Культура и искусство Вавилонии, Ассирии и соседних стран. М., «Искусство», 1953. 30 стр.; 8 л. илл. (Государственный Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова). На обороте тит. л. сост.: Н. Б. Янковская.

647. Кюнер Н. В. и Дубровина Е. Т. Древний корейский фарфор из коллекций Музея антропологии и этнографии. — СМАЭ, XV, 1953, стр. 332—356 с 17 табл.
648. Лазарев В. Н. Италия. XVI. Изобразительные искусства и архитектура.— БСЭ, изд. 2-е, т. 19, М., 1953, стр. 108—122 с илл. Библиогр.
От VIII до XVIII в.
649. Лазарев В. Н. Фрески Кастельсеприо. (К критике теории Вейцмана о «Македонском Ренессансе»).—ВВ, т. 7, 1953, стр. 359—378 с 2 л. илл.; 4 л. илл.
Византийские фрески, расчищенные в 1944 г. в сел. Кастельсеприо (близ Милана). Автор датирует фрески VI—VII вв.
650. Матье М. О периодизации истории амарнского искусства.— ВДИ, 1953, № 3, стр. 212—233 с 2 илл.
Конец XV в. до н. э.
651. Миллер Ю. А. Художественное производство холодного оружия в Турции в XVI—XVIII веках. (По материалам Государственного Эрмитажа). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1953, 18 стр. (Государственный Эрмитаж).
652. Монгайт А. Л. [Рец. на кн.:] Hensel W. Słowiańszczyzna wcześnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Poznań, 1952. [Гензель В. Славяне в раннем средневековье. Очерки материальной культуры]. — ВИ, 1953, № 7, стр. 166—168.
653. Николаев А. Н. Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле.— ВВ, т. 7, 1953, стр. 146—160; 2 л. илл. и 1 л. карт.
654. Ольдерогге Д. А. Древности Бенина. (По коллекциям Музея антропологии и этнографии.) — СМАЭ, XV, 1953, стр. 357—410 с 42 илл. Библиогр.: стр. 408—410.
655. Пугаченкова Г. А. О датировке и происхождении рукописи «Хамсэ» эмира Хосрова Дехлеви в собрании Института востоковедения АН УзССР — «Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова». Сталинабад, 1953. (АН ТаджССР. Ин-т ист., археол. и этногр. Труды, т. 17), стр. 187—196 с 4 илл.
Рукопись с миниатюрами ширазской школы конца XIV в.
656. [Рубин В. А.] Дар китайских ученых Академии наук СССР.—ВДИ, 1953, № 4, стр. 168—174 с 8 илл. Подпись В. Р.
Реферат трудов президента Академии наук КНР Го Мо-жо по исследованию надписей на костях животных, черепаховых щитах и бронзовых сосудах (II—I тысячелетия до н. э.), присланных в дар АН СССР.
657. Рубин В. Новые археологические раскопки в Китае.—ВДИ, 1953, № 2, стр. 207—211 с 2 илл.
658. Савостьянова О. И. [Рец на. кн.:] Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I веках до н.э. М., АН СССР, 1952.—ВДИ, 1953, № 1, стр. 92—97.
659. Смирнова Н. Д. Археология и древняя история в Албании. (По материалам «Бюллетеня Института наук».)—ВДИ, 1953, № 2, стр. 212—215.
Твелькмейер Л. Б. История исследований и обмеров архитектурных памятников античности — см. № 30.
660. Тюляев С. И. и Замошкин А. И. Индия. XV. Изобразительные искусства и архитектура. — БСЭ, изд. 2-е, т. 18, М., 1953, стр. 85—92 с илл. Библиогр.
661. Ходжаш С. И. Амулеты из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.—ВДИ, 1953, № 3, стр. 169—178 с 9 илл.
Египетские амулеты в форме скарабея.
662. Цапенко М. П. Архитектура Болгарии. Очерк. М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 280 стр. с илл. (Архитектура стран нар. демократии.) На переплете авт. не указан. Библиогр.: стр. 273, 274.
Стр. 43—186: «Дофеодальная архитектура»; «Архитектура феодальной Болгарии».

IX. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

663. Амиранашвили Ш. Вклад Грузии в сокровищницу художественной культуры. (Лекции I и II.) Тбилиси, 1953. 76 стр. (Об-во по распространению полит. и науч. знаний ГрузССР. № 36—37).
Искусство Грузии от первобытно-общинного строя до средневековья.
664. Арциховский А. и Янин В. Культура древнего Новгорода —ТМ, 1953, № 7, стр. 11—13 с 3 илл.
Бердзе Вахтанг. Некоторые вопросы грузинского искусства в свете работ И. В. Сталина по языкознанию — см. № 447.

665. Бершадский Р. Новое о древнем Новгороде.—ВС, 1953, № 1, стр. 52—57 с илл.
666. Бурковский К. На раскопках Херсонеса.—ВС, 1953, № 10, стр. 47—49 с илл.
667. Варшавский А. Раскопки в Новгороде.—ЗС, 1953, № 12, стр. 1—5.
668. Воронин Н. Н. На берегах Клязьмы и Немана.—Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 253—288 с 26 илл.; 2 л. илл.
Архитектурные памятники XI—XII вв. городов Владимира, Боголюбова и Гродно.
669. Григорьев М. Г. Древняя Москва.—Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 321—359 с 25 илл.; 4 л. илл.
По данным археологических исследований.
Закарая П. Болниси и Цугругашени — см. № 455.
670. Каргер М. К. Древний Киев.— Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 35—74 с 21 илл.; 4 л. илл.
X—XIII вв.
671. Колчин Б. А. Мастерство древнерусских кузнецов.— Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 155—186 с 6 илл.; 2 л. илл.
Техника металлообработки в X—XIII вв.
672. Колчин Б. А. Новые открытия археологов.—«Славяне», 1953, № 8, стр. 36—40 с 3 илл.
О раскопках в Новгороде в 1951 и 1952 гг.
673. Кононенко Г. Пещерный город-крепость Вардзия.—ЗС, 1953, № 9, стр. 23.
XII в. Грузинская ССР.
Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры — см. № 56.
674. Ляпунов Б. В. Из глубины веков. О работах лауреата Сталинской премии М. М. Герасимова. Под науч. ред. д-ра ист. наук А. Я. Брюсова. М., Госкультпросветиздат, 1953. 108 стр. с илл.; 8 л. илл. Библиогр.: стр. 104.
675. Моисеева К. В древнем царстве Урарту. Историческая повесть. М.—Л., Детгиз, 1953. 152 стр. с илл.
Рец.: Глузман Г. А. — ПИШ, 1954, № 2, стр. 94—96.
676. Моисеева К. В. Тайна курганов Алтая.—ЗС, 1953, № 2, стр. 11—14 с илл.
Курганы середины I тысячелетия до н. э.
677. Монгайт А. Л. Раскопки Старой Рязани.— Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 289—320 с 15 илл.; 4 л. илл.
X—XIII вв.
678. Окладников А. П. Наука и художественная литература. (О повести А. Линевского «Листы каменной книги». [Петрозаводск, 1953]).— «На рубеже», 1953, № 5, стр. 70 —74.
679. Пиккиев И. На дне Цимлянского моря.—ЗС, 1953, № 6, стр. 1—4.
О раскопках древнего города Саркела.—Белой Вежи.
680. По следам древних культур. Древняя Русь. [Сборник статей. Предисл. Б. А. Рыбакова. М.], Госкультпросветиздат, 1953. 360 стр. с илл. и карт.; 32 л. илл.
См. № 668—671, 677, 681—683, 685.
Рец.: 1. Варшавский А.—ЗС, 1954, № 2, стр. 18; 2. Дудзинская Е.—ПИШ, 1954, № 2, стр. 104—107; 3. Ковальченко И.—«Учит. газета», 30/XII 1953; 4. Соловьев М. К истории древней Руси.—НМ, 1954, № 8, стр. 274—277.
681. Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж.—Сб., «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 75—120 с 27 илл.; 6 л. илл.
IX—X вв. и XI—XIII вв.
682. Тараканова С. А. Древности Псковской земли — Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 187—216 с 7 илл.; 1 л. илл.
Памятники I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена — см. № 296.
683. Третьяков П. Н. У истоков древней Руси.—Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 9—34 с 6 илл.; 2 л. илл.
684. Федоров Г. Славяне на Днестре.—ВС, 1953, № 9, стр. 46—51 с илл.
685. Федоров Г. Б. Славяне Поднестровья.—Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». [М.], 1953, стр. 121—154 с 10 илл.; 4 л. илл.
686. Филиппова О. В. Афинский Акрополь. — ПИШ, 1953, № 2, стр. 100—105 с 6 илл.
687. Шагинян М. Глубь тысячелетий.— «Огонек», 1953, № 51, стр. 6—8 с илл.
О Боспорской археологической экспедиции 1953 г.
688. Шовкоплясс И. Г. Археологічні дослідження в зоні Південно-Українського каналу.—«Навука и життя», 1953, № 2, стр. 24—26.

689. Якубцинер М. М. По следам древних земледельцев.—НИЖ, 1953, № 10, стр. 26—28 с 5 илл.
Археологические данные о земледелии на территории СССР с древнейших времен.
690. Янин В. Л. Великий Новгород.— Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь» [М.], 1953, стр. 217—252 с 13 илл.; 2 л. илл.
Древняя история города по археологическим данным.
691. Янин В. Л. Новые археологические открытия в Новгороде.—ПИШ, 1953, № 2, стр. 93—99 с 4 илл.

УКАЗАТЕЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И АВТОРОВ, УПОМИНАЕМЫХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗА 1953 г.[1]

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Авдеевская стоянка 117, 143
Адиюх, гор-ще 389
Адыге-Хабль, курганы 389
Акали, пос-ние 169
Аккозинская стоянка 102, 103
Аккозинский мог-к 102
Ак-тепе, гор-ще 549.
Алчедар, гор-ще 299, 300
Аман-Кутан, местонахожд. 513
Амвросиевская стоянка 112, 113, 139
Ананури, крепость 454
Анау, гор-ще 501, 562, 564, 573
Анау, культура 501
Андреевка, мог-к 196
Андреевское оз., стоянки 597
Андрюшин городок, гор-ще 617
Аникиев Ров I — см. Пушкари
Анюшкар — см. Кыласово гор-ще
Армазисхевский мог-к 386, 426
Атабаевская стоянка 99, 253
Афрасиаб, гор-ще 531, 581
Ахангеран, археол. пам-ки (на терр. древн. Ахангерана) 499

Бабин I, стоянка 113, 164, 165
Базов Бор, стоянка 83
Байтал-Чапкан, р., мог-к, гор-ще и курганы в устье 389
Бакинский клад 474
Балагачево, мог-к 623
Баламутовка, наскальные изображ. 166
Баласагун, древний город 561-а
Балин-Кош, стоянка 156
Балымская стоянка 253
Бальджуанский клад 552
Баранов мыс, пос-ния 600
Барвинская гора — см. Вороновица II
Батени, погребение 602
Баяновский мог-к 83, 283
Бектяжский, о-в, местонахожд. 134, 135
Белая гора — см. Студеница
Белгород, древний город 221
Белореченские курганы 463
Белояровка, местонахожд. 112, 113
Бережаны, местонахожд. 113
Беремяны, местонахожд. 113
Берново-Лука, пос-ние 136, 137
Бирцхский мог-к 435
Бисерово оз., стоянка 142
Биттык-Чашма, стоянки 517
Бичвинтское гор-ще 405, 438, 458, 480
Боголюбов, древний город 668
Болгар, древний город 99, 328, 329, 348, 352, 379
Болниси, храм 455
Большое Буньково, стоянка 142
Большие Отары, стоянка 99
Большой Олений о-в (Баренцово море), мог-к 168, 248
Бор, стоянки и пос-ния 83, 84, 107
Боровое оз., стоянки и пос-ния 84, 107, 246
Боршево I, стоянка 115
Боршево II, стоянка 125
Брильский мог-к 414
Бродовский мог-к 269
Бугазское пос-ние 411
Бугорок, стоянка 113
Букивна, местонахожд. 113
Бухара, древний город 563, 580
Бухтарминская пещера, надписи 624
Быковская стоянка 140

Вардзия, пещерный монастырь 430, 673
Великие Болгары — см. Болгар
Верхнеадищевская стоянка 107
Верхнегагаринская I и II, стоянки 107
Верхоленский мог-к 592
Викнинское пос-ние 286
Владимир, древний город 668
Владимировская стоянка 113, 162, 163
Владычинская стоянка 161
Водяное поле, мог-к 196
Волнянская стоянка 129

[1] В указателях цифры обозначают номера по помещенному выше списку «Советской археологической литературы за 1953 г.».

Вологда, древний город 354
Володарская стоянка 161
Волосовская культура 161
Волосовская стоянка 161
Волосовский холм А, стоянка 161
Волчинец, пос-ние 137
Волынцевского типа памятники 256, 257
Вороновица I, стоянка 113
Воскресенская стоянка 99
Воскресенское, пос-ние 252
Вревский мог-к 493
Вуколов бугор, гор-ще 280
Вщиж, древний город 681
Высоцкого типа пам-ки 183
Выстелишно, пос-ние 107
Вышгородское гор-ще 280

Гавриловка I, стоянка 161
Галич, древний город 361
Ганнусивка, местонахожд. 113
Гарни, крепость и некрополь, 407, 436
Геби, с., археол. пам-ки 414
Гек-депе, гор-ще 568
Глазковская культура 592
Глиняны, стоянка 113
Глубокский мог-к 291
Гнёздовские гор-ща 301, 302, 304
Гнёздовский мог-к 303
Голиграды, местонахожд. 113
Голый Камень, гора, жертвенное место 82
Гонцы, стоянка 113
Горбуновские стоянки 82
Городецкая культура 251
Городецкое гор-ще 280
Городница, местонахожд. 113
Городок, стоянки 113
Гостра — см. Липа
Грачевка, гор-ще 271
Григоровская стоянка 129
Гридино, стоянка 142
Гродно, древний город 668
Грушевка, пос-ние 290
Губин, стоянка 113
Гуляй-Городок, мог-к 194
Гырбово, селище 299
Гяур-кала, гор-ще 506, 507

Дам-Дам-Чешме, пещерная стоянка 515, 516
Дахистан, археол. пам-ки (на терр. древнего Дахистана) 528
Двин, древний город 459
Деркул, стоянка 113
Десятовский мог-к 623
Джанбас-Кала, гор-ще 549
Джанурпа, местонахожд. 515
Джебал, местонахожд. 515
Джермух, стоянка 394
Дигоми, храм 456
Дманиси, древний город 467
Довгиничи, стоянка 113
Долгое I, стоянка 113
Долина, местонахожд. 113
Дорос — Феодоро — см. Мангуп
Дубовая Балка, стоянка 113
Дурнали, крепость 530

Дурун, гор-ще 568
Дымшин, стоянка 113

Евпатория, г.—см. Керкинитида
Екатерининская стоянка (Кольский п-ов) 248
Екатерининская стоянка (Приобье) 597
Екимауцы, гор-ще 298—300, 685
Енисей, р., пос-ния в басс. среднего течения 605
Ер-курган, гор-ще 525
Ермаково, гор-ще 82
Еррик-депе, гор-ще 568

Журавка, стоянка 113

Закисовая Балка, пос-ние 205
Залесцы, пос-ние 286
Заман-баба, мог-к 493
Замостье I, стоянка 113
Западная Двина, р., археол. пам-ки в верховьях 289
Западно-Цукурское гор-ще 243
Зарафшан, р., археол. пам-ки в верховьях 583
Заровская Круга — см. Чулатово
Звенигород, древний город 316
Звенигородские курганы 376
Зеленая горка, стоянка 597
Змеевка, пос-ние 266
Золотобалковское пос-ние 178

Ивангород, древний город 339, 340
Иванковцы, пос-ние 261, 265
Иволгинское гор-ще 609
Иза I и II, пос-ния 286
Изсады, пос-ние 121.
Иоаннова гора, гор-ще 103
Иркутская стоянка 599
Иру, гор-ще 96
Исаков, местонахожд. 113

Кайбел, мог-к 196
Кайлю, пещера, стоянка и мог-к 516
Кайстрова Балка, стоянки 113
Кала-и-боло, крепость 556
Калаи-Мир, гор-ще 490, 491, 511
Калалы-гыр I и II, гор-ща 508
Кама-Жулановская стоянка 250
Каменная Могила, наскальные изображения 147
Каменск, г., местонахожд. 126
Камно, гор-ще 682
Караул-депе, гор-ще 568
Кармир-Блур, гор-ще 429, 432, 433
Карнаухов, хут., пос-ние 93
Каскур-Булак, местонахожд. 515
Касперовцы II и IV, местонахожд. 113
Катакомбная культура 195
Квасатали, мог-к 416
Кей-Кобад-шах, гор-ще 490, 511
Келят, гор-ще 568
Кемь, г., пос-ние 120
Керкинитида, древний город 233
Киев, древний город 315, 334, 336, 345, 670
Кизыл-Лай, местонахожд. 515

Киик-Коба, стоянка 149
Киммерик, древний город 231
Кирилловская стоянка 113
Кишла-Неджимова — см. Оселовка
Кобадиан, археол. пам-ки (на терр. древн. Кобадиана) 490.
Кобуска-Веке, селище 299
Кодацкая стоянка 113, 129
Кой-Крылган-кала, гор-ще 506, 535
Коктебельское пос-ние 255
Колачковцы I, стоянка 113
Колесникова, хут., местонахожд. 126
Комаровская культура 197
Коренец, стоянка 161
Кормань (Томына), стоянка 113
Кормань (Умлинов), стоянка 113
Корниси (Сорты-Сар I), местонахожд. 394
Корчеватовский мог-к 279
Корчеватовского типа памятники 256, 279
Космырин, местонахожд. 113
Костенки, стоянки 144—146
Костянецкое пос-ние 286
Котловское гор-ще 273
Кош-Коба, стоянка 149
Кош-Оба, стоянка 516
Красная Глинка, местонахожд. 99, 134, 135
Красная Звезда, мог-к 196
Красный Яр, местонахожд. 113, 126
Крейдяный Майдан—см. Чулатово
Криуши, курганы 120
Круглик, стоянка 113
Куба-Сенгир, местонахожд. 515
Кузнецкий мог-к 606
Куйбышевская ГЭС, археол. пам-ки 99, 100
Кулинский мог-к 461
Кулламяги, пос-ние 169
Куня-Огурджа, пос-ние 506
Куня-Уаз, гор-ще 506, 507
Куня-Ургенч, древний город 506, 507
Курмойла, пос-ние и стоянки 121
Курт, пос-ние 290
Куртки, местонахожд. 515
Кызыл-ванкская культура 401
Кыласово гор-ще 83
Кюль-Тапа, пос-ние 401
Кяхта, г., местонахождение в районе 598

Лаврятское гор-ще 283
Лебяжье, местонахожд. 512
Лена, р., местонахожд. в бассейне 604
Ленковцы, курган 189
Липа, стоянка 113
Липчинская стоянка 597
Лисичники, стоянка 113
Лиственичное, пос-ние 592
Лужицкая культура 184
Лука-Врублевецкая, местонахожд. 113; мог-к 203; пос-ние 108—111, 292
Лукашевка, гор-ще 299
Луховицкое I (Полецкое), гор-ще 280
Льяловская культура 142
Льяловская стоянка 142
Ляпичев, хут., пос-ния 176

Маджар, древний город 471
Майорка, стоянка 113
Макарово, стоянка 604
Мало-Сундырское гор-ще 103
Малое Боровое оз., пос-ние 107
Малые Будки, мог-к 186
Мангуп, древний город 267, 293, 294, 317, 373, 382
Мангыт, погребения 493
Маринополо I, местонахожд. 113
Мариупольский мог-к 151, 152
Марьяновка, стоянки 113
Матвеев курган, местонахожд. 112
Машкауцы, гор-ще 299
Маштагинский клад 473
Медведь-Камень, стоянка 82
Мезин, стоянка 113
Мерв, древний город 501, 538, 582
Мешков, местонахожд. 113
Мингечаур, археол. комплекс 391, 408, 409, 420—422, 437
Миньевская стоянка 113
Млыныще, мог-к 184
Молодово, местонахожд. 113
Молочная, р., курганы в долине 199
Молчановский мог-к, 623
Москва, древний город 305, 306, 322, 369, 669
Мунчак-тепе 549
Мурзак-Коба, стоянка 119
Муромский мог-к 270
Мурча, гор-ще 532
Мысы, местонахожд. 134, 135

Наану, гор-ще 96
Намазга-тепе (Намазгар-депе), гор-ще 493, 501
Нарва, древний город 341
Нарва I и II, пос-ния 120
Нахшеб, археол. пам-ки 561
Неаполь Скифский, древний город 185, 206
Неволинский мог-к 84
Незвишки, местонахожд. 113
Ненасытец, местонахожд. 113
Нестаничи, местонахожд. 113
Нижнеадищевская I и II стоянки 107
Нижне-Герасимовский, хут., местонахожд. 126
Ниса, древний город 498, 501, 519, 521—524, 530, 532—534, 557, 580
Новая Ниса,—см. Ниса
Новгород, древний город 307—310, 313, 330, 336 а, 355, 367, 383, 385, 672, 690 ,691
Новгород-Северская стоянка 113
Новоклиновка II, местонахожд. 112, 113
Ново-Кувинский мог-к 389
Новоселка-Костюкова, стоянка 113
Новочеркасский клад 180
Нухур, гор-ще 568
Нюйская стоянка 604

Огланли, стоянка 516
Огурдинская стоянка 83

Ольвия, древний город 218, 219, 227—229, 232, 235, 236, 239—241
Ольгин Крест, курганы 120
Ольшанское гор-ще 301, 302, 304
Орен-Кала, древний город 471, 472
Осёловка, стоянка 113
Оситняжский мог-к 194
Осокоривка, стоянка 113
Отепя, гор-ще 96
Ошурковская стоянка 592, 601

Пазырыкские курганы 608, 618
Пантикапей, древний город 217
Панфиловская стоянка 161
Париз-депе, гор-ще 568
Пастырское гор-ще 264
Патара-Джихаишский клад 466
Патрона, погребения 592
Переволоки, местонахожд. и стоянки 107
Переяслав-Хмельницкий, древний город 333
Перынь, ур., святилище 366
Пещерный лог, местонахожд. 84
Питиунт — см. Бичвинтское гор-ще
Пицунда — см. Бичвинтское гор-ще
Плехановская стоянка 155
Плисиеск, древний город 361
Погон, стоянка 113
Подгорская культура 177
Подгремячинское местнахожд. 245
Покровщина — см. Пушкари
Полей погребений культура 259, 260, 262, 263, 292, 299
Поливанов Яр, пос-ние 137
Полуденка, р., курганы и стоянки 82, 83
Потчеваш, гор-ще и курганы 613
Потчевашская культура 613, 617
Пояна-Городка, гор-ще 299
Приобье, археол. пам-ки (Нижнее и Среднее) 595
Псков, древний город 682
Пудоро, оз., стоянка 154
Пушкари, стоянки 113
Пшеничная падь — см. Иркутская стоянка
Пянджикент, древний город 511, 540—542, 546, 547, 549, 551, 586—588

Рабочий Ров — см. Чулатово
Рипнев, пос-ние 361
Рогалик, стоянка 113
Родановская культура 283, 356
Рождественское гор-ще и мог-к 356
Рожнев, стоянка 113
Роменского типа пам-ки 256, 257
Руза, древний город 324
Рынок, стоянка 90
Рыуге, гор-ще 96

Сагварджиле, пещера, стоянка 392, 393, 395, 396, 440
Садовый Бор, стоянка 161
Сакажия, пещера, стоянка 398
Сакаровка, селище 299
Салехард, г., стоянка 614, 616
Самарканд, древний город 536, 559, 578, 580
Санаин, архит. комплекс 477
Сандраки, пос-ние 132
Саркел, древний город 276
Сарыкамыш, оз., остатки древн. ирригац. сооружений 507
Сатани-Дар, стоянка 399
Сатовле, мог-к 410
Свинухово, гор-ще 282
Святое оз., стоянка 142
Северский курган 434
Севсамора, древний город 406
Селище, пос-ние 189
Семибратнее гор-ще 404
Семибратние курганы 415
Скородум, мог-к и селище 83
Смоленск, древний город 302
Сопка, ур., пос-ние 121
Сороты-Сар — см. Корниси
Сортынья I и II, стоянки и гор-ще 597
Сосновый, о., пос-ния 592
Срубная культура 196, 201
Сталинабад, г., погребение 527
Сталинградская ГЭС, археол. пам-ки 98
Сталинградская стоянка 118
Старая Ниса — см. Ниса
Старая Рязань, гор-ще 280, 677
Староселье, стоянка 157
Старый Мерв — см. Мерв
Стриганцы, местонахожд. 113
Студеница, стоянка 113
Сульмен, местонахожд. 515
Сургун II, жертвенное место 597
Сухо-Чалтырское гор-ще 202
Сухумская гора, археол. пам-ки 423
Сюрень I, стоянка 116

Такалик-сай, местонахожд. 513
Талайхан-ата, архит. пам-к 507
Талицкого стоянка 84
Таллин, древний город 351, 371
Тарновка, пос-ние 99
Ташкент, древний город 539
Таштыкская культура 611
Тбилиси, г., погребения 425
Тверь, древний город 362
Тейшебаини—см. Кармир-Блур
Тельманская стоянка 144
Тенетинка, р., мог-к 194
Термезский клад 558
Тира, древний город 221
Токаревское селище 103
Тологой, гора, стоянка 601
Толстик, о-в, стоянка 107
Томына—см, Кормань
Топрак-Кала, гор-ще 508
Трипольская культура 61, 108—111, 122, 127, 128, 132, 133, 136, 167
Тузла, мыс, пос-ние 419
Тунгуз, п-ов, местонахожд. 100, 134, 135
Турбинский мог-к 84
Тургай, мог-к 623
Турийский клад 278

Уджарма, древний город 465
Узбой, древнее русло реки, археол. пам-ки 506
Ундорский, о-в, местонахожд. 134, 135

Уплисцихе, пещерные жилища 430
Усатовского типа пам-ки 131
Успенка (Белая Гора), местонахожд. 112, 113
Усрушана, археол. пам-ки (на терр. древней Усрушаны) 584
Усть-Гайвинский мог-к 84, 245
Устье-Зеленое, местонахожд. 113
Усть-Каменский мог-к 187
Усть-Куренга, мог-к 597
Усть-Лайский мог-к 623
Усть-полуйская культура 614, 615, 621, 622
Усть-Полуйское гор-ще 615, 616, 621
Усть-Чусовская стоянка 107
Усть-Юрюзанское пос-ние 130
Уфимский клад 268

Фанагория, древний город 230
Федоровская стоянка 129
Феодосия, древний город 222
Ферава, гор-ще 568

Херсонес, древний город 208—214, 224, 311, 321, 368
Хмелевая, местонахожд. 113
Холомониха, стоянка 161
Хотин, местонахожд. 113
Хртаноц, ущелье, мог-к 428
Хряшевка, с., археол. пам-ки 99, 190
Хулюм-сунт, стоянка 597

Царевка, гор-ще 299, 300
Центральное Гнёздовское гор-ще 302, 304
Цихисдзири, археол. пам-ки 439
Цихури, археол. пам-ки 390
Цугругашени, пам-к архит. 455

Чаплинский мог-к 124
Частинская стоянка 604
Чернигов, древний город 681
Черняховского типа пам-ки 256
Четата-Алба, древний город 221
Чировое оз., местонахожд. 603
Чувашский мыс — см. Потчеваш
Чуйнаволок, пос-ние 120, 121
Чулакские горы, наскальные изображения 497
Чулатово, стоянки 113
Чэс-тый-яг, стоянка 597

Шаартузский клад 560
Шартнейская стоянка 103
Шатрищенское гор-ще 280
Шахрисябз, древний город 550, 572, 580
Шахсенем, гор-ще 506, 507
Шехр-Ислам, гор-ще 532, 568
Широкая Балка, местонахожд.—см. Белояровка.
Широкая Балка, пос-ние 205
Ширяевское гор-ще 181
Шишкинская стоянка 604

Элькен-депе, гор-ще 501
Эмайыги, р., пос-ния в р-не устья 96, 169
Эмба, р., стоянки в бассейне 508
Эшери, мог-к 413

Юльяльское гор-ще 102, 103
Юринская стоянка 102

Якимовская — см. Рогалик
Якитикивеем, р., местонахожд. 603
Яма — см. Бабин I
Ямбург, стоянка 113
Ярбекир, гор-ще 508
Ясы-депе, гор-ще 501, 568

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Абибуллаев О. А. 401
Абилова Г. А. 402
Абрамова З. А. 598
Авдусин Д. А. 22, 301—305
Агеева Е. И. 486
Акимова М. С. 105
Акишев К. А. 518
Аладашвили Н. А. 441
Ализаде Г. М. 442, 443
Аликин Е. П. О нем: 78
Алпысбаев Х. А. Рец.: 536
Алферова Г. 306
Альбаум Л. И. 537
Альхамова З. А. 538, 539
Амиранашвили Ш. Я. 444, 663
Анфимов Н. В. 254, 403, 404
Апакидзе А. М. 405, 406
Аракелян Б. Н. 407
Аранчын Ю. Л. 607
Арембовский И. В. 599
Артамонов М. И. 170
Арутюнян В. 445

Арциховский А. В. 18, 23 42, 307—309, 664.
Асланов Г. М. 391, 408, 409
Астахов И. Б. 43, 44
Асылбаев А. А. 81
Афанасьев К. Н. 310
Бабенчиков В. П. 255
Бадер М. А. 71
Бадер О. Н. 72, 73, 82—86, 106, 107, 245, 246.
Бадриашвили М. М. 410
Бакрадзе А. К. 446, 457
Банк А. В. 311, 625, 626. Рец.: 627
Баранов И. Я. 608
Бартольд В. В. О нем: 77
Бахтадзе Р. А. 386
Бачинский Н. М. Рец.: 487
Бежуньская-Маловист И. 628
Беленицкий А. М. 74, 540, 541
Белов Г. Д. 208—213
Белова Л. Н. 214.
Бентович И. Б. 542

Береговая Н. А. 600
Березанская С. С. 171
Березовец Д. Т. 256, 257
Беридзе В. 447
Берс Е. М. 75
Бершадский Р. Ю. 665
Бибиков С. Н. 108—110
Бибикова В. И. 111, 601
Блаватский В. Д. 26, 215—217, 332, 411, 629
Блифельд Д. И. 258
Богусевич В. А. 312
Бокщанин А. Г. Рец.: 207
Болквадзе С. 457.
Болтенко М. Ф. 218
Болтунова А. И. Рец.: 412
Большаков О. Г. 587
Борисковский П. И. 45, 46, 112, 113, 125. Рец.: 52, 56
Борковский В. И. 313
Бортвин И. Н. О нем: 75
Брайчевская А. Т. 259
Брайчевский М. Ю. 260—265
Бретаницкий Л. С. 448. Рец.: 543
Бриткин А. С. Рец.: 338
Брунов Н. И. 305, 314. Рец.: 315, 630
Брюсов А. Я. 47, 48, 114. Рец.: 49, 52, 56, 631
Брюсова В. Г. 316
Булатов М. С. 544
Бунак В. В. 449
Бунин А. В. 632
Бураков А. В. 266
Бурдей Г. Рец.: 89
Бурковский К. 666
Быков А. А. 317

Вактурская Н. Н. 545
Варшавский А. 667. Рец.: 309, 680
Веймарн Е. В. 267
Векилова Е. А. 115, 116
Верещагин Н. К. 2, 601
Ветштейн Р И. 219
Винберг Н. А. 4
Волков Ю. А. 318
Володченко З. А. 319
Вольская А. И. 450
Воробьев М. В. 633, 634
Воробьев-Десятовский В. С. 635—637
Воробьева М. Г. Рец.: 509
Воронин Н. Н. 332, 668. Рец. 320, 372
Воронина В. Л. 546—550.
Вороновский Д. Г. 489
Вощинина А. И. 268
Выезжев Р. И. 3
Вязьмитина М. И. 172, 173, 519
Гайдукевич В. Ф. 321. Рец.: 220
Ганялин А. Ф. 520
Гарутт В. Е. 601
Гвоздовер М. Д. 117
Гегешидзе М. К. 451
Генинг В. Ф. 269
Гзелишвили И. А. 392, 393
Гинзбург В. В. 551
Гиршберг В. Б. 322
Глонти Л. И. 413
Глузман Г. А. Рец.: 675
Глухарева О. Н. 638, 639
Гобеджишвили Г. Ф. 414
Гогсадзе М. С. 452
Голенко К. В. 323
Голубева Л. А. 324
Горбатов Ю. Б. 19
Горбунова К. С. 415
Горюнова Е. И. 270
Граков Б. Н. 17, 174, 175
Грач А. Д. Рец.: 325
Греков И. Б. Рец.: 89
Григорьев М. Г. 669
Грищенко М. Н. 118
Громов В. И. 118 а. Рец.: 52
Громов И. М. 2, 119
Грязнов М. П. 176, 602
Гуревич Ф. Д. 271
Гурина Н. Н. 120, 121, 247, 248
Гюзальян Л. Т. 640

Давидович Е. А. 521, 539, 552—560
Давыдова А. В. 609
Даниленко В. Н. 122, 177
Дебец Г. Ф. 123. Рец.: 504
Денисов Е. Н. 326
Денисова М. М. 326
Джапаридзе В. В. 453
Джапаридзе О. М. 416—418
Диков Н. Н. 610
Дмитриев П. А. О нем: 72
Дмитриев С. Рец.: 89
Дмитриев Ю. Н. Рец.: 332
Дмитров Л. Д. 221
Добровольский А. В. 124, 178
Добрынин М. А. 641
Довженок В. И. 265, 272, 327
Дубровина Е. Т. 647
Дудзинская Е. Рец: 680
Дульзон А. П. 623
Дьяконов И. М. 522, 523
Дьяконов М. М. 74, 490, 522, 523, 642

Евтюхова Л А. 6. Рец.: 618
Елагина Н. Г. 179
Ершов С. А. 524
Ефименко П. П. 50—52, 87, 125
Ефимова А. М. 328
Ечеистова В. Б. 4

Жеромский Б. Б. 329

Забелина Н. Н. 491
Заднепровский Ю. А. Рец.: 492
Закарая П. П. 454, 455, 456
Замошкин А. И. 660
Замятнин С. Н. 126
Захарук Ю. Н. 127, 128
Збруева А. В. 76, 273
Зеест И. Б. 222, 419
Зезенкова В. Я. 493, 504
Зимин А. А. Рец.: 89, 330
Зотов А. Рец.: 332

Иванова А. П. 223
Иваньев Л. Н. 589, 599
Иессен А. А. 180
Изюмова С. А. 274
Ильин М. А. Рец.: : 331
Ильинская В. А. 181, 182
Ионе Г. И. 420, 421

Ионина З. С. 224
Исламов О. И. 569
Итс Р. Ф. 643
Ищериков П. Рец.: 268

Кабанов С. К. 525, 561
Казиев С. М. 422
Каландадзе А. Н. 394, 423
Канивец В. И. 183, 184
Капанадзе Д. Г. 424
Каралькин П. Рец.: 618
Карасев А. Н. 185
Каргер М. К. 333—336, 670
Карлов Н. Н. 129
Карышковский П. О. 225. Рец.: 226, 238
Каухчишвили Т. С. 458
Кафадарян К. Г. 54, 459
Киладзе Н. З. 395, 396
Кирьянов А. В. 10
Киселев С. В. 55, 644
Кислов М. Н. 336-а
Кларк Дж. Г. Д. 631
Книпович Т. Н. 227—229
Кобылина М. М. 230, 645
Ковальченко И. Рец.: 680
Колчин Б. А. 337, 338, 671, 672
Кононенко Г. 673
Конюхов Г. А. Рец.: 88
Копылов И. И. 526
Коридзе Д. Л. 425
Коровина А. Рец.: 403
Корыхалов П. Рец.: 89
Косвен М. О. 56
Костомарова Г. Д. 305
Косточкин В. В. 339—341
Крачковская В. А. 11, 77
Крижевская Л. Я. 130
Кропоткин В. В. 275, 370
Кругликова И. Т. 231
Крупнов Е. И. 90, 387
Кудряшов К. В. 276
Куликаускене Р. К. 277
Куссаева С. С. 460
Кухаренко Ю. В. 278
Кызласов Л. Р. 561 а, 611
Кюнер Н. В. 647

Лавров В. 512
Лавров Л. И. 461, 462. Рец.: 388
Лагодовская Е. Ф. 131, 132
Лазарев В. Н. 332, 342—344, 648, 649
Лебедев В. Д. 91
Лев Д. Н. 513
Левашева В. П. 463
Леви Е. И. 232
Левин М. Г. 494, 612
Левина В. А. 562—564
Лившиц В. А. 522, 523, 527
Лисицына Н. К. 92
Литвинский Б. А. 495, 496, 539, 565—569
Лихачев Д. С. Рец.: 309
Ломинадзе Б. Р. 464
Ломоури Т. Н. 466
Ломтатидзе Г. А. 465
Лорткипанидзе М. Н. 426
Любин В. П. 397
Ляпунов Б. В. 674
Ляпушкин И. И. 93

Маамяги В. А. 57
Мавродин В. В. Рец.: 296
Майсурадзе З. П. 467
Максимов Е. В. 3
Максимова А. Г. 514
Мамолат Е. 345
Маракуев А. В. 590
Мариковский П. И. 497
Марк К. Ю. 94
Марковин В. И. 427
Мартиросян А. А. 428
Маруашвили Л. И. 468
Массон В. М. 498, 528, 529
Массон М. Е. 499—501, 530, 539, 570—572
Матье М. Э. 650
Махно Е. В. 186, 187, 279
Медведев А. Ф. 346, 347
Меликишвили Г. А. Рец.: 429
Меликсет-Беков Л. М. 469
Мелитаури К. Н. 430
Мелюкова А. И. 175, 188, 189
Мерперт Н. Я. 58, 100, 190, 348
Мерщиев М. С. 573
Мец Н. Д. 349
Мешкерис В. А. 531
Миллер И. Рец.: 89
Миллер Ю. А. 651
Минаева Т. М. 389, 470
Минкевич-Мустафаева Н. В. 471
Мовша Т. Г. 133
Моисеева К. 675, 676
Монгайт А. Л. 12 а, 280, 677. Рец.: 95, 338, 350, 652
Мончадская Е. А. 587
Моора Х. А. 96, 281, 351
Москаленко А. Н. 13, 97
Мочалов В. Д. Рец.: 89
Мошинская В. И. 613—617
Мунчаев Р. М. 431
Мухаммедьяров Ш. Ф. Рец.: 352

Наливкина М. А. 233
Нельговский Ю. А. 353
Никитин А. В. 354
Николаев А. Н. 653
Николаева А. Рец.: 309
Никольская Т. Н. 15, 282
Никольский В. К. 20
Нильсен В. А. 574
Ниорадзе Г К. 398
Новиков-Даурский Г. С. 591
Новосельский А. А. Рец.: 89

Оборин В. А. 78, 86, 283 356
Овезов Д. 532
Оганесян К. Л. 432
Окладников А. П. 45, 46, 249, 515, 516, 592, 603, 604. Рец.: 43, 678
Ольдерогге Д. А. 654
Ошанин Л. В. 503, 504, 575

Паничкина М. З. 134, 135, 399
Пассек Т. С. 61, 136, 137. Рец.: 110, 138
Пахомов Е. А. 473

Першиц А. И. Рец.: 56
Пидопличко И. Г. 62, 139
Пиккиев И. 679
Пиотровский Б. Б. 63, 433
Погребова Н. Н. Рец.: 191
Покровская Е. Ф. 192—194
Попова Т. Б. 195, 196
Порох И. Рец.: 89
Портнов М. Э. 326
Постникова-Лосева М. М. 357
Потапов Л. П. 593
Потоцкий С. П. 140
Прибыткова А. 576
Прокошев Н. А. О нем: 76
Пугаченкова Г. А. 533, 534, 572, 577—579, 655

Рагимов А. В. 474
Ранов В. А. 517
Раппопорт П. А. 359
Раскатов Г. И. 141
Ратич А. А. 360, 361
Раушенбах В. М. 142
Ремпель Л. И. 505, 581
Рикман Э. А. 362
Рогачев А. Н. 143—146
Розанова Н. П. 234
Розенфельдт Р. Л. 363
Рубин В. А. 656, 657
Руденко С. И. 618
Рудинский М. Я. 147
Румянцев Г. Н. 594
Румянцев Е. А. 27
Рыбаков Б. А. 66, 284, 332, 681
Рыбалова В. Д. 197
Рыгдылон Э. Р. 605, 619, 624

Савостьянова О. И. Рец.: 658
Саинян А. 475
Сарианиди В. 582
Сахаров А. М. 365
Седов В. В. 366, 367
Семенов С. А. 148—150.
Синицын И. В. 98
Скржинская Е. Ч. Рец.: 368
Славин Л. М. 235
Смирнов А. П. 79, 99, 100, 285
Смирнов К. Ф. 198, 434. Рец.: 620
Смирнова Н. Д. 659
Смирнова О. И. 583—585
Смишко М. Ю. 286, 287
Снегирев В. А. 369
Соболев И. Н. 236
Соколова З. П. 107, 246
Соловьев М. Рец.: 680
Соловьева Г. Ф. 288, 370
Сорокин В. С. 67
Ставиский Б. Я. 586, 587
Станкевич Я. В. 289
Столяр А. Д. 29, 151, 152
Стржелецкий С. Ф. 211, 212
Стубав А. Рец.: 101
Суров Е. Г. Рец.: 237
Сымонович Э. А. 290

Талицкая И. А. 595
Талицкий М. В. О нем: 71
Тараканова С. А. 371, 682
Твелькмейер Л. Б. 30, 31
Тверской Л. М. 372
Телегин Д. Я. 153
Тереножкин А. И. 199, 200
Тимощук Б. А. 291
Тиханова М. А. 292—294, 373
Тихомиров М. Н. 309. Рец.: 89
Тихонов Б. Г. 250
Токарев С. А. 596
Толстов С. П. 506—508, 535
Толстой И. И. 238
Топорков С. Н. О нем: 73
Трапш М. М. 435
Тревер К. В. 436
Третьяков П. Н. 68, 295—297, 683
Трубникова Н. В. 33, 251, 252
Тюляев С. И. 660

Удальцов А. Д. 69
Ураносов А. А. 374
Успенская А. В. 375—377

Федоренко П. Рец.: 338
Федоров В. В. 154—156
Федоров Г. Б. 34, 298, 299, 300, 684, 685
Федорова Р. В. 35
Фехнер М. В. 378
Филин Ф. П. Рец.: 64
Филиппова О. В. 686
Фоменко В. П. 437
Формозов А. А. 157, 158, 201. Рец.: 60, 159
Фосс М. Рец.: 160
Фурманская А. И. 239—241

Халиков А. Х. 253
Халпахчьян О. 476, 477
Хахутайшвили Д. Х. 438
Хмельницкий С. Г. Рец.: 487
Хованская О. С. 379
Ходжаш С. И. 661
Хоштариа Н. В. 400, 439

Цапенко М. П. 662
Цветкова И. К. 161
Цибадзе О. В. 478
Цинцадзе В. Г. 479
Цицишвили И. Н. 480
Цкитишвили Г. Г. 440

Черменский Е. Рец.: 89
Чернецов В. Н. 597, 617, 621, 622. Рец.: 618
Черныш А. П. 162—166. Рец.: 113
Чернышев Н. А. 606
Чубарова Р. В. 102, 103
Чубинашвили Г. Н. 481
Чубинашвили Н. Г. 482
Чубинишвили Т. Н. 390
Чудный В. Рец.: 403

Шагинян М. С. 687
Шапошникова О. Г. 167
Шаревская Б. И. 70
Шейнина Е. Г. 588
Шелов Д. Б. 36, 202, 242 243. Рец.: 244
Шервашидзе Л. А. 483
Шилов В. П. 609

Шишкин В. А. 574
Шлеев В. В. Рец.: 484
Шовкопляс И. Г. 37, 38, 39, 87, 203, 688
Шоков А. Ф. 32
Шофман А. С. 40
Шрамко Б. А. 204
Штительман Ф. М. 205
Шульц П. Н. 104, 206

Щепкина М. В. Рец.: 309

Эдинг Д. Н. О нем.: 79
Эльфонд Я. Рец.: 89

Юрьев К. Б. 601
Юсупов Г. В. 380

Яблонский Д. Н. 381
Якимов В. П. 41, 168
Якобсон А. Л. 212, 213, 382
Якубовский А. Ю. 511. О нем.: 74, 80
Якубцинер М. М. 689
Янин В. Л. 383—385, 664, 690, 691
Янитс Л. Ю. 169
Янковская Н. Б. 646
Яралов Ю. 485
Яцунский В. К. Рец.: 89

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник Древней истории
ВМГ — Вестник Музея Грузии
ВМГУ — Вестник Московского Государственного университета
ГИМ — Государственный исторический музей
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
Дело АК — Дело Археологической комиссии
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАИ — Известия Археологического института при Болгарской Академии наук
ИАК — Известия Археологической комиссии
Изв. АЗКОМСТАРИС — Известия Азербайджанского комитета старины и искусства
Изв. Аз. ФАН СССР — Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР
Изв. АН Аз. ССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
Изв. ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ИЯИМК Груз. ФАН СССР — Известия Института языка, истории материальной культуры Грузинского филиала Академии наук СССР
ИИД — Известия на историческото дружество в София
ИКОМАО — Известия Кавказского отделения Московского археологического общества
ИООИА — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии, этнографии и археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАО — Российское археологическое общество
РГО — Русское географическое общество
РП — Разкопки и проучвания
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
Труды СУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии

Труды АС — Труды археологического съезда
УЗГТУ — Ученые записки Государственного Томского университета
УЗМГУ — Ученые записки Московского Государственного университета
ФАН — Филиал Академии наук
AH — Archaeologia hungarica
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JPEK — Jahrbuch für prehistorische und ethnographische Kunst
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
VBGAEU — Zeitschrifte für Ethnologie, Varhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. Я. Брюсов. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы 5
А. Я. Брюсов. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе 14
П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы 29
В. П. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества 71
Н. И. Сокольский. Валы в системе обороны Европейского Боспора 91
С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры 107

Материалы и доклады

К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. 135
А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя 178
К. В. Сальников. Кипельское селище. 193
К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье 209
Т. Н. Троицкая. Погребение у села Белоглинки 222
В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл. 232
А. А. Гаврилова. Раскопки второго Катандинского могильника . . 250
Г. А. Ломтатидзе. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии. 269
К. В. Голенко. Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. 290

Критические статьи и рецензии

С. Н. Руденко. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок. 301
А. А. Формозов. С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Изд. Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1954. 307
Е жи Веловейский. Hans Jürgen Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. I. Hamburg, 1951 . . 310
Д. С. Лихачев А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Академия наук СССР, ИИМК. Изд. АН СССР, М., 1954. 324

Библиография

Н. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1953 г. 335
Указатели археологических памятников и авторов, упоминаемых в археологической литературе за 1953 г. 373
Список сокращений 382

Советская археология, том 27

*

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

Редактор издательства *Б.С.Шохет* Технический редактор *Т. А. Прусакова* Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 127—83В Сдано в набор 14/IX 1956 г. Подп. в печать 9/IV 1957 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Т-03156 Печ. л. 24=32,88 Уч.-изд. лист. 33,5 Тираж 1600. Изд. № 1511
Тип. зак. 1023
Цена 21 р. 60 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
158	1 сн.	дохаладского	дохалдского
169	26 св.	Хаченатетском	Хаченагетском
264	8 сн.	ольцевидные	Кольцевидные
335	11 сн.	Соркина	Сорокина
356	29 св.	Бакус	Баку